

Г. Л. Соболев

ТАЙНЫЙ СОЮЗНИК

РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И ГЕРМАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. Л. Соболев

ТАЙНЫЙ СОЮЗНИК

Русская революция и Германия
1914–1918

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

ББК 63.3(2)524+63.3(2)6
С54

Рецензенты: д-р ист. наук *Н. Н. Смирнов* (Петерб. ин-т истории РАН),
д-р ист. наук *М. В. Ходяков* (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Соболев Г. Л.

С54 Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. — 476 с.
ISBN 978-5-288-04819-7

В книге рассматривается целый ряд запутанных и пристрастно освещенных в современной исторической литературе вопросов: насколько были обоснованными выдвинутые еще в 1917 г. обвинения против большевиков в «преступных сношениях» с Германией? Был ли Ленин на самом деле немецким агентом? Какую роль в действительности сыграли Генеральный штаб Германии и немецкие дипломаты в возвращении русских эмигрантов в Россию? Какова была реальная финансовая помощь большевикам со стороны Германии в годы Первой мировой войны? Имел ли место «германский фактор» в Февральской и Октябрьской революциях? Кто был больше заинтересован в заключении сепаратного мира: Советская Россия или Германия? Был ли Брестский мир результатом немецкой дипломатии с позиции силы или тайным сговором с большевиками? Какова общая сумма, полученная большевистским правительством от Германии?

Отвечая на эти вопросы, автор опирается на обширный комплекс документов, опубликованных в последние годы как за рубежом, так и в нашей стране; рассматривает самые разные точки зрения — как объективно научные, так и политизированные, конъюнктурные. Автор приходит к выводу, что финансовая помощь Германии, оказанная большевикам через подставных лиц, не играла существенной роли в их приходе к власти.

Работа адресована не только специалистам, но и всем интересующимся историей России 1914–1918 гг.

ББК 63.3(2)524+63.3(2)6

© Г. Л. Соболев, 2009
© Издательство С.-Петербургского государственного университета, 2009

ISBN 978-5-288-04819-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
<i>Глава первая.</i> Источники вдохновения и фантазии на тему	7
1. Документы, подлоги и мистификации	—
2. Исследования, разоблачения, обвинения	32
<i>Глава вторая.</i> От германофильства к борьбе с «германизмом»	54
1. Борьба с «немецким засильем»	62
2. Германская агентура в России: реальная опасность и шпиономания	81
3. Проблема сепаратного мира в тайной дипломатии германского и русского дворов	99
<i>Глава третья.</i> Ленин и Парвус: непримиримые противники или тайные союзники?	110
1. «Меморандум доктора Гельфанда» или как устроить революцию в России	115
2. Ленин: «... все мои помыслы о революции. ...»	138
<i>Глава четвертая.</i> «Запломбированный вагон»: история в документах без ретуши	157
1. В поисках путей возвращения в Россию: инициативы эмигрантов	159
2. Фон Ромберг: «...мы хотим пойти им навстречу»	172
<i>Глава пятая.</i> «Германский фактор» в политической борьбе в России весной—летом 1917 г.	194
1. Русская революция в расчетах и действиях Германии по достижению сепаратного мира	196
2. «Мирная пропаганда ленинцев»	212
3. Антибольшевистская кампания в Петрограде весной—летом 1917 г.	228
<i>Глава шестая.</i> «Переломный пункт» Русской революции	247
1. Большевистский пугач или стихийное выступление масс?	252

2. «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы!»	266
3. Обвинения, улики, опровержения	280
<i>Глава седьмая. Большевики выходят из политической изоляции</i>	<i>314</i>
1. Реванш большевиков в дни борьбы с корниловщиной	316
2. Радикализация рабочих и солдат	329
<i>Глава восьмая. «Да здравствует международный мир!»</i>	<i>355</i>
1. Спонсоры мира и войны: явные, тайные и вымышленные	358
2. В. И. Ленин: взять власть, чтобы тотчас предложить демократи- ческий мир	372
<i>Глава девятая. «Сепаратный аннексионистский мир»</i>	<i>409</i>
1. Рихард фон Кюльман: «... было бы неблагоприятно с нашей сто- роны делать предложения о мире»	413
2. Брест-литовские переговоры: дипломатия с позиции силы или тай- ный сговор?	423
3. Грабительский мир или революционная война?	446
Вместо заключения	466

История, по-видимому, только тогда и нравится, когда представляет собой трагедию, которая становится томительной, если ее не оживляют страсти, злодейства и великие невзгоды.

Вольтер

От автора

Сегодня было бы наивным отрицать, что политические партии могут обойтись без финансовой поддержки, особенно если они претендуют быть серьезной политической силой и победить в борьбе за власть. Не секрет также, что на исход этой борьбы всегда стремились повлиять внешние силы. Так было и в дореволюционной России, где политические партии получали по разным каналам финансовую помощь из-за границы. Хотя все это делалось в глубокой тайне, которая обрастала слухами и домыслами, со временем становились известны подлинные факты и документы. Особенно ярко это проявилось в годы Первой мировой войны, когда страны Антанты, с одной стороны, и Германия с Австро-Венгрией — с другой, в достижении своих целей сделали ставку на те или иные политические силы в России, оказывая им финансовую помощь. Укажем здесь в качестве примера на установленный факт финансирования правых социалистов-революционеров в 1917 г. директором Федерального резервного банка Нью-Йорка У. Томпсоном, находившимся тогда в Петрограде во главе миссии американского Красного Креста¹.

Вопрос о финансировании большевиков Германией в годы Первой мировой стал широко обсуждаться у нас только в последние годы XX в. Неудивительно поэтому, что эта закрытая для обсуждения в Советском Союзе тема остается одной из наиболее запутанных и политизированных в нашей новейшей истории, о чем мне уже

¹ Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914–1917. Л., 1969. С. 358–359; Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 90–91.

приходилось писать ранее². С сожалением констатирую, что положение с ее изучением мало изменилось и в последние годы, хотя за рубежом появились важные документальные публикации и серьезные исследования. Внести ясность в этот запутанный вопрос мешает по-прежнему господствующий в современной отечественной литературе настрой, заранее обвинительный или оправдательный, нежелание принять во внимание аргументы обеих сторон. Неудивительно поэтому, что общественное мнение о «продавшихся немцам большевиках» формируется по преимуществу основанной на фальшивках и домыслах «исторической» публицистикой и такого же качества «документальными» фильмами.

Не претендуя на раскрытие «тайны века», я пытаюсь в своей книге ответить на вопрос, насколько обоснованы обвинения большевиков в «преступных сношениях» с Германией. Чтобы объективно ответить на него, необходимо изучить весь комплекс известных на сегодня документов и фактов, принять во внимание все достижения новейшей зарубежной и отечественной историографии. Главная трудность здесь состоит в том, чтобы не утонуть в этом море документов и мистификаций, фактов и мифов, не поддаваться соблазну пойти за источником, увидеть и услышать в нем то, что очень хочется в нем обнаружить. Разумеется, я не питаю особых иллюзий и разделяю мнение французского историка Люсьена Февра о том, что «несмотря на благие порывы, нет и не может быть истинного понимания там, где все отмечено печатью неизбежных и роковых симпатий и антипатий»³. Именно такой проблемой все еще остается история Русской революции.

²См., напр.: *Соболев Г. Л.* 1) Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002; 2) *Немецкий ключ к Русской революции // Россия в контексте мировой истории.* СПб., 2002; 3) *Русское общество и «германское золото» // Власть, общество и реформы в России.* СПб., 2004.

³*Февр Люсьен.* Бои за историю. М., 1991. С. 66.

Глава первая

ИСТОЧНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ И ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ

Поиски «немецкого золота» большевиков начались еще в 1917 г. Его искали разведчики и контрразведчики, юристы и авантюристы, политики и журналисты, историки и литераторы. И хотя тогда этого «золота» обнаружить не удалось, поиски продолжались и дальше. В результате за многие годы в печати появилось немало исследований и исследований, различного рода материалов и документов, мистификаций и фальсификаций. Мы попытаемся в этой главе проследить их появление в контексте исторической эпохи, выявить главных действующих лиц, определить их намерения и цели.

1. Документы, подлоги и мистификации

В марте 1918 г. видный американский журналист Артур Буллард, находившийся в России после Февральской революции в качестве доверенного лица советника президента США полковника Э. Хауза, подготовил меморандум «О германском золоте». Предназначенный тогда для строго служебного использования этот документ спустя много лет благодаря научным изысканиям известного американиста В. Л. Малькова стал достоянием общественности¹. Прежде чем познакомить читателя с этим несомненно заслуживающим внимания документом, следует сказать хотя бы кратко о его авторе. Занимаясь журналистикой, А. Буллард еще в начале XX в.

¹ *Мальков В. Л.* О «документах Сиссона» (находки в США) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 280–289.

проявил повышенный интерес к России, овладел русским языком, наблюдал своими глазами революцию 1905–1907 гг. Неудивительно, что и после Февральской революции он снова оказался в России, и будучи формально представителем Комитета общественной информации, выполнял секретное поручение полковника Хауза — периодически передавать по каналам дипломатической связи аналитические обзоры происходивших в России событий. Среди таких обзоров оказался и специально посвященный «германскому золоту», содержание которого выражалось в ряде тезисов.

1. Обвинение большевиков и Ленина в том, что они находились на «содержании» у Германии, не ново. Оно в виде слухов появлялось и исчезало и до октября 1917 г. После же прихода к власти большевиков «сомнительные по виду и таинственные фигуры» стали буквально осаждать союзнические миссии в России с предложениями продать информацию о «германском следе». При ближайшем ознакомлении выяснилось, что эта информация не дает оснований для однозначного вывода с любым знаком.

2. Новая вспышка старого скандала не за горами и соответствует самой природе русского революционного движения, представители которого всегда полагали, что «цель оправдывает средства».

3. Правильное понимание ситуации с «грязными деньгами» может быть составлено только в связи с историей революционного движения в России. Личный опыт Булларда, приобретенный в годы первой русской революции на посту секретаря «американского общества друзей русской свободы» еще до приезда в Россию, говорит о том, что многие выдающиеся представители русского демократического движения (Е. К. Брешко-Брешковская, Н. В. Чайковский, П. Н. Милюков) не гнушались получать финансовую поддержку американцев при прямом посредничестве Булларда. Во время русско-японской войны партия эсеров с согласия японского правительства и на деньги еврейских банкиров в Нью-Йорке вела агитацию против самодержавия в японских лагерях для русских военнопленных. . . Почти все революционные партии России открыто брали японские деньги. Они не гнушались брать и английские деньги, и англичане, в период русско-японской войны, относящиеся враждебно к России, также вложили большие деньги в русскую революцию, в частности, в транспортировку оружия. Иными словами, в период с 1905 по 1908 г. все революционные партии были «одной миррой мазаны. . .».

4. Ни одна из революционных, антицаристских партий, пропагандировавших поражение царизма после 1914 г., не была настроена прогермански. Действительно прогерманской партией в России была только дворцовая партия. Но именно потому, что антицаристские партии были настроены против кайзера, они легко соглашались использовать его деньги в собственных целях.

5. Едва ли Ленина занимал вопрос, откуда он получал деньги, и в то же время естественно, что немцы одобрительно относились к идее возвращения Ленина в Россию после революции. Получили ли они в обмен на согласие транспортировать Ленина на Восток какие-либо обещания, не имеет значения. Ленин все равно не чувствовал себя связанным ими. Конечно, для человека с Запада, оказавшегося в России, факт согласия большевиков взять деньги является доказательством того, что они — орудие в руках немцев. Для русского революционера все представляется иначе. Очень возможно, что Ленин принял деньги с намерением в подходящий момент «надуть» своих благодетелей. Одним словом, у немцев был свой расчет, у Ленина — свой.

6. Причиной снятия обвинения Временным правительством с сидящих в тюрьме большевиков является то, что эсеровская партия сама получала деньги от Антанты. Боясь скандальной огласки, ее руководители посчитали за благо снять вопрос с повестки дня.

7. Доказательства виновности большевиков в виде предания гласности документов было достаточно, чтобы любой американский штатный прокурор мог возбудить дело, но они не могли бы рассматриваться американским судом в качестве основания для разбирательства, а жюри присяжных вынесло бы свой оправдательный приговор за отсутствием необходимых улик.

8. Если даже большевики и получали «германское золото», их действия после того, как власть перешла к ним, показывает, что они перехитрили взяточдателей.

9. Генератором дела о «германском золоте» стала партия кадетов, которая финансировалась Антантой. Все материалы, поступившие в американское посольство, — из этого источника «Все они представляют собой копии с оригинала. Никто не видел оригинала»².

Вышукло представленная пронизательным и, как видно, хорошо

²Там же. С. 286–288.

информированным (даже по современным представлениям) Буллардом история вопроса о «германском золоте» была связана с только что попавшими в США материалами, которые в скором времени получат название «Документов Сиссона», и была предназначена для того, чтобы помочь американскому правительству определить к ним свое отношение. Дело в том, что вопрос о целесообразности публикации этих материалов вызвал неоднозначную реакцию президента В. Вильсона и государственного секретаря Р. Лансинга. Сам автор меморандума, по вполне понятным причинам, занимал нейтральную и осторожную позицию. «Если эта коллекция доказательств в лучшем случае и имеет какую-либо ценность или даже их аутентичность окажется признанной, — писал он, — все это ничего не докажет, кроме разве того, что большевистские лидеры в прошлом получали деньги из Германии». Вместе с тем Буллард признавал, что «как газетная сенсация в Америке эта история могла бы стать страшным ударом по пацифистскому движению»³.

Последнее обстоятельство определенно повлияло на окончательное решение данного вопроса. Как позднее замечал по этому поводу американский профессор Э. Саттон, «в 1918 г. правительство США захотело повлиять на мнение американцев после непопулярной войны с Германией, и документы Сиссона, драматически доказывая исключительную связь Германии с большевиками, обеспечивали дымовую завесу...»⁴. Еще более важным фактором, побудившим американское правительство пойти на эту акцию, было негативное отношение к произошедшей в России Октябрьской революции. Образование Советской республики, пишет американский историк С. Ленз, «было не просто еще одной проблемой для государственных деятелей западного мира, а проблемой совершенно иного порядка... Утверждение большевизма в России намного усилило, сделало более реальной другую опасность — опасность революции. Теперь западные лидеры вынуждены были защищать свою безопасность с двух флангов, а не с одного, как это было прежде. Это была отнюдь не радужная перспектива»⁵. Объяснение новой революции в России «торжеством германских интриг» хотя бы на время снимало «головную боль», отсюда такая заинтересованность

³ Там же. С. 288.

⁴ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция / Пер. с англ. М., 1998, С. 44.

⁵ Ленз S. The Futile Crusade. Chicago, 1965. P. 15.

правлящих кругов в появлении компромата на большевиков. Тем более, что американский посол Д. Фрэнсис еще 10 декабря 1917 г. сообщал из Петрограда в Госдепартамент: «Только что узнал из заслуживающего доверия источника, что правительство в Смольном находится под абсолютным контролем германского генерального штаба»⁶. Американский историк К. Лэш пишет по этому поводу: «Нужда поверить в это предположение объясняет сильный интерес в США к так называемым документам Сиссона, которые имели целью доказать, что большевики были тайными агентами Германии. Ни одна другая союзная держава не придавала этим документам такого внимания, какое они привлекли в США, где они были изданы огромным для того времени тиражом в 137 тыс. экз. Только в США они были опубликованы правительством, одобрены самим президентом, заявившим об их полной аутентичности, хотя на самом деле они свидетельствовали об обратном. Только в США их аутентичность была удостоверена известными историками и большинством прессы»⁷.

Сразу же после публикации «Документов Сиссона» в США осенью 1918 г. возникли серьезные сомнения в их подлинности. Однако из-за недоступности засекреченных оригиналов этих «документов» в течение многих лет вопрос оставался открытым. Первым и, насколько мне известно, единственным исследователем, державшим в своих руках эти оригиналы, попавшие в 50-е годы из Белого Дома в национальный архив США, был видный американский дипломат и историк Джордж Кеннан, глубокие наблюдения которого над текстом этих оригиналов привели к вполне определенным выводам и положили конец многолетним спорам о подлинности этих документов. Главный вывод, к которому пришел Кеннан в исследовании, опубликованном в 1956 г. в «Журнале современной истории», состоял в том, что «Документы Сиссона» были составлены человеком, хорошо осведомленным об исторических событиях в освещении прессы⁸. В результате анализа собранных Госдепартаментом документов по делу о публикации «Документов Сиссона»

⁶Papers Relating to the Foreign Relation of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. Washington, 1931. P. 289.

⁷Lasch Chr. The American Liberals and the Russian Revolution. New York, 1962. P. 81.

⁸Kennan G. The Sisson Documents // Journal of Modern History. 1956. Vol. XXVII. N 2. P. 134.

он установил, что подлинным автором этих документов был петроградский журналист, специализировавшийся на германской тематике, Ф. Оссендовский, сумевший при помощи своего посредника Е. Семенова (Когана) убедить в их подлинности американского разведчика Э. Сиссона, который и приобрел их в марте 1918 г. за 25 тыс. долларов. Изучение образцов машинописи оригиналов привело Кеннана к выводу о том, что «документы якобы из русских источников были в действительности изготовлены в том же самом месте, где и документы, претендующие на то, что они исходят от германских учреждений — это признак обмана»⁹. Особенно убедительно он это показал на документах «Контрразведки при Ставке», которая должна была бы располагаться в Могилеве, а ее документы были почему-то написаны на тех же машинках, что и документы «Комиссара по борьбе с контрреволюцией и погромами» и «Разведовательного бюро Большого Генерального штаба», находившимся в Петрограде.

К этому остается добавить, что известный петербургский историк В. И. Старцев, признанный специалист в области источниковедения, работая в 90-е годы в Национальном архиве, обнаружил несколько десятков «документов», аналогичных «документам Сиссона». Проанализировав структуру и содержание обнаруженных в фонде Госдепартамента США документов, Старцев не только доказал их органическое сходство, но и указал на единый источник их происхождения — «мастерская» Ф. Оссендовского. Этот талантливый мистификатор, как установил Старцев, с ноября 1917 г. по апрель 1918 г. изготовил около 150 поддельных документов о «германо-большевистском заговоре»¹⁰. Им использовались напечатанные поддельные бланки с угловыми штампами трех германских учреждений: «Центрального отделения Большого Генерального Штаба Германии», «Генерального Штаба Флота открытого моря Германии» и «Разведовательного бюро Большого Генерального Штаба» в Петрограде. Ни одного из этих учреждений в Германии или в России в действительности не было. В связи с этим американский исследователь Э. Саттон писал: «Даже из поверхностного обследования германского бланка становится ясно, что лица, изготавлившие эти подделки, были крайне неосторожны, возможно, рабо-

⁹ Ibid. P. 142–143.

¹⁰ Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001. С. 14, 157–175, 189–201 и др.

тая на легковверный американский рынок. Немецкий текст усыпан ошибками, граничащими со смешными...»¹¹.

Казалось, после такой убедительной критики «Документы Сиссона» были настолько скомпрометированы, что должны были быть выведены из исторических источников. Если в западной историографии это так и произошло, то в России в 90-е годы они обрели свою вторую жизнь. Впервые познакомившиеся с «Документами Сиссона», публицисты, журналисты, писатели и даже историки нашли в них, как будет далее показано, неисчерпаемый кладезь сенсационных фактов и обвинений против большевиков как агентов германского генерального штаба. Далеко не последнюю роль в этом сыграло постоянное стремление советского руководства уберечь общественность и историков от тлетворного влияния западной пропаганды. С «Документами Сиссона» даже исследователь мог познакомиться в спецхране по письму-отношению из научного учреждения. О существовании русской версии «Документов Сиссона», опубликованной в Вашингтоне в 1919 г. под названием «Немецко-большевистская конспирация»¹², советские историки даже не подозревали. Разумеется, «Документы Сиссона» являются далеко не единственным подложным источником о «германско-большевистском заговоре». В этом можно убедиться обратившись к опубликованному в 1926 г. в издательстве Народного комиссариата иностранных дел сборнику «Антисоветские подлоги: история фальшивок. Факсимиле и комментарии». Современным открывателям «секретного» Ленина было бы полезно познакомиться с почитательной историей публикации подложного письма Ленина, датированного 21 июня 1921 г. и адресованного проживавшему в Берлине хорошо знакомому по швейцарской эмиграции¹³. Ознакомившись с поступившим от агента «письмом» еще до его публикации в газете «Рижский курьер», Ленин отреагировал на него немедленно. «Т. Чичерин, — писал он 27 июля 1921 г. наркому иностранных дел. — Это подлог. Кто прислал? Что предпринять? Верните с

¹¹ Саттон Э. Указ. соч. С. 43.

¹² Немецко-большевистская конспирация // Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания / Сост. В. И. Кузнецов. СПб., 2001.

¹³ См.: Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 7–13.

ответом»¹⁴. Чичерин незамедлительно ответил: «Возвращаю Вам “подлог”». Этот материал получается через Стокгольм. Не ручаюсь, что осведомитель сам не выдумал. Этот подложный документ никогда и нигде не был опубликован. Так что нечего его опровергать. Мы несчетное число раз заявляли, что теперь находится в обращении масса приписываемых нашим деятелям подложных документов. Если этот подлог где-нибудь попадет в печать, тогда займемся опровержением, но не за Вашей подписью, а просто от “Роста”»¹⁵. По ознакомлении с ответом Ленин распорядился передать это «письмо» в архив, где оно находилось в его фонде на секретном хранении вплоть до середины 1990 г. Тем не менее на этом основании еще нельзя считать это «письмо» подлинным. Здесь мы полностью разделяем мнение В. П. Козлова, который считает, что «для Ленина “письмо”, очевидно, представляло исторический интерес, как отражение представлений о нем в среде его политических противников»¹⁶. Как потом выяснилось, таких «документов» в секретном фонде Ленина оказалось немало, но, увы, от длительного хранения они не стали подлинными.

Появление и распространение подложных документов о продавшихся немцам большевиках было одной из форм политической борьбы против пришедших к власти Ленина и его сторонников. Все они имели своей целью показать широким массам неприглядное лицо новых правителей России, удовлетворить интерес общественности к этой закрытой для нее теме. «Фальсификации всегда обостряют наши представления об известных исторических явлениях, событиях, действиях и мыслях людей, позволяя выявить дополнительные черты их характеристик, — пишет известный историк-источниковед В. П. Козлов. — В подлогах, как в капле воды, отражаются не только исторические процессы, современные времени их изготовления, но в случае реанимации фальсификаций даже после разоблачения — современные и периодам их бытования, неожиданного “возвращения” из небытия»¹⁷.

Ярким примером такого «возвращения из небытия» являются так называемые «документы российской контрразведки». Особое впечатление на любителей сенсаций произвела «Сводка российской

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 13.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 4.

контрразведки, составленная из циркуляров Генерального штаба и Министерства иностранных дел», которая была «открыта» ими в бывшем Центральном партийном архиве¹⁸. Сам факт обнаружения этих «документов» в «секретном» фонде Ленина стал для таких специалистов по разоблачению большевиков как германских агентов единственным доказательством их подлинности.

Не задаваясь вопросом о происхождении этих документов, их подлинности и достоверности содержащихся в них сведений, эти авторы щедро черпают из них «факты», делают смелые выводы и строят целые концепции. Познакомившийся в архиве со «Сводкой российской контрразведки» А. А. Арутюнов, характеризующийся на обложках его сенсационных произведений не иначе как «известный историк и публицист», сразу же установил, что «значение содержащихся в ней документов трудно переоценить. Они чрезвычайно важны для установления истины самых драматических и трагических событий истории России и доказательства предательской деятельности Ленина и его сообщников в пользу кайзеровской Германии»¹⁹. Если это действительно так, то Арутюнов должен был бы прежде всего выяснить подлинность этих документов и их связь с другими, уже опубликованными источниками, а уж потом делать на их основании далеко идущие выводы. Тогда он обнаружил бы, что «Сводка российской контрразведки», составленная якобы из «циркуляров Генерального штаба и министерства иностранных дел Германии», опубликована почти полностью еще в 1918 г. Э. Сиссоном в его брошюре «Германо-большевистский заговор», на которую он многократно ссылается в своей книге. Но в данном случае Арутюнов почему-то «не заметил», что Сиссон в приложении к основной части брошюры напечатал «Документы, распространяемые антибольшевиками в России», те самые, которые Арутюнов «открыл» в «секретном фонде» Ленина. При этом Сиссон признавал, что «большое число подобных комплектов на русском языке было выпущено в Петрограде и в других местах России оппонентами большевиков зимой 1917–1918 гг.»²⁰. По свидетель-

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 4. Оп. 3. Д. 52.

¹⁹ Арутюнов А. А. Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. М., 2002. С. 74.

²⁰ The German-Bolshevik Conspiracy / Issued by the Committee on Public Information. 1918. P. 26.

ству находившегося тогда в Петрограде американского журналиста А. Булларда, после прихода в октябре 1917 г. к власти большевиков союзнические миссии в России стали получать многочисленные предложения купить документы о связях большевиков с Германией²¹.

Неудивительно поэтому, что один из таких экземпляров «документов» под названием «Документы, находящиеся в российской контрразведке» попал в петроградскую Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека), где он хранится по сей день в «Русском фонде»²². Хотя составитель сборника «Тайна Октябрьского переворота» В. И. Кузнецов и считает, что эти «машинописные документы» требуют «специальной экспертизы», тем не менее он приводит их в качестве одного из доказательств «секретной германо-большевистской аферы»²³. Но прежде чем обратиться к экспертизе всех этих документов, следует отметить действительно удивительный и важный факт: один экземпляр таких документов достиг в апреле 1918 г. берегов Америки и был конфискован в Нью-Йорке сотрудником почтовой цензуры при досмотре багажа прибывшей на пароходе из России Л. Никифоровой, жены одного из российских специалистов, работавших в США. Конфискованный экземпляр, призывавший «способствовать наибольшему распространению» и озаглавленный «Документы о работе немцев, перехваченные в разное время и в разных местах и находившиеся в российской контрразведке», был передан по назначению в Госдепартамент. Позднее их обнаружил в Национальном архиве США известный петербургский историк В. И. Старцев, опубликовавший их как «Документы Никифоровой»²⁴.

Таким образом, нам известны сегодня, по крайней мере, четыре комплекта «документов», претендующих на то, что они принадлежат российской контрразведке: машинописные тексты на русском языке — «Сводка российской контрразведки» и «Документы, находящиеся в российской контрразведке», хранящиеся в РГАСПИ и РНБ, «Документы Никифоровой», представляющие собой копию фотостата русского машинописного текста, обнаруженные

²¹ Мальков В. Л. Указ. соч. С. 283–284.

²² Российская национальная библиотека (РНБ). Русский фонд. № 37582. 348.

²³ Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания / Сост. В. И. Кузнецов. СПб., 2001. С. 351.

²⁴ Старцев В. И. Указ. соч. С. 267–275.

В. И. Старцевым в Национальном архиве, и английская версия этих «документов», попавшая в феврале 1918 г. к американскому разведчику Э. Сиссону и опубликованная им в том же году от имени Комитета общественной информации США.

Поскольку современные искатели «германского золота» предпочитают не знакомиться с достижениями своих коллег и предшественников и верят только тому, что нашли сами, попробуем путем текстологического анализа обнаруженных ими новых «документов» ответить на вопрос, могут ли они считаться таковыми. Тем более, что выявленные комплексы «документов российской контрразведки» не были предметом специального рассмотрения. Все они по составу имеющихся в них «документов» идентичны и представляют собой по форме как бы переведенные на русский язык одним и тем же лицом циркуляры генерального штаба и Министерства иностранных дел Германии. Самые полные из них — «Сводка российской контрразведки» и «Документы Никифоровой» содержат по 19 «документов», абсолютно совпадающих по содержанию и датировке начиная со 2 января 1914 г. и кончая 2 октября 1917 г.

Не имея здесь возможности проанализировать содержание всех 19 «документов российской контрразведки», остановимся на наиболее существенных из них, в особенности на тех, которые уже введены в «научный оборот» некоторыми авторами, полностью доверившимися этим «документам». Но прежде чем мы это сделаем, необходимо сказать о том общем впечатлении, которое они производят после знакомства с ними. Оно состоит в том, что начиная с первого документа невольно ловишь себя на мысли, что эти документы никогда и не переводились с немецкого языка, а были сразу же написаны на русском языке. В пользу такого предположения свидетельствует сам стиль этих «документов», типично русские построения фраз и словоупотребления, формы обращения и др. Однако обратимся теперь непосредственно к анализу содержания самых ярких «документов». Несомненно одним из них является циркуляр от 18 февраля 1914 г., адресованный «всем группам германских банков и по соглашению с Австро-Венгерским правительством “Остеррейхише-Кредитенанштальт”». В нем доводилось до сведения всех немецких банков, ведущих дела за границей, что «Имперское правительство признало крайне необходимым просить дирекции всех означенных кредитных организаций в срочном порядке учредить свои агентства в Люле, Халпранде и

Варде на границе с Финляндией, в Бергене и Амстердаме. Учреждение таких агентств необходимо для более действительного наблюдения за материальными интересами русских, французских и английских предприятий, что может потребоваться при некоторых обстоятельствах, изменяющих конъюнктуру промышленного и финансового рынка. Кроме того, усиленно рекомендуется дирекциям кредитных учреждений озаботиться установлением теснейших и совершенно секретных сношений с финляндскими и американскими банками. В этом направлении министерство позволяет себе рекомендовать шведский «Ниа-банкен» в Стокгольме, банкирскую контору «Фюрстенберг» и торговый дом «Вальдемар Ганзен» в Копенгагене, как предприятия, поддерживающие оживленные сношения с Россией»²⁵. Я специально процитировал почти полностью этот документ, чтобы не только показать не свойственный немецким документам стиль, но и характер заложенной в нем информации.

Дело в том, что среди действительно существовавших банков названа и банкирская контора «Фюрстенберг», которой не было и в природе. Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг) жил в то время еще в Польше, перебиваясь с хлеба на воду, и даже вынужден был просить денег взаймы у В. И. Ленина, перебравшегося с его помощью в Швейцарию²⁶. Только в 1915 г. Ганецкий объявится в Копенгагене и станет директором-распорядителем экспортно-импортной фирмы, принадлежавшей Парвусу. Откуда же тогда появилась в «циркуляре» банкирская контора «Фюрстенберг» и с какой целью? Источником ее появления стала антибольшевистская пресса июля 1917 г., в которой она фигурировала вместе с реально действовавшим «Ниа-Банкен». Появление же в этом ряду фантастической вымышленной банковской конторы «Фюрстенберг» должно было убедить, что коварная Германия, готовясь к Первой мировой войне, уже имела план использования в своих целях «предателей-большевиков» и потому заблаговременно обеспечила их финансирование в нейтральных странах. И надо признать, что автор этого документа сумел убедить в этом не только разведчиков, журналистов и политиков того времени, но и даже некоторых современных историков. Комментируя «циркуляр» от 18 февраля 1914 г., Арутюнов приходит к собственному выводу о том, что «так называемый польский социал-

²⁵ Документы, находящиеся в российской контрразведке. (РНБ. Русский фонд. № 37.582.348). Док. № 2.

²⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 7–8.

демократ Яков Ганецкий почти за восемь месяцев до начала Первой мировой войны нанимается в немецкую разведку для работы против России, заправляя банковской конторой»²⁷.

Обличение Германии как главного виновника и инициатора Первой мировой войны и финансирование ею лидеров большевиков в их подрывной деятельности против России — основная тема «документов российской контрразведки». Но они, имея «благородную» цель — скомпрометировать Германию и ее «приспешников — большевиков», содержат грубые «проколы», свидетельствующие о том, что «документы» создавались ретроспективным методом, значительно позднее тех событий, о которых в них шла речь. Циркуляр Генерального штаба Германии от 9 июня 1914 г., адресованный «военным агентам в государствах, смежных с Россией, Францией, Италией и Норвегией», извещал их о том, что «во всех отделениях германских банков в Швеции, Норвегии, Швейцарии и в С.А.С. Штатах открыты специальные военные кредиты на вспомогательные нужды войны» и предлагал «пользоваться в неограниченном размере этим кредитом для уничтожения неприятельских фабрик, заводов и важнейших военных и гражданских сооружений»²⁸. Но, спрашивается, как в июне 1914 г., до начала войны, можно было в точности знать, какие именно страны останутся нейтральными? Как объяснить тот странный факт, что в составе антигерманской коалиции значится и Италия, в то время как в июне 1914 г. она была членом Тройственного союза и, следовательно, союзницей Германии? Объяснение может состоять только в том, что этот «циркуляр» составлялся позднее, когда Италия уже присоединилась к Антанте и стала союзницей России. Такой же ретроспективный характер носит и циркуляр Имперского банка представителям «Ниа-Банкен» и агентам «Дисконто-Гезельшафт» и «Дейч-Банк» от 2 ноября 1914 г. В нем сообщалось, что «в настоящее время закончены переговоры между полномочными агентами Имперского банка и русскими революционерами гг. Зиновьевым и Луначарским. Оба названных лица обратились к некоторым финансовым деятелям, которые, в свою очередь, обратились к нашим представителям. Мы согласны поддержать проектируемую ими агитацию и пропаганду в России, при одном неперменном условии, чтобы агитация и про-

²⁷ Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 75.

²⁸ Документы, находящиеся в российской контрразведке. Док. № 4.

паганда, намеченная вышеупомянутыми гг. Зиновьевым и Луначарским, коснулась армий, действующих на фронте. Если агенты Имперского банка обратятся к вашим банкам, просим открыть им необходимый кредит, покрытие коего будет совершено по первому вашему требованию в Берлине»²⁹. Опять же объяснить появление в «циркуляре» в одной связке Зиновьева и Луначарского можно только исходя из ситуации после 25 октября 1917 г., поскольку в 1914 г. Зиновьев вместе с Лениным жил в Швейцарии, а Луначарский во Франции сотрудничал с Троцким и Мартовым против Ленина и Зиновьева, вел фракционную борьбу в составе так называемых «отзовистов». Но этого не мог знать автор «циркуляра», далекий от внутривнутрипартийной склоки между российскими социал-демократами, но после 25 октября Зиновьев и Луначарский оказались вместе у власти. Примечание к этому «циркуляру» также выдает неосведомленность его автора в деталях жизни российских социал-демократов в эмиграции и их возвращения в Россию после Февральской революции. «Продав свои услуги Германскому Имперскому банку, — говорилось в этом примечании, — гг. Луначарский и Зиновьев-Апфельбаум совместно с другими большевиками тотчас же по приезде в Россию в «запломбированном» вагоне после революции стали исполнять свой контракт с Германским банком. С этой целью они начали проповедовать братанье с немцами, чем в корне разрушили мощь русской армии. . . »³⁰. Какие титаны — вдвоем разрушили мощь русской армии! Если иметь в виду, что в начале апреля 1917 г. в «запломбированном» вагоне из Швейцарии через Германию вернулся только Зиновьев, а Луначарский добрался до Петрограда спустя полтора месяца через Англию и Скандинавию вполне легально, то можно только удивляться, как им так быстро удалось сговориться и разрушить мощь русской армии.

Еще менее правдоподобным, даже фантастическим представляется так называемый «Приказ 2 марта 1917 г. представителям германских банков в Швеции». Редко кто из пишущих на тему о германском золоте большевиков отказывает себе в удовольствии процитировать и прокомментировать этот «убийственный» для лидеров большевиков «документ». Не откажем себе в этом и мы: «Настоящим доводим до сведения, что из России через Финляндию будут

²⁹ Документы Никифоровой. Док. № 6 // Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001. С. 269.

³⁰ Там же.

поступать требования на отпуск денег на цели пропаганды в России. Требования эти будут поступать от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса и Перкальна, счет которым был открыт в согласии с нашим предписанием за № 2754 в агентствах частных германских кредитных учреждений Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны быть скреплены одной из двух подписей: Диркау или Молькенберг. При наличии этих удостоверительных подписей требования вышепоименованных деятелей из России считать правильными и подлежащими немедленному исполнению»³¹. Содержательная часть этого документа вне всякой критики. Начать с того, что набор лиц, которым немцы платили «за пропаганду мира» в марте 1917 г., производил впечатление более чем странной комбинацией имен, к тому же они находились в то время в разных концах Европы и даже в Америке и оказались вместе только после прихода к власти большевиков. Неувязка и с датой об открытии счета — 2 марта 1917 г. по новому стилю: «документ» исходил от германской стороны. Получается, что распоряжение появилось за 10 дней до Февральской революции, успело попасть из Германии в Петроград, где было перехвачено Охранкой. Остается только гадать, как мог уцелеть именно этот «документ», когда весь архив Охранного отделения был разграблен и сожжен в дни Февральской революции? Но даже если поверить в его чудесное спасение, то почему российская контрразведка, располагая таким убийственным документом, не арестовала этих лиц в июле 1917 г., ведь улики в этом «документе» против них были самые прямые. Единственное объяснение, по моему мнению, состоит в том, что этот «документ» был изготовлен в качестве компромата на уже пришедших к власти большевиков. Судя по тому, что этот «приказ Имперского банка» отсутствует в «Сводке документов российской контрразведки», хранящейся в Российской национальной библиотеке, он появился позднее других «документов», чтобы стать ударным документом, проданным позднее американскому разведчику Сиссону.

Проведенный здесь даже выборочный анализ «документов российской контрразведки» 1914–1917 гг. дает основание полагать, что они, выражаясь научным языком, являются апокрифом, или, попросту говоря, подделкой на потребу политического момента. Ли-

³¹ Там же. Док. № 12. С. 272.

ца, получившие возможность с ними ознакомиться в «секретном» фонде Ленина в бывшем Центральном партийном архиве и профессионально не подготовленные к их критическому анализу, стали жертвами архивного фетишизма. В связи с этим нельзя не согласиться с высказанным мнением известного петербургского историка члена-корреспондента РАН Р. Ш. Ганелина, который определяет понятие архивного фетишизма как «расхожее представление, согласно которому само обстоятельство, что документ попал в архив, удостоверяет истинность его содержания, а уж если он был или стал секретным, сомнений в ней не может и быть»³². Между тем известно немало примеров того, что архивный источник содержал заведомо недостоверную информацию. В случае с «документами российской контрразведки» жертвами архивного фетишизма стали не только поверившие в их подлинность, но и действующие в них лица³³.

Только с появлением в 1958 г. английской публикации «Германия и революция в России 1915–1918»³⁴, основанной на документах МИД Германии, попавших к союзникам в конце Второй мировой войны, стало возможным начать серьезное изучение окутанной тайной и запутанной стремившимися в нее проникнуть проблемы взаимоотношений правящих кругов Германии с русскими революционерами. Правда, эти документы носят фрагментарный характер и не столь впечатляют, как «Документы Сиссона» и «Документы российской контрразведки». Неудивительно поэтому, что современные искатели «германского золота» большевиков по-прежнему предпочитают вдохновляться источниками, отвергнутыми западными исследователями. Теперь, когда опубликованные документы МИД Германии находятся не в спецхране, а доступны всем желающим с ними познакомиться — они напечатаны в переводе на русском языке³⁵, появилась возможность получить конкретное представление о

³² Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х годах. СПб., 2006. С. 116.

³³ Составитель сборника «Тайна Октябрьского переворота» В. И. Кузнецов уверен, что «Сводка российской контрразведки» «окончательно лишает Ленина почти мистического ореола неуловимого конспиратора» (Тайна Октябрьского переворота. . . С. 28).

³⁴ Germany and the Revolution in Russia 1915–1918. Documents from Archives from German Foreign Ministry / Ed. by Z. A. Zeman. London, 1958.

³⁵ См.: Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. Документы // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. Ред.-сост.

планах и действиях Германии в отношении русских революционеров как в эмиграции, так и в самой России.

Знакомство с опубликованными документами германского МИД показывает, что главной фигурой в отношениях между представителями Германии и русскими революционерами с самого начала был Парвус (А. И. Гельфанд), ставший тайным немецким агентом еще до Первой мировой войны. Впервые здесь опубликованный «Меморандум д-ра Гельфанда» содержит подробный план организации массовой политической забастовки в России весной 1916 г. с ее центром в Петрограде³⁶. Главная цель этой акции состояла в достижении сепаратного мира России с Германией, для чего Парвус среди прочих мер предлагал оказать «финансовую поддержку для группы большевиков в русской социал-демократической партии, которая борется против царизма», а также тем авторитетным русским социал-демократам и социал-революционерам в Швейцарии, Италии, Копенгагене и Стокгольме, которые выступают «за немедленные активные действия против царизма»³⁷. Как видно из документов, Германия положительно откликнулась на эти предложения³⁸. Показательно, что в документах МИД Германии не содержится сколько-нибудь убедительных сведений о стремлении лидеров большевиков и прежде всего Ленина к сотрудничеству с германскими представителями в Швейцарии. Активное содействие дипломатических и военных кругов Германии возвращению в Россию Ленина и его сторонников стало их первой реальной помощью, имеющей документальное подтверждение. Наиболее полная подборка документов об этом содержится в книге В. Хальвега «Возвращение Ленина. Документы», появившейся еще за год до выхода английской публикации³⁹. В 1990 г. эта книга вышла на русском языке⁴⁰.

Проделанный отечественным исследователем А. В. Ткачевым

Ю. Г. Фельштинский. М., 1995. С. 233–411; Тайные депеши из архивов МИД Германии // Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания / Сост. В. И. Кузнецов. СПб., 2001. С. 293–348.

³⁶ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны... С. 239–252.

³⁷ Там же. С. 251.

³⁸ Там же. С. 255–257.

³⁹ *Halweg Werner. Lenins Rückknr nach Russland 1917. Die Deutchsen Akten. Leiden, 1957.*

⁴⁰ Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990.

анализ книги В. Хальвега⁴¹ избавляет от необходимости на ней останавливаться. Как показывают документы МИД Германии, после Февральской революции германские правящие круги сделали ставку на «экстремистов», с которыми они в первую очередь ассоциировали большевиков во главе с Лениным. Однако вопрос о финансовой помощи большевикам до их прихода к власти из этих документов не столь очевиден, как это представляется некоторым историкам. Другое дело — после 25 октября 1917 г., когда Германия, крайне заинтересованная в заключении сепаратного мира с Россией, стала сразу же оказывать финансовую помощь большевистскому правительству, дабы оно удержалось у власти⁴². Эта помощь особенно усилилась после установления дипломатических отношений Советской России с Германией и прибытия в апреле 1918 г. в Москву германского посла графа Мирбаха⁴³. К сожалению, в интересной советской публикации «Документы германского посла в Москве Мирбаха»⁴⁴ сюжеты, связанные с финансовой помощью Германии Советской России, были опущены ввиду существовавшего тогда запрета на эту секретную тему.

В 90-е годы, когда цензура ушла в прошлое, на страницах отечественных журналов и газет появилась масса сенсационных «документов» все из того же старого арсенала. На этом фоне осталась почти не замеченной ценная публикация документов «Дело Ганецкого и Козловского», подготовленная известными архивистами Ю. Н. Амиантовым и Р. А. Ермолаевой⁴⁵. Как видно из этой публикации, возникшее летом 1917 г. персональное дело Я. С. Ганецкого в связи с появившимися в печати обвинениями в адрес В. И. Ленина и других руководителей большевиков «в преступных сношениях с Германией» было предметом неоднократного обсуждения в ЦК РСДРП (б). Однако в опубликованных протоколах ЦК РСДРП (б) за 1917 г. пункты, относившиеся к персональному делу Ганецкого,

⁴¹ Ткачев А. Делопроизводственные документы МИД Германии марта-апреля 1917 года как исторический источник // Политическая борьба в России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции: Межвуз. сб. научных трудов. Л., 1987. С. 19–34.

⁴² Германия и русская революция в годы Первой мировой войны... С. 336, 341, 406.

⁴³ Там же. С. 383, 384, 387, 391.

⁴⁴ Документы германского посла в Москве Мирбаха / Предисловие и комментарии С. М. Драбкиной // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 120–128.

⁴⁵ См.: Кентавр. 1992. № 1/2, 5/6.

были опущены как в первом издании (1929), так и во втором (1958). Хотя составители и мотивировали эти купюры недостаточно полным и ясным освещением этих вопросов в тексте протоколов, главная причина состояла в том, что все связанное с обвинением Ленина и большевиков в связях с Германским генеральным штабом, не могло появиться в советской печати (партийная тайна!). Ценность публикации Амиантова и Ермолаевой состоит во введении в научный оборот не только полностью восстановленных протоколов ЦК большевиков, но и материалов различных комиссий, создававшихся для рассмотрения дела Ганецкого. В связи с этим особый интерес представляет впервые публикуемое письмо К. Радека В. И. Ленину от 28 июня 1917 г. Отвергая выдвинутые против Ганецкого обвинения в спекуляции и контрабанде, Радек писал: «Раз считаем допустимым, чтобы члены партии занимались торговлей, то единственным ограничением можно считать только соблюдение общих правил юридического и морального характера. Если бы следовательно, рассматривая коммерческие книги Ганецкого, нашел малейшее доказательство того, что он занимается нечестной спекуляцией или контрабандой, то Ганецкий был бы отдан под суд. Понятно, что на нашу точку зрения влияет тоже глубокая уверенность, что Ганецкий занимался вообще торговлей не для личной наживы, а для того, чтобы помогать материально партии. Последние два года Ганецкий не одну тысячу дал нашей организации, несмотря на то, что все рассказы о его богатстве пустая сплетня...»⁴⁶. Можно только удивляться, как искатели компромата на большевиков прошли мимо такого документа.

Осталось не замеченным и основанное на документах французской разведки блестящее исследование С. С. Поповой⁴⁷. Она убедительно доказала, что французская разведка сыграла определяющую роль в сборе компромата на большевиков. Именно французский министр по делам вооружений социалист Альберт Тома, прибывший в апреле 1917 г. в Петроград, чтобы поддержать Временное правительство, убедившись в опасности антивоенной пропаганды большевиков, поручил своей разведке заняться последними. «Нужно дать правительству Керенского возможность не только

⁴⁶ Амиантов Ю. Н., Ермолаева Р. А. Дело Ганецкого и Козловского // Кентавр. 1992. № 1/2. С. 74–75.

⁴⁷ Попова С. С. Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 264–273.

арестовать, но и дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей, а для этого необходимо выяснить, при каких условиях противники революции смогли проникнуть на территорию новой Республики, откуда поступают деньги, которые они так легко раздают, и кто за ними стоит, — наставлял он французского атташе в Стокгольме. — По моим первым сведениям, ключ проблемы в Швеции. Срочно направьте все ваши поиски в этом направлении и держите русское правительство в курсе ваших действий и поисков»⁴⁸. Мы еще вернемся к «действиям и поискам» французской разведки.

Еще одна сенсационная публикация — «Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году» — принадлежит американскому историку С. Ляндресу, который напечатал ее в 1993 г. в нашем журнале «Отечественная история»⁴⁹. Сенсационность этой публикации состоит в том, что представляет собой документы из так называемых «особых папок» Секретариата ЦК и Оргбюро за 1923–1927 гг., которые свидетельствуют о том, что члены Заграничного бюро ЦК большевиков в течение 1917 г. неоднократно получали денежные субсидии от швейцарского социалиста Карла Моора. Как позднее выяснилось, Моор был «особо доверенным агентом» Германии и являлся в 1917 г. посредником в сношениях с заграничным бюро ЦК большевиков в Стокгольме. В опубликованных документах названы точные суммы полученных от Моора на партийные нужды субсидий в иностранной валюте — всего 113 926 шведских крон, или 32837 долл.⁵⁰ Возможно, искатели германских миллионов у большевиков будут удивлены и огорчены столь незначительной суммой, но ее ценность в том, что она зафиксирована в документах, которые, по мнению автора публикации, являются «на сегодня единственным строго документированным свидетельством получения большевистской партией денег от агента немецкого правительства в 1917 г.»⁵¹

К этому остается добавить, что полученные от Моора деньги, как и установил С. Ляндрес, в Россию не пересылались, а были использованы с ведома В. И. Ленина на организацию третьей Цим-

⁴⁸ Там же. С. 266.

⁴⁹ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году // Отечественная история. 1993, № 2. С. 128–142.

⁵⁰ Там же. С. 137–138.

⁵¹ Там же. С. 128.

мервальдской конференции, состоявшейся в сентябре 1917 г. «Принимая во внимание цели конференции и состав ее участников, — пишет в связи с этим С. Ляндрес, — можно с уверенностью сказать, что “немецкие деньги”, на которые она была устроена, были использованы в не меньшей степени против правительства кайзеровской Германии, чем против Временного правительства А. Ф. Керенского, предпринявшего неудачную попытку юридически доказать измену большевиков, организовавших на “немецкие деньги” антивоенную пропаганду в России»⁵².

Среди опубликованных в последние годы источников о «преступных сношениях большевиков с Германией» нельзя не обратить внимания на вышедший в 2001 г. сборник документов, статей и воспоминаний «Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор». Во-первых, по причине его сенсационного и претенциозного названия. Во-вторых, из-за состава публикуемых источников, поскольку в аннотации подчеркивается, что «многие материалы этого уникального сборника взяты из спецхранов, вчера еще сверхсекретных архивов, иностранных и белоэмигрантских источников». Наконец, в-третьих, из-за категорического утверждения составителя В. И. Кузнецова, что его сборник «должен помочь выяснению истины»⁵³. Увы, должен предупредить тех, кто еще не знаком с этим «уникальным сборником», все, что касается «сверхсекретных архивов», сильно преувеличено. Начать с того, что вступительная статья В. И. Кузнецова «Они предали Россию» не помогает добраться до истины, поскольку ее автор, давно и бесповоротно уверенный в своей правоте, безапелляционно выносит в ней окончательный приговор Ленину и другим предателям-большевикам. Отсюда и предпочтение, отдаваемое составителем так называемой «немецко-большевистской переписке», все тем же «Документам Сиссона», в подлинность которых он свято верит. Сам факт помещения в сборнике воспоминаний Е. П. Семенова «Белые разведчики в Смольном» говорит о многом. Хотя теперь уже доказано, что «все рассказы Семенова о работе “группы” в Смольном и в Наркоминделе являются вымыслом»⁵⁴, Кузнецов по-прежнему уверен, что этот «патриот-разведчик» дей-

⁵² Ляндрес С. Немецкое финансовое участие в Русской революции // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Вып. 1. СПб., 1993. С. 63.

⁵³ Тайна Октябрьского переворота... С. 5.

⁵⁴ См.: Старцев В. И. Указ. соч. С. 109.

ствительно организовал «добычу» в Смольном подлинников и фотографий документов, избобличающих большевиков в тайных связях с германской разведкой. В чем, однако, можно согласиться с составителем, так это в том, что «немецко-большевистская переписка» на русском языке в сборнике напечатана впервые⁵⁵.

Из обзора опубликованных источников, как подлинных, так и подложных, можно сделать заключение, что они требуют дальнейшего осмысления и сравнительного изучения. Только такой подход, а не слепое доверие к одним источникам и неприятие других, может привести к разрешению «тайны Октябрьского переворота». При этом объективный исследователь не должен пройти мимо опубликованных ленинских документов, прямо или косвенно имеющих отношение к данной проблеме. Сегодня нет серьезных оснований полагать, что главные ленинские документы по этой теме еще могут быть обнаружены. По данным авторитетных специалистов Центрального партийного архива, к 1990 г. из 3700 неопубликованных ленинских документов на особом хранении находились 6 тыс., которые в 1990–1991 гг. были рассекречены и большая их часть опубликована в 1999 г. в сборнике «В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922»⁵⁶. Позволю себе здесь не согласиться с рецензентами этого сборника, считающими вполне вероятным тот факт, что неизвестные документы по проблеме «Ленин и немецкие деньги» могут находиться до сих пор на секретном хранении в так называемом Кремлевском или Президентском архиве⁵⁷. Во-первых, Д. А. Волкогонов, возглавлявший президентскую комиссию по рассекречиванию партийных и советских документов и обследовавший весьма тщательно секретный фонд документов В. И. Ленина, по праву первого использовал наиболее существенные из них в своей книге о Ленине. Но, как будет показано, подлинных документов, содержащих сведения о «германском золоте» большевиков, не обнаружил. Во-вторых, на ниве рассекречивания ленинских документов немало потрудились члены созданной в 1991 г. «временной депутатской комиссии парламентского расследования причин и обстоятельств государственного переворота в СССР». По признанию одного из них, А. Г. Латышева, за 1991–1995 гг. только он

⁵⁵ Тайна Октябрьского переворота... С. 53–54.

⁵⁶ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 5.

⁵⁷ Ирошников М. П., Кулегин А. М. В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 [Рец.] // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 161.

«рассекретил» посредством публикации в газетах и журналах более 100 никогда не публиковавшихся ленинских работ⁵⁸. Правда, автор этих многочисленных публикаций настолько торопился (или впал в архивный фетишизм?), что не смог или не захотел отличить подлинные документы от подделок, о чем будет сказано ниже.

Продланное в последние годы тщательное и даже пристрастное обследование фонда Ленина в бывшем Центральном партийном архиве, в результате которого были опубликованы ранее секретные ленинские документы, позволяет согласиться с мнением доктора исторических наук В. Т. Логинова о том, что «засекреченного Ленина» больше не существует⁵⁹. Со своей стороны, я даже уверен, что теперь незачем ломиться в бронированные двери, за которыми хранился секретный фонд Ленина, чтобы найти там то, что не обнаружил даже Д. А. Волкогонов. Задача исследователей, как она мне представляется, теперь состоит в том, чтобы объективно оценить содержание опубликованных ленинских работ, имеющих отношение к проблеме «немецкого золота» большевиков. В связи с этим существенный интерес, на мой взгляд, представляет конфиденциальная переписка В. И. Ленина и И. Ф. Арманд, содержащаяся в 49-м томе полного собрания сочинений Ленина. Внимательное изучение этой переписки помогло бы избежать многих домыслов, связанных с «контактами с немцами» в швейцарской эмиграции и возвращением в Россию через Германию. В 1996 г. американский историк Р. Пайпс опубликовал в подготовленном им сборнике документов «Неизвестный Ленин. Из секретного архива» письмо Ленина И. Ф. Арманд от 19 января 1917 г., которое, по его мнению, является прямым доказательством «контактов Ленина с немцами»⁶⁰. Основанием для такого утверждения послужила содержащаяся в этом письме фраза: «Насчет немецкого плена и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой. Мы пока остаемся здесь»⁶¹. Если бы Пайпс внимательно ознакомился с перепиской Ленина и Арманд этого времени, опубликованной еще в 1964 г., то он, вероятно, не сделал бы этого сенсационного открытия. Потому что он нашел бы там другое письмо Ленина той же

⁵⁸ Латышев А. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 9.

⁵⁹ В. И. Ленин. Неизвестные документы... С. 581.

⁶⁰ The Unknown Lenin. From the Secret Archive / Ed. by R. Pipes. New Haven; London, 1996. P. 34.

⁶¹ В. И. Ленин. Неизвестные документы... С. 200.

Арманд от 16 января 1917 г., в котором он делился с ней своими опасениями относительно возможности вовлечения Швейцарии в войну, и не более того⁶².

Проблема германского вмешательства в дела революционной России в том или ином аспекте затрагивалась в воспоминаниях участников тех событий — политических деятелей, дипломатов, военных, разведчиков, журналистов, литераторов. Среди них — А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, Джордж Бьюкенен, А. И. Деникин, П. А. Половцов, Н. В. Валентинов, Б. Н. Никитин, Е. П. Семенов, Г. А. Алексинский и многие другие. Обращаясь к их воспоминаниям, нельзя забывать, что это были политические противники Ленина и большевиков, и потому они не могли не быть пристрастными. «Безусловно, каждый актер исторической драмы способен усилием мысли подогнать описания поведения и поступков современников и своих собственных к той приблизительной точке зрения, с которой их будут оценивать через десять, двадцать, тридцать и более лет, — признавал А. Ф. Керенский. — Но исторический очерк подобного рода не может претендовать на историчность, ибо для историографии необходима дистанция во многие десятилетия от произошедших событий»⁶³.

Существенный интерес для нашей темы представляет написанные в 20-е годы в эмиграции воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения, полковника К. И. Глобачева «Правда о русской революции»⁶⁴, которые, можно сказать, стоят особняком в этом жанре. По характеристике товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, Глобачев был «отличным во всех отношениях офицером, прекрасно разбиравшимся в розыском деле»⁶⁵. Сам Глобачев в своих воспоминаниях писал: «Мне как лицу, близко стоявшему к правящим сферам, с одной стороны, и по роду своей деятельности имевшему непосредственное соприкосновение с разными слоями населения — с другой, приходилось много беседовать, наблюдать и видеть такого, что могло ускользнуть от внимания простого обывателя или мало компетентного в вопросах внутренней политики лица. Многие мелочи, конечно, ускользнули

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 367.

⁶³ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 6.

⁶⁴ Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 7–10.

⁶⁵ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 169.

из моей памяти благодаря тому, что со времени совершившихся событий прошли годы, но все, что касается характеристики политических деятелей и характера и значения событий, это осталось живым в моей памяти. К большому моему сожалению, многого я не могу подтвердить документами, так как все дела Охранного отделения и личное мое имущество были частью сожжены, частью разграблены, а частью попали в руки новой революционной власти в первые дни переворота»⁶⁶. Тем большее значение приобретают свидетельства бывшего начальника Петроградского охранного отделения. Отвечая на вопрос о том, что привело Россию в 1917 г. к революции, Глобачев в особенности выделил роль ее руководителей: «В течение двух лет я был свидетелем подготавливавшегося бунта против верховной власти, никем не остановленного, приведшего Россию к небывалым потрясениям и гибели. Говорю “бунта”, а не революции, потому что русский народ еще до революции не созрел и потому что в общей своей массе он в перевороте не участвовал. В самом деле, что необходимо для самого существования революции? Нужна идея. Ведь если заглянуть в историю, то мы увидим, что революции совершались под влиянием какой-либо идеи, захватившей всю толщу народа. Большая часть этих идей были патриотически-национальными. Была ли идея у руководителей русской революции? Была, если этим можно назвать личное честолюбие и своекорыстие главарей, вся цель которых заключалась лишь в захвате какой бы то ни было ценой власти в свои руки. Россия вела грандиознейшую войну. Казалось бы, для успешного ее окончания нужно было напрячь все силы, забыть все свои личные интересы и все принести в жертву отечеству, помнить только о том, что прежде всего необходимо выиграть войну, а затем уже заняться своими домашними делами. А между тем что делает цвет и мозг нашей интеллигенции? При первой же военной неудаче он старается подорвать у народа доверие к верховной власти и к правительству. Мало того, он старается уронить престиж носителя верховной власти в глазах серых масс, обвиняя его с трибуны представителей то в государственной измене, то в безнравственной распущенности. Государственная дума — представительный орган страны — становится агитационной трибуной, революционизирующей эту страну. Народные представители, к которым прислушивается вся Россия,

⁶⁶ Глобачев К. И. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 114.

не задумываясь о последствиях, решаются взбунтовать темные массы накануне перелома военного счастья на фронте, исключительно в целях удовлетворения своего собственного честолюбия. Разве здесь есть патриотическая идея? Наоборот, в существе всей работы этих людей заложена государственная измена. История не знает примеров подобного предательства. Вся последующая работа социалистов и большевиков по разложению России является лишь логическим последствием предательства тех изменников, которые готовили переворот, и последних нельзя так винить, как первых. Они по-своему были правы, они хотели преобразовать государственный и общественный строй России по своей программе — по тому рецепту, который являлся конечной целью их многолетней работы и мечтой, лелеянной каждым социалистом, какого бы он ни был толка. Это являлось существом их идеологии»⁶⁷.

Отвечая на вопрос о возможности участия Германии в Февральской революции в России, Глобачев писал: «Я положительно утверждаю, что Германия никакого участия ни в перевороте, ни в подготовке его не принимала. Для Германии русская революция явилась неожиданным счастливым сюрпризом»⁶⁸. «Русская февральская революция, — считал необходимым подчеркнуть он, — была созданием русских рук»⁶⁹.

2. Исследования, разоблачения, обвинения

Хотя поиски «немецкого золота» большевиков начались еще в 1917 г., напасть на «золотоносную жилу» удалось не сразу, что объяснялось в первую очередь тем, что поиски вели тогда не старатели-специалисты, а ярые противники большевиков, ослепленные своим политическим поражением. Но словесной «руды» было произведено столько, что она грозила похоронить в своих завалах тщательно упрятанное «немецкое золото». Одним из первых, кто встал на путь критического осмысления накопившейся массы различных материалов, был русский историк-эмигрант С. П. Мельгунов, выпустивший в 1940 г. в Париже книгу «Золотой немецкий ключ большевиков». Считая необходимым «отделить шелуху в том, что мы

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 69.

⁶⁹ Там же. С. 70.

знаем», Мельгунов в результате критического анализа имевшихся на то время источников пришел к выводу о том, что «тайна “золотого ключа” едва ли будет когда-либо разгадана»⁷⁰. Тем не менее он указал направление поисков: «в кармане Парвуса, связанного и с социалистическим миром, и с Министерством иностранных дел, и с представителями Генерального штаба, надо искать тот “золотой немецкий ключ”, которым открывается тайна необычайно быстрого успеха ленинской пропаганды»⁷¹. Но парадокс состоял в том, что, несмотря на это осторожное предположение, все писавшие затем о «немецком золоте», ссылались на Мельгунова как на открывшего эту тайну. Зато другое предположение известного историка — «Никогда, очевидно, не было момента, чтобы Ленину хотя бы в символическом виде в какой-то кованной шкатулке передали 50 миллионов немецких золотых марок»⁷² — в литературе замалчивается. Вместе с тем нельзя не отметить, что Мельгунов, располагая ограниченным кругом источников, воспринял ряд версий, которые затем были опровергнуты другими исследователями. Ошибочность поддержанной им версии о шифрованном характере телеграфной переписки между Ганецким, с одной стороны, и Козловским и Суменсон — с другой, была убедительно доказана американским историком С. Ляндресом.

Другой русский историк-эмигрант Г. М. Катков стал одним из первых исследователей обнаруженных документов Министерства иностранных дел Германии, опубликовав еще в 1956 г. специальное исследование «Документы о финансовой поддержке большевиков в 1917»⁷³. Именно на этих «несомненных документальных уликах» была основана его книга «Россия 1917. Февральская революция», вышедшая в Лондоне в 1967 г.⁷⁴ «История пособничества Германии (и Австро-Венгрии) русской революции во время Первой мировой войны, особенно в 1917 г., ни разу не была рассказана с начала до конца, — писал в связи с этим Катков. — И не мудрено, ведь многие были жизненно заинтересованы в том, чтобы утаить размах и мето-

⁷⁰ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Париж, 1940.

⁷¹ Там же. С. 171.

⁷² Там же.

⁷³ Katkov G. German Foreign Office. Documents on Financial Support to the Bolsheviks in 1917 // International Affairs. 1956. N 32.

⁷⁴ Katkov G. Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967. — На русском языке книга вышла в 1984 г. в Париже и в 1997 г. в Москве.

ды германского вмешательства. Документов не было, их заменяли слухи и толки, обвинявшие русские революционные круги, и особенно большевиков, в том, что они действуют заодно с германским правительством и принимают его помощь»⁷⁵. Хотя автор книги и в самом деле не придает серьезного значения «слухам и толкам» и акцентирует внимание на «несомненных документальных уликах», раскрыть подлинную историю взаимоотношений Германии с русскими революционерами, на мой взгляд, ему все же не удалось. И дело не только в том, что он не располагал для этого всеми необходимыми источниками, но и в его некритическом восприятии документов МИД Германии, о чем будет сказано ниже. Тем не менее подчеркнем еще раз, даже спорные выводы и наблюдения Каткова основаны, как правило, на документах или на их отсутствии. В отличие от наших доморощенных «охотников за шпионами», объявивших большевиков агентами Германии еще до начала Первой мировой войны, он полагает, что «сначала среди тех, кто добровольно поддерживал немцев, не было представителей русских революционных партий — ни социал-демократов обеих фракций, ни эсеров»⁷⁶. Не имея в данном случае «несомненных документальных улик», автор книги пишет, что, «видимо, между Лениным и германскими властями прямого контакта никогда не было, хотя говорить об этом с полной уверенностью нельзя»⁷⁷.

Ценное исследование опубликовал в 1957 г. Вернер Хальвег — «Возвращение Ленина в Россию в 1917»⁷⁸. Немецкий историк первым из исследователей получил возможность изучить главные документальные источники, относящиеся к проезду Ленина и его сторонников через Германию, а именно документы Министерства иностранных дел Германии, в основном материалы Главного архива и Архива германского посольства в Берне. По мнению автора книги, изученные им документы во взаимосвязи с уже имеющимися публикациями позволяют дать ответ на целый ряд вопросов, связанных с «политической подоплекой» проезда Ленина через Германию, а

⁷⁵ Катков Г. Россия 1917. Февральская революция. М., 1997. С. 230–231.

⁷⁶ Там же. С. 236.

⁷⁷ Там же. С. 238.

⁷⁸ Halweg Werner. Lenins Rückkehr nach Russland 1917. Die Deutschen Akten. Leiden, 1957. — На русском языке книга вышла в 1990 г. в издательстве «Международные отношения» со вступительной статьей д-ра истор. наук А. М. Совокина тиражом в 16 тыс. экземпляров.

также с ее дипломатической и технической подготовкой⁷⁹. Это тем более необходимо было сделать, что вокруг «запломбированного вагона» было нагромождено немало мифов и легенд на Западе, а выходящая в СССР литература также носила односторонний характер и мало что добавляла по существу проблемы.

К каким же выводам приходит Вернер Хальвег в результате изучения новых документов? Выясняя отношение кайзеровской Германии к русским революционерам-эмигрантам с начала Первой мировой войны, он полагает, что немецкое правительство занимает в этом вопросе пока выжидательную позицию, но в то же время стремится к установлению связей с русскими революционерами, чтобы быть в курсе их намерений. Немецкий историк обращает здесь внимание на появившийся в 1915 г. план германского посланника в Берне фон Ромберга, который предлагает воспользоваться пораженческой программой Ленина для воздействия на Францию⁸⁰. Как мне представляется, здесь следовало бы более критически оценить донесения эстонского националиста и тайного агента Германии Александра Кескюлы, которого Хальвег деликатно называет «доверенным лицом» фон Ромберга. Чтобы заработать расположение своего шефа и деньги тоже, Кескюла в своих донесениях явно преувеличивал свою близость к русским революционерам-эмигрантам и в особенности к Ленину.

В формировании политики Германии по отношению к русской революции Хальвег особо выделяет роль германского посланника в Копенгагене графа Брокдорфа-Ранцау. И прежде всего потому, что последний пользовался советами и информацией своего «доверенного лица» Парвуса, тайного агента Германии. Но роль самого Парвуса как инициатора проезда Ленина через Германию, если судить по опубликованным Хальвегом же документам, не столь очевидна, как это ему представляется⁸¹. Если опираться на эти документы, то наиболее активной фигурой здесь был швейцарский социалист, национальный советник Роберт Гримм, тайно сотрудничавший с немецким правительством. Вместе с тем немецкий историк подчеркивает, что «решающая предпосылка для предстоящей немецко-большевистской «совместной акции» возникла в результате соответствующей позиции созданного с первых же дней русской

⁷⁹ Хальвег Вернер. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. С. 25.

⁸⁰ Там же. С. 26–28.

⁸¹ Там же. С. 31.

революции “Центрального Комитета для возвращения на родину проживающих в Швейцарии русских эмигрантов”⁸². Как правило, пишущие на эту тему авторы даже не упоминают об этом Комитете. Еще более важным представляется сделанный Хальвегом на основании изучения документов вывод о том, что русские революционеры, действуя в соответствии с предложенным Ю. О. Мартовым планом возвращения эмигрантов в Россию, «сами установили контакты с немецкими учреждениями»⁸³. Этот вывод, разумеется, неприемлем для наших представителей «перестроечно-новаторской» историографии, рассматривающих организацию проезда русских эмигрантов через Германию сначала и до конца как акцию германского Генерального штаба. И потому они предпочитают не замечать работу Хальвега, основанную на подлинных документах, а не на подделках и подлогах.

И все же ценность работы Хальвега в первую очередь не в его комментариях и наблюдениях над документами, а в самом документальном комплексе — целых 100 документов, многие из которых имеют гриф «Секретно» и «Совершенно секретно»⁸⁴. Изучая эти секретные и сверхсекретные документы, нельзя не обратить внимания на то, что в них не содержится и намек на денежные субсидии Германии возвращающимся из Швейцарии в Россию. Поэтому выдвинутая еще в 1917 г. версия о том, что «предприятие это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано золотом и валютой»⁸⁵, остается не доказанной, хотя и часто востребованной теми, кому доказательства не требуются. Сам Хальвег по этому поводу замечает: «Для Ленина, стремящегося изо всех сил дать толчок большевистской мировой революции, решающим является как можно скорее достичь России; то, что эту возможность представляет ему противник, “классовый враг”, для него как раз никакой роли не играет. Вот почему большевистский вождь изъявляет готовность принять немецкое предложение, однако при этом ничем и ни в какой форме себя не связывая. Даже путевые расходы революционеры оплачивают из собственных средств»⁸⁶. Не правда

⁸² Там же. С. 32–33.

⁸³ Там же. С. 34.

⁸⁴ Там же. С. 54–154.

⁸⁵ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Париж. 1921. С. 71.

⁸⁶ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 49.

ли, это совсем другая версия, и ее автор достоин уважения за свое стремление оставаться на почве реальных фактов.

В середине 60-х годов в Германии и Великобритании почти одновременно была опубликована книга Збигнева Земана и Уинфреда Шарлау «Купец революции. Парвус-Гельфанд: политическая биография»⁸⁷. Спустя четверть века, в 1991 г. она вышла в Нью-Йорке на русском языке под названием «Парвус — купец революции» и с этого времени стала более доступной для российских историков — специалистов по «германскому золоту» большевиков. Тем не менее создается впечатление, что никто из этих «специалистов» не прочитал ее от начала и до конца, предпочитая подкреплять свои прямолинейные выводы авторитетом авторов этой книги. В самом деле один из ее авторов — Земан был составителем и редактором вышедшего в 1958 г. в Лондоне сборника документов «Германия и революция в России 1915–1918», и эта книга была серьезной попыткой проследить политическую биографию Парвуса на основании опубликованных документов МИД Германии. По мнению авторов книги, эти документы позволили «хотя бы частично раскрыть загадочные обстоятельства, связанные с жизнью Гельфанда»⁸⁸. Вместе с тем они считали необходимым признать, что имеющиеся в их распоряжении источники содержат «лишь самые отрывочные сведения», изучение которых породило новые проблемы и споры, а «загадка жизни Гельфанда осталась неразрешенной»⁸⁹. В связи с этим необходимо заметить, что из-за недостатка документальных материалов некоторые предположения и утверждения авторов книги носят весьма спорный и даже сомнительный характер, что будет показано ниже. Тем не менее еще раз следует подчеркнуть, что книга Земана и Шарлау — существенное достижение западной историографии, обратившейся к исследуемой проблеме еще в 60-е годы. Можно только выразить сожаление, что, издав в 2007 г. эту книгу на русском языке под интригующим названием «Кредит на революцию. План Парвуса» тиражом в 5 тыс. экземпляров, «Центрполиграф» не счел нужным сослаться на оригинал и дать его выходные данные, создавая тем самым

⁸⁷ Zeman Z. A., Scharlau W. B. *Freibeuter der Revolution Parvus-Helphand: Eine Politische Biographic*, Köln, 1964; Zeman Z. A., Scharlau W. B. *The Merchant of Revolution*. London, 1965.

⁸⁸ Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 7.

⁸⁹ Там же. С. 8.

впечатление, что он выпустил книгу только что вышедшую на Западе⁹⁰.

В 1985 г. в Швеции была опубликована книга Ханса Бьёркегрена «Русская почта. Русские революционеры и Скандинавия 1906–1917 гг.»⁹¹ На основе изучения документов шведских, датских, финляндских и норвежских архивов автору этой книги удалось значительно полнее раскрыть деятельность в Скандинавии таких видных русских революционеров, как А. Г. Шляпников, Н. И. Бухарин, А. М. Коллонтай, В. В. Воровский, Я. С. Ганецкий, М. Ю. Козловский, К. Б. Радек и др. Значительное внимание в книге уделено выяснению роли Парвуса в финансировании большевиков, хотя далеко не все наблюдения и заключения Бьёркегрена представляются здесь очевидными и убедительными по причине достаточно вольного толкования автором источников. Ссылаясь на сборник документов «Германия и революция в России 1915–1918 гг.», он, например, не сомневается, что «изыскания в архивах германского Министерства иностранных дел и Генерального штаба дали четкую картину деятельности “бюро” по содействию осуществлению революции в России, созданного на Вильгельм штрассе в Берлине вскоре после начала Первой мировой войны»⁹². Впервые архива Генерального штаба не существует: он, как уже отмечалось, был уничтожен, во-вторых из сохранившихся документов МИД Германии никак не вырисовывается «четкая картина» деятельности «бюро» по содействию осуществлению революции в России». И каждый, кто обращается к этим документам, дорисовывает эту картину в силу своих профессиональных способностей и наклонностей.

Нужно отметить, что в свое время «Русская почта» осталась в нашей стране почти не замеченной как из-за отсутствия еще сколько-нибудь серьезного интереса к этой проблеме, так и по причине публикации этой книги только на шведском языке, что делало ее практически недоступной для специалистов. И только с переводом этой книги на русский язык она привлекла внимание не только исследователей, но и всех интересующихся этой проблемой. В

⁹⁰ Земан Э., Шарлау В. Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007.

⁹¹ *Björkegren Hans. Ryska posten. De ryska revolutionärerna i Norden 1906–1917.* Stockholm, 1985.

⁹² *Бьёркегрэн Ханс. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917 гг. М., 2007. С. 297.*

русской версии она была выпущена в 2007 г. издательством «Омега» под названием «Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии 1906–1917 гг.». К сожалению, издатели в своей аннотации сильно перехвалили «это захватывающее историческое исследование, основанное (в том числе) на документальных и неизвестных до сего времени материалах...». Специалисты вряд ли могут согласиться с их утверждением о том, что «в книге тщательно исследован вопрос “немецких денег” и причастность к ним Гельфанда (Парвуса) и Фюрстенберга (Ганецкого), через которых финансировалась большевистская партия». Ханс Бьёркегрэн, как выясняется из его книги, не знаком с многими документальными публикациями по этой теме, и потому его достаточно прямолинейная версия не может претендовать на «тщательное исследование вопроса». Если, как уверяют издатели, перевод «осуществлен с авторской рукописи, представляющей собой переработанный и дополненный вариант первого оригинального издания “Русской почты”», то почему в нем отсутствуют ссылки на работы, вышедшие после 1985 г., т. е. после выхода первого оригинального издания? Соглашаясь с тем, что книга Бьёркегрэна в свое время значительно расширила документальную основу исследуемой проблемы, нельзя не отметить, что в ее русском переводе отсутствуют какие-либо признаки дополнения книги новыми источниками и литературой, вышедшими в последние 20 лет.

В 1994 г. в скромном издательстве «Минерва» Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена тиражом в 300 экземпляров вышло блестящее исследование видного отечественного историка профессора В. И. Старцева под интригующим названием «Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского»⁹³. Именно герой этой книги является подлинным автором фальшивок «Документов Сиссона», и В. И. Старцев вводит нас в «мастерскую» этого талантливого журналиста и авантюриста, который в своих антибольшевистских сочинениях пытался нащупать и обнаружить слабости и промахи большевиков, умело соединяя для этой цели реальные факты с фантастическим вымыслом. Мастерство источниковеда, основанное на совершенном владении историческим материалом, позволило Старцеву проникнуть в тайны

⁹³ Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 1994.

происхождения документов о «германо-большевистском заговоре» и не попасть в расставленные Оссендовским ловушки. Между прочим, когда Сиссон позднее узнал, что автором всех приобретенных им «документов» является один человек — Ф. Оссендовский, он этому не поверил⁹⁴. Не хотят этому верить и некоторые отечественные искатели «германского золота» большевиков, как не желают даже замечать этой книги В. И. Старцева, переизданной в 2001 г. уже посмертно в издательстве «Скарабей» тиражом в 3 тыс. экземпляров, вполне достаточным, чтобы найти ее и ознакомиться с ее содержанием. Настоятельно рекомендуя читателю это яркое по форме и глубокое по содержанию исследование, хочу обратить внимание на существенные выводы, к которым приходит автор в результате анализа тех же документов германского МИД за 1915–1918 гг. Во-первых, он полагает, что «до Февральской революции, всего вероятнее, большевики никаких денег ни в России, ни в Швейцарии от немцев не получали»⁹⁵. Во-вторых, по его мнению, «только с 8 ноября 1917 г. немцы стали оказывать систематическую финансовую помощь большевистской партии, уже захватившей власть в Петрограде. Эта помощь оказывалась ими вплоть до октября 1918 г. и составила, по косвенным данным, до 50–60 млн золотых марок. Следовательно, обе революции сделаны не на “немецкие деньги”, а самими нашими русскими людьми под русским руководством»⁹⁶. Вот здесь и содержится ответ на вопрос, почему тенденциозные авторы «не замечают» эту книгу весьма авторитетного историка.

Осталась не замеченной со стороны отечественных «знатоков» проблемы и опубликованная в 1995 г. в США книга профессора Питтсбургского университета С. Ляндреса «К пересмотру проблемы “немецкого золота” большевиков», вышедшая в трудах Центра русских восточноевропейских исследований этого университета⁹⁷. Американский историк впервые провел историческое и источниковедческое изучение всего комплекса перехваченной контрразведкой телеграфной переписки в мае–июне 1917 г. между Ганецким, находившимся в Стокгольме, и Козловским и Суменсон в Петрограде. Как выяснил Ляндрес, основная часть телеграмм с Петроградского

⁹⁴ Там же. С. 13.

⁹⁵ Там же. С. 6.

⁹⁶ Там же. С. 6–7.

⁹⁷ *Lyandres S. The Bolsheviks' "German Gold" Revisited. An Inquiry into 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995.*

телеграфа была получена контрразведывательным отделом Главного управления Генерального штаба, а не контрразведкой Петроградского военного округа, как это можно было понять из воспоминаний начальника петроградской контрразведки В. Б. Никитина, опубликовавшего 29 телеграмм из 66 перехваченных⁹⁸.

Основываясь на источниковедческом анализе всех телеграмм, отобранных и подготовленных к публикации в июльские дни 1917 г., в первую очередь напечатанных тогда же в еженедельнике «Без лишних слов», американский историк пришел к чрезвычайно важному выводу о том, что их содержание не подтверждает июльские обвинения следственной комиссии Временного правительства в адрес большевиков. «В действительности, — пишет он в связи с этим, — телеграммы не содержат свидетельств о переводе каких-либо капиталов из Стокгольма в Петроград»⁹⁹. С. Ляндрес отвергает предположения о закодированном характере корреспонденции между Стокгольмом и Петроградом, настаивая на том, что деятельность фирмы Парвуса—Фюрстенберга носила «чисто коммерческий характер». Упомянутые в этих телеграммах переводы огромных по тем временам сумм денег — до 100 тыс. руб., подчеркивает он, представляли собой плату за товары, экспортированные фирмой Парвуса—Фюрстенберга из Стокгольма в Петроград: «Товары направлялись в Петроград, а вырученные за них деньги — в Стокгольм, но никогда эти средства не шли в противоположном направлении»¹⁰⁰. Ляндрес раскрыл механизм взаимоотношений между экспортно-импортной фирмой Парвуса-Ганецкого в Стокгольме и ее финансовым агентом в Петрограде и тем самым снял завесу таинственности и секретности, которая создавалась вокруг нее начиная с 1917 г. Он показал, что Суменсон действительно занималась получением и распределением между перекупщиками на российском рынке поставляемых через Скандинавию товаров. Плата за импортируемую продукцию переводилась перекупщиками на текущие счета Суменсон в петроградских банках, а она, в свою очередь, переводила деньги фирме в Стокгольм на счета «Ниа Банкен». В связи с этим вряд ли теперь можно говорить о германском происхождении тех 2 млн руб., которые, по сведениям

⁹⁸ *Никитин В. Б.* Роковые годы (Новые показания участника). Париж, 1937. С. 110–114.

⁹⁹ *Lyandres S.* Op. cit. P. 94.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 94–95.

следствия, прошли по счетам Суменсон в Русско-Азиатском, Сибирском, Азовско-Донском и других банках. Без сомнения, выводы и наблюдения американского историка С. Ляндреса имеют принципиальное значение для пересмотра проблемы «германского золота» большевиков и всей литературы по этой проблеме.

В 1999 г. в журнале «Отечественная история» был опубликован обширный обзор материалов Особой следственной комиссии и Временного правительства об июльских событиях 1917 г., который подготовил известный специалист по истории Русской революции доктор исторических наук Г. И. Злоказов¹⁰¹. Ценность этого обзора состоит прежде всего в попытке автора рассмотреть эти материалы как единый комплекс документов, дать объективную характеристику всех 25 томов материалов Особой следственной комиссии, к счастью, не пропавших, а находившихся на особом хранении, как и другие документы, которые могли бросить хотя бы тень на партию большевиков и ее вождя. Не случайно некоторым авторам документы следственной комиссии представлялись «пропавшей грамотой», похоронившей тайну «немецкого золота». Получившие в 90-е годы возможность ознакомиться с этими материалами исследователи и просто искатели «германского золота» большевиков пытались найти прежде всего компромат, но ничего сенсационного в них не обнаружили. «Следствие пыталось создать версию прямого подкупа Ленина и его соратников немецкими разведывательными службами, — писал в связи с этим Д. А. Волкогонов. — Это, судя по материалам, которыми мы располагаем, мало вероятно»¹⁰². Об этом свидетельствует и систематическое изучение материалов Особой следственной комиссии, проделанное Г. И. Злоказовым. Непредубежденный читатель обнаружит, что даже политические противники большевиков, давая показания в следственной комиссии, не верили выдвинутому против них обвинению «в преступных сношениях с Германией». Так, один из лидеров меньшевиков Ф. И. Дан, утверждая, что большевики демагогически использовали народное недовольство и подлаживались к массовым настроениям, в то же время считал, что никаких данных для обвинения большевиков в уголовных деяниях или в «германском шпионаже» нет и не бы-

¹⁰¹ Злоказов Г. И. Материалы Особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 года // Отечественная история. 1999. № 5. С. 73–87.

¹⁰² Волкогонов Д. А. Ленин. Кн. 1. М., 1999. С. 200–231.

ло¹⁰³. Г. В. Плеханов, допуская, что «неразборчивость» Ленина могла повести к тому, что для «интересов своей партии» он воспользовался средствами, «заведомо для него идущими из Германии», вместе с тем оговаривался, что считает так «только в пределах психологической возможности» и не знает ни одного факта о том, что эта возможность «перешла в преступное действие»¹⁰⁴.

Особый интерес в этом отношении представляют показания подполковника С. А. Филевского, служившего в особом отделе Департамента полиции, надзиравшего за деятельностью РСДРП в 1915–1917 гг. Ссылаясь на большой объем поступавшей информации, он отмечал, что «не имел возможности укрепить в своей памяти сведения о деятельности отдельных партийных работников, большевиков-пораженцев», но при этом признавал, что никакими сведениями о Ленине и его единомышленниках как агентов Германии и работающих на ее деньги во вред России он лично не располагал¹⁰⁵. Нельзя не согласиться здесь с автором обзора Г. И. Злоказовым, в том, что материалы Особой следственной комиссии Временного правительства являются существенным комплексом документов о политической истории России в 1917 г., который заслуживает дальнейшего всестороннего изучения¹⁰⁶, а не выхватывания из него отдельных фактов, соответствующих взглядам того или иного автора.

Обстоятельный обзор документов Особой следственной комиссии Временного правительства показывает также полную неосновательность утверждений о том, что основная часть этих документов была уничтожена большевиками. «Как теперь известно, — пишет А. Г. Латышев, — из нескольких шкафов с документами, перепиской большевиков, собранных в 1917 г. контрразведовательными органами Временного правительства, на сегодняшний день сохранилась лишь 21 папка с делами»¹⁰⁷. Между прочим, по свидетельству товарища министра юстиции Временного правительства А. Демьянова, «большевистское дело» обнимало 15 томов¹⁰⁸, а Г. И. Злоказов за-

¹⁰³ Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 80.

¹⁰⁴ Там же. С. 82.

¹⁰⁵ Там же. С. 84.

¹⁰⁶ Там же. С. 86.

¹⁰⁷ Латышев А. Г. Указ. соч. С. 95.

¹⁰⁸ Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив Русской революции. Т. IV. Берлин, 1922. С. 94.

свидетельствовал наличие целых 25! Так что из «шкафов», очевидно, ничего не пропало. Каждый сомневающийся теперь может это проверить — ведь фонд Особой следственной комиссии давно на открытом хранении.

Было бы наивно думать, что возникший в период гласности острый интерес общественности к проблеме «большевики и немецкое золото» мог быть удовлетворен научной литературой, о которой шла речь выше. Общественное мнение об этой таинственной в то время проблеме формировалось и направлялось мощным информационным потоком, в котором было все — и правда, и вымысел, и подлоги, но который воспринимался как абсолютная истина. С начала 90-х годов на страницах отечественных газет и журналов появились и сразу же привлекли внимание сенсационные документы о «германо-большевистском заговоре» в 1917 г. и комментарии к ним, но не историков, а журналистов и других любителей сенсаций, впервые приобщившихся к этой запретной ранее теме. В 1991 г. популярнейший еженедельник «Аргументы и факты», выходивший тогда тиражом почти в 26 млн экземпляров, напечатал «сенсационную заметку» находившегося в Вене журналиста В. Милосердова «Сколько стоила Октябрьская революция»¹⁰⁹. Автор заметки вдохновился «оригинальными документами немецкого министерства иностранных дел в Бонне, к которым удалось получить доступ австрийской писательнице Элизабет Хереш», и ее буйными фантазиями на эту тему. Попутно замечу, что австрийская писательница в силу своей исторической непросвещенности «открыла» в архиве то, что было открыто и опубликовано до нее историками 30 лет тому назад. Но магия «архивной находки» произвела впечатление, и в начале 1992 г. «Аргументы и факты», интригуя читателя заголовком «Достоянием гласности стали новые документы о революции 1917 г.», напечатал теперь уже большую статью А. Цыганова «Рейхсмарки для диктатуры пролетариата»¹¹⁰. Статья предвлялась редакционной вводкой: «Более 70 лет нам внушали, что Великая Октябрьская социалистическая революция делалась “чистыми руками” во имя светлого будущего. Сейчас история буквально перекраивается, мы узнаем все новые факты. Но выводы все-таки нужно делать нам самим». Однако эти выво-

¹⁰⁹ Аргументы и факты. 1991. № 29/30.

¹¹⁰ Там же. 1992. № 3.

ды подсказывались следовавшей далее статьей А. Цыганова, написанной, по признанию автора, по следам только что вышедшей в Германии книги все той же Элизабет Хереш «Царская империя. Блеск и падение». В свое время мне пришлось прочитать это произведение в рукописи в качестве внутреннего рецензента для ее издания на русском языке, и я был потрясен историческим невежеством австрийской писательницы, равно как и удивлен готовностью непрофильных издательств печатать у нас такие «произведения». Некомпетентность восхищенного «открытиями» Э. Хереш автора статьи А. Цыганова имела своим следствием введение в заблуждение миллионов читателей — в качестве доказательства продажности и предательства Ленина и большевиков им преподносилась фальшивка из давно забракованных на Западе «Документов Сиссона», из которой явствовало, что еще 2 марта 1917 г. Ленину, Троцкому, Козловскому и Суменсон были открыты счета в Имперском банке Германии. Вот вам и вывод: революция в России, оказывается, делалась «грязными руками» да еще на немецкие деньги!

Массированную рекламу получила и следующая книга Э. Хереш «Купленная революция. Тайное дело Парвуса». В апреле 2001 г. «Комсомольская правда», одна из самых массовых отечественных газет, опубликовала интервью ставшей теперь историком Хереш, которое она дала почтенному журналисту В. Устюжанину¹¹¹. Интервью был предпослан броский заголовок — «Октябрьскую революцию устроили немцы». Далее следовало сенсационное заявление о том, что «австрийский историк обнаружила уникальный документ — план подготовки революции в России: Германия вложила в Ленина миллионы марок». И в данном случае «австрийский историк», которую Устюжанин представляет как «известную фигуру» в научном историческом сообществе, показала свое полное невежество, открыв в очередной раз якобы новый документ, который на самом деле был известен и опубликован лет 40 тому назад. Речь идет о так называемом меморандуме доктора Парвуса от 9 марта 1915 г. — «Подготовка массовой политической забастовки в России». По собственному признанию Э. Хереш, она «отыскала» в архиве «редкий документ», который ее «потряс» и вдохновил на написание книги о Парвусе. Между тем этот «редкий документ» был

¹¹¹Комсомольская правда. 2001. 4 апр.

впервые опубликован еще в конце 50-х годов XX в. в книге «Германия и революция в России 1905–1918». Если бы «австрийский историк» знала об этом, то, возможно, она не вдохновилась бы своим «открытием» и не загорелась желанием написать книгу, в которой столько нелепостей, ошибок, натяжек и фантазии. Так что известность Э. Хереш в научном историческом сообществе весьма сомнительна¹¹².

И все же всех и во всем превзошел литератор И. Бунич со своим «Золотом партии», ставшим главным пропагандистским «произведением», заполонившим в 90-е годы все книжные рынки. Тиражи «Золота партии» не снились даже авторам самых закрученных детективов. Впрочем и «Золото партии» написано, скорее, в жанре детективного романа, чем исторической хроники, на которую претендует автор. Какая уж там историческая хроника, если «творение» Бунича построено на буйной фантазии автора и вольном обращении с историческими фактами. С точки зрения историка оно ниже всякой критики, но обличительный пафос в адрес «преступной организации, именующей себя партией большевиков» находил живейший отклик даже у тех, кто не интересовался до этого ни политикой, ни историей. Публицистический запал автора, его умение придать даже выдуманному фактам характер как будто имевших место и убедить в этом читателя сделали «Золото партии» настольной книгой даже для тех, кто был далек от этой проблематики.

Знаковой фигурой в разоблачительной литературе о Ленине стал А. А. Арутюнов, рекламируемый в качестве «известного ученого-историка и публициста». Скандальную известность этому «ученому-историку» принесли многочисленные статьи, опубликованные в 90-е годы в журналах и газетах: «Был ли Ленин агентом германского Генштаба?», «Родимое пятно большевизма», «Мертвому припарки», «Мещанин во дворянстве, или мифы новейшего времени», «Кайзеровские спонсоры Владимира Ильича», «Кто был настоящим отцом Ленина», «Резидент разведки Германского Генштаба» и др. Отзываясь об этих «отчетливо политизированных публикациях», американский историк С. Ляндрес назвал их автора в числе тех, кто «совершенно не стремится разобраться в существе этой

¹¹²См., напр.: *Ляндрес С.* Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году. С. 132.

далеко не однозначной темы»¹¹³. В выпущенной в 2002 г. двухтомной работе под претензионным названием «Ленин. Личностная и политическая биография. Досье без ретуши» Арутюнов стремится предстать в роли объективного исследователя, который поставил своей задачей «не только критически оценить идейные и научные взгляды авторов, стоящих на разных идеологических и политических позициях, но и выработать свою научную концепцию, опирающуюся на достоверные исторические факты, события и свидетельства современников об изучаемой личности, с тем чтобы исключить возможность проникновения в данную работу мыслей, суждений и выводов, могущих вызвать у читателя сомнение или недоверие»¹¹⁴. Сразу же хочу заявить, что у меня как читателя-историка вызывают сомнение и недоверие не только мысли, суждения и выводы автора, но и использованные им источники и приводимые в них факты. Я постараюсь это доказать в ходе дальнейшего рассмотрения тех или иных сюжетов, а здесь ограничусь только одним примером, связанным с достоверностью так называемых «документальных материалов», взятых, как уверяет Арутюнов, из личного архива М. В. Фофановой, укрывавшей у себя на квартире в октябре 1917 г. Ленина. Внимательно прочитав всю книгу Арутюнова, я никаких следов использованных документальных материалов из личного архива Фофановой не обнаружил, поскольку ссылки на «рассказы» Фофановой вряд ли можно принять за документальные материалы. Но «рассказы» стоят того, чтобы настаивать на их подлинности. Воспроизведу здесь главный из них: «Вечером 15 октября, в воскресенье, когда было уже темно, в сопровождении Эйно пришли к нам два товарища. Об их приходе я была предупреждена Владимиром Ильичем еще утром. Он сказал мне, что вечером придут из Финляндии два товарища — Рубаков и Егоров, и что они вместе со всеми совершили опасное путешествие из Цюриха в Петроград. Оба молодые, лет 30–35, высокие, стройные, чувствовалась военная выправка. Один из них, с усиками, похож был на актера Кторова. Они вежливо поздоровались, и я проводила их в комнату Владимира Ильича. Эйно прошел на кухню. Разобрать разговор при закрытых дверях было невозможно, да и не пыталась я это сделать. Но чувствовалось, что все трое говорят на немецком язы-

¹¹³ Там же. С. 132.

¹¹⁴ Арутюнов А. Указ. соч. С. 25.

ке...»¹¹⁵. Арутюнов тут же поясняет «рассказ» Фофановой комментарием о том, что эти два «товарища» были майорами разведывательного отдела германского Генштаба, которые, по-видимому, встречались с Лениным для «координации боевых действий немецких войск под Петроградом в период осуществления большевиками государственного переворота»¹¹⁶. В этой сенсации поражает не столько факт, сколько его источник: Маргарита Васильевна Фофанова была активной деятельницей революционного движения с начала XX в., членом партии большевиков с 1917 г., депутатом Петроградского Совета, ее воспоминания, опубликованные в разное время, как мне казалось, были искренними, в особенности о личности Ленина. И вот теперь выясняется, что все, что она писала и говорила, все это неправда и фальсификация, а тайну, которую она носила в себе долгую жизнь (она прожила 93 года) доверила перед смертью только одному человеку — Арутюнову. Конечно, такое могло быть, но в данном случае, по многим причинам, это представляется, мягко говоря, сомнительным. Во-первых, так называемые «рассказы» Фофановой не вызывают доверия даже по формальным признакам: приводя в своей книге тот или иной сенсационный факт, Арутюнов каждый раз по-новому называет этот таинственный источник: «Из рассказов М. В. Фофановой», «Из беседы с М. В. Фофановой», «Запись рассказа М. В. Фофановой, сделанная автором»¹¹⁷. Это дает основание предположить, что запротоколированных или застенографированных и удостоверенных автором рассказов Фофановой не существует. Во-вторых, немецкие разведчики с русскими фамилиями, которые на всю жизнь «запомнила» Фофанова, были придуманы еще в 1918 г. автором «Документов Сиссона» Ф. Оссендовским, который «ввез» их вместе с Лениным в «запломбированном» вагоне в Россию для того, чтобы помочь большевикам захватить власть. В-третьих, Ленин, будучи крайне осторожным и осмотрительным подпольщиком, не мог делиться секретными сведениями с человеком, исполнявшим его технические поручения (купить газеты, передать записку и т. п.). Наконец, сама Фофанова в своих подлинных воспоминаниях, опубликованных в 1971 г., когда (по совпадению) с ней познакомился Арутюнов, свидетельствовала: «В течение пребывания Владимира Ильича в

¹¹⁵ Там же. С. 200.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. С. 432, 437, 439.

конспиративной квартире никто не бывал здесь, кроме Надежды Константиновны, Марии Ильиничны и Э. Рахъя. Никаких совещаний для встреч Ленина с руководящими деятелями партии здесь не проходило. Для этого он уходил в другие заранее подготовленные места»¹¹⁸.

Итак, опубликованные широко разрекламированным «известным историком и публицистом» Арутюновым «новые сведения» о германских сообщниках Ленина по захвату власти в октябре 1917 г. носят сомнительный характер, зато они органически дополняют «Документы Сиссона», в подлинность которых свято верит Арутюнов. Об этом свидетельствует и второе «дополненное и уточненное» издание его книги в 2003 г. Единственное уточнение, которое мне удалось обнаружить в первом томе, это его подзаголовок — «Великий экспериментатор». Существенным дополнением стало отсутствующее в первом издании предисловие «Оружием правды», подготовленное В. Соколовым. Автор предисловия утверждает, что работа Арутюнова написана «правдиво, на высоком профессиональном уровне и на основе безупречных источников отечественного и зарубежного происхождения». А далее следует прямо-таки панегирик, которого не заслуживали и более маститые борцы за правду: «Не ошибусь сказав, что всем фальсификациям и измышлениям адептов ленинизма, лживым составлением биографии Ленина положили конец добросовестные и смелые научные исследования известного российского ученого-историка Акима Арутюнова. По сути, именно его труды вооружили широкую общественность оружием правды для изучения истинной личностной и политической биографии Ленина»¹¹⁹.

Как оказалось, Арутюнов вооружил «оружием правды» не только широкую общественность, но и своих соратников по борьбе с большевиками. Автор вышедшей в 2003 г. книги «Ленин» В. Поцелуев, отнеся труды своего духовного наставника к «перестроечно-новаторской» историографии, считал необходимым подчеркнуть, что Арутюнов «привлек огромное количество документальных источников, ввел в научный оборот не использованные ранее архивные материалы, проделал критический анализ, при-

¹¹⁸ В огне революционных боев. Ч. II. М., 1971. С. 24.

¹¹⁹ Арутюнов А. А. Личностная и политическая биография. Т. 1. Великий экспериментатор. 2-е изд., доп. и уточн. М., 2003. С. 5–6.

шел к аргументированным выводам»¹²⁰. Вполне понятно, что после таких дифирамбов автору не остается ничего другого, как воспроизвести вслед за Арутюновым весь набор обвинений в адрес Ленина и его окружения в «преступных сношениях» с Германией¹²¹.

На фоне современной отечественной литературы о Ленине, откровенно воинственной и пристрастной, западная историография предпочитает исходить из реальных фактов и документов, не соблазняясь фальшивками и подлогами. Даже такой рьяный критик Ленина, как немецкий историк Георг фон Раух, указав на факт финансовой помощи Германии русским революционерам в швейцарской эмиграции¹²², затем в развитии революционных событий в России не обнаруживает роль «немецкого золота». Для Рауха «события 25 октября представляют собой комбинацию организованного, тщательно подготовленного заговора меньшинства и всеобщего движения масс, имеющего, однако, неясные ориентиры и поэтому легко управляемого. Развитие событий в период с мая по октябрь 1917 г. принесло большевикам симпатии широких кругов населения, ибо Временное правительство и социалистические партии, представленные в правительстве, эти симпатии утратили, и лишь Ленин, как казалось, мог предположить то, что представлялось массам существенным»¹²³.

Английский историк Роберт Сервис в опубликованной в 2000 г. книге «Ленин» стремится преодолеть односторонний взгляд на вождя большевиков. «Очевидно, ошибается Ричард Пайпс, изображая Ленина психопатом, для которого идеология не имеет существенного значения, а действия мотивированы в основном стремлением доминировать и убивать, — пишет он. — Нельзя согласиться ни с мнением Александра Солженицына и Дмитрия Волкогонова, убежденных, что Ленин и ленинизм абсолютно чужды русской традиции, ни с антисемитским подходом Владимира Солоухина, для которого ленинская идеология в значительной степени является следствием наличия в его родословной еврейского предка»¹²⁴. Исход Русской революции в пользу большевиков Сервис объясняет

¹²⁰ Поцелуев В. Ленин. М., 2003. С. 38–39.

¹²¹ См.: Там же. С. 406–416.

¹²² Раух Г. Ленин / Пер. с нем. Ростов-на-Дону, 1998. С. 73–74.

¹²³ Там же. С. 103.

¹²⁴ Сервис Роберт. Ленин / Пер. с англ. Минск, 2002. С. 17.

в первую очередь неукротимой волей и огромным влиянием Ленина, сумевшего подчинить для достижения своей цели не только своих сторонников в партии, но и широкие массы. Что же касается роли «немецкого золота», то он, отметив факт финансирования Германией пропагандистской кампании в России в пользу мира¹²⁵, в дальнейшем к этой теме не возвращается. Не обнаружил Сервис и «германского следа» в Октябрьском вооруженном восстании¹²⁶. Нельзя также не обратить внимания на то, что английский историк не скрывает истинные причины развернувшейся широкой кампании по дискредитации Ленина как политика и человека. Он полагает, что образ Ленина еще много десятилетий будет сохранять значительное влияние на умы россиян. «Пытаясь его уничтожить, — пишет он в связи с этим, — политик Ельцин и многие антиленинские историки в России избрали оружие, давно привычное западным авторам. Почти всегда это попытка представить его фигуру в каком-то одном плане»¹²⁷. В последние годы, как мы уже видели, таким планом стало изображение Ленина как главного пособника кайзеровской Германии.

Известный специалист по истории России почетный член Французской Академии наук Элен Каррер д'Анкокс в опубликованной в 1998 г. книге «Ленин» полагает, что «Ленин отныне принадлежит тем, кто размышляет, взвешивая заслуги людей и событий и не заботясь о политических требованиях и императивах»¹²⁸. Увы, наряду с теми, кто размышляет, есть и те, кто измышляет. Да и сама Элен Каррер д'Анкокс видит цель своей книги «в стремлении вырвать Ленина из «объятий» идеологических страстей и поместить его в историю уходящего века, который, хотим мы того или нет, находился под властью его идей и его воли»¹²⁹. Знакомство с книгой французского историка показывает, что она действительно стремится избегать бездоказательных обвинений и не делать выводов на основе сомнительных источников, хотя вырвать Ленина из «объятий» идеологических страстей, на мой взгляд, ей вряд ли удалось. Тем не менее Каррер д'Анкокс действительно стремится выяснить, какую роль сыграл Ленин в исходе Русской революции

¹²⁵ Там же. С. 334.

¹²⁶ Там же. С. 340–349.

¹²⁷ Там же. С. 561.

¹²⁸ Каррер д'Анкокс Элен. Ленин / Пер. с фр. М., 2002. С. 8.

¹²⁹ Там же.

1917 г. При этом она не пытается сколько-нибудь преувеличить значение финансовой помощи Германии за проведение в России пацифистской революционной пропаганды, о чем в ее книге упомянуто всего один раз¹³⁰. Отвечая на вопрос, почему в октябре 1917 г. взяли власть большевики под руководством Ленина, французский историк указывает в первую очередь на неспособность или нежелание Временного правительства удовлетворить основные требования народа — дать ему мир и аграрную реформу¹³¹. Вернувшийся из эмиграции Ленин, отмечает она, увидел, что движущей силой революции в России стала стихийность, что общество не боролось ни за либерализм, ни за социализм, а защищало свои интересы: хлеб и мир для всех, земля крестьянам, рабочий контроль на предприятиях, самоопределение национальных меньшинств. «Без колебаний он встает на сторону всех стихийных требований, делает свою партию их рупором, — пишет Каррер д'Анкосс. — Лозунг "Вся власть Советам!" — лозунг, который с точки зрения ортодоксального ленинизма был неприемлем; с точки зрения революционной тактики он был гениальной находкой»¹³². Вполне естественно, что в рамках такого понимания и объяснения характера революционного процесса в России 1917 г. фактору «немецкого золота» места не нашлось.

Как видно даже из этого беглого обзора новейшей западной историографии, она далеко «отстает» от нашей «перестроечно-новаторской» литературы. В то время как современные зарубежные историки отказались от многих мифов и легенд и в первую очередь от концепции «германо-большевистского заговора» в России в 1917 г., отечественные «историки-новаторы» ухватились за них, выдавая их общественному мнению за свои собственные открытия. Известный американский историк Александр Рабинович в своей новой книге «Большевики у власти» по этому поводу пишет: «Октябрьскую революцию в Петрограде часто рассматривают как блестяще организованный военный переворот, не имевший опоры в народных массах и осуществленный тесно сплоченной группой профессиональных революционеров под блистательным руководством фанатичного Ленина на германские деньги. Эта трактовка, развенчанная западной "ревизионистской" школой социальной истории в

¹³⁰ Там же. С. 147.

¹³¹ Там же. С. 186.

¹³² Там же. С. 339–340.

70–80-е годы, обрела второе дыхание после роспуска Советского Союза, несмотря на тот факт, что данные из рассекреченных в годы горбачевской гласности советских архивистов подтвердили догадки и выводы ревизионистов»¹³³. Увы, наши доморощенные «ревизионисты» предпочли довериться старым мифам и легендам.

¹³³ *Рабинович Александр*. Большевики у власти. Первый год Советской эпохи в Петрограде / Пер. с англ. М., 2007. С. 39.

Глава вторая

ОТ ГЕРМАНОФИЛЬСТВА К БОРЬБЕ С «ГЕРМАНИЗМОМ»*

«В начале 1914 г. в русском военном министерстве войны не ожидали, — вспоминал бывший в то время военным министром В. А. Сухомлинов. — В главном управлении генерального штаба в конце зимы 1913/1914 гг. расписания лагерных сборов составлялись как обыкновенно: отдельные части у отдаленных округов, в том числе и западного пограничного района, должны были прибыть в Красное Село»¹. Если в военном ведомстве за несколько месяцев до начала Первой мировой войны ее не ожидали, то наиболее дальновидные политики ее предвидели и даже предупреждали о ее негативных последствиях для России. Один из самых влиятельных царских сановников, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново обратился в это же время к Николаю II с запиской², в которой предупреждал, что англо-русское сближение «судит нам неизбежно вооруженное столкновение с Германией». Отвечая на вопрос, в каких условиях произойдет это столкновение, П. Н. Дурново в своей записке определил основные группировки — Россия, Франция, Англия, с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия и Турция — с другой. При этом он обращал внимание царя на тот очевидный для него факт, что в достижении своих жизненных целей «Германия не отступит перед войной и, конечно, постарается даже ее вызвать, выбрав наиболее выгодный для себя момент». Одновременно царский сановник отмечал, что «борьба с

* Глава написана в соавторстве с И. Г. Соболевым.

¹ Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин. 1924. С. 283.

² Записка П. Н. Дурново // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 182–189.

Германией представляет для нас огромные трудности и потребует он нас неисчислимых жертв». Убедя царя в том, что России во всех отношениях не выгодна война с Германией, П. Н. Дурново обращал особое внимание на важность экономического сотрудничества с немецкой стороной. «Что же касается немецкого засилья в области нашей экономической жизни, то едва ли это явление вызывает те нарекания, которые обычно против него раздаются, — полагал он. — Россия слишком бедна и капиталами, и промышленную предприимчивостью, чтобы могла обойтись без широкого притока иностранных капиталов. Поэтому известная зависимость от того или другого иностранного капитала неизбежна для нас до тех пор, пока промышленная предприимчивость и материальные средства населения не разовьются настолько, что дадут возможность совершенно отказаться от услуг иностранных предпринимателей и их денег. Но пока мы в них нуждаемся, немецкий капитал выгоднее для нас, чем всякий другой. . . В отличие от английских или французских, германские капиталисты, большею частью вместе со своими капиталами, и сами переезжают в Россию. Этим же свойством в значительной степени и объясняется поражающая нас многочисленность немцев-промышленников, заводчиков и фабрикантов, по сравнению с англичанами и французами. Те сидят себе за границей, до последней копейки выбирая из России вырабатываемые их предприятиями барыши. Напротив того, немцы-предприниматели подолгу проживают в России, а нередко там оседают навсегда. Что бы ни говорили, но немцы, в отличие от других иностранцев, скоро осваиваются в России и быстро русеют. Кто не видел, напр., французов и англичан, чуть не всю жизнь проживающих в России и, однако, ни слова по-русски не говорящих? Напротив того, много ли видно немцев, которые бы хотя с акцентом, ломаным языком, но все-же объяснялись по-русски? Мало того, кто не видал русских людей, прославленных, до глубины души преданных русским государственным началам и, однако, всего в первом или во втором поколении происходящих от немецких выходцев?».

Свидетельством глубокого проникновения немцев в Россию стало и то, что к лету 1914 г. из 1,5 тыс. генералов русской армии этнические немцы составляли пятую часть, а в гвардейских войсках выходцы из немецких знатных родов занимали треть командирских должностей. По подсчетам немецких историков, более 300 тыс. нем-

цев — подданных Российской империи, сражались в русской армии против Германии и Австро-Венгрии³.

Главное предостережение П. Н. Дурново состояло в том, что война России с Германией может закончиться социальной революцией для обеих. «Слишком уж многочисленны те каналы, которыми за много лет мирного сожителства, незримо соединены обе страны. Чтобы коренные социальные потрясения, разыгравшиеся в одной из них не отразились бы и в другой, — писал он. Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма».

Однако в августе 1914 г. ничто не предвещало предсказанного П. Н. Дурново исхода событий. В ответ на объявление войны Германией Россия ответила взрывом патриотизма. По свидетельству князя А. В. Оболенского, «подъем народного энтузиазма был огромным; казалось, что государь и народ были единомышленны»⁴. Когда Николай II сразу же после подписания манифеста об объявлении войны Германии появился вместе с императрицей Александрой Федоровной на балконе Зимнего дворца, «то вся толпа, запрудившая площадь Зимнего дворца, так что еле можно было дышать, как один человек, упала на колени, и все разом подхватила “Боже, царя храни”. Всем видевшим события 1917 и 1918 гг. трудно поверить, что это была все та же толпа тех же рабочих, солдат и чиновников»⁵. Передавая свои впечатления от первых дней после начала войны, английский посол Джордж Бьюкенен писал: «В эти чудесные дни начала августа Россия оказалась совершенно преображенной. Германский посол предсказывал, что объявление войны вызовет революцию. Он даже не послушался совета своего друга отослать его коллекцию художественных ценностей на хранение в Эрмитаж, поскольку полагал, что Эрмитаж будет разгромлен одним из первых. К несчастью для него, единственным проявлением беспорядков стало полное разграбление по-

³ Меленберг А. А. Немцы в Российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 128–130; Хаген М. фон. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и первая мировая война. СПб., 1999. С. 402.

⁴ Цит. по: Куликов С. В. Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. СПб., 2000. С. 287.

⁵ Там же.

сольства Германии 4 августа. Вместо того, чтобы вызвать революцию, война лишь скрепила связь между государем и народом»⁶. Расположенное в центре города, на Исаакиевской площади, посольство Германии и в самом деле было взято толпой штурмом и, несмотря на присутствие на площади министра внутренних дел Н. А. Маклакова и эскадрона жандармов, было «разнесено в щепки».

Что же касается «скрепления связи между государем и народом», то это было хотя и ярко проявленное, но мимолетное впечатление, которое быстро улетучилось. Пройдет не так уже много времени, и худшие опасения П. Н. Дурново начнут сбываться в ходе длительной и кровопролитной войны: Россия и Германия сами загонят себя в тупик, выход из которого будет пролегать через социальные потрясения и революции.

Война стала последним испытанием царизма, показала его неспособность спасти от катастрофы страну, которая к этой войне не была готова. На первые поражения русской армии в августе 1917 г. царь смог ответить только переименованием Петербурга в Петроград. Как признавал позднее начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич, вопрос о недостатке снарядов, винтовок и патронов возник в первые же месяцы войны. Мобилизационный запас снарядов, например, был израсходован в первые четыре месяца войны. Программа перевооружения была рассчитана на выполнение к 1917 г. Казенная военная промышленность не могла в достаточной степени обеспечить армию вооружением и боеприпасами, а переход частной промышленности на их производство был начат с опозданием. В результате русская армия оказалась неподготовленной к ведению крупномасштабных наступательных операций. В ноябре 1914 г. председатель Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков сообщал с фронта, что «войска плохо кормлены, плохо одеты, завшивлены в конец, в каких-то гнилых лохмотьях вместо белья»⁷. В связи с этим А. Ф. Керенский позднее писал: «Реакционеры, утверждающие, будто русскую армию сгубила революция, будто армия, героически сражавшаяся в 1914–1915 годах, разбежалась в 1917-м, совершенно искажают факты. Армия неотвратимо утрачивала боеспособность. Она все более

⁶ Бьюкенен Джорджс. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918 / Пер. с англ. М., 2006. С. 170.

⁷ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 543.

напоминала недисциплинированную, плохо экипированную толпу»...⁸

Война легла непосильным бременем на экономику страны. «В то время как Англия вступила в войну, имея одних иностранных ценностей на 150 миллиардов франков, а Франция на 115 миллиардов франков, с чем, с какими запасами накопленных в долгие годы мира богатства, вступила в эту войну Россия?» — задавался вопросом член Государственной думы А. А. Бубликов в 1917 г. И сам отвечал: «С отрицательным запасом, с иностранными долгами государственными и промышленными»⁹. В 1914 г. суточные расходы на войну составляли 9 млн руб., а в 1915 — 24 млн руб., в 1916 — 40 млн руб., в 1917 г. — 55 млн, а всего военные расходы России за 1914–1917 гг. составили около 50 млрд руб. Именно таким был государственный долг, по данным министра финансов Временного правительства А. И. Шингарева, на середину 1917 г.¹⁰ Экономическая неподготовленность к войне была усугублена острым социально-политическим кризисом, расколом российского общества, нежеланием царизма пойти на уступки либеральной оппозиции. «... Наступил момент, когда для всех стало ясно, что довести войну до конца, победить при старом строе невозможно, и для тех, кто верил, что революция гибельна, для тех явилось долгом и задачей сделать революцию сверху, — говорил один из видных деятелей кадетской партии В. А. Маклаков на частном совещании членов Государственной думы 4 мая 1917 г. — Вот та задача, которую мы не исполнили. И если, господа, потомство проклянет эту революцию, то она проклянет и тех, которые вовремя не поняли, какими средствами можно было бы ее предотвратить»¹¹.

Однако Николай II, убежденный в абсолютной преданности ему народных масс, полагал, что успешное решение обострившихся внутривластных проблем зависит только лишь «от единения царя со своим народом», который стремится не к ограничению царской власти, а к оказанию ей безусловной поддержки. Перманентная оппозиционность Государственной думы заставляла царя искать «единения с народом» в общении не с ее депутатами, а с

⁸ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 91.

⁹ Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. 133.

¹⁰ Там же. С. 248.

¹¹ Там же. С. 17.

черносотенными деятелями. Когда однажды председатель Думы М. В. Родзянко обратил внимание Николая «на растущее недовольство в народных массах, царь возразил ему, показав объемистую пачку телеграмм черносотенцев: “Это неверно. У меня ведь тоже есть своя осведомленность. Вот выражения народных чувств, мною ежедневно получаемые: в них высказывается любовь к царю”»¹². Встречаясь во время войны с рабочими и солдатами, Николай пытался снова и снова доказать себе и другим, что проявившееся в начале войны «единение царя и народа» существует по-прежнему. Если судить по восторженному приему подданных, то оно так и было. «Его величество посетил сегодня Путиловский завод, — записал в своем дневнике военный министр В. А. Сухомлинов. — Рабочие высказали такой энтузиазм и патриотический подъем, что государь был до глубины души тронут»¹³. Трудно сказать, насколько искренни были здесь обе стороны. Во всяком случае именно путиловцы выступили одними из первых в феврале 1917 г. против царской власти. Охранное отделение сообщало, что 3 февраля 1917 г. рабочие кричали у Путиловского завода: «Долой самодержавную власть, так как государь не знает, кто правит страной и ее продает»¹⁴.

По мере ухудшения положения в стране думская оппозиция все решительнее протестовала против политики царской власти. Выступая 1 ноября 1916 г. на заседании Государственной думы, лидер партии конституционных демократов П. Н. Милюков назвал царское правительство главным виновником развала в стране как на фронте, так и в тылу. «Во французской “Желтой книге”, — говорил он, — был опубликован германский документ, в котором преподавали правила, как дезорганизовать неприятельскую страну, как создать в ней брожение и беспорядки. Если бы наше правительство хотело намеренно поставить перед собою эту самую задачу или если бы германцы захотели употребить на это свои средства — средства влияния или средства подкупа, то ничего лучшего они не могли бы сделать, как поступать так, как поступало русское правительство». Тем не менее в этой речи будущего министра иностранных дел Временного правительства удивляет то, что тезис о дезоргани-

¹² Куликов С. В. Указ. соч. С. 285.

¹³ Дневник генерала Сухомлинова // Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920. С. 230.

¹⁴ Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1 (29). С. 160.

заторской работе противника выражен в предположительной форме («если бы германцы захотели. . .»), и нам, в свою очередь, остается предположить: либо П. Н. Милюков действительно ничего не знал об этой подрывной работе, либо для него было важнее «свалить» собственное правительство, которое он обвинял в «глупости» или «измене».

Показательно также с этой точки зрения и выступление в Москве в декабре 1916 г. соратника П. Н. Милюкова — В. А. Маклакова. «Династия ставит на карту самое свое существование, — говорил он, — не разрушительными силами извне, а ужасною разрушительною работою изнутри она сокращает срок возможного, естественного существования на доброе столетие. . . Безумная власть пришла бы в величайший ужас, если бы она знала, услышала, каким языком и что говорит деревня. Бог весть, какими путями, но ей немедленно стало известно все то, что знают в Петрограде каждая кухарка и дворник. И ужасное зерно истины деревня стала облекать в невероятные одежды легенды. И получается поистине кошмар. Интеллигенция, силясь понять явление, в ужасе перед развалом, все-таки не теряет до конца великодушия и говорит о болезни, о патологии, о психозе; деревня решает проще: она знает в оценке происходящего одно ужасное слово: "измена, предательство русского народа германцам"¹⁵.

Но так думала не только деревня. Как показало изучение материалов перлюстрации в годы Первой мировой войны, треть всех корреспондентов связывала кризисное состояние России с закулисным влиянием, считала его даже решающим фактором политической и экономической жизни России. Образ «темных сил» эксплуатировался и левыми, и правыми политическими кругами, вкладывающими в него различное содержание. Более половины тех, кто писал о «вражеском влиянии», понимали под этим действия «немецких агентов»¹⁶. «Слухи заполнили собою обывательскую жизнь, — отмечалось в отчете Петроградского охранного отделения в ноябре 1916 г., — им верят больше, чем газетам, которые по цензурным условиям не могут открыть всей правды. Общество жаждет вести разговоры на "политические" темы, но не имеет никакого ма-

¹⁵ Донесения Д. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы. Декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. № 5. С. 28—29.

¹⁶ Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 166.

териала для подобных бесед. Всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр. Не видно конца всем этим слухам, которыми живет изо дня в день столица»¹⁷.

Главным персонажем слухов становится императрица. Александра Федоровна была заподозрена с самого начала войны в германофильстве: она де радуется, «когда бьют наших, и плачет, когда бьют врагов». И хотя распространителей подобных слухов даже привлекали к суду, остановить их хождение было невозможно¹⁸.

Возник устойчивый слух о «немецкой партии», сплотившейся вокруг императрицы. Неудивительно, что в такой обстановке русский генерал мог сказать английским офицерам в начале 1917 г.: «Что мы можем поделаться. У нас немцы везде. Императрица — немка»¹⁹. В докладе военной цензуры о настроениях в русской армии в начале 1917 г. отмечалось, что офицеры все неустройство приписывают влиянию «немецкой партии», при этом многие относятся к царице враждебно, считая ее «активной германофилкой»²⁰. Во время визитов Александры Федоровны в Ставку принимались экстренные меры секретности — утверждали, что после каждого такого посещения русская армия терпела поражение. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев заявил, что у царицы имелась секретная карта с расположением войск, которая должна была существовать только в двух экземплярах, хранящихся у него и императора²¹.

Другим персонажем слухов стал великий князь Николай Николаевич, назначенный царем Верховным главнокомандующим. Первые слухи об измене Верховного главнокомандующего были зафиксированы еще осенью 1914 г. Некий волостной писарь и его помощник рассказывали крестьянам в волостном управлении, что Николай Николаевич де «сделал измену» и продал Варшаву за 16 пудов золота, но один солдат на него донес, и великого князя будут судить. Слухи о «пудах золота» распространялись и потом. Пьяный торговец из Тамбова в ночь на 1 января 1916 г. поведал посетителям

¹⁷ Буржуазия накануне Февральской революции / Подгот. Б. Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 125–126.

¹⁸ Колоницкий Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–73.

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Там же. С. 73–74.

²¹ Там же. С. 74.

трактира, что «бывший Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич продал Карпаты и Россию за бочку золота, и теперь война проиграна»²². Даже московский градоначальник не мог не отметить, что в народе складывается убеждение, что победы достигнет не правительство, а народ своими собственными усилиями и после войны посчитается с правительством за ту кровь, которая пролилась напрасно, благодаря его потворству немцам»²³.

В подобных слухах отразились сомнения в различных слоях российского общества относительно патриотической позиции династии Романовых. Показательно, что созданная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия для расследования преступлений царского режима была ориентирована на поиск доказательств преступной связи Романовых с Германией. Председатель этой комиссии Н. К. Муравьев первоначально считал, что Николай II намеревался открыть фронт немцам, а царица передавала кайзеру Вильгельму II сведения о дислокации русских войск.²⁴ Объяснение этому феномену лежит, между прочим, не только в прежних отношениях Николая II и Вильгельма II, но и в тех новых политических и идеологических установках, которые были приняты царем и его правительством с началом войны против Германии.

1. Борьба с «немецким засильем»

С вступлением России в Первую мировую войну получившее в России широкое распространение немецкого землевладения и землепользования, а также предпринимательской активности в торгово-промышленной сфере встретило серьезные препятствия. Пресловутое «засилье немецчества» стало слишком привлекательной во всех отношениях темой, чтобы ее не использовать и не свалить на вчерашних союзников ответственность за все беды стра-

²² Колоницкий Б. И. Великий князь Николай Николаевич в оскорблениях и слухах эпохи Первой мировой войны // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 446, 450.

²³ Савинова Н. В. Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914–1917 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2007. Вып. 2. С. 181.

²⁴ Завадский С. В. На великом изломе // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 50.

ны и не попытаться решить за их счет свои насущные проблемы. Справедливости ради отмечу — для этого были и объективные основания: еще до начала войны в Департамент общих дел МВД стали поступать из Департамента полиции сведения о деятельности в России немецких организаций «Союза для охраны германизма за границей» и «Общества попечительства о немецких переселенцах, возвращающихся в Германию». Берлинский «Союз для охраны германизма за границей» рассылал по немецким колониям на окраинах России эмиссаров, которые пропагандировали среди немцев-колонистов, в особенности среди солдат-немцев русской службы, идею пангерманизма. Союз оказывал своим соотечественникам материальную помощь для скупки русских земель вдоль железных дорог, выгодных для германских интересов. «Общество попечительства о немецких переселенцах, возвращающихся в Германию», занималось распределением немецких колонистов по стратегически важным районам Российской империи и собирало при посредничестве немцев-колонистов сведения военного характера²⁵.

«Высочайшим» указом от 28 июля 1914 г. о правилах, которыми Россия будет руководствоваться во время войны, прекращалось действие всяких льгот и преимуществ, предоставленных в свое время подданным «неприятельских государств». Органам власти предписывалось задерживать тех из них, которые состоят на действительной военной службе или подлежат призыву, в качестве военнопленных, а также предоставлялось право высылать «вражеских подданных» из пределов России и отдельных местностей. Проживавшие в России лица немецкой национальности уже не рассматривались в качестве одной из категорий иностранцев — русскоподданных, а как подданные воюющей с Россией державы или как потомки таковых. В связи с этим во внутривосточной конъюнктуре произошли серьезные изменения, и вчерашним высокопоставленным германофилам пришлось срочно отречься от прежних взглядов и искать поводы для демонстрации своего патриотизма. Шумиха вокруг «немецких привилегий» подходила для этого как нельзя лучше. Инициативу проявило Министерство внутренних дел, что свидетельствовало об организованном и официальном

²⁵ Базина Н. Г. VII Отделение Департамента общих дел Министерства внутренних дел России накануне и в годы I мировой войны // Вестник молодых ученых. 2002. Сер. «Исторические науки». №2. С. 34.

характере кампании по борьбе с «немецким засильем». 10 октября 1914 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков препроводил в Совет министров докладную записку «О мерах к сокращению немецкого землевладения и землепользования». С первых строк документа его авторы безапелляционно утверждали, что «стремительное увеличение немецкого землевладения... должно было всячески содействовать подготовке германского военного нашествия на... западные окраины». Как непреложный факт провозглашалось и то, что проживавшие в приграничной полосе немцы обязаны были при наступлении германской армии «предоставить в ее распоряжение квартиры и фураж, а при требовании последнего для нужд русской армии — сжечь его», нисколько не смущаясь тем, что установлено это было «по неподдававшимся проверке данным». Согласно столь же достоверному источнику информации, в Бессарабии новая железная дорога прошла исключительно по немецким колониям и даже «образовала особый угол для того, чтобы прорезать их центр», в то же время «минуя русские села с такой тщательностью, что ни одно из них не оказалось к ней поблизости». Объяснялось подобное безобразия происками местного земства, «всецело находящегося в руках немецких колонистов»²⁶.

Конкретные предложения Н. А. Маклакова предусматривали, во-первых, распространение ограничительных мер в отношении немецких колонистов на все западные губернии, во-вторых, содержали не только запрет на приобретение указанной категорией собственников нового земельного имущества, но и впервые вводили в государственную практику принцип принудительного отчуждения уже существующих владений на основании национальной принадлежности их собственников. При этом авторы проекта признавали, что ими предусматривается «доселе не свойственное России» начало обратного действия ограничительных законов, но, не отрицая суровости планируемых шагов, считали их необходимыми²⁷. В качестве обоснования правомочности подобных действий приводилась ссылка на то, что в Германии к этому времени уже конфискованы русские денежные вклады в правительственных и частных банках. Имущество же немецких поселенцев в России, по заверениям чиновников МВД, будет не отобрано безвозмездно, а «приобретено на

²⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1483. Оп. 1. Д. 30. Л. 35 об.-37.

²⁷ Там же. Л. 37-39 об.

условиях, напоминающих общий порядок принудительного отчуждения для государственных целей»²⁸.

Анализируя докладную записку Н. А. Маклакова, нельзя не заметить, что «реформаторы» из МВД всячески старались обосновать правомочность и жизненную необходимость предлагаемых ими действий, объектом которых должна была стать святая святых — частная собственность на землю. Однако в этих целях они не нашли ничего лучшего, как воспользоваться различными «не поддававшимися» (а скорее всего, и не поддающимися) проверке данными, т. е. перенести на страницы правительственного документа полный набор антинемецких слухов и сплетен, которые к этому времени уже вовсю муссировались в прессе всех направлений и в обществе. Кроме того, проектируемые меры касались лишь ликвидационной политики в аграрной сфере, ни словом не упоминая о германских капиталах в торговле и промышленности. Подобную избирательность можно, очевидно, объяснить целями, которые преследовали авторы проекта, — избавить «русских помещиков на сто лет от аграрных беспорядков»²⁹, и не более того. Помимо всего прочего, так же как и упоминавшиеся выше разработки, проект Н. А. Маклакова не предусматривал никаких механизмов реального воплощения содержащихся в нем предложений в жизнь, т. е. как осуществить «принудительное отчуждение для государственных целей». Необходимо отметить, что утопичность предлагавшихся Н. А. Маклаковым мер признавали и последующие вдохновители кампании по борьбе с «немецким засильем». Так, будущий министр внутренних дел А. Н. Хвостов, критикуя в августе 1915 г. Совет министров за то, что он «растоптал, разбил и подмял под себя» проект Н. А. Маклакова, тут же признавал, что «он был несерьезен»³⁰.

Однако приоритет в постановке вопроса о необходимости борьбы с «германизмом в русской жизни» принадлежал прессе. Наступательный характер здесь задавало «Вечернее время», которое 1 сентября 1914 г. напечатало открытое письмо «группы русских» с призывом к «бескровной борьбе с немецким началом в России». Один из активных сотрудников этой газеты Ф. Оссендовский (мы

²⁸ Там же. Л. 40.

²⁹ Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 228.

³⁰ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Л. 7 об.

еще встретимся с ним неоднократно) впоследствии писал, что он «вел борьбу с германцами во всех отраслях нашей жизни, пользуясь материалами и денежными средствами, предоставленными Н. А. Второвым, А. И. Гучковым, польскими деятелями и др». ³¹ Столь же воинственные позиции занимало и «Новое время», наиболее значимым вкладом которого в борьбу с германизмом стала публикация списков сенаторов с немецкими фамилиями летом 1915 г. По свидетельству современников, «эффект этой публикации был тот, что Сенат подавляющим большинством высказался за лишение германских подданных судебной защиты»³². Большой общественный резонанс получили и напечатанные в «Русском Слове» две обширные статьи А. И. Куприна об «исконном бесправном 10-миллионном населении Прибалтийского края», поправном «господской пятой» нескольких «десятков баронских родов» и почти миллионом немцев-горожан. В действительности все население прибалтийских губерний к этому времени не достигало и 3 млн, а проживавших там немцев насчитывалось около 150 тыс.³³ В сознании обывателя настойчиво формировался образ внутреннего врага, повинного во всех бедах страны.

Разгоревшаяся на фоне взрыва шовинистических настроений кампания по борьбе с «немецким засильем» не обошла стороной и крупнейшие петроградские банки. 14 сентября 1914 г. «Петроградская газета» напечатала заметку «Петроградский Международный банк — германо-австрийская колония», в которой утверждалось, что в этом банке «наблюдается настоящее засилье немцев и австрийцев». Здесь же назывался и ряд руководителей банка, носивших немецкие фамилии. В переданной одному из самых влиятельных членов дирекции Международного банка А. И. Вышнеградскому «бумаге» список нежелательных членов руководства был расширен до 26 человек! Вышнеградский был вынужден оправдываться перед директором Кредитной канцелярии Д. И. Никифоровым. «Часть поименованных лиц хотя и носят немецкие фамилии, — писал он, — являются лицами происхождения не немецкого». И далее Вышнеградский приводил целый ряд фами-

³¹ *Старцев В. И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 1994. С. 28.

³² *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории внешнеполитического ведомства. Август 1914 — октябрь 1917. Кн. 1. М., 1993. С. 91.

³³ См.: Русское слово. 1914. 29 и 30 окт.

лий, среди которых был заведующий отделением банка г. Немус — «шведского происхождения и ярый ненавистник немцев»³⁴.

Особенно жесткая кампания, причем на международном уровне, была развернута против Русского для внешней торговли банка. Осенью 1914 г. русский посол в Риме посчитал «долгом указать на необходимость смещения» директора отделения Русского для внешней торговли банка «швейцарца немецкого происхождения» О. Векерлина, который «в разговоре в нашем генеральном консульстве в Генуе осмеливается возлагать ответственность за войну не только на русское правительство, но и выше...». Английский посол в Риме, в свою очередь, сообщал, что «по дошедшим до него сведениям, за точность коих он не ручается», указанное отделение Петроградского банка занималось контрабандой в пользу Германии. Об этом же сигнализировал в Петроград и агент русского Министерства торговли и промышленности, по сведениям которого отделение Русского для внешней торговли банка открыло кредит в 20 млн франков некоему Калькеру, «представителю германской фирмы и, по-видимому, даже германского интендантства», осуществлявшему транзитные перевозки из Италии через Швейцарию в Германию хлебных грузов³⁵. В результате дело не ограничилось «величайшим осуждением» и «единогласным увольнением» управляющего генуэзского отделения Векерлина, в дело вмешалось Министерство внутренних дел, которое заявило, что «из поступивших вполне определенных сведений» можно сделать вывод, что Русский для внешней торговли банк занимается переводами денег в Германию через Centralbanken for Norge в Христианин³⁶. Естественно, такое обвинение (даже не доказанное) в условиях войны было чревато серьезными последствиями.

Неудивительно поэтому, что кампанией против Русского для внешней торговли банка пытались воспользоваться недобросовестные предприниматели для того, чтобы не платить по счетам. В октябре 1914 г. в «Вечернем времени» появилась статья анонимно-го «русского промышленника», обеспокоенного тем, что, оплачивая

³⁴Беляев С. Г. Министерство финансов и международные связи петроградских коммерческих банков в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 397.

³⁵Там же. С. 397–398.

³⁶Там же. С. 398.

векселя, приходящие ему из Германии через Швецию на Русский для внешней торговли банк, он должен «увеличивать бюджет Германии»³⁷.

Известный специалист в области финансовых отношений в годы Первой мировой войны С. Г. Беляев не исключает, что подобные проявления «общественного негодования» могли быть инспирированы властями³⁸. Указом 15 ноября 1914 г. было запрещено без разрешения министра финансов пересылать деньги и ценные бумаги учреждениям и лицам в страны центрального блока. Указ 31 мая 1915 г. воспрещал выдачу подданным неприятельских держав денежных вкладов и производство им платежей³⁹. Проблемой «немецкого влияния» в отечественных банках был обеспокоен и Николай II. В отправленной в августе 1916 г. телеграмме английскому королю Георгу V он называет «серьезным явлением, требующим борьбы с ним, влияние некоторых наших банков, которые были до войны в германских руках и влияние которых сильно, но невидимо чувствуется, в особенности в медленном исполнении заказов на изготовление военных материалов, амуниции и пр.»⁴⁰

С первых же дней войны на страницах российской прессы стал формироваться неприглядный образ беспощадного и коварного врага. Кампания началась в связи с жестоким обращением немцев с оставшимися в Германии иностранцами. С началом крупномасштабных военных действий рассказы и слухи о «немецких зверствах» умножились. Поступавшие в связи с этим из Ставки в МИД России обширные материалы обрабатывались, а составленные на их основе памятные записки распространялись за границей⁴¹. Неудивительно поэтому, что в России имели место уличные эксцессы вроде разгрома здания немецкого посольства в Петербурге. Министерство иностранных дел в своей докладной записке Николаю II назвало этот факт «ужасающим и прискорбным событием».

«Весной 1915 г., когда, после блестящих побед в Галиции и на Карпатах, российские армии вступили в период “великого отступле-

³⁷ Вечернее время. 1914. 28 окт.

³⁸ Беляев С. Г. Указ. соч. С. 398-399.

³⁹ Там же. С. 399.

⁴⁰ Монархия перед крушением. 1914-1917. Из бумаг Николая II. М.; Л., 1927. С. 13.

⁴¹ Михайловский Г. Н. Указ. соч. С. 91.

ния”, — писал А. И. Деникин, — русское общество волновалось и искало “виновников, 5-ю колонну”, как теперь выражаются. По стране прокатилась волна злобы против своих немцев, большей частью давным-давно обруселых, сохранивших только свои немецкие фамилии. Во многих местах это вылилось в демонстрации, оскорблениях лиц немецкого происхождения»⁴².

Огульное отрицание всего немецкого перекинулось и на интеллигенцию: различные научные общества стали исключать из своей среды германских и австрийских ученых. Очень быстро это обличение всего немецкого обратилось и против немецких элементов внутри России. «В одно мгновение, — вспоминал современник тех событий, — изменилось положение немцев России, обитателей русских городов, торговцев, ремесленников, литераторов, гордых культурными достижениями своими и своих отцов, не особенно любимых русскими, но все-таки уважаемых. В одну ночь они превратились в гонимые парии, людей низшей расы, опасных врагов государства, с которыми обращались с ненавистью и недоверием»⁴³.

Увы, в условиях нагнетания антинемецкой истерии борьба с «немецким засильем» скоро вышла из рамок «бескровной». Наиболее сильным проявлением антинемецких настроений стали майские события 1915 г. в Москве. «Во второе лето Великой европейской войны, в конце мая 1915 года, в первопрестольной столице бывшего российского государства в Москве, произошел грандиозный погром. Били немцев, — вспоминал позднее чиновник особых поручений при МВД Н. П. Харламов. — Погром продолжался три дня, с 27 мая по 29 мая, и сопровождался зверским убийством пяти лиц немецкого происхождения в том числе четырех женщин. На лучших улицах Москвы: Тверской, Петровке, Кузнецком мосту, Мясницкой и многих других, а также в роскошных зданиях торговых рядов были разгромлены все торговые помещения, имевшие иностранные вывески»⁴⁴. Всего было разгромлено 732 помещения: магазины, склады, конторы и частные квартиры, а нанесенный ущерб составил более 50 млн руб.⁴⁵ От погрома пострадали

⁴² Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 245.

⁴³ Дённгенхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494-1941). М., 2004. С. 329.

⁴⁴ Харламов Н. П. Избиение в Первопрестольной: немецкий погром в Москве в мае 1915 года // Родина. 1993. № 8/9. С. 127.

⁴⁵ Там же.

не только австро-немецкие подданные: толпа громила все магазины и конторы с иностранными вывесками, независимо от подданства или национальности их владельца, а в некоторых случаях и «даже чистокровных русских»⁴⁶. По мнению Харламова, именно пресса «подготовила и воспитала то чрезвычайное озлобление, которое немцы и все немецкое встречали в московских низах. Он также упрекал и правительство, которое, «вступив в войну с Германией, либо не сумело, либо не пожелало объяснить, что война объявлена Германии, а не немцам. Также не уяснили себе это ни главноначальствующий в Москве генерал-адъютант Юсупов, ни редакторы “Нового” и “Вечернего времени”. Чего же было ожидать от московского мастерового, разгромившего в достопамятные майские дни 1915 года свою первопрестольную?»⁴⁷.

Не стояла в стороне от начавшейся антинемецкой кампании и российская «общественность». Начало войны явилось толчком к появлению в стране различных «патриотических» обществ, из которых наиболее выделялись столичные. В Петрограде действовало «Общество 1914 года», ставившее своей целью содействие «самостоятельному развитию производительных и творческих сил России, ее познанию и просвещению», а также стремление освободить «русскую духовную и общественную жизнь, промышленность и торговлю от всех видов немецкого засилья»⁴⁸. К началу 1916 г. Общество насчитывало, по утверждениям его руководства, 6500 членов⁴⁹, проводило ежемесячные заседания, собиравшие, к примеру, в октябре–ноябре 1916 г. 800–900 наиболее активных сторонников, среди которых были члены Государственной думы М. А. Караулов и С. П. Мансырев, издатель «Былого» В. Л. Бурцев, народоволец Г. А. Лопатин⁵⁰. В Обществе функционировали 17 отделов (торгово-промышленный, сельскохозяйственный, учебный, пропаганды, юридический и т. д.), устраивавшие еженедельные заседания.⁵¹ Кроме того, петроградские «патриоты» пытались открывать отделения и в других городах России⁵².

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 132.

⁴⁸ 1914 год (Известия Общества 1914 года). 1916. № 1. С. 3.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ 1914 год (Известия Общества 1914 года). 1916. 22 дек.

⁵¹ Там же. 1916. 19 марта.

⁵² Там же. 1916. 21 марта.

С 19 февраля 1916 г. Общество приступило к изданию журнала «1914 год (Известия Общества 1914 года)»⁵³. «С ужасом» делая вывод о том, что «нет ни одного уголка в России, нет ни одной отрасли, так или иначе не тронутой немецким засильем»⁵⁴, идеологи Общества полагали, что покоится оно на «покровительстве немцам и всему немецкому со стороны правительственных кругов, на стеснении самодеятельности русских путем устарелого законодательства и недоверии к творческим силам русского народа и на неорганизованности русской жизни»⁵⁵. Главная мысль, пропагандировавшаяся Обществом, сводилась к тому, что одним только властям задача ликвидировать «немецкое засилье» не под силу. Комментируя, к примеру, учреждение весной 1916 г. Особого комитета по борьбе с немецким засильем, «патриоты» выражали надежду, что «новое ведомство признает за общественными организациями огромное значение в деле ликвидации немецкого засилья и предоставит широкое поле для проявления общественной инициативы»⁵⁶.

В Москве такая же деятельность была ключом в обществе «За Россию», которое постоянно публиковало списки «вражеских германских фирм» в Москве, «желая выяснить размеры в городе немецкого засилья»⁵⁷. Был издан специальный справочник «Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 год», в котором были приведены домашние адреса и телефоны и даже местоположение подмосковных дач хозяев и руководителей фирм. Так же как и их петроградские коллеги, московские «патриоты» бомбардировали правительственные органы письмами и телеграммами с информацией о своей деятельности, требованиями закрепить то или иное предприятие, поздравлениями или протестами, выражали «твердую уверенность в том, что в государственных интересах — немедленная ликвидация всех вражеских предприятий вне зависимости от формальных условий их учреждения и способов деятельности, а также передача этих предприятий в твердые русские руки»⁵⁸.

⁵³ Несмотря на провозглашение редакцией своего детища журналом, издание не превышало объема ежедневной газеты.

⁵⁴ 1914 год (Известия Общества 1914 года). 1916. 19 февр.

⁵⁵ Там же. 1916. 19 марта.

⁵⁶ Там же. 1916. 21 апр.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 34. Л. 443 и об.

⁵⁸ Там же.

Хотя обвинения в «покровительстве немцам и всему немецкому со стороны правительственных кругов» были крайне преувеличены, они способствовали нагнетанию в обществе антинемецкой истерии, в связи с чем министр внутренних дел Н. Б. Щербатов был даже вынужден обратиться в августе 1915 г. к Государственной думе с просьбой «помочь прекратить травлю всех лиц, носящих немецкую фамилию», поскольку «многие семейства сделались за двести лет совершенно русскими»⁵⁹. Дело доходило до того, что видным политикам приходилось менять фамилию. Так, бывший обер-прокурор Синода В. К. Саблер стал Десятовским. Известно, что пытался взять фамилию Панина (по матери) и Б. В. Штюрмер, назначенный в январе 1916 г. председателем Совета министров, в связи с чем французский посол в России М. Палеолог не преминул заметить в своем дневнике: «Происхождения он немецкого, как видно по фамилии. Он внучатый племянник того барона Штюрмера, который был комиссаром австрийского правительства по наблюдению за Наполеоном на острове св. Елены»⁶⁰.

Полную поддержку взятого правительством курса на ликвидацию в стране «засилья немецства» выразил черносотенный лагерь. При этом правые совершенно не смущались тем обстоятельством, что вплоть до 1914 г. германофильские настроения бурно процветали именно в их среде, а черносотенные лидеры и идеологи неоднократно, причем в свойственной им ультимативной форме, предостерегали правительство от конфронтации с западным соседом, видя в «старинных отношениях с Германией... могучий оплот монархического принципа среди кругом бушующего моря революций»⁶¹. Разразившаяся война в корне изменила ситуацию, превратив прежних умилявшихся всем немецким черносотенцев в наиболее рьяных обличителей «германизма». Причины столь резкой переориентации кроются не только и не столько в желании правых лишний раз продемонстрировать верноподданнические чувства и столь свойственный им «истинно русский патриотизм». Борьба с «немецким засильем», особенно с обширным колониистским землевладением, давала русским помещикам шанс хоть как-то решить аграрную проблему,

⁵⁹ Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая: Стеногр. отчеты. Т. 1. Пг., 1915. Стб. 436–437.

⁶⁰ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 120.

⁶¹ Письмо В. М. Пуришкевича С. Д. Сазонову от 14 января 1914 г. // Исторические записки. 1965. Вып. 75. С. 50.

оттянуть на возможно более долгий срок постановку вопроса о перераспределении в той или иной форме находившихся в их руках десятков миллионов десятин земель. Именно поэтому правые развернули вокруг «немецкого вопроса» столь лихорадочную шумиху, неустанно призывая правительство как можно скорее покончить с «германизмом». После массивной подготовки в печати центр тяжести был перенесен ими в Государственную думу, где 3 августа 1915 г. 37 ее членов из правого лагеря внесли предложение об образовании специальной «комиссии о всех мероприятиях по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни». Глашатаем черносотенцев выступил А. Н. Хвостов, использовавший в своем продвижении к власти именно борьбу с «немецким засильем». И хотя его речь в Думе не содержала реальных доказательств подрывного влияния «германизма», она произвела нужное впечатление. Хвостов обвинил правительство В. Н. Коковцова в том, что «по русской территории победно шествуют синдикаты, которые захватили нашу металлургическую, электрическую, электротехническую промышленность», а Министерство финансов во главе с П. Л. Барком в том, что оно «отдает предпочтение интересам банков, а не интересам России» и «оставляет население в полной власти хищников, работающих на немецкие капиталы, а потом удивляется, что население не довольно»⁶².

Обсуждение предложения правых в Думе вылилось в бурную полемику. В их поддержку выступил избранный в Думу от Прибалтики активный член «Общества 1914 года» С. П. Мансырев. По его мнению, одной из главных задач предполагаемой комиссии должна была стать необходимость «раз и навсегда отметить, в чем же заключается это немецкое засилье, с которой стороны оно опасно и как с ним нужно бороться»⁶³. В качестве подтверждения тотального характера «германского влияния» С. П. Мансырев привел, в частности, фантастические цифры о принадлежности большинства служащих российского Министерства иностранных дел как внутри страны, так и за границей, к немецкой национальности⁶⁴. Нужно спешить с законопроектом (о борьбе с немецким засильем), — пугал он членов Думы, — иначе вы раздразите аппетиты народные. . . до-

⁶² Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая: Стеногр. отчеты. Т. 1. Стб. 362–363, 369–370.

⁶³ Там же. Стб. 384.

⁶⁴ Там же. Стб. 393–394.

ждетесь нового пугачевского восстания с криком “земли дай!”»⁶⁵. Между тем цифры, приведенные С. П. Мансыревым касательно русского внешнеполитического ведомства, мягко говоря, не соответствовали действительности и были документально опровергнуты товарищем министра иностранных дел, будущим членом Особого комитета по борьбе с немецким засильем В. А. Арцимовичем⁶⁶. Впрочем, обличитель «германизма» оскандалился подобным образом не в первый раз. Еще в ноябре 1914 г. в прессе появилось сообщение о том, что «член Государственной думы князь Мансырев с цифрами и фактами в руках дал новые доказательства о чудесах немецкого засилья в Прибалтийском крае», поведав об имевшем место факте обнаружения в окрестностях имений немецких баронов базы аэропланов⁶⁷. Между тем единственным «документом», которым располагал С. П. Мансырев, была заметка в латышской газете «Лидиумс» от 14 ноября 1914 г., а приведенный в ней разговор с одним из уездных начальников был измышлением ее автора.⁶⁸ Все эти случаи как нельзя лучше раскрывают механизм предания на суд «общественности» разоблачительных материалов и «доказательств немецкого засилья».

Против образования комиссии по борьбе с немецким засильем решительно выступили трудовики, заявив устами А. Ф. Керенского, что считают предложение правых «самой плохой и вредной демагогией». «В социально-экономических отраслях жизни, — продолжал Керенский, — никаких национальных засильев быть не может». Далее он советовал черносотенцам «поостеречься с немецким засильем», так как эта тема «слишком опасна... для тех, кому вы служите»⁶⁹. Общий смысл его выступления сводился к тому, что крики о «немецком засилье» — всего лишь «стремление отвести глаза народа в сторону от истинных виновников всего происходящего»⁷⁰. «Новое время» ехидно замечало в связи с этим, что «крайний левый фланг испугался того, что этих виновников нашли, и также пытается... отвлечь от того, что совершается у нас, в Петрограде,

⁶⁵ Там же. Стб. 398.

⁶⁶ Там же. Стб. 438.

⁶⁷ Вечернее время. 1914. 21 нояб.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 31. Л. 20 и об.

⁶⁹ Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая: Стеногр. отчеты. Т. 1. Стб. 426-434.

⁷⁰ Там же. Стб. 434.

и в России».⁷¹ Полностью солидаризировались с трудовиками социал-демократы. «Нам предлагают бороться с немецким засильем, да еще во всех областях русской жизни, — заявил М. И. Скобелев. — Теперь, когда исчерпана тема засилья еврейского... нам преподносят новую теорию немецкого засилья»⁷².

В результате давления правых и равнодушия Прогрессивного блока в августе 1915 г. в Государственной думе была создана Комиссия «по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни». В свою очередь, Совет министров выступил в марте 1916 г. с инициативой создания Особого комитета по борьбе с немецким засильем, во главе которого Николай II поставил сторонника решительной борьбы с германизмом генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова. Впрочем, в июне 1916 г. по настоянию Б. В. Штюмерра во главе Комитета был поставлен член Государственного Совета А. С. Стишинский, роль которого, по мнению одного из членов этого комитета, «заключалась в том, чтобы свести к минимуму всю борьбу с “немецким засильем” и служить предохранительным клапаном для националистической печати. Как будто правительство учреждением комитета объявляло решительную борьбу “германизму” в России, а на самом деле комитет сдерживал слишком усердных чиновников, которые могли понять буквально широковещательные меры правительства против германских подданных. Учреждением этого комитета и участием в нем представителей МИД достигалась и дипломатическая цель — успокоить союзников насчет намерений правительства в германском вопросе»⁷³.

Резюмируя, следует признать, что проблема так называемого «немецкого засилья» оказалась, безусловно, в центре внимания российской общественности и прессы в годы Первой мировой войны. При этом печать, освещая вопросы, так или иначе имеющие отношение к указанной проблеме, усердствовала в основном в поисках сенсаций, зачастую просто выдуманных «патриотами» или самими газетчиками, при отсутствии даже попытки хоть сколько-нибудь серьезного анализа сложившегося положения в области немецкого землевладения и предпринимательства в России. В сознание обывателя настойчиво внедрялся образ внутреннего врага, повинного во

⁷¹Новое время. 1915. 4 авг.

⁷²Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая: Стеногр. отчеты. Т. 1. Стб. 404-411.

⁷³Михайловский Г. Н. Указ. соч. С. 157-158.

всех бедах страны. Подавляющее большинство партий, организаций, периодических изданий, политических деятелей поддерживали в той или иной форме идею ликвидации «германизма в русской жизни», а одинокие голоса противников антинемецких мер тонули в мощном хоре одобрения. Но если крайне правые предавались обличению ужасов «немецкого засилья» с упоением, используя благоприятную для них ситуацию как один из последних способов выжить экономически, политически и идеологически, то представители буржуазного лагеря присоединялись к ним далеко не во всех случаях и с существенными оговорками. Они неоднократно пытались охладить ликвидационный пыл черносотенцев, указывая, что «неудачные приемы борьбы с немецким засильем повели пока лишь к сокращению площади посевов и к разорению хозяйственной жизни в отдельных местностях»⁷⁴, язвительно отмечая при этом, что правые «как только коснутся до сущности настоящего момента в народной жизни, так сведут к борьбе с немецким засильем»⁷⁵. Разумеется, русская буржуазия получала исторический шанс раз и навсегда избавиться от конкурентов немецкого происхождения, но в этом была заинтересована в основном мелкая и средняя ее часть. Крупные же предприниматели, в особенности банковские магнаты, имели с германскими коллегами многолетние деловые отношения, хотя некоторые из них и предпринимали попытки «обойти» немецкую сторону при помощи ограничительных правительственных мер, особенно в таких традиционно «немецких» отраслях русской экономики, как электроиндустрия и электрический транспорт⁷⁶.

И все же, по моему мнению, буржуазные партии поддерживали кампанию по ликвидации «немецкого засилья» скорее вынужденно, чем добровольно. Противостоять мощной, «высочайше» поощряемой антинемецкой кампании означало бы для них обречь себя на политическую смерть, прослыть в «общественности» друзьями немцев, а то и германскими шпионами. «Вопрос поставлен прямо и определенно, — утверждало «Новое время», — на нем яснее, чем где-нибудь, выяснится и определится, кто является истинным защитником и другом русской свободы, кому дорога русская незави-

⁷⁴ Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая: Стеногр. отчеты. Т. 2. Пг., 1915. Стб. 3024.

⁷⁵ Там же. Стб. 3017.

⁷⁶ Дажин В. С. Германские капиталы в России. Л., 1971. С. 223–242, 249–251.

симось и какими путями она должна быть обеспечена»⁷⁷. Поэтому торгово-промышленные круги предпочитали темы «немецкого засилья» вообще по мере возможности не касаться (не случайно в программе думского Прогрессивного блока о борьбе с «германизмом» не было сказано ни слова, на что буржуазным партиям все время обличительно указывали правые) и не раз предпринимали попытки свернуть или хотя бы сузить ликвидационные мероприятия⁷⁸.

Что же касается так называемой «общественной инициативы» по ликвидации «немецкого засилья», то она пышно расцвела лишь на поприще организации лекций о чертах характера Бирона, публикации списков «вражеских фирм» и организации их погромов, а также поисков по лесам и болотам баз немецких аэропланов. К разработке же законодательных мер, ограничивающих в России немецкое землевладение и предпринимательство, «общественность» и близко не подпускали. Самодержавие и в последние месяцы существования свято охраняло свои законотворческие prerogatives, и все без исключения «антинемецкие» законодательные акты благополучно миновали Думу, появившись на свет по 87-й статье Основных законов, вносились же в них только планы весьма незначительных изменений и дополнений.

Уже в первые месяцы практического воплощения в жизнь намерений правящих кругов избавиться от «германизма» в земельной области властям стали поступать индивидуальные и коллективные жалобы собственников немецкого происхождения, искавших у центрального правительства защиты от несправедливых, по их мнению, действий местной администрации. Помимо тысяч жалоб на включение имущества в ликвидационные списки, поступивших в 1915–1916 гг. в Сенат, многие колонисты и помещики немецкого происхождения искали решения своих проблем «на путях монаршего милосердия». Сопровождаемые в большинстве случаев множеством нотариально заверенных справок и заключением губернаторов, эти прошения первоначально оседали в дворцовой канцелярии, и их рассмотрением никто не занимался. О существовании подобного рода «всеподданнейших» прошений власти «вспомнили» только после учреждения Особого комитета по борьбе с немецким

⁷⁷ Новое время. 1915. 4 авг.

⁷⁸ Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия... С. 233.

засильем, передав функцию решения их судьбы новому ведомству. До этого, правда, бумаги уже успели пройти экспертизу в МВД и с его мнением (а в некоторых случаях и с заключением военных властей) были отправлены на Миллионную, 23.

Рассмотрению прошений на «высочайшее» имя Особый комитет посвятил значительное количество своих заседаний. При этом, решая их судьбу, ведомство принимало за основание для их удовлетворения следующие критерии:

- 1) полная благонадежность просителей и отсутствие неблагоприятных сведений о них со стороны военных и гражданских властей;
- 2) принадлежность наследников каждого из просителей к православному вероисповеданию;
- 3) «особо полезная» общественная или служебная деятельность просителей⁷⁹.

Сопровождавшие прошения заключения губернаторов, чиновников МВД и военных были большей частью неблагоприятными для просителей даже в тех случаях, когда последние признавались не только «лояльными русскими подданными», но даже «полезными общественными деятелями»⁸⁰. Местные власти и МВД в основном рекомендовали Особому комитету либо вовсе отклонить прошения, либо удовлетворить их частично.

Деятельность Особого комитета по борьбе с немецким засильем по рассмотрению подобных прошений нередко оказывалась в центре политической борьбы между правительством и критиками его политики, поводом для взаимных обвинений и «разоблачений», причем особое недовольство проявляли, как обычно, крайне правые. Весьма показательна в связи с этим известная и наделавшая много шума речь одного из черносотенных лидеров В. М. Пуришкевича в Государственной думе 19 ноября 1916 г. Помимо всего прочего В. М. Пуришкевич обрушился на Особый комитет и его председателя с обвинениями в полном бездействии и стремлении удовлетворить все «немецкие ходатайства». В целом речь была выдержана в традиционном для черносотенцев истерично-демагогическом духе и содержала прямые выпады лично против А. С. Стипинского как чуть ли не главного пособника лиц, стремящихся укрыть «немцев»

⁷⁹РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–15.

⁸⁰Там же. Д. 7. Л. 18. Журнал заседания Особого комитета по борьбе с немецким засильем 16 октября 1916 г.

от «ответственности»⁸¹. Однако многоопытный А. С. Стишинский, фигура на политической сцене России не менее одиозная, чем сам Пуришкевич, в свою очередь не остался в долгу, решив использовать столь удобный случай для демонстрации перед «общественностью» своих заслуг на поприще борьбы с «германизмом», что и сделал 22 ноября 1916 г., направив председателю Государственной думы М. В. Родзянко письмо с подробным их перечислением. Копии письма им были препровождены также в «Правительственный вестник» и «Новое время»⁸².

Обвиняя Особый комитет в пособничестве собственникам немецкого происхождения, нужно было либо сильно кривить душой, либо рассматривать каждый из единичных случаев удовлетворения прошений чуть ли не государственным преступлением. Из рассмотренных ведомством к концу 1916 г. 630 прошений «заслуживающими уважения» были сочтены лишь 17, а 613 отклонены по тем или иным причинам.⁸³ Столь мизерное количество случаев изъятия отдельных лиц из-под действия ликвидационных законов не оказало сколько-нибудь существенного влияния на правительственную политику в области «неприятельского» землевладения, не изменяло ее, да и не могло изменить. Правительство, Особый комитет по борьбе с немецким засильем, а в особенности местная администрация и военные власти относились к «русским немцам» с большой подозрительностью и даже враждебностью, не желая идти по отношению к ним ни на малейшие уступки. Последнее заседание Особого комитета по рассмотрению прошения состоялось 16 февраля 1917 г., и материалы были направлены А. А. Чернявским уже Временному правительству⁸⁴.

Что же представляли собой владельцы тех 44 285 земельных владений, которые к 1 января 1917 г. были включены в ликвидационные списки? Основная тяжесть законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. обрушилась на так называемых «выходцев» — лиц немецкого происхождения, перешедших в русское подданство или принадлежавших к нему с момента рождения. Многие из них в качестве доказательства лояльности царизму высылали вместе с проше-

⁸¹ Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия пятая: Стеногр. отчеты. Пг., 1916. Стб. 277-278.

⁸² РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 16-19 об.

⁸³ Там же. Д. 16. Л. 11 и об.

⁸⁴ Там же. Д. 12. Л. 293.

ями и увольнительные свидетельства о выходе из прусского, саксонского, а также других «неприятельских» подданств⁸⁵, в основном датированные 1880–1908 гг. Подавляющее большинство этих землевладельцев были крестьянами, жившими в составе больших колониетских обществ, попадались и хозяева крупных земельных участков, жившие и содержавшие свои владения отдельно и больше подходившие в российской терминологии под определение кулаков, а также немцы-помещики. Невозможно достоверно определить, каково же было соотношение в ликвидационных списках помещичьих и колониетских земель, так как власти не производили (как представляется, совершенно сознательно) подобной конкретизации.

Что же в итоге принесло России стремление властей избавиться от немецкого землевладения? На 1 января 1917 г. к отчуждению было предназначено 3517688 десятин земель «неприятельских» подданных и выходцев. Остается непонятным, каким образом идеологи ликвидационной политики пытались решить с их помощью аграрный вопрос, если в то же время (на 1 января 1917 г.) площадь крестьянских (надельных и частновладельческих) земель в стране составляла более 188 млн десятин, частновладельческих (без крестьянских) — 63 млн десятин (из них — 43 млн десятин помещичьих), а земель государственных, церковных и ведомственных — 154689513 десятин⁸⁶. Затеянная главным образом ради спасения земель русских помещиков, попытка ликвидации «немецкого засилья» в земельной области не только не выполнила этой задачи, но и способствовала прямо противоположным результатам. Между тем о возможных печальных итогах борьбы с «германизмом» инициаторов ликвидационной кампании предупреждали задолго до ее провала. «Бросьте ему (русскому народу) кость немецких колоний, бросьте ему кость доброго имени русских немцев, быть может, он на этом успокоится. . . это опасный путь. Если вы со страха начинаете делать такие шаги, этот страх вас погубит»⁸⁷. И ведь прав оказался барон А. Ф. Мейндорф, высказавший это предостережение летом 1915 г. Как скоро выяснится, крестьяне сразу после Февральской революции стали «брать» помещичьи земли. И далеко не по-

⁸⁵ Там же. Д. 7. Л. 18 об.

⁸⁶ *Пестрянецкий Д. И.* Около земли (из курса лекций сельскохозяйственной статистики). Берлин, 1922. С. 11, 19–21.

⁸⁷ Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия четвертая: Стеногр. отчеты. Т. 1. Стб. 469–470.

следную роль сыграла в этом процессе проводившаяся в течение двух лет на глазах русского крестьянства, противозаконная с точки зрения «нормального буржуазного права» (хотя и оформленная соответствующими законодательными актами) кампания по принудительному отчуждению земельных владений, именованная как борьба с «германизмом» в аграрной сфере.

2. Германская агентура в России: реальная опасность и шпиономания

С объявлением всеобщей мобилизации русская контрразведка приступила к запланированным ранее арестам. Эти аресты сразу же приобрели массовый характер, в особенности в западных округах. Контингент подозреваемых, а следовательно, арестованных и высланных определялся не имевшимися у контрразведки компрометирующими то или иное лицо сведениями, а в первую очередь национальной принадлежностью. Самой распространенной формой борьбы со шпиономанией стала административная высылка подозреваемых. Высочайшим указом от 20 июля 1914 г. западные губернии России были объявлены на военном положении, и главные начальники губерний получили право высылать всех неблагонадежных во внутренние губернии. Стараниями военных властей очень скоро высылка «подозреваемых в шпионаже» превратилась в массовую высылку немецких колонистов из западных губерний в Западную Сибирь⁸⁸.

Наряду с немцами в число «подозреваемых» попали и все китайцы, проживавшие к началу войны на территории Российской империи. В циркуляре от 28 июля 1918 г. Департамент полиции предупредил всех начальников жандармских управлений о том, что «рассеиваясь и проживая без всякого надзора по всей стране, китайцы представляют собой элемент, из которого могут легко вербоваться военные разведчики в пользу иностранных держав. Обычно китайцев рассматривали в России как вероятных агентов японской разведки, но с началом войны Департамент полиции посчитал, что те же китайцы могут быть и агентами Германии. Чтобы объяснить столь резкую смену оценки потенциальной угрозы, исходящей от

⁸⁸ Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000. С. 230–231.

китайских торговцев, Департамент полиции ссылался на то обстоятельство, что китайцы в обеих столицах живут группами, из «коих каждая представляет собой правильную тесно сплоченную дисциплинированную организацию», а торговлей, причем явно убыточной, занимаются лишь «для отвода подозрений». Но прямых доказательств связи китайских коробейников с германской или австрийской разведками не было. Крутые меры принимали по отношению к китайцам столичные власти. В августе 1914 г. из Петрограда в Китай были насильственно отправлены 114 китайских подданных, а к началу сентября из Петрограда и Петроградской губернии были высланы все китайские торговцы как подозреваемые в шпионаже. Обязательной высылки китайцев из других городов Европейской России не было, но повсеместно власти открыли на них настоящую охоту, так как видели в них неразоблаченных германских агентов. У обосновавшихся в Москве китайцев жандармы периодически проводили обыски, в уездных городах и на железнодорожных станциях их арестовывали по малейшему подозрению или просто «на всякий случай». В Сибири вероятность работы китайцев на Германию не вызывала со стороны властей ни малейшего сомнения. Начальник штаба Иркутского округа 4 августа телеграфировал начальникам жандармских полицейских управлений Сибирской и Забайкальской железных дорог: «Германия направила из Китая партии и одиночных китайцев для внезапных разрушений... мостов и тоннелей»⁸⁹.

Прибегая к таким грубым методам работы, органы контрразведки не могли добиться существенных достижений. Не был здесь исключением и Петроград. По свидетельству одного из сотрудников петроградской контрразведки, «не обладая средствами к раскрытию германского шпионажа, не имея для этого ни способного руководителя, ни опытных агентов, ни дельных сотрудников, контрразведовательное отделение было вынуждено заниматься делами, не имеющими абсолютно никакого отношения к раскрытию германского влияния»⁹⁰. В контрразведку поступала масса доносов на «подозрительных лиц», что было связано в первую очередь с культивирующейся на страницах газет шпиономанией. Поэтому «почти всякий грамотный человек почитал своим долгом сообщать,

⁸⁹ Там же. С. 232–233.

⁹⁰ Былое. 1924. № 26. С. 228–229.

кого он считает шпионом или герmanoфилом: обвиняли в шпионаже министра Григоровича, Сувориных, Путилова, почти всех начальников заводов, работающих на оборону, всех генералов с немецкими фамилиями и пр. Фантазия обывателей работала невероятно: о радиотелеграфах, подготовке взрывов и пожаров сообщали ежедневно, что при проверке ни разу не подтверждалось»⁹¹.

По доносам и обвинениям в герmanoфильстве у контрразведки были тысячи подозреваемых в шпионаже, среди которых, как свидетельствует ее сотрудник, были «директора заводов, генералы, инженеры, присяжные поверенные, студенты наряду с рабочими, людьми неопределенных профессий; были католики, православные, лютеране, буддисты, были русские, эстонцы, латыши, китайцы (евреи, конечно, попадали в списки заподозренных без различия, по какому поводу написан донос). . . Для 9/10 этой публики не было абсолютно никаких причин к занесению их в списки герmanoфилов, но для высшего начальства величина списков служила признаком продуктивности работы. . .»⁹²

Поток доносов на немцев хлынул в канцелярии губернаторов и в жандармские управления. В основном посредством доносов люди сводили со своими обидчиками старые счеты. Доносили на немецко-колонистов, чиновников с немецкими фамилиями, их знакомых и родственников. Обилие доносов, не имевших под собой, как правило, реальных фактов создавало благоприятную возможность для фабрикация «шпионских дел»⁹³.

Более перспективным направлением борьбы с немецким шпионажем могла стать «разработка» иностранных промышленных предприятий. Если иметь в виду, что к 1915 г. в России было выявлено около 3 тыс. предприятий, частично или полностью принадлежавших германским или австрийским подданным⁹⁴, то станет ясно, какое урожайное поле открывалось перед контрразведкой, равно как и широкие возможности для карьеристов. Практически все крупные иностранные фирмы, имевшие свои правления в Петрограде и Москве, открывали свои филиалы в провинции и, следовательно, получали потенциальную возможность собирать разведывательные сведения. Но и здесь было не так все просто и успешно,

⁹¹ Там же. С. 232.

⁹² Там же. С. 237.

⁹³ Греков Н. В. Указ. соч. С. 244–245.

⁹⁴ Дьякин В. С. Первая мировая война и мероприятия. . . С. 234.

несмотря на кажущуюся очевидность подрывной деятельности этих фирм и кампаний.

Показательна в этом отношении история с разоблачением «шпионской» компании «Зингер», в кронштадтской конторе которой при обыске был обнаружен циркуляр центрального управления от 26 сентября 1909 г. с запросом о количестве нижних чинов в армейских частях и матросских экипажах⁹⁵. Против шпионской деятельности фирмы «Зингер» развернула бурную кампанию столичная и провинциальная печать. К делу подключился и «главный специалист» по германскому шпионажу начальник штаба VI армии генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич, утверждавший впоследствии, что он «постарался нанести по разведывательной деятельности германского Генерального штаба несколько чувствительных ударов»⁹⁶. Не располагая конкретными данными, Бонч-Бруевич тем не менее «раскрыл» методы работы «шпионской» компании «Зингер»: «У каждого агента имелась специальная, выданная фирмой географическая карта района. На ней агент условными значками отмечал число проданных в рассрочку швейных машин и другие коммерческие данные. Контрразведка установила, что карты эти весьма остроумно использовались для собирания сведений о вооруженных силах и военной промышленности России. Агенты сообщали эти данные ближайшему магазину, и там составлялась сводка. Полученная картограмма направлялась в Петроград в центральное управление общества «Зингер». Отсюда выбранные из картограмм и интересующие германскую разведку сведения передавались за границу»⁹⁷.

Чтобы разом «накрыть» всю германскую агентуру, работавшую под прикрытием «Зингер», 6 июля 1915 г. по предложению Бонч-Бруевича практически во всех военных округах были одновременно произведены обыски в конторах и магазинах фирмы. Обысков не было только на территории Московского военного округа. Вероятно, власти не хотели провоцировать повторение майских погромов, учиненных толпами хулиганов в Москве и других городах центра России под влиянием антинемецкой пропаганды. К тому же большая часть московских магазинов «Зингер» в ходе погромов была разрушена. Результаты всероссийской «облавы» оказались весьма

⁹⁵ Греков Н. В. Указ. соч. С. 256.

⁹⁶ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1958. С. 79.

⁹⁷ Там же.

скромными. Только в двух отделениях компании — в Петрограде и Гельсингфорсе — контрразведка нашла документы, которые можно было условно принять за инструкции по сбору информации о промышленности России. Зато удалось выяснить, что многие циркуляры правления и центральных отделений «Зингер» за 1913–1914 гг. были уничтожены. Ссылкой на это военные, с одной стороны, оправдывали неудачу своей операции, а с другой — доказывали обоснованность своих подозрений. По требованию военных магазины «Зингер» были закрыты, начались аресты служащих. В ответ правление компании подало прошение министру внутренних дел с ходатайством «об открытии магазинов, закрытых в разных городах властями с возникновением военного дела». Комиссия, образованная из представителей Земского и Городского союзов в августе 1915 г. признала, что фирма «Зингер», основанная американскими и британскими подданными, не может быть закрыта как германское предприятие⁹⁸.

В разоблачении подрывной деятельности германских фирм в России активную роль играли журналисты, среди которых следует особо выделить заведующего иностранным отделом «Вечернего времени» А. М. Оссендовского. Последний не только писал обличительные статьи, но и подготовил специальный доклад «Торгово-промышленная агентура Австро-Германского Генерального штаба»⁹⁹. Вместе со своим шефом Б. А. Сувориным он представил в заинтересованные организации докладную записку «Военно-политический элемент в германской торгово-промышленной программе и борьба с ним»¹⁰⁰. Правда, реальной и полезной информации в этих «документах» было не густо, зато фантазий хоть отбавляй. Именно буйная фантазия, основанная на знании шпионской тематики, позволит Оссендовскому позднее изготовить не один десяток «документов», якобы исходивших из Генерального штаба Германии. Среди них был и циркуляр от 14 июня 1914 г., которым военные агенты информировались об открытии «специальных военных кредитов на вспомогательные нужды войны» и уполномочивались «пользоваться в неограниченном размере этим кредитом

⁹⁸ Греков Н. В. Указ. соч. С. 256–257.

⁹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15. Д. 701. ЛЛ. 1–50.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 236. Л. 241–250. — Первым обнаружил этот документ петербургский исследователь В. О. Зверев.

для уничтожения неприятельских фабрик, заводов и важнейших военных и гражданских сооружений»¹⁰¹. Как убедительно доказал В. И. Старцев, этот «циркуляр» составлен ретроспективным методом на основе реалий 1917 г.¹⁰²

В действительности успехи российских спецслужб были гораздо скромнее. Они так и не смогли до начала Первой мировой войны «добыть» планы стратегического развертывания войск Германии и ведения первых военных операций, не говоря уже о специальных мероприятиях, содержавшихся, например, в упоминавшемся выше «Циркуляре» 9 июня 1914 г. По мнению современного исследователя Б. А. Старкова, предложения таких документов неоднократно поступали, но отклонялись по причине сомнений в подлинности этих документов¹⁰³. К сожалению, эти сомнения редко посещают тех, кто сегодня эксплуатирует тему «германского золота» и готов принять даже грубую фальшивку за настоящий документ. Тем не менее следует признать заслугой российской контрразведки то, что она в меру своих сил и возможностей пыталась еще до начала Первой мировой войны выявить и нейтрализовать германскую агентуру. В Петрограде под наблюдением контрразведки находилось 14 крупных акционерных обществ, которые были или могли стать источником информации вражеской разведки. Среди них были «Сименс-Шуккерт», «Сименс и Гальске», «Артур Коппель», «Карл Герц», «Гуго Стиннес», «Кунст и Альберс», «Общество Путиловских заводов», «Путиловские верфи», «Общество соединенных кабельных заводов» и др.¹⁰⁴

Собранный контрразведкой материал позволил инкриминировать администрации «Института Шиммельпфенга» участие в военно-промышленном шпионаже. И он был закрыт со всеми его филиалами в первые же дни войны¹⁰⁵. В сентябре 1914 г. был задержан директор «Путиловских верфей» К. А. Орбановский, у которого при аресте были изъяты документы секретного харак-

¹⁰¹ Документы, находящиеся в российской контрразведке. Российская национальная библиотека (РНБ). Русский фонд. 37. 58. 2. 348. Док. № 4.

¹⁰² Старцев В. И. Указ. соч. С. 63–64.

¹⁰³ Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. СПб., 2006. С. 258.

¹⁰⁴ Зверев В. О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны (1910–1914): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 18.

¹⁰⁵ Старков Б. А. Указ. соч. С. 208–209.

тера, предназначенные для передачи главной германской фирме в Приморском крае «Кунст и Альберс»¹⁰⁶. Казалось бы, эта фирма, имевшая свои отделения в Петрограде, Москве, Одессе, Ревеле, Варшаве, Владивостоке, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, Николаевске-Уссурийском, на Сахалине¹⁰⁷, должна была бы немедленно перестать существовать, тем более, что в справке Департамента полиции она характеризовалась как действующая «во вред государственным и военным интересам России... До войны фирма являлась правильно организованным отделением германского Генштаба, покрывшего целой сетью хорошо обученных шпионов весь Приамурский военный округ». Но, по мнению Приамурского генерал-губернатора, закрывать эту фирму не следовало, поскольку она имела «очень большие сношения с торговыми домами Европейской России и в ней были тысячи служащих», при этом, как уверял генерал-губернатор, немцы и австрийцы, подозревавшиеся в шпионаже, давно высланы в Иркутскую губернию¹⁰⁸. Экономические интересы в данном случае брали верх над военными. Однако в скором времени положение стало меняться в пользу военных.

Весной и летом 1915 г. власти предприняли ряд решительных шагов, которые придавали борьбе с «немецким засильем» в торгово-промышленной сфере более жесткий характер, чему способствовали неудачи на фронте и ухудшение внутривластной обстановки в стране. Военные круги, усилившие в этот период свое вмешательство в дела государственного управления¹⁰⁹, подталкивали самодержавие на усиление борьбы с «немецким засильем» в экономике, обосновывая это тем, что «организация немцами в России предприятий под видом русских акционерных обществ — враждебная деятельность, борьба с ней должна быть смелой и решительной», так как «подобные предприятия все время будут приносить глубокий вред армии и государству», а также обвинениями служащих «немецких компаний» в причастности к военному шпиона-

¹⁰⁶ Там же. С. 212–213.

¹⁰⁷ Яковлев Л. С. Контрразведка России накануне и в годы Первой мировой войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Великий Новгород, 1999. С. 33.

¹⁰⁸ Греков Н. В. Указ. соч. С. 263.

¹⁰⁹ Подробнее об этом см.: Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 167–192.

жу¹¹⁰. Усилила свою «антинемецкую» активность и определенная часть русской буржуазии. В то время как финансовые олигархи относились к борьбе с «германизмом» в промышленности в целом негативно, как опасаясь неблагоприятных последствий для экономики (оттока иностранных капиталов), так и защищая в принципе частную собственность, средняя и мелкая буржуазия (особенно московская) была настроена шовинистически и стремилась избавиться от конкурентов германского происхождения, главным образом в торговле¹¹¹. В области промышленности рассчитывали на солидный куш при дележе «германского наследства» и некоторые крупные предприниматели¹¹². Правящие круги учитывали эти настроения и старались подыграть им по мере возможности.

Положением Совета министров от 16 марта 1915 г. вводилось право назначения на принадлежавшие германским подданным предприятия правительственных инспекторов¹¹³. 10 мая 1915 г. «неприятельские» подданные были очередным нормативным актом правительства исключены из состава членов обществ взаимного кредита и городских кредитных обществ. 12 мая 1915 г. Министерству внутренних дел было предоставлено право до окончания войны вносить принадлежавшие благотворительным обществам «вражеских» подданных денежные капиталы в особый фонд Государственного банка, недвижимые имущества конфисковывать, а на движимые налагать арест, а указом от 22 мая 1915 г. этим лицам воспрещалась выдача платежей и вкладов кредитными учреждениями¹¹⁴. Но все эти меры представляются не столь существенными по сравнению со следующим шагом властей: Положение Совета министров от 10 мая 1915 г. о предоставлении ему права ликвидировать торгово-промышленные предприятия, функционировавшие по германским уставам, было 1 июля 1915 г. «высочайше» распространено и на фирмы с русским уставом, в которых участвовали германские капиталы¹¹⁵. Закон от 1 июля 1915 г. существенно расширял сферу деятельности борцов с «германизмом»: если в период Первой мировой войны в России функционировало всего 34 обще-

¹¹⁰РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 7. Л. 61 об.

¹¹¹Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия... С. 231–233.

¹¹²Там же. С. 237.

¹¹³Дякин В. С. Германские капиталы в России. С. 219.

¹¹⁴РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 7 и об.

¹¹⁵Дякин В. С. Германские капиталы в России. С. 219.

ства с иностранным уставом, в которых действовали германский и австрийский капиталы¹¹⁶, то обществ с русским уставом и участием германского капитала было выявлено более 600¹¹⁷.

С июля 1916 г. в реализацию ликвидационных мер в торгово-промышленной области активно включился Особый комитет по борьбе с немецким засильем, направивший свои усилия на «освобождение русской торговли и промышленности от засилья немецчества»¹¹⁸ и стремившийся «путем неуклонного применения действующих узаконений» добиться «полного очищения предприятий, непосредственно принадлежавших германским подданным», а также ликвидации «русских по форме, а по существу немецких акционерных обществ и товариществ»¹¹⁹. Законотворческой инициативы Особый комитет не проявлял, а ограничивался контролем за осуществлением ранее принятых правительственных постановлений и решением судьбы отдельных торговых и промышленных предприятий. Чиновники стремились максимально использовать благоприятную политическую конъюнктуру, подбадривая друг друга тем, что «те события, которые происходят сейчас в Европе, случаются раз в столетие, и поэтому стоит использовать переживаемую эпоху в целях освобождения русской промышленности от нежелательных капиталов»¹²⁰.

Наибольшие проблемы и дебаты вызвал вопрос о ликвидации «немецкого засилья» в электроиндустрии. Особый комитет уделял этой отрасли пристальное внимание, исходя из того, что она, во-первых, «почти полностью принадлежит в более или менее скрытой форме немецким капиталам и состоит в непосредственной зависимости от германского электрического треста»¹²¹, во-вторых, имеет особо важное значение в системе военного производства. Внимание к электроконцернам усиленно подогревалось «патриотической» прессой, сообщавшей, к примеру, еще в декабре 1914 г., что фирмой «Сименс и Гальске» при заключении договоров с городами «допущен ряд правонарушений, и МВД ввиду этого предложи-

¹¹⁶ Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия... С. 232.

¹¹⁷ Там же. С. 235.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 8.

¹²⁰ Там же. Д. 7. Л. 74 об.

¹²¹ Там же. Д. 1. Л. 8 и об. — Мнение Особого комитета на этот счет было в высшей степени ошибочным (см.: Дякин В. С. Германские капиталы в России. С. 5–7).

ло губернаторам произвести проверку договоров, заключенных настоящей фирмой»¹²². Вопрос о судьбе электротехнических обществ был поставлен Советом министров еще 12 июля 1916 г., однако дело оставалось без движения до 21 октября 1916 г., когда председатель Совета министров Б. В. Штюрмер обратился к Особому комитету с просьбой ускорить рассмотрение дел обществ «Сименс — Шуккерт», «Сименс и Гальске» и «Всеобщей компании электричества» «с ходатайствами от них об увеличении основных капиталов в целях расширения деятельности и привлечения новых русских акционеров»¹²³.

Весьма характерно, что военные, на словах ратовавшие за решительную борьбу с «германизмом» в экономике, на деле, узнав о планах ликвидации электротехнических обществ, первыми бросились спасать их. Морской министр И. К. Григорович 11 января 1916 г. сообщал Совету министров, что, по его мнению, борьба с «германизмом» должна быть не только решительной, но и осмотрительной. Принятые до этого к обществам меры (очевидно, правительственный надзор) он считал вполне достаточными, а их деятельность — не заслуживающей упреков¹²⁴. Глава военного ведомства Д. С. Шуваев от имени Особого совещания по обороне 16 июня 1916 г. информировал Особый комитет по борьбе с немецким засильем, что все заводы упомянутых обществ заняты почти исключительно выполнением казенных заказов, связанных с обороной¹²⁵. Начальник Главного артиллерийского управления генерал А. А. Маниковский высказывал мнение, что ликвидация обществ и переход их предприятий в другие руки (если он будет иметь место) должны быть быстрыми и безболезненными, так как перерыв в их работе был бы для обороны «крайне нежелателен»¹²⁶.

С беспокойством относился к возможному закрытию обществ и министр торговли и промышленности В. С. Шаховской, 3 февраля 1916 г. уверивший кабинет, что случаев перевода ими денег за границу, которые не оправдались бы получением товаров (одно из главных обвинений в доказательство «измены» обществ), обнару-

¹²²Новое время. 1914. 30 дек.

¹²³РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 7. Л. 60.

¹²⁴Там же. Л. 61 об.

¹²⁵Там же.

¹²⁶Там же. Л. 63.

жить не удалось¹²⁷. Шаховской предложил в качестве вариантов решения проблемы три системы возможных мероприятий: 1) установление для обществ особого режима работы; 2) выкуп их в полном составе в казну; 3) частичное участие казны в обществах¹²⁸.

Решением судьбы электротехнических фирм Особый комитет по борьбе с немецким засильем занялся в октябре 1916 г., посвятив этому вопросу полных пять заседаний. Несмотря на вышеперечисленные заступничества, Особый комитет объявил, что «перечисленные общества хотя и действуют по русскому уставу, но руководятся и направляются из Берлина» и самостоятельны только на бумаге. Деятельность фирм была признана вредной и представляющей опасность для государственных и экономических интересов России, так как они «являются источником средств для врага»¹²⁹. В итоге Особый комитет принял решение ликвидировать общества «Сименс—Шуккерт», «Сименс и Гальске» и «Всеобщую компанию электричества», заменив их новыми, учреждаемыми «исключительно с целью приобретения ликвидируемых предприятий»¹³⁰.

Совет министров утвердил мнение большинства членов Особого комитета, а «Сименс—Шуккерт» и «Сименс и Гальске» были объединены в одно новое общество, с оставлением за казной 35% акций¹³¹. Не меньше осложнений вызвала и ликвидация дел электротехнических обществ: «Общества электрического освещения 1886 года», «Электропередачи» и «Русского общества электрических районных станций», спасти которые пытались и буржуазные круги, и даже распутинское окружение¹³². Деятельность созданного специально для обсуждения вопроса о ликвидации обществ Особого междуправительственного совещания при Министерстве юстиции закончилась фактически безрезультатно, так как мнения его членов на этот счет резко разделились. Меньшинство Совещания вообще выступило против ликвидационных мер: наряду с признанием факта учреждения этих обществ немцами подчеркивалось преобладающее значение в них швейцарских капиталов. Кроме того, про-

¹²⁷ Там же. Л. 62.

¹²⁸ Там же. Л. 62 об.

¹²⁹ Там же. Л. 63. и об. Журнал заседаний Особого комитета по борьбе с немецким засильем 6, 13, 20, 27 октября 1916 г.

¹³⁰ Там же. Л. 64–65 об.

¹³¹ Дякин В. С. Германские капиталы в России. С. 222.

¹³² Там же. С. 225–227.

тивники ликвидационных мер делали упор на то, что сношения с Берлином, перевод денежных средств в Германию и фиктивность Петроградского правления «Общества 1886 года» документально не установлены, а также пугали коллег тем, что передача предприятий в руки города Москвы увеличит стоимость электроэнергии¹³³.

Сторонники ликвидации обществ утверждали, что их закрытие не может оказать влияние на приток иностранного капитала, преследующего экономические интересы, а капиталы, «преследующие цели политические, не только не нужны, но и опасны». Они настаивали также на фиктивности Петроградского правления «Общества 1886 года», получении им «указаний из Берлина» и утечке средств в Германию, а также ссылались на то, что часть швейцарских банков на деле — чисто германские. Переход предприятий к городу Москве они также не считали опасным¹³⁴.

В итоге полному осуществлению планов царизма ликвидировать «германизм» в торгово-промышленной сфере так и не суждено было сбыться. Между тем Особый комитет по борьбе с немецким засильем еще осенью 1916 г. объявил, что ему удалось «путем неуклонного применения действующих узаконений» добиться «почти полного очищения» русской торговли и промышленности от «засилья немецчества»¹³⁵. Каково же было реальное положение дел? По подсчетам В. С. Дякина, участие германского или австрийского капитала было обнаружено или заподозрено в 611 акционерных обществах, а решение о ликвидации было принято, по его же исчислениям, в отношении 96¹³⁶. При учете того, что к 1915 г. в России было выявлено 2941 частное предприятие, частично или полностью принадлежавшее германским или австрийским подданным¹³⁷, результаты борьбы с «германизмом» в области торговли и промышленности следует оценить как более чем скромные. Российские правящие круги, бичевавшие «воинствующий германизм» как главного виновника развала экономики страны в военные годы и ратовавшие на словах за решительную и бескомпромиссную борьбу с ним, на практике действовали с оглядкой на реальное положение дел и вынуждены были не только значительно умерить свои пер-

¹³³РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 7. Л. 139.

¹³⁴Там же. Л. 139 об.

¹³⁵Там же. Д. 1. Л. 8.

¹³⁶Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия... С. 235.

¹³⁷Там же. С. 234.

воначальные замыслы, но и во многих случаях вовсе отказаться от них.

Развернувшаяся с началом Первой мировой войны в России «шпионская кампания» в самых различных ее формах не была глубоко Российским феноменом. «Эпидемия стихийной шпиономании» охватила все воюющие страны. Среди населения Германии, например, с самого начала войны стали распространяться самые невероятные слухи, наподобие того, что по стране разъезжают вражеские автомобили, полные золота, предназначенного шпионам и диверсантам. В результате начавшейся охоты на одиночные легковые автомобили было убито несколько находившихся в них правительственных чиновников. Подобная картина наблюдалась и в Австро-Венгрии, но австрийские и германские власти приняли решительные меры по пресечению слухов, способных повлиять на моральное состояние армии и обстановку в тылу, и они пошли на спад¹³⁸.

Иначе обстояло дело в России, правящие круги которой увидели в широко развернувшейся кампании против «германизма» спасительное средство в борьбе с внешними и внутренними угрозами империи. В условиях сильно угасшего патриотизма первых дней войны и обострившейся социально-экономической обстановки в стране царские власти сделали ставку на антинемецкую пропаганду и поощрение шпиономании. Командные верхи, в свою очередь, пытались свалить вину за неудачи на фронте на «германских шпионов», которых стали искать среди своих офицеров и даже в высших эшелонах власти. Яркий тому пример — состоявшиеся в 1915 г. судебные процессы над полковником С. Н. Мясоедовым и военным министром В. А. Сухомлиновым. Показателен сам факт, с которого началось дело об измене Мясоедова, еще до войны обвиненного в шпионаже и затем оправданного¹³⁹. В декабре 1914 г. в Петроград из Швеции вернулся подпоручик 23-го Низовского полка Я. П. Колаковский, который для того, чтобы выбраться из немецкого плена, предложил свои услуги в качестве шпиона. Вернувшись в Россию, Колаковский явился с повинной и дал подробные показания по поводу полученного им задания. Он рассказал, что ему было поручено взорвать мост через Вислу за 200 тыс. руб., убить верховного главнокомандующего Николая Николаевича за

¹³⁸Об этом см.: Греков Н. В. Указ. соч. С. 270–271.

¹³⁹См.: Шаццлло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116.

1 млн руб. и убедить коменданта крепости Новогеоргиевск сдать ее тоже за 1 млн руб. На третьем допросе Колаковский «вспомнил», что отправивший его в Россию с заданием сотрудник немецкой разведки лейтенант Бауэрмейстер советовал ему обратиться в Петрограде к отставному жандармскому полковнику Мясоедову, у которого он мог бы получить много ценных сведений для немцев. На следующем допросе Колаковский заявил, что «особо германцами было подчеркнуто, что германский Генеральный штаб уже более 5 лет пользуется шпионскими услугами бывшего жандармского полковника и адъютанта военного министра Мясоедова». «В этом рассказе, — комментировал впоследствии начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, — весьма странным являлось то обстоятельство, что, отправляя его в Россию с такими целями, немцы не дали ему ни явок, ни пароля, словом ничего такого, что могло бы для Мясоедова, если бы он был действительно шпион, служить удостоверением, что Колаковский — действительно лицо, посланное германским Генеральным штабом»¹⁴⁰. По свидетельству Глобачева, Главный штаб поначалу не придавал серьезного значения этим показаниям и никаких распоряжений на этот счет не поступило. «Между тем Колаковский стал трубить по всему Петрограду о важности своих разоблачений и что со стороны военных властей никаких мер не принимается, — вспоминал Глобачев. — Слухи об этом деле дошли до бывшего в то время товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, который приказал мне разыскать Колаковского и подробно его допросить. На допросе Колаковский ничего нового не показал, и сущность его рассказа была повторением того, о чем он заявлял первый раз в Главном штабе. Протокол допроса Колаковского был отправлен Охранным отделением в контрразведывательное отделение Главного штаба по принадлежности, и с этого, собственно говоря, момента и началось дело Мясоедова, о котором уже знал чуть ли ни весь Петроград, комментируя его на всевозможные лады. Главным штабом дело было передано на фронт, Мясоедов был арестован и началось следствие, длившееся довольно долго. Единственным материалом, собранным следствием по этому делу, была переписка с лицами, участвовавшими с Мясоедовым в торговых делах довоенного времени, его отношения к

¹⁴⁰ Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 65.

ген. Сухомлинову и к дамам, бывшим с ним в переписке, как то: Магеровская, Столбина и др. Все они также были арестованы, и им инкриминировалась связь с полковником Мясоедовым и получение от него некоторых предметов из военной добычи, взятой в Восточной Пруссии путем мародерства. Таким образом, следствие не добыло материала, уличающего Мясоедова в военном шпионстве, и оставалось одно лишь голословное заявление Колаковского, но общественное мнение было до того возбуждено этим делом, что ничего не оставалось другого, как предать Мясоедова военному суду. На этом деле играли все левые элементы, обвиняя Мясоедова, военного министра, правительство и командный состав чуть ли не в пособничестве государственной измене»¹⁴¹.

Известный историк К. Ф. Шацилло, проводивший впоследствии уже историческое расследование этого «дела», в своем резюме пишет: «Итак, ничем не подтвержденным и явно сомнительным показаниям Колаковского поверили сразу же и безоговорочно. Особенно охотно с ними согласился верховный главнокомандующий Николай Николаевич. Человеку очень экспансивному, было очень лестно, что за его голову немцы обещали 1 млн рублей»¹⁴². На самом деле при обыске квартиры Мясоедова ничего подтверждающего обвинения в шпионаже обнаружено не было; бесспорных фактов, уличавших Мясоедова в шпионаже, не было выявлено и в ходе следствия. Тем не менее по делу Мясоедова было арестовано 19 его близких и дальних знакомых. Арестовали и обвинили в шпионаже даже его жену. В марте 1915 г. над Мясоедовым состоялся суд, который приговорил его к смертной казни через повешение. Предъявленные ему обвинения были бездоказательны и одно нелепее другого (например: «через посредство не обнаруженных лиц довел до сведения германских властей данные о перемещении одного из русских корпусов»¹⁴³). Интересно, что позднее руководитель кайзеровской разведки Вальтер Николаи показал, что он не верит утверждениям, будто было доказано сотрудничество Мясоедова с германской разведкой¹⁴⁴. Тем не менее слухи о том, что сведения о предательстве Мясоедова получены из вражеских источников, имели тогда ши-

¹⁴¹ Там же. С. 66.

¹⁴² Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 112.

¹⁴³ Там же. С. 114–115.

¹⁴⁴ Тайные силы. Откровения руководителя кайзеровской разведки, сделанные на Лубянке. Публикация А. Здановича // Родина. 1993. № 9/9. С. 47.

рокое хождение. Заслуга в захвате трофейных документов приписывалась французским союзникам, что было связано с прибытием в Россию миссии французского генерала По. Как утверждалось в письме одной столичной жительницы, «генерал По привез и вручил лично Государю список 42 лиц изменников, продающих своих собратьев за немецкое золото. Сведения французы забрали у одного из важных пленных. Во главе стоит Мясоедов, близкий человек военному министру, который давал немцам знать расположение войск и указывал, где их мало»¹⁴⁵.

Затем пришла очередь военного министра В. А. Сухомлинова, которого связали с казненным «германским шпионом» Мясоедовым и приговорили к пожизненной каторге. Его сделали главным виновником тяжелых поражений русской армии в Восточной Пруссии, отступления весной 1916 г. из Галиции, прорыва фронта в Польше. Общественное мнение, настроенное с начала войны на борьбу с «немецким влиянием» и всем «германизмом», было удовлетворено хотя бы на время. Удовлетворен был и верховный главнокомандующий Николай Николаевич, давно ненавидевший Сухомлинова, который в свое время приложил немалые усилия, чтобы ликвидировать возглавляемый Николаем Николаевичем государственный Совет обороны. Осуждение Сухомлинова, по справедливому суждению современных исследователей, нанесло «страшный удар по авторитету армейского командования»¹⁴⁶. Министр иностранных дел Англии лорд Грей в беседе с заместителем председателя Государственной думы А. Д. Протопоповым заметил по этому поводу: «Ну и храброе у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра»¹⁴⁷. После осуждения военного министра в измене и связях с вражеской разведкой можно было обвинить без всяких оснований кого угодно, даже руководителей контрразведки Северо-Западного и Северного фронтов Н. С. Батюшина и М. Д. Бонч-Бруевича¹⁴⁸.

Увы, очень скоро выяснилось, что дело было не в «продажном» военном министре и его подчиненных, а в гораздо более глубоких причинах. А. А. Поливанов, назначенный военным министром

¹⁴⁵ Колоницкий Б. И. «Дело Мясоедова» в общественном сознании (1915–1917) // Старцевские чтения 2006. СПб., 2007. С. 137.

¹⁴⁶ Греков Н. В. Указ. соч. С. 275.

¹⁴⁷ Там же. С. 276.

¹⁴⁸ Там же.

вместо В.А. Сухомлинова, на секретных заседаниях Совета министров в августе 1915 г. признавал: «На театре военных действий беспросветно. Отступление не прекращается. . . Вся армия постепенно продвигается вглубь страны, и линия фронта меняется чуть ли не каждый час. Деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры. . . По-прежнему ничего отрадного, бодрящего. Сплошная картина разгрома и растерянности. Уповаю на пространства непроходимые, на грязь непролазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя святой Руси»¹⁴⁹.

Тем не менее командующие фронтами и армиями по-прежнему были склонны винить в своих неудачах вражескую агентуру, борьбу с которой они считали первоочередной задачей. После ожесточенных и кровопролитных боев в Прибалтике командующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский наставлял командующего 12-й армией генерала Р. Д. Радко-Дмитриева: «В Риге вновь внедрился в широких размерах шпионаж. Это обязывает штаб Вашей армии принять самые решительные меры. Прошу Вас дать по этому поводу необходимые указания начальнику штаба армии, на ответственность которого я возлагаю более интенсивную борьбу с этим злом».¹⁵⁰ Руководитель разведки Макс Ронге не без оснований писал: «Чем хуже было положение русских на фронте, тем чаще и громче раздавался в армии крик: “предательство!”»¹⁵¹. На могучей волне шпиномании ведомство не встречало препятствий в Государственной думе на получение все возрастающих кредитов на борьбу со шпионажем и контршпионажем, а контрразведка все больше становилась органом политического сыска. «Наблюдение за политическими течениями в армии всегда производилось, — свидетельствовал военный министр Временного правительства А. И. Гучков о ситуации в армии в 1917 г., — но только оно не было организованным, оно шло через штабы корпусов, военных округов, поступало в Военное министерство тоже по Главному штабу. Все это было недостаточно оформлено. Пришли к заключению, что нужно создать специальный орган, иметь штаб офицеров, который концентриро-

¹⁴⁹ Яхонтов А. Тяжелые дни // Архив Русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 37.

¹⁵⁰ Греков Н. В. Указ. соч. С. 279.

¹⁵¹ Ронге Макс. Война и индустрия шпионажа / Пер. с нем. М., 2000. С. 271.

вал бы сведения, и создать при военном министре такой центр»¹⁵². Указывая на факт «широчайшей политической слежки» в армии в этот период, А. Ф. Керенский писал: «Все офицеры были обязаны участвовать в работе особых политических отделов, шпионивших в войсках и среди народа. В ряды солдат и матросов внедрялись агенты полиции и провокаторы. Армейское командование должно было следить и доносить на своих подчиненных»¹⁵³. По признанию жандармского генерала П. Г. Курлова, «ужас состоял в том, что контрразведовательные отделения далеко вышли за пределы специальности, произвольно включив в круг своих обязанностей борьбу со спекуляцией, дороговизной, политической пропагандой и даже рабочим движением»¹⁵⁴.

Разумеется, революционные организации в полной мере использовали и тяжелые поражения русской армии и разоблачение «шпионов» в своей агитационной деятельности. Так, в одной из большевистских листовок, распространявшихся в Петрограде, говорилось: «Правительства воюющих стран никогда не прерывали дружеских отношений между собою, и, в случае революции в одной из них, они всегда соединятся для подавления рабочего класса и трудового крестьянства. Это подтверждает громкое дело полковника Мясоедова, начальника жандармской охраны на прусской границе, полковника Спиридовича, начальника личной охраны царя, генерала Фрейгата, бывшего редактора “Вестника полиции”, генерала Фредерикса, барона Карпуса, чиновника болгарского посольства и 40 офицеров генерального штаба, продававших русскую армию немецкому правительству. Пусть каждый рабочий подумает, где нужно искать наших врагов: среди ли австрийских и германских солдат или среди русского и германского правительства...»¹⁵⁵. В связи с этой работа контрразведки по борьбе с германской агитацией на военных заводах столицы была, по свидетельству ее сотрудников, бесполезной¹⁵⁶. «Кому вы рассказываете свои басни о немецких деньгах и агитаторах? — отмечалось в другой большевистской листовке. —

¹⁵² Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра правительства. М., 1993. С. 94.

¹⁵³ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 137–138.

¹⁵⁴ Курлов П. Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. М.; Пг., 1923. С. 253.

¹⁵⁵ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. М., 1920. С. 157–158.

¹⁵⁶ Былое. 1924. № 26. С. 235.

Если рабочему классу, так он только посмеивается над вашим завираньем, так как эти агитаторы работают рядом с ним за одним станком, а немецкие деньги рабочие урывают из своего скудного заработка. Быть может, вы хотите скрыть, что Россия подготавливается и уже накануне второй революции?»¹⁵⁷.

Приближение этой революции теперь предчувствовали все, правда, по-разному. «К концу 1916-го года предчувствие надвигающейся катастрофы сделалось почти всеобщим, — вспоминал профессор Петербургского политехнического института М.В. Бернацкий. — Различное настроение в разных группах создавалось этим предчувствием. Разложившийся старый порядок, несомненно, заражал миазмами атмосферу общественной жизни, порождая апатию и психологию отчаяния; с другой стороны, будил негодование и заставлял приветствовать всякую перемену, лишь бы рассеялся невыносимый моральный аспект. Однако сильно развившееся за время войны национальное чувство упорно предрекало великие испытания для государственной мощи России от грядущей катастрофы»¹⁵⁸. И она явилась в многоликом облике Февральской революции.

3. Проблема сепаратного мира в тайной дипломатии германского и русского дворов

Глубочайший социально-экономический и политический кризис, охвативший Россию в годы Первой мировой войны, стимулировал и облегчал проведение против нее подрывной работы со стороны Германии, хотя и другие воюющие страны, разумеется, занимались такой же деятельностью. «Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники в последней мировой войне появилось новое могучее средство борьбы — пропаганда, — писал генерал А. И. Деникин. — Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами органы пропаганды Англии, Франции и Америки, в особенности Англии, вели страшную борьбу словом, печатью, фильмами и . . . валютой, распространяя эту борьбу на территории вражеские и нейтральные,

¹⁵⁷ Шляпников А. Г. Указ. соч. С. 163.

¹⁵⁸ Воспоминания М.В. Бернацкого о событиях 1917 г. Предисловие Б. В. Анянчича // Английская набережная, 4. СПб., 2000. С. 372–373.

внося ее в области военную, политическую, моральную и экономическую»¹⁵⁹. Разумеется, каждая из воюющих сторон стремилась обвинить в подрывной работе противоположную. Если А. И. Деникин сожалел впоследствии, что Россия не использовала это «новое могучее средство борьбы», то министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин утверждал в своих мемуарах, что Россия стала укреплять свое влияние в Румынии еще до начала Первой мировой войны. «Задолго до войны, — писал он, — она не жалела миллионов для того, чтобы создать настроение в свою пользу. Большинство газет было закреплено за русскими; многие лица, игравшие выдающиеся роли в политической жизни страны, были связаны с русскими интересами, в то время как Германия и Австро-Венгрия совершенно пренебрегали этими подготовительными работами. Оттого-то Россия и имела с самого начала войны громадное преимущество перед центральными державами, — преимущество, которое впоследствии стало труднее отбить, что с первого же дня войны Россия еще шире раскрыла свои золотые шлюзы, и Румыния была затоплена рублями»¹⁶⁰. Но если это и правда, то всего лишь частный случай в сравнении с той пропагандистской кампанией, которая была развернута Германией. Она потратила на так называемую мирную пропаганду по крайней мере 382 млн марок, причем до мая 1917 г., на Румынию и Италию средств было потрачено больше, чем на Россию, что не помешало, между прочим, и Румынии и Италии выступить потом в войне на стороне Антанты. Десятки миллионов марок были истрачены на подкуп четырех газет во Франции¹⁶¹.

Не имея возможности соперничать с английской и французской пропагандой, Германия сконцентрировала свои усилия на Восточном фронте, против России. Эта подрывная работа шла в самых различных направлениях — политическом, военном, социальном и др., немецкие спецслужбы вели активную революционную и сепаратистскую пропаганду в лагерях военнопленных. С этой целью были созданы «Комитет революционной пропаганды» в Гааге, «Союз освобождения Украины» в Австрии, «Комитет интеллектуальной

¹⁵⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. Париж, 1921. С. 65.

¹⁶⁰ Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары / Пер. с нем. М.; Л., 1923. С. 123.

¹⁶¹ Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. Лондон, 1991. С. 53.

помощи русским военнопленным в Германии и Австрии» (Женева). Одновременно предпринимались попытки наладить издание и распространение пропагандистской литературы в самой России. Но особых успехов, если судить по документам, здесь достигнуто не было. Руководитель германской контрразведки Штейнвакс, отчитываясь в мае 1916 г. о полученных им в апреле 1915 г. 130 тыс. марок, выданных Министерством иностранных дел на русскую пропаганду, мог указать на ряд информационных листовок и небольших брошюр, которые были переправлены его агентами в Россию. Глава контрразведки ставил себе в заслугу организацию «информационной службы на вокзале и в Стокгольме, которая информирует русских, едущих из Америки и Канады, как избежать мобилизации в русскую армию, или, если мобилизация неизбежна, убеждает их иллюстративными материалами и устно, что русские пленные в Германии находятся в хороших условиях». Испрашивая очередные 130 тыс. марок на русскую пропаганду, Штейнвакс, между прочим, включил в них и «расходы на перевод и издание на нескольких языках книги, описывающей положение в России на основании выступлений русских членов Думы»¹⁶².

Особые усилия Германии были направлены на достижение сепаратного мира с Россией. Начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн в ноябре 1914 г. признавался: «Пока Россия, Франция и Англия выступают вместе, мы не можем победить наших противников так, чтобы обеспечить себе достойный мир. Или Россия, или Франция должны быть отколоты. Прежде всего мы должны стремиться к тому, чтобы вынудить к миру Россию». В то же время статс-секретарь иностранных дел фон Ягов обращается к бывшему послу Германии в Петербурге Пурталесу с просьбой найти возможность связаться с кем-нибудь из хорошо знакомых русских с тем, чтобы попытаться внести разлад между вдовствующей императрицей, царем, великими князьями и генералитетом. При этом он предупреждал: «Само собой разумеется, мы не должны даже показать, что мы хотим заключить мир»¹⁶³. В конце декабря в Берлин поступило сообщение из Петрограда о том, что

¹⁶²Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 262–263.

¹⁶³L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale: Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publ. et annotés par Scheres et Grunewald. T. 1. Paris, P. 10–14.

«влияние графа С. Ю. Витте вновь растет», а рейхсканцлер Бетман-Гольвег просит генерального директора судостроительной кампании «Гамбург—Америка лайн» А. Баллина установить контакт с Витте и передать ему «голубя с оливковой ветвью»¹⁶⁴. Баллин обещал связаться с Витте через доверенное лицо, которое, по его утверждению, уже много лет находится «на нашем содержании»¹⁶⁵. С такой же просьбой обратился к немецкому банкиру З. Мендельсону и статс-секретарь иностранных дел фон Ягов. Заметив, что Витте вряд ли откликнется, Мендельсон тем не менее представил Ягову проект письма, в котором после сетований на невозможность из-за «этой ужасной войны» распоряжаться финансовыми фондами в России и обещаний «сохранить в неприкосновенности» вклады Витте в Германии следовал вопрос — не считает ли бывший премьер-министр России, что он мог бы убедить общественное мнение своей страны в том, что «война длится уже достаточно долго»¹⁶⁶. Витте в своем ответе был достаточно осторожен и единственное средство приблизиться к миру видел в «чистосердечном объяснении двух императоров» и в предложениях, которые могли бы дать «удовлетворение и полные гарантии на будущее России и Франции»¹⁶⁷.

Посланный в феврале 1915 г. с посреднической миссией в Петроград государственный советник Дании Андерсен вернулся с неутешительными новостями. Он сообщил, что после его бесед с Николаем II, министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, С. Ю. Витте и вдовствующей императрицей Марией Федоровной лишь последняя заверила его в своей готовности «работать» в пользу мира, а все другие — «от царя до министра иностранных дел — идею сепаратного мира с Германией напрочь отвергают»¹⁶⁸.

Для работы в пользу сепаратного мира была привлечена и фрейлина императрицы Александры Федоровны княгиня М. А. Васильчикова, которая с начала войны осталась в своем имении в Австрии. В марте—мае 1915 г. она обратилась к Николаю II с тремя письмами, в которых сообщала о стремлении Германии восстановить мир с Россией на выгодных для нее условиях и предлагала организовать в какой-либо нейтральной стране сепаратные переговоры о мире

¹⁶⁴Ibid. P. 37.

¹⁶⁵Ibid. P. 39–40.

¹⁶⁶Ibid. P. 38–39.

¹⁶⁷Ibid. P. 62, 64.

¹⁶⁸Ibid. P. 70, 72, 73.

между ними. Все три письма остались без ответа. А на телеграмму датского короля Христиана X дать ответ на его предложение направить в Копенгаген доверенное лицо для переговоров в начале июня 1915 г. был получен «негативный ответ»¹⁶⁹. Так же безрезультатно закончился и второй визит в Петроград в июле 1915 г. государственного советника Дании Андерсена, снова встречавшегося с царем и министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. Как сообщал из Копенгагена немецкий посланник Брокдорф-Рацау в МИД Германии, «склонности к сепаратному миру Андерсен не нашел»¹⁷⁰. Прибывшая в декабре 1915 г. в Петроград с посреднической миссией княгиня М. А. Васильчикова не только не была принята царем, но и лишена придворного звания и выслана в Черниговскую, а затем в Вологодскую губернию¹⁷¹.

По свидетельству английского посла Джорджа Бьюкенена, министр императорского двора Фредерикс получил в декабре 1915 г. письмо от своего давнишнего друга гофмаршала берлинского двора графа Эйленбурга, в котором содержался призыв «положить конец прискорбному недоразумению, произошедшему между государями, и способствовать сближению, которое позволит их правительствам начать переговоры о мире на почетных условиях». Ознакомленный с этим письмом Николай II поручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову подготовить ответ графу Эйленбургу в том смысле, что предложение Германии о заключении мира должно быть обращено ко всем союзникам, а не только к России. Однако, по размышлении, царь решил оставить это письмо без ответа, «поскольку любой ответ, каким бы он ни был, может быть принят как свидетельство готовности вступить в переговоры»¹⁷².

Определенные надежды на достижение сепаратного мира с Россией у немецкой стороны забрезжили в связи с отставкой министра иностранных дел С. Д. Сазонова и назначением на этот пост в июле 1916 г. Б. В. Штюрмера, известного своими германофильскими настроениями. Барон Б. Э. Нольде, возглавлявший юрискон-

¹⁶⁹ Ibid. P. 110, 111, 113–114.

¹⁷⁰ Ibid. P. 145.

¹⁷¹ См.: Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии: по новым документам. М.; Л., 1926. С. 32–35; Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом. Проблемы сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985. С. 47–65.

¹⁷² Бьюкенен Джордж. Указ. соч. С. 197–198.

сультскую часть МИД, считал это назначение Штюмерера «темным» с точки зрения дипломатического смысла и связывал это с какими-то планами в отношении сепаратного мира. В конфиденциальном разговоре с другим высокопоставленным сотрудником юрисконсультской части МИД в сентябре 1916 г. Штюмерер без обиняков спросил, «сколько времени потребовалось бы нашей части на изготовление мирного договора»¹⁷³. Интересно в связи с этим отметить, что еще в мае 1916 г. в Стокгольме объявился известный авантюрист И. И. Колышко, сделавший в свое время карьеру под покровительством князя Мещерского и бывший чиновником по особым поручениям у Витте в бытность последнего министром путей сообщения и его литературным агентом. В частных беседах с сыном крупного немецкого промышленника Гуго Стиннеса Колышко заявил, что накануне своего отъезда в Стокгольм он имел две встречи с Штюмерером, с которым обсуждались приемлемые для России условия мира¹⁷⁴. Хотя некоторые исследователи и склонны верить, что за спиной Колышко действительно стоял Штюмерер, специально добившийся отставки С. Д. Сазонова с поста министра иностранных дел, чтобы развязать себе руки в вопросе о сепаратном мире с Германией, есть серьезные основания в этом сомневаться. «Как реакционер с прогерманскими симпатиями, Штюмерер никогда не сочувствовал идее создания союза с демократическими правительствами Запада из страха, что такой союз может открыть доступ в Россию либеральных идей, — замечал по этому поводу Джордж Бьюкенен. — Однако он был слишком хитер, чтобы защищать идею сепаратного мира с Германией. Он знал, что такое предложение не найдет сочувствия ни у императора, ни у императрицы и почти наверняка будет стоить ему места»¹⁷⁵. Что же касается роли Колышко, то его шеф, С. Ю. Витте, писал о нем в своих воспоминаниях, что будучи несомненно способным чиновником, он «держит себя при этом по-хлестаковски, т. е. придает положению, которое он имеет в Петербурге, совсем несоответствующее значение; он играл роль человека, как будто имеющего большое влияние, одним словом, изображал из себя очень важного петербургского чиновни-

¹⁷³ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории внешнеполитического ведомства. Кн. 1. Август 1914 — октябрь 1917. 1993. С. 194, 198.

¹⁷⁴ L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. . . Т. 1. Р. 371–372.

¹⁷⁵ Бьюкенен Джордж. Указ. соч. С. 213.

ка, чего на самом деле, конечно, не было»¹⁷⁶. Точно так же, полхестаковски, Колышко вел себя и на переговорах в Стокгольме. Как отмечается в немецких источниках, он представился германскому послу в Стокгольме Люциусу как «русский статский советник Иосиф фон Колышко, заместитель министра финансов при графе Витте и личный доверенный последнего, живущий с начала войны в Стокгольме и пользующийся славой либерального русского писателя. . . »¹⁷⁷. Слава «либерального русского писателя» не помешала Колышко предложить свои услуги в качестве платного германского агента: он выразил готовность вести в России через газету «Русское слово» пронемецкую мирную пропаганду, но находившийся в Копенгагене немецкий посланник Брокдорф-Ранцау рекомендовал осторожно отнестись к Колышко и его планам.¹⁷⁸ В июле 1916 г. Колышко снова появился в Стокгольме, на этот раз вместе с князем Бебутовым. В ходе переговоров с немецким резидентом Бокельманом они предложили организовать в России издательство, которое стало бы центром пронемецкой пропаганды. Вовлеченный во все детали борьбы за достижение сепаратного мира Гуго Стиннес согласился одолжить МИД Германии 2 млн руб. на финансирование такого издательства в России¹⁷⁹. Но точных данных о том, как и на что были истрачены эти деньги, нет. Высказанное же заинтересованными лицами предположение о том, что часть этих денег была передана М. Горькому на издание газеты «Новая жизнь»¹⁸⁰, представляется необоснованным. Однако Колышко на этом не остановился: в марте 1917 г. он запросил о срочной встрече в Стокгольме с членом рейхстага М. Эрцбергом на том основании, что «новое русское правительство потребовало, чтобы он немедленно вернулся в Россию, где он будет введен в состав правительства» (!)¹⁸¹. На прощание этот «почти член правительства» давал заочно несколько советов рейхсканцлеру для выступления в рейхстаге: «1. Германия не вмешивается во внутренние дела России. Русский народ, завоевавший сейчас политическую свободу, может не опасаться Германии. 2. Немецкое правительство не ведет

¹⁷⁶ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 577.

¹⁷⁷ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 287.

¹⁷⁸ Там же. С. 399.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же. С. 287.

войну против русского народа как такового. 3. Германия не навязывает России позорного мира. По крайней мере при таком положении нельзя слишком настойчиво выдвигать на первый план идею сепаратного мира, скорее следует работать в другом направлении: чтобы Россия пришла к выводу, что она получит почетный мир, тогда она будет вести разговор со своими союзниками. И все прочее тогда уладится само собой»¹⁸². Выражая готовность сотрудничать и в дальнейшем именно с М. Эрцбергером, Колышко заявил, что он «ни в коем случае не желает иметь дела с господином Стиннесом, который уже не раз посещал его и предлагал ему 15 млн на создание русских газет»¹⁸³. Остается только добавить, что летом 1917 г. этот соискатель миллионов был арестован в России по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

Состоявшаяся встреча в Стокгольме в июле 1916 г. неофициального представителя германского МИД банкира Варбурга с товарищем председателя Государственной думы А. Д. Протопоповым и членом Государственного совета Д. В. Олсуфьевым, возвращавшимися из Парижа и Лондона в составе парламентской делегации, также не прибавила оптимизма германской стороне в вопросе о возможности заключить сепаратный мир с Россией. В отчете об этой встрече Варбург мог лишь высказать свое впечатление о том, что его собеседники были согласны с ним в том, что «продолжение войны бессмысленно», предпочитая при этом задавать вопросы и воздерживаться от изложения собственной позиции¹⁸⁴. По ознакомлении с отчетом об этой встрече статс-секретарь иностранных дел Ягов высказал свое мнение: «Эти русские полностью выдоили Варбурга, а сами так ничего и не сказали»¹⁸⁵. В свою очередь Протопопов позднее рассказывал, что Варбург имел официальные полномочия передать государю императору условия сепаратного мира, которые в основном сводились к тому, что «русская территория остается неприкосновенной»¹⁸⁶. Как не без оснований полагают исследователи, Протопопов «несколько приукрасил германские усло-

¹⁸² Там же. С. 290.

¹⁸³ Там же. С. 292.

¹⁸⁴ L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale... Т. 1. Р. 393.

¹⁸⁵ Ibid. Р. 391.

¹⁸⁶ См.: Соколов Б. В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению, М., 1997. С. 40–41.

вия мира»¹⁸⁷, поскольку Варбург, со своей стороны, утверждал, что он заявил о необходимости аннексий Германией не только Курляндии, но и Литвы и части Польши. Теперь можно только гадать, что в действительности передал Протопопов Николаю II во время аудиенции 19 июля 1916 г., в заключение которой царь будто бы сказал: «Да, я вижу, враг силен. Я согласен, при нынешнем положении те условия, которые вы передали, для России были бы идеальными условиями. Но разве может Россия заключить сепаратный мир? А как отнеслась бы к этому армия? А Государственная дума?»¹⁸⁸.

Однако осенью 1916 г., после разгрома австро-германскими войсками Румынии, в результате чего русская армия была вынуждена почти целиком взять на себя румынский фронт, положение России стало более уязвимым. Теперь уже она начинает интенсивный зондаж при посредничестве голландского журналиста барона де Круифа, выступавшего от имени «русского двора». 16 октября 1916 г. он передал в Берлин и Вену, что Россия, понеся в войне большие жертвы во имя союзников, оставляет за собой свободу действий по вопросу о мире. В качестве условий мира выдвигались: нейтрализация проливов, превращение Турецкой Армении в буферное государство, совместный протекторат трех империй над Польшей. Но германское Верховное командование настояло, чтобы эти предложения были отвергнуты. 24 января 1917 г. с русской стороны последовало новое обращение, упрекавшее центральные державы в нежелании идти на уступки и содержавшее угрозу мощного весеннего наступления Антанты на всех фронтах. В начале марта 1917 г. обращение было сделано от имени Николая II, при этом отмечалось, что предыдущее послание было им одобрено¹⁸⁹. В послании обращалось внимание на то, что «требование массами мира растет с каждым днем» и что его игнорирование может дорого стоить правительствам воюющих сторон. Одновременно в послании выражалась готовность России пойти на серьезные уступки. Однако германская сторона отвергла и эти предложения, полагая, что рост антивоенных настроений и экономических трудностей заставят Россию принять мир на еще более выгодных условиях для Германии¹⁹⁰.

¹⁸⁷ Там же. С. 41.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. С. 41-42.

¹⁹⁰ Там же. С. 42.

Таким образом, расширение круга источников, предпринятое исследователями еще в 70–80-е годы прошлого века, позволили по-новому взглянуть на политику царизма по вопросу о сепаратном мире с Германией, определить самые различные факторы и обстоятельства, влиявшие на его позицию в этом вопросе, показать ее эволюцию от однозначно негативного отношения к заключению сепаратного мира в 1915 г. до желанья его заключить в конце 1916 г. — начале 1917 г.¹⁹¹ Известный исследователь В. В. Лебедев полагает, что попытки царского двора и самого царя заключить в последний момент сепаратный мир с Германией потерпели неудачу не только из-за упорного нежелания германского военного руководства пойти навстречу мирной инициативе России, но еще и потому, что, «находясь на краю гибели, сам Николай II то демонстративно отстаивал аннексионистские требования, то грозил совместно с союзниками разгромить из-за германской несговорчивости Турцию, то намеревался заключить сепаратный мир с Болгарией. При этом русский двор в последние недели своего существования все более смягчал свои условия мира. Но и здесь он не пошел настолько далеко, чтобы Германия и ее союзники решились сесть за стол переговоров. Алчность и имперские амбиции, похоже, оказались непреодолимы»¹⁹². Разумеется, мы и сегодня многого не знаем, ибо выяснить «все хитросплетения тайной дипломатии», по признанию одного из самых авторитетных специалистов В. П. Семеникова, крайне трудно, а во многих случаях «совсем невозможно»¹⁹³. Показательно, как ошибался А. Ф. Керенский, будущий глава Временного правительства, в своих предположениях о возможном участии царской семьи в подготовке сепаратного мира: «Надо, пожалуй заметить, что Николай II тут ни при чем, — писал он. — Правительство попросту соби-

¹⁹¹ См.: *Ганелин Р. Ш.* Странники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972; *Дьякова И. А.* Сепаратные контакты царской России и кайзеровской Германии в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1984. № 8; *Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. 1914–1917. М., 1977; *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции 1916 — февраль 1917 г. М., 1980; *Лебедев В. В.* Проблема выхода из войны и кризис самодержавия // Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 45–58.

¹⁹² *Лебедев В. В.* Указ. соч. С. 53.

¹⁹³ *Семенников В. П.* Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929.

ралось в определенный момент поставить его перед свершившимся фактом и вынудить подписать сепаратный мир. Не могу сказать, причастна ли как-нибудь к этому Александра Федоровна. Ее ближайшее окружение можно подозревать в чем угодно, а германские агенты без конца вертелись вокруг нее и госпожи Вырубовой. Но я не в праве судить, принимала ли императрица с друзьями какое-то участие в подготовке к заключению сепаратного мира, хотя, придя к власти, всеми силами старался узнать правду»¹⁹⁴. И по всей видимости, тогда он ничего не узнал.

В свою очередь, «русский двор» и сам Николай II, весьма вероятно, не знали истинных причин, по которым «германский двор» и Вильгельм II, проявлявшие поначалу такую заинтересованность в заключении сепаратного мира с Россией, проявили затем демонстративную несговорчивость, отказавшись даже обсуждать предложения «русского двора». Политическое и военное руководство Германии к этому времени выбрало другой путь достижения сепаратного мира с Россией — через русскую революцию, план «организации» которой был предложен Парвусом-Гельфандом.

¹⁹⁴ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 96.

Глава третья

ЛЕНИН И ПАРВУС: НЕПРИМИРИМЫЕ ПРОТИВНИКИ ИЛИ ТАЙНЫЕ СОЮЗНИКИ?

Отказавшись даже обсуждать последние инициативы царского двора, правящие круги Германии имели к этому времени новый тайный канал, который при стечении благоприятных обстоятельств мог открыть более прямой путь к сепаратному миру с Россией — путь «организации» там революции. Теперь их надежды были связаны с использованием в этих целях радикальных элементов русской эмиграции, к «разработке» которых были привлечены политики, дипломаты, военные, журналисты, общественные деятели и, конечно же, разведка и контрразведка. «Германия смотрела на русских революционеров как на подрывной элемент и рассчитывала использовать их для вывода России из войны, — пишет в связи с этим известный специалист в этой области Ю. Г. Фельштинский. — Удержание социалистов у власти после окончания войны, видимо, не входило в планы германского правительства. Революционеры же смотрели на помощь, предложенную германским правительством, как на средство для организации революции в России и во всей Европе, прежде всего в Германии. Германское правительство знало, что главной задачей социалистов была организация революции в Германии. Революционеры знали, что правительство Германии не желает допустить прихода к власти немецких социалистов, а русских революционеров рассматривает как орудие для реализации собственных империалистических планов. Каждая из сторон надеялась переиграть другую. В конечном итоге в этой игре победила ленинская группа, переигравшая всех, в том числе и Парвуса, ро-

дона начальника идеи германо-большевистского сотрудничества¹. Кажущаяся на первый взгляд убедительной логика этой концепции все же основана на ретроспективном подходе, исходящем из конечного результата, т. е. победы Ленина и большевиков в октябре 1917 г.

В реальности все обстояло гораздо сложнее, и «германо-большевистское сотрудничество» не было столь очевидным, как это представляется тем, кто клеймит большевиков как агентов германского Генерального штаба, а их вождя В. И. Ленина — еще и в тайномговоре с Парвусом (И. Л. Гельфандом). Все эти утверждения носят скорее аксиоматический характер или строятся в значительной степени на догадках, предположениях и даже на искажении фактов, в особенности когда речь идет о взаимоотношениях Ленина и Парвуса. Впервые они встретились в начале 1900-х годов в Германии, куда И. Л. Гельфанд, родившийся в России и эмигрировавший затем в Швейцарию, переехал по окончании Базельского университета. Вступив в социал-демократическую партию Германии, Гельфанд очень скоро стал одним из видных ее деятелей, в первую очередь благодаря своим острым критическим выступлениям в социал-демократической печати под псевдонимом Парвуса, что в переводе с латинского означает «молодой», «скромный», «незаметный». На самом деле он никогда не был скромным, зато бесспорно стал весьма заметной фигурой в социал-демократическом движении. В 1897 г. Парвус стал главным редактором «Саксонской рабочей газеты», на страницах которой резко выступил против «ревизиониста марксизма» Э. Бернштейна. Эти статьи получили одобрение и поддержку Г. В. Плеханова, Ю. О. Мартова, А. Н. Потресова и В. И. Ленина. Последний обратил внимание и на вышедшую книгу «талантливого германского публициста, пишущего под псевдонимом Парвуса», — «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис», опубликовав на нее в 1899 г. весьма одобрительную рецензию, в которой усиленно рекомендовал ее «всем читателям, интересующимся отмеченными вопросами»².

Именно Парвус убедил редакторов «Искры» издавать ее в Мюнхене, где нелегально, по болгарскому паспорту, жил Ленин. Неуди-

¹ *Фельштинский Ю. Г.* От редактора-составителя // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 235.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 61.

вительно, что «талантливый германский публицист» очень скоро стал ее сотрудником. В письме П. Б. Аксельроду Ленин специально отмечает, что в четвертом номере «Искры» есть статья Парвуса «Самодержавие и финансы»³. Опубликованная Парвусом в 1904 г. в «Искре» серия статей «Война и революция» утвердила за ним репутацию проницательного публициста и политика. Он предсказал неизбежное поражение России в войне с Японией и как следствие грядущую русскую революцию, которая, по его мнению, должна была расшатать основы капиталистического мира, а русский рабочий класс должен был выступить в роли авангарда в мировой социальной революции. Марксистская теория «перманентной революции» обрела таким образом под пером Парвуса новое и конкретное содержание, и познакомившийся с ней молодой Л. Д. Троцкий сразу же стал ее пламенным поборником, а сам Парвус открылся ему как «выдающаяся марксистская фигура». Так считал не только Троцкий, но и сам Парвус, который попытался даже примирить лидеров социал-демократов меньшевиков и большевиков, став посредником в их переговорах. Правда, из этого ничего не получилось, и биографы Парвуса полагают, что здесь он совершил большую ошибку. «Он свел лидера большевиков с его оппонентами и отчитал их как подростков с завышенной самооценкой, — пишут З. Земан и У. Шарлау. — Это, естественно, никому не понравилось. Ленин был не тем человеком, чтобы принимать советы и выслушивать критические замечания в свой адрес и наотрез отклонил предложение войти в редколлегию «Искры»⁴. Неуступчивость Ленина привела к тому, что Парвус, стремившийся до этого соблюдать нейтралитет в отношениях с большевиками и меньшевиками, стал склоняться в сторону последних. Показательно, что один из меньшевистских лидеров А. Н. Потресов писал в это время своему коллеге по партии П. Б. Аксельроду: «Еще вопрос, как победить Ленина. Я думаю, что надо натравить на него таких авторитетов, как Каутский, Роза Люксембург и Парвус»⁵.

Однако «натравить» Парвуса на Ленина тогда не удалось —

³Там же. Т. 48. С. 101.

⁴Земан З. А., Шарлау У. Б. Купец революции Парвус-Гельфанд. Политическая биография. М., 1991. С. 77.

⁵Социал-демократическое движение в России / Под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского. М., 1928. С. 125.

9 января в России разразилась народная революция, а в развернувшихся ожесточенных спорах о тактике социал-демократии в этой революции он не поддержал ни большевиков, ни меньшевиков. «Моя тактика в революции 1905 года в России основывалась на следующем: проложить путь для революционной энергии пролетариата, — писал впоследствии Парвус. — Хотя я очень хорошо понимал, что в то время в России было невозможно добиться социализма, было понятно, что победившая революция, поддержанная рабочими массами, дает власть пролетариату, и я требовал, чтобы пролетариат использовал эту власть в интересах установления демократии рабочих. И если разговор возвращается только к установлению буржуазной парламентской системы, сказал я своим русским друзьям, тогда я спокойно останусь в Германии, где парламентская система имеет довольно долгую историю»⁶. Но бурный темперамент и бьющая через край энергия позвали Парвуса в Россию, где в октябре 1905 г. началась всеобщая стачка. Выпросив аванс в счет будущей книги, он по подложному паспорту приехал в конце октября в Санкт-Петербург, оказавшись в столице Российской империи раньше Ленина и Мартова, вернувшихся из эмиграции после объявления политической амнистии в ноябре 1905 г. В результате Парвус вместе с Троцким оказались в числе главных действующих лиц в революционном Петербурге. Удивительно, но это факт, что в советской историографии Первой русской революции Парвус был начисто вычеркнут из ее участников. Между тем для Парвуса это был «звездный час» в его революционной карьере: вместе с Троцким он вошел в состав Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов, его пламенные речи и радикальные призывы к борьбе против царизма снискали ему большую популярность. Тираж «Русской газеты», редактором которой стал Парвус, достиг 500 тыс. экземпляров, превысив тираж большевистской «Новой жизни» в 10 раз. Стоившая одну копейку, «Русская газета» пользовалась огромным спросом, и в первую очередь среди рабочих. Как один из организаторов революционных выступлений в Петербурге и руководителей Совета рабочих депутатов Парвус был арестован, правда, позднее, в апреле 1906 г., а затем сослан на три года в Сибирь, откуда ему удалось бежать сначала в Петербург, а затем перебраться в Германию. Свои приключения он описал в яр-

⁶ *Парвус. В борьбе за справедливость.* Берлин, 1918. С. 9–10.

кой форме в книге «По тюрьмам во время революции. Побег из Сибири».

Не игравший сколько-нибудь заметной роли в революции 1905 г., Ленин был вынужден петь дифирамбы «меньшевику Парвусу» за «прекрасную статью» в «Искре», за «якобинскую постановку вопроса об организации революции»⁷. Впрочем, лидер большевиков не упустит в октябре 1905 г. представившегося случая одернуть Парвуса за парламентские иллюзии в эпоху революционной борьбы, за «тактику мелочных сделок» и даже назовет его за это «пошляком»⁸. Несколько позднее Ленин подвергнет Парвуса резкой критике за «полнейшее незнание русских политических вопросов», за отказ бойкотировать так называемую Булыгинскую думу⁹, и с этого времени между ними начнется расхождение и охлаждение, хотя близких отношений у них не было никогда, разве что во время пребывания Ленина в Мюнхене.

Если же говорить о том, с каким политическим багажом вышли Парвус и Ленин из Первой русской революции, то Парвус в первую очередь потерпел серьезное поражение, и не только потому, что, по образному выражению его биографов, «ударная волна русской революции не покатила на Запад»¹⁰, но еще и потому, что его авторитет в Петербургском Совете в решающие дни революционной борьбы резко упал и ему даже пришлось выйти из его состава в знак протеста против принятого Советом решения о прекращении забастовки. Ленин же, не сумевший предвидеть развитие событий в России в 1905 г. и занимавшийся в основном критикой своих оппонентов в вышедшей тогда работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», понес меньший морально-политический урон, хотя и он как лидер большевиков призывал рабочих к вооруженному восстанию, которое в декабре 1905 г. было жестоко подавлено в Москве, не будучи поддержанным рабочими других промышленных центров, в том числе и Петербурга. Тем не менее Парвус остался оптимистом, который не утратил веры в дело революции, в то время как Ленин пребывал вплоть до 1917 г. в унынии относительно перспектив Русской революции.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 264–273.

⁸ Там же. Т. 47. С. 87.

⁹ Там же. Т. 11. С. 251.

¹⁰ Земан Э. А., Шарлау У. Б. Указ. соч. С. 110.

1. «Меморандум доктора Гельфанда», или как устроить революцию в России

8 января 1915 г. германский посол в Константинополе Курт фон Вагенхейм направил в Берлин телеграмму следующего содержания: «Известный русский социалист и публицист д-р Гельфанд, один из главных лидеров русской революции 1905 г., который был выслан из России и несколько раз высылался также из Германии, в течение определенного времени активно работает здесь как публицист, занимающийся главным образом вопросами экономики Турции. С самого начала войны Парвус настроен совершенно явно про-немецки. Он помогает д-ру Циммеру в поддержке украинского движения, а также оказывает полезные услуги в организации газеты Бацариса в Бухаресте. В беседе со мной, о которой он просил через Циммера, Парвус сказал, что русские демократы смогут достичь своей цели только при полном уничтожении царизма и разделе России на малые государства. С другой стороны, политика Германии не может быть совершенно успешной, если она не будет способствовать проведению главной революции в России. Россия будет опасна для Германии даже после войны, если русская империя не будет разделена на ряд отдельных частей. Поэтому интересы правительства Германии и русских революционеров, которые уже действуют, совпадают. Однако пока еще отсутствует необходимая координация между различными фракциями. Большевики еще не объединили свои силы с большевиками. Он считает своей задачей создать организацию по подготовке восстания и действовать в широком масштабе. Для достижения этой цели прежде всего необходимо созвать конгресс лидеров движения, возможно, в Женеве. Он готов предпринять первые шаги в этом направлении, но ему понадобятся немалые деньги. . . »¹¹. В заключение германский посол выразил пожелание, чтобы Парвус был принят в Берлине статс-секретарем иностранных дел Яговым и тот ознакомился с его планом¹². Но прежде чем проследить, как развивались дальнейшие события, необходимо объяснить, почему Парвус оказался в это время в Константинополе. Причиной тому стал финансовый скандал, который разгорелся после возвращения Парвуса из революционной

¹¹Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 238.

¹²Там же. С. 239.

России в Германию. Дело в том, что будучи с 1902 г. успешным литературным агентом М. Горького, он собрал за постановку пьесы «На дне» значительную сумму, большая часть которой должна была поступить в партийную кассу РСДРП и самому автору. «За четыре года пьеса обошла все театры Германии, в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз, у Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок, — вспоминал потом Горький. — Но вместо денег он прислал в “Знание” К. П. Пятницкому письмо, в котором добродушно сообщал, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии»¹³. Тем не менее и большевистское руководство во главе с Лениным, и сам Горький потребовали от Парвуса вернуть причитающиеся им суммы, а Горький даже обратился с жалобой на Парвуса в Исполком социал-демократической партии Германии. Дело Парвуса рассматривал в начале 1908 г. авторитетный третейский суд в составе А. Бебеля, К. Каутского и К. Цеткин, который морально осудил Парвуса, поставил его вне рядов русского и германского социал-демократического движения. «Трудно сказать, что было правдой, а что вымыслом в этой истории с Горьким, но для Гельфанда она имела самые серьезные последствия, — пишут его биографы. — Он окончательно запутался и не видел никакого выхода из сложившейся ситуации. Одно ему было ясно: он не может больше оставаться в Германии»¹⁴.

В результате недавний триумфатор оказался в 1910 г. в Константинополе, началась новая, покрытая тайной глава жизни Парвуса. Об этой главе длиною в пять лет подлинно известно немного даже его биографам; а все остальное — из области слухов и предположений. По имеющимся сведениям, Парвус с 1911 г. стал агентом немецкого Генерального штаба и в качестве такового был послан как военный корреспондент в Константинополь, где был прикомандирован к немецкому генералу Лиману фон Сандерсу. Здесь ему была предоставлена возможность заключать выгодные контракты по хлебным поставкам и зарабатывать на этом большие деньги.¹⁵ Он гордился заключенной сделкой с Россией по доставке зерна, которая, по его утверждению, спасла режим младотурок от катастрофы. Возможно, поэтому он стал не только миллионером, но и

¹³ Горький М. Полн. собр. соч. Т. 20. М., 1974. С. 10–11.

¹⁴ Земан З. А., Шарлау У. В. Указ. соч. С. 143.

¹⁵ Александров С. Немецкий агент Парвус // Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 114.

советником правительства «младотурок», а совсем не потому, что один из его лидеров Мехмет Талаат, с которым Парвус был хорошо знаком, являлся великим мастером ложки «Великий Восток Турции», образованной в 1909 г. Одновременно Парвус занимался и контрабандой немецкого оружия устаревших образцов, пользовавшегося на Балканах большим спросом. С началом Первой мировой войны он стал активно работать в пользу Германии, агитируя общественное мнение Турции за участие в войне на стороне центральных держав. Как бы то ни было, надо отдать должное его острому уму, практической хватке, предприимчивости и авантюренному характеру. Как представляется, финансовые успехи Парвуса есть блестящее подтверждение мысли Ф. М. Достоевского о том, что «из правдоискателей и бунтарей такие деловые шельмы вдруг вырабатываются, что понимающие люди только языком на них в остолбенении пощелкивают». Переход Парвуса в новое качественное состояние изменил весь его образ мыслей и поведения, обнажил скрываемые ранее черты характера, сделал его в глазах бывших товарищей по социал-демократической партии «сутенером империализма» (К. Цеткин), «негодяем и авантюристом» (Ленин), «политическим Фальстафом» (Троцкий), а для будущих биографов он станет «таинственной фигурой». Всей своей предшествующей трудной жизнью и бурной деятельностью Парвус был подготовлен к любым превратностям судьбы, в том числе и к очередному резкому повороту, который произошел в его жизни с началом Первой мировой войны.

Эхо артиллерийской канонады еще не докатилось до Константинополя, а Парвус уже утратил интерес к турецкой экономике и вновь ударился в политику, чтобы не только напомнить о себе, но и извлечь пользу из новой ситуации. Он открыто принимает сторону Германии и начинает активно действовать в ее пользу. В своем обращении к русским революционерам и социалистам он призывает их способствовать поражению России в интересах европейской демократии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в январе 1915 г. Парвус добился встречи с германским послом в Константинополе фон Вагенхеймом, которого первым посвятил в свой план действий. Этот план произвел на германского посла должное впечатление, и потому, реагируя на просьбу Парвуса предоставить ему возможность ознакомить Берлин с его планом, Вагенхейм немедленно телеграфировал своему руководству о желательности кон-

такта с «доктором Гельфандом». Германское руководство сразу же заинтересовалось этим планом, и статс-секретарь иностранных дел Ягов прямо из Ставки сообщил в МИД, что на встречу с Парвусом в Берлине будет направлен сотрудник Имперской канцелярии Рицлер¹⁶, авторитетный специалист по делам России.

На состоявшейся в конце февраля 1915 г. в Министерстве иностранных дел Германии встрече с Парвусом статс-секретаря иностранных дел Ягова и Рицлера, которая по соображениям строгой секретности даже не протоколировалась, «известный русский социалист и публицист» представил основные положения своего плана борьбы против царской России¹⁷. Судя по всему, этот план был тогда одобрен, поскольку 9 марта 1915 г. Парвус направил в МИД Германии меморандум на двадцати страницах, содержащий подробный план организации революции в России. Этот документ, известный в литературе как «Меморандум доктора Гельфанда», был впервые опубликован в 1958 г. в сборнике документов «Германия и революция в России 1915–1918».

Хотя после этого «Меморандум доктора Гельфанда» многократно перепечатывался и комментировался в зарубежных и отечественных изданиях, его снова и снова открывают для себя и своих читателей как «новый источник» те, кто считает Русскую революцию 1917 г. результатом «злонамеренных козней Германии». Но это в первую очередь своеобразный литературный памятник революционной эпохи, исторический источник, который нужно оценить в контексте времени. В самом деле, представленный в меморандуме план действий поражал своей масштабностью, грандиозностью своего замысла и вместе с тем не казался на первый взгляд фантастическим, поскольку основывался на конкретно-историческом анализе социально-политической обстановки в России того времени. Надо отдать должное его автору: он использовал в нем не только личный опыт 1905 г., но и новую ситуацию, возникшую в годы войны. Документ начинался с главной цели — подготовить и провести в России весной следующего — 1916 г. массовую политическую забастовку под лозунгом «Свобода и мир». «Центром движения, — говорилось далее, — будет Петроград, а в самом Петрограде — Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка

¹⁶Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 239.

¹⁷Земан З. А., Шарлау У. В. Указ. соч. С. 175.

должна прервать железнодорожное сообщение между Петроградом и Варшавой и Москвой и Варшавой и парализовать Юго-Западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка будет проведена прежде всего в крупных центрах с большим количеством рабочих и железнодорожных мастерских. Чтобы сделать забастовку всеобщей, следует взорвать железнодорожные мосты, как это было во время забастовочного движения 1904–1905 годов»¹⁸. В меморандуме подчеркивалось, что этой цели можно достигнуть «только под руководством русских социал-демократов» и тут же содержались конкретные предложения, как привлечь их к этому на основе компромисса между политическими партиями и течениями¹⁹. Особое внимание предлагалось уделить революционной агитации через печать. Автор документа не боялся дать прогноз и на будущее: «Если революционное движение достигнет значительных масштабов и даже если у власти в Петрограде останется царское правительство, можно сформировать временное правительство для обсуждения вопроса о перемирии и мирном договоре и для начала дипломатических переговоров»²⁰. Наряду с рекомендациями по технической подготовке восстания в России (послать в Сибирь несколько энергичных и хорошо обученных и снаряженных агентов со специальным заданием взорвать железнодорожные мосты, чтобы помешать поставке оружия из Америки, разработать план сопротивления восставшего населения Петрограда и др.) в меморандуме содержалось предложение о финансовой поддержке «для группы большевиков в российской социал-демократической партии, которая борется против царизма всеми доступными средствами». И прямо указывалось, что «ее вожди находятся в Швейцарии»²¹. Интересно, что среди 11 пунктов приложения к своему меморандуму, переданному в МИД Германии несколькими днями позже, Парвус поставит предложение о финансовой поддержке большевиков на первое место²². И все же главное внимание в самом меморандуме было уделено анализу революционного движения в России. Правда, Парвус не открывал ничего нового, утверждая, что дальнейшие события в России зависят от течения войны. «После восторгов первых дней войны

¹⁸Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 239.

¹⁹Там же. С. 240.

²⁰Там же. С. 250.

²¹Там же. С. 251.

²²Земан З. А., Шарлау У. В. Указ. соч. С. 178.

в России наступило отрезвление, — отмечал он. — Царский режим нуждается в быстрых победах, а на деле терпит кровавые поражения. Даже если русская армия останется на зиму на теперешних позициях, по всей стране прокатится волна недовольства»²³. В случае поражения русской армии, предрекал Парвус, «антиправительственное движение приобретет невиданный размах» и «при мобилизации имеющихся сил согласно выше изложенному плану можно рассчитывать на массовую забастовку весной»²⁴.

«Для полной организации русской революции», назначенной на январь 1916 г., Парвус запросил 20 млн руб., а пока согласился удовлетвориться 1 млн для проведения подрывной работы в Петрограде²⁵. План Парвуса получил одобрение в Министерстве иностранных дел Германии и в Генеральном штабе²⁶, а опекавший Парвуса в Копенгагене немецкий посланник Брокдорф-Ранцау уверял своего шефа в том, что агент Парвуса «сразу же по возвращении начнет устанавливать связи между разными революционными центрами, но это невозможно без довольно больших материальных ресурсов»²⁷.

Было бы однако наивным полагать, что, одоблив план Парвуса, немецкие дипломаты и все, кто за ними стояли, были готовы выбросить деньги, и немалые, на ветер. Можно согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что первоначально МИД Германии рассматривало поддержку радикальных элементов русской эмиграции и свои подрывные действия в России в целом как способ давления на царя в целях заключения сепаратного мира²⁸. Это понимал и сам Парвус, предупреждавший немецких дипломатов об опасности заключения сепаратного мира с Россией и предлагавший вместо этого «организовать» революцию. Его всецело поддерживал германский посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау. «Теперь я лучше узнал Гельфанда, и я считаю, что это, несомненно, необыкновенно важный человек, — писал он в августе 1915 г. заместителю статс-секретаря иностранных дел, — и мы должны использовать его необыкновенные способности, пока идет война, и,

²³ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 244.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 256.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ *Зелан Э. А., Шарлау У. Б.* Указ. соч. С. 183.

если это будет возможно, после нее, независимо от того, разделяем мы лично его взгляды»²⁹. Пытаясь развеять возникшие опасения скептиков в отношении плана Парвуса, Брокдорф-Ранцау здесь же разъяснял необходимость поддержки плана Парвуса: «может быть это и рискованно — использовать силы, стоящие за Гельфандом, но отказ от их услуг, вызванный опасением, что мы не сможем контролировать эти силы, был бы безусловно признанием нашей слабости. Я еще не расстался с этой надеждой. Те, кто не понимает знамений нашего времени, никогда не поймут, куда мы идем, что поставлено на карту в данный момент».³⁰

МИД Германии хотя и сомневался, но все же поверил в «силы, стоящие за Гельфандом». Но проблема состояла в том, что финансами распоряжались не дипломаты. 6 июня 1915 г. статс-секретарь иностранных дел Ягов обращается к министру финансов Фрелиху с просьбой выделить 5 млн марок «на революционную пропаганду в России», по статье «непредвиденные расходы», поскольку МИД не имел такой суммы в своем распоряжении³¹. И хотя эта просьба была удовлетворена в июле 1915 г., тем не менее министр финансов заметил, что «могут возникнуть затруднения в соблюдении полной тайны»³². В декабре 1915 г. Фрелих принял Парвуса, ознакомившего его со своим грандиозным планом. Сообщая МИД о своем впечатлении об этой встрече, министр финансов писал: «По-моему он слишком нафантазировал в своих планах, особенно в так называемом финансовом плане, в котором мы вряд ли сможем участвовать. С другой стороны, стоит обсудить вопрос о предоставлении в его распоряжение 1 млн руб., который он просит для пропаганды. Если Министерство иностранных дел считает этот расход оправданным и полезным, я не буду возражать»³³. Только после этого статс-секретарь иностранных дел Ягов направил 26 декабря 1915 г. телеграмму германскому посланнику в Копенгагене Брокдорфу-Ранцау с разрешением выплатить 1 млн руб. из кассы миссии. При этом Ягов счел необходимым сделать следующую приписку: «Следует сообщить графу Ранцау, что д-р Гельферих (вице-канцлер. — Г. С.) относится к фантастическому финансово-

²⁹ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 253.

³⁰ Там же. С. 254–255.

³¹ Там же. С. 253.

³² Там же. С. 255, 395.

³³ Там же. С. 257.

му плану Гельфанда отнюдь не так сочувственно, как тот думает»³⁴. Наконец-то Парвус получил свой миллион, разумеется, под расписку для отчета: «Мною 29 декабря 1915 получен один миллион рублей в русских банкнотах для поддержки революционного движения в России от германского посланника в Копенгагене. Д-р А. Гельфанд»³⁵. Как видно из этого, далеко не все гладко было с финансированием плана Парвуса, как это обычно представляется в современной отечественной литературе.

Свидетельством доверия немецких властей к Парвусу стало и аннулирование существовавшего еще с 1893 г. запрета жить в Германии, и он получил возможность свободного передвижения по стране, а также паспорт, с которым мог посещать нейтральные страны³⁶. Но в самой Германии Парвус встретил более чем холодный прием со стороны бывших своих товарищей по социал-демократической партии, в том числе и ее видных деятелей — Карла Либкнехта, Клары Цеткин и Розы Люксембург. Последняя даже не пожелала с ним разговаривать, хотя их связывала давняя дружба. Один из членов руководства СДПГ Г. Хаас предостерег против каких-либо контактов с Парвусом и высказал предположение, что он является русским агентом (!)³⁷. Другой социал-демократ Э. Давид записал в это время в своем дневнике: «Совершенно невероятный случай: ультрадикальный революционер, русский реформатор, негодяй, обманщик (дело Горького), а теперь еще турецкий агент и спекулянт»³⁸. Интересно, как бы реагировали его бывшие товарищи по партии, если бы узнали, что на самом деле он был немецким агентом.

Не менее холодный прием встретил Парвус и в Швейцарии, куда он приехал в мае 1915 г. Здесь его главной целью была встреча с Лениным, от которого зависел успех планов Парвуса. Эта встреча состоялась в конце мая 1915 г. на квартире лидера большевиков. «Я изложил ему мои взгляды на последствия войны для социал-демократии и обратил внимание на то, что, пока продолжается война, в Германии не сможет произойти революция, что сейчас революция возможна только в России, где она может раз-

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 395.

³⁶ Там же.

³⁷ *Земан З. А., Шарлау У. Б.* Указ. соч. С. 185.

³⁸ Там же. С. 186–187.

разиться в результате поражений от Германии, — вспоминал затем Парвус. — Однако он мечтал об издании социалистического журнала, с помощью которого, как он полагал, он сможет немедленно направить европейский пролетариат из окопов в революцию»³⁹. По свидетельству А. Р. Зифельда, которому Ленин рассказал об этой встрече, лидер большевиков заявил Парвусу, что тот агент Шейдемана и остальных немецких социалистов-шовинистов, и потому он предпочитает не иметь с ним никаких дел⁴⁰. Трудно судить, как проходила эта встреча на самом деле, но факт остается фактом — Парвусу не удалось договориться с Лениным. «Планы, которые он изложил в Берлине в начале марта, лишились основной составляющей, — пишут в связи с этим его биографы. — Без Ленина Гельфанд не мог ни создать единой социалистический фронт, ни действовать в надежде на успех в России. Теперь ему предстояло сделать выбор: он мог информировать МИД о его неудаче в Швейцарии и ограничиться в этом случае, по договоренности с немецкими дипломатами, социалистической пропагандой в Западной Европе или попытаться создать свою организацию, достаточно сильную, чтобы она могла действовать в России»⁴¹. Он не сделал ни того, ни другого, а предпочел импровизировать, создавая при этом видимость бурной деятельности по организации революции в России.

Потерпев фиаско в Швейцарии, Парвус решил остаться в Скандинавии, которая в силу своего нейтралитета стала центром торговли между воюющими странами. С ведома своих покровителей из МИД Германии он обосновался в Копенгагене, где организовал институт научного и статистического анализа (Институт по изучению причин и последствий мировой войны), для работы в котором в качестве научных сотрудников Парвус не без умысла привлек ряд русских эмигрантов как из меньшевиков, так и большевиков — А. Г. Зурабова, М. С. Урицкого, Г. И. Чудновского и др. Однако обвинения прессы в том, что образованный Парвусом институт является всего лишь легальным прикрытием его конспиративной деятельности, не подтвердились, и, как уверяют его биографы, «институт занимался тем, чем и должен был заниматься, — исследовательской работой»⁴².

³⁹ Парвус. Указ. соч. С. 50.

⁴⁰ Земан З. А., Шарлау У. В. Указ. соч. С. 190.

⁴¹ Там же. С. 191.

⁴² Там же. С. 197.

Тем не менее отношение русской эмиграции к этому «научному учреждению» было скорее подозрительным, чем положительным, в особенности после того, как небезызвестный Г. А. Алексинский, издававший в Париже журнал «Россия и свобода», выступил в нем со статьей, в которой утверждал, что Институт по изучению причин и последствий мировой войны основан на деньги германского правительства. Не случайно от предложения работать в этом Институте отказался Н. И. Бухарин, проживавший тогда в Скандинавии и находившийся, как и многие русские эмигранты, в тяжелом материальном положении. Правда, некоторые исследователи, не приводя никаких доказательств, считают, что он отказался от этого предложения «под сильным давлением Ленина»⁴³. По моему мнению, это было самостоятельное решение Бухарина, который, несмотря на свои молодые годы, занимал тогда независимую позицию. К тому же опубликованная переписка не дает оснований утверждать, что этот вопрос между ними обсуждался.

Не принял предложения сотрудничать в институте Парвуса и Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг), хотя и он находился в отчаянном материальном положении, настолько отчаянном, что осенью 1914 г. был вынужден обратиться к Ленину с необычной просьбой — выслать ему денег взаймы⁴⁴. Сам Ганецкий в своих показаниях в ЦК РСДРП(б) в 1917 г. писал: «Еще до выезда своего из Цюриха я слышал, что Парвус организует в Копенгагене научное общество. Там я мог получить место, равно как и моя жена. Но так как было опасение, что политические противники будут демагогически ставить упреки, что сотрудники этого научного общества работают совместно с Парвусом политически, то во избежание всяких лишних недоразумений решил места там не принимать»⁴⁵.

Впрочем, деятельность организованного Парвусом Института по изучению причин и последствий мировой войны мало интересовала и его самого, и он занялся своим любимым делом — коммерцией, проворачивая многомиллионные сделки с продовольствием, углем, медикаментами. Копенгаген был для этого самым подходящим местом. Посетивший в 1915 г. этот город один из видных деятелей большевиков А. Г. Шляпников свидетельствовал: «Русских

⁴³ Там же. С. 196.

⁴⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 7–8.

⁴⁵ Аммиатов Ю. Н., Ермолаева Р. А. Дело Ганецкого и Козловского // Кентавр. 1992. № 5/6. С. 91–92.

граждан в Копенгагене этой осенью было очень много. Сюда съехались все спекулянты, все мародеры и богачи военного времени. Спекулировали главным образом предметами питания и немецкими фабрикатами (краски, лекарства, канцелярские принадлежности и т. п.). Появился особый слой богачей — гуляшники, это спекулянты особого рода военными консервами, умевшие сбывать их в Германию. Социалисты также не отставали от военных доходов. Так немецкий социалист, известный в свое время в России, Парвус уже нажил не один миллион и начал жертвовать и учреждать полезные предприятия»⁴⁶.

Самым полезным предприятием, учрежденным Парвусом, стала экспортно-импортная компания, которая специализировалась на торговле между Германией и Россией. Как это ни покажется удивительным, но Германия и Россия сохранили торговые отношения во время Первой мировой войны: за период с августа 1915 по июль 1916 г. торговый оборот между ними составил 11 млн 220 тыс. руб.⁴⁷. Так что не один Парвус поставлял товары в Россию. Что же касается его экспортно-импортной компании, то она закупала необходимые для германской военной экономики медь, олово, каучук, а также зерно, а в Россию поставляла машинное оборудование, химикаты, медикаменты и даже презервативы. Одни товары пересекали границу легально, другие — контрабандой⁴⁸. В августе 1915 г. компанию Парвуса инспектировал уполномоченный германского правительства доктор Циммер, который был знаком с Парвусом еще по Константинополю. Инспектор остался доволен работой компании и в отчете своему правительству особо выделил характер ее закулисной деятельности: «В организации, созданной Гельфандом, сейчас работает восемь человек в Копенгагене и приблизительно десять человек, которые ездят в Россию. Эта работа служит цели установления контактов с различными людьми в России, поскольку необходимо объединить различные, не связанные между собой движения. Центр в Копенгагене поддерживает с ними постоянную связь. Гельфанд выделил средства на административные расходы, которые тратит довольно экономно. До настоящего времени он настолько осторожно ведет дела, что даже те, кто работает на него, не понимают, что за всем этим стоит

⁴⁶ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. М., 1920. С. 201–202.

⁴⁷ Земан З. А., Шарлау У. Б. Указ. соч. С. 197.

⁴⁸ Там же. С. 197–198.

наше правительство»⁴⁹. Чрезвычайно важное признание, которое следует иметь в виду при оценке вовлеченных в эту компанию лиц как германских агентов и пособников Парвуса в его секретной миссии.

Это в равной степени относится и к управляющему экспортно-импортной компанией Я. С. Ганецкому (Фюрстенбергу), которого, оказывается, Ленин внедрил как своего человека к Парвусу. «Когда Ленин в 1915 г. откомандировал Фюрстенберга в организацию Гельфанда, — пишут З. А. Земан и У. Б. Шарлау, — они оба оказались в выигрыше: Ленин смог получать информацию о том, как обстоят дела в Скандинавии, а Гельфанд, благодаря Фюрстенбергу, получил связь с большевистским штабом».⁵⁰ Без единого факта авторы намертво связали Парвуса с «большевистским штабом», о существовании которого тогда не подозревал даже Ленин. Но давайте послушаем самого Ганецкого. Вот что он писал по этому поводу в своих показаниях, адресованных в ЦК РСДРП(б): «Парвуса лично я не знал. Мельком встречал его раза два в 1900 году в Мюнхене у тов. Карского. Познакомился я с ним только в 1915 году, в июле месяце в Копенгагене. Уже в Швейцарии слышал, что он сделался немецким социал-демократом. Но знакомые социал-демократы давали о его политической личности и личной честности самые лучшие отзывы... Будучи в тяжелом материальном положении, узнав, что Парвус и в Копенгагене делает дела, я обратился к нему и предложил свои услуги. Парвус сначала предложил мне деньги для моего личного оборудования в коммерции. Но, не имея опыта, я не хотел лично вести дела с чужими деньгами. Немного спустя было организовано акционерное общество, и я был управляющим. Я получал очень скромное жалованье, 400 крон в месяц (до войны 200 рублей). Но должен был получать тантьему (вознаграждение за счет процентов от прибыли. — Г. С.), причем имел право получать в счет этой тантьемы, что позволило мне содержать мою семью из 5-ти лиц»⁵¹. Мы еще вернемся к этим показаниям, а здесь хотелось бы обратить внимание на то, что Ганецкий, которому в 1917 г. были предъявлены обвинения в спекуляции, даже не пытался прикрыться авторитетом Ленина и, как мне представляется, совсем не потому, что не хотел выдать партийную тайну, а по причине то-

⁴⁹ Там же. С. 197.

⁵⁰ Там же. С. 196.

⁵¹ Амиантов Ю. Н., Ермолаева Р. А. Указ. соч. С. 94.

го, что решение сотрудничать с Парвусом он принимал самостоятельно.

В сентябре 1915 г. Парвус начал издавать в Мюнхене журнал «Колокол». Если иметь в виду, что журнал стал выходить с разрешения МИД Германии и Генерального штаба⁵², его претенциозное название было, по меньшей мере, неуместным. После выхода первых двух номеров журнала, которые были посвящены защите германской военной политики «в интересах социалистического движения в Германии», противники Парвуса, а их у него было очень много, обвинили его в том, что он является агентом правительства Германии. Отвечая на эти обвинения, Парвус в третьем номере своего журнала заявил: «Моя миссия в том, чтобы создать духовную связь между вооруженной Германией и русским революционным пролетариатом»⁵³. Разумеется, он не стал разъяснять, какими средствами он хочет установить эту «духовную связь». «Миссию» Парвуса резко критиковал Ленин, который в своей статье «У последней черты», опубликованной 20 ноября 1915 г. в газете «Социал-демократ», писал: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в издаваемом им журнальчике “Die Glocke” (“Колокол”) до последней черты. . . Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России. . .»⁵⁴. Из этого можно заключить, что вождь большевиков был в полной неосведомленности относительно истинных намерений как Парвуса, так и немецкого Генерального штаба, ибо только при очень богатом воображении можно увидеть в этом маскировку уже состоявшегося сговора между ними. Можно с полной уверенностью утверждать, что Ленин и большевики не сотрудничали с Парвусом, по крайней мере в это время, свидетельством чему было и полное безденежье ЦК большевиков в Женеве и Русского бюро ЦК в Петрограде. В ноябре 1915 г. Ленин писал из Швейцарии в Скандинавию А. М. Коллонтай: «Насчет денег с огорчением увидел из Вашего письма, что пока Вам ничего не удалось для ЦК собрать»⁵⁵.

Если у Ленина в это время не было денег и он не помышлял о революции в России, то Парвус, даже располагая денежными сред-

⁵² Зеeman З. А., Шарлау У. В. Указ. соч. С. 201–202.

⁵³ Там же. С. 209.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 82–83.

⁵⁵ Там же. Т. 49. С. 164.

ствами, не мог вызвать ее по своему желанию. В декабре 1915 г. во время встречи с Брокдорфом-Ранцау он впервые высказал опасение, что назначенная им на 9 (22) января 1916 г. революция может не состояться, и, страхуясь, заявил, что «для полной организации русской революции нужно около 20 миллионов рублей»⁵⁶. Тем не менее с полученным миллионом «для поддержки революционного движения в России» Парвус приехал в начале января 1916 г. в Стокгольм, откуда 3 января 1916 г. телеграфировал Брокдорфу-Ранцау в Копенгаген: «Все идет как надо. Ожидаю сообщений из Петрограда»⁵⁷. Но сообщений из столицы о том, что там началась революция, восстание или стачка, не поступало. Что же касается волны забастовок, прокатившихся по стране, то нет никаких документальных оснований приписывать их происхождение агентам Парвуса в России. Германскому посланнику в Копенгагене, откуда Парвус «руководил» подготовкой Русской революции, пришлось давать объяснения самому канцлеру. Брокдорф-Ранцау сообщал в Берлин, что «Гельфанд настаивал приступить к действиям 22 января. Однако его агенты решительно от них отсоветовали, говоря, что немедленные действия были бы преждевременны» из-за изменившейся политической ситуации в Петрограде. Автором «изменившихся политических обстоятельств» был, конечно, сам Парвус: только ему могла прийти в голову идея свалить вину за несостоявшееся восстание в столице России на правых. «В революционном лагере опасаются, — разъяснял в связи с этим Брокдорф-Ранцау своему шефу, — что если бы восстание произошло в данный момент, реакционеры смешались бы с революционерами, чтобы внести в движение анархию. Революционеры не настолько уверены в своем контроле над массами, чтобы утверждать, что они останутся хозяевами положения, если эти массы выйдут на улицу. По всем этим соображениям необходимо отложить восстание до того времени, когда такая уверенность появится»⁵⁸. В действительности Парвус потерпел фиаско. «Гельфанд ошибся, решив, что может в течение нескольких месяцев превратить возмущение рабочих в революцию; он переоценил имевшиеся в его распоряжении средства, — пишут в связи с этим его биографы. — Он никогда не обладал хорошими организаторскими способностями и думал, что при наличии денег

⁵⁶Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 256.

⁵⁷Земан З. А., Шарлау У. Б. Указ. соч. С. 223.

⁵⁸Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 260.

вполне достаточно способностей к импровизации, находчивости и энергии»⁵⁹.

В этих условиях Парвусу не оставалось ничего другого, как с помощью своих агентов продолжать распространять слухи о готовящемся в столице восстании. В курсе этих слухов было и Петроградское охранное отделение, начальник которого полковник К. И. Глобачев в своем докладе в Департамент полиции в июле 1916 г. назвал слухи о якобы ведущейся Парвусом подготовке «всеобщей стачки пролетариата и вооруженного восстания» несостоятельными. Глобачев полагал, что Парвус «потерял свое обаяние среди русских социал-демократов, денежные средства их организаций незначительны, что едва ли имело бы место в случае получения немецкой помощи»⁶⁰. Как мне представляется, в данном случае нет оснований не доверять начальнику столичного охранного отделения, которое имело своих агентов практически во всех политических партиях и через них было осведомлено не только об их действиях, но и намерениях. К тому же сам Глобачев, по характеристике товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, был «отличным во всех отношениях офицером, прекрасно разбиравшимся в розыском деле»⁶¹. Касаясь вопроса о возможности организации Парвусом восстания в столице, начальник Петроградского охранного отделения замечал: «Это только мечты, которым никогда не суждено осуществиться, ибо для создания подобного грандиозного движения, помимо денег, нужен авторитет, которого у Парвуса ныне уже нет. . . »⁶².

Январская неудача Парвуса усилила недоверие к нему со стороны тех германских политиков, кто с самого начала сомневался в необходимости его использования в борьбе против России. В первую очередь это был сам статс-секретарь по иностранным делам Ягов, под влиянием которого МИД Германии пересмотрело свое отношение к Парвусу. С января 1916 г. немецкие дипломаты потеряли интерес к революционной пропаганде в России: «козырная карта в виде революции оказалась поддельной»⁶³.

⁵⁹ Земан З. А., Шарлау У. Б. Указ. соч. С. 224.

⁶⁰ Соловьев О. Ф. Парвус: политический портрет // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 178.

⁶¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 169.

⁶² Соловьев О. Ф. Указ. соч. С. 178.

⁶³ Земан З. А., Шарлау У. Б. Указ. соч. С. 225–226.

Создавалось впечатление, что от Парвуса отвернулись все, и только немецкий посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, который имел с Парвусом постоянные контакты, защищал его до конца. В этом отношении большой интерес представляет письмо Брокдорфа-Ранцау новому статс-секретарю иностранных дел Германии Циммерману от 2 апреля 1917 г. «Я сознаю, что характер и репутация д-ра Гельфанда по-разному оцениваются его современниками и что Ваш предшественник (Ягов) особенно любил пройти на его счет, — писал немецкий посланник. — В ответ на это я могу только сказать, что Гельфанд добился очень полезных политических результатов и что в России он был одним из первых, кто тихо и скромно начал работать для достижения цели, которая теперь — и наша цель. Некоторые обстоятельства, может быть, и все, сложилось бы по-другому, если бы Ягов не пренебрег два года назад его советами»⁶⁴. В связи с этим заслуживает внимания оценка роли Парвуса руководителем германской разведывательной службы в годы Первой мировой войны Вальтером Николаи. На допросе на Лубянке уже после Второй мировой войны, отвечая на вопрос о ценности Парвуса для разведслужбы Германского генерального штаба, он утверждал, что «никакой существенной пользы для военной разведслужбы» Парвус не представлял. Что же касается его политического и пропагандистского использования, то, по мнению Николаи, оно не могло иметь успеха «из-за рискованности». Но самое любопытное, быть может, в этих показаниях, это признание Николаи в том, что его оценка Парвуса совпадает с той, которую он обнаружил, читая сочинения Ленина (!)⁶⁵.

Итак, если оставаться на почве реальных фактов, то следует признать, что план Парвуса «устроить» в России революцию полностью провалился. Но грандиозный масштаб этого нереализованного плана захватил не только политические и военные круги Германии, но и впоследствии некоторых историков. В опубликованной в 60-е годы книге «Февральская революция» профессор Оксфордского университета Г. М. Катков, признавая, что «документы германского министерства иностранных дел за период с февраля 1916 года по февраль 1917 года не содержат указаний на какие бы то ни было действия, предпринятые Гельфандом, или на какие-

⁶⁴ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 292.

⁶⁵ Зданович А. Тайные силы. Откровения руководителя кайзеровской разведки, сделанные на Лубянке // Родина. 1993. № 8/9. С. 49.

либо суммы, переданные ему на нужды революции», тем не менее считает, что «было бы ошибочно предполагать, что Гельфанд из-за неудачи 9 января 1916 г. отказался от намерения революционизировать Россию». Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств в архивах германского МИД, упорный характер забастовочного движения в России в 1916 г. и в начале 1917 г., по мнению Каткова, «наводит на мысль, что оно руководилось и поддерживалось Гельфандом и его агентами. Ни один из его агентов в Петрограде или Николаеве не был выявлен»⁶⁶. Но из этого вовсе не следует, что рабочее движение, в частности в столице, руководилось агентами Парвуса. Они могли быть хорошо законспирированы и при этом никак не влиять на забастовки и стачки. В то же время реальные руководители забастовочного движения в Петрограде выявлялись охранкой и систематически арестовывались полицией. Только в период февральской стачки 1916 г. на Путиловском заводе было арестовано около 10 зачинщиков — рабочих активистов. Кроме того, администрация Путиловского завода провела фильтрацию уволенных рабочих: 120 из них не были приняты обратно⁶⁷.

Революционные настроения в Петрограде и стране с осени 1916 г. только усиливались и в любой момент могли разрядиться взрывом возмущения масс. И этот взрыв в условиях всеобщего подъема революционного движения мог стать началом новой революции в России без всяких провокаций извне. С начала января 1917 г. Петроградское охранное отделение было озабочено прежде всего грозными признаками приближающегося выступления петерского пролетариата. В телефонных сообщениях из полицейских участков, в донесениях тайных агентов главное внимание в эти дни было уделено забастовкам, митингам, собраниям, воззваниям и выступлениям, настроениям на фабриках и заводах. И в них не было ни слова о «германских провокаторах»⁶⁸. Главным и явным провокатором в дальнейшем развитии событий в столице стал недостаток продовольствия. В докладе Петроградского охранного отделения 5 февраля констатировалось: «С каждым днем продовольственный вопрос становится все острее, заставляет обывателя ругать всех

⁶⁶ Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 230–231.

⁶⁷ Лейберов И. П. На штурм самодержавия. М., 1979. С. 36–37.

⁶⁸ Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1(29). С. 41.

лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями»⁶⁹.

Февральская буря в Петрограде разразилась, таким образом, в обстановке резко обострившегося продовольственного кризиса, ударившего прежде всего по трудовым массам. Глубокое возмущение рабочих вызвало распоряжение уполномоченного по продовольствию Петрограда В. К. Вейса о запрещении Союзу потребительских обществ отпускать с 15 февраля 1917 г. муку и хлеб рабочим кооперативам и столовым. Нехватка продовольствия, катастрофический рост цен, постоянные очереди за хлебом, появившиеся в печати сообщения о введении в ближайшее время карточек на продукты питания — все это на мрачном фоне продолжающейся войны настроило питерских рабочих на самые решительные действия против царской власти. 22 февраля «впредь до особого разрешения» был закрыт Путиловский завод, где многие мастерские были охвачены забастовкой еще с 17 февраля. Избрав стачечный комитет, путиловцы обратились за поддержкой ко всему питерскому пролетариату. В тот же день, 22 февраля представители Путиловского завода встретились с А. Ф. Керенским, которого они просили уведомить Государственную думу о том, что рабочие сделали все, чтобы избежать закрытия завода, но власти не захотели вступить с ними в переговоры и выкинули тысячи рабочих на улицу. В связи с этим Керенский предложил включить в проект резолюции Прогрессивного блока пункт о том, что все уволенные рабочие Путиловского завода должны быть немедленно восстановлены. Предложенная поправка была одобрена при голосовании резолюции в Думе 23 февраля 1917 г. Выступая в этот день с трибуны Государственной думы, Керенский пророчески предупреждал власти: «Ведь масса — стихия, у которой единственным царем делается голод, у которых разум затемняется желанием погрызть корку черного хлеба, у которых вместо рассуждения является острая ненависть ко всему, что препятствует им быть сытыми. Ведь с этой массой, с этой стихией рассуждать уже нельзя, она уже не поддается убеждению и словам»⁷⁰.

Профессор Г. М. Катков дает свое объяснение февральским событиям в Петрограде. Он полагает, что массовое движение такого

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 1660.

масштаба и такой энергии не могло произойти без некой направляющей силы, стоящей за ним. «Допуская, что вся правда нам недоступна, — пишет он, — мы не имеем все-таки права прикрывать наше незнание фразами о стихийном движении и “чаше терпения рабочих”, которая “переполнилась”». Кто-то должен был пустить слухи о нехватке хлеба (хотя хлеба было достаточно); кто-то должен был спровоцировать нереальные требования рабочих о повышении зарплаты на 50% (которое было отвергнуто, что и вызвало забастовку); кто-то должен был выдать бастующим рабочим деньги на жизнь и выбросить именно те лозунги, о которых один из рабочих мрачно сказал: «Они хотят мира с немцами, хлеба и равноправия евреев»⁷¹.

Ответы на эти полувопросы и намеки, по нашему мнению, следует искать не в «тайных силах», а в реальных событиях и фактах, получивших свое отражение и подтверждение в источниках. Конечно же, массовое стихийное движение, возникшее 23 февраля 1917 г., имело в качестве направляющей силы самые различные рабочие организации, как действовавшие легально, так и находившиеся в подполье. В эти февральские дни 1917 г. ярко обнаружилась мобилизующая роль рабочих передовых предприятий, имевших прочные революционные традиции, — Путиловского, Металлического, «Нового Леснера» и др. Особенно это проявилось в тактике «снятия с работы». Такая тактика применялась и раньше, в периоды стачек питерского пролетариата, но никогда прежде она не носила столь массового характера. Сообщениями о фактах «снятия с работы» 23–25 февраля пестрят донесения приставов петроградскому градоначальнику⁷². Что же касается таинственных личностей, которые должны были «выдать бастующим рабочим деньги на жизнь», то они до сих пор не обнаружены историками и, по всей видимости, их не было. Показательно, что, соглашаясь прекратить всеобщую стачку и возобновить работу, рабочие Петрограда в числе главных условий требовали уплатить им за «революционные дни»⁷³, из чего следует, что никто не выдал им «деньги на жизнь» заранее.

Авторитетным свидетельством в данном случае могут служить

⁷¹ Катков Г. М. Февральская революция. С. 263–264.

⁷² Астрахан Х. М. О тактике «снятия с работы» в Петрограде в первые дни Февральской революции // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 120–130.

⁷³ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964. С. 102–103.

показания бывшего начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева в созданной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию деятельности царских сановников. В апреле 1917 г., отвечая на вопрос «относительно событий последнего времени на Путиловском заводе, где имели место провокационного характера выступления относительно необходимости заключения мира и поддержки Вильгельма», он заверил, что его агентами «таких выступлений не могло быть произведено». «Но я должен сказать, — добавил Глобачев, — что контрразведывательное отделение, подчиненное полковнику Якубову, имело свою заводскую агентуру, которой ведал капитан Соколов. Агенты, которыми она осуществлялась, состояли из лиц самого предосудительного поведения, совершенно незнакомых с агентурными приемами. За этих господ я не могу поручиться, что они не явились в некоторых случаях провокаторами»⁷⁴. Несмотря на некоторую двусмысленность, присутствующую в этих показаниях, обратим внимание на то, что бывший начальник Петроградского охранного отделения не упоминает о возможности участия в забастовке на Путиловском заводе в феврале 1917 г. «германских агентов». Зато из источников охраны было определенно известно, что забастовкой путиловцев руководили социал-демократы из «ленинской группы», пытавшиеся придать выступлению путиловцев политический характер. События на Путиловском заводе в феврале 1917 г. получили широкий резонанс и даже стали темой запроса в Государственную думу. Главным фактором, который вызвал массовое выступление рабочих столицы в февральские дни, Глобачев считал «полную разруху в продовольственном деле»⁷⁵.

Еще более определенно Глобачев высказался в своих воспоминаниях «Правда о русской революции», написанных в эмиграции в 20-е годы XX в. и опубликованных уже в начале XXI в.⁷⁶ «Теперь, когда прошло много уже времени после февральской революции 1917 г., — писал он, — многие задают вопрос: правда ли, что Германия принимала участие в ее подготовке. Я положительно утверждаю, что Германия никакого участия ни в перевороте,

⁷⁴ Вопросы истории. 2002. № 7. С. 104.

⁷⁵ Там же. С. 106.

⁷⁶ Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 7—10.

ни в подготовке его не принимала. Для Германии русская революция явилась неожиданным счастливым сюрпризом... Русская февральская революция была созданием русских рук»⁷⁷. В связи с этим Глобачев выделяет особенно роль А. Ф. Керенского, деятельность которого, по его мнению, «развивалась главным образом за кулисами»⁷⁸. Установив за Керенским тайное и открытое наблюдение еще с 1912 г., Департамент полиции, как отмечает в своих воспоминаниях бывший начальник Охранного отделения, был в курсе этой закулисной деятельности. За квартирой, где проходили частные совещания трудовой группы IV Государственной думы, душой которых был Керенский, велась постоянная слежка. «Наблюдение за всем, что происходило в этой квартире, — вспоминает Глобачев, — настолько было хорошо организовано Охранным отделением, что все, что там говорилось, было известно правительству с текстуальной точностью. На этих собраниях учитывалось: настроение в обществе, настроение в войсках, тыловых и на фронте, характеристика и надежность командного состава, настроение в придворных сферах, шансы на переворот, основанный на восстании Петроградского гарнизона, и т. д.»⁷⁹. По мнению Глобачева, еще в 1915 г. Керенского было необходимо арестовать «за явно противогосударственную деятельность»⁸⁰, о которой Охранное отделение было осведомлено достаточно полно. Одним из аргументов в пользу этого было подозрение в причастности Керенского к немецкому шпионажу. Как сообщает Глобачев, такое подозрение возникло в связи с тем, что Керенский, не обладая никакими личными средствами, в 1916 г. собирался субсидировать предполагаемый к изданию в Москве печатный орган социалистов-революционеров. «Являлся вопрос, откуда он мог взять эти деньги, — писал по этому поводу бывший начальник Петроградского охранного отделения. — Ведь рабочие с ним разошлись, да в то время уже никаких организаций партии с.-р. в Петрограде и не было. Остатки их были ликвидированы еще в 1915 году. Значит, рабочие ему этих денег собрать не могли. Это обстоятельство, а также косвенные связи с лицами немецкой ориентации, как то было установлено наблюдением Охранного отделения, приводило к выводу последнее: не на немец-

⁷⁷ Там же. 2002. № 9. С. 69–70.

⁷⁸ Там же. 2002. № 8. С. 63.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 64.

кие ли деньги ведет работу Керенский. Этот вывод подтверждается еще и заявлением самого Керенского, что переворот должен совершиться весной 1917 г., даже если бы это стоило поражения России. Совокупность этих данных заставляла Охранное отделение полагать, что Керенский причастен к немецкому шпионажу, о чем в делах Охранного отделения имелась записка, правда, не на бланке и без подписи»⁸¹. Надо признать, что «совокупность этих данных» не представляется убедительной: как уже было сказано выше, в условиях развернувшейся на страницах печати шпиономании по доносам и обвинениям в германофильстве у контрразведки были тысячи подозреваемых в шпионаже. Тем не менее Глобачев был убежден, что «дальнейшее наблюдение за деятельностью Керенского в этой области могло бы дать подтверждение сделанных Охранным отделением выводов, но, к сожалению, этому помешал февральский переворот, а органы новой власти, естественно, не подняли бы этого вопроса даже при наличии неопровержимых доказательств, ибо Керенский сразу занял доминирующее положение во Временном правительстве, и с этим считаться приходилось»⁸².

И действительно, названная деликатная тема никогда не была предметом обсуждения во Временном правительстве за исключением инцидента, произошедшего во время одного из его первых заседаний. Об этом сообщает в своих воспоминаниях управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков. «В какой мере германская рука активно поучаствовала в нашей революции, — это вопрос, который никогда, надо думать, не получит полного исчерпывающего ответа, — писал он тоже в 20-е годы. — По этому поводу я припоминаю один очень резкий эпизод, происшедший недели через две, в одном из закрытых заседаний Временного правительства. Говорил Милюков, и не помню, по какому поводу, заметил, что ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли свою роль в числе факторов, содействовавших перевороту. Оговариваюсь, что я не помню точных его слов, но мысль была именно такова, и выражена она была достаточно категорично. Заседание происходило поздно ночью в Мариинском дворце. Милюков сидел за столом, Керенский, по своему обыкновению, нетерпеливо и раздраженно ходил из одного конца залы в другой. В ту минуту, как Милюков произ-

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

нес приведенные мной слова, Керенский находился в далеком углу комнаты. Он вдруг остановился и оттуда закричал: «Как? Что Вы сказали? Повторите?» — и быстрыми шагами приблизился к своему месту у стола. Милюков спокойно и, так сказать увесисто повторил свою фразу. Керенский словно осатанел. Он схватил свой портфель, и, хлопнув им по столу, завопил: «После того, как г. Милюков осмелился в моем присутствии оклеветать святое дело великой русской революции, я ни одной минуты здесь больше не желаю оставаться». С этими словами он повернулся и стрелой вылетел из залы»⁸³. Интересно, что сам Милюков предпочитал изложить данный инцидент в своих мемуарах по Набокову⁸⁴, не развивая его по существу дела. Теперь трудно ответить, почему он так поступил: то ли он не владел конкретной информацией, то ли изменил свое отношение к немецкой помощи: обвиняя большевиков в тайных связях с Германией и называя их предателями и изменниками, Милюков позднее сам занял прогерманскую позицию и призывал генерала М. В. Алексеева «сговориться с германцами» для борьбы с большевиками⁸⁵.

Таким образом, источники которыми мы располагаем сегодня, не позволяют со всей определенностью ответить на вопрос о том, имело ли место германское участие в февральских событиях 1917 г. в Петрограде. Современный историк А. Б. Николаев, проведя большую работу по изучению опубликованных и архивных источников, не внес по существу ничего принципиально нового в решение этой проблемы-загадки, подтвердив в основном то, что уже было известно⁸⁶. Однако выявленные им новые факты о немецком шпионаже в годы Первой мировой войны заслуживают внимания и дальнейшего изучения. А. Б. Николаев указывает также на особый интерес А. Ф. Керенского и его доверенных лиц к уцелевшим документам и материалам Департамента полиции, Корпуса жандармов, Охранного отделения и контрразведки⁸⁷. Положение министра юстиции, сообщает автор, позволило Керенскому получить на хранение в своем

⁸³ *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 22–23.

⁸⁴ *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 282.

⁸⁵ *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 334–335.

⁸⁶ *Николаев А. Б.* Временный комитет Государственной думы, Временное правительство и вопросы контрразведки в феврале-марте 1917 года // Из глубины времен. СПб., 2000. № 12. С. 11–99.

⁸⁷ Там же. С. 38–39.

министерстве документы Департамента полиции текущего производства. А. Б. Николаеву удалось также «установить факт интереса А. Ф. Керенского к делам, имеющим отношение к шпионству, которые возникали уже после Февральской революции»⁸⁸. Но из этой заинтересованности, конечно, нельзя делать вывод о том, что Керенский был немецким шпионом и пытался после Февральской революции уничтожить следы своего «преступного сотрудничества» с Германией. Тем не менее такое подозрение возникло позднее у союзников России в 1917 г. Слухи о том, что февральские события 1917 г. в Петрограде были связаны с действиями немецких агентов, циркулировали тогда и в самых разных слоях населения России. В то же время германское командование санкционировало выпуск листовок на русском языке, в которых говорилось, что февральский переворот в России есть дело рук британских агентов, пытавшихся таким образом предотвратить заключение сепаратного мира между Россией и Германией. Германская пресса даже называла этот переворот «английской революцией»⁸⁹. Позднее даже утверждалось, что английский посол в Петрограде Бьюкенен действовал по указанию влиятельного политика и банкира лорда Мильнера, потратившего на свержение царизма в России 20 млн руб.⁹⁰ Как отмечалось выше, столько же просил «для полной организации русской революции» Парвус, который потерпел фиаско совсем не потому, что немецкие власти не выделили ему эти средства вовремя. «Заказать» революцию в России оказалось невозможно, равно как и предсказать ее реальные и конкретные сроки. Даже вождь большевиков Ленин «проглядел» из Швейцарии Февральскую революцию в России.

2. Ленин: «... все мои помыслы о революции...»

«Мы сегодня в Цюрихе в ажитации, — писал Ленин 15 марта 1917 г. И. Ф. Арманд, — от 15. III есть телеграмма в “Zürcher Post” и в “Neus Zürcher Zeitung”, что в России 14. III победила революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры все арестованы. Коли не врут немцы, так правда. Что

⁸⁸ Там же. С. 39.

⁸⁹ См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 14–15.

⁹⁰ Goulevitch A. Czarism and Revolution. Hawthorn, 1962. P. 230.

Россия была последние дни накануне революции, это несомненно, я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!»⁹¹. Для пронизательного политика, посвятившего делу революции всю свою сознательную жизнь, было, конечно, обидно, что о победе Февральской революции он узнал «от немцев». Ведь это он 25 июля 1914 г., после того, как Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, но Первая мировая война еще не началась, написал все той же И. Ф. Арманд письмо, которое, начиналось провидческой фразой: «Мой дорогой, очень дорогой друг, все мои помыслы о революции, которая начинается в России!»⁹².

Война застала Ленина в польской горной деревушке Поронино и сразу же обернулась для него как иностранца крупными неприятностями и переживаниями. «Для местных властей Ленин был весьма подозрительной фигурой, — пишет в связи с этим английский биограф Ленина профессор Оксфордского университета Роберт Сервис. — Он проживал в нескольких милях от российской границы, регулярно посещал пограничные почтовые отделения, вел активную переписку с Петербургом, принимал в своем доме российских политических деятелей, бродил по горам в окрестностях Закопане и расспрашивал местных жителей о ценах на жилье, климате, этническом составе населения и маршрутах кратчайшего проезда от одной деревни до другой»⁹³. 7 августа 1914 г. на его квартире был произведен обыск, в ходе которого жандарм забрал все ленинские материалы, в том числе рукопись по аграрному вопросу, приняв содержащиеся в ней статистические таблицы за зашифрованные записи. Самому Ленину было предписано явиться на следующий день в расположенный неподалеку городок Новый Тарг на допрос. Понимая всю серьезность своего положения, Ленин в тот же день направляет телеграмму директору полиции Кракова: «Здесьняя полиция подозревает меня в шпионаже. Жил два года в Кракове, в Звежинце и ул. Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звежинце. Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин и старосте Новый Тарг во избежание недопонимания. Ульянов»⁹⁴. Тем не менее по прибытии в Новый Тарг

⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399.

⁹² Pipes R. The Unknown Lenin. From the Secret Archives. New York, 1995. P. 27.

⁹³ Сервис Роберт. Ленин. Минск, 2002. С. 254.

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 2.

лидер большевиков был арестован и посажен в тюрьму. Пришлось обращаться через Я. С. Ганецкого за срочной помощью к лидеру австрийских социал-демократов Виктору Адлеру, который был членом австрийского парламента. Ходатайствуя в Вене перед министром внутренних дел Австрии об освобождении Ленина, Адлер пояснял: «Ульянов — решительный противник царизма — посвятил всю свою жизнь борьбе против русских властей и, если бы он появился в России, с ним поступили бы по всей строгости и, возможно, казнили бы»⁹⁵. 19 августа Ленин был освобожден из тюрьмы, а спустя несколько дней в краковскую полицию пришла телефонограмма из Министерства внутренних дел в Вене: «По мнению д-ра Адлера, Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях»⁹⁶.

Обстоятельства вызволения Ленина из тюрьмы в Новом Тарге и отъезда в Швейцарию давно описаны в воспоминаниях Н. К. Крупской, С. Я. Ганецкого, С. Ю. Багоцкого, Ф. Платена и др. Все они подчеркивали, что главную роль в освобождении Ленина сыграл Виктор Адлер. Но в последние годы это оспорил А. А. Арутюнов. «Должен сказать, что патриот своей страны В. Адлер, — пишет он, — советуя властям использовать Ленина в качестве агента в борьбе против Антанты, не подозревал, что план вербовки Ленина давно был разработан австро-германскими спецслужбами, и он уже находился в стадии реализации. Я более чем уверен, что, находясь в безвыходном положении, Ленин в стенах тюрьмы Нового Тарга дал согласие на сотрудничество с австро-германскими спецслужбами»⁹⁷. Увы, эта уверенность основана на произвольном толковании уже известных фактов и выглядит скорее как самоуверенность «известного ученого-историка», который считает себя едва не самым авторитетным «специалистом по Ленину». А спас вождя большевиков, оказывается, Ганецкий, которому, как «склонен думать» Арутюнов, «принадлежала идея вербовки Ленина в агентурную сеть германского Генштаба в качестве резидента».⁹⁸ «Новатор-историк» и здесь сказал свое новое слово, повысив статус Ленина в германской разведке до «резидента», види-

⁹⁵ Ганецкий Я. С. О Ленине. М., 1965. С. 52.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Арутюнов А. А. Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. М., 2002. С. 82.

⁹⁸ Там же.

мо, для того, чтобы больше платить. Примерно таким же образом, т. е. бездоказательно, «завербовал» Арутюнов и самого Ганецкого, о чем уже шла речь в первой главе в связи с так называемыми документами российской контрразведки.

И все же выбраться из злополучного Поронина и получить разрешение на проезд с семьей из Кракова через Вену в нейтральную Швейцарию Ленину удалось с помощью В. Адлера. 5 сентября 1914 г. он уже послал из Цюриха В. Адлеру «наилучшие приветы и наилучшую благодарность»⁹⁹. Теперь можно было заняться судьбами мировой революции и разрабатывать тактику по отношению к империалистической войне. Правда, и здесь Ленин не чувствует себя в полной безопасности. В октябре 1914 г. он писал В. А. Карпинскому: «Есть все основания ждать, что швейцарская полиция и военные власти (по первому жесту послов русского или французского и т. п.) учинят военный суд или высылку за нарушение нейтралитета и т. п. Посему не пишите прямо в письмах ничего. Если надо что-либо сообщить, пишите химией»¹⁰⁰.

Приехав в Берн, Ленин решает здесь обосноваться. «Остаемся в Берне, — пишет он в конце сентября 1914 г. И. Ф. Арманд. — Маленький скучный городишко, но... лучше Галиции все же и лучшего нет!! Ничего. Приспособимся»¹⁰¹. В первые же дни после своего приезда в Берн Ленин организовал совещание местной группы большевиков, на котором выступил с докладом об отношении к начавшейся войне. Весь пафос его доклада был направлен против вождей европейской социал-демократии, вставших с началом войны на позиции гражданского мира и поддержки своих правительств. Вождя большевиков особенно огорчала и возмущала позиция самой влиятельной социал-демократической партии — германской, представители которой в рейхстаге голосовали вместе со всеми депутатами за предоставление кайзеровскому правительству пятимиллиардного военного займа. Объясняя, почему вожди европейских социалистов должны не защищать «свою буржуазию», а разоблачать ее «подлости», Ленин аргументировал: «Ибо везде буржуазия и империалисты, везде подлая подготовка бойни: если особенно подлый и варварский русский царизм (более всех реакционен), то и немецкий империализм тоже монархический...». Окон-

⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 2.

¹⁰⁰ Там же. С. 8.

¹⁰¹ Там же. С. 7.

чательно свою точку зрения по этому вопросу вождь большевиков сформулировал в написанном им манифесте «Война и российская социал-демократия», который был напечатан 1 ноября 1914 г. в газете «Социал-демократ». В этом документе содержались два главных положения, которые глубоко размежевали большевиков и европейских социалистов. Во-первых, в манифесте подчеркивалось, что для русских социал-демократов «не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства. . . ». Во-вторых, в нем выдвигался «единственно правильный пролетарский лозунг» — «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну»¹⁰².

Были ли эти лозунги выражением взглядов революционного сектанства, как утверждают одни, или они отражали реальную и возможную перспективу развития событий, как полагают другие? Отвечая на эти вопросы, необходимо принять во внимание, что Первая мировая война знаменовала собой глубокий экономический, политический и духовный кризис общества, поставила под сомнение само существование капитализма, придав революционерам вполне реальные надежды если не на его уничтожение, то, по крайней мере, на его радикальное обновление. «Ретроспективно оценивая шансы революционеров и реформаторов в 1914–1918 гг., — пишет в связи с этим видный отечественный историк С. В. Тютюкин, — следует подчеркнуть, что сложившаяся тогда в мире ситуация была крайне противоречивой. С одной стороны, война привела к грандиозной вспышке национализма и шовинизма, которая развела народы по их национальным квартирам, заслонила на время классовые антагонизмы, подняла на щит идею гражданского мира во имя победы над внешним врагом. С другой — та же война, оказавшаяся на редкость затяжной, изнурительной и кровопролитной, созда-

¹⁰² Там же. Т. 26. С. 21–22. — Кстати «пораженцем» в то время был не только Ленин, но и его антипод Керенский, который позднее писал по этому поводу: «Меня считали пораженцем, презрительно отвергали мои опасения и тревоги за страну. В 1914–1915 годах было принято называть пораженцами, германфилами, фантазерами, доктринерами всех, кто предчувствуя катастрофу, видя Россию на краю пропасти, осмеливался утверждать, что при власти Распутина нечего даже мечтать о победе» (*Керенский А. Ф.* Русская революция 1917. М., 2005. С. 87). Конечно, это другой случай, но он тоже связан с неприятием царизма.

ла в массах совершенно новую психологию военного коммунизма с присущими ей настроениями максимализма, нетерпения, всеобщего уравниательства, ориентацией на насилие и прямое революционное действие. Так создавалась мощная социально-психологическая база того нового, коммунистического течения, которое стало складываться в условиях войны в ряде социалистических партий, в первую очередь в РСДРП»¹⁰³.

Катализатором этого «нового, коммунистического течения» стал Ленин, развернувший в Швейцарии кипучую деятельность по разъяснению и утверждению своих взглядов на войну, по сплочению большевистских групп за границей. Он оппонирует в Лозанне занимавшему оборонческие позиции Г. В. Плеханову, выступает со своим рефератом о войне в Женеве, Кларане, Цюрихе и Берне, организует Бернскую конференцию заграничных секций РСДРП, участвует в работе Циммервальдской конференции социалистов-интернационалистов, содействуя выделению из нее так называемой «Циммервальдской левой». «Эрудиция, внутренняя напряженность и фанатизм Ленина часто гипнотизировали окружающих, — писал американский биограф вождя большевиков Луис Фишер. — Суровый образ жизни, целеустремленность и сокрушительная полемическая мощь поднимали ему авторитет»¹⁰⁴. Однако здесь уместно заметить, что этот авторитет не был абсолютным и безраздельным. В январе 1915 г. находившийся также в Швейцарии Н. И. Бухарин предложил Ленину скорректировать его лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне, который при желании мог быть истолкован как призыв к оказанию практической помощи Германии. Лозунг поражения задевал патриотические чувства и потому не воспринимался не только широкими массами, но и многими революционерами, для которых был неприемлем путь к революции, идущий через национальное унижение, как результат поражения в войне. Вместе с тем Бухарин и тогда признавал, что «позиция Ильича (и ЦК вообще) есть самая правильная из всех имеющихся социал-демократических направлений»¹⁰⁵. Что же касается самого Ленина, то он был нетерпим к тем, кто с ним не согла-

¹⁰³ *Тютюкин С. В.* Ленин и Бухарин: леворадикальное крыло марксизма в период Первой мировой войны // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 140–141.

¹⁰⁴ *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 127.

¹⁰⁵ *Тютюкин С. В.* Указ. соч. С. 142–143.

шался или колебался. Когда осенью 1915 г. переехавшие в Христианию (Осло) Г. Л. Пятаков, Е. Б. Бош и Н. И. Бухарин выступили в присланных в редакцию «Социал-демократа» тезисах «О лозунге права наций на самоопределение» против параграфа 9 программы РСДРП о праве наций на самоопределение, Ленин реагировал самым решительным образом. В письме авторам этих тезисов он заявил: «Сотрудничать мы не можем и будем вынуждены бороться против него, ибо Ваше отношение к программе партии (§9) считаем не только неправильным и вредным, но и несерьезным»¹⁰⁶. В переписке с «товарищами по партии» Ленин неоднократно резко отзывается о «шатаниях Бухарина»¹⁰⁷. Тем не менее следует признать, что молодого Бухарина, которому тогда было 28 лет, Ленин все же выделял и вынужден был направлять ему «мягкие письма». В письме от 14 декабря 1916 г. он писал: «Что Вас мы высоко ценили всегда и месяцы, и месяцы переписывались детально, указывая с весны 1915 г., что по вопросу о программе-минимум и демократии у Вас шатания, — это Вы знаете»¹⁰⁸.

Для ведения организационной и пропагандистской работы по сплочению своих сторонников Ленину были нужны деньги, а их, судя по переписке, было в обрез. Партийный фонд, состоявший из остатков полученной большевиками части наследства Н. П. Шмита и небольших поступлений от эмигрантов и им сочувствующих, едва обеспечивал издание газеты «Социал-демократ» и ряда сборников и брошюр, в том числе Ленина и Зиновьева «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)». В связи с этой брошюрой, вышедшей в Женеве тиражом в 2 тыс. экземпляров, Ленин обращается к Г. Л. Шкловскому: «Хорошо бы 2-е издание двинуть, пока набор лежит, но мы без денег» и далее его наставляет: «Денег больше не расходуйте ни копейки. Никому не давайте»¹⁰⁹. Обращаясь в октябре 1914 г. к В. А. Карпинскому в Женеве с просьбой о содействии в издании тезисов «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», Ленин делает приписку: «Деньги на издание найдем. Пишите только заранее, сколько надо, ибо денег очень мало. Нельзя ли 170 frs. от КЗО (Комитет заграничных органи-

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 214.

¹⁰⁷ Там же. С. 230–231, 246–247, 265 и др.

¹⁰⁸ Там же. С. 309.

¹⁰⁹ Там же. С. 162.

защиты. — Г. С.) употребить на сие?»¹¹⁰. Позднее Ленин обращается к секретарю парижской секции большевиков Г. Я. Беленькому с просьбой сообщить, сколько денег он может прислать своим товарищам в Цюрих¹¹¹. Распоряжаясь партийными средствами, Ленин не терпел, чтобы его соратники проявляли здесь какую-либо самостоятельность, а сам всегда выступал от имени партии. Отвечая в апреле 1916 г. Г. Л. Пятакову, Е. Б. Бош и Н. И. Бухарину в связи с возникшими в редакции журнала «Коммунист» разногласиями, Ленин замечал: «Вы пишете, что вопрос о деньгах “неприятный”. Не всегда. Когда к деньгам относятся партийно, партии это приятно. Когда из денег делается орудие против партии, это действительно “неприятно” и даже хуже, чем неприятно»¹¹².

Постоянные поиски денег на партийные нужды — красноречивое свидетельство того, что встреча Ленина с Парвусом в мае 1915 г. не имела никаких продолжений, в том числе и финансовых. Профессор Г. М. Катков, основываясь на изучении имевшихся в его распоряжении документов, высказался по этому поводу весьма определенно: «В одном отношении утверждение о тайном соглашении между Лениным и Гельфандом, конечно, необоснованно: мы имеем в виду финансовую поддержку, которую Ленин якобы получал от Гельфанда. . . Бедность Ленина во время его пребывания в Швейцарии не подлежит сомнению, как в отношении его личных средств, так и в отношении финансирования его публикаций»¹¹³.

По имеющимся сведениям, Ленин и его близкие приехали в Швейцарию с весьма ограниченными средствами к существованию. Решив обосноваться в Берне, Ленин тем не менее не расстается с желанием вернуться в Женеву, «куда тянут все старые симпатии». И потому запрашивает В. А. Карпинского: «Нет ли чрезвычайно вздорожания цен, особенно на квартиры? Затем, нам придется устраиваться временно: можно ли найти помесечно меблированные комнаты (две маленькие) с пользованием кухней»¹¹⁴. Неудивительно поэтому, что, отвечая из Берна в Поронино на просьбу Я. С. Ганецкого выслать ему денег взаймы, он с сожалением сооб-

¹¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹¹ Там же. С. 304.

¹¹² Там же. С. 215.

¹¹³ Катков Г. М. Революция и германское вмешательство // Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 150.

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 3.

щает, что он бы это сделал, если бы была какая-либо возможность достать здесь хоть сколько-нибудь денег¹¹⁵. Вряд ли Ленин прикидывался в данном случае: Ганецкий только что помог ему выбраться из тюрьмы в Новом Тарге и неоднократно и раньше и потом оказывал ему неоценимые услуги. В ноябре 1914 г. лидер большевиков просит члена ЦК РСДРП А. Г. Шляпникова уладить вопрос о долге Шведской социал-демократической партии в 3 тыс. крон еще со времени V (Лондонского) съезда, предлагая вместо денег послать «какое-либо письмо любезное, благодарственное и направленное к тому, чтобы сей долг был “пожертвован”».¹¹⁶

Финансовое положение большевистской эмиграции было проблематичным и в 1915, и 1916 гг. Обсуждая с Г. Е. Зиновьевым возможность переезда редакции «Социал-демократа» в Стокгольм, Ленин писал в июне 1915 г.: «Письмо Бухарина (верните!) показывает, что нам ехать при таких трудностях невозможно (с чужим паспортом? Нас откроют и посадят ради услуги царю!). Денег все меньше: на два №№ ЦО+ брошюра выйдет большая часть из оставшейся тысячи. А дорога? А дороговизна в Стокгольме? А работать там (библиотека) хуже. Надо обдумать и обдумать».¹¹⁷ В результате «обдумывания» Ленин так и не решился на рискованный переезд, хотя и сильно раскаивался впоследствии. Но тогда, в 1915 г., не последнюю роль сыграло отсутствие достаточных средств. В январе 1916 г., собираясь выступить в Цюрихе с рефератом и поработать 2–3 недели в библиотеках, Ленин обращается к живущему там М. М. Харитонову с вопросами, касающимися исключительно «прозы жизни»: сколько может дать «чистого дохода» реферат; помогут ли местные товарищи устроиться дешево и сколько будет стоить комната («на двоих, хотя бы с одной кроватью в неделю»), желательно «самая дешевая, в рабочей семье» и др. Далее он поясняет свои финансовые возможности: «Расход на дорогу будет 7·4=28 frs; перерасход на житье в чужом городе? В этом вопрос. Здесь плохо с комнатами. Нет ли знакомой рабочей семьи у Вас, которая могла бы серьезно обещать дешевое устройство?»¹¹⁸.

Как видно из опубликованной переписки, лидер большевиков пытается «достать» деньги литературным трудом. Сотрудничая

¹¹⁵ Там же. С. 7–8.

¹¹⁶ Там же. С. 27.

¹¹⁷ Там же. С. 108.

¹¹⁸ Там же. С. 178–179.

с редакцией словаря Гранат и подготовив по ее заказу статью о Марксе и марксизме, Ленин, нуждаясь в заработке, предлагает свои услуги редакции, «если есть еще нераспределенные статьи из последующих томов»¹¹⁹. Видимо, не от мелочности, а от привычки жить экономя, ему приходилось объясняться (не всегда деликатно) по финансовым вопросам. «Дорогая Ольга! — писал в июне 1916 г. Ленин С. Н. Равич. — Я вам должен за библиотеку, проверьте по книжечке — за год плюс обед (1.50 или около того). Деньги у меня есть, и реферат лозаннский покрыл поездку и дал доход... Приглашаю 16 frs. и надеюсь, что Вы не будете настаивать на своем, явно несправедливом и неправильном желании»¹²⁰. В августе 1916 г. Ленин обращается к Г. Л. Шкловскому с просьбой: «... в Берне я заплатил 100 frs. золота в полицию. Не можете ли Вы через секретаря, который так Вас высоко ценит, похотатайствовать, чтобы их перевели в Цюрих как мой залог, а то здесь тоже требуют залог»¹²¹. Но Шкловский в данном случае не помог, и Ленин в своем заявлении в полицейское управление Цюриха от 28 декабря 1916 г., ходатайствуя о продлении срока проживания в Цюрихе до 31 декабря 1917 г., сообщает, что требуемый залог в сумме 100 франков он внес 28 декабря 1916 г. в Цюрихский кантональный банк на сберегательную книжку № 611361. Буквально накануне отъезда в Россию он снял с этой книжки 95 франков, а книжку с остатком в 5 франков сдал для оплаты членских взносов за апрель 1917 г. секретарю Цюрихской секции большевиков Р. Б. Харитоновой, которая впоследствии сдала ее в Истпарт, откуда она затем попала в Центральный партийный архив в фонд Ленина¹²². Эти детали здесь приведены не для того, чтобы вызвать сочувствие к бедствовавшему вождю большевиков, но для того, чтобы показать недобросовестность тех авторов, которые приводят эту сберегательную книжку в качестве доказательства безбедной жизни Ленина в эмиграции. Именно так поступает Арутюнов, походя замечая в своей книге, что Ленин «жил в уютной квартире, постоянно питался в ресторанах... являлся держателем сберегательной книжки (Sparkasse) за № 611361, выданной Цюрихским кантональным банком в декабре

¹¹⁹ Там же. С. 49.

¹²⁰ Там же. С. 241–242.

¹²¹ Там же. С. 276.

¹²² Харитонова Р. Б. В. И. Ленин в цюрихской секции большевиков // Воспоминания о Ленине. Т. 2. М., 1981. С. 364–365.

1916 года»¹²³. Поскольку он ссылается здесь на фонд Ленина, надо полагать, что он держал эту книжку в своих руках и поинтересовался, сколько же денег было на этом счете, но почему-то об этом не счел нужным информировать читателя. Может быть, потому, что на счету из ста положенных на него франков, в действительности оставалось пять?

Из опубликованной переписки Ленина видно, что иногда ему случалось получать за издание своих работ и крупные гонорары. В письме сестре М. И. Ульяновой 15 февраля 1917 г. он писал: «Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 frs., а кроме того 22.I я получил 500 frs. Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли. Необходимо бы иметь расчет, т. е. знать, какие именно вещи уже оплачены издателем и какие нет. Я не могу понять, откуда так много денег; а Надя шутит: пенсию стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка веселая, а дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая. Но шутки в сторону, надо же все-таки знать поточнее; напиши, пожалуйста»¹²⁴. А теперь посмотрим, как можно препарировать этот текст для того, чтобы «навести тень на плетень». Сообщив читателю о том, что Ленин регулярно получал «жалованье» от немецких властей и являлся главным держателем партийных средств, Арутюнов далее приводит аргумент: «Буквально накануне февральских событий, получив более 1300 франков, он с удивлением писал сестре: «Я не могу понять, откуда так много денег. . . »¹²⁵. Последняя фраза выделена Арутюновым жирным шрифтом, видимо, для того, чтобы его тезис о таинственном источнике получения денег вождем большевистской партии не прошел мимо внимания читателя. Но это — из области «жонглирования», историку же непозволительно так обращаться с документами и фактами, тем более автору книги «Досье Ленина без ретуши».

И все же, перечитывая сегодня конфиденциальную переписку Ленина с соратниками по партии, нельзя не заметить его иногда прямо-таки панических настроений, связанных с тем, как «достать» необходимые деньги. В октябре 1916 г. Ленин жалуется в письме А. Г. Шляпникову: «О себе лично скажу, что заработок ну-

¹²³ Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 89.

¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 568.

¹²⁵ Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 90.

жен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить силком деньги от издателя “Летописи”, коему посланы две мои брошюры (пусть платит; тотчас и побольше!). То же — с Бончем. То же — насчет переводов. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне»¹²⁶. Правда, Н. Валентинов, проводивший свое расследование, на какие средства жил вождь большевиков в эмиграции, считает, что для подобных настроений у Ленина тогда не было оснований, и добавляет при этом, что вскоре после этого письма он получил деньги из Петрограда. Что же касается других финансовых источников жизни Ленина в эмиграции, то Н. Валентинову удалось «раскопать» и даже рассчитать полученные Н. К. Крупской в наследство от своей тетки деньги и положенные на ее имя в одном из банков Кракова¹²⁷.

Что же касается партийных средств, которыми в швейцарской эмиграции распоряжался Ленин, то достоверных сведений о якобы неограниченных финансовых возможностях большевиков в этот период не выявлено. «В начале войны, когда мы собирались выпустить первый листок, — свидетельствовал сотрудник центрального органа большевиков в эмиграции «Социал-демократ» В. А. Карпинский, — весь наш денежный “фонд”, как иронически именовал его Владимир Ильич, состоял из 160 франков (60 рублей). Позднее, в октябре 1915 года, когда уже были восстановлены связи с Россией и наши заграничные группы, по словам Надежды Константиновны, “выворачивались всячески, чтобы достать денег”, все же в нашей кассе насчитывалось лишь 257 франков 71 сантим (96 рублей с копейками)»¹²⁸. Не обнаружено пока и подлинных документов о «подозрительных» источниках пополнения партийного фонда большевиков в этот период. Занимавшийся этими поисками А. Г. Латышев мог похвастать лишь найденным в фонде Ленина его письмом к неизвестному адресату следующего содержания: «Уважаемый товарищ! Я думаю на основании всех Ваших данных и соображений, следует непременно Вам принять участие и дать доход партии (которая страшно нуждается). Официально двигать этого вопроса не могу, ибо нет времени созвать собрание, да и нет надобности, ввиду

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 302.

¹²⁷ Валентинов Н. Малоизвестный Ленин. М., 1991. С. 126–127, 154–159.

¹²⁸ Карпинский В. А. Странички прошлого // Воспоминания о Ленине. Т. 2. С. 351.

автономии местных групп. Устраивайте поскорее и шлите сообщения (а лучше деньги). Лучше передайте все это устно: к чему тут письменность»¹²⁹.

Опасаясь, что Швейцария может быть втянута в войну, Ленин предполагал даже сдать партийную кассу И. Ф. Арманд, о чем писал ей 16 января 1917 г.: «Поэтому партийную кассу я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее на себе, в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны»¹³⁰. Остается только гадать, сколько денег могло быть в этом мешочке, но очевидно, германских миллионов там не было. В самом деле, реальных фактов о том, что Ленин и другие видные большевики имели в это время какие-то контакты с представителями дипломатических и военных кругов Германии, пока не обнаружено. В 1996 г. американский историк Р. Пайпс опубликовал в подготовленном им сборнике документов «Неизвестный Ленин. Из секретного архива» письмо Ленина Арманд от 19 января 1917 г., которое, по его мнению, является прямым доказательством «контактов Ленина с немцами». Основанием для такого утверждения послужила содержащаяся в этом письме фраза: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой. Мы пока остаемся здесь»¹³¹. Если бы Пайпс внимательно ознакомился с перепиской Ленина этого времени, опубликованной в 49-м томе его сочинений еще в 1964 г., то он, вероятно, не сделал бы этого «сенсационного» открытия. Потому что он нашел бы там уже цитированное нами выше другое письмо Ленина от 16 января 1917 г. — той же Арманд, с которой он делится своими опасениями относительно того, что Швейцария может быть вовлечена в войну, а «дорогой друг» сильно преувеличила эти опасения вплоть до «немецкого плена».

Не выглядит убедительной и позиция немецкого историка Георга фон Рауха, который утверждает, что «изучение документов Министерства иностранных дел дает неопровержимые доказательства того, что еще в начале войны правительство Германии установило связь с российскими революционерами, находившимися в Швейцарии, ознакомилось в общих чертах с программой Ленина и через посредников передавало значительные денежные средства»¹³². Это

¹²⁹ Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 93.

¹³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 367.

¹³¹ Ленин В. И. Неизвестные документы 1891–1922. М., 1999. С. 2000.

¹³² Раух Георг. Ленин. Ростов-на-Дону, 1998. С. 74.

категоричное утверждение дает основание усомниться в том, что автор действительно изучал эти документы, и оно правильно лишь «в общих чертах» и требует существенного уточнения в контексте тех же документов МИД Германии. Если под российскими революционерами иметь в виду таких деятелей, как финский социалист и сепаратист Александр Кескюла, эстонец по происхождению, проходивший у немецкой контрразведки как агент Штейн, то можно согласиться с уважаемым профессором. Потому что именно Кескюла от имени «российских революционеров» возникает перед немецким посланником в Берне бароном фон Ромбергом с вопросом о позиции Германии в том случае, если в России произойдет революция: не бросит ли она российских революционеров на произвол судьбы? Однако показательно, что германское правительство на первых порах предпочитает не высказываться по этому вопросу¹³³. Тем не менее надо отдать должное агенту Штейну: он сумел войти в доверие к российским эмигрантам в Швейцарии и 25 марта 1915 г. направляет своему шефу фон Ромбергу отчет о собрании «революционеров ленинского направления». Как и полагалось в этом случае, в отчете были скрупулезно перечислены все вопросы, обсуждавшиеся на этом собрании: о превращении империалистической войны в войну гражданскую, о создании подпольных организаций в тех областях, где было введено военное положение. О поддержке братания солдат на фронте. Массовых выступлений пролетариата и борьбы против царской монархии. Как видно из этого отчета, никаких секретов «революционеры ленинского направления» не обсуждали, и тем не менее Ромберг посчитал отчет Кескюлы настолько важным, что сразу же направил его рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу.¹³⁴ Однако Кескюла, он же Штейн, в первую очередь «кормился» Лениным, перехватывая при случае его корреспонденцию и литературу для немецкой контрразведки¹³⁵. Обосновывая необходимость выплаты Кескюле 20 тыс. марок в месяц, руководитель немецкой контрразведки Штейнвакс писал в МИД Германии: «За последние несколько месяцев Кескюла завязал многочисленные связи с Россией. . . Он также поддерживал все полезные контакты с Лениным,

¹³³ Хальвег Вернер. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. С. 25–26.

¹³⁴ Там же. С. 26.

¹³⁵ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 258–259.

и передавал нам содержание отчетов о положении в России, посылаемых Ленину его доверенными агентами в Россию»¹³⁶. Сам Кескюла встретился с Лениным всего один раз, но приехав в конце 1915 г. в Стокгольм и войдя там в контакт с местными большевиками, он сумел создать впечатление активного сотрудничества с русскими революционерами, а через них с Лениным. Как пишет шведский историк Ханс Бьёркегрен, «находившиеся в Скандинавии большевики — Бухарин, Пятаков, Шляпников — давно подозревали Кескюлу в сотрудничестве с немцами, которые и финансируют его деятельность. Но Бухарину и другим было не просто принимать какие-либо меры, поскольку никто из них понятия не имел, какие отношения связывают Ленина и Кескюлу»¹³⁷. Тем не менее Кескюла упорно искал контакты с видными большевиками в Стокгольме и сумел добиться встречи с представителем ЦК большевиков А. Г. Шляпниковым. «Во время встречи он разглагольствовал о своих связях и своих знакомствах с товарищами Лениным, Зиновьевым и другими членами нашего Заграничного центра, — вспоминал позднее Шляпников. — Кескюла вел себя крайне странно, он высказывался в прогерманском духе и под конец предложил свою помощь в случае, если нам понадобятся оружие, типографское оборудование и другие средства для борьбы с царизмом. . . Мы отказались иметь дело с Кескюлой, но это не помешало ему продолжить попытки внедриться в нашу среду при содействии других лиц. . . »¹³⁸. Пытаясь втереться в доверие к большевикам стокгольмской колонии, Кескюла сумел скомпрометировать их секретаря Богровского, одолжив ему 1500 крон «на поддержку революции в России». После возникших подозрений в сотрудничестве Богровского с германским агентом, было проведено партийное расследование, в ходе которого Бухарин и Пятаков выяснили, что Богровский действительно взял деньги у Кескюлы под расписку и потратил их на личные нужды»¹³⁹. По всей вероятности, именно с помощью Богровского, ответственного за переправку подпольной большевистской корреспонденции и литературы, Кескюла получил доступ к ленинской почте, которая поступала в Швейцарию через Стокгольм.

¹³⁶ Там же. С. 262.

¹³⁷ *Бьёркегрен Ханс*. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917 гг. М., 2007. С. 465.

¹³⁸ *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. М., 1920. С. 61.

¹³⁹ *Бьёркегрен Ханс*. Указ. соч. С. 468.

Все же Кескюла размахом Парвуса не обладал, и его «конструктивные предложения» были направлены на то, чтобы и оправдать свои очередные 20 тыс. марок. Надежным «гарантом» здесь для Кескюлы был Ленин, которому и посвящена большая часть его отчетов. В отчете от 9 января 1916 г. речь шла об очередной ленинской почте, перехваченной им при помощи посредников и переданной во временное пользование немецкой контрразведке. В конце отчета Кескюла сообщал о своем главном достижении: «В конце недели появится вторая русская брошюра ЦК русских социал-демократов (т. е. Ленина). Она лежит уже два месяца (пока я был в Берлине), потому что деньги, которые я заплатил вперед перед отъездом, были украдены с типично русским хладнокровием. Вчера я внес всю сумму снова. Я уже указывал, какие меры я принял против подобных вещей. Если такое творится внутри и вокруг ЦК, то страшно подумать, что делается на периферии. Даже революцию из этих русских следует выбивать полицейскими дубинками, чтобы они не бросили дело на полпути»¹⁴⁰. Последнюю фразу, видимо, в силу ее метафоричности, сегодня можно обнаружить во многих сочинениях, авторы которых даже не задаются вопросом, а не «выбивал» ли таким образом агент Штейн с «типично эстонским хладнокровием» деньги и доверие немецкой контрразведки, чтобы она не бросила его на полпути?

Еще одним информатором немецкой контрразведки о русских революционерах в Швейцарии был социалист-революционер Е. Цивин, который прежде чем перейти в 1916 г. под опеку немцев, был связан с австро-венгерской миссией в Берне, выплатившей ему в общей сложности около 140 тыс. швейцарских франков. Но затем ему было заявлено, что он «действовал недостаточно активно», а посему денег он больше не получит.¹⁴¹ Учитывая возможность получать через Цивина информацию о положении в партии эсеров, немецкий посланник в Берне Ромберг предложил в августе 1916 г. своему руководству в Берлине воспользоваться услугами Цивина, произведя ему одноразовую выплату в 25 тыс. швейцарских франков¹⁴². Так Цивин стал «русским агентом Вейсом», информация которого, если судить по его сообщениям Ромбергу, не представляла особой ценности, но позволяла немецкой

¹⁴⁰Германские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 259–260.

¹⁴¹Там же. С. 262.

¹⁴²Там же. С. 268.

стороне получать дополнительные сведения о положении дел не только в партии эсеров, но и у социал-демократов, а также в России, хотя здесь Цивин, желая набить себе цену, явно преувеличивал влияние своей партии на предприятиях Петрограда¹⁴³. Отрабатывая очередные 25 тыс. франков, Вейс сообщал в декабре 1916 г., что партия социалистов-революционеров — одна из самых сильных в России: она насчитывает сотни тысяч членов (активных и пассивных). Агент Вейс не стеснялся прямо с «потолка» брать сведения и выдавать их за реальные. Так, он утверждал, что в более чем 50 губерниях России функционируют организации эсеров-интернационалистов! Чтобы придать ценность своей информации, он отмечал, что эсеров поддерживают социал-демократы большевики во главе с Лениным, который сейчас живет в Швейцарии¹⁴⁴.

Информация в Берлин о положении в России и делах русской эмиграции в Швейцарии поступала также из Копенгагена и Стокгольма. Если судить по некоторым сообщениям «наверх», ценность этой информации весьма относительна. Так, в сентябре 1915 г. немецкий посланник барон фон Люциус сообщает рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу о трех течениях в русской социал-демократии, возглавляемых Плехановым, Лениным и Аксельродом. Если для Плеханова, по мнению фон Люциуса, главной целью является уничтожение германского милитаризма, то для Ленина война с Германией — ничто по сравнению с борьбой против царизма¹⁴⁵. Персона Ленина и его взгляды все более привлекали немецкие власти. Интересно, что 10 марта 1917 г. немецкий посланник в Берне фон Ромберг направляет рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу два номера «Социал-демократа» — «центрального органа партии господина Ленина», а также брошюру, написанную Лениным.¹⁴⁶ Из этого можно заключить, что с информацией о вожде большевиков у компетентных органов Германии было не густо, и потому им приходилось отчитываться даже трудами Ленина. В свою очередь, это только подтверждает, что прямых контактов с Лениным у немецкой стороны не было. В связи с этим русский историк-эмигрант С. П. Мельгунов, одним из первых обратившийся к проблеме «немецкого золота большевиков», считал необходимым заявить:

¹⁴³ Там же. С. 269–277.

¹⁴⁴ Там же. С. 275, 277.

¹⁴⁵ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 27.

¹⁴⁶ Там же.

«Мне лично версия официальной или полуофициальной “договоренности” Ленина с германским империализмом представляется совершенно неправдоподобной»¹⁴⁷.

Немецкий историк Вернер Хальвег, исследуя отношения кайзеровской Германии и русских революционеров-эмигрантов с начала Первой мировой войны и до Февральской революции в России на основе тщательно изученных документов МИД Германии, приходит к выводу о том, что в этот период «немецкое правительство держится выжидательно, но в то же время стремится к установлению связей с революционерами, чтобы постоянно быть в курсе их взаимоотношений»¹⁴⁸. Нетрудно заметить, что данный вывод, основанный на самостоятельном и тщательном изучении автором всех сохранившихся документов МИД Германии, существенно отличается от спекулятивных трактовок этих документов современными отечественными искателями «германского золота большевиков».

Из того факта, что ленинская позиция по вопросу о войне была объективно выгодна Германии, еще не следует, что между ее руководством и Лениным было оформлено какое-то секретное соглашение. Это означало только то, что «их линии в политике, по выражению Л. Д. Троцкого, пересекаются». Разумеется, Ленин понимал это не хуже тех, кто пытается это совпадение сделать едва ли не главным доводом в пользу того, что вождь большевиков был агентом Германии. Понимая, что такие подозрения могут возникнуть, он не только сам вел себя предусмотрительно, но и советовал так поступать своим соратникам по партии. Интересно, что, рекомендуя в январе 1915 г. А. Г. Шляпникову не участвовать в Копенгагенской конференции социалистов нейтральных стран, Ленин выдвигает и такой аргумент: «По всей видимости, это интрига немцев. Я даже думаю, что тут есть интрига немецкого генерального штаба, которому хочется через других позондировать “мир”...»¹⁴⁹ Однако в то время революция в России казалась отдаленной перспективой, и, как писал Г. М. Катков, немецкие власти «не верили в способность Ленина устроить революцию в России», и потому «Ленин пока оставался для Германии фигурой малоэффективной

¹⁴⁷ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940. С. 53.

¹⁴⁸ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 27.

¹⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 51.

и неприкасаемой и мог спокойно сидеть в своем швейцарском уединении»¹⁵⁰.

Правда, Ленин не желал сидеть в это время спокойно, он целиком озабочен судьбами мировой политики и мировой социалистической революции, пытается предугадать, в каком направлении пойдет развитие событий, вызванных и определяемых характером и ходом Первой мировой войны. 31 января 1917 г. он опубликовал в «Социал-демократе» статью «Поворот в мировой политике». Констатируя в этой статье факт поворота к миру, но миру «империалистическому», лидер большевиков писал в связи с этим: «Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией все-таки заключен. Изменена только форма политической сделки между этими двумя разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: “если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов. Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?” — “Конечно, не расчет” — должен был ответить Вильгельм, если ему прямо или косвенно сказана была такая вещь. “Да и к чему нам открытый сепаратный мир или вообще написанный на бумаге? Разве нельзя того же добиться иным, более тонким, путем?”»¹⁵¹

Пройдет совсем немного времени, и вождь большевиков получит ответ на свой отнюдь не риторический вопрос, и этот ответ покажет в очередной раз, что история «хитрее» тех, кто берется направлять и предсказывать ее течение.

¹⁵⁰ Катков Г. М. Революция и германское вмешательство. С. 150.

¹⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 341.

Глава четвертая

«ЗАПЛОМБИРОВАННЫЙ ВАГОН»: ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ БЕЗ РЕТУШИ

Итак, в России произошла Февральская революция, которая самым радикальным образом отразилась и на планах и действиях российской политической эмиграции в Швейцарии. Для эмигрантов-большевиков она стала прямо-таки подарком судьбы, благодаря которому они смогли не только вернуться на родину, но и взять власть в октябре 1917 г. Февральская революция резко активизировала усилия политического и военного руководства Германии, направленное на достижение сепаратного мира с Россией, который и был в конце концов заключен, правда, уже с большевистским правительством. Активное содействие дипломатических и военных кругов Германии в возвращении в Россию В. И. Ленина и его сторонников из швейцарской эмиграции стало их первой существенной помощью, имеющей документальное подтверждение. Опубликованные еще 50 лет тому назад Вернером Хальвегом немецкие документы о возвращении Ленина в Россию в апреле 1917 г.¹ и изданные теперь на русском языке² тем не менее не стали еще предметом систематического исследования и использования. Ценность этой документальной публикации состоит прежде всего в том, что она позволяет проследить действия обеих сторон — эмигрантов во главе с Лениным, с одной стороны, и немецких дипломатов и военных — с другой. Нельзя также не отметить, что в русском издании немецких документов о возвращении эмигрантов в Россию поме-

¹Lenins Rückkehr Nach Russland 1917. Die Deutschen Akten Herausgegeben und Eingeleitet von Werner Hahlweg. Leiden, 1957.

²*Хальвег Вернер.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990.

щены и документы Ленина, а наряду с вводной статьей Вернера Хальвега присутствует в качестве дополнения (но не противовеса!) квалифицированное предисловие известного историка профессора А. М. Совокина³.

Ключевым фактором, постоянно влиявшим на освещение этой проблемы, стала Октябрьская революция, отношение к которой с самого начала раскололо общественное мнение. Если Стефан Цвейг называл возвращение Ленина в «запломбированном вагоне» «звездным часом человечества», то Уинстон Черчилль видел в этом «самое страшное оружие» Германии, примененное ею против России⁴. Еще в 1920 г. немецкий журналист М. Гарден в статье «Путь в Миргород» характеризовал разрешение Генерального штаба Германии на проезд Ленина «важнейшим решением» за все четыре года Первой мировой войны. «Никогда еще озорство истории, — писал он, — не высказывало себя в столь серьезных обстоятельствах: при лихорадочно-бурной деятельности всех социалистических партий во всем мире ими совместно было содеяно, дай бог, одна сотая доля того, что совершил для нее прусский генерал Людендорф»⁵. Критическая статья Гардена послужила побудительным мотивом для швейцарского социалиста Фрица Платтена, опубликовавшего в СССР документальную версию возвращения Ленина в Россию⁶. До появления публикации Вернера Хальвега книга Фрица Платтена была наиболее серьезной работой по данной проблематике. Недостаток документальных материалов и нежелание принять во внимание все факты и аргументы за и против в течение длительного времени с лихвой компенсировались гневными обвинениями в адрес Ленина и его сторонников, проехавших через Германию. Л. Д. Троцкий, отвечая в 1930 г. А. Ф. Керенскому, уверенному еще с 1917 г. в том, что Ленин и большевики вернулись в Россию как агенты Германского генерального штаба, писал: «Со стороны Людендорфа это была авантюра, вытекавшая из тяжелого военного положения Германии. Ленин воспользовался расчетами Людендорфа, имея при этом свой расчет. Людендорф говорил себе: Ленин опрокинет патриотов, а потом я задушу Ленина и его друзей. Ленин

³ *Совокин А. М.* «Дело нами ведется совершенно открыто» // Там же. С. 5–20.

⁴ *Хальвег Вернер.* Введение // Там же. С. 22.

⁵ Там же.

⁶ *Платен Фриц.* Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. М., 1925.

говорил себе: я проеду в вагоне Людендорфа, а за услугу расплачусь с ним по-своему. Что два противоположных плана пересеклись в одной точке и что этой точкой был “пломбированный” вагон, для доказательства этого не нужно сыскных талантов Керенского»⁷. И все же ради установления истины нужно проследить, как происходило в данном конкретном случае это «пересечение», не опуская при этом существенные факты и важные детали, как это позволяют себе делать даже современные историки, претендующие на объективное изучение запутанной темы на основе новых документов. Так, шведский историк Ханс Бьёркегрен, прежде чем начать свое собственное расследование, постулирует главный тезис: «Поездка Ленина в Петроград по-своему является составной частью плана Израйля Гельфанда (Александра Парвуса) и германского генерального штаба по “революционизации России”. После Февральской революции 1917 года казалось, что сорок миллионов марок, вложенных немцами через “банкиров” и “с отмывателей денег” типа Гельфанда (Парвуса), Фюрстенберга (Ганецкого), Моора и Кескюлы в стимулирование восстания против царского режима и заключения перемирия на восточном фронте, пропали даром: никакого сепаратного мира не предвиделось...»⁸. Хотя ни здесь, ни далее шведский историк не объясняет, откуда взялись эти 40 млн марок, именно они определяют у него действия германского Генерального штаба и Парвуса по транспортировке Ленина и его сторонников из Швейцарии в Россию. Однако обратимся к упущенным фактам и опущенным деталям.

1. В поисках путей возвращения в Россию: инициативы эмигрантов

С того дня, как Ленин узнал из швейцарских газет о том, что в России победила революция, он потерял покой. Сразу же осознав значимость свершившегося события (пускай и без его непосредственного участия), лидер большевиков всеми своими помыслами был в России. Но попасть «домой» из нейтральной Швейцарии оказалось делом «архисложным». 17 марта 1917 г. Ленин в письме

⁷ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 306.

⁸ Бьёркегрен Ханс. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906-1917 гг. М., 2007.

А. М. Коллонтай в Христианию признается: «Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»⁹. На следующий день он пишет в Кларан И. Ф. Арманд: «Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, могли бы я проехать»¹⁰. 19 марта он просит уже В. А. Карпинского взять документы на проезд во Францию и Англию на свое имя, с тем чтобы ими воспользовался Ленин¹¹. Но лидер большевиков весь в нетерпении: в России сейчас решается судьба мировой революции, а он сидит здесь и не знает, как выбраться из сразу опостылевшей ему Швейцарии. И Ленин снова обращается к самому близкому для него человеку — И. Ф. Арманд. Только ей он может доверить свои сокровенные мысли. «Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем, — пишет Ленин 19 марта, — ибо именно Англия не только конфисковала ряд моих писем в Америку, но и спрашивала (ее полиция) Папашу в 1915 г., переписывается ли он со мной и не сносятся ли через меня с немецкими социалистами»¹². В конце этого письма Ленин выдвинул идею, которая при всей, на первый взгляд, фантастичности оказалась самой реальной: «В Кларане (и около) есть много русских богатых и небогатых русских социал-патриотов и т. п. (Трояновский, Рубакин и проч.), которые должны бы попросить у немцев пропуска — вагон до Копенгагена для разных революционеров. Почему бы нет? Я не могу этого сделать. Я “пораженец”. А Трояновский и Рубакин + К^о могут. О, если бы я мог научить эту сволочь и дурней быть умными!.. Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут! Конечно, если узнают, что сия мысль от меня или от Вас исходит, то дело будет испорчено. . . Нет ли в Женеве дураков для этой цели?...»¹³. Комментируя выхваченную из этого контекста фразу о «немецком вагоне», А. А. Арутюнов пишет: «Думается, не ошибусь, сказав, что у завербованного немецкими спецслужбами Ленина были все основания быть уверенным, что немцы дадут ему вагон для переезда в

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 402.

¹⁰ Там же. С. 403.

¹¹ Там же. С. 404.

¹² Там же. С. 404–405.

¹³ Там же. С. 405–406.

Россию»¹⁴. Если «не передергивать» текст, то даже из него видно, что у Ленина не было никакой уверенности, что именно ему немцы дадут «вагон».

19 марта, когда Ленину пришла в голову идея «немецкого вагона», а в Берне состоялось частное совещание российских партийных центров, и на нем лидер меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов предложил план проезда эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России немцев. Узнав об этом плане, вождь большевиков сразу же за него ухватился. В письме В. А. Карпинскому он писал: «План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам. . . с просьбой поговорить об этом с послом германского правительства в Берне»¹⁵.

Как пишет биограф Л. Мартова израильский историк И. Гетцлер, «Мартов и Ленин оказались в сходной ситуации — оба застряли в Швейцарии, страстно стремясь вернуться в Россию как можно скорее, ибо оба наблюдали “из далека” с раздражением за политическим курсом товарищей в Петрограде и опасались потерять контроль над ними и над партией»¹⁶. Выдвинув так понравившийся Ленину план проезда через Германию в обмен на интернированных в России немецких и австрийских граждан, Мартов тем не менее считал, что необходимо добиться одобрения этого плана Временным правительством. Сообщая о состоявшейся по этому поводу встрече с Лениным, Мартов писал Н. С. Кристи: «Ленин категорически заявил: надо сейчас же принять и ехать, если завертится Петербургом канитель об обмене, Милоков сорвет все предприятие. Мы ответили самым решительным образом, что это невозможно: приехать в Россию в качестве подарка, подброшенного Германией русской революции, значит ходить перед народом с “парвусовским ореолом”, мы должны все возможное сделать, чтобы русское правительство было вынуждено под давлением Петроградского Совета и Керенского согласиться и тогда поедем совершенно спокойно»¹⁷.

¹⁴ Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. М., 2002. С. 92.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 406.

¹⁶ Гетцлер И. Мартов. Политическая биография российского социал-демократа. 2-е изд. СПб., 1998. С. 191.

¹⁷ Там же.

«Время проходило, а Владимир Ильич все томился в Швейцарии. Да, томился, — и эти муки подсказали ему довольно курьезный план поездки, — вспоминал Я. С. Ганецкий. — Получаю вдруг телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне важное письмо, получение которого просит подтвердить по телеграфу. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и 2 фотографии — его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: “Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что бы то ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые. Посылаю вам на всякий случай наши фотографии...”. Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние и горе могли создать подобный план...»¹⁸. В эти дни Ленин пишет И. Ф. Арманд: «В Россию должно быть не поедем!!! Англия не пустит. Через Германию не выходит»¹⁹.

К сожалению, Ганецкий по понятным причинам (партийная тайна!) опустил детали, связанные с поисками путей возвращения Ленина из Швейцарии. Так, в эти дни ожидания Ленин получает от Ганецкого предложение, о содержании которого мы можем судить только на основании ленинского ответа. «Берлинское разрешение для меня неприемлемо, — телеграфировал Ленин Ганецкому в Стокгольм 28 марта. — Или швейцарское правительство получит вагон или русское договорится об обмене всех эмигрантов на интернированных немцев»²⁰. По всей видимости, предложение «берлинского разрешения» не обошлось без участия Парвуса, у которого в торговой компании в Копенгагене служил Ганецкий. Именно это участие Парвуса и заставило большевистского лидера первоначально отказаться от «берлинского разрешения». 30 марта Ленин вновь телеграфирует Ганецкому: «Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю “Колокола”, я, конечно, не мо-

¹⁸ Ганецкий Я. С. От февраля к Октябрю // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1984. С. 375.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 414.

²⁰ Там же. С. 417.

гу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это — обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных»²¹.

Тем не менее Ленин пытается попробовать получить разрешение на проезд через Англию, хотя и прекрасно понимает, что ее правящие круги не заинтересованы в пропуске в союзную Россию интернационалистов, противников продолжающейся войны. Ленин опять обращается к Ганецкому: «Прошу сообщить мне по возможности подробно, во-1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии, РСДРП (Центральный комитет), на следующих условиях: (а) швейцарский социалист Фриц Платтен получает от английского правительства право провести через Англию любое число лиц, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну и мир; (б) Платтен один отвечает как за состав провозимых групп, так и за порядок, получая запираемый им, Platten'ом, вагон для проезда по Англии. Вагон этот пользуется правом экстерриториальности; (г) за проезд по железной дороге Платтен платит по тарифу, по числу занятых мест; (д) английское правительство обязуется не препятствовать нанятию и отплытию специального парохода русских политических эмигрантов и не задерживать парохода в Англию, давая возможность проехать быстрейшим путем. Во-2-х, в случае согласия, какие гарантии исполнения этих условий даст Англия и не возражает ли она против опубликования этих условий. В случае телеграфного запроса в Лондон мы берем на себя расходы на телеграмму с оплаченным ответом»²². Получив от Ганецкого ответ с предложением попробовать выбраться из Швейцарии при содействии новой власти в России, Ленин телеграфирует ему в Стокгольм 30 марта 1917 г.: «Ваш план неприемлем. Англия никогда меня не пропустит, а скорее интернирует. Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев»²³. Наконец 31 марта 1917 г. Ленин принимает окончательное и самостоятельное решение от имени своей партии. Он телеграфирует в этот день из Цюриха в Берн председателю интернациональной социалистической комиссии национальному советнику Роберту Гримму: «Наша пар-

²¹ Там же. С. 418.

²² Там же. С. 417–418.

²³ Там же. С. 418.

тия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию и тотчас же организовать эту поездку. Мы рассчитываем уже сейчас более чем на десять участников поездки. Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться и, если возможно, завтра же сообщить нам решение»²⁴.

Конфиденциальная переписка Ленина с Арманд, Карпинским, Коллонтай и в особенности с Ганецким показывает, что лидер большевиков предпринимал в первые две недели после Февральской революции отчаянные усилия, чтобы выбраться из «проклятого далека» в Россию. К сожалению, эта переписка, опубликованная в 60-е годы, не принимается во внимание или превратно толкуется теми, кто по-прежнему считает, что Ленин получил «немецкий вагон» без всяких проблем как агент германского Генерального штаба. Конечно, эта переписка носит фрагментарный характер и не отвечает на многие вопросы, связанные с поисками путей возвращения эмигрантов в Россию. В первую очередь это относится к вопросу о том, какое участие приняли в этом швейцарская и немецкая стороны. Определенное представление о том, как Ленин и его сторонники решали проблему получения «немецкого вагона», дает «Протокол о проезде Ленина через Германию в 1917 году», опубликованный французским социалистом А. Гильбо в приложении к его книге о Ленине²⁵. Ввиду важности этого документа необходимо привести его полностью.

ПРОТОКОЛ О ПРОЕЗДЕ ЛЕНИНА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ В 1917 г.

19-Го марта, по получении первых известий о начале революции в России, состоялась по предложению Международной социалистической комиссии (циммервальдской комиссии) сходка представителей всех русских и польских партий, примкнувших к циммервальдскому объединению. В конце этого собрания состоялось второе совещание, посвященное вопросу возвращения политических эмигрантов в Россию. В ней принимали участие Мартов, Бобров, Зиновьев и Коссовский. В числе прочих предложений обсуждался план Мартова о возможности проезда через Германию в Стокгольм на основе обмена на соответствующее число интернированных в России германцев и австрийцев. Всеми участниками совещания план Мартова был

²⁴ Там же. С. 424.

²⁵ Гильбо *Адри*. В. И. Ленин. Описание его жизни. Л., 1926. Приложение.

признан наиболее благоприятным и приемлемым. Гримму было поручено завязать сношения со швейцарским правительством.

Несколько дней спустя тов. Гримм встретил Багоцкого, уполномоченного Комитета по возвращению русских эмигрантов на родину (Комитет, в котором представлены были все группы). Эта встреча произошла в присутствии тов. Зиновьева, Гримм сообщил, что он имел беседу с членом Союзного Совета Гофманом, ведающим политическим департаментом. Гофман, по словам Гримма, заявил, что швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета. Но Гримм частным образом принял на себя это поручение и обратился за принципиальным согласием к представителю германского правительства. Багоцкий и Зиновьев заявили, что таким образом цель могла бы быть достигнута, и соответственно тому просили Гримма довести предпринятые шаги до благополучного конца.

На следующий день представители некоторых партий в Цюрихе заявили, что они с планом Гримма не согласны. Они обосновывали свое решение необходимостью обождать ответ из Петрограда.

Члены Заграничного Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии заявили, что не берут на себя ответственности за дальнейшую отсрочку возвращения в Россию, и послали Мартову и Боброву следующее заявление:

Заграничное Бюро Центрального Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии пришло к тому решению, что предложение тов. Гримма об обратном проезде политических эмигрантов в Россию через Германию следует принять. Заявление устанавливало следующее:

1. Переговоры велись товарищем Гриммом с представителем правительства нейтральной страны — с министром Гофманом — который не счит возможным для Швейцарии официально вмешаться в это дело, ибо английское правительство несомненно сочтет это обстоятельство нарушением нейтралитета со стороны Швейцарии. Следует считать установленным, что правительство это не допустит проезда интернационалистов.

2. Предложения Гримма вполне приемлемы, ибо они гарантируют свободу проезда и совершенно независимы от какого бы то ни было политического направления и от какого бы то ни было отношения к вопросу о защите отечества, о продолжении войны, о заключении мира и т. д.

3. Это предложение основывается на обмене политических эмигрантов на интернированных в России, и эмигранты не имеют ни малейшего основания противодействовать агитации, поднятой за этот обмен.

4. Тов. Гримм внес это предложение представителям всех групп политических эмигрантов, и он даже заявил, что при создавшемся в настоящий

момент положения вещей это предложение является единственным выходом и вполне приемлемо.

5. С другой стороны, сделано все возможное, чтобы убедить представителей всех групп в необходимости принять это предложение, ибо дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима.

6. К сожалению, представители некоторых групп высказались за отложение рассмотрения вопроса. Это решение в высшей степени достойно порицания и причиняет величайший вред русскому революционному движению.

Принимая во внимание эти результаты обследования, Заграничное Бюро Центрального Комитета постановляет осведомить всех членов нашей партии о том, что предложение немедленного отъезда нами принято и что все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться. Копия настоящего заявления препровождена будет представителям всех групп.

Цюрих, 31 марта 1917 года.

Н. Ленин

Г. Зиновьев

Берн, 2-го апреля 1917 года.

Когда документ этот, снабженный комментарием групп противников, передан был Гримму, он сделал официальное заявление нижеследующего содержания:

Центральному Комитету по организации возвращения русских эмигрантов г. Цюриха.

Уважаемые товарищи!

Только что я узнал о циркуляре Заграничного Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии относительно организации возвращения эмигрантов в Россию. Я весьма изумлен содержанием этого циркуляра не только, поскольку он касается моей личности, которой приписывается совершенно неправильная позиция, но и в особенности вследствие крайне неуместного упоминания о члене Союзного Совета Гофмане, делающего дальнейшие переговоры со швейцарскими властями крайне затруднительными. Я считаю себя вынужденным, во всяком случае, подтвердить нижеследующие факты и предоставляю на Ваше усмотрение использовать содержание настоящего письма, как Вы найдете нужным:

1. Ведутся переговоры, но переговоры эти не следствие предложения тов. Гримма относительно возвращения русских эмигрантов в Россию. Я никогда не делал никакого такого предложения, а служил всего лишь посредником между русскими товарищами и швейцарскими властями.

2. В соответствии с результатами совещания русских товарищей, проис-

ходившего 19-го марта в Берне, я предложил швейцарскому Политическому департаменту выяснить, нет ли возможности произвести своего рода обмен русских эмигрантов Швейцарии на интернированных в России. Предложение было отклонено, принимая во внимание нейтралитет страны, не считаясь с тем или иным правительством и не зная, что Антанта и, в частности, Англия будут чинить препятствия отъезду эмигрантов.

3. В ходе переговоров возникла мысль о возможности создания в Голландии бюро по обмену, но вследствие задержек в отъезде, которые получились бы в результате этого, от мысли этой отказались.

4. Окончательный результат переговоров был следующий: русские товарищи должны были обратиться прямо к Временному Правительству через посредство министра Керенского. Его будут держать в курсе дела и докажут ему невозможность возвращения через Англию, так что, принимая во внимание положение дел, ему придется одобрить возвращение через Германию. Благодаря этому соглашению проезд через Германию сможет произойти, не повлекши за собою впоследствии никаких осложнений. В пятницу, 30-го марта, я довел до сведения находившихся в Берне представителей Центрального Комитета и присовокупил личное мое мнение, что это предложение, т. е. соглашение с Керенским или Чхеидзе, и организация вслед за тем поездки через Германию мне представляется приемлемым. Я присовокупил, что делом Вашего Комитета уже будет, как Вы примете предложение, и что я пока что считаю миссию свою исчерпанной.

5. Первого апреля я получил телеграмму тт. Ленина и Зиновьева, в которой они сообщают, что их партия решила безоговорочно принять план проезда через Германию и немедленно организовать отъезд. Я сообщил по телеграфу, что я охотно готов помочь найти посредника, который довел бы до конца переговоры между соответствующей инстанцией по регулированию условий проезда и телеграфировавшими мне товарищами, но я, однако, ни в коем случае не стану начинать вытекающих отсюда переговоров, ибо я считаю миссию свою исчерпанной и потому, что со швейцарскими властями переговоров вести уже больше не приходилось. Ввиду того, что упомянутый в начале настоящих строк циркуляр, по-видимому, дал повод к недоразумениям, я счел необходимым кратко установить эти пункты, дабы сразу предотвратить возможность образования легенд. Я весьма сожалею, что наши старания столь легкомысленным образом стали предметом циркулярного письма, которое не носило даже секретного характера.

С социалистическим приветом Гримм.

Когда после этого Зиновьев потребовал у Гримма разъяснений, он в присутствии тов. Платтена заявил, что сделать подобное заявление он считает своею обязанностью и притом главным образом потому, что разглашение роли Гофмана могло бы причинить существенный ущерб швейцарскому

нейтралитету. Одновременно Гримм заявил о своей готовности предпринять и дальнейшие шаги по делу отъезда той группы, которая решила съехать на скорейший отъезд. Но вследствие двусмысленного поведения Гримма организаторы отъезда сочли более правильным отказаться от его услуг и просить тов. Платтена о доведении начатых переговоров до конца.

Третьего апреля Платтен обратился в германское посольство в Берне и заявил, что он продолжает начатые Гриммом переговоры, и предложил нижеследующие письменно изложенные условия.

*Основа переговоров о возвращении
швейцарских политических эмигрантов в Россию*

1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить, по возможности, безостановочно в беспересадочных поездах. Не должно иметь места ни распоряжения о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8. Возможно кратчайший срок проезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали должны быть немедленно согласованы.

Берн—Цюрих, 4-го апреля 1917 г.

(Подпись) Фриц Платтен

Через два дня тов. Платтен сообщил, что условия эти приняты германским правительством.

2-го апреля, прежде чем вопрос доведен был до конца, представители остальных групп приняли следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что ввиду явной невозможности возвращения

в Россию через Англию вследствие сопротивления английских и французских властей, все партии признали необходимым испросить у Временного Правительства через посредство Совета Рабочих Депутатов полномочий на обмен политических эмигрантов на соответствующее число германских граждан; констатируя, что товарищи, представляющие Центральный Комитет решили поехать в Россию через Германию, не дождавшись результатов предпринятых по сему поводу шагов; мы считаем решение товарищей из Центрального Комитета политической ошибкой, поскольку не доказана невозможность получения от Временного Правительства полномочий на предложенный обмен».

Организаторы поездки согласны были с первой частью этой резолюции, но они не могли признать, будто сопротивление Временного правительства организации возвращения русских эмигрантов в Россию не доказано. Нет ни малейшего сомнения, что Временное правительство при диктатуре Антанты сделает все возможное, чтобы задержать возвращение революционеров, борющихся против грабительской войны империализма. Ввиду этих фактов нижеподписавшиеся видят себя поставленными перед выбором — либо решиться вернуться в Россию через Германию, либо до конца войны остаться за границей. Вопреки этому заявлению представителей прочих групп Платтен считает своим долгом после принятия условий германским правительством еще раз предложить цюрихским делегатам участвовать в поездке. В момент составления настоящего протокола ответ последних нам еще неизвестен.

Нам сообщают, что газета «Petit Parisien» объявила о решении Милюкова отдать под суд всех русских граждан, которые поедут через Германию. Поэтому мы заявляем, что если наше путешествие в Россию станет предметом подобных мероприятий, то мы потребуем народного суда над нынешним русским правительством, продолжающим реакционную войну. Правительство это, чтобы доказать тот факт, что оно — противник империалистической политики, продолжает применять методы прежнего правительства, конфискует адресованные рабочим депутатам телеграммы и т. д.

Мы убеждены, что условия, предложенные нам для совершения переезда через Германию, вполне приемлемы для нас. Бесспорно, что Милюковы облегчили бы поездку Либкнехтов в Германию, если они находились бы в России. Таково же и отношение Бетман-Гольвегов к русским интернационалистам. Интернационалисты всех стран не только вправе, но обязаны использовать эту спекуляцию империалистического правительства в интересах пролетариата, не отказываясь от своего пути и не делая правительствам ни малейшей уступки. Наша точка зрения по отношению к войне изложена нами в номере 47-ом «Социал-Демократа», а именно — после завоевания рабочим классом политической власти в России мы допускаем революционную войну против империалистической Германии. Эта точка зрения от-

стаивалась Лениным и Зиновьевым также и публично, а равно и в статье, помещенной Лениным в начале русской революции в газете «Volksrecht» («Народное Право»).

Одновременно мы обращаемся с открытым письмом к швейцарским рабочим, в котором мы излагаем нашу точку зрения. С первого до последнего дня мы организовали нашу поездку в полном согласии с представителями левого крыла циммервальдцев.

Наш поезд от швейцарской границы и вплоть до того места, в направлении к Петрограду, до которого это будет возможно, будет сопровождать тов. Платтен, и мы очень надеемся, что на шведской границе мы встретим шведских интернационалистов Стрема и Линдхагена.

С самого начала мы действовали в полной гласности и мы убеждены, что шаг наш вполне и всецело одобрен будет рабочими-интернационалистами России. Настоящее заявление обязательно для участников переезда, являющихся членами нашей партии. В том случае, если бы в переезде приняли участие лица, не состоящие членами нашей партии, то лица эти делают это за свою собственную ответственность.

Следует обратить внимание, что включенные в «Протокол» документы не носили секретного характера и были предназначены для осведомления различных групп политических эмигрантов в Швейцарии.

Важные детали, связанные с получением разрешения на проезд российских эмигрантов через Германию содержатся в воспоминаниях Карла Радека «В plombированном вагоне». Он, в частности, утверждал, что вместе с немецким социал-демократом Паулем Леви по поручению Ленина они при посредничестве корреспондента одной франкфуртской газеты вышли на германского посланника в Берне Ромберга. Радек также подтверждал, что прежде чем обратиться к немцам за разрешением проехать через Германию, организаторы поездки рассматривали и возможность нелегального проезда. В связи с этим Радек писал: «Нелегальный проезд был связан с громадным риском. Риск состоял не только в том, что очень легко было провалиться, но и в том, что неизвестно было, где кончаются контрабандисты, услугами которых предстояло воспользоваться, и где начинаются шпионы правительства. Если большевики могли решиться на сделку с германским правительством насчет своего переезда, то эта сделка должна была быть открытой, ибо только тогда уменьшалась возможность использования ее против вождя пролетарской революции. Поэтому мы все были за открытую сдел-

ку. По поручению Владимира Ильича я и Леви, тогдашний член союза Спартака, находившийся проездом в Швейцарии, обратились к знакомому нам представителю франкфуртской газеты: если не ошибаюсь, фамилия его была доктор Дейнгард. Через него мы запросили германского посланника Ромберга, пропустит ли Германия русских эмигрантов, возвращающихся в Россию. Ромберг, в свою очередь, запросил Министерство иностранных дел и получил принципиальное согласие. Тогда мы выработали условия, на которых соглашались ехать через Германию. Главнейшие из них состояли в следующем: германское правительство пропускает всех желающих ехать, не спрашивая их фамилий. Проезжающие пользуются экстерриториальностью, и никто по дороге не имеет права вступать с ними в какие бы то ни было переговоры. С этими условиями мы послали к Ромбергу швейцарского социалистического депутата Роберта Гримма, секретаря Циммервальдского объединения, нашего единомышленника тов. Платтена. Мы встретились с ними после их свидания с Ромбергом в Народном Доме. Гримм рассказывал, как удивлен был германский посол, когда ему прочитали наши условия проезда через Германию. “Извините, — сказал германский посол, — кажется, не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия”. Но он, тем не менее, передал наши требования в Берлин. На следующие переговоры мы послали уже тов. Платтена. На этом настоял Владимир Ильич по следующим причинам: Роберт Гримм в разговоре обронил фразу, что он бы предпочитал один вести переговоры, ибо Платтен, хотя и хороший товарищ, но плохой дипломат. “А никто ведь не знает, что еще из этих переговоров может выйти”. Владимир Ильич посмотрел очень внимательно на Гримма, прижмутив один глаз, а после его ухода сказал: “Надо во что бы то ни стало устранить Гримма от этих переговоров. Он способен из-за личного честолюбия начать какие-нибудь разговоры о мире с Германией и впутать нас в грязное дело”. Мы поблагодарили Гримма за его услуги, заявив ему, что он перегружен работой, и мы его не хотим беспокоить. Предчувствие Ильича, как известно, оправдалось полностью. Гримм, который продолжал вести переговоры от имени группы Мартова, безусловно, уже в Швейцарии впутался в разговоры об условиях мира, и после, пробравшись в Петроград, сообщал “своему” правительству о видах на мир, что, в свою очередь, вероятно, передавалось нем-

цам. Попытки представить его в качестве германского шпиона или агента нелепы. Его подмывало стремление сыграть крупную роль, которую Ильич всегда считал пружиной его действий. Немцы, которые надеялись, что мы, большевики, в России сыграем роль противников войны, согласились на наши условия. Господам, которые по этому поводу по сегодняшний день хулят большевиков, предлагаю прочесть воспоминания Людендорфа, который до сих пор рвет волосы на своей голове, поняв, что, пропустив большевиков, он оказал этим услугу не германскому империализму, а мировой революции»²⁶.

Однако сколько бы ни были значительны фигуры мемуаристов, принимавших участие в операции «немецкий вагон» для российских эмигрантов, их свидетельства и признания не могут быть приняты на веру. Ибо это как раз тот случай, когда воспоминания, по образному выражению сатирика, могут походить на выстиранное белье, с которого удалены все грязные пятна. Более надежный источник, конечно, документы, требующие, разумеется, критического анализа их происхождения, достоверности содержащихся в них фактов, проверки другими материалами и т. д. Тем не менее, как нам представляется, рассмотренные выше документы Ленина и других эмигрантов, при всей их неполноте, дают основание считать, что инициатива проезда через Германию исходила от них. Вместе с тем нужно признать, что из этих документов нельзя получить сколько-нибудь конкретное представление об участии немецкой стороны в вопросе о проезде эмигрантов через Германию, равно как и о роли Парвуса, который считается в западной литературе автором немецкого плана высадки большевистского десанта в Россию.

2. Фон Ромберг: «... мы хотим пойти им навстречу»

«С началом Февральской революции в России 14 марта 1917 г. по новому стилю, — пишет Вернер Хальвег, — кайзеровская Германия и русские революционные эмигранты, подталкиваемые взаимной надеждой на мир, вынужденно идут к более тесному сбли-

²⁶ *Радек Карл. Впломбированном вагоне // Хальвег Вернер. Указ. соч. Приложение. С. 221–223.*

жению»²⁷. Объективно так оно и было, и с этим вряд ли можно спорить, если бы при этом не присутствовало стремление отдать с самого начала инициативу немецкой стороне. Поскольку убедительных доказательств этому в немецких документах маловато, на авансцене появляется Парвус. Именно он, указывая все тот же Хальвег, спустя всего несколько дней после Февральской революции, «предлагает рейхсканцлеру отправить Ленина через Германию в Петербург»²⁸. Но когда именно, даже если это имело место, Хальвег не сообщает, между тем это имеет принципиальное значение. 17 марта, в день, когда Ленин в Цюрихе «заболел» возвращением в Россию, Парвус в Копенгагене попросил немецкого посланника Брокфорда-Ранцау отправить в Берлин следующую телеграмму: «Революция победила. Россия политически недееспособна. Учредительное собрание означает мир»²⁹. Комментируя это заявление Парвуса, ушедшего в тень после неудачи «устроить» в России революцию, его биографы замечают: «На этот раз Ранцау отнесся к восторгам Гельфанда более сдержанно. Оно считал, что тот выражает свое мнение с неопровержимой уверенностью. Ранцау, конечно, не впервые выслушивал мнения Гельфанда о России, высказываемые весьма самоуверенным тоном»³⁰. Сообщая в МИД Германии о состоявшейся встрече с Парвусом, Брокдорф-Ранцау в своей телеграмме от 21 марта приводил его мнение о том, что «как только (в России. — Г. С.) войдет в силу закон об амнистии политическим заключенным, появится возможность эффективно бороться против Милюкова и Гучкова посредством непосредственных контактов с социалистами».³¹ Других конструктивных мнений и предложений главный эксперт по делам России в беседе со своим шефом, видимо, не высказал.

В то время как Брокдорф-Ранцау с Парвусом обсуждали в Копенгагене глобальные проблемы Русской революции, главные события происходили в Берне. «Центральный комитет по возвращению на родину проживающих в Швейцарии русских эмигрантов»

²⁷ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 28.

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ Земан З. А., Шарлау У. Б. Купец революции Парвус — Гельфанд. Политическая биография. М., 1991. С. 246.

³⁰ Там же.

³¹ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 284.

в соответствии со своим решением от 19 марта 1917 г. обратился к Роберту Гримму с просьбой о посредничестве в переговорах с Германией. Одновременно председатель этого комитета меньшевик С. Ю. Семковский через директора Швейцарского телеграфного пресс-агентства Вальца зондирует почву у немецкого посланника в Берне фон Ромберга³². Последний, предвидя возможность такого обращения на основании поступившей к нему информации, обратился 23 марта к статс-секретарю МИД Германии Циммерману: «Федеральный советник Гофман узнал, что здешние выдающиеся революционеры имели бы желание возвратиться домой в Россию через Германию; они страшатся пути через Францию из-за опасности нападения подводных лодок при дальнейшем следовании морем. Прошу указания на тот случай, если подобные ходатайства поступят ко мне»³³. В тот же день Циммерман телеграфировал представителю МИД Германии при Главной Ставке барону Лерснеру о желательности разрешить транзит через Германию русским революционерам и просил информировать об этом Верховное главнокомандование на предмет окончательного разрешения этого неотложно важного вопроса. «Так как мы заинтересованы в том, чтобы влияние радикального крыла революционеров в России одержало верх, — мотивировал он, — мне кажется допустимым возможное разрешение проезда через Германию»³⁴.

С этого времени немецкая сторона активно включилась в процесс возвращения эмигрантов-революционеров из Швейцарии в Россию. 25 марта 1917 г. барон Лерснер направил в МИД Германии телеграмму, в которой сообщалось, что у Верховного главнокомандования «в отношении проезда русских революционеров нет никаких возражений, если они будут отправлены одним общим транспортом с надежным сопровождением»³⁵. Этот ответ в тот же день был доведен до сведения немецкого посланника в Берне фон Ромберга.³⁶ 26 марта заместитель статс-секретаря МИД Германии фон Штурм направил из Берлина в Берн фон Ромбергу шифрованную телеграмму: «Один общий транспорт под военной охраной на выбор у пограничного пункта Готмадинген или Линдау че-

³² Хальвег Вернер. Указ. С. 34, 81.

³³ Там же. С. 75-76.

³⁴ Там же. С. 78.

³⁵ Там же. С. 77.

³⁶ Там же.

рез надежного консульского чиновника. Срочное сообщение о дне выезда и поименные списки должны находиться здесь за четыре дня до перехода границы. Возражения Генерального штаба против отдельных лиц маловероятны. На всякий случай будет обеспечен обратный транспорт в Швейцарию»³⁷. Поразительная оперативность!

Со своей стороны 28 марта фон Ромберг информировал Берлин о том, что на многих собраниях русских эмигрантов обсуждался вопрос о возвращении в Россию через Германию, и было высказано «пожелание предложить немецкому правительству в виде компенсации возврат задержанных в России гражданских лиц, а, возможно, и военнопленных». Он также сообщал, что вступил в контакт с федеральным советником Швейцарии Гофманом, которого просил передать уполномоченному эмигрантским комитетом вести переговоры Гримму, что у немецкой стороны «принципиальных возражений не возникает». Констатируя деликатность ситуации, в которой оказались эмигранты в Швейцарии, Ромберг не исключал возможности участия в этом процессе нейтральной Швеции. «Эмигранты не могут непосредственно обратиться к нам, — разъяснял он своему руководству, — ибо тем самым они были бы скомпрометированы. По тем же причинам не рекомендуется, чтобы мы открыто высказали слишком большую заинтересованность. Главным мне представляется прежде всего, чтобы эмигранты увидели — мы хотим пойти им навстречу. Но, может быть, имело бы смысл ненавязчиво дать понять о нашей готовности и через шведское посольство в Петербурге»³⁸.

Итак, в условиях самой строгой секретности вопрос о возможности проезда русских эмигрантов через Германию был решен немецкой стороной буквально в несколько дней. А в эмигрантских кругах в Берне и Цюрихе все еще обсуждался план обмена русских эмигрантов в Швейцарии на интернированных в России немецких граждан и другие варианты. Один из агентов немецкой миссии в Берне передавал в эти дни «для обсуждения» услышанное им «оригинальное предложение» о разрешении русским эмигрантам свободного проезда через Германию без всяких условий. «Я думаю, что это предложение должно быть поддержано, — убеждал

³⁷ Там же. С. 78.

³⁸ Там же. С. 79.

он немецких покровителей, — поскольку при нынешнем положении мы крайне заинтересованы, чтобы радикальная партия, стоящая за мир, взяла бы верх, а к ней принадлежат почти все находящиеся здесь эмигранты. Кажущаяся предупредительность, следовательно, будет только полезна и заодно станет действенной демонстрацией против прежнего враждебного нам правительства, а также против кадетов, ныне еще находящихся у руля власти, которым возвращение влиятельных радикальных элементов совершенно нежелательно»³⁹.

Другой агент, выезжавший в Швейцарию по заданию политической секции Генерального штаба и вернувшийся в Берлин 29 марта 1917 г., информировал своего шефа капитана фон Хюльзена о состоявшихся у него там контактах с русскими эмигрантами. В секретном донесении этого агента, в частности, говорилось: «Значительная часть русских, проживающих в Швейцарии, хочет вернуться в Россию. Антанта в принципе согласна с этим, но только приверженцы русских революционных партий, которые в то же время стоят за немедленный мир, под нажимом Англии не должны быть допущены в Россию. Трем таким русским революционерам в последние дни, несмотря на паспорта, выданные русским консульством в Берне, во въезде во Францию было отказано. Совершенно доверительно эти русские революционеры просили меня склонить немецкое правительство содействовать им в том, чтобы, несмотря ни на что, они могли добраться до России; они сделали мне следующее предложение. Пусть немецкое правительство согласится поддерживать ходатайство, которое возбудил бы перед правительством Швейцарии один из проживающих русских, чтобы русские (около 300–400 человек) были специальным поездом направлены ради краткости пути через Германию в Швецию. Среди этих трехсот-четырёхсот русских (всех партий) находились бы и нежелательные Антанте личности». Агент подчеркивал, что «предварительное условие успеха кроется в быстроте исполнения и в том, чтобы как можно меньше внимания вызывалось бы в Швейцарии». Он также полагал, что «для Германии предпочтительнее был бы провоз сторонников партии Ленина, максималистов и большевиков, число которых составляет что-то около 40 человек». Вместе с тем агент считал существенным, что «одновременно проедут от 20 до 30 так

³⁹Там же. С. 80.

называемых «революционных патриотов» и меньшевиков, выступающих за войну, поскольку они все равно достигнут России с помощью Антанты»⁴⁰. Немецкая контрразведка посчитала информацию своего агента настолько важной, что направила в МИД Германии не только его донесения, но и его самого для дальнейшего использования его контактов⁴¹.

31 марта 1917 г. немецкий посланник в Берне фон Ромберг отправил в свое ведомство в Берлине телеграмму, из которой явствовало, что процесс сближения сторон начался, а именно: Роберт Grimm от имени Комитета по возвращению русских эмигрантов из Швейцарии в Россию информировал федерального советника Гофмана о том, что «русские эмигранты, которые большей частью стоят за мир, просят о предоставлении им возможности незамедлительного возвращения в Россию». При этом эмигранты мотивировали свое обращение к немецкой стороне не только тем, что проезд через страны Антанты невозможен из-за ее противодействия противникам войны, но еще и тем, что из-за переговоров о проезде со шведским правительством было бы потеряно дорогое время. «После переговоров со мной, — сообщал далее Ромберг, — господин Гофман посоветовал Гримму, чтобы представители Комитета вступили в непосредственную связь со мной. . . ». В заключение Ромберг выражал надежду, что представитель Комитета, «вероятно, уже завтра обратится к нему».⁴² Заместитель статс-секретаря МИД Германии фон Штумм незамедлительно ответил немецкому посланнику в Берне шифрованной телеграммой: «Согласно поступившим к нам сведениям, желателен наискорейший проезд русских эмигрантов через Германию, так как контролроботка Антанты в Швейцарии уже началась. Представляю на ваше усмотрение максимальное ускорение ваших переговоров с представителем комитета»⁴³.

В тот же день, 31 марта в германском Генеральном штабе состоялась совещание по вопросу о транзитном проезде русских эмигрантов. Принимавший участие в этом совещании сотрудник имперского разведотдела «Восток» капитан Бурман заявил, что «командование Северо-Восточного фронта лишь в малой степени заин-

⁴⁰ Там же. С. 82–83.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 84–85.

⁴³ Там же. С. 87.

тересовано в этом деле», но «на всякий случай» просил заблаговременно сообщить фамилии эмигрантов, собирающихся проехать через Германию. Начальник паспортного ведомства ротмистр Цюрн выразил опасение, пропустят ли сотрудничающие с англичанами финские пограничные власти настроенных против войны русских эмигрантов. Он также считал, что «прежде всего следовало бы избежать слишком большой предупредительности с нашей стороны по отношению к едущим, чтобы не скомпрометировать их с самого начала»⁴⁴.

Хотя политическое и военное руководство Германии, оперативно отреагировавшее на желание русских эмигрантов вернуться в Россию через Германию, и не проявляло здесь «слишком большую предупредительность», боязнь скомпрометировать себя, как уже отмечалось выше, расколола эмигрантов. Лишь Ленин и его сторонники были готовы, не дожидаясь помощи и содействия Временного правительства, сесть в «немецкий вагон» и отправиться в рискованное путешествие в Россию. И это объясняет, почему немецкий посланник в Берне, даже получив директиву о «максимальном ускорении» переговоров с представителями русских эмигрантов, все еще не мог их начать. В телеграмме от 4 апреля 1917 г. Ромберг сообщает в Берлин о причинах задержки этих переговоров: «Хотя через различные каналы я и велел передать эмигрантам о нашей готовности, и мне повторно было сообщено о посещении представителя, никто еще не установил со мной связи, очевидно, что они опасаются скомпрометировать себя в Петербурге. Часть желает на всякий случай дожидаться инструкций петербургского правительства или комитета рабочих, другие все еще колеблются, стоит ли им воспользоваться нашим предложением. Полагаю, мы можем только подождать. Возможно, могли бы и немецкие социалисты установить связь с эмигрантами»⁴⁵.

Ромберг был не в курсе, что один из таких социалистов — Парвус — уже пытался установить связь с русскими эмигрантами по личной инициативе. Находясь в это время в Копенгагене, он не хотел тем не менее остаться в стороне от этого важного дела, участие в котором могло бы его реабилитировать в глазах берлинского руководства. «Пока в Министерстве иностранных дел только об-

⁴⁴ Там же. С. 86.

⁴⁵ Там же. С. 88–89.

суждались технические и юридические стороны вопроса, — пишут биографы Парвуса, — он уже предпринял первые практические шаги. Поскольку сразу вывезти большое количество русских революционеров было довольно сложно, он решил, что в первую очередь необходимо отправить в Россию Ленина и Зиновьева»⁴⁶. Заручившись поддержкой германского Генерального штаба, Парвус через Ганецкого довел до сведения большевистских лидеров, что есть реальная возможность выехать в Россию по «берлинскому разрешению», одновременно направив в Цюрих свое доверенное лицо — Георга Скларца. Однако Ленин категорически отказался от каких-либо переговоров с Скларцем, предложившим взять на себя все расходы по проезду, о чем 30 марта Ленин поставил в известность Ганецкого⁴⁷. «Парвус допустил серьезную ошибку, — пишут в связи с этим З. Земан и У. Шарлау. — Сам того не желая, он устроил западню двум большевистским лидерам. Если бы Ленин принял предложение, он скомпрометировал бы себя в глазах соотечественников и стал бы не нужен ни большевикам, ни немцам. Под стать этому было и бестактное поведение Скларца, обратившегося с предложением к большевикам»⁴⁸. И тогда Ленин принимает окончательное решение от имени партии «безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию»⁴⁹, но не с помощью Парвуса, а при содействии швейцарских социалистов.

Направив 31 марта официальное заявление Роберту Гримму о принятии предложения о проезде русских эмигрантов через Германию, Ленин на следующий день, 1 апреля обращается к Ганецкому в Стокгольм: «Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки. Намереваемся выехать в среду (4 апреля. — Г. С.) минимум 10 человек»⁵⁰. Сбором денег для отъезжающих из Швейцарии занимались в Стокгольме и меньшевики. Видный меньшевик-интернационалист Ю. М. Ларин в письме П. Б. Аксельроду еще 19 марта 1917 г. сообщал, что для отъезда русских эмигрантов из Швейцарии он собрал в Стокгольме у «сочувствующих» около трех тысяч крон. «По условию из швейцарцев в первую оче-

⁴⁶ Земан З. А., Шарлау У. Б. Указ. соч. С. 249.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 418.

⁴⁸ Земан З. А., Шарлау У. Б. Указ. соч. С. 249–250.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424.

⁵⁰ Там же. С. 425.

редь получают на проезд по тысяче крон Аксельрод, Мартов и Ленин, — писал Ларин. — Что деньги отсюда должны быть посланы Ленину предложил тоже я, отчасти, чтобы не поднял кто-либо вопроса о фракционном пристрастии, отчасти для пользы дела: ленинцы без Ленина в России хуже, чем ленинцы с Лениным, да вообще следует, чтобы столь значущее лицо было бы в России в такое время»⁵¹. Ленин и без Ларина знал, что его место теперь в России, и решительно порвав с «мерзавцами-меньшевиками», решил ехать без них, только со своими сторонниками.

4 апреля немецкий посланник в Берне фон Ромберг наконец-то дождался визита представителя русских эмигрантов, в качестве которого на этот раз по настоятельной просьбе Ленина выступал швейцарский социалист-интернационалист Фриц Платтен. В тот же день фон Ромберг подробно докладывает об этой встрече в МИД Германии: «Секретарь социал-демократической партии Платтен навестил меня по поручению группы русских социалистов, членами которых, в частности, являются Ленин (sic!) и Зиновьев (sic!), чтобы передать просьбу о незамедлительном разрешении на проезд некоторого числа, от 20 до максимум 60 человек, наиболее выдающихся эмигрантов. Платтен показал, что дела в России принимают опасный оборот для дела мира, что следует сделать все, чтобы без малейшего промедления направить в Россию находящихся здесь социалистических руководителей, влияние которых там велико. К сожалению, у многих эмигрантов нет удостоверений личности и они придают большое значение тому, чтобы их имена, помимо Ленина и Зиновьева, не были названы. А в остальном они готовы подчиниться любым условиям — проезду без остановок, в запертых и занавешенных купе; но они должны быть уверены, что никто не будет задержан, их вагону будет обеспечена экстерриториальность, включение в число едущих последует без учета их позиции, за войну они или за мир. Со своей стороны, они обещают добиться в России освобождения некоторого числа немецких пленных. Платтен, который для организации информационного бюро хочет поехать в Стокгольм, намеревается присоединиться к эмигрантам, готов лично поручиться за каждое отдельное лицо, выдать им документы, в которых, однако, по возможности, не должны проставляться имена. Платтен мог бы с каким-нибудь немецким

⁵¹Меньшевики в 1917 году: Сб. документов. Т. 1. М., 1994. С. 230.

чиновником доставить эмигрантов к границе, представлять их по одному пограничным властям.

При той исключительной нашей заинтересованности в незамедлительном отъезде я настоятельно советую срочно дать разрешение, приняв поставленные условия. Учитывая недоверчивый характер русских, которые сначала не хотели верить в возможность безопасного проезда, бесцеремонность контрдействий со стороны Антанты, а также отсутствие единства мнений у эмигрантов, надо иметь в виду, что еще существует большая опасность, что они вновь дадут себя переубедить. Если мы окажем им безоговорочное доверие, они на это хорошо отзовутся; мне представляется особенно полезным, и мы даем понять, насколько доверяем швейцарским социалистам, и что принимаем их гарантии как удовлетворяющие. Они несомненно посчитают это нашей серьезной заслугой, благодаря чему, надеюсь, будет возможно с их посредством установить весьма важные связи с Россией. Платтен сам признает, что возможно двоякое мнение по поводу права и логики условий поездки эмигрантов. Но они верят, что этим способом ограждают себя от компрометации в России и нельзя пускаться в дискуссию после трудно достигнутого соглашения. Отъезд должен состояться не позднее пятницы. Впрочем, по мнению Платтена, исключена возможность того, чтобы так называемые социалистические патриоты, то есть противники мира мне заявили о своем желании участвовать в поездке. Прошу дать срочно хотя бы предварительный телеграфный ответ, должны ли русские быть в готовности к пятнице»⁵².

5 апреля 1917 г. заместитель статс-секретаря МИД Германии фон Штумм уведомил Ромберга, что Генеральный штаб согласен с выдвинутыми эмигрантами условиями. «Переход границы у Готмадингена, — информировал представитель Генштаба. — Толковый офицер сопровождает транспорт от Готмадингена до Засница. Передача в Готмадингене через чиновника Министерства иностранных дел. При переходе границы никаких паспортных формальностей. Багаж будет запломбирован. Безопасный проезд обеспечен. Немецкий руководитель профсоюзов социалист Янсон, вероятно, примкнет к транспорту в Готмадингене».⁵³

⁵² Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 89–90.

⁵³ Там же. С. 93.

Выступая в роли энергичного и заинтересованного координатора поездки русских эмигрантов, фон Ромберг 5 апреля направляет рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу опубликованный в швейцарской прессе материал «Ленин о русской революции», в котором излагалось содержание доклада «вождя русских революционеров» в Цюрихе. Ромберг, видимо, полагал, что эта публикация должна была убедить рейхсканцлера в необходимости быстрее отправки Ленина в Россию, поскольку из нее явствовало, что «Ленин категорически высказался против войны и ее защитников Милюкова, Гучкова и Керенского, названных марионетками Антанты».⁵⁴

Документы немецкой стороны свидетельствуют о том, что политическое и военное руководство самым тщательным образом готовило поездку русских эмигрантов, стараясь предусмотреть все до мелочей. 5 апреля 1917 г. статс-секретарь Циммерман обращается к представителю МИД при Главной ставке барону Лерснеру с просьбой «обсудить с Верховным командованием, не могло бы оно рекомендовать какого-либо офицера, обладающего опытом и соответствующим политическим пониманием, с тем, чтобы доверить ему руководство проездом через Германию».⁵⁵ На следующий день из Главной ставки в МИД Германии поступает телеграмма от генерала Людендорфа: «Я позабочусь о выборе пригодного и соответственно информированного офицера согласно высказанным пожеланиям»⁵⁶.

Такая оперативность и предусмотрительность немецкой стороны красноречиво говорила о ее заинтересованности в быстрой транспортировке русских революционеров-радикалов в Россию. Понимая истинную подоплеку этой заинтересованности, Ленин тем не менее бесповоротно соглашается на «немецкий вагон». «Для Ленина, стремящегося изо всех сил дать толчок большевистской мировой революции, — пишет в связи с этим Вернер Хальвег, — решающим является как можно скорее достичь России; то, что эту возможность предлагает ему противник, “классовый враг”, для него как раз никакой роли не играет. Вот почему большевистский вождь изъявляет готовность принять немецкое предложение. Однако при этом ничем ни в какой форме себя не связывая. Даже путевые рас-

⁵⁴ Там же. С. 94.

⁵⁵ Там же. С. 95.

⁵⁶ Там же. С. 96.

ходы революционеры оплачивают из собственных средств»⁵⁷. Действительно, в опубликованных Хальвегом документах не содержится и намека на денежные субсидии отъезжающим эмигрантам со стороны Германии. Поэтому выдвинутая еще в 1917 г. версия о том, что «предприятие это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано золотом и валютой»⁵⁸, пока остается необоснованной, хотя и часто востребованной теми, кому доказательства не нужны. Во всяком случае судорожные усилия Ленина достать на поездку денег, где только можно, не позволяют считать, что партийный фонд большевиков в это время был полон «германского золота». 2 апреля 1917 г. Ленин писал И. Ф. Арманд: «Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10–12 хватит, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме»⁵⁹. О том, сколько это «больше», можно судить по его признанию в другом письме, что фонд на поездку уже составляет более тысячи франков⁶⁰. Чтобы сократить расходы в дороге, Ленин просит Платтена «выхлопотать разрешение взять с собой продовольствие»⁶¹. В связи с этим Платтен вспоминал: «В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской социалистической партии не открыло нам кредит на 3000 фр. под поручительство Ланга и Платтена»⁶².

6 апреля 1917 г. фон Ромберг из Берна докладывает в Берлин: «Платтен сообщает, что около 20 лиц ленинской группы готовы к отъезду. Но есть также шансы, что еще присоединятся важные социал-революционеры. Однако пока что не было достигнуто согласия, и весьма сомнительно, что переговоры с ними могут быть своевременно закончены. Поэтому крайне желательно, чтобы поездка была отложена до воскресного вечера. Участие социал-революционеров имело бы очень большое значение, принимая во внимание важную роль, которую они сыграли в начале революции. Совместное появление вождей обеих партий произвело бы сильное впечатление в России и в значительной мере способствовало бы

⁵⁷ Там же. С. 49.

⁵⁸ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. Париж, 1921. С. 71.

⁵⁹ Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1991. С. 211.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 427.

⁶¹ Там же. С. 431.

⁶² Платтен Фриц. Указ. соч. С. 42.

активным действиям в пользу мира. Поэтому настоятельно рекомендую выполнить пожелание и отодвинуть поездку до воскресного вечера. Эмигранты просят — не могли бы мы побудить шведское правительство как-то способствовать тому, чтобы их въезд в Швецию был заранее гарантирован. Господин Платтен, сопровождающий эмигрантов, просит распорядиться, чтобы ему не чинили препятствий при возвращении из Стокгольма в Швейцарию. У каждого из эмигрантов что-то вроде трех корзин багажа, и они предпочитают ехать третьим классом, так как многие из них без средств и не смогут оплатить более высокую стоимость проезда. Но и разрешать бесплатный проезд не рекомендуется, так же как не следует выказывать особую, бросающуюся в глаза предупредительность в обхождении. Эмигранты также, кроме как через Платтена, не должны обращаться с кем-либо из немцев на немецкой территории. Само собой разумеется, что в прессе о поездке эмигрантов ничего упоминаться не должно».⁶³

7 апреля видные социалисты-интернационалисты Германии, Франции, Польши, Швейцарии по инициативе Ленина подписывают следующее «Заявление», к которому позднее в Стокгольме присоединились и шведские социалисты.

Нижеподписавшиеся ознакомились с тем, какие препятствия правительства Согласия ставят отъезду русских интернационалистов на родину. Они ознакомились с тем, на каких условиях германское правительство согласилось пропустить товарищей через Германию в Швецию. Не сомневаясь в том, что немецкое правительство спекулирует на одностороннем усилении антивоенных тенденций в России, мы заявляем:

Русские интернационалисты, которые в течение всей войны вели самую резкую борьбу против империализма вообще и германского империализма в особенности, отправляются теперь в Россию, чтобы служить там делу революции, помогут нам поднять и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств. Пример германской борьбы русского пролетариата послужит лучшим поощрением для пролетариев других стран. Поэтому мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии (и Швеции. — Г. С.), считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им представляется.

Мы желаем им лучших успехов в их борьбе против империалистиче-

⁶³ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 100.

ской политики русской буржуазии, которая является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социальную революцию.
Берн, 7 апреля 1917 г.

Павел Харштейн (Германия)
Анри Гильбо (Франция)
Ф. Лорно (Франция)
Бронский (Польша)
Ф. Платтен (Швейцария)
Линдхаген (городской голова Стокгольма)
Стрем (депутат шведского парламента)
Туре Нерман (редактор центр. орг. шведск. соц.: «Politiken»)
Чильбум (редактор «Stormklockan»)
Гансен (Норвегия)

Ленин придавал этому «Заявлению» важное значение и опубликовал его по приезду в «Правде» как приложение к своей статье «Как мы доехали».

Меры предосторожности продолжала предпринимать и немецкая сторона. Накануне отъезда эмигрантов из Цюриха фон Ромберг телеграфирует в МИД Германии: «Эмигранты готовы к серьезным трудностям, возможно, к уголовному преследованию со стороны русского правительства в связи с их проездом через вражескую страну. Очень важно, следовательно, в интересах самих едущих застраховать их от какого-либо общения с немцами в пути через Германию. Платтен объяснит это Янсону. Необходимо, чтобы немецкая пресса обошла молчанием это событие, пока о нем не заговорят за границей. Когда более уже невозможно будет избежать умолчания, надо не допустить никаких комментариев по поводу поездки, и прежде всего, чтобы не связывались с эмигрантами какие-либо ожидания, которые могли бы привести к компрометации. Также ни в коем случае не может быть упоминания в прессе о посреднической роли Швейцарии.

Отъезд, как запланировано, состоится завтра. Известно точно — 29 русских едут, возможно — до 37 человек. ... различных групп ленинского (sic!) направления. Поедут ли социалисты-революционеры, еще не ясно»⁶⁴.

Действительно, 29 участников проезда через Германию в день

⁶⁴Там же. С. 104.

отправления из Цюриха, 9 апреля 1917 г., подписались под следующим документом⁶⁵.

ПОДПИСКА УЧАСТНИКОВ ПРОЕЗДА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ

Подтверждаю:

1) что мне были сообщены условия, выработанные Платтенем и германским посольством;

2) что подчиняюсь распорядку, установленному руководителем поездки Платтенем;

3) что я извещен о сообщении «Пти Паризьен» («Petit Parisien»), согласно которому русское Временное правительство грозит отнестись к лицам, приезжающим через Германию, как к государственным изменникам;

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я принимаю исключительно на себя;

5) что Платтенем моя поездка гарантирована только до Стокгольма.

Берн — Цюрих, 9 апреля 1917 г.

Ленин
Ленина
Георгий Сафаров
Валентина Сафарова-Мартошкина
Григорий Усиевич
Елена Кон
Инесса Арманд
Николай Бойцов
Ф. Гребельская
А. Константинович
Е. Мирингоф
М. Мирингоф
А. Сковно
Г. Зиновьев
З. Радомысленская (с сыном)
Д. Слюсарев
Б. Ельчанинов
Г. Брильянт
М. Харитонов
Д. Роземблюм
А. Абрамович
Шейнесон
Миха Цхакая

⁶⁵ Гильбо Анри. Указ. соч. Приложение.

М. Гоберман
А. Линде
Айзенхуд
Сулишвили
Равич
Погосская (с сыном)

Известный разоблачитель провокаторов и шпионов В. Л. Бурцев опубликовал еще в 1917 г. «список пассажиров ленинского поезда», в нем было 29 человек⁶⁶. В переданном Лениным по приезду в Стокгольм 13 апреля 1917 г. «Коммюнике» для газеты шведских левых социал-демократов «Politiken» говорилось о том, что «9 апреля из Готмадингена выехали 30 русских партийных товарищей, мужчин и женщин. . .»⁶⁷. Но в опубликованной позднее статье «Как мы доехали» Ленин пишет, что в Петроград вернулись «32 эмигранта разных партий (среди них 19 большевиков, 6 бундистов, 3 сторонника парижской интернациональной газеты «Наше слово»)»⁶⁸. Фриц Платтен также свидетельствует, что в Готмадингене и Заснице пассажиры «внимательно были пересчитаны: их число оставалось равным 32»⁶⁹. Расхождение в этих цифрах, по всей видимости, объясняется тем, что в первом случае речь идет о взрослых эмигрантах, а во втором — о всех пассажирах, среди которых вместе с родителями были и двое детей. Современный «лениновед» А. А. Арутюнов увидел в этом расхождении «сложный кроссворд», который ему удалось разгадать при помощи «американского разведчика» Сиссона, купившегося на подложные документы, а также рассказов старой большевички М. В. Фофановой. Разгадка, оказывается, довольно проста: в списке «ленинского вагона» не хватало двух немецких разведчиков, которых «ввез» (а точнее — придумал) вместе с Лениным автор «документов Сиссона» петроградский журналист Ф. Оссендовский. Именно этих двух разведчиков с русскими фамилиями Рубаков и Егоров добавил в свой список Арутюнов, сославшись для убедительности еще на «рассказы» Фофановой⁷⁰.

⁶⁶Общее дело. 1917. 14 окт.

⁶⁷Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 488.

⁶⁸Правда. 1917. 7 (20) апр.

⁶⁹Платтен Фриц. Указ. соч. С. 50.

⁷⁰Арутюнов А. Указ. соч. С. 108–109.

Что же касается реальных, а не вымышленных немецких офицеров, сопровождавших «Ленинский вагон», то ими были фельдшер лейтенант Шюллер и капитан фон Планиц. В связи с этим встает вопрос о том, в какой степени вагон с русскими эмигрантами был «запломбированным». Как видно из выдвинутых Платтенотом от имени эмигрантов условий переговоров о проезде через Германию и принятых немецкой стороной, вагон с эмигрантами получал право экстерриториальности, и никто из посторонних не имел права войти в «постоянно запертый вагон». Позднее Платтен свидетельствовал, что «три наших вагонных двери были запломбированы и только четвертая, задняя», могла открываться для выхода из вагона Платтена и немецкого персонала. Экстерриториальность вагона была наглядно обозначена меловой чертой, которую не имел право пересекать сопровождающий немецкий персонал⁷¹.

Выехавший 9 апреля 1917 г. вместе с Лениным в «запломбированном» вагоне под фамилией Бойцова Карл Радек позднее вспоминал: «Итак, мы выехали. Приехали мы швейцарским поездом в Шафхаузен, где надо было пересест в германский поезд. Это был жгучий момент, который остро врезался в мою память. Нас ожидали германские офицеры. Они указали нам зал таможни, в котором должны были пересчитать число живых “снарядов”, транспортируемых ими в Россию. Паспорта спрашивать на основе договора они не имели права. Поэтому в таможне мужчин разделили по обе стороны стола, чтобы по дороге кто-нибудь из нас не улетучился или, подменив русского большевика немецкой барышней, не оставил в Германии зародыш революции. (Я имел большое влечение проделать это, к чему, как австриец, имел даже моральное право, но Ильич был против). Мы стояли молча, и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы они к нему присматривались»⁷².

«Запломбированный» вагон с русскими эмигрантами в сопровождении двух немецких офицеров, уполномоченных Верховного военного командования, без всяких инцидентов пересек территорию Германии и 12 апреля благополучно достиг побережья Балтийского моря в г. Засниц, откуда его пассажиры перебрались на

⁷¹ Платтен Фриц. Указ. соч. С. 43.

⁷² Радек Карл. Указ. соч. С. 223.

шведский рейсовый паром, доставивший их в шведский город Треллеборг, где их встречал Я. С. Ганецкий. Почти сразу же Ленин и его спутники выехали поездом в Стокгольм, где были радушно встречены не только большевиками-эмигрантами, но и шведскими левыми социал-демократами. Здесь с Лениным попытался встретиться Парвус. «Я был в Стокгольме, когда Ленин находился там во время проезда, — писал потом Парвус. — Он отклонил личную встречу. Через одного общего друга я ему передал: сейчас прежде всего нужен мир, следовательно, нужные условия для мира; спросил, что намеревается он делать. Ленин ответил, что он не занимается дипломатией, его дело — социальная революционная агитация»⁷³. Возможно, эта красивая фраза приписана Ленину самим Парвусом, но факт их несостоявшейся встречи был позднее засвидетельствован К. Радеком, находившимся с Парвусом в доверительных отношениях. «В Стокгольме Парвус хотел встретиться с Лениным от имени ЦК Германской социал-демократической партии, — вспоминал Радек, — Ильич не только отказался видеть его, но просил меня, Воровского и Ганецкого вместе со шведскими товарищами засвидетельствовать это»⁷⁴.

Как установил Ханс Бьёркегрен, с момента прибытия ленинской группы в Треллеборг за ней было установлено скрытное наблюдение шведской полиции, которая «вела» эту группу во время пребывания в Стокгольме. По этому факту шведской полицией была составлена «докладная записка о революционерах, принадлежащих к так называемой “группе Ленина”, которым разрешено из Швейцарии проехать через Германию для дальнейшего следования в Россию»⁷⁵. В этом полицейском документе отмечен и факт выдачи 4 тыс. крон Ленину и его спутникам на продолжение поездки в Россию со стороны Комитета российских эмигрантов в Стокгольме. Секретарь этого комитета Й. Геллер в своих показаниях полиции объяснял этот великодушный жест следующим образом: «Поскольку комитет опасался, что кое-кто из эмигрантов может остаться здесь, в городе, и, не исключено, начнет вмешиваться в здешнюю внутреннюю политику или предпримет другие действия, которые способны повредить России, он сделал все возможное, чтобы поскорее отправить из страны, по крайней мере, этих тридцать пас-

⁷³ *Parvus*. Im Kampf um die Wahrheit. Berlin, 1918. S. 51.

⁷⁴ *Радек Карл*. Указ. соч. С. 225.

⁷⁵ *Бьёркегрен Ханс*. Указ. соч. С. 305.

сажиров»⁷⁶. Интересно, что полиция «довела» этих нежелательных пассажиров вплоть до пограничного города Торнео, в документах жандармского управления которого сохранился список проследовавших вместе с Лениным пассажиров с указанием на то, «что российское генеральное консульство в Стокгольме выдало ленинской группе 20 билетов второго класса в спальном вагоне и 9 билетов второго класса в сидячем вагоне»⁷⁷.

13 апреля Ленин выезжает из Стокгольма, а оставшийся в Швейцарии Мартов в этот день жалуется в письме Кристи, что «ответов на наши стоны и мольбы» из России нет, а «Ленин с братией приближается к русской границе, может быть, смеясь над нами...»⁷⁸. И хотя российское генеральное консульство в Стокгольме выдало Ленину и его спутникам въездные визы, опасение быть арестованным не покидало лидера большевиков вплоть до самого прибытия в Петроград поздним вечером 16 апреля. И только тогда, когда на перроне Финляндского вокзала он увидел почетный караул, а на площади перед вокзалом сотни встречавших его рабочих, солдат, матросов, Ленин окончательно поверил, что ему не придется больше писать письма из «проклятого далека». В России, жившей тогда по старому стилю, 3 апреля 1917 г. — дата возвращения вождя большевиков из эмиграции — на долгие годы станет событием исторического значения.

Для немецкой стороны это событие, как выяснится позднее, имело тоже историческое и практическое значение. Пока же руководитель германской разведки Штейнвакс направил из Стокгольма 17 апреля в Главную штаб-квартиру следующую телеграмму: «Въезд Ленина в Россию удался. Он действует в полном соответствии с тем, к чему стремится. Из-за этого рев ярости антантовских социал-демократов в Стокгольме...»⁷⁹.

Оперативно проведенная представителями дипломатических и военных кругов Германии акция по «высадке десанта» революционеров-радикалов в России в исторической ретроспективе превратилась под пером политиков и журналистов, мемуаристов и историков в операцию гигантских масштабов, в которую «по предложению Парвуса включились не только Генеральный штаб и Министерство

⁷⁶ Там же. С. 374.

⁷⁷ Там же. С. 375.

⁷⁸ Урилов И. Х. Ю. О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 236.

⁷⁹ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 119.

иностранных дел, но и сам канцлер Вильгельм II»⁸⁰. При этом авторы такой точки зрения стыдливо умалчивают (или не знают?), что кайзер, как это видно из немецких документов, узнал об этой операции, когда пассажиры «ленинского вагона» уже заканчивали свое путешествие по Германии! Только 11 апреля 1917 г. Вильгельм II из опубликованной в вечерней газете «Frankfurter Zeitung» телеграммы из Швейцарии впервые узнает, что Комитет русских эмигрантов, оказывается, пытается установить связь с немецким правительством, чтобы получить разрешение на проезд через Германию в Скандинавию. В тот же вечер монарх направляет рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу телеграмму, в которой выражает свое благосклонное отношение к проезду русских эмигрантов через Германию. «Я не был бы против просьбы русских эмигрантов, если мои восточно-пруссские соотечественники обретут благодаря этому свободу, — говорилось в телеграмме. — Эмигрантам следовало бы за проезд в качестве ответной услуги предложить выступать в России за немедленное заключение мира. В качестве пояснительного материала им могли бы быть даны “Белые книги” и другие опубликованные нами материалы и некоторые мобилизационные приказы царя, изданные незадолго до войны, которые до сих пор не могли быть известны в России. Министерству иностранных дел надлежит постоянно ставить меня в известность о ходе этого дела. . . »⁸¹.

Бетман-Гольвегу пришлось срочно оправдываться перед кайзером за всех, кто решил пока не ставить в известность Вильгельма II об операции «немецкий вагон». Чтобы соответствовать своему положению, рейхсканцлер должен был слегка преувеличить свою роль в этой операции: «Ваше Величество, разрешите в ответ на Вашу милостивую телеграмму от сегодняшнего числа верноподданнейше сообщить, что немедленно с началом русской революции я указал послу Вашего Величества в Берне установить связь с проживающими в Швейцарии политическими изгнанниками из России с целью возвращения их на родину — поскольку на этот счет у нас не было сомнений — и при этом предложить им проезд че-

⁸⁰ Волкогонов Д. А. Ленин. Кн. 1. М., 1999. С. 216; Фишер Луис. Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 164.

⁸¹ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 107–108. — «Белая книга» вышла в Германии в начале августа 1914 г. и имела своей целью возложить всю ответственность за развязывание войны на Россию.

рез Германию»⁸². В свете изложенных выше немецких документов внимательный читатель может сам установить, в какой мере это утверждение соответствует фактам. Но что представляется очевидным, так это то, что нельзя рассматривать приведенное утверждение Бетман-Гольвега как бесспорное доказательство инициативы немецкой стороны в проезде русских эмигрантов через Германию. Представив кайзеру в лучшем виде свою роль, рейхсканцлер далее в телеграмме мог уже признать, что «часть эмигрантов несколько дней назад уже проехала через Германию. Этот факт во избежание любой сенсации не был разрешен к публикации в прессе»⁸³. Судя по последовавшей на следующий день телефонограмме от кайзера, он удовлетворился ответом рейхсканцлера и выразил еще раз пожелание о том, чтобы русские эмигранты, проезжающие через Германию, снабжались «Белыми книгами» и другими подобными изданиями для проведения «разъяснительной работы на своей родине». В телефонограмме также отмечалось, что «на тот случай, если транспорту с русскими был бы запрещен въезд в Швецию, Верховное главнокомандование выражает готовность переправить едущих через немецкие линии фронта в Россию»⁸⁴. Чтобы убедиться в абсурдности этого предложения, а следовательно, в полной неосведомленности кайзера, достаточно познакомиться с составом пассажиров «ленинского вагона»: никто из них не был готов на такой подвиг, как самостоятельное пересечение «немецких линий фронта» даже с помощью Верховного главнокомандования Германии.

Зарубежные и отечественные авторы любят цитировать генерала Э. Людендорфа, который в своих военных мемуарах писал: «Помогая Ленину проехать в Россию, наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданно. Россию было нужно повалить»⁸⁵. Однако, чтобы «повалить» Россию, одного желания Германии было мало, необходимо было сочетание целого ряда социальных, политических, экономических, военных и других факторов, которые в своем сцеплении привели к 25 октября 1917 г. — событию, ставшему триумфом большевиков и катастрофой их политических противни-

⁸² Там же. С. 108.

⁸³ Там же. С. 108–109.

⁸⁴ Там же. С. 111–112.

⁸⁵ *Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Berlin, 1919. S. 47.*

ков. Задача исследователя состоит в том, чтобы на основе документов различного происхождения объективно оценить роль «немецкого фактора» в русской революции. Но было бы глубочайшим заблуждением рассматривать «фактор Ленина» только в таком контексте.

Глава пятая

**«ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ
В РОССИИ ВЕСНОЙ–ЛЕТОМ 1917 г.**

Февральская революция в России расширила перспективы Германии и Австро-Венгрии на достижение сепаратного мира, и они интенсифицировали свои усилия на различных направлениях. «Русская революция поставила нас в совершенно новое положение, — писал министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин. — Но все же оставалось несомненным, что наибольшее число шансов заключения мира лежит на востоке, и все наши усилия были, следовательно, направлены к тому, чтобы использовать первый удобный момент, который царь не успел закрепить»¹.

Как явствует из опубликованных немецких источников, Германия внимательно следила за развитием событий в России после Февральской революции и, пытаясь противодействовать влиянию стран Антанты, стремилась установить контакты не только с радикальным крылом социалистов, но и с социалистами в целом. На одной из телеграмм, полученной из Стокгольма о событиях в Петрограде в марте 1917 г., кайзер Вильгельм II сделал замечание на полях: «... Мы должны поддержать социалистов (Керенского и др.) против Антанты и Милюкова и как можно скорее войти с ними в контакт»². Политическое и военное руководство Германии реши-

¹ Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары / Пер. с нем. М.; Пг., 1923. С. 158.

² Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 400.

ло даже не предпринимать каких-либо крупных военных акций, которые могли бы привести к установлению единства политических сил и общества перед лицом германской опасности³. «Мир с Россией, — писал австрийский император Карл I кайзеру Вильгельму II, — ключ к ситуации. После его заключения война быстро придет к благоприятному для нас окончанию»⁴. Однако очень скоро выяснилось, что этот оптимизм был преждевременным. Возлагая большие надежды на доставленный в Россию «запломбированный» вагон с влиятельными противниками войны во главе с Лениным, политическое руководство Германии, как это видно из документов и мемуаров, не задумывалось о последствиях этой акции для нее самой. В них нет и намека на то, что возможность революционной опасности для самой Германии стала следствием действий тех самых людей, которые тогда проехали через ее территорию. Берется в расчет лишь дальнейшая революционизация России, которая пойдет на пользу Германии в военном отношении и, однако, совсем не принимается всерьез идея мировой революции, хотя она и была достаточно известна как из письменных, так и из устных выступлений.

Пока же ставка была сделана на достижение сепаратного мира с Россией с помощью радикального крыла социалистов. Не случайно на Всероссийском Совещании Советов 2 апреля 1917 г. с тревогой отмечалось, что «перебежчики австрийцы и немцы предают, что в Германии и Австрии много надежд вызывает деятельность некоторых организаций в России и что на этом строят свои планы Германия и Австрия»⁵.

2 мая 1917 г. русский военный агент (атташе) в Копенгагене генерал-майор С. Н. Потоцкий сообщал из датской столицы: «Установлено: в настоящее время почти во всех городах Германии, Австро-Венгрии не хватает хлеба, мяса, картофеля, муки, вообще съестных продуктов. Повсюду продовольственный кризис и всеобщее неудовольствие народных масс. Германское правительство, желая вывести Германию из тяжелого положения, во что бы то ни стало хочет заключить мир с Россией. С этой целью высылают социал-демократов из нейтральных стран в Россию, платя большие

³ Там же. С. 285, 400.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет. М.; Л., 1927. С. 202.

деньги»⁶. Если это, как считает автор публикации К. Александров, первое сообщение, направленное военной разведкой в Россию по поводу возвращения «пораженцев», то оно сильно запоздало и было слишком неопределенным, а в отношении платы «больших денег» не содержало никаких конкретных данных, это предстояло выяснить русской контрразведке.

1. Русская революция в расчетах и действиях Германии по достижению сепаратного мира

Если основываться на официальных заявлениях, сделанных представителями правящих кругов Германии после победы Февральской революции, то может создаться впечатление, что они ратовали за установление новых отношений с революционной Россией. Выступая 29 марта 1917 г. в рейхстаге при обсуждении имперского бюджета, канцлер Бетман-Гольвег заявил, что Германия будет соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела других государств, в том числе и России. «Мы решили спокойно присмотреться к новому порядку в России, никак не вмешиваясь в дела русских, — сказал он. — У нас нет ни малейших оснований враждебно относиться к борьбе русского народа за свободу или желать возвращения автократического режима. Наоборот, мы хотим, насколько это в наших силах, помочь нашему восточному соседу в деле строительства счастливого будущего и избавления от английского засилья. Германия всегда была и остается готова заключить почетный мир с Россией»⁷. Полный текст речи Бетман-Гольвега в рейхстаге был передан на следующий день из Стокгольма в Петроград через представителя Петроградского Телеграфного агентства и перепечатан в сокращенном виде во многих петроградских газетах. Однако принятое в эти дни по радиотелеграфу заявление германского рейхсканцлера носило иной характер. В нем, в частности, говорилось: «Через несколько дней или недель можно будет составить ясное представление о событиях в России. Мы увидим, желает ли русский народ мира или присоединяется к мнению лиц, проповедующих войну до победного конца. Мы будем следить за со-

⁶ Александров К. Октябрь для кайзера. Заговор против России в 1917 г. // Посев. 2004. № 2. С. 3.

⁷ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 286.

бытиями хладнокровно с готовым для удара кулаком. Если «Согласие» намеревается нас поработить даже тогда, когда его постройки трещат по всем швам, то оно скоро найдет своего укротителя. Их народы проснутся от страшного сна. Должны же, наконец, наши враги признать себя побежденными. Их смертельные раны может исцелить лишь скорый мир, и лишь тогда они получают наше согласие на скорейшее окончание нашей борьбы»⁸.

Видимо, в целях оперативной помощи «восточному соседу в деле строительства счастливого будущего» МИД Германии обратился 1 апреля 1917 г. в Министерство финансов с просьбой выделить 5 млн марок на политические цели в России. Новый министр финансов граф Редерн, учитывая значительный размер запрашиваемой суммы, попытался официально выяснить у своих коллег из МИД, на что тратятся эти суммы, но был вынужден удовлетвориться устным разъяснением по соображениям секретности, и 3 апреля эта просьба была удовлетворена⁹. К сожалению, мы и сегодня не располагаем точными сведениями о том, на что именно были израсходованы эти средства, и только по косвенным данным можно предполагать, что часть из них была предназначена для поддержки оппозиционных Временному правительству сил. Правда, биографы Парвуса полагают, что эти 5 млн марок попали в руки их героя. Основываясь на состоявшейся в апреле 1917 г. встрече Парвуса со статс-секретарем МИД Германии Циммерманом, они пишут: «Возможно, способы использования этих громадных средств стали еще одним предметом разговора Гельфанда со статс-секретарем. Гельфанд, единственный человек, связанный с Министерством иностранных дел, имел дело с суммами такого порядка. Теперь он стал намного предусмотрительнее и уже не давал, как делал это раньше, никаких расписок в получении денег»¹⁰. Как мне представляется, это не слишком веский аргумент для того, чтобы считать, что после «проколов» Парвуса МИД Германии доверял своему подшефному настолько, что не требовал даже расписки на такие огромные суммы.

2 апреля 1917 г. германский посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, координировавший из Скандинавии различные ка-

⁸См.: Речь. 1917. 17 марта.

⁹Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 400.

¹⁰Земан З., Шарлау У. Купец революции Парвус-Гельфанд. Политическая биография. М., 1991. С. 259.

налы связи с Россией и потому хорошо осведомленный, направил в МИД Германии меморандум, в котором рассматривались различные варианты участия немецкой стороны в событиях в России. По своему прогностическому характеру этот документ заслуживает быть воспроизведенным полностью:

В связи с русской революцией для определения нашей политики, по моему мнению, имеются две возможности:

Либо мы в состоянии как в военном, так и в экономическом отношении успешно продолжить войну до осени. В этом случае мы непременно теперь же должны искать пути для создания в России возможно большего хаоса. Для достижения этой цели нам следует избегать всякого заметного извне вмешательства в ход русской революции. По моему мнению, нам необходимо, напротив, сделать все возможное, чтобы исподволь и скрытно углубить противоречия между умеренными и крайними партиями, ведь мы наиболее заинтересованы в том, чтобы последние одержали верх, ибо тогда переворот станет неизбежным и обретет формы, которые должны потрясти основы русской империи. Даже если умеренное направление осталось бы у руководства, я не мог бы, честно говоря, поверить в переход к нормальным отношениям без тяжелых конвульсий. Несмотря на это, по моему мнению, в наших интересах оказывать предпочтение крайним элементам, ибо вследствие этого будет проведена более основательная работа и скорейшее завершение дела. По всей вероятности, через какие-нибудь три месяца в России произойдет основательный развал, и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи. Если же мы сейчас преждевременно начнем наступление против России, то тем самым дали бы только стимул всем центробежным силам собраться воедино и, возможно даже, объединить их для борьбы с Германией.

Но если до конца этого года мы не в состоянии продолжить войну с перспективами на успех, то следовало бы попробовать пойти на сближение с находящимися у власти в России умеренными партиями и привести их к убеждению, что если они будут настаивать на продолжении войны, они тем самым будут обеспечивать только интересы Англии, прокладывая путь реакции и, таким образом, сами поставили бы под угрозу завоеванные свободы. В качестве добавочного аргумента следовало бы внушить Миллюкову и Гучкову, что Англия в связи с неустойчивым положением в России могла бы попытаться договориться с нами за ее счет¹¹.

В связи с этим уместно отметить, что П. Н. Миллюков еще 4 марта 1917 г. в телеграмме российским дипломатическим представителям при союзных державах сообщал от имени Временного пра-

¹¹ Хальвег Вернер. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. С. 63.

вительства: «... В области внешней политики кабинет, в котором я принял портфель министра иностранных дел, будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом, верный обещаниям, данным Россией. Мы будем неуклонно укреплять отношения, связующие нас с другими дружескими и союзными нациями, и мы уверены в том, что эти отношения сделаются еще более близкими и прочными при установленном в России новом режиме, который решил руководствоваться демократическими принципами уважения к малым и большим народам, свободы их развития и доброго согласия между народами. Но правительство ни на минуту не забывает о тех тяжелых внешних обстоятельствах, при которых оно принимает власть. Россия не желала войны, являясь жертвой давно задуманного и подготовленного нападения, она будет, как и до сих пор, бороться с завоевательными замыслами хищнической расы, увлеченной мечтой об установлении недопустимой гегемонии над соседними народами и пытавшейся заставить Европу XX в. пережить позор господства прусского милитаризма»¹². В опубликованной 5 марта 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» радиограмме для заграницы говорилось о решимости новой власти «довести войну до победного конца». Эта недвусмысленная позиция Временного правительства была поддержана и «революционной демократией». 11 марта 1917 г. в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» была опубликована редакционная статья «О современной войне», в которой подчеркивалось, что «заключить мир с Вильгельмом мы не можем. До тех пор, пока германские завоеватели угрожают России, продолжение войны неизбежно. Мы можем заключить мир только с германским народом после того, как он заставит свое правительство положить оружие». Наконец, 27 марта 1917 г. за подписью министра — председателя князя Г. Е. Львова — последовала «Декларация Временного правительства о задачах войны», в которой официально заявлялось, что «цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»¹³.

¹²Константинополь и проливы: Сб. документов. М., 1925. С. 466–467.

¹³Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.

Откликаясь на эту декларацию Временного правительства, Германия и Австро-Венгрия выступили с совместным заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Не соответствовало бы ни желанию, ни интересам центральных держав, чтобы русский народ вышел из борьбы униженным или чтобы его жизненные условия были подорваны. Они не намереваются покушаться на честь или свободу русского народа и не имеют другого желания, как жить в согласии и дружбе с убогим соседом. При этом Германия совершенно далека от того, чтобы вмешиваться в новый порядок условий русской жизни или даже в час рождения русской свободы снова угрожать России»¹⁴.

Совсем иначе, в неофициальном порядке, реагировал на декларацию Временного правительства о целях войны рейхсканцлер Германии Бетман-Гольвег, который в секретной телеграмме в германское посольство в Вене весьма скептически оценивал шансы на успех в мирных переговорах с Россией. «Представляется весьма сомнительным, — отмечал Бетман-Гольвег, — что князь Львов даже при самых лучших намерениях окажется в состоянии на основе своего программного заявления вступить с нами в успешные переговоры, в частности, я очень сомневаюсь в связи с вышеприведенным заявлением, что в настоящее время возможно заключение мира без полного восстановления Румынии, Сербии и Черногории»¹⁵. При этом рейхсканцлер ссылался в качестве весомого аргумента на переданную 10 апреля 1917 г. Петроградским телеграфным агентством резолюцию солдатских представителей Петроградского гарнизона, последовавшую как ответ на декларацию Временного правительства. Бетман-Гольвег даже цитировал ту часть резолюции, в которой говорилось о том, что «мирный договор без согласия союзников будет постыдным миром, который угрожает новой свободой России и представляет собой предательство, которое отлучит нас от свободной Англии, республиканской Франции, от Бельгии, Сербии, Черногории и Румынии, которые пошли на большие жертвы ради своих друзей»¹⁶. Поэтому рейхсканцлер рассчитывал в первую очередь на «усиление мирной пропаганды и процесса разложения в России», настоятельно рекомендуя Вене «самым серьезным образом не принимать поспешных решений, не обусловленных поли-

¹⁴ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 167.

¹⁵ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 296.

¹⁶ Там же.

тической ситуацией, без предварительной договоренности с нами и нашими союзниками»¹⁷.

В то время как рейхсканцлер Германии предостерегал от спешных действий Австро-Венгрию, немецкие военные решили взять инициативу в свои руки, не очень считаясь со своими дипломатами. 25 апреля 1917 г. представитель МИД Германии в Ставке Верховного главнокомандования направил рейхсканцлеру Ветман-Гольвегу следующую телефонограмму: «Генерал Людендорф сообщает следующее: События опережают переговоры с представителями Русского фронта. В настоящее время переговоры достигли столь решающей стадии, что тех, кто ведет переговоры с нашей стороны, следует отозвать и дать им, если потребуется, более подробную информацию для передачи русским наших более определенных условий мира. Таким образом, основы для этого могут быть выработаны в результате соглашения между верховным командованием Германии и Австро-Венгрии при участии министров иностранных дел соответствующих стран. Русский фронт находится в состоянии спокойного наблюдения. На изменение этого положения оказывают давление английские агитаторы, допущенные на фронт с согласия Временного правительства, а также наша агитация непосредственно во фронтовых районах. В настоящее время они уравновешивают друг друга. Мы легко можем склонить чашу весов на свою сторону, если сделаем на переговорах конкретные предложения тем русским, которые заинтересованы в мире. Выражая эту точку зрения, я прошу Ваше превосходительство согласовать с Австрией наши условия заключения мира на основе обмена мнениями в Крейцнахе 23.4. Тем временем я посоветую Обосту проинформировать русских о том, что им следует 1) удалить из зоны боевых действий английских и французских агитаторов; 2) направить к нам представителей от отдельных армий, с которыми мы могли бы вести серьезные переговоры». В дополнение к этому 7 мая рейхсканцлер был информирован о поступившем от главнокомандующего восточными армиями генерала Гофмана «Докладе офицера разведки армии Эйхгорна о разговоре с двумя русскими делегатами к югу от Двины». Эти делегаты сообщили офицеру разведки, что «4 мая в Петербург были посланы два курьера с целью заставить приехать на фронт Стеклова, первого заместителя Чхеидзе, поскольку последний не может

¹⁷Там же.

отлучиться из города. Стеклов, по их словам, склонен к компромиссам, и поэтому он считает важным, чтобы наша сторона тоже выслала члена партии. На вопрос, как воспринимается наша пропаганда, депутат ответил, что они не могут согласиться на аннексии. Если немцы с этим согласны, то русским ни к чему подлаживаться под Антанту — они тогда заключат сепаратный мир»¹⁸.

Как полагал позднее А. Ф. Керенский, «из всех этих документов со всей очевидностью вытекает, что Гинденбург, Людендорф, Бетман-Гольвег, Циммерман и даже сам кайзер готовились вести серьезные переговоры о сепаратном мире с теми лицами в Петрограде, которых считали способными навязать стране свою волю. Генерал Гофман, который, по сути дела, осуществлял командование Восточным фронтом, отнесся к приказу отправиться с Эрцбергером в Стокгольм для получения соответствующих инструкций столь скептически, что в своей книге «Война упущенных возможностей» приходит к абсурдному выводу, что «Керенский посылает нам своих людей будто бы для ведения мирных переговоров, чтобы усыпить бдительность германских военных властей и тем самым подготовить наступление русских армий». Однако люди, создавшие генеральный план (к этой группе генерал Гофман не относился), заранее знали, кто подпишет договор о перемирии или мире — Ленин»¹⁹. Как мне все же представляется, здесь бывший глава Временного правительства исходил уже из конечного результата и явно мыслил за своих противников, а их желание иметь дело с Лениным выдал за состоявшуюся тайную договоренность.

Опубликованные документы МИД Германии показывают, что немецкая сторона серьезно отнеслась к возможности переговоров о сепаратном мире с Россией и разработала секретную директиву на их проведение. В телеграмме генералу Людендорфу от 7 мая 1917 г. рейхсканцлер Бетман-Гольвег и статс-секретарь МИД Циммерман, согласившись с назначением полковника фон Винтерфельдта главой на переговорах с русскими представителями, выразили мнение, что целью этих переговоров должны стать урегулирование торговых отношений и вопрос о возмещении убытков. Что же касалось вопроса о территориальных претензиях, то опытные дипломаты, «чтобы избежать в общении с русскими употребления слова “ан-

¹⁸ Там же. С. 309–310.

¹⁹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 175.

нексия" и равно неприятного им выражения "исправления границ")», предлагали «позолотить для русских отказ от Курляндии и Литвы, сделав из них якобы самостоятельные государства, которые получают внутреннюю автономию и собственное управление, но в военном, политическом и экономическом отношении будут присоединены к нам»²⁰.

9 мая 1917 г. генерал Людендорф телеграфировал из Ставки Верховного главнокомандования командующему Восточным фронтом генералу Гофману о том, что «предложение русских вести переговоры со Стекловым принято». Содержавшееся ниже предложение об установлении в месте переговоров телеграфной связи «для сообщения обеих сторон с их правительствами»²¹ исключает возможность предположения о том, что речь могла идти о переговорах с представителями радикальной оппозиции. К тому же нет серьезных оснований считать, что за спиной Стеклова мог стоять Ленин, который в это время нещадно критиковал первого как одного из идеологов «революционного оборончества» и как раз за склонность к компромиссам и соглашательству. К тому же А. Ф. Керенский «забыл», что не Ленин, а Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов получил 23 мая 1917 г. именно от генерала Гофмана радиотелеграмму, в которой говорилось, что Германия изъявляет готовность идти навстречу желанию Совета рабочих и солдатских депутатов в вопросе о мире и требует лишь одного: «Пусть Россия откажется от требования публичного объявления германских условий и пусть она ведет переговоры с немцами в тайне». 25 мая эта радиограмма попала в печать, и Исполком Петроградского Совета был вынужден ответить на «провокацию» германского Генерального штаба и обратился по этому поводу с воззванием к солдатам. «Германский генерал забыл о том, что русские войска знают, куда уведены с нашего фронта германские дивизии и тяжелые батареи, — отмечалось в опубликованном 26 мая в «Известиях Петроградского Совета» воззвании. — Он забыл о том, что до России доносится шум кровавых боев на английском фронте и на французском. Он забыл о том, что Россия знает, что разгром союзников будет началом разгрома ее армии и повлечет за собою гибель революции, гибель свободы и гибель России». Выдержанное в духе «революционного

²⁰Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 342.

²¹Там же. С. 313.

оборончества» воззвание заканчивалось призывом: «Пусть армия своею стойкостью придаст мощь голосу русской демократии как перед союзными, так и перед воюющими с Россией странами. На провокацию германского Генерального штаба возможен лишь один достойный ответ: Теснее сомкнитесь вокруг знамени революции, удвойте энергию в дружной работе над воссозданием боевой мощи России для защиты ее свободы, для борьбы за всеобщий мир».

В этих условиях решил подать свой голос и Временный комитет Государственной думы. В принятой по его предложению на частном совещании членов Государственной думы резолюции говорилось: «... Заключение сепаратного мира с Германией или фактического с ней перемирия, отказ России от борьбы как раз в то время, когда другие державы делают самоотверженные усилия для того, чтобы эту борьбу закончить, явится низким предательством по отношению к союзникам, предательством, которого, конечно, потомство не простит нашему поколению, его совершившему»²².

Хотя дальнейшего развития событий не последовало, и никаких переговоров со Стекловым не состоялось, интересно познакомиться с теми условиями, которые поручалось обсудить представителям германской стороны. Они включали урегулирование торговых отношений и поставку зерна Германии по льготным ценам, урегулирование возмещения убытков, прекращение конфискации частной собственности немцев в России и возмещение убытков от этой конфискации, обмен гражданскими пленными, отказ России от Курляндии и Литвы (в противном случае к России будет предъявлено требование о денежном возмещении за военнопленных численностью более 1 млн человек). Последнее условие было сформулировано в категоричной форме: «Вопрос о созыве всеобщей мирной конференции не подлежит обсуждению, Германия и Россия скорее договорятся друг с другом»²³.

Как известно, вопрос о созыве в Стокгольме международной конференции возник еще в марте 1917 г. Инициатором этой конференции выступил Объединенный комитет рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции, от имени которого в Россию во второй половине апреля приехал датский социал-демократ Боргбьерг, чтобы пригласить ее социалистические партии участвовать в конфе-

²²Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. 120.

²³Там же. С. 314.

ренции. Выступая 23 апреля 1917 г. на заседании Исполкома Петроградского Совета, Боргбьерг откровенно заявил, что германское правительство согласится на те условия мира, которые предложит германская социал-демократия на социалистической конференции. И здесь вождь большевиков реагировал совсем не так, как если бы следовал директиве своих «немецких патронов». Выступая на Всероссийской апрельской конференции своей партии, он сказал, что «за всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма», а относительно условий германской социал-демократии заметил: «Тут не может быть и тени сомнения, что это предложение немецкого правительства, которое не делает таких шагов прямо...»²⁴. Боргбьерг был заклеен большевиками как «агент германского империализма», а международная социалистическая конференция в Стокгольме по многим причинам так и не состоялась, и не в последнюю очередь из-за занятой Лениным позиции. Можно спорить, было ли это выгодно Германии», положение которой большевистский лидер назвал «самым отчаянным», утверждая при этом, что «страна накануне гибели»²⁵.

Не питая особых иллюзий относительно возможностей международной социалистической конференции, политическое руководство Германии предполагало, тем не менее, использовать ее в своих целях. В Стокгольм был направлен с секретной миссией Парвус, о приезде которого туда информировал 9 мая 1917 г. свое доверенное лицо статс-секретарь иностранных дел Циммерман. Подчеркивая, что доктор Гельфанд приезжает в Стокгольм, «чтобы работать в наших интересах на социалистическом конгрессе», он просил оказывать ему всяческое содействие²⁶. Как видно, не так уж был не прав Ленин, называя намеченную конференцию «комедией с переодеванием». «Бетман-Гольвег едет к Вильгельму, Вильгельм призывает Шейдемана, Шейдеман едет в Данию, — говорил он, — а в результате — Боргбьерг едет в Россию с условиями мира»²⁷.

Таким образом, попытка правящих кругов Германии начать переговоры о сепаратном мире с представителями Советов в обход Временного правительства и решить их судьбу с позиции силы за-

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 365.

²⁵ Там же. С. 366.

²⁶ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 316.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 369.

кончились полной неудачей. В связи с этим немецкий посланник в Берне фон Ромберг, глубоко вовлеченный в ход этих событий, решается дать совет рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу в форме изложения мнения немецкого социал-демократа Адольфа Мюллера, тесно сотрудничавшего с Парвусом. «На основе добросовестнейшего изучения положения дел, — писал Ромберг 13 мая 1917 г., — он пришел к горькому убеждению, что мир с Россией может быть достигнут лишь при несомненном отказе от аннексий и контрибуций. Без этой предпосылки отдаление России от ее союзников исключено. Но если такой отказ произойдет, то можно было бы почти гарантировать, что вскоре был бы заключен сепаратный мир с русскими»²⁸. Но рейхсканцлер не отреагировал на этот совет, полагаясь, видимо, на другие и не столь дорогие способы достижения сепаратного мира с Россией.

Одним из таких способов было активное продолжение операции по высадке «десанта» русских революционеров-эмигрантов, противников войны. Тем более, что после удачного проезда Ленина, которого восторженно встретили в Петрограде, теперь к германским властям начинают обращаться все новые и новые группы эмигрантов с просьбой разрешить им проезд через Германию на тех же условиях, что были предоставлены ленинской группе. 24 апреля 1917 г. фон Ромберг сообщает в МИД Германии, что находящиеся в Швейцарии «200 эмигрантов поехали бы незамедлительно, громадное большинство которых явные сторонники мира»²⁹. 26 апреля Верховный судья Швейцарии Цграген от имени Комитета по возвращению на родину русских эмигрантов официально обращается к фон Ромбергу с просьбой оказать содействие эмигрантам в получении разрешения на проезд через Германию на тех же условиях, которые были определены для Ленина и его группы³⁰. 27 апреля фон Ромберг информирует МИД Германии о том, что Комитет по возвращению на родину русских эмигрантов обратился к нему через посредство швейцарских социал-демократов с просьбой получить «немедленное разрешение» на проезд через Германию для группы видных русских социалистов — Мартова, Мартынова, Аксельрода, Семковского и Астрова. «Они — несомненные приверженцы немедленного заключения мира, наиболее известные

²⁸ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 72.

²⁹ Там же. С. 120.

³⁰ Там же. С. 123.

здесь после Ленина революционеры»,³¹ — писал фон Ромберг. Он также сообщал, что Комитет по возвращению на родину русских эмигрантов, после того как все его усилия получить от Временного правительства гарантию на проезд через страны Антанты остались безрезультатными, «решил отбросить все соображения и сомнения, связанные с компрометацией»³². Как сообщал 4 мая в МИД Германии его представитель при Главной ставке барон фон Грюнау, «Верховное главнокомандование заявило о своем согласии на проезд пяти русских революционеров»³³. Лидеру меньшевиков-интернационалистов Мартову вместе со своими соратниками пришлось все-таки вернуться тем же путем, что и Ленину, которого он первоначально осудил за рискованное решение ехать через Германию.

Русские эмигранты в Швейцарии с выгодой используют соперничество ведущих войну государств: Антанта в ответ на удачную акцию с «ленинским вагоном» предлагает в свою очередь проезд русским эмигрантам через свою территорию. «Теперь, когда Англия разрешает проезд всем, осторожность повелевает, чтобы Германия не растеряла завоеванных симпатий, — мотивируют свое обращение к немецкой стороне представители Комитета по возвращению русских эмигрантов в Швейцарии. — В этих целях необходимо, чтобы Германия и теперь действовала так же, то есть разрешала бы проезд каждому, кто бы об этом ни ходатайствовал»³⁴.

Но Верховное командование Германии было не согласно с такой постановкой вопроса, о чем статс-секретарь МИД Циммерман информирует немецкого посланника в Берне. В направленной фон Ромбергу 26 апреля 1917 г. шифрованной телеграмме говорилось:

Информация для Вашего превосходительства:

Представитель при Главной ставке телеграфирует: «В разговоре с генералом Людendorфом я установил, что он был бы согласен с тем, если Ваше превосходительство имело бы в виду, чтобы русских беженцев, возвращающихся из-за границы домой, которые до сих пор направлялись через Стокгольм, пропустить через наши линии фронта, с тем чтобы они непосредственно в армии вели пропаганду за мир. В этих целях с военной стороны им были бы открыты пути настолько широко, в какой это окажется возможным, и их пропустили бы только там, где с русской стороны было

³¹ Там же. С. 124.

³² Там же.

³³ Там же. С. 135.

³⁴ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 51.

бы дано согласие пропустить их незаметно, без огласки. Но, разумеется, никакой гарантии брать на себя невозможно, соответствующие лица действовали бы лишь при условии собственной ответственности, и они сами должны обеспечить себе путь к отступлению. Если все же кто-то из беженцев окажется готовым на это, то такая попытка могла бы быть предпринята. Циммерман³⁵.

Представитель МИД Германии при Главной ставке барон фон Лернер с готовностью поддержал циничное предложение генерала Людендорфа переправить эмигрантов через Германию до германского Восточного фронта, чтобы разрешить им переход на позиции русских войск. «Разумеется, — писал он в МИД Германии, — при переходе наших позиций не может быть обещана безопасность, хотя, естественно, участки перехода были бы выбраны так, чтобы в нашем смысле они оценивались как безопасные»³⁶. Статс-секретарь МИД Германии также безоговорочно поддержал предложение генерала Людендорфа и своего коллеги при Главной ставке³⁷.

1 мая 1917 г. военный атташе немецкого посольства в Берне фон Бисмарк доводит до сведения своего шефа фон Ромберга, что, как явствует из полученной им из Главной ставки телеграммы, генерал Людендорф еще раз подтвердил, что «только те из русских будут пропущены через Германию, кто не настроен к немцам явно враждебно». Военный атташе заверил Людендорфа, что «в путь двинутся только такие русские, которые станут добиваться мира»³⁸. Накануне отправки второго эшелона с русскими эмигрантами помощник статс-секретаря МИД Германии фон Штумм обращается к фон Ромбергу с просьбой «через подходящих лиц, которые могли бы стать посредниками, чтобы возвращающихся в Россию эмигрантов навести на мысль потребовать от русского правительства опубликования военно-политических соглашений, которые до войны были заключены бывшим режимом России с Францией и Англией»³⁹.

13 мая 1917 г. второй поезд с русскими эмигрантами общим числом до 250 человек проследовал через Германию тем же маршрутом, что и первый. Сопровождавший и на этот раз поезд капитан

³⁵ Там же. С. 125.

³⁶ Там же. С. 129.

³⁷ Там же. С. 133.

³⁸ Там же. С. 131–132.

³⁹ Там же. С. 141.

фон дер Планиц в своем отчете писал, что «и на этот раз эмигранты выразили категорическое желание оплату проездных билетов, багажа и услуги взять на себя. . . Едущие везли с собой большие запасы продуктов, поэтому только в Оффенбурге и Заснице был заказан суп, а в Гейдельберге — кофе. . .»⁴⁰. Педантичный капитан также отметил, что «настроение едущих было очень хорошим, совершенно противоположным тому, какое царило во время первого транспорта; тогда царила почти торжественная и явная сдержанность. . . многие заводили разговоры, содержание которых было большей частью о том, что они сторонники Ленина и хотят принести освобождение своей родине»⁴¹. Третий по счету, он же и последний, поезд с русскими эмигрантами в количестве 200 человек проехал через Германию 25 июня 1917 г. Хотя среди пассажиров последнего поезда видных политических деятелей уже не было, но, как отмечалось в отчете, «все же среди них были активные и опытные организаторы и писатели»⁴².

По данным В. Л. Бурцева, всего через Германию вернулись в Россию 159 политических эмигрантов (не считая членов их семей) — большевиков, меньшевиков, социалистов-революционеров и представителей других политических партий. Наряду с Лениным и Зиновьевым таким же образом вернулись Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), Мартынов (С. Ю. Пикер), Д. Б. Рязанов (Гольдендах), Ф. Я. Кон, М. А. Натансон, А. М. Устинов, А. И. Балабанова и др. Все они, по мнению Бурцева, были «вольные или невольные агенты Вильгельма»⁴³. По свидетельству ответственных сотрудников МИД Временного правительства, «абсолютно никакого контроля за въездом в Россию эмигрантов на самом деле не существовало. Не только дефетисты (пораженцы. — Г. С.) из русских эмигрантов, но и прямые агенты германского Генерального штаба могли при такой постановке попасть в Россию»⁴⁴.

Как уже было показано выше, Германия была крайне заинтересована в том, чтобы в Россию вернулось как можно больше противников продолжения войны. Об этом прямо писал и немецкий

⁴⁰ Там же. С. 145.

⁴¹ Там же. С. 146.

⁴² Там же. С. 153.

⁴³ Общее дело. 1917. 14 и 16 окт.

⁴⁴ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. М., 1993. С. 304.

посланник в Берне фон Ромберг рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу 30 апреля 1917 г., предлагая «путем пополнения из-за границы умножить число безусловных друзей мира» в России. Ссылаясь на состоявшуюся беседу с швейцарским социалистом Ф. Платтенем, сопровождавшим «ленинский вагон», Ромберг сообщал, что и в Германии находится определенная часть русских революционеров, которых можно было бы отправить в Россию. Ставя перед канцлером вопрос о возможности материальной поддержки таких эмигрантов, «не оскорбляя их достоинства», Ромберг одновременно хотел выяснить, не оказывается ли революционерам финансовая помощь каким-либо другим образом⁴⁵. Возглавляемая Ромбергом германская миссия в Берне продолжала быть важным центром получения информации как об оставшихся еще в Швейцарии русских социалистах, так и о том, что происходило в России. Ключевую роль в контактах с русскими политэмигрантами играл швейцарский социал-демократ Карл Моор, немец по национальности, обосновавшийся с 1889 г. в Берне, где он возглавлял главный орган швейцарских социал-демократов газету «Бернер Тагвахт» и входил в городской совет и кантональный парламент как представитель социалистического рабочего движения. Еще в 1904 г. Моор познакомился на социалистическом конгрессе в Амстердаме с Лениным, взгляды которого он воспринял с симпатией. Как теперь установлено, Моор действительно был тайным агентом Германии под псевдонимом «Байер». Он часто встречался с различными группами русских политэмигрантов и регулярно отправлял донесения о своих беседах с ними, будь то видный большевик и соратник Ленина Г. Л. Шкловский или один из лидеров меньшевиков П. Б. Аксельрод. В одном из своих донесений, датированном 4 мая 1917 г., «Байер» сообщал, что он «прозондировал ряд представителей различных групп пацифистского крыла социалистов и они сказали, что было бы весьма желательно, чтобы систематическая, интенсивная и эффективная агитация в пользу мира поддерживалась бы кем-нибудь из хорошо известных нейтральных товарищей. После того, как они высказали явную, и я бы сказал, радостную готовность принять финансовую поддержку именно для работы в пользу мира, я сказал, что со своей стороны, был бы счастлив предоставить значительную сумму для

⁴⁵ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 130.

такой благородной, гуманной и интернациональной цели»⁴⁶. Отмечая, что его предложения были приняты собеседниками «с большим удовлетворением», агент указывал на побуждавшие их к этому мотивы — противники войны не имеют таких материальных возможностей вести свою разъяснительную работу в таких масштабах, как это делают сторонники войны, в поддержке которых «важную роль играет английское золото», — и «Антанта расходует колоссальные средства для поддержки военных усилий и подкупа влиятельных лиц». В заключение «Байер» предлагал выработанные им условия оказания финансовой поддержки русских политэмигрантов: 1. Личность жертвователя гарантирует, что деньги идут из не вызывающего подозрения источника. 2. Жертвователю или посреднику должен быть обеспечен въезд в Россию с этими деньгами. 3. В целях немедленной реализации выделенных финансовых средств необходимо иметь их в виде наличных денег, и наиболее подходящей формой здесь была бы швейцарская валюта⁴⁷. Далее мы увидим, как осуществлял эти принципы на практике сам К. Моор.

Еще одним «нейтральным лицом», работавшим на Германию, был видный швейцарский социал-демократ и председатель Интернациональной социалистической комиссии Роберт Гримм, к которому в марте 1917 г. первоначально обратился Ленин за официальным содействием в возможном проезде через Германию, но затем отказался, поручив это Ф. Платтену. Приехав в мае 1917 г. в Петроград при активном содействии германских властей, Гримм зондировал возможность заключения сепаратного мира между Россией и Германией. В телеграмме от 29 мая, адресованной члену правительства государственному Советнику Швейцарии Гофману и предназначенной для немецкой стороны, он сообщал: «Влиятельные круги в Петербурге понимают, что по причинам политического, военного и экономического характера нужно заключить мир. Франция тормозит этот процесс, Англия — препятствует ему. В ближайшее время следует рассчитывать на усиление давления на мирное движение. Развитию дел в России в сторону мира может помешать лишь наступление Германии. Поэтому он, Гримм, просит советника Гофмана, сообщить ему наши военные цели (если Гофману они известны), чтобы он мог продолжать свою деятельность в Петербурге на ос-

⁴⁶Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 314.

⁴⁷Там же. С. 315.

нове этих данных»⁴⁸. Однако секретная переписка Гримма была раскрыта русской контрразведкой, и он был выслан из России как агент германского правительства.

Политическим и военным кругам Германии оставалось только надеяться, что с помощью вернувшихся в Россию революционеро-эмигрантов события примут для них благоприятный характер, и они смогут достигнуть своей цели — заключить сепаратный мир.

2. «Мирная пропаганда ленинцев»

2 мая 1917 г. рейхсканцлер Германии фон Бетман-Гольвег получил доставленное фельдъегерем совершенно секретное сообщение немецкого посланника в Берне фон Ромберга. Главной темой этого сообщения была конфиденциальная информация о состоявшейся 30 апреля 1917 г. беседе немецкого посланника с Ф. Платтенем, выразившим от имени Ленина и его сторонников благодарность «за проявленную к ним предупредительность». Платтен также сообщил Ромбергу, что Ленину и его спутникам при возвращении в Петроград была устроена восторженная встреча. «Вполне можно сказать, что за Лениным три четверти петербургских рабочих. Труднее пропаганда среди солдат, ибо в их среде еще очень распространено мнение, что мы намереваемся напасть на русскую армию. Еще совсем не ясно, какое примет развитие революция»⁴⁹. И в самом деле, вопрос об отношении к продолжавшейся войне со всей неизбежностью встал в сознании рабочих и солдат и прежде всего в Петрограде, в котором решилась судьба царизма. Еще 1 марта 1917 г. представители воинских частей столичного гарнизона, присутствуя на заседании Петроградского Совета, заявили о нежелании солдат продолжать войну. Делегат от автомобильной части Красного Креста предложил даже на этом заседании «заключить мир с народами, а не с правительствами»⁵⁰. По признанию одного из лидеров меньшевиков И. Г. Церетели, солдатская масса после Февральской революции «жадно ловила слова о мире, о таком мире, который бы избавил бы их и от угрозы порабощения, и от необходимости вое-

⁴⁸ Там же. С. 320.

⁴⁹ Хальвег Вернер. Указ. соч. С. 130.

⁵⁰ См. об этом: *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 109–115.

вать. Здесь они видели просвет из сумерек окопной жизни, просвет, который они инстинктивно искали в революции»⁵¹.

Временный выход из кризисной ситуации был найден на платформе «революционного оборончества», основополагающим документом которого стал манифест «К народам всего мира». Исполком Петроградского Совета обратился к солдатам столичного гарнизона «заменить неясный и допускающий много толкований лозунг “Война до победы!” другим, более точно и верно выражающим нашу мысль и нашу волю: “Война за свободу!”». Лозунг этот был настолько привлекателен для солдатских масс, что они сразу же откликнулись на него, приняли его за новое, более правильное выражение своих интересов. На проходивших во второй половине марта 1917 г. манифестациях запасных батальонов Преображенского, Семеновского, Петроградского, Измайловского, Егерского, Кексгольмского полков преобладали лозунги «Война за свободу!», «Война для обороны!», «Ни одной пяди родной земли!», «Ни завоеваний, ни контрибуций!», «Германский народ, следуй нашему примеру в борьбе с твоим правительством!». 17 марта 4-я самокатная рота приняла на своем собрании решение «войну продолжать, усиливать и укреплять армию не для захватных намерений, а с целью защиты добытых демократией прав и свобод... Объявить всем странам, что Россия ведет войну не с завоевательной целью, а с оборонительной»⁵².

Понимание солдатами прямой связи войны с природой власти было тем труднее, что Временное правительство, по-прежнему выступая за продолжение войны, теперь изменило тактику. В декларации от 27 марта оно заявило, что «свободная Россия» не преследует никаких захватнических целей. Заявление, одобренное эсеро-меньшевистским Исполкомом Петроградского Совета, создавало у значительной части солдат иллюзию, будто с этого времени характер войны действительно изменился. В целом ряде воинских частей гарнизона столицы на общих собраниях были приняты приветствия в адрес Временного правительства за его «отказ от завоевательных целей»⁵³.

Манифест Петроградского Совета «К народам всего мира» стал

⁵¹ *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Париж, 1963. С. 42.

⁵² Известия Петроградского Совета. 1917. 19 марта.

⁵³ Там же. 2 апр.

идеологическим обоснованием необходимости посылки на фронт маршевых рот из состава запасных частей столичного гарнизона. 14 марта, в день обсуждения манифеста в Совете, на фронт направилась маршевая рота волынцев во главе с одним из героев февральского восстания Т. И. Кирпичниковым. На следующий день солдатская секция Петроградского Совета принимает резолюцию об отправке на фронт «в случае необходимости» маршевых рот. 27 марта этот вопрос обсуждался на пленарном заседании Совета, который принял решение о том, что столичный гарнизон по мере поступления запросов с фронта выделяет из своего состава маршевые роты каждый раз с ведома Исполкома⁵⁴.

Отношение к продолжающейся войне стало первым и главным положением Апрельских тезисов, с которыми Ленин выступил на следующий день после приезда в Петроград на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце. Констатируя, что широкие слои рабочих и солдат занимают позиции «революционного оборончества», он призывал терпеливо и настойчиво разъяснять им, что кончить войну истинно демократическим миром нельзя без свержения капитала. «Войну можно кончить лишь при полном разрыве с международным капиталом, — убеждал Ленин своих товарищей по партии. — Порвать с международным капиталом — нелегкая вещь, но и нелегкая вещь — закончить войну. Ребячество, наивность предполагать прекращение войны одной стороной. . . ». Столь же решительно вождь большевиков выступил и против «доверчиво-бессознательного» отношения масс к новой власти. Никакой поддержки Временному правительству! — требовал он и был готов даже остаться пока в меньшинстве: «Один как Либкнехт, один против 110»⁵⁵. Напечатанные тогда в «Правде» Апрельские тезисы, как известно, вызвали ожесточенную полемику и критику не только со стороны политических противников Ленина, но и в самом руководстве большевиков⁵⁶. Вместе с тем российская общественность получила возможность познакомиться с радикальными взглядами вождя большевиков из первоисточника.

⁵⁴ Там же. 27 авг.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 103–112.

⁵⁶ См.: *Соболев Г. Л.* Апрельские тезисы В. И. Ленина на заседании Петербургского комитета большевиков 8 апреля 1917 г. // Леонид Михайлович Спин. Памяти историка, друга, коллеги. Казань, 2007. С. 159–168.

Однако прежде чем пропагандировать свои взгляды и агитировать за свою программу действий, Ленину предстояло сначала реабилитировать себя в глазах общественного мнения за проезд через Германию. Разумеется, политические оппоненты Ленина не упустили шанса начать в прессе кампанию по его дискредитации. «Приехал из Германии? Мир привез? А почему продает — не слышали?» — такие вопросы задавала не одна «Петроградская газета»⁵⁷. Предвидя такое развитие событий, Ленин, как уже отмечалось, составил «Протокол о поездке», который был утвержден всеми отъезжавшими и засвидетельствован швейцарскими, немецкими и французскими социалистами; еще в Стокгольме он передает коммюнике — «Проезд русских революционеров через Германию» газете «Politiken», оно появилось еще до его возвращения в Россию. Показательно, что получив текст коммюнике через Петроградское телеграфное агентство, орган ЦК кадетской партии «Речь» и орган социалистической мысли «День» напечатали его 5 апреля 1917 г. без последнего абзаца, содержавшего одобрение действий русских эмигрантов со стороны представителей левых социалистов Франции, Германии, Швеции и Швейцарии.

4 апреля Исполком Петроградского Совета обсуждал на своем заседании вопрос о проезде политических эмигрантов через Германию, и Ленин выступил на нем с сообщением, предложив принять резолюцию, одобряющую обмен политических эмигрантов на интернированных в России немецких и австрийских подданных. «Никаких споров и недоразумений в Исполнительном комитете на этот счет не возникло, — вспоминал Н. Н. Суханов. — Несмотря ни на отношение к Ленину, ни на отношение к факту его проезда через Германию, ему было тут же заявлено, что шаги в желательном ему направлении будут немедленно приняты. Это была, конечно, не только услуга Ленину и его партии: это был акт необходимого отпора грязной политической игре, уже начатой клеветнической кампании против одной из фракций социализма в Совете. . . Ленин же, убедившись в том, что эта услуга ему обеспечена, что отпор буржуазной травле рассматривается в советских сферах не только как услуга его партии, но и политический акт, отбыл из Исполнительного комитета, чтобы больше никогда не появляться там. . . »⁵⁸.

⁵⁷ Петроградская газета. 1917. 11 апр.

⁵⁸ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 18.

Учитывая тот очевидный факт, что «революционное оборончество» победило «кругом», Ленин решил воспользоваться еще благоприятной обстановкой для агитации за свою «мирную программу» и вынести ее на обсуждение «проснувшихся и потянувшихся к политике» широких народных масс. В апреле 1917 г. он придавал особое значение разъяснительной работе непосредственно в солдатских казармах. По решению Военной организации большевиков в части Петроградского гарнизона наряду с питерскими рабочими было направлено около 200 большевистских агитаторов из Кронштадта⁵⁹. Стремясь создать перелом в настроении солдатских масс, Ленин сам неоднократно выступал в частях столичного гарнизона. Первое его выступление состоялось 10 апреля в запасном батальоне Измайловского полка, эсеро-меньшевистский комитет которого незадолго перед этим высказался против ленинской программы и настраивал соответствующим образом солдат. Вот почему Ленин решил выступить перед измайловцами сам. В Измайловский манеж, где обычно проходили митинги запасного батальона Измайловского полка, выступление вождя большевиков пришли послушать также солдаты 2-й гвардейской артиллерийской бригады и запасного батальона Петроградского полка, располагавшегося по соседству. Свою речь он посвятил вопросу о государственной власти — главному вопросу революции. Отметив стремление буржуазной власти сохранить старые порядки, ее неспособность решить основные требования масс, он убедительно показал необходимость перехода власти к Советам. При этом, учитывая, что большинство солдат — крестьяне, одетые в шинели, он подчеркнул, что «только такая власть, только сами Советы солдатских и крестьянских депутатов могут, не в интересах помещиков и не по-чиновнически, решить великий вопрос о земле». Ленин призывал солдат к организации и сплочению, «никому не доверяя, полагаясь только на свой ум, на свой опыт», бороться за переход власти в руки Советов. Только таким путем, подчеркивал вождь большевиков, можно добиться демократического мира, которого так жаждут трудящиеся массы⁶⁰.

15 апреля Ленин выступил на митинге солдат броневого автомобильного дивизиона в Михайловском манеже. «Большевистски настроенные солдаты, — вспоминал присутствовавший на этом ми-

⁵⁹ *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 104–105.

⁶⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 188–189.

тингге агитатор Военной организации большевиков Н. М. Анцелович, — встретили Ленина бурными аплодисментами и возгласами. Офицеры и их подголоски в солдатской среде — негромкими, но ироническими возгласами. Большая часть солдат как-то напряженно молчала. Все это отражало общее настроение солдатской массы в броневых частях»⁶¹. Но вот В. И. Ленин начал свою речь, и в огромном манеже, вместившем около 3 тыс. солдат, наступила тишина. Без каких-либо вступлений Ленин стал говорить о том, что сильно волновало солдатские умы, — об обвинениях большевиков в подкупе немцами, измене родине и свободе. Разоблачая эту клевету, он показал солдатам, что в распространении злостных слухов заинтересована буржуазия, которая стремится продолжать захватническую войну. В. И. Ленин подробно остановился на причинах и целях этой войны, раскрыл всю незаинтересованность в ней рабочих и крестьян, дал характеристику деятельности буржуазного Временного правительства и органа власти рабочих и крестьян — Советов, призвал всячески поддерживать и помогать последнему — «единственно законному правительству»⁶².

17 апреля на заседании батальонного комитета Московского полка было решено послать делегатов к В. И. Ленину «с поручением ознакомиться с ним как с личностью, узнать его программу». Когда же 20 апреля представители командного состава в присутствии значительной группы солдат-москвичей попытались на заседании батальонного комитета дискредитировать ленинские взгляды по вопросам войны, мира и власти, то эта попытка была решительно отвергнута большинством членов батальонного комитета⁶³. С этого времени авторитет В. И. Ленина и большевиков в запасном батальоне Московского полка стал постоянно расти, а споры между сторонниками и противниками ленинских взглядов приобрели особенно острый характер. Наиболее революционно настроенные солдаты с кулаками бросались на тех, кто оскорбительно отзывался о В. И. Ленине, а злостных распространителей слухов даже сажали на гауптвахту. «Это нам всегда удавалось на Выборгской стороне, — вспоминал служивший в запасном батальоне Московского

⁶¹ Великая Октябрьская социалистическая революция: Воспоминания участников. М., 1957. С. 34.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 269.

⁶³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1343. Оп. 10. Д. 3883. Л. 9 и об.

полка И. И. Козлов. — Но на Невском победы одерживать мы еще не могли — здесь был другой класс»⁶⁴.

Командование Петроградского военного округа пыталось бороться с распространением ленинских идей, обязав офицеров проводить с солдатами беседы, разъясняющие «вредность» пропаганды большевиков. Однако «разъяснительные» беседы содействовали критическому отношению солдат к действительности. Когда во время подобной беседы в одной из рот запасного батальона Павловского полка офицер стал оскорбительно говорить о В. И. Ленине, один из солдат заявил: «Скажите, господин прапорщик, что сделал вам плохого Ленин? Он, кроме блага и добра, ничего не желает русскому народу». Во время таких «разъяснительных» бесед со стороны солдат все чаще и чаще стали раздаваться вопросы: «Почему нами правят буржуи? Почему они воюют?» и др.⁶⁵ 19 апреля солдаты минно-подрывной роты электротехнического батальона после продолжительного обсуждения на своем митинге приняли резолюцию, которая показывала, что солдаты начинают подходить к буржуазной пропаганде с классовых позиций. «Натравливанием на отдельные личности, как на тов. Ленина, так и на других руководителей русской демократии, — говорилось в резолюции, — буржуазия опять-таки старается расстроить наши железные ряды. Но и это им не удастся». В целях пресечения распространения всяких слухов солдаты постановили бойкотировать все буржуазные газеты⁶⁶.

Начало осознания солдатскими массами внутреннего конфликта политического опыта с их иллюзиями и заблуждениями привело к росту антивоенных настроений, к подрыву позиций «революционного оборончества», которые в марте казались незыблемыми. Носителями антивоенных настроений в Петроградском гарнизоне выступали в первую очередь старослужащие, прошедшие школу революционной подготовки в столице и участвовавшие вместе с рабочими в свержении царизма. Значительную часть старослужащих, как указывалось выше, составляли так называемые эвакуированные, роты которых имелись в составе каждого запасного батальона гвардейской и армейской пехоты. Побывав уже на фронте, они были особенно восприимчивы к антивоенной пропаганде и агита-

⁶⁴Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 172. Л. 8.

⁶⁵*Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон... С. 120–121.

⁶⁶Известия Петроградского Совета. 1917. 25 апр.

ции. Именно поэтому Временное правительство пыталось вывести из столицы прежде всего данную категорию солдат. На протяжении всего 1917 г. соотношение между старослужащими и молодыми солдатами в Петроградском гарнизоне менялось в пользу последних.

Начиная с апреля 1917 г. солдатские массы все чаще вступают в конфликт со своими комитетами, большинство которых еще стояло на эсеро-меньшевистской позиции Исполкома Совета. 8 апреля общее собрание солдат запасного батальона Московского полка высказалось против отправки на фронт маршевых рот, против распыления Петроградского гарнизона, без которого, как отмечалось в резолюции, Совет рабочих и солдатских депутатов не способен отстоять завоеванные свободы. В резолюции предлагалось не выделять из батальона в маршевые роты «ни одной боевой единицы». Комитет запасного батальона Московского полка, активно участвовавший в отправке на фронт маршевых рот, был вынужден признать, что, приняв такую резолюцию, общее собрание выразило тем самым комитету недоверие, и потому заявил о сложении своих полномочий. Резолюцию против вывода из Петрограда революционных войск принимает в апреле 1917 г. общее собрание 1-го пулеметного полка⁶⁷.

В многочисленных письмах, направляемых в Петроградский Совет, солдаты объясняют, почему нельзя выводить войска из столицы. «Если всех нас отправят на фронт, — писал в одном из них ефрейтор запасного батальона Павловского полка А. Жуков, — то буржуазия легко справится с нами и победит нашу дорогую свободу». Письмо кончалось словами: «Хочу держать завоеванную свободу до последней капли крови»⁶⁸. 17 апреля общее собрание мастерских броневое автомобильного дивизиона приняло резолюцию о своем полном подчинении Совету рабочих и солдатских депутатов и дивизионному комитету «во всем, кроме политических убеждений». Собрание выразило уверенность в том, что «дивизионный комитет ни в коем случае не может и не захочет ограничить политические убеждения свободных граждан»⁶⁹. Чем сильнее убеждались солдаты в губительности политики, проводимой руководством эсеров

⁶⁷ Правда. 1917. 14 апр.

⁶⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 6276. Оп. 289. Д. 126. Л. 80.

⁶⁹ Там же. Л. 86–87.

и меньшевиков через своих представителей в комитетах, тем решительнее выступали против этой политики, за переизбрание подобных комитетов, за их большевизацию. Встревоженное участвовавшими случаями переизбрания комитетов в воинских частях Петроградского гарнизона эсеро-меньшевистское руководство солдатской секции призвало прибегать к перевыборам «только в самых важных случаях, когда солдаты видят, что иным способом невозможно достигнуть правильной деятельности комитета»⁷⁰.

В антивоенной пропаганде и агитации большевиков особую роль играла печать. В первое время после революции солдаты ловили каждый печатный клочок бумаги, гонялись за газетами, с живейшим интересом обсуждали прочитанное, черпали в прессе руководящие начала по самому жгучему для них вопросу — отношение к войне. Это лучше других поняли большевики, которые первыми среди политических партий и групп сумели возобновить и наладить издание своего центрального органа. 5 марта 1917 г. первый номер «Правды» вышел небывалым в истории большевистской печати тиражом — 100 тыс. экземпляров и был распространен бесплатно в считанные часы среди рабочих и солдат. Второй номер, напечатанный тиражом 200 тыс., дал уже доход партии. В апреле 1917 г. у большевиков до возвращения их вождя из эмиграции выходило около 15 газет в различных городах России. Основываясь на достаточно свободном толковании переписки Ленина с Ганецким, некоторые авторы связывают издание этих газет с финансированием из Стокгольма; другие, ссылаясь на далеко не очевидные документы МИД Германии, прямо указывают на немецкий источник финансирования большевистской печати⁷¹.

На самом деле партийная касса большевиков в Петрограде в начале 1917 г. насчитывала всего несколько тысяч рублей. А. Г. Шляпников, являвшийся связным между русским и заграничным бюро РСДРП и занимавшийся по совместительству «огромной работой по изысканию материальных средств для партии», позднее писал о безуспешных попытках в начале 1917 г. пополнить партийную кассу большевиков. Он пытался получить финансовую помощь от бывших социал-демократов, занимавших в то время видные посты на капиталистических предприятиях, в различных организа-

⁷⁰Правда. 1917. 14 апр.

⁷¹Был ли Ленин немецким агентом? Документы / Пер. с англ.; сост. В. И. Кузнецов. СПб., 1994. С. 58.

циях, служивших инженерами и директорами крупных фирм, зарабатывавших десятки тысяч рублей. «К некоторым из этих господ, ныне являющихся “товарищами”, членами нашей РКП, — писал А. Г. Шляпников, — я лично посылал людей для зондирования, но безуспешно... На наш призыв ответили очень немногие и очень незначительные по своему тогдашнему положению в обществе товарищи»⁷².

Но и после возвращения Ленина в Россию, судя по тревожной переписке, которую он вел по приезду в Петроград с Ганецким и Радеком, находившимися в Стокгольме, финансовое положение большевиков оставалось затруднительным. «Дорогие друзья! — обращается к ним Ленин 12 апреля 1917 г. — До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили»⁷³. 21 апреля Ленин сообщает Ганецкому, что деньги (две тысячи) от Козловского получены⁷⁴. Интересно отметить, что заверенные копии этих ленинских писем в советское время были обнаружены в архиве министра юстиции Временного правительства⁷⁵, что дает основание утверждать, что Ленин находился под наблюдением «компетентных органов» с первых дней своего возвращения в Россию.

Как бы то ни было, две тысячи, даже если это не первые и не последние две тысячи, которые передал Ганецкий на нужды партии, — это не те деньги, на которые можно было учреждать и издавать десятки большевистских газет. Партийная касса большевиков, если основываться на опубликованных еще 30 лет тому назад приходно-расходной книге и месячных финансовых отчетах ЦК РСДРП(б), была почти пуста, как бы ни пытались утверждать обратное те, кто в это не верит. Для того, чтобы возобновить издание «Правды», пришлось просить деньги у М. Горького и даже занимать их в союзе трактирщиков. Приход кассы ЦК за март–апрель составил всего около 15 тыс. руб., а расходы — почти 10 тыс. руб. Не лучше обстояло дело и в мае, когда приход составил 18 тыс. руб., а расход 20 тыс.⁷⁶ Поэтому, когда в апреле

⁷² Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Ч. II. М.; Пг., 1925. С. 98–99.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 437.

⁷⁴ Там же. С. 438.

⁷⁵ См.: Пролетарская революция. 1923. № 9 (21). С. 227.

⁷⁶ Аникеев В. В. Документы Великого Октября. М., 1977. С. 206. — В Петербургском комитете наличность кассы на 6 апреля 1917 г. составляла 2 тыс. руб. (Первый легальный петербургский комитет большевиков в 1917 году.). М.; Л., 1927. С. 72.

1917 г. встал вопрос о приобретении собственной типографии для издания «Правды», пришлось снова прибегнуть к уже оправдавшей себя в 1912–1914 гг. практике — добровольным пожертвованиям со стороны рабочих и солдат. Кстати, к таким же методам поддержки своей печати обращались тогда и другие политические партии — социал-демократы меньшевики, социалисты-революционеры. Опубликованное на страницах «Правды» обращение к рабочим и революционным солдатам помочь в покупке типографии нашло широкий отклик. «С заводов Петрограда рабочие приносили деньги большими пакетами и узлами в платках, — писал финансовый распорядитель «Правды» К. М. Шведчиков. — На разборке этих денег — они состояли в большей части из 5-копеечных бон — сидело около десятка товарищей из курсисток Бестужевских и Стебутовских курсов и других товарищей»⁷⁷. Регулярно помещаемые в «Правде» сводки о ходе сбора средств показывают, что в нем только в столице участвовали рабочие и служащие 500 фабрик и заводов, почти 100 воинских частей и кораблей. На 22 апреля 1917 г. на типографию было собрано свыше 75 тыс. руб.⁷⁸ В результате в мае 1917 г. удалось купить за 225 тыс. руб. типографию, расположенную на Кавалергардской улице. Всего же в фонд «Правды» с 5 марта по 25 октября 1917 г., по подсчетам историков большевистской печати, было собрано около 500 тыс. руб.⁷⁹

Разумеется, можно подвергать критике и сомнению приведенные выше сведения о финансировании «Правды», но других данных не удалось обнаружить даже Д. А. Волкогонову, имевшему возможность поискать их в самых секретных архивах. Тем не менее руководству большевиков удавалось постоянно поддерживать тираж «Правды» в пределах 85–90 тыс. экземпляров, а всего у большевиков на начало июля 1917 г. имелось свыше 40 печатных изданий, общий тираж которых достигал полутора миллионов экземпляров в неделю⁸⁰.

Большевистская «Правда» в полной мере воспользовалась возможностью свободно агитировать против войны, открыто проповедуя братание солдат на фронте. 21 апреля в «Правде» было

⁷⁷ Шведчиков К. Минувшие дни // Путь «Правды» (материалы и воспоминания). Тверь. 1922. С. 161.

⁷⁸ Правда. 1917. 23 апр.

⁷⁹ Сазонов И. С. Большевистское слово. М., 1978. С. 129–137.

⁸⁰ Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. М., 1958. С. 147–148.

опубликовано обращение к солдатам в связи с приказом генерала А. А. Брусилова, требовавшего от солдат отказаться от все более принимавших массовые формы братания. Отвечая на обвинения генерала в том, что братанием пользуется германский Генеральный штаб, газета писала: «Верно ли это? Мы не знаем. И мы говорим: конечно, мы против того, чтобы братание превращалось в ловушку. Мы не допустим, чтобы братанием пользовались для выведывания военных тайн. Мы не станем и сами, пользуясь братанием, выведывать чужие тайны». Вместе с тем в обращении подчеркивалось, что «в братании солдат и рабочих — единственная надежда кончить эту братоубийственную войну, кончить ее справедливым, демократическим миром», потому что правительства Бетман-Гольвегов и Гучковых никогда не кончат войны, если они не увидят, что рабочие и солдаты готовы сами стать правительством и взять судьбы страны в собственные руки».

Одновременно «Правда» информировала о революционных выступлениях немецких рабочих, укрепляя таким образом «классовую солидарность» с российским пролетариатом. 20 апреля 1917 г. в «Правде» была опубликована редакционная статья «Канун революции в Германии», в которой сообщалось о «крупных волнениях» в Берлине, Лейпциге и других промышленных центрах на почве продовольственного кризиса, носивших «в то же время характер организованного протеста против войны». Констатируя нарастание революционного движения в Германии, «Правда» выражала уверенность, что «германской революции не задержать ни Вельгельму II, ни бывшим социалистам типа Шейдемана». 27 апреля «Правда» опубликовала под рубрикой «Письма из Германии» присланную из Стокгольма статью К. Радека «После Берлинской стачки». Автор статьи обращал внимание на широкий резонанс стихийно возникшей стачки берлинских рабочих на почве продовольственных трудностей, подчеркивая при этом, что «сила обстоятельств перевесила вредное сопротивление социал-патриотической агитации и организации». В заключение Радек выражал уверенность, что «выступление немецких и русских рабочих прокладывает путь к соглашению их между собой против империалистических правительств, вопреки социал-патриотам, для освобождения народов».

Наряду с «Правдой» в апреле 1917 г. стала выходить и «Солдатская правда» — орган Военной организации большевиков. Эти

большевистские газеты не только поступали в большом количестве в воинские части Петроградского гарнизона, но и попадали на фронт наряду с изданиями других социалистических партий, и остановить их распространение военное командование было не в силах. По свидетельству А. И. Деникина, эта литература попала в окопы «частью — стараниями всевозможных партийных и военных бюро и секций Петрограда и Москвы, частью при посредничестве культурно-просветительных комиссий и войсковых комитетов. Средства были разнообразные: одни исходили из темных источников, другие — взяты полупринудительно из войсковых экономических сумм, третьи — легально отпущены старшими военными начальниками из числа оппортунистов»⁸¹. Командующий Юго-Западным фронтом генерал А. Е. Гудор даже открыл на эти цели кредит в 100 тыс. руб., а командующий Северным фронтом генерал В. А. Черемисов субсидировал из казенных средств издание большевистской газеты «Наш путь»⁸². Как видно даже из этого, источники финансирования большевистской печати были не только «темными».

Политические противники Ленина и большевиков видели в них главных виновников развала фронта и поражений русской армии. Однако в действительности было все сложнее: восприятие антивоенной пропаганды в окопах было подготовлено самим характером кровавой и изнурительной войны. Размышляя о причинах разложения армии, военный министр Временного правительства А. И. Гучков, продержавшийся на этом посту всего два месяца, считал необходимым признать перед своими коллегами по Государственной думе суровую правду: «Не нужно, господа, представлять себе, что это болезненное явление было результатом исключительно какой-то агитационной работы каких-то злонамеренных людей вроде Ленина и его соратников, или просто легкомысленных или несведущих людей, которые не ведают, что творят, — говорил он, выступая 4 мая 1917 г. на частном совещании членов Государственной Думы. — Господа, эта болезнь является не только результатом этих заразных начал. Несомненно, что почва была подготовлена давно и общим укладом нашей жизни, и постановкою народного воспитания, которое мало развило в массах чувство сознательного,

⁸¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Париж, 1921. С. 83.

⁸² Там же.

деятельного и пламенного патриотизма, а главное, — чувство долга, и этой тягостной войною, продолжающейся почти три года и истощившей морально и физически народные массы»⁸³.

В этом мог воочию убедиться и новый военный министр А. Ф. Керенский, приехавший в мае 1917 г. на Юго-Западный фронт для моральной подготовки запланированного на июнь 1917 г. наступления русской армии. Поначалу революционный министр был встречен в армии с необычайным энтузиазмом, его пламенные и зажигательные речи находили восторженный отклик у солдат. Но стоило Керенскому начать убеждать их в необходимости продолжать войну, как «толпа поворачивала к нему лик зверя, от вида которого слова останавливались в горле и сжималось сердце»⁸⁴. А затем первоначальный триумф и вовсе обернулся для Керенского полным конфузом. «Мы приехали в Тарнополь в день начала артиллерийской подготовки, — вспоминал член Исполкома Петроградского Совета В. Б. Станкевич, — и командование фронта решило использовать пребывание Керенского для агитации в армии. В первый день его повезли в 1-й гвардейский корпус. Колоссальная масса солдат... Но командный состав был в волнении — главный агитатор и смутьян, капитан Дзевалтовский, знаменитый большевик, не явился на митинг! И поэтому, по мнению командного состава, митинг наполовину терял свое значение, так как останутся непровергнутыми главные аргументы, колеблющие порядок. Между тем Дзевалтовский с двумя наиболее непокорными и деморализованными полками расположился в стороне и в середине митинга прислал депутацию к Керенскому с просьбой прийти к ним... И началась позорная картина бесполезного словопрения с заведомо несогласными. Первую речь тоном обвинителя произнес Дзевалтовский, самоуверенно и вызывающе повторивший нападки большевистской прессы. Потом по пунктам отвечал Керенский, потом опять говорил Дзевалтовский. Часть аплодировала Дзевалтовскому, часть, не меньшая, Керенскому, но большинство слушало молча, думая про себя свою думу и, вероятно, не отдавая отчета в происходящих спорах и смутно сознавая, что вопрос шел о кардинальнейшем для каждого вопросе — идти в наступление или не идти... В общем, конечно, был провал. Впечатление уступчивости,

⁸³ Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. С. 3–5.

⁸⁴ Деникин А. И. Указ. соч. С. 144.

нерешительности власти на фоне растерянности командного состава не предвещало ничего доброго»⁸⁵.

В этих условиях у командных верхов появился большой соблазн свалить всю вину за развал армии на левые партии и в первую очередь на большевиков. Верховный главнокомандующий генерал А. А. Брусилов в телеграмме на имя министра-председателя Временного правительства считал, что «оздоровление в армии может последовать после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену!»⁸⁶ Более трезво, хотя столь же пессимистично смотрел на положение в армии командующий Западным фронтом генерал А. И. Деникин, который писал: «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме»⁸⁷.

Яркий и вместе с тем типичный документ солдатской психологии привел командующий 9-й армии генерал Лечицкий в письме военному министру А. И. Гучкову от 20 апреля 1917 г. «Братья, — говорилось в солдатском обращении, — просим вас не подписываться которому закону хочут (так в документе. — *Л. С.*) нас погубить, хочут делать наступление, не нужно ходить, нет тех прав, что раньше было, газеты печатают, чтобы не было нигде наступление по фронту, нас хочут сгубить начальство. Они изменники, наши враги внутренние, они хочут опять чтобы было по старому закону. Вы хорошо знаете, что каждому генералу скостили жалованье, вот и они хочут нас сгубить, мы только выйдем до проволочных заграждений, нас тут вот и побьют, нам все равно не порвать фронт неприятеля, нас всех сгубят, я разведчик хорошо знаю, что у неприятеля поставлено в десять рядов рогаток и наплетено заграждение и через 15 шагов пулемет от пулемета. Нам нечего наступать, пользы не будет; если пойдем, то перебьют, а потом некому будет держать фронт, передавайте, братья, и пишите сами это немедленно»⁸⁸.

Массовый и все более организованный характер начина-

⁸⁵ *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919. Берлин, 1920. С. 151–153.

⁸⁶ *Жилин А. П.* К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 164.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Разложение армии: Сб. документов. М.; Л., 1930. С. 35–36.

ло приобретать братание, которое, по свидетельству генерала А. И. Деникина, случалось и раньше, до революции, но вызывалось оно тогда исключительно беспросветным состоянием в окопах, любопытством и просто чувством человечности русского солдата даже в отношении к врагу. «Теперь же, — отмечал Деникин, — немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривались: разведка наших сил и позиций; демонстрация внушительного оборудования и силы своих позиций; убеждение в бесцельности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого, якобы, исключительно продолжается эта “кровавая бойня”. Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы. А в то же время по фронту совершенно свободно разъезжали партизаны из Совета и Комитета с аналогичной проповедью, с организацией показательного братанья и с целым ворохом “Правд”, “Окопных правд”, “Социал-демократов” и прочих творений отечественного социалистического разума и совести...»⁸⁹.

Глубокий анализ боевого и морального состояния русской армии и потрясающую картину ее разложения в 1917 г. дал один из самых авторитетных специалистов генерал Н. Н. Головин в своей книге «Военные усилия России в мировой войне», первое издание которой вышло в Париже еще в 1939 г. Однако на русском языке эта книга появилась только теперь.⁹⁰ Анализируя характер событий Первой мировой войны, Н. Н. Головин сформулировал свой «закон распространения разложения армии от тыла к фронту». Он показал, что «быстрее всего процесс разложения шел в солдатских массах Северного фронта, в непосредственном тылу которого находился главный очаг революции — Петроград»⁹¹.

Германия также внесла свой вклад в разложение русской армии, организуя в широких масштабах братание на фронте, принимая всевозможные усилия, направленные на заключение сепаратного мира с Россией, германский Генеральный штаб, по словам А. Ф. Керенского, «вместо того, чтобы нацелить на Россию огонь батарей, дула пушек, забросал ее прокламациями, пропитанными

⁸⁹ Деникин А. И. Указ. соч. С. 75–76.

⁹⁰ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.

⁹¹ Там же. С. 184.

гораздо более смертельным ядом, чем самые сильные отравляющие газы»⁹². Многочисленные «мирные демонстрации» из немецких окопов направлялись в сторону русских, размахивая белым флагом. Их рассеивали артиллерийским огнем, что вызывало возмущение и недовольство русских солдат⁹³. По свидетельству главы германской разведки Вальтера Николаи, «германская разведка получила возможность проникать в русские ряды и там агитировать за мир между Россией и Германией. Германские разведовательные офицеры восторженно принимались войсками и их носили на плечах через окопы и лагери»⁹⁴.

Русская армия окончательно «заразилась» миром. Выступая 4 мая 1917 г. на частном совещании членов Государственной думы, В. В. Шульгин предупреждал, что «если еще некоторое время будет продолжаться это положение, при котором все силы немцев невозбранно сражаются на Западном фронте, а у нас фактическое перемирие, то союзникам нашим придется порвать с нами...»⁹⁵. Правда, союзники не собирались этого делать, предпринимая отчаянные, хотя и недостаточно эффективные меры для того, чтобы удержать революционную Россию в войне против Германии и Австро-Венгрии.

3. Антибольшевистская кампания в Петрограде весной—летом 1917 г.

Возвращение Ленина в Россию создало новую политическую ситуацию как для Временного правительства, так и для его союзников в войне против Германии и Австро-Венгрии. Выдвинутый лидером большевиков в Апрельских тезисах лозунг «Вся власть Советам!» определил линию политического и социального размежевания в стране, усилил раскол общества, вызванный Февральской революцией. 13 апреля рабочие завода «Старый Парвизайнен», обсудив на своем собрании «текущий момент», приняли резолюцию, впервые столь решительно выдвигавшую целую систему самых ра-

⁹² Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 162.

⁹³ Там же. С. 163.

⁹⁴ Николаи Вальтер. Тайные силы / Пер. с нем. М., 1925. С. 76.

⁹⁵ Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. С. 14.

дикальных мер. Важнейшими среди них были «смещение Временного правительства, служащего только тормозом революционного дела», и передача власти Советам, окончание империалистической войны и опубликование тайных военных договоров, организация Красной гвардии и вооружение народа, реквизиция продуктов питания и установление твердых цен на товары широкого спроса, конфискация помещичьих и монастырских земель, передача орудий производства в руки рабочих⁹⁶. Эти радикальные меры не были требованием только одной группы рабочих, как пытались в этом уверить эсеро-меньшевицкие лидеры Петроградского Совета: резолюции подобного характера начинают обсуждаться и приниматься рабочими других предприятий столицы и в скором времени приобретают массовый характер. И это стало серьезной проблемой не только для умеренных социалистов, но и в первую очередь для Временного правительства.

Чтобы нейтрализовать влияние ленинских лозунгов, в Петрограде была организована широкая антибольшевистская кампания. В переписке со своими соратниками по партии, находившимися еще в эмиграции, Ленин признавался: «Буржуазия (+Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удастся: есть сторонники и верные»⁹⁷. Но 16 апреля в печати появилась резолюция исполнительной комиссии солдатской секции Петроградского Совета, в которой пропаганда так называемых ленинцев называлась «дезорганизаторской» и «не менее вредной, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа». Выступая против принятия репрессивных мер в борьбе с этими вредными взглядами, руководство солдатской секции выражало одновременно настойчивое пожелание, чтобы Исполком Петроградского Совета в целях борьбы с дезорганизаторской пропагандой открыл планомерную агитацию как в печати, так и в особенности в воинских частях⁹⁸. На следующий Ленин был вынужден разъяснить свои взгляды на заседании солдатской секции. Отвечая на главный вопрос, как ускорить дело мира, вождь большевиков признавал, что «войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран. Практическое, немедленное средство для того, чтобы ускорить мир,

⁹⁶ Известия Петроградского Совета. 1917. 15 апр.

⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 437.

⁹⁸ Известия Петроградского Совета. 1917. 16 апр.

есть и может быть только одно (кроме победы рабочей революции над капиталистами), именно: братанье солдат на фронте»⁹⁹. Ленин посчитал необходимым высказаться и по поводу заключения сепаратного мира с Германией, заявив, что «Вильгельма считает кровопийцей, и конечно, не может быть разговоров о сепаратном мире с ним, — это бессмысленно... Ленинцы против сепаратного мира. Об этом они заявили еще в 1915 году...»¹⁰⁰.

Ленин откликается и на опубликованное в «Маленькой газете» обращение группы солдат, потребовавшей расследования обстоятельств проезда Ленина и его сторонников через Германию. Назвав это обращение «честным голосом, выделяющимся из потока грязной лжи, мутной клеветы и погромной агитации», он вместе с тем спрашивал, правильно ли поступили товарищи солдаты, которые уже торопятся и «клеят» проехавших, и бранить их «предателями», и посылать им «проклятие», не познакомившись с тем разъяснением, что было опубликовано в «Известиях Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов»¹⁰¹.

Столичная пресса не упустила случая поместить и прокомментировать резолюцию матросов Балтийского флотского экипажа, встречавших Ленина 3 апреля на Финляндском вокзале в составе почетного караула. «Узнав, что господин Ленин вернулся к нам в Россию с соизволения его величества императора германского и короля прусского, — говорилось в резолюции, — мы выражаем свое глубокое сожаление по поводу нашего участия в его торжественном въезде в Петербург. Если бы мы знали, какими путями он попал к нам, то вместо торжественных криков “ура”, раздались бы наши негодующие возгласы: “Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал”».¹⁰²

Организатором погромных выступлений против Ленина и его сторонников стала кадетская партия, лидер которой П. Н. Милюков усмотрел «германские козни» еще в забастовках петроградских рабочих в февральские дни 1917 г. Теперь, в апреле, кадеты начали кампанию протестов против агитации большевиков в частях столичного гарнизона, организовали демонстрацию инвалидов войны под лозунгом «Ленина обратно в Германию!». «17 ап-

⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 281.

¹⁰⁰ Там же. С. 276.

¹⁰¹ Там же. С. 235–236.

¹⁰² Петроградская газета. 1917. 14 апр.

реля в Петербурге состоялась грандиозная манифестация инвалидов, которая произвела большое впечатление на обывателей, — писал Н. Н. Суханов. — Огромное число раненых из столичных лазаретов — в повязках, безногих, безруких — двигалось по Невскому к Таврическому дворцу. Кто не мог идти, двигались в грузовых автомобилях, в линейках, на извозчиках. На знаменах были подписи: «Война до конца», «Полное уничтожение германского милитаризма», «Наши раны требуют победы». Лозунги, изъятые из употребления масс, нашли себе пристанище на больничных койках. Искалеченные люди, несчастные жертвы бойни ради наживы капиталистов, по указке тех же капиталистов через силу шли требовать, чтобы для тех же целей еще без конца калечили их сыновей и братьев. Это было действительно страшное зрелище»¹⁰³.

Шумная акция не осталась незамеченной и в Германии. Ссылаясь на сообщение петроградского телеграфного агентства из Петрограда о состоявшейся там демонстрации раненых и увечных воинов с числом участников до 50 тыс. человек за продолжение войны, статс-секретарь иностранных дел Германии Циммерман в телеграмме германскому посланнику в Стокгольме фон Штедтену с беспокойством сообщал, что демонстрация направлена против Ленина и его сторонников и просил как можно скорее сообщить ему подробности¹⁰⁴. Отвечая на эту телеграмму, посланник писал, что полученная Циммерманом информация о событиях в Петрограде, «по-видимому, соответствует действительности, поскольку и политическая линия, которой придерживается Ленин, и его пропаганда мира совершенно независимы, и он таким образом находится в резкой оппозиции к правительству»¹⁰⁵. Помимо выраженного здесь беспокойства относительно Ленина и его сторонников, обращает на себя внимание отсутствие своего источника информации непосредственно из Петрограда. Однако еще большее беспокойство пропаганда Ленина и его сторонников вызывала у союзников России.

Стремясь во что бы то ни стало удерживать Россию в военной коалиции против Германии, ее союзники были глубоко обеспокоены тем, что Временное правительство не принимает репрессивных мер против большевиков, активно ведущих антивоенную пропаганду. Английский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен в донесе-

¹⁰³ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 43.

¹⁰⁴ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 308.

¹⁰⁵ Там же. С. 309.

нии своему правительству от 30 апреля 1917 г. выражал большую тревогу по поводу «подрывной роли» вернувшегося в Россию Ленина и непринятия к нему мер со стороны Временного правительства. «Миллюков, с которым я как-то говорил по этому вопросу, сказал, что возмущение народа против Ленина растет, и что войска готовы арестовать его, когда правительство отдаст об этом приказ, но что последнее не хочет ускорять событий из опасения вызвать гражданскую войну, — сообщал далее Бьюкенен. — Я сказал ему, что для правительства наступила пора действовать и что Россия никогда не выиграет войны, если Ленину будет разрешено продолжать возбуждать солдат к дезертирству, к захвату земли и к убийствам. Он ответил, что правительство выжидает лишь психологического момента, который, как ему кажется, не за горами»¹⁰⁶. Сам же П. Н. Миллюков впоследствии писал, что «когда Ленин начал с балкона дома Кшесинской произносить криминальные речи перед огромной толпой», то он «настаивал в правительстве на его немедленном аресте. Увы, на это Временное правительство не решилось»¹⁰⁷.

«Господа министры» Временного правительства, находясь в глубоком убеждении, что Ленин — германский агент и что его возвращение в Россию связано с интересами германского Генерального штаба, тем не менее не решались на принятие против него репрессивных мер не только потому, что в их распоряжении еще не было каких-либо доказательств «государственной измены» вождя большевиков, и даже не потому, что могли натолкнуться на противодействие Петроградского Совета, под влиянием которого находился столичный гарнизон. Дело в том, что само Временное правительство стояло в это время перед сверхзадачей: как, оставаясь верным своим обязательствам не выходить из войны, выглядеть у себя дома сторонником заключения «мира без аннексий и контрибуций». Но еще больше мешал крайне неблагоприятный экономический фактор: все более реальным становился крах народного хозяйства под влиянием войны. Угрожающие сведения о разрухе и тяжелом продовольственном положении не сходили со страниц газет. Министр финансов М. И. Терещенко публично признавал, что государственный долг России уже приблизился к 40 млрд руб., что, оказывается,

¹⁰⁶ Бьюкенен Джорджс. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918 / Пер. с англ. М., 2006. С. 288–289.

¹⁰⁷ Миллюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 308.

по окончании войны придется платить одних процентов 2,5 млрд ежегодно. И потому не только солдаты и рабочие, но и широкие обывательские круги начинали все более недоверчиво относиться к политике Временного правительства, призывавшего к новым жертвам во имя интересов революционной России. 8 мая 1917 г. историк С. Б. Веселовский отметил в своем дневнике: «В газетах — призывы и угрозы Временного правительства “оказать давление” на союзников. Со стороны людей, подкупленных Германией, это понятно, т. к. может повести к разрыву с союзниками, но ведь и добросовестные, доморощенные идиоты, а, главное, есть публика, которая верит этому бреду и принимает его за чистую монету»¹⁰⁸.

Поэтому действительно был нужен психологический перелом, и его стали готовить в недрах Временного правительства с помощью представителей многочисленных миссий и делегаций, направленных в Россию из Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и др. 11 апреля 1917 г. государственный секретарь США Р. Лансинг под влиянием поступавших из России тревожных сведений о том, что «социалистические круги требуют мира», обратился к президенту В. Вильсону: «Меня это серьезно беспокоит. Я хочу, чтобы мы сделали что-нибудь для того, чтобы помешать социалистическим элементам в России осуществить любой план, который может подорвать усилия союзных держав»¹⁰⁹. В качестве одного из таких средств в Россию была послана миссия Э. Рута. Но США располагали и более мощным средством воздействия — это финансовый рычаг. Признав Временное правительство 9(22) марта первыми, правящие круги США еще до своего вступления в войну с Германией обещали России открыть кредит для закупки военного снаряжения¹¹⁰. Но это обещание финансовой помощи было обставлено рядом ультимативных требований, которые были выражены в телеграмме директора «Сити бэнк» Мак-Робертса в Петроград. «Конгресс вотировал военный заем в семь миллиардов, три из которых предназначены России и союзным правительствам, — говорилось в этой телеграмме. — Здесь наблюдался большой энтузиазм по поводу русских правительственных реформ, но получившие широкое распространение в прессе последние сообщения о том, что новое

¹⁰⁸ Веселовский С. Б. Дневники 1915–1925 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 89.

¹⁰⁹ The Lansing Papers. 1914–1920. Vol. II. Washington, 1940. P. 325.

¹¹⁰ См.: Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914–1917. Л., 1969. С. 167–180.

правительство находится под контролем радикальных социалистов, которые стремятся к сепаратному миру с Германией, серьезно вредят здесь интересам России. Если эти сообщения не прекратятся, они могут воспрепятствовать участию России в займе, предоставляемом союзникам...»¹¹¹. В результате марта-апреля Временное правительство не получило от США ни доллара. Американская сторона прекратила в это время даже упоминания о полумиллиардном долларовом кредите, который считался делом уже решенным. И в то время как англичане стали пользоваться американскими кредитами, Россию перестали кормить даже обещаниями. И только накануне прибытия миссии Рута в Россию в середине мая Временное правительство получило кредит в 100 млн долл. на размещение заказа на паровозы и вагоны¹¹².

Зато на пропагандистскую кампанию в пользу продолжения войны страны Антанты денег не жалели. Здесь впереди всех шла Франция, при посольстве которой в Петрограде была создана в апреле 1917 г. специальная комиссия, координирующая пропагандистские усилия различных миссий. Эта комиссия имела своей задачей добиться «сильного и оперативного воздействия на русское общественное мнение»¹¹³. Для финансирования ее деятельности французское представительство выделило 670 тыс. руб., английское и американское — 133 тыс. руб.; кроме того, компания «Шнейдер» предоставила 200 тыс. руб., столько же дал Русско-Азиатский банк; Русское общество боеприпасов и Общество по производству табака выделили 100 тыс. руб.¹¹⁴ С французскими миссиями сотрудничало издательство «Демократическая Россия», крупнейшее издательство по выпуску пропагандистской литературы, листовок, плакатов и др.¹¹⁵ В мае 1917 г. секретарь посольства США в Петрограде направил в адрес военного министра России 30 тыс. экземпляров брошюр для распространения среди солдат на фронте¹¹⁶. Пропагандистская кампания Антанты в России не была секретом для заинтересованных наблюдателей из других стран. Военный агент

¹¹¹ Там же. С. 190.

¹¹² Там же. С. 228–229.

¹¹³ Соловьев О. Ф. Империалистические державы против революции в России // Новая и новейшая история. 1987. № 1. С. 156.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 / Отв. ред. В. А. Шипкин. СПб., 1995. С. 55–56.

¹¹⁶ Там же. С. 57.

Японии в Петрограде в своем донесении в Токио сообщал, что «державы Согласия начали контрпропаганду и тратят на это большие суммы»¹¹⁷.

Не считаясь с возникшей в России новой политической ситуацией, Великобритания, Франция и Соединенные Штаты продолжали оказывать всяческое давление на Временное правительство, требуя от него активизации военных усилий на фронте. По словам французского генерального консула в Москве Гренара, «союзники были ослеплены в своем желании продлить любой ценой военное сотрудничество с Россией. Они совершенно не видели, что возможно, а что нет. Таким образом, они играли на руку Ленину и отчуждали Керенского от народа»¹¹⁸. Британский генеральный консул в Москве Локкарт впоследствии сравнивал действенность союзнических делегаций с «каплей пресной воды в самом соленом из морей»¹¹⁹.

Однако, наплась и «капля» сильно действующего яда, которую привез в своем багаже французский министр по делам вооружений социалист Альбер Тома, прибывший специально в Россию, чтобы поддержать Временное правительство и выяснить степень готовности русской армии к наступательным операциям. «В середине апреля в Петроград прибыл французский министр снабжения Альбер Тома, — вспоминал в 60-е годы А. Ф. Керенский. — Он привез с собой и передал князю Львову некоторую в высшей степени важную информацию о связях большевистской группы во главе с Лениным с многочисленными немецкими агентами. Но французский министр обусловил это требованием, чтобы о том, что он — источник информации, сообщили лишь тем министрам, которые займутся расследованием обстоятельств дела. Через несколько дней на секретном совещании князь Львов с согласия Тома поручил расследование столь серьезного дела Некрасову, Терещенко и мне»¹²⁰. Еще раньше, в начале 50-х годов бывший министр-председатель Временного правительства признал, что мысль устроить судебную расправу над Лениным и большевиками возникла у него в результате встречи с А. Тома, который посоветовал ему

¹¹⁷ Иностранцы дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 148.

¹¹⁸ Цит. по кн.: *Фигиер Л.* Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 195.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ *Керенский А. Ф.* Указ. соч. С. 220.

называть большевиков «агентами германского Генерального штаба»¹²¹. В действительности, как показывает С. С. Попова в своем исследовании «Французская разведка ищет “германский след”»¹²², основанном на изучении материалов Центра хранения историко-документальных коллекций, дело обстояло несколько иначе. Скорее всего, резонно считает она, в апреле А. Тома серьезными уликами еще не располагал и основывался на догадках и предположениях в связи с проездом Ленина через Германию. Только в Петрограде в ходе многочисленных встреч и наблюдений Тома убеждается, что большевистская оппозиция представляет собой серьезную силу. «Французский министр с видом российского мужиковатого земца энергично агитировал, убеждал, опровергал, полемизировал, — писал в связи с этим Н. Н. Суханов. — С ним за компанию снова приходили Кашен, Муте и Лафон. Но их посещения и все эти разговоры не могли по существу дела дать уже ровно ничего. Осадок же они оставляли неприятный: люди, с ног до головы опутанные тенетами империализма, ходят к нам просить поддержки своему неправому делу и томительной, никчемной фразеологией пытаются убедить нас забыть хорошо усвоенную нами грамоту»¹²³. По-видимому, это понял и А. Тома, направив в начале июня 1917 г. французскому атташе в Стокгольме, своему однофамильцу Л. Тома следующее предписание: «Нужно дать правительству Керенского не только арестовать, но и дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей, а для этого необходимо выяснить, при каких условиях противники революции смогли проникнуть на территорию новой Республики, откуда поступают деньги, которые они так легко раздают, и кто за ними стоит. По моим первым сведениям, ключ проблемы в Швеции. Срочно направьте все ваши поиски в этом направлении и держите русское правительство в курсе ваших действий и поисков»¹²⁴.

Так французская разведка вышла на Я. С. Фюрстенберга (Ганецкого), члена заграничного представительства ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. Собранный о нем по различным каналам информация

¹²¹ Последние новости (Париж). 1932. 11 июня.

¹²² Попова С. С. Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 264–273.

¹²³ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 75.

¹²⁴ Попова С. С. Указ. соч. С. 266.

поступала к А. Тома и межсоюзную секцию военного министерства Франции, в которую входили начальники разведок союзных военных миссий во Франции. Россия была представлена там Павлом Игнатьевым, братом начальника русской военной миссии во Франции Алексея Игнатьева. Что же удалось выяснить французской разведке в результате наблюдения за главными подозреваемыми в Стокгольме? 24 июня 1917 г. французский военный атташе Л. Тома сообщает «наверх» первые сведения: Фюрстенберг (Ганецкий) является клиентом стокгольмского «Ниа банкен» с апреля–мая 1916 г. С 30 января по 8 июня 1917 г. Русско-Азиатский банк перевел на счет Фюрстенберга в «Ниа банкен» 416 тыс. рублей от разных лиц, в том числе и 200 тыс. руб. от Суменсон из Петрограда. Кроме того, у Фюрстенберга был счет и в «Дисконто банк» в Копенгагене. Л. Тома поручает своим подчиненным начать сбор сведений в Русско-Азиатском, Сибирском и Копенгагенском банках. Он также дает задание проверить, действительно ли Фюрстенберг является владельцем коммерческой фирмы в Копенгагене, которая занималась закупкой ширпотреба в Германии и его перепродажей в России. Как разведчик Л. Тома предполагает, что «это может быть только фасад для прикрытия движения крупных фондов», заключая при этом: «Очень скромная жизнь, которую ведет Фюрстенберг, его нахождение в Швеции, когда он ведет дела в Копенгагене, подтверждают эту гипотезу»¹²⁵.

В конце июня 1917 г. резидент французской разведки в Дании направляет в свое военное министерство отчет под названием «Немецко-русские агентства пропаганды». О самом Фюрстенберге сообщалось, что он занимался в Копенгагене контрабандой немецких товаров и был выдворен из Дании, а его фирма распущена. То, что не удалось выяснить в 1917 г. французской разведке, позднее расследовал английский историк М. Фатрелл, который установил, что Фюрстенберг (Ганецкий) был арестован в Копенгагене в январе 1917 г. по обвинению в незаконном экспорте термометров, шприцов и других медицинских изделий. Оборот этой датской кампании, управляющим которой был Фюрстенберг, исчислялся десятками тысяч фунтов стерлингов, а источником большей части прибыли была контрабанда противозачаточных средств в Германию и Россию. Ганецкий заплатил штраф и был депортирован в

¹²⁵ Там же. С. 266–267.

Стокгольм¹²⁶, где продолжал заниматься коммерческой деятельностью, а с конца марта 1917 г. еще стал и членом заграничного представительства ЦК РСДРП(б). В числе раскрытых французской разведкой в Копенгагене «немецко-русских агентств пропаганды» фигурировали «Рабочая организация», которая могла сообщить все сведения о Фюрстенберге, и общество (институт) изучения социальных последствий войны. Основываясь на том, что в этом обществе сотрудничали немецкие и русские социал-демократы и что там каждое утро бывает «русский социал-демократ Парвус-Гельфанд», французская разведка полагала, что связанные с «Рабочей организацией» руководители социал-демократической партии Дании Боргбьерг, Стаунинг и др. составляют целое звено в усилиях по заключению мира, исходящих из Германии и возвращающихся обратно через Швейцарию, Швецию, Данию и Россию. «Без сомнения, — отмечалось в отчете, — вышеназванные лица находятся в связи с основным русским автором Лениным»¹²⁷. Но никаких доказательств по этому поводу в отчете не приводилось.

Самым существенным аргументом, работавшим на полученное от А. Тома задание «доказать в интересах Временного правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги»¹²⁸, стали перехваченные французской разведкой телеграммы, которыми обменивались из Копенгагена, Христиании (Осло) и Петрограда лица, за которыми она наблюдала. Хотя петроградская контрразведка, по утверждению ее начальника Б. В. Никитина, уже взяла «под колпак» эту переписку, расследование, по его же признанию, «приняло серьезный характер лишь после того, как блестящий офицер французской службы, капитан Пьер Лоран вручил мне 21 июня первые 14 телеграмм между Стокгольмом и Петроградом»¹²⁹. Пьер Лоран возглавлял в Петрограде филиал разведслужбы генерального штаба Французской армии и, скорее всего, получил эти телеграммы от французского военного атташе в Стокгольме Л. Тома, имевшего директиву «явиться лично к М. И. Терещенко в Петроград, чтобы реорганизовать службу

¹²⁶ См.: *Фишер Л.* Указ. соч. С. 166–167.

¹²⁷ *Попова С. С.* Указ. соч. С. 267–268.

¹²⁸ Там же. С. 268.

¹²⁹ *Никитин Б. В.* Роковые годы. М., 2000. С. 92.

контроля за пассажирами, которым разрешен въезд в Россию»¹³⁰. Французская разведка первой высказала мнение, что перехваченные ею телеграммы носят зашифрованный характер и что в них использовался условный телеграфный код для отправки денег и уведомления об их получении¹³¹.

Петроградская контрразведка сразу же ухватилась за эту версию, и, как был убежден Б. В. Никитин и позднее, часть из полученных от французских коллег 29 телеграмм была «иносказательного характера». По мнению начальника петроградской контрразведки, главная ценность этих телеграмм «заключалась не в тексте, который можно было без конца комментировать, а в адресах лиц, которым они посылались»¹³². В этой связи следует сказать еще об одном важном документе, который не получил огласки ни в 1917 г., ни позднее, в мемуарной и исследовательской литературе — справке «Переписка Ленина», составленной службой телеграфного контроля за корреспонденцией в Петрограде по заданию французской разведки. В этой справке сообщалось, что Я. Фюрстенберг — основной корреспондент группы Ленина в Швеции, которому было поручено организовать вместе с членами этой группы и выпуск литературы для пропаганды идей партии — по приезде в Стокгольм отправил телеграммы с извещением о своем приезде четырем адресатам в Петрограде: Коллонтай, Козловскому, сестре Ленина — Ульяновой, и Суменсон. Наблюдение за корреспонденцией, отмечалось в этом документе, позволило установить следующее: «Три первых адреса чисто политические, напротив, телеграммы, которыми обменивался Я. Фюрстенберг с Суменсон, коммерческого характера. Задолго до революции они показались подозрительными всего лишь с коммерческой точки зрения, так как товары, предлагавшиеся Я. Фюрстенбергом для Суменсон, могли быть немецкого происхождения (салол, химические продукты, дамское белье, карандаши и т. д.)»¹³³. Как видно из этого, справка телеграфного контроля «Переписка Ленина» не подтверждала подозрений в зашифрованном характере переписки между Стокгольмом и Петроградом, но это уже не имело никакого значения ни для французской разведки, ни для петроградской контрразведки, взявших «герман-

¹³⁰ *Попова С. С.* Указ. соч. С. 268.

¹³¹ Там же.

¹³² *Никитин Б. В.* Указ. соч. С. 95.

¹³³ *Попова С. С.* Указ. соч. С. 268–269.

ский след». Французский военный атташе в Петрограде Лавернь за неделю до того, как Ленин и другие руководители большевиков будут официально обвинены в «преступных сношениях» с Германией, сообщал своему руководству о первых результатах, которые удалось получить «в изучении дела Ленина и большевиков благодаря помощи Копенгагена и Стокгольма». Основными результатами, по мнению Лавернья, были следующие: 1. Главным политическим агентом большевиков в Скандинавии является Яков Фюрстенберг, который служит посредником и для социалистических партий нейтральных стран. 2. Фюрстенберг — немецкий агент, передающий Берлину информацию о намерениях большевиков. 3. Предположительно, многие из его окружения, связанные с Лениным, также являются немецкими шпионами¹³⁴.

Таким образом, введенные С. С. Поповой в научный оборот документы убедительно свидетельствуют, что инициатором поисков «германского следа» в Скандинавии был Альбер Тома, а эти поиски велись по его заданию французской разведкой, направившей русскую контрразведку по желанному следу. К сожалению, современные охотники за «германским следом» не знакомы с исследованием С. С. Поповой и предпочитают выдергивать из обследованного ею комплекса документов отдельные факты, работающие на их версии, и, конечно, со ссылкой на Особый архив.

Готовившаяся в тайне акция против Ленина и большевиков сопровождалась (и, по всей вероятности, не случайно) массовой атакой прессы. В ней участвовали единым фронтом ведущие петроградские газеты за исключением «Известий Петроградского Совета». Наибольшую заинтересованность проявляли «Новое время», «Вечернее время», «Петроградский листок», «Маленькая газета», «Живое слово», «Газета-копейка», «Речь» и др. По подсчетам исследователей, число публикаций в петроградской прессе о связях Ленина и большевиков с Германией с апреля по июнь 1917 г. увеличилось почти в 2 раза и достигло почти 200¹³⁵. Заглавную роль здесь сыграл «орган социалистической мысли» — газета «День», в которой с целой серией разоблачительных статей выступил известный журналист и видный меньшевик Д. Заславский. В своих ста-

¹³⁴ Там же. С. 269.

¹³⁵ Антонов А. Е. Дело о германском шпионаже в России и партия большевиков в 1917 году (источники и историография): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 5–6.

тях «Наивные», «Нечестные и наивные», «Гримм и гримированные», «Трусы», «Кошмар» и др. Заславский рассматривал взаимоотношения Ленина, Зиновьева и Ганецкого в связи с разоблаченным провокатором в рядах большевиков Малиновским. При этом особое внимание он уделял Ганецкому. И не только потому, что Ганецкий был в 1914 г. председателем комиссии ЦК РСДРП, не сумевшей распознать осведомителя охранки, и теперь ее заявление о политической честности Малиновского, сделанное за недостатком улик, объявлялось сознательным намерением обелить провокатора. Заславский связывал эти факты с фигурой самого Ганецкого, привлекавшегося, по его утверждению, к судебной ответственности в Копенгагене за мошенничество и контрабанду и находившегося в тесной связи с германским агентом Парвусом. Автор этих сенсационных статей обвинял большевиков в том, что они боятся этого вопроса, поскольку его запрос в «Правду» по этому поводу так и остался без ответа¹³⁶.

Большевистскому руководству пришлось срочно принимать контрмеры. Заявление Зиновьева по поводу обвинений Заславского и «дело Ганецкого» стали предметом обсуждения на заседании ЦК РСДРП(б) 10 июня 1917 г. На нем присутствовали шесть членов ЦК из девяти: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. И. Ленин, В. П. Ногин, И. В. Сталин, Г. Ф. Федоров. Если обвинения Заславского в адрес Зиновьева были сразу же признаны «клеветой в целях политической борьбы с противниками» и на следующий день «Правда» опубликовала постановление ЦК по этому вопросу, то рассмотрение «дела Ганецкого» продолжалось и на следующем заседании ЦК и приняло затяжной характер. При этом следует отметить, что на заседаниях 10 и 13 июня обнаружили определенные различия в понимании членами ЦК методов борьбы с клеветой буржуазной печати. По свидетельству Е. Д. Стасовой, секретаря ЦК РСДРП(б), Ленин 10 июня развивал мысль о нецелесообразности в условиях постоянной травли со стороны буржуазной прессы опровергать печатно каждое выступление против членов большевистской партии — достаточно потребовать документальных доказательств обвинения, и если их не представят и не передадут дело в суд, то Заславский должен считаться клеветником. Зиновьев придерживался иной точки зрения, а именно: нужно реаги-

¹³⁶См.: День. 1917. 10, 13 и 15 июня.

ровать в печати по каждому поводу, причем прежде всего тем, чья честь задета¹³⁷. Для предварительного рассмотрения подобных случаев ЦК сформировал юридическую комиссию в составе М. Ю. Козловского, П. А. Красикова, П. И. Стучки (все юристы-профессионалы). На заседании ЦК 13 июня Сталин предлагал обусловить выступления в печати постановлением этой комиссии. «Способ единоличных заявлений на клеветнические нападки — отвергнуть, — говорил согласно протокольной записи Сталин. — Мы выступаем только тогда публично, когда дает материал юридическая комиссия»¹³⁸. Сохранившийся неполный протокол не позволяет судить, как реагировали другие члены ЦК. Можно предположить, что достигнутая общая точка зрения отражена в письме Ленина в юридическую комиссию от того же 13 июня. В этом письме Ленин решительно выступил против предложения Исполнительного комитета группы социал-демократов Польши и Литвы о «затребовании объяснений» от Ганецкого, которое, по его мнению, «содержит в себе совершенно недопустимый выпад против чести отсутствующего (по партийным делам) товарища и при том агента ЦК». Ленин считал, что «надо установить принцип, что партия не должна отвечать на сплетни и клеветы (иначе как повторением, что клеветники суть клеветники), пока в печати не заявлено (1) за подписью определенного лица, не заведомого клеветника, точного обвинения, (2) которое должно давать возможность выступления перед легальным судом обеим сторонам, (3) обвинения, поддержанного политическими организациями, серьезного характера». Честность любого должностного лица партии, настаивал лидер большевиков, не может быть поставлена под сомнение без предварительного опроса свидетелей и изучения документов¹³⁹.

В результате обсуждения «дела Ганецкого» ЦК РСДРП(б) принял 13 июня следующее постановление: «Передать документ, полученный от поляков в юридическую комиссию для обсуждения в кратчайший срок»¹⁴⁰. 17 июня в петроградской газете польских социал-демократов «Трибуна» было опубликовано специаль-

¹³⁷ Амиантов Ю. Н., Ермолаева Р. А. Дело Ганецкого и Козловского // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 72.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

ное заявление, в котором говорилось, что клеветой на циммервальдистов (в том числе и на Ганецкого) буржуазная печать стремится подорвать доверие рабочих к революционной социал-демократии. 22 июня по «делу Ганецкого» выступила и «Правда», которая в рубрике «Телеграммы из Стокгольма» опубликовала: 1) заявление Я. Ганецкого и 2) заявление В. Воровского, К. Радека и М. Бронского против статей Д. Заславского. Вот их тексты: 1. «Разоблачение Заславского в “Дне” — нечестная клевета. Никогда не судился за контрабанду и за мошенничество. Как заведующий экспортной фирмой был административно оштрафован за несоблюдение экспедиентом формальностей при отправке медикаментов в Россию. Травля Заславского как политическая кампания ясна. Моя деятельность в Копенгагене хорошо известна всем знающим меня там товарищам. Считаю недостойным оправдываться перед клеветническими нападками бульварного журналиста. Ганецкий». 2. «Прочли в “Дне” грязные нападки Заславского на Ганецкого. Зная двадцатилетнюю партийную деятельность Ганецкого и ознакомившись с фактами его жизни в Копенгагене, считаем выпад Заславского неоправданным политическим маневром для опорочения интернационалистов. Не сомневаемся, что все партийные товарищи дадут решительный отпор этим растлевающим приемам политической борьбы. Бронский, Орловский, Радек».

Из приведенных выше материалов видно, что большевистское руководство, будучи вынужденным реагировать на появившиеся в печати обвинения против Ганецкого, стремилось вместе с тем уйти от публичной полемики и ограничиться «внутренним расследованием». Что же касается Заграничного представительства ЦК РСДРП (б) в Стокгольме, которому также было поручено заняться «делом Ганецкого», то оно с самого начала заняло твердую позицию, считая Ганецкого «безусловно честным и преданным делу товарищем». Обоснование этой позиции содержалось в конфиденциальном письме К. Радека В. И. Ленину 28 июня 1917 г., опубликованном только в 90-е годы. «Раз считаем допустимым, чтобы члены партии занимались торговлей, — писал Радек, — то единственным ограничением можно считать только соблюдение общих правил юридического и морального характера. Если бы следовательно, рассматривая коммерческие книги Ганецкого, нашел малейшее доказательство того, что он занимается нечестной спекуляцией или

контрабандой, то Ганецкий был бы отдан под суд. Понятно, что на нашу точку зрения влияет также глубокая уверенность, что Ганецкий занимался вообще торговлей не для личной наживы, а для того, чтобы помогать материально партии. Последние два года Ганецкий не одну тысячу дал нашей организации, несмотря на то, что все рассказы о его богатстве — пустая сплетня. Отношения его к Парвусу чисто деловые, никогда с политикой не имели ничего общего. Понятно, что наше мнение ничуть не обязывает Вас и ЦК. Когда в руках у Вас будут все документы этого дела, мы попросим Вас высказать Ваше собственное мнение»¹⁴¹. Содержащееся в письме Радека признание в том, что Ганецкий был спонсором большевиков, объясняет, почему это письмо не было опубликовано ранее 90-х годов.

Вполне вероятно, что большевистское руководство и прежде всего сам Ленин, учитывая заслуги Ганецкого перед партией, спустило бы на тормозах некстати возникшее его «дело», о чем свидетельствовало и стремление уйти от публичного обсуждения этой неприятной темы. Такая позиция оказалась на руку Временному правительству, получившему не только «французский подарок» для большевиков, но и «домашний сюрприз» в лице прапорщика 16-го Сибирского полка Д. С. Ермоленко, явившегося в конце апреля 1917 г. из немецкого плена в распоряжение русской армии. В июльские дни 1917 г., когда эта фамилия всплыла в печати, некоторые политические деятели, подобно Н. Н. Суханову, даже высказывали сомнение в том, была ли в действительности такая личность и не были ли его показания сфабрикованы на Дворцовой площади. На самом деле Д. С. Ермоленко — реальное лицо с сомнительной репутацией, служил еще до 1900 г. в военной контрразведке, с 1900 г. — в полиции во Владивостоке, во время русско-японской войны — опять в контрразведке, затем вышел в отставку. В 1914 г. он вновь на военной службе, попал в плен и, находясь в лагере для военнопленных, применил свой опыт для полицейской слежки за своими товарищами по лагерю. Далее следует предоставить слово генералу А. И. Деникину, который, будучи в то время начальником штаба Верховного главнокомандующего, принимал участие в допросе Ермоленко, а протокол допроса от 16 мая 1917 г. направил в Военное министерство. «Ермоленко был переброшен к нам в тыл на

¹⁴¹ Там же. С. 74–75.

фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией, — писал позднее А. И. Деникин. — Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры германского Генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведут в России агенты германского генерального штаба — председатель секции «Союза освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено всеми силами стремиться к подорванию доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на операцию получают через некоего Свендсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве»¹⁴².

При всем уважении к боевому генералу эпизод о Ермоленко не принадлежит к числу убедительных фактов в его воспоминаниях. Приведенные в них показания пленного прапорщика носят, мягко выражаясь, необубедительный характер, ничего конкретного и вразумительного не содержат и напоминают своей фантазией показания подпоручика Колаковского против жандармского полковника Мясоедова в 1915 г. Интересно, что, когда германский посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау узнал из петроградских газет, что два немецких офицера генштаба Шидицкий и Люберс рассказали русскому прапорщику Ермоленко, что Ленин — немецкий агент, то он запросил МИД Германии «выяснить, существуют ли в Генштабе офицеры Шидицкий и Люберс...»¹⁴³. А. Ф. Керенский, придававший показаниям Ермоленко большое значение, в своих мемуарах писал, что существование этих офицеров «было подтверждено»¹⁴⁴, но он слишком заинтересованное лицо в их существовании: в то время он был военным министром, вел активную пропагандистскую кампанию на фронте в пользу наступления русской армии, и ему было просто необходимо иметь в запасе оправдательные аргументы в случае неудачи этого выступления. Но ни в 1917 г., ни позднее Керенский не привел никаких конкретных фактов из показаний Ермоленко, хотя именно на них в первую очередь строил свои обвинения против Ленина и большевиков как агентов германского Генерального штаба. «Как ни отнестись к показаниям Ермоленко, — считал С. П. Мельгунов, — едва ли их можно признать «решающими» для определения отношения большевиков к германско-

¹⁴² Деникин А. И. Указ. соч. С. 72–73.

¹⁴³ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 334.

¹⁴⁴ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 203.

му военному командованию, как это делает в своих воспоминаниях Керенский...»¹⁴⁵.

Касаясь показаний Ермоленко, еще в конце 20-х годов Л. Д. Троцкий язвительно писал: «Теперь мы, по крайней мере, знаем, как поступал немецкий Генеральный штаб в отношении шпионов. Когда он находил безвестного и малограмотного прапорщика в качестве кандидата в шпионы, он вместо того чтобы поручить его наблюдению поручика из немецкой разведки, связывал его с “руководящими немецкими деятелями”, тут же сообщал ему всю систему германской агентуры и перечислял ему даже банки — не один банк, нет, а все банки, через которые идут тайные немецкие фонды. Как угодно, но нельзя отделаться от впечатления, что немецкий штаб действовал до последней степени глупо»¹⁴⁶.

Наконец, нельзя не принять во внимание то, что сообщает о Ермоленко начальник контрразведки Петроградского военного округа Б. В. Никитин. По его мнению, Ермоленко едва ли можно считать главным обличителем, поскольку он, «кроме голословных заявлений, не дал ничего», а «все обвинение, построенное на его показаниях, по справедливости, осталось неубедительным». Более того, Никитин считал необходимым отметить, «что петроградская контрразведка категорически отмежевывается от Ермоленко» и что у нее даже не было на него досье. «Я увидел до смерти перепуганного человека, который умолял его спрятать и отпустить, — вспоминал он о своей первой встрече с Ермоленко. П. А. Александров записал показания, а я его спрятал на несколько часов и отпустил. Пробыв в Петрограде не больше суток, он уехал в Сибирь»¹⁴⁷. Такой «свидетель» был больше не нужен контрразведке, которая теперь могла строить на основе его показаний самые смелые предположения и даже обвинения, чтобы предъявить их в подходящее время. Но события развивались столь стремительно, что «секретное оружие» пришлось применить, с точки зрения его обладателей, даже преждевременно.

¹⁴⁵ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 92.

¹⁴⁶ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 300.

¹⁴⁷ Никитин Б. В. Указ. соч. С. 85–86.

Глава шестая

«ПЕРЕЛОМНЫЙ ПУНКТ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

События 3–5 июля в Петрограде, определившие во многом дальнейшее направление Русской революции, были вызваны целым рядом факторов политического, социального и идеологического характера.

Главным из них стала неудача июньского наступления русской армии и связанные с ним последствия. Решиться на это наступление Временное правительство и Ставку заставило не только давление союзников, но и стремление остановить процесс разложения армии. «Ни одна армия не может оставаться в праздности беспредельно, — писал впоследствии А. Ф. Керенский, — восстановление боеспособности русской армии и ее переход в наступление было неотложной, основной, необходимой задачей свободной России. Ради своего будущего Россия должна была совершить героический жертвенный акт»¹. Но тогда, в июне 1917 г., у него, по правде говоря, не могло быть особых иллюзий относительно исхода этого «героического жертвенного акта». За два дня до начала июньского наступления солдаты гвардейского Павловского полка прямо в лицо говорили своему военному министру, что в наступление они не пойдут, а его министром не признают, мотивируя свое решение следующим образом: «Наступлением мы только затянем войну и потеряем свободу, а Германии не дадим в это время сделать революции. В Германии сейчас идет революция...»².

¹ *Kerensky A. The Catastrophe. New York, 1927. P. 127.*

² Революционное движение в России в мае–июне 1917 г.: Документы и материалы. М., 1959. С. 365–366.

Командные круги также считали, что наступление, в случае его успеха, может излечить армию от тлетворного влияния революции. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал А. И. Деникин видел необходимость наступления в том, что «в пассивном состоянии, лишенная импульса и побудительных причин к боевой работе, Русская армия несомненно и быстро догнала бы окончательно, в то время как наступление, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроение, если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством победы. Это чувство могло разрушить все интернациональные догмы, посеянные врагом на благородной почве пораженческих настроений социалистических партий»³. Но и здесь не было трезвого расчета, а всего лишь надежда на удачу. Понесенное русской армией в апреле 1917 г. поражение на р. Стоход не было принято во внимание. «Эта операция сама по себе не имела сколько-нибудь серьезного значения, — писал генерал Людендорф, — но число русских, захваченных здесь в плен, было столь велико, что вызвало даже мое удивление. Канцлер просил меня делать как можно меньше шума по поводу этого успеха. Скрепя сердце, я согласился. Войска, участвовавшие в этой атаке, не заслуживали этой сдержанности. Появившиеся в газетах наши урезанные описания боя на Стоходе многим показались странными. Я предвидел это впечатление, но считал себя обязанным подчиниться желанию канцлера не разрушать надежды на мир»⁴.

Поэтому не трудно было предвидеть, чем может обернуться для русской армии и наступление, которое началось 18 июня 1917 г. на Юго-Западном фронте. В первые два дня наступления благодаря мощной артиллерийской подготовке и отважным действиям отборных частей были прорваны вражеские позиции. Однако остальная пехота следовала в наступление неохотно, и даже были случаи, когда части, подойдя к уже отбитым у противника позициям, возвращались назад под тем предлогом, что наша артиллерия так разрушила неприятельские окопы, что ночевать негде. После первых двух дней боев наступательный порыв двух центральных армий — 7-й и 11-й — иссяк, что вынужден был констатировать в своем доносении в Ставку командующий 11-й армии генерал Эрдели, отметив при этом, что «в некоторых частях господствует определенное

³ Деникин А. И. Очерки Русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. Париж, 1921. С. 178.

⁴ Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Berlin, 1919. S. 343.

убеждение, что они свое дело сделали и вести непрерывно дальнейшее наступление не должны»⁵.

Наиболее заметных успехов в первые дни наступления на Юго-Западном фронте добилась наступавшая на его левом фланге 8-я армия под командованием генерала Л. Г. Корнилова. Действуя против австро-венгерских частей, она захватила 7 тыс. пленных и 48 орудий, проникнув глубоко в расположение противника. Но затем повторилась та же картина, что на других участках фронта: по мере продвижения вперед отборные части тают от потерь, а идущая сзади остальная пехота приходит в такой беспорядок, что первая же контратака неприятеля заставляет всю 8-ю армию отступить назад в полном расстройстве ее рядов. Судя по всему, это не было неожиданностью и тем более ударом для генерала Корнилова, принявшего в мае 8-ю армию в тяжелом состоянии. По свидетельству служившего под его началом капитана Нежинцева, «знакомство нового командующего с его пехотой началось с того, что построенные части резерва устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления, указывали на ненужность продолжения “буржуазной” войны, ведомой “милитарищиками”. Когда генерал Корнилов, после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, здесь ему представилась картина, какую вряд ли мог предвидеть любой воин эпохи». Картина, которую далее описывает Нежинцев, хотя и не уникальна для русской армии 1917 г., была не для слабонервных военачальников: «Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов с обеих сторон разделялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями... Появление генерала Корнилова было приветствуемо ... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией; за ними стояло несколько прусских солдат... Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил: “Я был бы бесконечно счастлив — быть может хоть это отрезвило бы наших затуманенных солдат и прервало постыдное братание”. На участке соседнего полка командующий армией был встречен... браваурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого

⁵ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 566-567.

потянулись наши “братальщики” — солдаты. Генерал со словами — “это измена!” — повернулся к стоящему рядом с ним офицеру, приказав передать “братальщикам” обеих сторон, что если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет огонь из орудий. Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли к своей линии окопов, по-видимому устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты — о, они долго еще митинговали, жалуясь на “притеснения контрреволюционными начальниками их свободы”⁶.

При таком морально-волевом настрое солдатской массы начатое 18 июня на Юго-Западном фронте наступление было заранее обречено на неудачу, и к 1–2 июля оно на этом направлении замерло окончательно. Потери всех трех армий за время этой операции составили 37 500 солдат и 1222 офицера. «По сравнению с потерями, которые выдерживала Русская армия до революции, эти цифры невелики, — писал в связи с этим военный историк Н. Н. Головин. — Но дело в том, что эти потери должны быть отнесены всецело на долю отборных частей и тех немногочисленных полков пехоты, которые устояли еще от заразы разложения. В этом случае приведенные выше цифры велики, ибо они означают почти полное уничтожение элементов долга и порядка, посредством которых командный состав мог еще кое-как поддерживать в армии хотя бы небольшой порядок»⁷.

К началу июля эхо поражения на Юго-Западном фронте докатилось и до Петрограда, где обстановка к тому времени и без того уже накалилась. Дело в том, что наступление на фронте послужило Временному правительству удобным поводом для того, чтобы попытаться избавиться от наиболее революционных частей Петроградского гарнизона. Реальная угроза расформирования и разоружения нависла над 1-м пулеметным, 1-м, 3-м и 180-м пехотными полками, запасными батальонами Гренадерского, Московского и Павловского полков, которые по разверстке штаба округа должны были направить в составе маршевых рот почти весь свой наличный состав. Особенно напряженное положение сложилось в 1-м пулеметном полку, из которого военный министр А. Ф. Керенский распорядился направить на фронт 500 пулеметов. План реорганизации 1-го пулеметного полка предусматривал его сокращение в

⁶ Деникин А. И. Указ. соч. С. 76–77.

⁷ Головин Н. Н. Указ. соч. С. 367.

три-четыре раза. Сложившуюся в 1-м пулеметном полку обстановку решили использовать в своих целях анархисты. Под влиянием их агитации пулеметчики высказались на своем общем собрании 20 июня за выступление против Временного правительства⁸. Однако прибывшим в 1-й пулеметный полк представителям Военной организации большевиков вместе с большевиками-пулеметчиками с трудом удалось удержать солдат от выступления. Но овладеть положением и охватить многотысячный гарнизон Петрограда своим влиянием Военная организация большевиков, насчитывавшая к тому времени всего 1600 человек, еще не могла. И очень скоро события в самом гарнизоне и на улицах Петрограда приняли неуправляемый характер.

Настроения недовольства и озлобления в столичном гарнизоне еще больше усилила весть о расправе с солдатами Гренадерского, Павловского и Финляндского полков, отказавшимися идти в наступление на Юго-Западном фронте. 1 июля общее собрание запасного батальона Гренадерского полка после выступления делегатов с фронта приняло резолюцию, выражавшую «полное недоверие Временному правительству, министру Керенскому и партиям, его поддерживающим»⁹. С призывами к вооруженному выступлению вновь выступили солдаты 1-го пулеметного полка, находившиеся в сильном возбуждении в связи с упорно распространявшимися слухами о том, что выделенные полком для отправки на фронт 350 пулеметов задержаны штабом округа для расправы с революционными массами. Воинственное настроение солдат использовала в своих целях Петроградская федерация анархистов-коммунистов, которая на тайном совещании решила начать агитацию за вооруженное восстание, сделав особую ставку на 1-й пулеметный полк¹⁰. По свидетельству начальника петроградской контрразведки Б. В. Никитина, командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцов, беседуя с ним 1 июля 1917 г., сказал: «Положение Временного правительства отчаянное: оно спрашивает, когда ты будешь в состоянии обличить большевиков в государственной измене».¹¹ Именно 1 июля, по признанию самого Никитина, он

⁸ Известия Петроградского Совета. 1917. 22 июня.

⁹ Большевиизация Петроградского гарнизона: Сб. документов и материалов. Л., 1932. С. 133-134.

¹⁰ Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964. С. 46.

¹¹ Никитин Б. В. Роковые годы. М., 2000. С. 105.

выписал ордера на арест большевистских лидеров во главе с Лениным и «приказал отменить производство всех 913 дел по шпионажу, больших и малых, находящихся в разработке контрразведки и не имеющих прямого отношения к большевикам, дабы усилить работу против большевиков». ¹² Теперь находившиеся под его началом 21 юрист и 180 агентов ¹³ могли в любой момент начать одно (но зато какое!) «дело». Временное правительство, сидевшее на вулкане разрастававшегося недовольства и возмущения солдатских масс, имело таким образом наготове не только компромат на большевиков, но и аппарат дознания. Однако события 3–5 июля 1917 г. в Петрограде нарушили планы организаторов акции против большевиков.

1. Большевистский путч или стихийное выступление масс?

В оценке июльских событий в Петрограде, оказавших глубокое воздействие на дальнейший ход Русской революции, с самого начала выявились диаметрально противоположные точки зрения: для одних это было большевистское восстание, инспирированное германским Генеральным штабом, для других — стихийное выступление рабочих и солдат, возмущенных антинародной политикой Временного правительства. Эти крайние точки зрения олицетворяли в первую очередь А. Ф. Керенский и В. И. Ленин, представлявшие различные социальные и политические силы и оставшиеся непримиримыми противниками. Между этими точками зрения находится сложная историческая проблема, понимание которой должно быть основано на изучении всех документальных и мемуарных источников, на учете всех аргументов и фактов, доводов и мнений; на способности отрешиться от политических пристрастий, неизбежных в политической борьбе и вредных в исторических исследованиях. Называя июльские события в Петрограде «одним из драматичнейших эпизодов революции», Н. Н. Суханов писал: «Его история не только очень важна и интересна, но и очень сложна. И не только сложна, но и очень темна, крайне запутана. По обыкновению, я не беру на себя ни малейшего обязательства ее распутать, не только правильно истолковать, но и дать истинную версию событий... Но чтобы

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же. С. 11.

помочь распутать июльские дни будущим историкам, мне, со своей стороны, следовало бы описать их с максимальной подробностью...»¹⁴.

Из огромной исследовательской литературы, посвященной июльским событиям 1917 г., по моему мнению, необходимо выделить вышедшие еще в 60-е годы XX в. фундаментальные работы ленинградского историка О. Н. Знаменского «Июльский кризис 1917 года»¹⁵ и американского профессора А. Рабиновича «Прелюдия к революции»¹⁶. Если в первой из них развивается концепция «мирной вооруженной демонстрации», то главным тезисом второй стал тезис о вооруженном восстании, толчок которому дал 1-й пулеметный полк при поддержке и участии Военной организации большевиков. Вместе с тем обе книги объединяет стремление их авторов выявить и проследить влияние на ход июльских событий самых разных факторов. При этом следует подчеркнуть, что в обоих случаях «германского фактора» не было обнаружено. Спустя много лет влияние этого фактора не обнаружил и другой авторитетный американский историк Л. Хеймсон в своем новейшем исследовании «Из истории июльского кризиса 1917 года»¹⁷.

Сегодня определенно доказано, что каждая из противоборствующих тогда сторон, исходя из своих интересов, шла к открытому столкновению, провоцируя друг друга и маскируя свои истинные цели. 1 июля 1917 г. А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко и И. Г. Церетели вернулись в Петроград из Киева, где они вели переговоры с Центральной Радой о разграничении полномочий между центральной и местной властью, и в тот же день достигнутое соглашение было ратифицировано Временным правительством. Сразу же после этого представители кадетской партии заявили о своем выходе из состава правительства, мотивируя его «принципиальными возражениями» против соглашения по украинскому вопросу. Но это был, даже по официальному признанию министра-председателя Временного правительства Г. Е. Львова, «не больше, чем повод»¹⁸,

¹⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 316.

¹⁵ Знаменский О. Н. Указ. соч. 1964.

¹⁶ Rabinowitch Alexander. Prelude to Revolution. The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, 1968; См. также: Рабинович Александр. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992.

¹⁷ Хеймсон Л. Из истории июльского кризиса 1917 года // Линия судьбы: Сб. статей. М., 2007.

¹⁸ Русское слово. 1917. 4 июля.

а лидер прогрессистов И. Н. Ефремов, выступая 2 июля на частном совещании членов Государственной думы, сказал, что кадеты ушли из правительства в то время, «когда, по-видимому, слагалось представление, что с положением справиться нельзя» и «когда уйти, быть может, пришлось бы по другим причинам»¹⁹. При этом оратор счел нужным упрекнуть кадетов в том, что, уходя, они «снимают с себя ответственность, но этим снимают ответственность формально, за будущие действия, но не снимают за уже происшедшее...»²⁰. В самом деле, в начале июля Временное правительство было поставлено перед жестокой необходимостью публично признать, что разрекламированный успех июньского наступления на фронте обернулся поражением, а такое признание в накаленной до предела обстановке могло привести к взрыву и вынужденному уходу из правительства инициаторов и сторонников демонстрации силы русской армии — в первую очередь кадетов. Последних, разумеется, такая перспектива не могла устроить, и они сочли за благо уйти заранее сами, предоставив своим коллегам из социалистических партий — эсерам и меньшевикам — одним расплачиваться за последствия авантюры на фронте.

О выходе министров-кадетов из правительства в столице стало известно утром 3 июля. В рабочих кварталах и казармах это известие было воспринято как намеренное обострение политической обстановки, как дальнейшее наступление против революции. «Сообщение об уходе кадетов было понято так, что фактически угрожает контрреволюция, — свидетельствовал один из солдат 176-го запасного пехотного полка. — Наша рота была все время в ожидании чего-то»²¹.

Инициатором выступления стал 1-й пулеметный полк, где на созванном утром 3 июля полковом митинге выступали анархисты, делегаты с фронта, представители Путиловского и Трубочного заводов, призывавшие к свержению Временного правительства и к передаче власти Советам. В этой обстановке попытки руководителей большевистского коллектива пулеметчиков убедить солдат в несвоевременности выступления успеха не имели, и участники митинга высказались за выступление, которое было намечено на 17 ча-

¹⁹Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М., 1932. С. 175.

²⁰Там же.

²¹Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 50.

сов 3 июля²². Выбранные на полковом митинге делегаты направились на предприятия и в воинские части, чтобы добиться поддержки в предстоящем выступлении против Временного правительства.

В 3 часа дня представители пулеметчиков явились на проходившее во дворце Кшесинской заседание Второй Петроградской общегородской конференции РСДРП (б), где им было заявлено, что партия большевиков в сложившейся обстановке против выступления. Состоявшееся часом позднее экстренное совещание членов ЦК, ПК и Военной организации подтвердило это решение, после чего многие руководящие работники партии большевиков направились в районы города, чтобы попытаться сдержать стихийно разворачивавшиеся события²³.

В это время в частях Петроградского гарнизона всюду обсуждался призыв 1-го пулеметного полка к выступлению против Временного правительства. Наибольшее сочувствие идея выступления встретила в 1-м и 180-м пехотных полках, в запасных батальонах Московского и Гренадерского полков. Эти части отличались политической активностью и раньше, влиятельны были здесь и партийные коллективы большевиков, благодаря которым первоначально удалось уговорить солдат не предпринимать никаких действий без ведома Военной организации, хотя к вечеру под влиянием непрерывной агитации обстановка в них вновь накалилась. В большинстве же запасных батальонов гвардейской пехоты к призыву пулеметчиков отнеслись настороженно, что объяснялось желанием значительной части солдат, в своей основной массе крестьян, остаться в стороне от решительных событий. Опасаясь возможных последствий, они предпочли, как и в прежних критических ситуациях, положиться на свои комитеты, занимавшие в это время еще в основном эсеро-меньшевистские позиции. Днем 3 июля комитет запасного батальона Кексгольмского полка с целью сбить настроение солдат устроил общее собрание, на котором прибывший с фронта делегат, расписывая успехи кексгольмцев на передовой, говорил, что полк действует в «блестящем настроении». В результате собрание приняло решение о посылке на фронт четырех маршевых рот

²²Июльские дни в Петрограде // Красный архив. 1927. Т. 4 (23). С. 14.

²³Протоколы Шестого съезда РСДРП (большевиков). 26 июля — 3 августа 1917 года. М., 1919. С. 19.

из состава запасного батальона²⁴. На собрании выборных представителей запасного батальона Петроградского полка было постановлено «просить роты и команды без разрешения Исполнительного комитета Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов не выступать». Прибывшие в запасный батальон Преображенского полка делегаты пулеметчиков усилиями членов комитета не были допущены к солдатам²⁵.

Во второй половине 3 июля тревожные вести из Петрограда дошли и до частей, располагавшихся в пригородах столицы. В Красном Селе на собрании представителей взводов 176-го пехотного полка была принята резолюция, предлагавшая ЦИК Советов взять власть в свои руки и обещавшая ему вооруженную поддержку.²⁶ В Петергофе, где находилась такая крупная воинская часть, как 3-й пехотный полк, по решению исполкома местного Совета было объявлено состояние боевой готовности.²⁷ За выступление против Временного правительства высказался и Кронштадтский гарнизон, в котором еще до приезда делегатов от 1-го пулеметного полка анархисты вели агитацию за присоединение к якобы уже начавшемуся восстанию в Петрограде. Депутатам Кронштадтского Совета с большим трудом удалось уговорить собравшихся на Якорной площади матросов и солдат отложить отъезд в Петроград до утра 4 июля.²⁸

Но в целом к назначенному сроку выступления — 17 часов — 1-й пулеметный полк не смог заручиться поддержкой большинства частей Петроградского гарнизона, и это обстоятельство не могло не отразиться на настроении пулеметчиков. «Было уже 5 час. вечера, а полк еще не выступил и как будто колебался, — отмечал один из участников этих событий. — Понемногу удалось успокоить массу»²⁹. Однако решающее слово сказал питерский пролетариат. Рабочие Выборгской стороны, откликнувшись на призыв пулеметчиков, первыми вышли на улицы города, положив конец колебани-

²⁴ *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 168.

²⁵ Там же. С. 169.

²⁶ Революционное движение в России в июне 1917 г.: Июльский кризис. Документы и материалы. М., 1959. С. 397.

²⁷ Июльские дни в Петрограде. С. 3–4.

²⁸ *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 150–151.

²⁹ *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 58.

ям солдатской массы и дав решающий толчок резкому проявлению протеста против политики Временного правительства. Об этом моментально стало известно в 1-м пулеметном полку, который через несколько минут в количестве 5–5,5 тыс. солдат с винтовками и 20–25 пулеметами был уже на улице³⁰. Примеру инициаторов выступления последовали почти все предприятия и воинские части Выборгской стороны. Объединившиеся рабочие и солдаты затем направились к Таврическому дворцу. Двигавшиеся различными маршрутами пулеметчики привлекли по дороге на свою сторону солдат запасных батальонов Московского и Гренадерского полков, 6-го саперного батальона.

«В 7 часов вечера к особняку Кшесинской подходят 2 полка с знаменами с лозунгами “Вся власть Советам”, — рассказывал И. В. Сталин делегатам VI съезда РСДРП (б). — Выступают два товарища: Лашевич и Кураев. Оба убеждают солдат не выступать и вернуться в казармы. Их встречают гиком: долой! Чего еще никогда не бывало... Для всех становится ясно, что удержать выступление невозможно»³¹. К 9 часам вечера у особняка Кшесинской собралось до 50 автомобилей, на которых находились 200–250 пулеметов. И независимо от желания большевиков, стремившихся предотвратить выступление, их штаб оказался политическим и военным центром, от которого рабочие и солдаты требовали руководящих указаний. Когда стало очевидным, что выступление революционных масс уже не остановить, совместное совещание членов ЦК, ПК и делегатов общегородской конференции большевиков признало «необходимым перерешить вопрос, вмешаться и овладеть уже начавшимся движением»³². С этим решением большевистское руководство вместе с рабочими и солдатами направляется в Таврический дворец. «С этого момента вся большевистская партия открыто встала во главе вооруженных масс, вышедших на улицу с требованием образования советского правительства», — так расценит впоследствии это решение лидер меньшевиков И. Г. Церетели³³.

³⁰ *Стулов П.* 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // Красная летопись. 1930. № 3. С. 104.

³¹ Протоколы Шестого съезда РСДРП (большевиков). С. 19.

³² Там же.

³³ *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 299.

Однако на самом деле и вечером 3 июля ни анархисты, ни большевики не владели положением в солдатских казармах и рабочих кварталах. По свидетельству современника, «с раннего вечера по городу стали летать автомобили, легковые и грузовики. В них сидели военные и штатские люди с винтовками наперевес и с испуганно-свирепыми физиономиями. Куда и зачем они мчались, никому не было известно...»³⁴. Но антиправительственный смысл этих бесшабашных действий все же просматривался. Вооруженные люди на автомобилях приехали на Варшавский вокзал, чтобы задержать и арестовать направлявшегося на фронт военного министра А. Ф. Керенского, но сильно опоздали: он уехал накануне вечером. Арестовать правительство могла в этот день любая вооруженная группа. Но имевшая место единственная попытка носила курьезный характер: около 10 часов вечера к квартире Г. Е. Львова, на которой заседало правительство в усеченном после ухода кадетов составе, подъехал автомобиль с пулеметом и вооруженными людьми. Они потребовали у швейцара выдачи министров, но пока вызвавшийся с ними переговорить И. Г. Церетели дошел до подъезда, неизвестные успели скрыться вместе с реквизированным автомобилем Церетели³⁵.

И все же поведение солдат, вышедших из казарм на улицы Петрограда, не давало серьезных оснований утверждать, что они выступили с целью вооруженного ниспровержения Временного правительства. Несмотря на спровоцированные 3 июля столкновения и стрельбу в районе Невского проспекта, многократные случаи стрельбы по демонстрантам с чердаков и верхних этажей, которые были зафиксированы управлением Петроградской милиции, демонстранты применяли оружие в исключительных случаях. Чтобы избежать жертв, солдаты были даже вынуждены уступить несколько пулеметов нападавшей на них буржуазной публике. К тому же из более чем 200-тысячного гарнизона столицы в уличных событиях 3 июля участвовали, как потом выяснит следственная комиссия, не более 15 тыс. солдат³⁶.

Поздно вечером 3 июля колонны демонстрантов стали подходить к Таврическому дворцу. Прибывшие первыми пулеметчики направили во дворец своих делегатов, которые потребовали от ЦИК

³⁴ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 322.

³⁵ Там же. С. 323–324.

³⁶ Июльские дни в Петрограде. С. 35.

Советов арестовать министров-капиталистов, передать власть Советам, прекратить наступление, конфисковать земли у помещиков, установить контроль над производством. Подобные же требования были предъявлены и другими воинскими частями³⁷. Ответом на эти требования было принятое на совместном заседании ЦИК Советов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов воззвание «Ко всем солдатам», призывавшее к беспрекословному подчинению командованию. Одновременно эсеро-меньшевистские лидеры Советов заверяли демонстрантов, что ЦИК будет рассматривать вопрос о власти «сегодня и завтра» и что «решение может быть, конечно, только в интересах революционной демократии»³⁸.

Впечатляющая солдатская демонстрация перед Таврическим дворцом и, особенно, прибытие туда многотысячной колонны путиловцев убедили, по свидетельству Г. Е. Зиновьева, большевистский ЦК в необходимости санкционировать и возглавить «мирную, но вооруженную демонстрацию» рабочих и солдат. Было также принято решение послать немедленно за Лениным, находившимся в те дни в Финляндии³⁹. Состоявшееся в ночь с 3 на 4 июля совместное совещание членов ЦК, ПК, Военной организации большевиков, Комитета межрайонцев и комиссии рабочей секции Петроградского Совета приняло решение о проведении 4 июля мирной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!». «Дневное воззвание Центрального комитета о прекращении демонстрации вырезается из стереотипа, но уже слишком поздно, чтобы заменять его новым текстом, — вспоминал Л. Д. Троцкий. — Белая страница «Правды» станет завтра убийственной уликой против большевиков: очевидно, испугавшись в последний момент, они сняли призыв к восстанию, или, может быть, наоборот, отказались от первоначального призыва к мирной демонстрации, чтобы довести дело до восстания»⁴⁰. И хотя в отпечатанном к утру 4 июля отдельной листовкой воззвании партия большевиков призывала стихийно начавшееся движение за передачу власти в руки Советов «превратить в мирное и организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьян-

³⁷ Известия Петроградского Совета. 1917. 4 июля.

³⁸ Там же.

³⁹ Зиновьев Г. Ленин в июльские дни // Пролетарская революция. 1927. № 8/9 (67/68). С. 62.

⁴⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. Берлин, 1933. С. 46.

ского Петрограда», в накаленной многочисленными вооруженными столкновениями демонстрантов с контрреволюционными элементами обстановке 3 июля уговорить рабочих и солдат выйти на следующий день на демонстрацию без оружия было нереально. Более того, представители ряда рабочих районов, прежде всего Выборгской стороны, настаивали именно на вооруженной демонстрации. Как показали события на улицах Петрограда 3 июля, их опасения, что безоружная демонстрация может быть встречена «по-военному», не были безосновательными. Эти опасения разделяла и часть делегатов работавшей в эти дни Петроградской городской конференции большевиков. «Какая тут может быть мирная демонстрация, — говорил один из ее делегатов. — На улицах стрельба. Это новая революция!»⁴¹. За «самое энергичное участие» в демонстрации высказалось вечером 3 июля состоявшееся совместное совещание членов Всероссийского бюро Военной организации большевиков и Исполнительной комиссии Петербургского комитета⁴². «Со всей откровенностью следует сказать, — пишет в связи с этим американский историк А. Рабинович, — что лидерам петроградских большевиков было чрезвычайно трудно оставить без руководства демонстрантов и недавно завоеванных членов партии. В конце концов уличные шествия возникли в результате большевистской пропаганды и были реальным свидетельством усиливавшейся “большевизации” масс»⁴³.

С ведома ЦК РСДРП (б) при Военной организации был создан оперативный штаб для руководства революционными частями столичного гарнизона. От имени Военной организации этот штаб направил членам большевистских ячеек воинских частей следующие директивные указания: «1. Организовать руководящий комитет для командования батальоном из членов нашей организации. 2. В каждой роте должны быть руководители. 3. Устроить ротные собрания и на них прочесть наше обращение. 4. Установить связь с Военной организацией, назначив для этого немедленно двух товарищей к нам. 5. Поддерживать связь с соседними частями. 6. Проверять, куда и кто отправляет команды из частей; командам давать

⁴¹ Ильин-Женевский А. Ф. На рубеже русской революции // Красный Петроград. 1919. С. 37.

⁴² Невский В. И. Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10/15. С. 39.

⁴³ Рабинович Александр. Указ. соч. С. 175.

наши инструкции. 7. Быть наготове и не выходить из казарм без призыва Военной организации»⁴⁴.

С началом активных действий по приказу Военной организации броневики Запасного броневого автомобильного дивизиона направились на боевое дежурство к особняку Кшесинской, Николаевскому вокзалу, ключевым мостам и на Литейный проспект. 16-я рота 1-го пулеметного полка должна была обеспечивать безопасность в районе особняка Кшесинской и занять Петропавловскую крепость.⁴⁵ Одновременно решение большевиков было доведено до таких важных объектов, как Петропавловская крепость и Арсенал. В нем говорилось: «Военная организация доводит до сведения гарнизона Петропавловской крепости, что сегодняшнее выступление произошло стихийно, без призыва нашей организации, но, желая предупредить возможность разгрома выступивших товарищей со стороны контрреволюционных сил, мы, уже после выяснившейся невозможности задержать выступление, предложили всем товарищам солдатам и рабочим поддержать революционные части войск, вышедшие на улицу. В данный момент мы призываем гарнизон Петропавловской крепости без призыва В. О. никуда не выступать и осведомлять нас о всех распоряжениях, поступающих от соответствующих властей. За Председателя Военной организации В. Невский. Секретарь Мехоношин»⁴⁶.

Как видно из этих документов, предполагаемые в них меры были рассчитаны на приведение в готовность и действия воинских частей в чрезвычайной ситуации. Разосланная от имени Военной организации инструкция членам большевистских ячеек будет использована затем в известных предписаниях Военно-революционного комитета в октябрьские дни 1917 г. И все же, на мой взгляд, вряд ли можно считать, что это уже было восстание: в самом крайнем случае можно было говорить о его подготовке и организации.

В то время как радикальная часть большевистского руководства и особенно его Военная организация направили свои усилия на организацию «мирной, но вооруженной демонстрации», Временное правительство решило «списать» все события 3 июля на большевиков. «Ранним утром 4 июля мы получили первое официальное сооб-

⁴⁴ Июльские дни в Петрограде. С. 32.

⁴⁵ Там же. С. 26.

⁴⁶ *Владимирова В.* Июльские дни 1917 года // Пролетарская революция. 1923. № 5 (17). С. 18.

чение о вооруженном восстании рабочих и солдат Петрограда, организованном Лениным»⁴⁷, — писал позднее А. Ф. Керенский, находившийся в те дни на Западном фронте. Правда, военный министр здесь не хочет признать, что он, в свою очередь, решил свалить на большевиков всю ответственность за неудачу июньского наступления, пойдя в этих целях на подтасовку фактов. «Петроградские беспорядки произвели на фронте губительное, разлагающее влияние, — телеграфировал 4 июля Керенский министру-председателю Г. Е. Львову. — Необходимо ускорить опубликование сведений, имеющих в руках министра иностранных дел»⁴⁸. Хотя вопрос о том, как «петроградские беспорядки» 3 июля задним числом могли оказать «губительное, разлагающее влияние» на июньское наступление русской армии, так и остался открытым, Керенский использовал их в качестве главного аргумента для ускорения публикации собранного на большевиков компромата.

Однако события 4 июля в Петрограде приняли столь катастрофический для власти характер, что «бомбу» пришлось взорвать, с точки зрения ее главных изготовителей, даже преждевременно. Хотя с утра было напечатано во всех газетах постановление Временного правительства, безусловно воспрещавшее всякие вооруженные демонстрации, на улицы города снова вышли рабочие и солдаты. Существенным обстоятельством, повлиявшим на решение ряда воинских частей участвовать в демонстрации 4 июля, стало прибытие из Кронштадта около 10 тыс. вооруженных матросов, солдат и рабочих, которые высадились на Университетской набережной между 10 и 11 часами утра⁴⁹. Среди встречавших кронштадтцев были и вышедшие на демонстрацию солдаты 180-го пехотного полка. Но главным фактором, определявшим участие в демонстрации ряда запасных полков и батальонов столичного гарнизона, был увлекающий пример питерских рабочих, сотни тысяч которых направились в этот день из различных концов города к Таврическому дворцу с требованием перехода власти к Советам. В многотысячной колонне рабочих Выборгской стороны, как и накануне, шли солдаты 1-го пулеметного полка. Рабочие-путиловцы склонили к демонстрации те роты 2-го пулеметного полка, которые квартировали в Лигове.

⁴⁷ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 202.

⁴⁸ Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 290.

⁴⁹ Петраш В. В. Указ. соч. С. 154–155.

Для участия в демонстрации из пригородов столицы прибыли также солдаты 3-го и 176-го пехотных полков, 3-го батальона 1-го пулеметного полка, расположенного в Ораниенбауме. Во второй половине дня из казарм выступила колонна солдат запасного батальона Московского полка со знаменем, подаренным рабочими Патронного завода⁵⁰. После прибытия в казармы запасного батальона Гренадерского полка солдат-москвичей, пулеметчиков и матросов часть гренадер вышла на демонстрацию вопреки принятому утром решению не выступать на улицу без призыва ЦИК Советов⁵¹.

4 июля, как и накануне, демонстрация началась на Выборгской стороне. Возглавляемая большевиками многотысячная колонна рабочих-выборжцев и солдат 1-го пулеметного полка около 11 часов утра была у дворца Кшесинской. Затем стали подходить демонстранты из других рабочих районов. Выступая перед прибывшими на площадь кронштадтцами и рабочими-василеостровцами, Ленин, только что вернувшийся в Петроград, выразил уверенность в том, что лозунг «Вся власть Советам!» «должен победить и победит, несмотря на все зигзаги исторического пути», призвал революционные массы к «выдержке, стойкости и бдительности».⁵² Собравшиеся перед дворцом ожидали услышать от вождя большевиков призыв к решительным действиям и, по воспоминаниям очевидцев, были явно разочарованы его выступлением. Но оно уже не могло повлиять на боевой настрой демонстрантов.

В демонстрации 4 июля участвовало до 350 тыс. рабочих⁵³, подавляющее большинство столичного пролетариата, что придавало ей большую организованность и целеустремленность, чем накануне. Но контрреволюционные элементы и на этот раз прибегли к провокационному обстрелу по пути их следования. Острота борьбы на улицах Петрограда 4 июля по-разному запечатлелась в сознании участников движения и его наблюдателей. Рабочий-большевик и через 20 лет с гордостью вспоминал «эти дни, прошедшие красной нитью» в его жизни, показавшие силу и мощь пролетариата⁵⁴. «На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безу-

⁵⁰ Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 100.

⁵¹ Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 90.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 23–24.

⁵³ Знаменский О. Н. Указ. соч. С. 106.

⁵⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД). Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2037. Л. 1.

мия, охватившего Петроград днем 4 июля, — писал М. Горький. — Вдруг где-то щелкает выстрел, и сотни людей судорожно разлетаются во все стороны, гонимые страхом, как сухие листья вихрем, валятся на землю, сбивая с ног друг друга, визжат и кричат: «Буржуи стреляют!». Стреляли, конечно, не «буржуи», стрелял не страх перед революцией, стрелял страх за революцию. Он чувствовался всюду и в руках солдат, лежащих на рогатках пулеметов, и в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки и револьверы, со взведенными предохранителями, и в напряженном взгляде вытаращенных глаз. Было ясно, что эти люди не верят в свою силу, да и едва ли и понимают, зачем они вышли на улицу с оружием»⁵⁵. А вот впечатления высокопоставленного чиновника МИД Г. Н. Михайловского, еще с апреля 1917 г. убежденного в том, что Ленин и большевики работали на Германию и смотревшего на июльские события под этим углом зрения: «Эти матросы группами и в одиночку, с ружьями наперевес, с загорелыми лицами и с лентами, перевернутыми внутрь на своих шапках, чтобы скрыть свою принадлежность к тому или иному судну, эта анонимная атака приехавших извне людей, ставшая надолго символом большевистской революции, не имели ничего общего с февральской толпой или же с апрельскими военными демонстрациями... Никогда еще уверенность, что чужая рука движет этими людьми, направляет их и оплачивает, не принимала у меня такой отчетливой формы. После июльских дней всякая тень сомнения в германской завязи большевистского движения у меня исчезла. В этих кронштадтских матросах не было ни малейшей искры энтузиазма или же того мрачного фанатизма, который заставляет человека идти на смерть за свое дело»⁵⁶. В представлении другого очевидца этих событий Н. Н. Суханова, «это были рядовые кронштадтские матросы, воспринявшие по своему разумению большевистские идеи»⁵⁷. Сами же участники июльского движения, если опять же судить по многочисленным воспоминаниям, испытывали совсем другие чувства, не подозревая даже, что ими движет «чужая рука». Рабочие были убеждены, что они вышли защищать революцию, которой угрожала опасность справа, и «буржуи» все-таки стреляли в

⁵⁵ Новая жизнь. 1917. 14 июля.

⁵⁶ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 1. Август 1914 — октябрь 1917. М., 1993. С. 424–425.

⁵⁷ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 334.

них в этот день неоднократно. В результате вооруженных столкновений на улицах Петрограда 3 и 4 июля было убито и ранено, по официальным данным ЦИК, около 400 человек, а по сведениям Центрального пункта медицинской помощи, их число превысило 700⁵⁸.

Прибывающие к Таврическому дворцу в течение всего дня 4 июля новые и новые колонны рабочих и солдат во что бы то ни стало желали получить от ЦИК ответ на свое требование о переходе власти в руки Советов. Какой-то рабочий, потрясая мозолистым кулаком перед В. М. Черновым, сказал: «Бери власть, коли дают». Под напором революционных масс на открывшееся вечером совместное заседание ЦИК Советов и исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов были допущены 90 делегатов от 54 крупнейших заводов и фабрик, а также воинских частей и пригородов столицы, от имени которых на этом заседании выступили 5 человек. Примечательно, что рабочие-ораторы, излагая требования, отражавшие интересы революционных масс не только Петрограда, но и страны в целом, весьма отчетливо сознавали этот факт и выступали от имени рабочих и солдат всей России. Они настаивали на передаче всей власти Советам, на прекращении политики соглашательства с буржуазией, на установлении контроля над производством, на принятии действенных мер по борьбе с голодом, на немедленной передаче земли крестьянам, на отмене приказов, направленных против революционных воинских частей и др. Эсеро-меньшевистский ЦИК Советов, заседавший под охраной солдат-преображенцев, гвардейской конной артиллерии и броневиков, решил не считаться с волей революционных масс, требовавших перехода власти к Советам, выступил за сохранение полноты власти «в руках теперешнего Временного правительства, которое должно действовать последовательно, руководствуясь решениями Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского Совета крестьянских депутатов»⁵⁹.

Но в эти часы Временное правительство не обладало властью вообще. Английский посол Джордж Бьюкенен сообщал в Лондон в связи с событиями 4 июля в Петрограде: «Во вторник к вечеру я испытал настоящий страх по поводу того, что правительству придет-

⁵⁸Известия Петроградского Совета. 1917. 5 июля.

⁵⁹Там же. 6 июля.

ся капитулировать, так как оно по существу находилось во власти мятежных войск, у которых не оказалось, однако, ни капли храбрости и которые не имели надлежащего руководства»⁶⁰. В самом деле, 4 июля на стороне Временного правительства были только казачьи полки, 9-й кавалерийский полк, юнкера, отряд «увечных воинов» и запасной батальон гвардейского Преображенского полка.⁶¹ Штаб округа отдал распоряжение о вызове в Петроград школ прапорщиков из Петергофа, Ораниенбаума и Гатчины, запасной батареи гвардейской конной артиллерии из Павловска, батареи 3-го гвардейского артиллерийского дивизиона. Чувствуя всю шаткость своего положения, Временное правительство, командование военного округа и эсеро-меньшевистские лидеры ЦИК Советов договорились о вызове в столицу войск с Северного фронта, но пока карательные части еще не прибыли, нужно было предпринять что-то экстраординарное.

2. «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы!»

В этой критической для Временного правительства ситуации в роли спасителя выступил министр юстиции П. Н. Переверзев, который на свой страх и риск решил предать гласности материалы контрразведки о «преступных связях» большевиков с германским Генеральным штабом. По свидетельству А. Ф. Керенского, эти сведения, предназначенные для проведения соответствующих арестов большевистских руководителей, не могли быть разглашены без разрешения министра-председателя Временного правительства Г. Е. Львова⁶². Переверзев был активным членом масонской ложи и стал в мае 1917 г. министром юстиции по рекомендации Керенского, но у него сложились достаточно напряженные отношения с другими министрами, в особенности с Н. В. Некрасовым, кстати, тоже масоном. «Сам по себе милый человек, “душа человек”, веселый и экспансивный, Переверзев производил на всех очень хорошее впечатление, — писал его заместитель по Министерству юстиции и тоже масон А. А. Демьянов. — Но я знал его за самого неположительного человека, человека, который под влиянием минуты мог

⁶⁰ *Ллойд Джордж*. Военные мемуары / Пер. с англ. Т. 5. М., 1938. С. 77.

⁶¹ *Половцов П. А.* Дни затмения. Париж, 1927. С. 156.

⁶² *Керенский А. Ф.* Указ. соч. С. 221.

наговорить такого, что потом нельзя было найти выхода из его слов, разве только “мало ли что можно сказать”, “не всякое лыко в строку” и проч. Я удивляюсь и теперь, как Керенский мог не знать Переверзева с этой стороны и как он не учел этого обстоятельства...»⁶³. Свое вступление в должность министра юстиции Переверзев ознаменовал речью в Совете присяжных поверенных, удивившей своей откровенной прямолинейностью даже этих «законников». Смысл его речи состоял в том, что властям часто приходится совершать беззакония и он знает об этом на основании собственного опыта работы прокурором Петроградской судебной палаты, поэтому, вероятно, ему придется поступать так и в качестве министра⁶⁴. К этому следует добавить, что именно при Переверзеве в Министерстве юстиции создается свой отдел контрразведки, на деятельность которого Временное правительство отпустило 100 тыс. руб., хотя никакого постановления о создании такого органа не принималось⁶⁵. За короткий срок пребывания на посту «блюстителя закона» Переверзев совершил, по свидетельству своих коллег, немало промахов и ошибок, вызывая не раз неудовольствие своего шефа — Керенского. «Переверзев, по-видимому, сам чувствовал, что не все удачно идет у него по министерству, — вспоминал А. А. Демьянов. — Он все время был в удрученном состоянии духа; действовало на это состояние, конечно, и то, что он не пользовался авторитетом во Временном правительстве. Ему стало казаться, что все идет прахом»⁶⁶.

И вот теперь 4 июля, в критический для Временного правительства момент, Переверзев решил действовать самостоятельно, спасая страну и своих коллег по правительству. Под его руководством было подготовлено специальное сообщение для печати, в основу которого были положены уже известные нам показания прапорщика Ермоленко и перехваченная контрразведкой коммерческая переписка между Стокгольмом и Петроградом. «Я полагал, что обнародование этих сведений вызовет в гарнизоне настроения, которые сделают дальнейший нейтралитет невозможным, — писал сразу после июльских событий Переверзев. — Я находился перед вы-

⁶³ Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1922. С. 78, 82.

⁶⁴ Там же. С. 85.

⁶⁵ Там же. С. 104.

⁶⁶ Там же. С. 93.

бором: либо предать огласке все корни и нити этого чудовищного преступления через неопределенное время, либо незамедлительно подавить восстание, чреватое свержением правительства». ⁶⁷ Воздействие составленного в Министерстве юстиции «документа» было первоначально проверено на солдатах запасного батальона гвардейского Преображенского полка, специально собранных на Дворцовой площади к вечеру 4 июля для его оглашения, и надо признать, что «разоблачения» Ленина и других руководителей большевиков как агентов Германского генерального штаба произвели на солдат прямо-таки шокирующее впечатление, и тогда было решено провести «разъяснительную работу» и в других частях столичного гарнизона. По свидетельству эсера Н. Арского, «весть о том, что большевистское восстание служит немецким целям, немедленно стала распространяться по казармам, всюду производя потрясающее впечатление» ⁶⁸. В результате этой акции командованию Петроградского военного округа удалось добиться психологического перелома в колеблющихся и нейтральных частях, сформировать вечером 4 июля специальные наряды для патрулирования на улицах города.

Политическая сенсация была с удовлетворением воспринята и в Таврическом дворце, где продолжали заседать ЦИК Советов и исполком Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Хотя эсеро-меньшевистское руководство, узнав о том, что материалы об «измене» большевиков уже направлены в редакции целого ряда петроградских газет, и приняло меры, чтобы задержать их публикацию до выяснения всех обстоятельств этого дела в «ответственных советских сферах», оно получило хороший шанс осадить не в меру зарвавшихся большевиков, подрывавших все сильнее и сильнее их влияние в Советах, среди рабочих и солдат. По свидетельству начальника петроградской контрразведки Б. Н. Никитина, находившегося вечером 4 июля в Таврическом дворце, один из членов ЦИК, первым узнавший эту сенсационную новость, вбежал в зал заседания и закричал: «Мы спасены! У Временного правительства есть точные данные об измене большевиков!» ⁶⁹. Выступая в этот вечер перед солдатами, эсеро-меньшевистские ораторы каждый раз начинали так: «Временное правительство несет сведения, что Ленин

⁶⁷ Биржевые ведомости. 1917. 9 июля. Вечерний выпуск.

⁶⁸ Арский И. Трагикомедия 3 июля // Пережитое. М., 1918. С. 43.

⁶⁹ Никитин Б. В. Указ. соч. С. 120.

продался немцам»⁷⁰. Той же ночью большевистский ЦК постановил «прекратить демонстрации в виду того, что политическими выступлениями рабочих и солдат 3 и 4 июля самым решительным образом подчеркнута то опасное положение, в которое поставлена страна, благодаря губительной политике Временного правительства»⁷¹. В связи с этим Н. Н. Суханов писал: «Вот какая гримаса должна была изобразить улыбку удовлетворения... Да, урон был тяжелый и материальный, и моральный, и идейный. Но это были еще цветочки...»⁷².

Ранним утром 5 июля правительственные силы перешли в наступление против большевиков. Были разведены мосты через Неву, выключены телефоны предприятий и воинских частей. В первую очередь была захвачена редакция «Правды», где был учинен настоящий погром. Начальник отряда по выполнению этого задания представил командующему Петроградским военным округом генералу П. А. Половцову рапорт: «Доношу: к 4 часам утра 5 июля я получил словесное приказание обезоружить всех находившихся в редакции газеты "Правда" солдат, а также захватить переписку и документы. Означенное поручение мною выполнено. Документы и 10 винтовок доставлены моими людьми в штаб»⁷³. Захваченные документы и литература, по некоторым сведениям, до 30 пудов весом, составили затем значительную часть следственного дела. Окончательный разгром редакции «Правды» довершила толпа, которая ломала, рвала и жгла все, что попадалось на ее пути, дабы не осталось и следа от «германской заразы». Еще бы: в этот день обыватель был под впечатлением от только что опубликованной в одной-единственной газете — бульварном «Живом слове» — политической сенсации, выпущенной накануне в ведомстве П. Н. Переверзева при участии «общественных деятелей». На первой странице самой популярной 5 июля 1917 г. газеты было набрано крупным жирным шрифтом: «ЛЕНИН, ГАНЕЦКИЙ И К° — ШПИОНЫ!». Далее сообщалось: «При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба Верховного главнокомандующего препроводил военному министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко. Из показаний,

⁷⁰ Там же. С. 121.

⁷¹ Правда. 1917. 5 июля.

⁷² Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 341.

⁷³ Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 37–38.

данных им начальнику Разведывательного отделения штаба Верховного Главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры Германского генерального штаба Шигицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведут в России агент Германского генерального штаба и председатель украинской секции Союза освобождения Украины А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получают через некоего Свендсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц. Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус (доктор Гельфанд). В Петрограде — большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого — Суменсон. [Козловский является] главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через “Disconto Gessellschaft” в Стокгольм (“Nyа-Banken”), а отсюда — в Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 000 000 рублей. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами».

Правда, сам Переверзев предпочел не «засвечиваться», и потому этот сенсационный «документ» был напечатан от имени «известных общественных деятелей, требующих немедленного расследования», — бывшего депутата II Государственной думы Г. А. Алексинского и народовольца и узника Шлиссельбургской крепости В. С. Панкратова. Выбор, особенно в отношении Г. А. Алексинского, был совсем не случаен: ранее он был видным большевиком, хорошо знакомым с Лениным, членом социал-демократической фракции в Государственной думе, представителем редакции газеты «Пролетарий» за границей, одним из организаторов группы «Вперед», разошедшейся с Лениным. Именно Алексинский первым в апреле 1915 г. обвинил публично Парвуса как провокатора и германского агента. Вернувшись в Россию после Февральской революции, он стал меньшевиком, но сотрудничал в буржуазной га-

зете «Русская воля» и неоднократно резко выступал в печати против большевиков, называя в плехановском «Единстве» Ленина и его попутчиков по проезду через Германию «пассажирами германского военного поезда, мешающими русской армии защищать Россию». Впрочем, известность Алексинского носила скорее скандальный характер, его недостойное поведение по отношению к своим товарищам по социал-демократической фракции и в эмиграции не было забыто и в 1917 г., руководство Петроградского Совета отказало ему в сотрудничестве. Современный исследователь С. В. Тютюкин справедливо характеризует его как «заводного, энергичного, хотя и довольно беспринципного человека с ярко выраженными авантюристическими наклонностями»⁷⁴.

Предпринятая министром юстиции публикация антибольшевистского материала определенно оказала сильное воздействие на солдат Петроградского гарнизона, но она, по всей видимости, расстроила планы руководящей группы во Временном правительстве во главе с Керенским. И дело было не только в том, что Переверзев воспользовался компроматом на большевиков, не имея на то разрешения свыше, и стал разоблачителем и спасителем страны «не по праву», но и в том, что он сорвал рассчитанную на эффект неожиданности операцию, спугнув главных действующих лиц, и прежде всего Ганецкого, которого контрразведка намеревалась арестовать при пересечении границы. И потому самовольная акция Переверзева вызвала столь сильный гнев М. И. Терещенко и Н. В. Некрасова, которым было поручено руководство этой тайной операцией. Именно с публикацией компромата на большевиков, по мнению А. А. Демьянова, «карьера Переверзева — этого во всех своих ошибках все же чистого и честного человека, но большого фантазера, беспрограммного и неумелого администратора, — кончилась».⁷⁵ В результате ему пришлось уйти из Временного правительства. Керенский же, как это неоднократно бывало в таких неопределенных ситуациях, предпочел остаться в стороне, точнее говоря, на стороне Терещенко и Некрасова.

Запущенный в печать документ о «продажности» и «подкупе» большевиков уже не могли остановить никакие протесты ЦИК Советов и его лидеров, ни разъяснения, оправдания и аргумен-

⁷⁴ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 319.

⁷⁵ Демьянов А. А. Указ. соч. С. 95.

ты самих большевиков. На страницах петроградских газет началась настоящая вакханалия. Известный публицист и литератор Р. В. Иванов-Разумник оставил нам свои наблюдения над столичной июльской прессой тех дней 1917 г.: «Во главе этой разнуждавшейся ныне улицы идут в ногу “Маленькая газета” и “Живое слово”. Ограничусь первой из них. Вся первая страница занята своеобразной передовицей, набранной огромным жирным шрифтом и посвященной событиям последних дней. Газета безграмотно восхищается, что “заткнули ватой ухо в говорильню Таврического дворца, где агенты Вильгельма захватили наглыми речами всю трибуну, то есть иначе говоря, называет агентами Вильгельма” все социалистические партии и группы. И неудивительно, — продолжает газета, — ибо что же такое та власть, “которая создана Всероссийским Съездом СР. и С.Д.? Это — собрание людей, среди которых большинство составляют евреи... Мы не разжигаем национальной розни, храни вас Бог!” — восклицает газета, но тут же рядом прибавляет: “Куда же дальше?! Что же за правительство родится из Советов такого состава! Тоже с большинством евреев?! Мы не антисемиты, но — благодарим покорно за Русь!” Так, не за страх, а за совесть “работает” газета, в подзаголовке которой стоит: “газета внепартийных социалистов”. Конечно, за такой газетной “работой” часто может последовать совсем иного рода “работа” черной сотни, громил и хулиганов. Свое дело газета делает с усердием. В таком же роде работает и “Живое слово”. Вот другой излюбленный листок улицы — “Петроградский листок”. Он приспособливает на уличные вкусы другую тему. Тоже громадным шрифтом “Листок” по поводу событий последних дней восклицает: “Ужас! Петроград был захвачен немцами!”. А обрат “Листка” “Петроградская газета” провозглашает решительно и безапелляционно: “Ленин и его шайка — заведомые немецкие шпионы, посланные кайзером в Россию для нанесения революции отравленного удара ножом в спину”. И отсюда делает понятный для уличной логики вывод: “интернационалистам не место в Совете Р. и С.Д.” В марте улица лебезила перед “интернационалистами”, а в июле — вы видите ее новый лозунг»⁷⁶.

Надо признать, что сочиненный в Министерстве юстиции «документ» произвел сильное впечатление не только на обывательские круги и солдатские массы, но и на интеллигенцию. Известный исто-

⁷⁶ Иванов-Разумник Р. В. Из дневника революции. Пг., 1918. С. 66.

рик Ю. В. Готье записывает в это время в своем дневнике: «Участь России, околешего игуанодона или мамонта, — обращение в слабое и бедное государство, стоящее в экономической зависимости от других стран, вероятнее всего, от Германии. Большевики — истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова и Сухомлинова — это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены... Кстати об измене. С большевиков маска сорвана, а с украинцев еще нет. Чем более я думаю, тем более убеждаюсь, что и там все дело не обходится без немецких денег»⁷⁷.

Антибольшевистская кампания в печати и связанный с нею резкий перелом в настроении и поведении солдат позволили Временному правительству начать восстановление своей власти еще до прихода вызванных с Северного фронта войск. В ночь на 6 июля по распоряжению генерала Половцова было проведено собрание представителей 20 воинских частей, училищ и школ, которые заявили о своей поддержке Временного правительства. На этом собрании, проходившем в запасном батальоне Преображенского полка, член ЦИК Советов В. С. Войтинский сообщил о мерах, предпринимаемых для расправы с участниками демонстрации 3–4 июля. На собрании была принята резолюция, требовавшая «немедленного ареста всех подстрекателей и вдохновителей темной массы, толкавших ее на безответственные шаги и действия, вызвавшие народное кровопролитие», закрытия «Правды» и «Солдатской правды», разоружения Красной гвардии, расформирования 1-го пулеметного полка⁷⁸. Утром 6 июля правительственные войска захватили особняк Кшесинской, подвергнув разгрому помещение Военной организации при ЦК РСДРП(б). Одновременно была взята Петропавловская крепость, где находилась еще часть кронштадтских матросов и пулеметчиков. Большевикам удалось уговорить находившихся в крепости не оказывать сопротивления, к тому же среди пулеметчиков начались разногласия. 16-я рота пулеметчиков заявила, что она вошла в крепость исключительно с целью несения караульной службы. В операции по захвату Петропавловской крепости участвовали солдаты запасных батальонов Петроградского, Преображенского, Семеновского и Волынского полков, которым были

⁷⁷ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 155–157.

⁷⁸ Известия Петроградского Совета. 1917. 7 июля.

приданы 8 бронемашин и 2 орудия. Однако после этой карательной акции солдаты-петроградцы, возвратившись в свои казармы, раскаивались в том, что «пошли против своих». Испытывали угрызения совести и солдаты-измайловцы, участвовавшие в захвате дворца Кшесинской, они объясняли это участие тем, что поверили слухам о том, будто во дворце укрывались лица, получившие от Германии 2 млн. руб.⁷⁹

6–7 июля в Петроград прибыла рота самокатчиков, 14-й Донской казачий, 14-й Митавский гусарский полки и другие части 14-й кавалерийской дивизии, 5-я Кавказская казачья дивизия, пехотная бригада 45-й дивизии, 14-й Малороссийский драгунский полк, которые были объединены в «Сводный отряд действующей армии». Командование попыталось сразу же настроить прибывших солдат против революционных частей гарнизона столицы. В многочисленных приказах, обращениях, беседах им внушали, что они пришли избавить столицу от «насилия и смуты», «германских шпионов», «безответственных элементов», «безумных предателей», увлекших за собою солдат, не желающих идти на фронт. Власти явно рассчитывали на озлобление сидевших в окопах солдат против находившихся на «привилегированном положении» «смутьянов» столичного гарнизона. И в первое время эти расчеты частично оправдались. Прибывшие с фронта солдаты Московского полка, осуждая выступление революционной части своего полка, говорили: «...Теперь, когда на демократических началах им приходится по-братски ехать сменить своих товарищей на фронте, которые всю тяжесть войны вынесли на своих плечах, они, ранее кричавшие "Война до победного конца", теперь требуют поскорее кончить войну и даже безрассудно задумали кончать ее на улицах Петрограда»⁸⁰. Изменившееся соотношение сил в Петрограде позволило Временному правительству приступить к расправе с «повстанцами». 5 июля военный и морской министр А. Ф. Керенский, находившийся в это время в Ставке, в разговоре по прямому проводу со своим заместителем Г. А. Якубовичем потребовал «в полной мере использовать создавшееся положение и не только разоружить, но и лишить, как врагов революции, участвовавшие в бунте полки всех привилегий,

⁷⁹Вторая и Третья петроградские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. М.; Л., 1927. С. 60.

⁸⁰Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 366. Оп. 1. Д. 43. Л. 26.

данных гарнизону за участие в Февральской революции»⁸¹. 7 июля Временное правительство приняло постановление о расформировании воинских частей, «принимавших участие в вооруженном мятеже»⁸².

7 июля в петроградских газетах было опубликовано следующее постановление Временного правительства: «Всех, участвовавших в организации и в руководстве вооруженным выступлением против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему, арестовать и привлечь к судебной ответственности, как виновных в измене родине и предательстве революции»⁸³. На основании этого постановления прокурор Петроградской судебной палаты подписал ордер на арест Ленина и других большевистских руководителей «за государственную измену и организацию вооруженного восстания»⁸⁴. Начальник контрразведки Петроградского военного округа со своей стороны отдал распоряжение о производстве обыска по месту проживания Ленина и его аресте. Но обнаружить вождя большевиков на квартире Елизаровых по Широкой улице, где проживали Ленин и Крупская, военному наряду не удалось. Ленин, как и Зиновьев, скрылся. «Бегство Ленина и Зиновьева, не имея практического смысла, было предосудительно с политической и моральной стороны, — писал в связи с этим Н. Н. Суханов. — Ведь помимо обвинения в восстании на Ленина была возведена чудовищная клевета, которой верили сотни тысяч и миллионы людей. Ленина обвиняли в преступлении, позорнейшем и гнуснейшем со всех точек зрения: в работе за деньги на германский генеральный штаб. Просто игнорировать это было нельзя. И Ленин вовсе не игнорировал. Он прислал Зиновьева в ЦИК с требованием защищать его честь и его партию. Это было совсем нетрудно сделать. Прошло немного времени, и вздорное обвинение рассеялось как дым. Никто ничем не подтвердил его, и ему перестали верить. Обвинение по этой статье Ленину уж ровно ничем не угрожало. Но Ленин скрылся с таким обвинением на своем челе. Это было нечто совсем особенное, беспрецедентное, непонятное. Любой смертный потребовал бы суда и следствия над собой в самых неблагоприятных условиях. Любой сделал бы лично, с макси-

⁸¹Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 40.

⁸²Вестник Временного правительства. 1917. 8 июля.

⁸³Там же. 7 июля.

⁸⁴Новая жизнь. 1917. 8 июля.

мальной активностью, у всех на глазах все возможное для своей реабилитации»⁸⁵.

Но дело было в реабилитации не только вождя большевиков, но и всей его партии. Показательно, что большевистский коллектив Металлического завода опубликовал 16 июля 1917 г. в «Известиях Петроградского Совета» свое требование к ЦК РСДРП(б) и Петербургскому комитету отказаться от всех полномочий и предстать перед судом, чтобы доказать, что «100 000 рабочих большевиков не могут быть германскими шпионами». Ленин не мог этого не понимать и первоначально не собирался уклоняться от явки в суд. Когда 7 июля, находясь уже на квартире Аллилуевых, он узнал от пришедшей из Таврического дворца Е. Д. Стасовой о том, что в его коридорах говорят, будто он, по секретным сведениям департамента полиции, провокатор, Ленин был настолько потрясен этим известием, что решительно заявил о своем желании добровольно явиться для ареста в суд, чтобы опровергнуть гнусную клевету. В связи с этим он обратился в Бюро ЦИК Советов, членом которого являлся, с письмом, в котором выражал протест против произведенного у него обыска и просил расследовать это прямое нарушение закона. «Вместе с тем я считаю долгом официально и письменно подтвердить то, в чем, я уверен, не мог сомневаться ни один член ЦИК, а именно: что в случае приказа правительства о моем аресте и утверждении этого приказа ЦИКом, я явлюсь в указанное мне ЦИКом место для ареста»⁸⁶, — писал Ленин. После того как посланные в Таврический дворец для переговоров В. П. Ногин и Г. К. Орджоникидзе вернулись с неутешительными известиями относительно гарантий безопасности Ленина, совещание руководящих работников большевистской партии приняло решение, что никаких переговоров с ЦИК больше вести не следует, приказу об аресте не подчиняться и что Ленину необходимо немедленно уехать из Петрограда⁸⁷.

Вопрос о явке Ленина на суд имел общепартийное значение и обсуждался неоднократно большевистским руководством. Состоявшееся 13–14 июля 1917 г. расширенное совещание ЦК РСДРП(б) совместно с представителями петроградской и московской организаций большевиков высказалось против явки Ленина на суд. Ввиду

⁸⁵ *Суханов Н. Н.* Указ. соч. С. 356.

⁸⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 445.

⁸⁷ *Старцев В. И.* От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 18–19.

того, что среди большевиков не было единого мнения по этому вопросу, он был внесен на обсуждение состоявшегося в конце июля VI съезда РСДРП(б). Но и здесь были высказаны мнения за и против явки Ленина на суд. Выступавший с политическим докладом И. В. Сталин, считал, что «пока положение еще не выяснилось, пока еще идет глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться к властям. Если же во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, которая будет иметь хоть некоторую честь... они явятся»⁸⁸. Наиболее последовательную позицию по этому вопросу занял на съезде Н. И. Бухарин, который, пожалуй, был единственным оратором, коснувшимся выдвинутых против Ленина обвинений по существу. «Основной документ — показания Ермоленко, — говорил он. — А Ермоленко — шпион немецкого штаба. Затем Алексинский, который как охранник присутствует на допросе товарищей и которого не допускают в совет, называя его грязным. На этом суде будет ряд документов, устанавливающих связь с Ганецким, а Ганецкого с Парвусом, а Парвус писал о Ленине. Докажите, что Парвус — не шпион! Чтобы распутать все, нужны совершенно иные условия, а их в ближайшем будущем мы не будем иметь. Мы должны вести кампанию против этих лиц и категорически требовать не суда присяжных, а суда и следствия из представителей революционных партий»⁸⁹. Именно предложенная Бухариным резолюция «О неявке т. Ленина на суд» и была единогласно принята съездом. В ней отмечалось: «Считая, что устанавливающиеся теперь приемы полицейско-охранных преследований и деятельности прокуратуры восстанавливают, как то признал и ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, нравы щегловитовского режима, полагая, что при таких условиях нет абсолютно никаких гарантий не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопасности привлекаемых к суду, съезд РСДРП выражает свой горячий протест против возмутительной прокурорско-шпионски-полицейской травли вождей революционного пролетариата, шлет свой привет тт. Ленину, Зиновьеву, Троцкому и др. и надеется увидеть их снова в рядах партии революционного пролетариата»⁹⁰. В отличие от Ленина и Зиновьева, скрывавшихся в

⁸⁸ Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков). С. 27.

⁸⁹ Там же. С. 33–34.

⁹⁰ Там же. С. 34.

подполье, другие вожди, такие как Каменев, Троцкий, Луначарский, находились в тюрьме.

Согласившись с решением большевистского руководства о неявке на суд, Ленин отнюдь не уклонился от борьбы за свою политическую реабилитацию, выступив с целым рядом статей против выдвинутых в его адрес обвинений. В выпущенном 6 июля «Листке "Правды"» было напечатано сразу пять его статей: «Где власть и где контрреволюция?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты», «Близко к сути» и «Новое дело Дрейфуса»⁹¹. Некоторые современные биографы Ленина полагают, что в этих и других статьях вождь большевиков защищался вяло и неубедительно. С высоты сегодняшних знаний, представлений и предпочтений может казаться и так. Но публично поставленные в них вопросы относительно сути и формы выдвинутых против большевиков обвинений, а также их аргументации имели принципиально важное значение для влияния на общественное мнение.

Вместе с тем нельзя не отметить, что категорическое отрицание Лениным всяких отношений с Ганецким, его утверждение, что «никаких денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики не получали»⁹², ставило в опасное положение его самого, по крайней мере, с точки зрения современного исследователя. Что же касается обвинений в пособничестве германскому Генеральному штабу организацией восстания в Петрограде, то здесь Ленин в своем отрицании имел основания стоять до конца. Ибо обнаружить реальный «германский след» в событиях 3–5 июля 1917 г. достаточно трудно и сегодня по опубликованным документам МИД Германии. Они позволяют говорить о заинтересованности немецкой стороны в большевистском движении и сочувствии ему, о стремлении помочь Ленину в связи с выдвинутым против него обвинением, что он германский агент. В самом деле, вот что, например, сообщает советник германского представительства в Стокгольме Штоббе канцлеру Бетман-Гольвегу накануне июльских событий: «Согласно сообщениям из Петрограда, в здешних газетах, а также из других источников явствует, что влияние группы Ленина, к сожалению, уменьшилось... Ослабление влияния большевиков вызвано частич-

⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 410–422.

⁹² Там же. С. 415.

но наступлением, а частично необычностью требований группы Ленина. Эти требования, наиболее крайним из которых является экспроприация крупных капиталистических концернов (особенно всех банков и крупных промышленных и коммерческих предприятий) и крупной земельной собственности, имеют целью отделение всех входивших в империю народов от России и их формирование в самостоятельные республики»⁹³. Увы, об организации восстания в Петрограде на немецкие деньги или с помощью военной силы советник не сообщает, хотя канцлеру, как уже отмечалось, представлялась по этому вопросу любая информация. По меньшей мере, замедленной может показаться реакция немецкой стороны и на июльские события в Петрограде. Спустя почти месяц (!) после того, как Ленин и другие руководители большевиков были объявлены германскими шпионами, германский посланник в Копенгагене Брокдорф-Ранцау направляет в Берлин следующую телеграмму: «20 июля русская газета “Речь” объявила, что два немецких офицера генштаба по фамилии Шигицкий и Люберс рассказали русскому прапорщику Ермоленко, что Ленин — немецкий агент. Там говорится также, что Яков Фюрстенберг (Ганецкий) и д-р Гельфанд (Парвус) тоже немецкие агенты, действующие в качестве посредников между большевиками и немецким имперским правительством. Я считаю необходимым, во-первых, выяснить, существуют ли в генштабе офицеры Шигицкий и Люберс и затем, если это вообще возможно, категорически опровергнуть сообщение “Речи”. “Речь” также заявляет, что, согласно телеграфным сообщениям из Копенгагена, Гаазе, немецкий социал-демократ и член рейхстага, сказал в беседе с одним русским журналистом, будто Гельфанд был посредником между правительством и русскими большевиками и доставлял им деньги»⁹⁴. Представляет интерес, что же ответил заместитель статс-секретаря Бусше на эту телеграмму, спустя неделю: «По нашему наущению подозрения, что Ленин — немецкий агент, энергично опровергаются в Швейцарии и в Швеции. Таким образом, впечатление от этого сообщения, исходящего якобы от немецких офицеров, разрушено. Утверждение, якобы высказанное Гаазе, отрицается»⁹⁵.

⁹³Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 331.

⁹⁴Там же. С. 334.

⁹⁵Там же. С. 335.

Хотя оба этих документа дают пищу для самых различных утверждений и предположений, вряд ли на их основании можно говорить о глубокой вовлеченности немецкой стороны в июльские события в Петрограде. Но, может быть, это удалось доказать Особой следственной комиссии, созданной Временным правительством?

3. Обвинения, улики, опровержения

С самого начала расследования событий 3–5 июля в Петрограде возникло соперничество между Временным правительством и ЦИК Советов. Последний, опасаясь полной утраты доверия рабочих и солдат, создал 5 июля свою Чрезвычайную комиссию, в состав которой вошли представители Советов, политических партий, профсоюзов, фабзавкомов и солдатских комитетов. Однако 7 июля Временное правительство постановило «все дело расследования организации вооруженного выступления в Петрограде 3–5 июля против государственной власти сосредоточить в руках прокурора Петроградской судебной палаты»⁹⁶. Интересно, что к этому времени Временное правительство было не только настроено на решительную расправу с «бунтовщиками», но даже имело в своем распоряжении обвинительный акт против большевиков в «государственной измене и сотрудничестве с врагом», подготовленный французским разведчиком Пьером Лораном по просьбе министра-председателя Г. Е. Львова и министра иностранных дел М. И. Терещенко⁹⁷. Но А. Ф. Керенский, ставший с 8 июля после отставки Г. Е. Львова фактически главой правительства, посчитал, по всей видимости, не совсем приличным, что ему, выпускнику юридического факультета Петербургского университета и первому министру юстиции Временного правительства, придется воспользоваться в данном случае услугами французского разведчика, тем более, что приходилось реагировать на вмешательство ЦИК Советов, нейтрализуя которое, Временное правительство и создало Особую следственную комиссию под руководством прокурора Петроградской судебной палаты Н. С. Каринского, заменившего на этом посту в мае 1917 г. П. Н. Переверзева, ставшего тогда министром юстиции. Именно Ка-

⁹⁶Вестник Временного правительства. 1917. 9 июля.

⁹⁷Попова С. С. Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 272.

ринский, по утверждению В. Д. Бонч-Бруевича, предупредил его конфиденциально днем 4 июля о подготовленном в Министерстве юстиции «документе» против Ленина, который, оказывается, уже был об этом осведомлен⁹⁸. Правда, сам Каринский в эмиграции это категорически отрицал, считая клеветой, и называл Бонч-Бруевича Хлестаковым, но эта версия имеет сторонников среди западных историков и поныне. Между тем помощник прокурора судебной палаты Бессарабов, расписывая позднее заслуги своего шефа, утверждал, что Каринский и он составили «список для ареста 500 главнейших агентов большевизма», на что Керенский сначала согласился, а потом отказался. Находясь в 1918 г. в Киеве, Бессарабов, по свидетельству Г. Н. Михайловского, пытался с помощью русских офицеров организовать арест гетмана Скоропадского, но, поскольку сам не годился в организаторы, нужны были известные имена, и Бессарабов послал за Каринским. «Сделано это было потихоньку от присутствовавших, и когда вдруг появилась небольшого роста круглая фигура лысого человека в штатском, Бессарабов вскочил, заявив: “Вот Наполеон!” Маленький толстый штатский, попавший в исключительно военную компанию, был растерян, а Бессарабов стал нам тут же, к величайшему смущению Каринского, разъяснять, почему именно он, а не кто-нибудь другой может и должен быть Наполеоном. Само собой разумеется, все были в крайнем замешательстве и серьезно говорить о перевороте после выходки Бессарабова было невозможно⁹⁹.

Возвращаясь к июлю 1917 г., следует признать, что Каринский и на самом деле начал расследование очень энергично, привлек к следствию сотни самых различных лиц, а его делопроизводство составило десятки томов. Но лавров Наполеона прокурору Судебной палаты в итоге не досталось из-за отсутствия сколько-нибудь значимых результатов работы комиссии. Единственно, чего реально удалось достигнуть, так это основательно «почистить» Петроградский гарнизон. Этим спешно занялась созданная 9 июля «Особая следственная комиссия для расследования степени участия в восстании 3–5 июля 1917 г. отдельных частей войск и чинов гарнизона Петрограда и его окрестностей». В ее состав вошли представители штаба Петроградского военного округа, Сводного отряда

⁹⁸ *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. С. 83–86.

⁹⁹ *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. С. 150.

5-й армии, ЦИК Советов, Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Исполкома Петроградского Совета. Материалы этой комиссии хранятся в фонде прокурора Петроградской судебной палаты, часть которого находится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, а другая — в Государственном архиве Российской Федерации. Эти материалы широко использовались исследователями¹⁰⁰, а наиболее важные из них были опубликованы в советское время¹⁰¹. Поэтому вряд ли можно утверждать, что все материалы комиссии по расследованию событий 3–5 июля в Петрограде были недоступны историкам, хотя часть из них действительно находилась на особом хранении, о чем будет еще сказано.

Знакомство с опубликованными и архивными материалами показывает, что Особая следственная комиссия в первую очередь принялась «искоренять большевизм», привлекая в ряде случаев к следствию революционные части, их роты и команды в полном составе. После того как из запасного батальона Гренадерского полка под следствие была взята вся 4-я рота и команда разведчиков — всего 1100 человек, даже батальонный комитет, заявивший о своей преданности эсеро-меньшевистскому ЦИК Советов, должен был заявить, что «про всех них пока еще нельзя сказать, что они сплошь большевики»¹⁰². 18 июля было принято постановление следственной комиссии по делу об участии в июльских событиях 1-го пулеметного полка. В нем, в частности, отмечалось, что выявленные в ходе следствия зачинщики во главе с прапорщиком Семашко (всего 20 человек, главным образом члены Военной организации большевиков) «достаточно изобличаются в том, что в период времени с 3 по 5 июля в Петрограде, заранее согласившись между собой и другими лицами и действуя заведомо сообщая с ними, принимали участие в вооруженном выступлении для насильственного свержения власти Временного правительства и передачи всей государственной власти Советам солдатских и рабочих депутатов и оказали вооруженное сопротивление войскам, высланным Временным правитель-

¹⁰⁰См., напр.: *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 50–119.

¹⁰¹См.: Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 года // *Красная летопись.* 1932. № 3(48); *Большевизация Петроградского гарнизона.* Л., 1932; и др.

¹⁰²Голос солдата. 1917. 23 июля.

ством для подавления восстания»¹⁰³. При этом никакого упоминания о каких-либо «германских агентах» или «немецких деньгах» в обвинительном заключении не было. Организатор выступления пулеметчиков Семашко обвинялся в том, что вывел полк на улицу под лозунгом «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!», вооружал прибывавших на автомобилях рабочих пулеметами, поддерживал постоянную связь с Военной организацией большевиков и лидером большевиков Лениным¹⁰⁴. Младшие унтер-офицеры Петрунин и Яковлев обвинялись в том, что, возглавляя вооруженную роту, на ее пути к Таврическому дворцу несли плакат с надписью: «Помни, капитализм, булат и пулемет сокрушат тебя». Подобные постановления следственной комиссии были вынесены и по другим воинским частям, принимавшим активное участие в июльских событиях.

Судебное преследование зачинщиков выступления столичного гарнизона сопровождалось активными попытками военных властей расформировать революционные части, ослабить их путем вывода маршевых рот на фронт. С 10 июля по 7 августа из Петрограда было отправлено 126 маршевых рот и 18 команд общей численностью 33 850 солдат¹⁰⁵. В результате переформирования 16 запасных гвардейских батальонов в 16 гвардейских резервных полков численность гвардейской пехоты в столичном гарнизоне сократилась со 100 тыс. в феврале 1917 г. до 70 тыс. на 1 августа¹⁰⁶. Как и следовало ожидать, наиболее обескровленными оказались части, принимавшие активное участие в событиях 3–5 июля.

На проходившем 16 июля 1917 г. совещании в Ставке с участием А. Ф. Керенского и М. И. Терещенко обсуждался вопрос о том, как поступить с подлежащими выводу солдатами столичного гарнизона — посылать ли на фронт целые формирования или по частям. Командующие фронтами были не склонны принимать такое пополнение в любой форме, опасаясь его революционизирующего влияния на солдат действующей армии. Как отмечал управляющий Военным министерством Б. В. Савинков, опасно посылать на фронт солдат Петроградского гарнизона не только целыми формированиями, но и по частям, потому что «они незаметно будут

¹⁰³Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. С. 138–139.

¹⁰⁴Там же. С. 139–140.

¹⁰⁵РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 258. Л. 4.

¹⁰⁶Там же. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 1877. Л. 498.

вести свою пропаганду». В итоге было решено направить «бунтовщиков» отдельными ротами на все действующие фронты и на Кавказ¹⁰⁷.

20 июля фракция эсеров в Петроградском Совете приняла резолюцию, в которой признала нецелесообразным и опасным полное расформирование воинских частей, принимавших участие в июльских событиях. Этот демарш эсеров был вызван не только опасениями оказаться под ударами военной реакции, но и стремлением сохранить свое влияние на столичный гарнизон, скрыть свою политическую ответственность за уже предпринятые карательные акции против революционных масс. 21 июля вопрос о расформировании полков обсуждался на заседании солдатской секции Петроградского Совета. Докладчик эсер Е. И. Огурцовский признал, что штаб Петроградского военного округа, отвергая необходимость тщательного расследования событий 3–5 июля, встал на путь массовых репрессий против столичного гарнизона. При этом он выразил опасение, что «контрреволюционные силы хотят использовать расформирование полков Петроградского гарнизона с целью агитации против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»¹⁰⁸. Подавляющим большинством голосов солдатская секция приняла предложенную фракцией эсеров резолюцию, выражавшую протест против полного расформирования военных частей, осуждавшую требование штаба Петроградского военного округа «выдать зачинщиков», настаивавшую на тщательном судебном расследовании, без которого не могла быть наказана ни одна часть, ни одна группа, ни один солдат¹⁰⁹.

22 июля 1917 г. в столичных газетах появилось сообщение «От прокурора Петроградской судебной палаты», излагавшее принятое накануне постановление о привлечении Ленина и других большевистских руководителей в качестве обвиняемых¹¹⁰. Впечатляющая картина, нарисованная прокурором, не оставляла, на первый взгляд, никаких сомнений в том, что за две недели непрерывной работы следственная комиссия «изобличила» обвиняемых. В сооб-

¹⁰⁷ На фронте в предоктябрьские дни: по секретным материалам Ставки // Красная летопись. 1923. № 6. С. 51–52.

¹⁰⁸ Голос солдата. 1917. 23 июля.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ См.: Речь. 1917. 22 июля; Единство. 1917. 22 июля; и др.

щении отмечалось, что расследование факта вооруженного восстания 3–5 июля в Петрограде с целью свержения Временного правительства и обстоятельств, при которых это восстание произошло, показало, что оно возникло и протекало по указаниям Центрального Комитета РСДРП(б), что все руководящие указания исходили из дома Кшесинской, называемого свидетелями «штабом Ленина», где были обнаружены бланки Военной организации большевиков, на которых направлялись в воинские части распоряжения о вооруженном восстании. Помимо документальных данных, говорилось в этом сообщении, связь вооруженного восстания с деятельностью Центрального Комитета РСДРП, при котором была образована Военная организация, устанавливается также тем фактом, что выступившие вооруженные части как Петроградского гарнизона, так и прибывшие из Кронштадта, направились к дому Кшесинской, где и получали указания от Ульянова (Ленина) и других лиц. Оттуда же исходили предложения в воинские части о приведении в боевую готовность бронированных машин и пулеметов и, наконец, «там же собрались вооруженные пулеметами грузовики и автомобили». Далее утверждалось, что «усиленная пропаганда мятежа, которая велась среди войск и населения в течение нескольких месяцев и повлекла за собою восстание 3–5 июля, была произведена с целью благоприятствовать неприятелю в его враждебных против России действиях и, как показали последующие события, действительно оказала существенное содействие неприятелю, внося разложение в некоторых частях войск на фронте». «По этому поводу, — говорилось далее в сообщении, — следствием добыты данные, которые указывают, что в России имеется большая организация шпионажа в пользу Германии. Не имея возможности по самому характеру этого преступного деяния (измены) и в интересах следствия сообщить более подробные сведения по этому обвинению, приходится по необходимости ограничиться в настоящее время сообщением лишь следующих данных. Ряд допрошенных по делу свидетелей удостоверили, что в начале 1917 г. Германия дошла до крайнего предела напряжения и ей был необходим самый скорый мир, что Ленин, проживая в немецкой Швейцарии, состоял в общении с Парвусом (он же Гельфанд), имеющим определенную репутацию немецкого агента, что Ленин посещал лагеря, в которых находились пленные украинцы, где и вел пропаганду об отделении Украины от России. В связи с его приездом в Германии, не стесняясь, открыто говорили: «Ленин —

это посол Вильгельма, подождите и увидите, что сделают наши деньги»».

Знакомый с нашим разделом о пребывании Ленина в Швейцарии в 1914–1917 гг., читатель согласится, что здесь следствие сделало немало «открытий». Но главная интрига прокурорского «откровения» состояла в уверенности, что «в данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента» и что, «войдя с германским правительством в соглашение по поводу тех действий, которые должны способствовать успеху Германии в ее войне с Россией, он прибыл в Петроград, где при денежной поддержке со стороны Германии и стал проявлять деятельность, направленную к достижению этой цели». Сношения с Германией, утверждалось далее, шли через Стокгольм, который является крупным центром германского шпионажа и агитации в пользу сепаратного мира России с Германией. Из имеющейся в распоряжении судебных властей многочисленной телеграфной корреспонденции усматривается, что между проживавшими в Петрограде Суменсон, Ульяновым (Лениным), Коллонтай и Козловским, с одной стороны, и с Фюрстенбергом (Ганецким) и Гельфандом (Парвусом) — с другой, существовала постоянная и обширная переписка. Хотя переписка эта и имеет указания на коммерческие сделки, высылку разных товаров и денежные операции, тем не менее представляется достаточно оснований заключить, что эта переписка прикрывает собою сношения шпионского характера, тем более, что это один из обычных способов сокрытия истинного характера переписки, имеющей шпионский характер. По имеющимся в деле данным видно, что некоторые русские банки получали из скандинавских банков крупные суммы, выплаченные разным лицам, причем в течение только полугода Суменсон со своего текущего счета сняла 750 тыс. руб., внесенных на ее счет разными лицами, и на ее счету в настоящее время числится остаток в 180 тыс. руб.

Прокурор счел нужным подчеркнуть, что «при расследовании настоящего дела следственная власть руководствуется материалами, добытыми только следственным путем. И материал этот даст вполне достаточные основания для суждения как о наличии преступного деяния, так и для установления многих лиц, принимавших участие в его совершении. Предстоящие же многочисленные допросы свидетелей, осмотры найденных при обысках вещественных доказательств, детальное обследование денежных операций —

вся эта сложная работа будущего — должна дать еще больший материал для раскрытия преступной организации, шпионажа и его участников».

Наконец, следовало главное обвинение: «На основании изложенных данных, а равно данных, не подлежащих пока оглашению, Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Гирш-Аронов-Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Коллонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба-Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщик Семашко, Сахаров и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, являясь русскими гражданами, [по] предварительному между собою и другими лицами уговору, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии. Для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных — против неприятеля — действий, а также в тех же целях в период времени с 3-го по 5-е июля 1917 года организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств и насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каковых действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, чем способствовали успеху неприятельских армий»¹¹¹.

Скрывавшийся в это время в Разливе Ленин, ознакомившись с этим обвинением, решает немедленно ответить на него публично, т. е. через прессу: 26–27 июля «Ответ тов. Н. Ленина» будет опубликован в большевистской газете «Рабочий и Солдат»¹¹². Сегодня, когда мы знаем об июльских событиях в Петрограде больше, чем даже вождь большевиков, представляется интересным с точки зрения историка познакомиться с теми аргументами, которые выдвигал в свое оправдание искушенный в революционной борьбе политик. Прежде всего Ленин обращает внимание на прямую

¹¹¹Единство. 1917. 22 июля.

¹¹²См. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 21–32.

связь опубликованного сообщения «От прокурора Петроградской судебной палаты» с «гнусным делом», «подделанным при участии клеветника Алексинского во исполнение давних пожеланий и требований контрреволюционной кадетской партии». Тем самым он как бы дезавуировал серьезность выдвинутых против большевиков обвинений в измене и организации вооруженного восстания: ведь вовлеченность в это «гнусное дело» Алексинского и кадетов, громче всех кричавших о «предательстве» большевиков, была уже хорошо известна из печати. Беря на себя полную и безусловную ответственность «за все решительно шаги и меры» как Центрального Комитета, так и партии в целом, Ленин тем не менее считал необходимым отметить такой важный и не известный общественности факт, как свое отсутствие в Петрограде «по болезни» с 29 июня по 4 июля. Это ставило под сомнение утверждение властей о том, что 3 июля в столице началось вооруженное восстание под руководством Ленина. Далее он обвинял следствие «в обходе им вопроса о том, когда именно, в какой день и час, до большевистского воззвания или после него, выступление началось». Это имело принципиально важное значение для определения меры ответственности большевиков, руководство которых призвало в ночь на 4 июля к «мирному и организованному выступлению» после того, как движение рабочих и солдат уже началось. Хотя в действительности, как уже было показано выше, все обстояло гораздо сложнее: Военная организация большевиков в отличие от ЦК была готова к решительным действиям и далеко не во всех случаях была сдерживающим тормозом для стихийно разраставшегося движения. Опровергая обвинение в «организации вооруженного восстания», Ленин писал: «... никто не оспаривает, что 4-го июля из находящихся на улицах Петрограда вооруженных солдат и матросов огромное большинство было на стороне нашей партии. Она имела полную возможность приступить к смещению и аресту сотен начальствующих лиц, к занятию десятков казенных и правительственных зданий и учреждений и т. п. Ничего подобного сделано не было». В самом деле, почему не было попыток к захвату Мариинского и Таврического дворцов, вокзалов, телеграфа и телефонной станции, как это было сделано в дни Октябрьского вооруженного восстания, с которым западные историки часто сравнивают июльские выступления рабочих и солдат? Этот весьма существенный вопрос следствие предпочло обойти, как и те авторы, которые безоговорочно называют июльские события

неудавшимся большевистским восстанием. В связи с этим Ленин поднимал в своем «Ответе» еще один немаловажный вопрос, обобщенный следствием, — о том, кто первым начал стрельбу на улицах Петрограда. Он привлекает здесь в свидетели газету «Биржевые ведомости», которая, ведя постоянно «погромную агитацию против большевиков», в своем вечернем выпуске за 4 июля сообщила, что стрельбу начали не демонстранты, что первые выстрелы были по демонстрантам. «Будь это событие вооруженным восстанием, — снова возвращался Ленин к главному обвинению, — тогда, конечно, повстанцы стреляли бы не в контрманифестантов, а окружили бы определенные казармы, определенные здания, истребили бы определенные части войск и т. п. Напротив, если бы событие было демонстрацией против правительства, с контрдемонстрацией его защитников, то совершенно естественно, что стреляли первыми контрреволюционеры отчасти из озлобления против громадной массы демонстрантов, отчасти с провокационными целями, и так же естественно, что демонстранты отвечали на выстрелы выстрелами».

Во второй части своего «Ответа» Ленин бегло касался обвинений его в шпионаже в пользу Германии, называя это «чистейшим делом Бейлиса». Он категорически отрицал какие-либо отношения с Парвусом, утверждая, что «ничего подобного не было и быть не могло». Одновременно Ленин стремился дистанцироваться от Ганецкого, и это, надо откровенно признать, получалось у него не очень убедительно. «Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! — писал он. — Но это же прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких». Это было, по крайней мере, неосторожным заявлением: ведь какая-либо информация о финансовых отношениях с Ганецким могла всплыть самым случайным образом. Как напоминал К. Радек Ленину в своем письме от 28 июня 1917 г., в последние два года Ганецкий «не одну тысячу дал» большевистской партии¹¹³, и Ленин это знал не хуже Радека, поскольку, как уже отмечалось, неоднократно обращался к Ганецкому с просьбами денежного характера.¹¹⁴ Впрочем, вполне возможно, что он не считал это денежными отношениями, а

¹¹³ Аммиантов Ю. Н., Ермолаева Р. А. Дело Ганецкого и Козловского // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 74.

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 425.

партийной обязанностью Ганецкого. Комментируя попавшую в газеты коммерческую переписку между Ганецким и Суменсон, Ленин предлагал следствию не выдергивать отдельные данные, а напечатать полностью, когда именно и от кого именно получала деньги Суменсон и кому платила. «Это вскрыло бы весь круг коммерческих дел Ганецкого и Суменсон! — писал он. — Это не оставило бы места темным намекам, коими прокурор оперирует!»¹¹⁵.

В самом деле, что же удалось вскрыть следственной комиссии и в какой мере результаты ее работы подтвердили или опровергли «темные намеки», содержащиеся в обвинении? Прежде всего следует отметить, что круг лиц, помогавших это выяснить, был достаточно широк: в процессе следствия свидетельские показания дали около 200 человек из самых различных социальных и политических слоев общества. Среди них были товарищ министра МВД царского правительства С. П. Белецкий, начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев, бывший начальник контрразведки Генерального штаба Н. М. Медведев, начальник контрразведки Петроградского военного округа Б. В. Никитин, лидеры различных политических партий и течений — П. Н. Милюков, Г. В. Плеханов, В. М. Чернов, М. И. Скобелев, Ф. И. Дан, В. О. Богданов, Ю. О. Мартов, журналисты и писатели — М. Горький, Г. А. Алексинский, Д. Заславский и др. Разумеется среди них были и деятели большевистской партии — Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, М. Ю. Козловский, А. М. Коллонтай, И. С. Уншлихт, Ф. Ф. Раскольников, С. Г. Рошаль и др. К материалам следствия была приобщена перехваченная переписка между Петроградом и Стокгольмом, большевистская пресса и документы, захваченные при разгроме редакции «Правды» и др. Все это вместе взятое и составило 25 томов, которые ряду современных авторов представились «пропавшей грамотой», похоронившей тайну «немецкого золота».

В действительности же эти материалы находились в советское время на особом хранении, как и все то, что могло бросить хотя бы тень на вождя мировой революции и его партию. Разумеется, это исключало и саму возможность появления публикаций документов следственной комиссии. Одним из немногих здесь ис-

¹¹⁵Рабочий и солдат. 1917. 27 июня.

ключений является опубликованный в 1923 г. в журнале «Пролетарская революция» протокол обыска на квартире М. Т. Елизарова по Широкой улице, где до июльских событий проживали Ленин и Крупская. В этом протоколе перечислено, что было изъято при обыске: статья Ленина на немецком языке, шесть немецких книг, пять телеграмм, заявление Каменева, записка Ленина Каменеву, начинавшаяся со слов «Entge pochw», девять писем на немецком языке, два — на французском, две записные книжки, адрес завода «Феникс» и чековая книжка Азовско-Донского коммерческого банка № 8467 на имя госпожи Ульяновой¹¹⁶. Но, вероятно, отображенные в ходе обыска документы не представили для следственной комиссии существенного интереса, а на чековой книжке была совсем не та сумма, чтобы обвинить Ленина шпионом, находящимся на содержании Германии. Иначе как можно объяснить отсутствие всякого упоминания в печати в 1917 г. о результатах этого обыска?

С конца 80-х годов исследователи получили, наконец, возможность познакомиться с материалами следственной комиссии и, в свою очередь, познакомить с ними общественность. Теперь мы знаем, что содержащиеся в первом томе делопроизводства показания прапорщика Ермоленко добавляют мало что нового к тому, что было опубликовано в печати в 1917 г. А его утверждение, что он видел, как Ленин «выходил из германской разведки»¹¹⁷, вряд ли можно сегодня воспринимать серьезно, хотя тогда, в 1917 г., оно было положено в основу обвинения против большевиков. Как пишет о показаниях Ермоленко современный американский историк А. Рабинович, «он ничем не подкрепил свое заявление, и даже при очень богатом воображении его нельзя назвать надежным источником»¹¹⁸. Специально изучавший материалы следственной комиссии Г. И. Злоказов пришел к выводу, что «Ермоленко был психически не вполне здоров и его показания носили путанный и малоправдоподобный характер»¹¹⁹.

Знакомясь с кругом лиц, дававших свидетельские показания по делу об июльских событиях в Петрограде, нельзя не обра-

¹¹⁶ См.: Пролетарская революция. 1923. № 5.

¹¹⁷ Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 5.

¹¹⁸ Рабинович Александр. Указ. соч. С. 207.

¹¹⁹ Злоказов Г. И. Материалы особой следственной комиссии правительства об июльских событиях 1917 года // Отечественная история. 1999. № 5. С. 74.

туть внимания на то, что это были по преимуществу политические противники большевиков либо преследовавшие их по долгу службы. Товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий мог бы много рассказать о большевиках на основании собственного опыта борьбы с ними в качестве директора Департамента полиции, но предпочел в данном случае сослаться на агента царской охраны Р. Малиновского, доносившего в 1913 г., что «Ленин пользуется таким широким покровительством и доверием со стороны австрийского правительства, что в этом отношении его, Ленина, ручательства или даже простого удостоверения личности того или другого приезжающего из России эмигранта вполне достаточно, чтобы освободить это лицо от всяких подозрений или каких-либо наблюдений со стороны австрийского правительства»¹²⁰. Правда, тогда непонятно, почему в 1914 г. Ленину самому потребовалось «ручательство» В. Адлера, чтобы выбраться из Австро-Венгрии.

В начале августа 1917 г. дал свои показания следственной комиссии в качестве свидетеля бывший начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев. Как пишет в своих воспоминаниях Глобачев, он выразил «полное недоумение по этому поводу, как я могу быть свидетелем заговора большевиков, когда содержусь уже пять месяцев под стражей. Оказывается, что Керенский и вся его клика решили придать выступлению большевиков характер контрреволюции, связав его с бывшим царским правительством и монархическими кругами, которых, кстати сказать, в то время и не было. Между прочим мне был задан вопрос, правда ли, что Ленин был секретным сотрудником Охранного отделения, на что я ответил, что, к сожалению, он таковым не был. Последовал второй вопрос: “А ведь Ленин во время войны приезжал в Петербург и виделся с вами”. На это я ответил, что если б Ленин приехал, то, конечно, был бы арестован, тем более что во время войны только большевики проявляли кое-какую жизненность, чего нельзя сказать о других революционных партиях. Тогда последовал вопрос: “Если Ленин не был сотрудником Охранного отделения, то, может быть, он был сотрудником Департамента полиции?” На это я ответил, что может быть — сотрудники Департамента поли-

¹²⁰ Показания С. П. Белецкого // Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 183.

ции мне неизвестны; но я лично не думаю, чтобы Ленин был таковым»¹²¹. В протоколе допроса Глобачева его ответ звучал следующим образом: «Я категорически удостоверяю, что за мое время Ленин ни в какой связи с охранным отделением не состоял, а равно мне неизвестно, чтобы такая связь существовала ранее и чтобы он оказал какое-либо влияние на забастовку, имевшую место на петроградских фабриках и заводах непосредственно перед войной. Такими сведениями, чтобы Ленин работал в России во вред ей на германские деньги, охранное отделение, по крайней мере во время моего служения, не располагало»¹²². Как видно из этого, бывший начальник Петроградского охранного отделения, будучи противником большевиков, не в пример некоторым современным историкам, не поддался соблазну политической конъюнктуры.

Бывший начальник контрразведывательного отделения при Главном управлении Генерального штаба Н. М. Медведев в своих показаниях сообщил следствию, что Парвус — немецкий агент, который, имея давние связи с русскими социал-демократами, систематически информирует Германию о положении в России. Не приводя никаких фактов, он также утверждал, что именно через Парвуса германское правительство «снабжает деньгами все органы крайних направлений, могущие в том или ином виде вредить военной мощи России»¹²³.

Большой интерес представляют свидетельские показания лидеров меньшевиков, еще не так давно состоявших вместе с большевиками в одной партии — РСДРП, а теперь соперничавших за рабочие и солдатские массы. Ф. И. Дан, признавая органическую связь июльских событий с экономической разрухой в стране, видел вину большевиков в том, что они не разъясняли массам «неизбежности их страданий, пока не будет закончена война и не будет восстановлено разрушенное ею народное хозяйство». Обвиняя большевиков в том, что они «демагогически использовали народное недовольство», он в то же время считал, что нет оснований для их обвине-

¹²¹ Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 54–55.

¹²² Перегудова З. И., Дейли Дж. К. И. Глобачев — последний начальник Петроградского охранного отделения // Старцевские чтения-2006. СПб., 2007. С. 127.

¹²³ Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 84.

ния в «уголовных деяниях» или в «германском шпионаже». Вместе с тем Дан не исключал, что к июльским событиям в Петрограде могла быть причастна германская агентура¹²⁴. Другой лидер меньшевиков Б. О. Богданов был склонен считать июльское выступление вооруженным восстанием и одновременно выражал сомнения в этом: ведь демонстранты «могли нас свергнуть, хотя бы на 1–2 дня, могли свергнуть в эти дни и Временное правительство и не сделали ни того, ни другого...»¹²⁵.

В сентябре 1917 г. свои показания по делу «о вооруженном выступлении 3–5 июля в Петрограде» давал Г. В. Плеханов, который, как известно, особенно резко выступил против провозглашенного Лениным в апреле 1917 г. курса на социалистическую революцию. В своих показаниях Плеханов упрекал Ленина в «неразборчивости», которая, по его мнению, позволяла ему допускать, что он «для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии». При этом Плеханов исключал «всякую мысль о каких-либо личных корыстных намерениях Ленина». Отвечая на вопрос, почему Германия могла оказывать Ленину финансовую помощь, Плеханов находил ответ в том, что «тактика ленинская была до последней степени выгодна, крайне ослабляя боеспособность русской армии». Однако он подчеркивал, что он говорит об этом «только в пределах психологической возможности» и не знает «ни одного факта, который бы доказывал, что психологическая возможность перешла в преступное действие»¹²⁶.

Среди допрошенных следственной комиссией нельзя не заметить показания Г. А. Алексинского, выступившего в июльские дни, как уже говорилось выше, с гневными обвинениями большевиков в государственной измене. Алексинский в первую очередь рассказал о своих заслугах в разоблачении Парвуса как «агента-provokatora», состоявшего на службе «у турецкого и австрийского генеральных штабов, которые поручали ему, Парвусу, устроить революцию в России». Правда, ни одного факта в подтверждение своей убежденности в этом он привести не мог. Касаясь личности Ленина, Алексинский заявил, что по приезде за границу он разочаровался в Ленине, поскольку убедился в том, что «он не разборчив по от-

¹²⁴ Там же. С. 80.

¹²⁵ Там же. С. 81.

¹²⁶ Показания Г. В. Плеханова // Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 171–172.

ношению к источникам денежных средств для своей политической работы»¹²⁷.

Оценивая собранные следствием материалы, необходимо ответить на вопрос о том, в какой степени они подтверждают выдвинутые против Ленина и других руководителей большевистской партии обвинения. Сама следственная комиссия на этот вопрос официально так и не ответила, поскольку в силу целого ряда причин дело не было доведено до конца. Ведущую роль в расследовании играл судебный следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда П. А. Александров, имевший большой опыт борьбы с германским шпионажем. Именно он предъявил в 1910 г. барону Э. П. Унгерну-Штернбергу обвинение за «продажу агентам Австро-Венгрии и Германии секретных сведений, касающихся внешней обороны России». Но с делом против большевиков не по вине Александрова вышло по-другому, и ему позднее, в 1939 г. пришлось самому давать показания органам НКВД, которые могли выбить любые признания. Находясь в следственной тюрьме НКВД, Александров сделал тогда следующее заявление: «Главными моментами-уликами были выдвинуты дознанием три: участие германского капитала в издании газеты “Правда”, получение денег от Германии Лениным с целью шпионажа и наличие базы для шпионажа — Стокгольм. Приняв эти улики, я проверил и установил неосновательность этих улик. Следствие установило необоснованность обвинения»¹²⁸. Так ли было это на самом деле, теперь уже никто точно сказать не может, поскольку следователь Александров был все же позднее расстрелян, а нам достались весьма неубедительные материалы следственной комиссии и довольно противоречивые суждения современников и историков. П. Н. Милоков, например, в своей «Истории второй русской революции» утверждал, что «факт подкупа влиятельных вождей революции германскими деньгами был установлен официально следственной властью»¹²⁹, но при этом ни на что не ссылаясь. С. П. Мельгунов считал, что «не столько по соображениям беспристрастия и глубочайшего объективизма, сколько по мотивам революционной так-

¹²⁷ Показания Г. А. Алексинского // Там же. С. 180–181.

¹²⁸ Анисимов Н. Л. Обвиняется Ульянов (Ленин) // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 7.

¹²⁹ Милоков П. Н. История второй русской революции. Т. 2. София, 1923. С. 114.

тики ликвидировалось дело о “государственной измене” большевиков: после корниловского мятежа они получили окончательную амнистию»¹³⁰.

Весьма диалектическую точку зрения высказал по этому вопросу Д. А. Волкогонов, больше чем кто-либо из современных авторов интересовавшийся этой проблемой. С одной стороны, он отмечает, что «начавшееся следствие быстро собрало 21 том доказательств связей большевистской партии с германскими властями. Но затем дело стало гложуть. Керенский видел в то время главную опасность справа, а не слева и в складывающейся обстановке рассчитывал в определенной ситуации на поддержку большевиков». С другой стороны, Волкогонов далее пишет: «Следствие пыталось создать версию прямого подкупа Ленина и его соратников немецкими разведывательными службами. Это, судя по материалам, которыми мы располагаем, маловероятно»¹³¹. Если собранных следствием «доказательств связей большевистской партии с германскими властями» не хватает для обоснования версии прямого подкупа Ленина и его соратников, необходимо дать объективную оценку этим материалам.

Следственной комиссии не удалось документально подтвердить и версию об участии германского капитала в издании «Правды», хотя в ее распоряжении оказались захваченные в результате разгрома редакции и типографии, где печаталась «Правда», многие финансовые документы. Как уже отмечалось, обвинения в том, что «Правда» издается на немецкие деньги, появились в печати сразу же после возвращения Ленина в Петроград в апреле 1917 г., а после июльских событий политические противники большевиков приняли эти обвинения за очевидный факт, а те, кто ранее их отвергал, теперь засомневались. Как свидетельствовал Н. Н. Суханов, «в эти дни толковали, между прочим, что финансовые дела “Правды” находятся в полном беспорядке, источники доходов из категории пожертвований и сборов не всегда точно установлены, и совсем не исключена возможность, что спекулирующие на большевиках темные элементы, хотя бы и германского происхождения, могли без их ведома подсунуть большевикам те или иные суммы ради усиления их деятельности и агитации. Это всегда могло случиться с любой

¹³⁰ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940. С. 124.

¹³¹ Волкогонов Д. А. Ленин. Кн. 1. М., 1999. С. 220–221.

партией или газетой в положении большевиков и «Правды». Полная реабилитация и в этом случае была бы необходимым результатом работы следственной комиссии. Но ничего подобного, насколько я знаю, все же не было никогда установлено относительно Ленина и его партии»¹³².

В распоряжении следственной комиссии оказались не только финансовые документы, но и арестованный контрразведкой главный финансовый распорядитель «Правды» и заведующий ее издательством К. М. Шведчиков. После физической обработки арестованного следствие приступило к психологической, задавая ему в течение нескольких дней один и тот же вопрос: «Откуда брались деньги на издание Правды?». Шведчиков, в свою очередь, упорно стоял на том, что все финансирование шло по открытым, легальным и юридически законным источникам, о чем постоянно сообщалось на страницах «Правды» Опираясь данными расходов по изданию газеты и доходов от ее реализации, он доказывал следствию, что при издании «Правды» не только не было убытков, но и получался определенный доход. Шведчиков показал, что месячные расходы на издание «Правды» составляли в среднем 100 тыс. руб. и расписал их по статьям (от набора до доставки), в то время как реализация тиража, например, в июне 1917 г. дала 150 тыс. руб. (в июне месячный тираж «Правды» составил 2 млн 262 тыс. экземпляров, которые поступили индивидуальным подписчикам и в розничную продажу по оптовой цене 6 коп. за экземпляр)¹³³. Шведчиков не скрывал, что «Правда» имеет свой фонд, но он состоит не из немецких денег, а из пожертвований рабочих и солдат, собравших более 140 тыс. руб. только на приобретение типографии. После пяти допросов следствие было вынуждено освободить Шведчикова, не предъявив ему никаких обвинений¹³⁴.

Следственной комиссии предстояло также выяснить, насколько обоснованна предложенная контрразведкой и подхваченная пресой версия о том, что основным каналом для перевода «немецких денег» большевикам в Петроград до июльских событий служила экспортно-импортная фирма Парвуса, директором-распорядителем которой был Я. С. Ганецкий, юрисконсульт М. Ю. Козловский,

¹³² *Сулганов Н. Н.* Указ. соч. С. 346.

¹³³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 464. Оп. 1. Д. 37913. Л. 24–25, 93–98.

¹³⁴ Революционное движение в России в июле 1917 г. С. 187.

одним из основных партнеров В. В. Воровский, а финансовым агентом Е. М. Суменсон. Основным доказательством этой версии были перехваченные телеграммы между Стокгольмом и Петроградом, которые, как уже отмечалось, контрразведка сразу же квалифицировала как «закодированные» и имевшие целью скрыть их подлинное содержание политического и финансового характера. Напомним, что прокурор Петроградской судебной палаты Н. С. Каринский в своем постановлении от 21 июля 1917 г. уже прямо утверждал, что хотя телеграфная переписка «имеет своим содержанием указания на какие-то сделки, высылку разных товаров и денежные операции, тем не менее представляется достаточно основательным заключить, что эта переписка прикрывает собою сношения шпионского характера»¹³⁵. Такое направление обвинения избавляло следственную комиссию от кропотливой работы по анализу и проверке подлинного содержания имевшихся в ее распоряжении телеграмм.

Тем не менее следственная комиссия имела возможность докопаться до реального содержания телеграфной переписки, поскольку в ее руках оказались два основных обвиняемых по этому делу — М. Ю. Козловский и Е. М. Суменсон. Именно они были названы главными получателями немецких денег, предназначенных для большевистской партии. Имя Суменсон впервые попало на страницы петроградских газет вместе с именами Ганецкого и Козловского 5 июля 1917 г. До этого никто, кроме связанных с нею деловыми отношениями, не подозревал о ее существовании — незаметной служащей варшавской конторы Фабиана Клингсланда, переселившейся в 1915 г. в Петроград и ставшей здесь доверенным лицом не только своей прежней конторы, но и фирмы Парвуса — Ганецкого. Поэтому Ленин был вполне искренен, когда в письме в редакцию «Новой жизни» писал: «Припутывают имя какой-то Суменсон, с которой мы не только никогда дел не имели, но которой никогда и в глаза не видели»¹³⁶. Ганецкий, который имел с Суменсон дела, в своих показаниях в комиссию ЦК РСДРП(б) писал: «Госпожа Суменсон является поверенной фирмы Клингсланда, совладельцем которой является мой брат. Фирма эта занялась продажей медикаментов нашей фирмы в России. Я Суменсон раньше не знал. Она

¹³⁵ Речь. 1917. 22 июля.

¹³⁶ Новая жизнь. 1917. 11 июля.

типичная буржуйка, абсолютно никакого отношения ни к какой политической партии никогда не имела. Как поверенная своей фирмы она честно исполняла свои обязанности и стала невинной жертвой во всей этой клевете»¹³⁷.

На допросе у следователя Александрова Суменсон сразу же заявила, что «не признает себя виновной ни в каких отношениях с неприятелем»¹³⁸. Но, рассказывая о своей деятельности в Петрограде, она была достаточно откровенна, и ее показания имели первостепенное значение для понимания реального содержания телеграфной переписки между Стокгольмом и Петроградом. Отвечая на вопрос о происхождении денежных сумм, упоминавшихся в телеграммах, Суменсон поясняла: «Денежные переводы были не за каждую продажу товара, а периодически. Все эти операции шли с начала 1916 года. При этом должна объяснить о несоответствии размеров сумм, мною внесенных, с теми ценами на товар, которые были назначаемы Я. Фюрстенбергом. Он назначал прямо чудовищные цены...»¹³⁹. Как видно, Ганецкий, он же Фюрстенберг, был достойным учеником Парвуса по бизнесу и, несмотря на свою принадлежность к большевикам, действовал как заядлый спекулянт и эксплуататор. Суменсон также признала, что по распоряжению Ганецкого выдавала в Петрограде деньги М. Ю. Козловскому без расписок. С начала 1916 г. и по март 1917 г., по ее данным, «ему было передано всего от 15 до 20 тыс. рублей»¹⁴⁰. В связи с этим нельзя не заметить, что начальник петроградской контрразведки В. В. Никитин в вышедшей в 1957 г. в Париже книге «Роковые годы» искажил показания Суменсон и тем самым дезинформировал тех, кто обращался к его книге как к авторитетному источнику. Он, в частности, сообщал, что «из писем, отобранных у Суменсон, можно было заключить, что Ганецкий переводил деньги Суменсон под видом средств, необходимых для торговли и главным образом аптекарскими товарами. Прикрываться коммерческой перепиской — обычный прием шпионов. Но было особенно характерно, что Суменсон даже и не пыталась прятаться за коммерческий

¹³⁷ Аммиантов Ю. Н., Ермолаева Р. А. Дело Ганецкого и Козловского // Кентавр. 1992. № 5–6. С. 96.

¹³⁸ Идашкин И. В. Были ли большевики куплены на золото германского Генерального штаба // Дипломатический ежегодник. М., 1994. С. 284.

¹³⁹ Там же. С. 284–285.

¹⁴⁰ Там же. С. 285.

код, а сразу созналась, что никакого аптекарского склада у нее не было, и вообще никакой торговлей она не занималась»¹⁴¹. Но это совсем не соответствует тому, что показала на допросе сама Суменсон. «Передернул» Никитин и по поводу выдачи денег Козловскому, которому, якобы по свидетельству Суменсон, она была обязана по распоряжениям Ганецкого выдавать деньги, «какие бы суммы он ни потребовал»¹⁴². На самом деле, как установила следственная комиссия, Козловскому было выплачено фирмой Ганецкого в 1916–1917 гг. 25 424 руб. за услуги юрисконсульта. Как мне кажется, в данном случае Никитина подвела не память, а версия, предложенная французской разведкой в июне 1917 г. и с готовностью принятая им. В свою очередь, Никитин подвел многих историков, черпавших и продолжающих черпать из его книги доказательства в пользу этой версии.

Впрочем тогда, в июле–августе 1917 г., в обстановке антигерманской истерии и шпиономании, в виновности большевиков как агентов Германии не сомневался никто — начиная с обывателя и кончая Генеральным штабом русской армии. В сообщении 4 августа 1917 г. военному агенту в Копенгагене С. Н. Потоцкому разъяснялось: «Несомненное участие германских агентов и германских капиталов, подготовлявших события 3–5 июля в Петрограде, наглядно показывают на гибкое применение германской разведки и пропаганды к новому государственному строю в России»¹⁴³. В поисках подлежавшего аресту Ленина контрразведка сбилась с ног. 11 июля в «Живом слове» появилась информация о том, что Ленин укрывается в Кронштадте «на одном из броненосцев, где большинство команды его последователи». 14 июля коменданту Кронштадтской крепости была направлена шифрованная телеграмма помощника морского министра Дудорова с предписанием арестовать и доставить в Петроград Ленина, скрывающегося на учебном судне «Заря свободы». Однако проведенный на судне обыск никаких результатов не дал¹⁴⁴. Предполагать, что Ленин находился именно в Кронштадте, давало и напечатанное 15 июля в кронштадтской га-

¹⁴¹ *Никитин В. Б.* Указ. соч. С. 97.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ *Александров К.* Октябрь для кайзера. Заговор против России в 1917 г. // Посев. 2004. № 2. С. 6.

¹⁴⁴ *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 177.

зете «Пролетарское дело» письмо Ленина, в котором он разъяснял, почему он решил не отдаваться в руки властей. Это письмо, написанное неделей раньше, было направлено в редакции многих петроградских газет, но напечатала его только газета «Пролетарское дело», единственная из незакрытых большевистских газет, ставшая выходить под другим названием. Тот факт, что в этой газете появились затем и другие статьи Ленина, давал основание считать, что Ленин действительно укрылся у кронштадтских матросов, принимавших активное участие в июльских событиях в Петрограде. Видимо, это дало пищу фантазии журналиста Оссендовского, утверждавшего тогда, что «после бегства из Петрограда Ленин, Дыбенко, Раскольников, Ильин и Зиновьев учредили Пролетарское правительство в Кронштадте, развернувшееся затем в Совет Народных Комиссаров»¹⁴⁵. Более того, эта тема вдохновила талантливого мистификатора на создание ряда «документов», назначение которых состояло в том, чтобы доказать, что Ленин получал деньги от немцев прямо в Кронштадт¹⁴⁶. Увы, современные искатели «германского следа» в Российской революции охотно поверили в эту небылицу, присутствующую и в «Документах Сиссона», и в «Документах Никифоровой», но для пущей убедительности они предпочитают ссылаться при этом на якобы перехваченные российской контрразведкой документы, которые, как уже отмечалось, были сфабрикованы и растиражированы еще в 1917–1918 гг. Так поступает, например, А. А. Арутюнов, который пишет: «За действием Ленина пристально наблюдала немецкая агентура. Она объективно доносила в Берлин о ходе подготовки большевистского выступления в Петрограде. Удовлетворенные активными делами Ленина, власти Германии решили незамедлительно пополнить его кубышку...»¹⁴⁷. И далее он приводит в подтверждение «документ» от 18 июня 1917 г. из «Сводки российской контрразведки» о том, что со счета «Дисконто-Гезельшафт» списано на счет Ленина в Кронштадте 315 тыс. марок. Если бы «известный ученый-историк» работал не только с секретными документами, но и с общедоступной литературой, то он бы знал, что подложность этого «докумен-

¹⁴⁵ Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001. С. 35.

¹⁴⁶ Там же. С. 273.

¹⁴⁷ Арутюнов А. А. Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. М., 2002. С. 121.

та», изготовленного Оссендовским на продажу Сиссону, теперь не подлежит сомнению. Тогда же автор «документа», выдавая его за подлинный, комментировал его следующим образом: «Вот как на немецкие денюжки готовилось июльское выступление большевиков в Петрограде»¹⁴⁸.

То, что не выяснила следственная комиссия Временного правительства и искусно запутал петроградский журналист Ф. Оссендовский, в наше время мастерски распутал американский историк С. Ляндрес, который впервые изучил весь комплекс телеграфной переписки между Стокгольмом и Петроградом, перехваченной французской разведкой и петроградской контрразведкой. Выступая в январе 1993 г. на научной конференции — «Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды», организованной кафедрой русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Ляндрес познакомил историков с первыми итогами своего исследования. Они были достаточно сенсационными, поскольку американский историк утверждал, что «содержание телеграмм не только не служило прикрытием перевода немецких денег большевикам, но и вообще денежных переводов, осуществлявшихся якобы в направлении Стокгольм—Петроград, не существовало. Соответственно основанные на телеграммах июльские обвинения большевистских лидеров в получении “немецких денег” через торговое предприятие Парвуса—Ганецкого следует считать недоказанными»¹⁴⁹. Убедительное обоснование этого принципиального вывода было дано Ляндресом в вышедшей в 1995 г. в США книге «К пересмотру проблемы германского золота большевиков»¹⁵⁰.

Американский историк открыл для изучения все 66 телеграмм, опубликованных в 1917 г. в России в еженедельнике «Без лишних слов» и газете «Русская воля», о чем большинство историков даже не подозревали, а некоторые из них и сегодня отправляются в американские архивы, чтобы обнаружить их в фондах русских эмигрантов. В результате источниковедческого анализа этих телеграмм американский историк пришел к чрезвычайно важному выводу о том, что их содержание не подтверждает июльские обвине-

¹⁴⁸ Старцев В. И. Указ. соч. С. 273.

¹⁴⁹ Ляндрес С. Немецкое финансовое участие в русской революции // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. С. 62.

¹⁵⁰ Lyandres S. The Bolsheviks' «German Gold» Revisited. An Inquiry into 1917 Accutans. Pittsburgh, 1995.

ния в адрес большевиков. «В действительности, — пишет он, — телеграммы не содержат свидетельств о переводе каких-либо капиталов из Стокгольма в Петроград». С. Ляндрес отвергает предположения о закодированном характере корреспонденции между Стокгольмом и Петроградом, настаивает на том, что деятельность фирмы Парвуса-Ганецкого носила «чисто коммерческий характер». Упоминающиеся в этих телеграммах переводы огромных по тем временам сумм денег — до 100 тыс. руб., подчеркивает он, представляли собой плату за товары, экспортированные фирмой Парвуса-Ганецкого из Стокгольма в Петроград. «Товары направлялись в Петроград, а вырученные за них деньги — в Стокгольм, но никогда эти средства не шли в противоположном направлении»¹⁵¹. Ляндрес раскрыл механизм взаимоотношений между экспортно-импортной фирмой Парвуса-Ганецкого в Стокгольме и ее финансовым агентом в Петрограде и тем самым снял завесу таинственности и секретности, которая создавалась вокруг нее начиная с 1917 г. Он показал, что Суменсон действительно занималась получением и распределением между перекупщиками на российском рынке поставляемых через Скандинавию товаров. Плата за импортируемую продукцию переводилась перекупщиками на текущие счета Суменсон в петроградских банках, а она, в свою очередь, переводила ее фирме в Стокгольм на счета в «Ниа банкен». В связи с этим вряд ли теперь можно говорить о германском происхождении тех 2 млн руб., которые, по сведениям следствия, прошли по счетам Суменсон в Русско-Азиатском, Сибирском, Азовско-Донском и других банках.

Заинтересованный читатель может теперь самостоятельно познакомиться с введенными Ляндресом в научный оборот телеграммами (они помещены в приложении к его книге) и получить собственное представление о характере переписки между Стокгольмом и Петроградом. Телеграммы, составлявшие эту переписку, можно условно разделить на три группы: деловые, партийные и смешанные. Вот, например, самая ранняя по времени деловая телеграмма, посланная Фюрстенбергом-Ганецким Суменсон 4 мая 1917 г.: «Больше месяца без сведений. Деньги крайне нужны»¹⁵². Если руководствоваться здравым смыслом, а не подозрениями, то нетрудно

¹⁵¹Ibid. P. 94.

¹⁵²Ibid. P. 19.

понять, что речь идет об отсутствии у фирмы отчетности о проданных товарах более чем за месяц и требовании перевода денег за эти товары. Фирма Парвуса–Ганецкого имела своих деловых представителей и в других городах России — Москве, Одессе и слала туда подобные же телеграммы. 7 мая Фюрстенберг–Ганецкий направляет своему представителю в Москве следующую телеграмму: «Телеграфируйте немедленно какое количество получили оригинала карандашей, какое продал. Точную отчетность пришлите письменно»¹⁵³. При желании можно долго ломать голову над тем, что же здесь подразумевается под «карандашами», но если знать, что до Первой мировой войны карандаши поступали в Россию главным образом из Германии, а с началом войны их ввоз был официально запрещен и они стали предметом довольно прибыльной нелегальной торговли через Скандинавию¹⁵⁴, то эта телеграмма приобретает свой элементарный смысл.

Из всего комплекса телеграфной переписки, попавшей в поле зрения контрразведки, наиболее подозрительной, пожалуй, была одна из последних телеграмм, посланная 5 июля 1917 г. Суменсон из Петрограда незадолго до ее ареста: «НЕСТЛЕ не присылает муки [-] Хлопочите [-] СУМЕНСОН»¹⁵⁵. Она трактовалась как закодированное сообщение, связанное с получением немецких денег в Петрограде, и следствием, и затем некоторыми историками¹⁵⁶. Такое толкование возможно только в том случае, если не принимать во внимание тот факт, что с конца 1915 г. скандинавская фирма Парвуса–Ганецкого действительно была посредником по доставке и продаже в России продукции швейцарской пищевой фирмы «Нестле». До войны представителем «Нестле» в России была варшавская агентурная контора Клингслянда, совладельцем которой был его зять, старший брат Я. С. Фюрстенберга–Ганецкого — Генрих. Когда прямые контакты со Швейцарией были нарушены из-за захвата немцами Варшавы, посредником «Нестле» в ее операциях в России стала фирма Парвуса — Ганецкого, а Суменсон, служившая у Клингслянда еще до войны, переселилась в 1915 г. в Петроград как доверенное лицо, отвечавшее за получение и распре-

¹⁵³ Ibid. P. 27.

¹⁵⁴ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Ч. II. М.; Пг., 1925. С. 202.

¹⁵⁵ Lyandres S. Op. cit. P. 83.

¹⁵⁶ Никитин Б. В. Указ. соч. С. 110–114; Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 106; Pipes R. The Russian Revolution. London, 1990. P. 412.; и др.

деление между перекупщиками на российском рынке поставляемых через Скандинавию товаров (медикаментов, карандашей и т. п.), в том числе и детской молочной муки «Нестле»¹⁵⁷.

Хотя партийная переписка между большевистским руководством в Петрограде и Ганецким в Стокгольме носила вполне реальный и естественный характер (Ганецкий был членом заграничного бюро ЦК большевиков), она вызвала не меньшее подозрение, чем коммерческая. Типичным примером может служить интерпретация следствием телеграммы, посланной из Стокгольма 9 мая 1917 г. за подписью Ганецкого в Петроград в адрес Коллонтай, Козловского и редакции «Правды»: «Стецкевич отобрали Торнео все сделали личный обыск [...] протестуйте требуйте немедленной высылки нам отображенных вещей [...] не получили ни одного письма пусть Володя телеграфирует прислать ли каком размере телеграммы для Правды»¹⁵⁸. Последняя фраза в этой телеграмме толковалась как зашифрованный запрос Ганецкого о размерах немецкой финансовой помощи большевикам, что позволяло следствию «привязать» непосредственно к делу о получении «немецких денег» В. И. Ленина, который якобы лично определял время перевода и размер требуемых сумм. На самом деле, как справедливо полагает С. Ляндрес, слова о «размере телеграмм для Правды» следует понимать как запрос о том, какая из отпущенного заграничному бюро ЦК большевиков сумма может быть потрачена на информационные телеграммы¹⁵⁹. Дело в том, что члены заграничного бюро Воровский, Радек и Ганецкий выполняли также функции корреспондентов «Правды», снабжая большевистскую печать главными зарубежными новостями, которые пересылались в Петроград по телеграфу либо прямо в редакцию «Правды», либо через Петроградское телеграфное агентство. А это всегда стоило дорого.

Интересно, что в числе подозрительных телеграмм оказалась и адресованная 11 мая 1917 г. редакцией газеты «Политикен» с уплаченным ответом «Ленину главе социалистической партии»: «Политикен радикальная газета Дании просит Вас телеграфировать ваше мнение о предстоящем конгрессе международном социалистическом в Стокгольме и русские условия окончательного мира»¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Lyandres S. Op. cit. P. 18.

¹⁵⁸ Ibid. P. 31.

¹⁵⁹ Ibid. P. 32.

¹⁶⁰ Ibid. P. 37.

Как уже отмечалось, Ленин был категорически против проведения этой конференции и свою позицию неоднократно высказывал в печати, о чем, несомненно, было известно и властям. В поле зрения контрразведки попала и написанная Лениным и адресованная заграничному бюро ЦК большевиков телеграмма по поводу демонстрации 18 июня 1917 г.: «В воскресенье манифестация всей революции наши лозунги долой контрреволюцию четвертую Думу Государственный Совет империалистов организующих контрреволюцию вся власть советам да здравствует контроль рабочих над производством вооружение всего народа ни сепаратного мира с Вильгельмом ни тайных договоров с французским и английским правительствами немедленное опубликование советом действительно справедливых условий мира против политики наступления хлеба мира свободы»¹⁶¹. Текст этой телеграммы был опубликован в период июльских событий в газете «Русская воля» и выдавался за лозунги большевиков в дни июльского выступления.

Большой интерес представляют телеграммы, связанные с визитами Ганецкого в Петроград и опасениями его представителей по поводу возможного ареста их шефа. В одной из них Суменсон срочно сообщала: «юрисконсульт [М. Ю. Козловский] просит ни под каким видом не приезжать ждите письма»¹⁶². В ответ на предыдущие предупреждения Ганецкий отвечал, что «телеграммы Козловского совсем неосновательны»¹⁶³. Именно эти предупреждения помогли Ганецкому в результате избежать ареста в Петрограде в июле 1917 г.

Особое внимание следствия привлекало в телеграммах каждое упоминание «Ниа банкен», шведского коммерческого банка, через который, как оно предполагало, проходили «немецкие деньги» большевикам в Петрограде. Но телеграммы как раз свидетельствовали об обратном: деньги переводились из Петрограда в «Ниа банкен», через который фирма Парвуса—Ганецкого осуществляла свои финансовые операции. В июне 1917 г. Козловский телеграфировал в Стокгольм: «Финансы весьма затруднительны [·] абсолютно невозможно дать [·] в крайнем случае пятьсот как последний раз [·] карандаша громадные убытки оригинал безнадежен [·] пусть Ньюбанкен телеграфирует относительно новых сто тысяч Сумен-

¹⁶¹Ibid. P. 74–75.

¹⁶²Ibid. P. 47.

¹⁶³Ibid. P. 40–41.

сон...»¹⁶⁴. Последнюю фразу этой телеграммы из-за ее недостаточной определенности можно толковать по-разному, но последовавший через несколько дней ответ из Стокгольма дает ее правильное понимание: «Ниа Банкен» подтверждал получение 100 тыс. руб. от Суменсон.¹⁶⁵ Разумеется, это не устраивало следствие, которое во что бы то ни стало стремилось отыскать следы «немецких денег». В этом ему по-прежнему активно помогала французская разведка. Получив сведения о том, что Суменсон перевела через Русско-Азиатский банк на счет Фюрстенберга—Ганецкого в «Ниа банкен» 300 тыс. руб., военный атташе Франции в Петрограде Лавернь сообщает своему руководству и Временному правительству, что это деньги немецкого происхождения, поскольку Суменсон не может иметь такой суммы, не получив ее из немецких источников¹⁶⁶. Довод, надо сказать, не очень убедительный, но зато работавший на версию французской разведки и официального обвинения прокурора Петроградской судебной палаты. Более существенные результаты были получены в результате оперативного расследования финансовых поступлений в петроградские банки в последнее время. В письме в военное министерство Франции от 26 июля 1917 г. Лавернь докладывает, что им обнаружено 37 млн руб., поступивших в Россию из шведских, норвежских, датских и финляндских банков в марте — июне 1917 г., причем большая часть — 31 млн из семи крупных банков Стокгольма, в том числе из «Ниа банкен» — 3,3 млн. Наиболее крупные финансовые поступления были обнаружены у Азовско-Донского банка — 13 млн руб., у Петроградского международного коммерческого банка — 5 млн, Сибирского банка — 4,4 млн¹⁶⁷. Именно в этих банках, по предположению Лаверня, надо было искать поступающие для большевиков «немецкие деньги» и их распределителей в Петрограде¹⁶⁸.

Особые подозрения в связи с этим вызывал «Ниа Банкен», который как известно, сотрудничал с фирмой Парвуса—Ганецкого. «Именно торговые книги «Ниа банкен» позволили нам обнаружить тайную сделку, которая существовала между Германией и большевиками», — писал позднее военный атташе Франции в Стокгольме

¹⁶⁴Ibid. P. 59.

¹⁶⁵Ibid. P. 63.

¹⁶⁶Попова С. С. Указ. соч. С. 269.

¹⁶⁷Там же. С. 270.

¹⁶⁸Там же. С. 271.

Л. Тома. Но если о деталях этой «тайной сделки» он предпочел умолчать, (может быть, их просто не удалось установить?), то о «многом другом» он сообщил прямо-таки сенсационные подробности: «Там же мы нашли много другого и, в частности, вещественные доказательства в форме чековых книжек, которые перед революцией марта 1917 г. службы немецкой пропаганды использовали для оказания поддержки борьбы русских прогрессивных партий против царизма, они же обеспечивали субсидиями и некоторых крупных чинов царского правительства, находившихся за границей, с целью склонить их к мысли, что продолжение войны для России гибельно»¹⁶⁹.

На самом деле деятельность «Ниа банкен» не была столь уж криминальной и тем более направленной против России, как это может показаться в изложении французского разведчика. Начать с того, что его владелец банкир Олоф Ашберг получил в 1916 г., по его собственному признанию, «задание» русского правительства «добиться займа в США для России» и в качестве представителя Министерства финансов России находился в Нью-Йорке, где вел переговоры по этому поводу с финансовым синдикатом «Нэшнл Сити Банк»¹⁷⁰. В своем интервью «Нью-Йорк Таймс» Ашберг рисовал США самые радужные перспективы в России: «Когда борьба окончится, по всей стране для американского капитала и американской инициативы будет существовать благоприятная обстановка, вследствие пробуждения, вызванного войной. Сейчас в Петрограде много американцев, представляющих фирмы, которые следят за ситуацией, и как только наступит изменение, должна развиться обширнейшая американская торговля с Россией»¹⁷¹. Хотя шведский банкир оказался не столь уж прозорлив, сам он был довольно удачливым финансистом, хорошо зарабатывавшим именно на России. Как пишет в своих воспоминаниях сам Ашберг, его «Ниа банкен» в годы Первой мировой войны «осуществлял операции с ассигнациями, особенно с русскими. Мы скупали русские рубли и продавали их в странах, граничащих с Россией. Разница между покупкой и продажей была значительной и давала большую прибыль. Ежедневно вокруг «Ниа банкен» собирались толпы иностранных дельцов. Это

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ См.: Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914–1917. Л., 1969. С. 54, 56, 66–71 и др.; Саттон А. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 60.

¹⁷¹ New York Times. 1916. 4 Aug.

место превратилось в настоящую биржу»¹⁷². К сожалению для историков, шведский банкир так и не раскрыл тайну своих взаимоотношений с фирмой Парвуса—Ганецкого; что же касается переведенных «Ниа банкен» 3,3 млн руб., о которых упоминалось выше, то убежденные сторонники версии о прохождении «немецких денег» через этот банк будут крайне огорчены, узнав, что большая часть из них — 2 млн руб. — составляет личный вклад Ашберга в «Заем свободы» Временного правительства, с которым у него также были деловые контакты, впрочем, как и с будущим большевистским правительством¹⁷³.

Итак, если основываться на приведенных выше фактах, а не на домыслах и фантастических толкованиях перехваченной переписки между Стокгольмом и Петроградом, то можно утверждать, что прямых улик в получении большевиками «немецких денег» через торговую фирму Парвуса—Ганецкого не удалось обнаружить ни французской разведке, ни русской контрразведке, ни следственной комиссии. В связи с этим американский историк С. Ляндрес полагает, что «такие хрупкие обвинения могли быть легко опровергнуты самими большевиками, представь они своевременно свои объяснения телеграфных текстов. Но этого не было сделано ни в 1917 г., ни советскими историками позднее. Подобное замалчивание, в свою очередь, послужило поводом, во-первых, для всевозможных кривотолков со стороны политических противников большевиков, и, во-вторых, для ненужных подозрений, догадок и предположений со стороны нескольких поколений исследователей, занимавшихся изучением темы большевистско-немецких связей на Западе»¹⁷⁴.

Нельзя сказать, что большевики в период развязанной против них оголтелой кампании не предпринимали никаких шагов по своей реабилитации. Уклоняясь от публичной полемики, они требовали объективного разбирательства «дела Ганецкого». В частности, М. Ю. Козловский еще 5 июля 1917 г., когда кампания против большевиков только разворачивалась, в телеграмме в Стокгольм предлагал требовать «немедленного образования формальной комиссии

¹⁷² *Ашберг О.* Между Западом и Россией. 1914–1924 гг. Из воспоминаний «красного банкира». Предисловие и примечания А. В. Островского // Из глубины времен: Альманах. 1993. № 2. С. 20.

¹⁷³ *Попова С. С.* Указ. соч. С. 272.

¹⁷⁴ *Ляндрес С.* Указ. соч. С. 62.

для расследования дела и привлечения Заславского к официальному суду». Ленин, который, как уже отмечалось, вступил в полемику с прокурором Петроградской судебной палаты сразу же после публикации постановления по обвинению большевиков, в августе 1917 г. в письме Заграничному бюро ЦК из Гельсингфорса настаивал на том, «чтобы Ганецкий документально опроверг клеветников, издав поскорее финансовый отчет своей торговли и своих дел с Суменсон (что сие за особа? Первый раз услышал!) и с Козловским (желательно, чтобы отчет был проверен и засвидетельствован подписью шведского нотариуса или шведских, нескольких, социалистов, членов парламента)»¹⁷⁵.

Оказавшись едва ли не главным персонажем обвинения, Ганецкий, то ли от безысходности, то ли от убежденности в своей невинности, обращается к Парвусу с просьбой помочь опровергнуть возводимые на него обвинения. И Парвус откликнулся, опубликовав в начале августа 1917 г. в своем издательстве в Берлине брошюру «Мой ответ Керенскому и компании». В ней он писал: «Я всегда всеми имеющимися в моем распоряжении средствами поддерживал и буду поддерживать российское социалистическое движение. Скажите вы, безумцы, почему вас беспокоит, давал ли я деньги Ленину? Ни Ленин, ни другие большевики, чьи имена вы называете, никогда не просили и не получали от меня никаких денег ни в виде займа, ни в подарок. . . »¹⁷⁶. Парвусу, конечно, не поверили ни тогда, ни потом. Но прямых доказательств, что большевики получали именно деньги Парвуса или немецкие деньги через Парвуса, тоже не обнаружено до сих пор.

Показательно, что избранный на VI съезде РСДРП(б) новый состав ЦК также решил вернуться к «делу Ганецкого». На состоявшемся 8 августа 1917 г. заседании узкого состава ЦК (Бухарин, Иоффе, Смилга, Дзержинский, Милютин, Свердлов, Урицкий, Сталин, Стасова, Муранов) было единогласно принято решение, что «ЦК не назначает Ганецкого своим представителем за границей». В отсутствие Ленина, который один владел полной информацией по этому вопросу, ЦК решил подстраховаться и принял единогласно такое решение. Предложение же Исполкома групп социал-демократии Королевства Польши и Литвы о том, чтобы обвине-

¹⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 446.

¹⁷⁶ Цит. по: Земан З. А., Шарлау У. В. Купец революции Парвус—Гельфанд. Политическая биография. М., 1994. С. 270.

ния, касающиеся характера коммерческой деятельности Ганецкого и его отношения с Парвусом, должны быть рассмотрены комиссией, было принято ЦК с перевесом всего в один голос. Для рассмотрения «дела Ганецкого» ЦК, со своей стороны, создал новую юридическую комиссию в составе: Стучка, Иоффе, Урицкий. Свое постановление о Ганецком ЦК решил не предавать публичной огласке¹⁷⁷, и это, быть может, объясняет тот факт, что постановление осталось, вероятно, неизвестным заграничному бюро ЦК или просто невыполненным, и Ганецкий продолжал работать в качестве его члена.¹⁷⁸ Тем не менее внутреннее расследование «дела Ганецкого» продолжалось вплоть до прихода к власти большевиков и окончательно было закрыто только в ноябре 1917 г.

Возвращаясь к итогам деятельности следственной комиссии Временного правительства, следует сказать, что формально она завершила свою работу к концу сентября, и прокурор Петроградской судебной палаты Н. С. Каринский даже объявил о назначении представителей обвинения и защиты на судебный процесс, который должен был состояться в конце октября 1917 г. Однако «дело» против большевиков стало разваливаться задолго до его завершения по целому ряду причин юридического, политического и морально-психологического характера. Как уже было показано, следствие не нашло убедительных аргументов в пользу выдвинутого обвинения прокурора Петроградской судебной палаты, а резко изменившаяся политическая обстановка в конце августа — начале сентября 1917 г. в связи с выступлением генерала Л. Г. Корнилова укрепила позиции большевиков, вынудила А. Ф. Керенского пойти на временный компромисс с ними во имя собственного политического спасения. С конца августа началось освобождение из тюрем под залог арестованных по обвинению в организации вооруженного восстания в Петрограде 3–5 июля. По свидетельству А. Демьянова, новый министр юстиции П. Н. Малянтович, вопреки своему обещанию действовать в «деле большевиков» совместно со своими заместителями, выступил «самостоятельно», а прокуратура по соглашению с министром юстиции выпустила на свободу целый ряд арестованных большевистских руководителей¹⁷⁹. В первую очередь были

¹⁷⁷ *Амиантов Ю. Н., Ермолаева О. А.* Указ. соч. С. 76–77.

¹⁷⁸ Там же. № 5–6. С. 89.

¹⁷⁹ *Демьянов А.* Указ. соч. С. 115.

освобождены А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий и другие большевистские лидеры. Позднее под залог были выпущены из тюрьмы и главные обвиняемые — Е. М. Суменсон и М. Ю. Козловский. Всего было освобождено более 140 человек, арестованных в июле 1917 г.

В этой вынужденной акции Керенского некоторые пристрастные авторы склонны усматривать влияние масонских связей, которыми якобы были «повязаны» многие видные большевики с министрами Временного правительства. При этом они ссылаются на список масонов, опубликованный в 1932 г. Н. Свитковым в его брошюре «Масонство в русской эмиграции». Однако сразу же по выходе этого «источника» видный масон С. А. Соколов свидетельствовал: «Как показывает анализ, список этот составлен по следующему рецепту. Там имеется известное количество подлинных масонских имен, к ним добавлены различные имена эмигрантских деятелей и лиц, не принадлежащих к масонству, и все это сдобрено именами видных большевиков, умерших и живых: Ленина, Янкеля Свердлова, Максима Горького, Зиновьева, Каменева-Розенфельда, Литвинова-Финкельштейна и Троцкого... Мы решительно и категорически заявляем, что все упомянутые большевики к масонству не принадлежат и не принадлежали. В этом смысле есть только одно исключение, относящееся к довоенному прошлому и при том не русскому масонству: Троцкий был некогда, в течение нескольких месяцев, рядовым членом одной из французских лож, откуда согласно Уставу был механически исключен за переездом в другую страну и за неуплату обязательных сборов»¹⁸⁰. Остается только добавить, что автором списка масонов и брошюры, опубликованной под псевдонимом Свиткова, был полковник белой армии Н. Ф. Степанов, сотрудничавший позднее с гестапо.¹⁸¹ Так что «масонский след» в данном случае вряд ли приведет к раскрытию тайны не состоявшегося суда над большевиками. Условия диктовала жестокая политическая реальность 1917 г., когда обвиняемые очень скоро могли стать обвинителями и наоборот. Скорее, был прав С. П. Мельгунов, когда писал, что не столько по соображениям беспристрастия и глубочайшего объективизма, сколько по мотивам революционной тактики ликвидировалось дело о «государственной измене» боль-

¹⁸⁰Цит. по: Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 233–234.

¹⁸¹Там же. С. 234.

шевиков: после корниловского мятежа они получили окончательную амнистию»¹⁸².

В середине октября 1917 г. П. Н. Малянтович провел совещание ответственных работников юстиции и прокуратуры, на котором с докладом о результатах следствия по «делу большевиков» выступил следователь по особо важным делам П. А. Александров. К сожалению, текст его доклада не сохранился, а в прессе его содержание не получило сколько-нибудь подробного изложения. Известно только, что министр юстиции, не разделяя обвинительной позиции прокуратуры, в своем выступлении высказал мнение, что в деяниях большевиков не усматривается «злого умысла», сославшись при этом на то, что во время русско-японской войны многие передовые люди откровенно радовались успеху Японии и, однако, никто не думал привлечь их к ответственности.¹⁸³ По свидетельству товарища министра юстиции А. Демьянова, «Малянтович находил, что так как большевизм есть политическое учение, то как таковое не подлежит, как и всякое другое учение, какому бы то ни было преследованию со стороны власти».¹⁸⁴ Фактически это означало политическую амнистию большевиков со стороны главного юриста и прокурора России, и большевики воспользовались ею в полной мере.

¹⁸² Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 124.

¹⁸³ Утро России. 1917. 14 окт.; День. 1917. 21 окт.

¹⁸⁴ Демьянов А. Указ. соч. С. 115.

Глава седьмая

БОЛЬШЕВИКИ ВЫХОДЯТ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ

«Корниловский мятеж» окончательно расколол российское общество, нарушил сложившееся соотношение политических сил, резко обострил социально-политическую обстановку в стране. Суть возникшего еще в июле 1917 г. и вырвавшегося в конце августа наружу конфликта между главою Временного правительства А. Ф. Керенским и верховным главнокомандующим русской армией генералом Л. Г. Корниловым пытались разгадать тогда и потом многие политические и военные деятели. Более близко к ее пониманию подошел, как мне представляется, член Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова полковник Н. П. Украинцев. «Двоевластие в стране было злом как в глазах Керенского, так и Корнилова, — писал он впоследствии. — Созданная революцией, никаким законом не предусмотренная фактическая власть Советов успешно конкурировала с властью законного правительства Керенского, и потому ликвидация ее была для последнего желательна. Была она желательной и для Корнилова ввиду безудержной пропаганды Совета против войны, вести и выиграть которую было постановлено Корнилову. На этой почве и состоялось соглашение с обеих сторон, неискреннее и с оговорками, Корнилова и Керенского, о Конном корпусе для борьбы с Советами. К этой цели Корнилов шел открыто. Керенский мог идти к этой цели только скрыто. Корнилов торопился, считал, что промедление смерти подобно. Керенского останавливали соображения идеологического характера, желание сохранить чистоту своих революционных принципов,

необходимость лавировать перед могучим Совдепом»¹. Это расхождение в тактике и скрытое соперничество за власть и привело к их разрыву и решению Корнилова действовать самостоятельно. Но посвященных в эту интригу было немного и повсюду — на собраниях, митингах, в прессе — раздавались призывы дать отпор поднявшей голову контрреволюции.

В последние дни августа 1917 г. обстановка в Петрограде стала накаляться усиленно распространявшимися слухами о новом «заговоре большевиков», якобы приуроченном к полугодовщине Февральской революции — 27 августа. Однако в этот воскресный день тревожные ожидания в столице разрешились сенсационным известием о начавшемся по приказу генерала Корнилова движении войск на Петроград.

«Корнилов бесспорно задумал вооруженный переворот — и задумал его давно — во всяком случае, не позже начала августа, — писал впоследствии П. Н. Милоков. — Но он понимал, что надо совершить его с «максимумом легальности», то есть в настолько тесной кооперации военной власти с гражданской, насколько это было возможно. С другой стороны, и глава правительства, казалось, понимал, что для того, чтобы найти опору против возраставшей силы большевиков, ему остается только опереться на военную силу, следовательно, войти с ее представителями в возможно тесный контакт... К несчастью для России, оба лица, которые занимали эти посты и от которых зависело сделать успешной эту последнюю попытку к спасению, были до последней степени не приспособлены и для этой задачи и для взаимного союза»². Они и в самом деле говорили на разных языках и не могли ни сговориться, ни даже понять друг друга: Керенский до конца продолжал хитрить и балансировать, страхуя себя от большевиков и слева и справа, в то время как для Корнилова все деятели Советов, в том числе и их министры, были изменниками, предателями и германскими агентами. Не сумев одолеть своего конкурента путем закулисной борьбы, Керенский был вынужден предать гласности предпринятую Ставкой попытку военного переворота и одним росчерком пера превратил Корнилова в «бунтовщика» и «изменника». Но теперь это выступ-

¹ Александр Керенский: любовь и ненависть революции. Дневники, статьи, очерки и воспоминания современников / Сост. Г. Л. Соболев. Чебоксары, 1993. С. 219–220.

² Милоков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. Париж, 1926. С. 119–120.

ление контрреволюции вызвало гнев и возмущение рабочих, солдат и матросов против всего генералитета, помещиков, банкиров и всех «буржуев». И на этот раз нельзя было все свалить на провокаторов и подстрекателей-шпионов, нанятых германским Генеральным штабом.

1. Реванш большевиков в дни борьбы с корниловщиной

В возникшей в очередной раз критической для Временного правительства ситуации Керенский был вынужден теперь обратиться за помощью к «революционной демократии», к различным общественным организациям и в первую очередь к руководящим органам Советов, мнением которых он неоднократно раньше пренебрегал. Со своей стороны, лидеры «революционной демократии» воспользовались новой политической ситуацией, чтобы под флагом защиты правительства поднять и сплотить возможно более широкие слои общества, укрепить свое пошатнувшееся влияние среди рабочих и солдат. На состоявшемся 27 августа 1917 г. заседании ЦК партии меньшевиков было предложено учредить «Комитет обороны от контрреволюции», и в тот же день инициатива была поддержана меньшевистской фракцией ЦИК Советов³.

Вечером 27 августа «текущий момент» обсуждал на своем заседании Петербургский комитет большевиков. Докладчиком от ЦК выступал А. С. Бубнов, который, отвечая на вопрос, что делать в сложившейся обстановке, говорил: «Нам нужно действовать, чтобы вести собственную линию и не помогать ни Керенскому, ни Корнилову». Докладчик предлагал «ни в какие сношения с советским большинством не входить», но при этом координировать свои действия с Советом⁴. Но какого-либо определенного решения Петербургский комитет большевиков не принял, хотя целый ряд его членов выразил на этом заседании недовольство неясной линией своего

³ *Ненароков А. П.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // *Меньшевики в 1917 году.* Т. 3. Ч. 1. М., 1996. С. 16, 72.

⁴ Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 407–408.

ЦК, которой «товарищи на местах были поставлены в неловкое положение»⁵.

На состоявшемся в ночь на 28 августа объединенном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома крестьянских депутатов один из лидеров меньшевиков Ф. И. Дан заявил, что для предотвращения и борьбы с контрреволюцией «необходимо единство фронта всех революционных сил»⁶. Выступивший от меньшевистской фракции С. П. Вайнштейн призвал сплотиться вокруг Временного правительства, заменив в нем ушедших министров-кадетов представителями демократических элементов. Одновременно он выдвинул предложение образовать Комитет для борьбы с контрреволюцией, получивший в окончательном виде название «Комитет народной борьбы с контрреволюцией». В состав этого комитета были приглашены представители всех социалистических партий и советских организаций, и все они, включая большевиков, приняли это предложение⁷. Вместе с тем выступивший в конце этого заседания член ЦК большевиков Г. Я. Сокольников сообщил, что фракцией большевиков уже приняты самостоятельные меры по осведомлению рабочих и солдат о надвигающейся опасности, что ею создана комиссия для выработки мер «локализации наступления на революцию». Но при этом большевистский представитель заверил членов ЦИК, что эта комиссия войдет в прямой контакт с соответствующими органами при ЦИК. Сокольников также информировал о просьбе Керенского, непосредственно обращенной к большевикам, повлиять на революционных солдат встать на защиту революции от мятежных генералов. При этом он не выдвинул никаких политических условий, что давало основание полагать о стремлении большевиков к достижению компромисса со своими оппонентами⁸. Показательно также, что в выпущенной большевистским руководством листовке в связи с выступлением генерала Корнилова уже не было критики в адрес эсеро-меньшевистского ЦИК Советов, а содержался только призыв к рабочим и солдатам доверить руководство борьбой за спасение революции той власти, которая возьмет

⁵ Там же. С. 426.

⁶ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 109.

⁷ Там же. С. 109–111.

⁸ *Злоказов Г. И.* Меньшевисто-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997. С. 210–211.

на себя проведение в жизнь их требований, «несмотря на колебания, шаткость, бесхарактерность колеблющейся части демократии»⁹.

28 августа, когда исход противоборства между Керенским и Корниловым был совсем неясен, «Комитет народной борьбы с контрреволюцией» принял решение, признававшее «желательным вооружение отдельных групп рабочих кварталов под ближайшим руководством Советов и под контролем Комитета». Вооруженные рабочие формирования (Рабочая милиция, Красная гвардия, Рабочая гвардия, боевые дружины и др.) были созданы во многих районах Петрограда. Общее число записавшихся в них составляло не менее 25 тыс. человек¹⁰.

Процесс формирования вооруженных рабочих отрядов в этот период полностью контролировался районными Советами и фабрично-заводскими комитетами. 28 августа в Петергофском районе на совместном заседании представителей завкомов с членами районного Совета было принято решение «создать Красную гвардию или боевую дружину из рабочих, которая и вооружается. Все товарищи принимаются в состав Красной гвардии и вооружаются под строгим контролем и только по рекомендациям заводских комитетов и партийных организаций». Организованный на этом заседании «Революционный центр» возглавил борьбу рабочих Нарвской заставы против контрреволюции¹¹. Такие же центры создавались и в других районах Петрограда. Важную роль в мобилизации рабочих на отпор контрреволюции сыграло Междурайонное совещание, в котором к концу августа были представлены 11 районных Советов столицы. Сложившийся к этому времени блок большевиков с интернационалистскими течениями меньшевиков определил его четкую и решительную линию и позволил добиться от Комитета народной борьбы санкции на вооружение рабочих. В своей инструкции районным Советам Междурайонное совещание предложило «приступить к составлению списков революционных рабочих, достойных полного доверия, на случай возможности воору-

⁹Листовки петроградских большевиков 1917–1920. Т. 3. Л., 1957. С. 81–82.

¹⁰Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М., 1965. С. 147, 164.

¹¹Революционное движение в России в августе 1917 г. Сб. документов и материалов. М., 1959. С. 484, 485.

жения их». Инструкция предупреждала далее, что «списки эти должны составляться со всей строгостью и осторожностью, через фабрично-заводские комитеты, партийные комитеты. Против фамилии каждого записываемого обязательно должно быть указано, кто его рекомендует: какая партия, какой завод, и комитет либо Совет»¹². На состоявшемся 29 августа объединенном заседании Петроградского совета профессиональных союзов и Центрального совета фабзавкомов отмечалось, что из основных пролетарских районов столицы получены сообщения о полной готовности рабочих к отпору корниловского похода. Совецание постановило принять самые энергичные меры по возведению на подступах к Петрограду проволочных и других заграждений, усилению охраны порядка в городе¹³. В результате мобилизации питерских рабочих и солдат Петроградского гарнизона в столице был создан такой перевес революционных сил, который сорвал планировавшееся выступление прокорниловских элементов в самом городе¹⁴.

Выступление контрреволюции всколыхнуло пролетарские массы, вывело их из состояния напряженного ожидания, в котором они находились после июльских событий. Угроза реальной опасности вновь настроила их самым решительным образом, вызвала потребность самим осмыслить «текущий момент» и перспективы его развития. Вот почему на состоявшихся в эти дни практически на каждом предприятии митингах и собраниях наряду с обсуждением практических мер по организации отпора реакции с неизбежностью встал и вопрос о власти. В рабочих резолюциях вновь зазвучало требование о переходе власти к Советам, хотя еще более распространенным было требование о создании власти «революционных классов» — в одних случаях из представителей пролетариата и крестьянства, в других пролетариата и беднейшего крестьянства¹⁵. 28 августа на общем собрании рабочих Обуховского завода была принята резолюция, предлагавшая образовать «Временное революционное правительство из представителей пролетариата

¹² Там же. С. 498.

¹³ Степанов З. В. Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Л., 1985. С. 144.

¹⁴ См.: Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон за победу Октября. Л., 1985. С. 191–198.

¹⁵ Рабочий. 1917. 28–30 авг., 1 сент.

и крестьянства, ответственное лишь перед революционными органами»¹⁶. В резолюциях присутствовала и мысль о необходимости единства действий.

И все же главным организующим центром по ликвидации корниловского выступления был «Комитет народной борьбы с контрреволюцией», главной задачей которого, по словам Ф. И. Дана, стало «поддержать и укрепить единство демократических сил», сплотившихся вокруг Советов¹⁷. Чтобы привлечь к активному сотрудничеству большевиков, Комитет даже предпринял шаги по освобождению из тюрьмы лиц, причастных к июльским событиям в Петрограде, уведолив об этом рабочих и солдат в специальном обращении¹⁸. Аналогичные меры принял ЦК партии меньшевиков, который на своем заседании 29 августа 1917 г. постановил предложить министру юстиции А. С. Зарудному «пересмотреть дела арестованных большевиков и изменить меры пресечения относительно тех, которые не обвиняются в уголовных преступлениях и шпионстве», а также «освободить всех большевиков, которым не предъявлено обвинение»¹⁹. Более того, на следующий день ЦК меньшевистской партии вернулся к этому вопросу, поручив своему представителю министру труда М. И. Скобелеву войти с этим предложением в правительство²⁰.

Все эти инициативы меньшевиков, поддержанные социалистами-революционерами и имевшие своей целью создать единый демократический фронт против Корнилова, дали впоследствии Керенскому основание обвинить их в том, что они совершили «непростительный поступок» — «вошли в союз с Лениным и снова приняли большевистскую партию в состав революционных демократов».²¹ На самом деле никакого союза с большевиками не было. Показательно, что большевистский ЦК на своем заседании 30 августа 1917 г. даже поставил перед своими представителями в «Комитете народной борьбы с контрреволюцией» вопрос о выходе из него в случае, если не будут выпущены арестованные по делу об июль-

¹⁶ Там же. 30 авг.

¹⁷ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 122.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 76.

²⁰ Там же. С. 78.

²¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 284.

ских событиях²². Большевистское руководство было таким образом больше озабочено судьбой своих товарищей, чем судьбой революции. Что же касается самого Ленина, скрывавшегося в это время в Финляндии, то в написанной за неделю до мятежа Корнилова статье «Слухи о заговоре», не допуская даже возможности блокирования с «предателями меньшевиками», он писал: «Трудно поверить, чтобы могли найтись такие дурачки и негодяи из большевиков, которые пошли бы в блок с оборонцами теперь».²³ Но и получив известие о начавшемся путче Корнилова, Ленин в письме в ЦК своей партии 30 августа 1917 г. предупреждал: «По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто (подобно Володарскому) скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до блока с эсерами, до поддержки Временного правительства. Это архиневверно, это беспринципность»²⁴.

Хотя в Петрограде и находились «другие большевики», которые в составе большевистских фракций в Советах и общественных организациях поддерживали сложившийся фронт борьбы с Корниловым, генеральная линия большевистского руководства была ориентирована в первую очередь на достижение собственных целей. В опубликованном в центральном органе большевиков «Рабочий» воззвании «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда» не только резко критиковалось Временное правительство, но и осуждалась та часть демократии, которая выражала ему доверие и вручала всю полноту власти. В воззвании выдвигался лозунг создания новой власти, которая возьмет на себя осуществление требований «пролетарской и солдатско-крестьянской массы»²⁵.

На состоявшемся 31 августа расширенном заседании ЦК РСДРП(б) обсуждалась декларация «О власти», которую предполагалась внести от имени большевистской фракции на заседании ЦИК Советов вечером того же дня. Проект этой декларации был подготовлен и оглашен только что освобожденным из тюрьмы Л. Б. Каменевым, заявление о реабилитации которого поддерживали эсеро-меньшевистские лидеры ЦИК Ф. И. Дан, А. Р. Гоц,

²²Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 32.

²³Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 75.

²⁴Там же. С. 119–120.

²⁵Рабочий. 1917. 30 авг.

М. И. Либер²⁶. Хотя Каменев представлял в ЦК умеренное крыло, его проект был принят в результате «генеральной дискуссии» без возражений²⁷.

Характер переживаемого момента не мог не отразиться на содержании и тоне этого документа, в преамбуле которого говорилось: «Перед лицом контрреволюционного мятежа ген. Корнилова, подготовленного и поддержанного партиями и группами, представители которых входили в состав Временного правительства (во главе с партией к.-д.), ЦИК считает долгом провозгласить, что отныне должны быть решительно прекращены всякие колебания в деле организации власти. От власти должны быть отстранены не только представители к.-д. партии, открыто замешанной в мятеже, и представители цензовых элементов вообще, но должна быть в корне изменена и вся та политика соглашательства и безответственности, которая создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции. Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти...»²⁸.

В декларации излагались те меры, которые должны были быть положены в основу деятельности новой власти: декретирование демократической республики, немедленная отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в ведение крестьянских комитетов до окончательного решения Учредительным собранием; введение рабочего контроля над производством и распределением в общегосударственном масштабе, национализация важнейших отраслей промышленности; немедленное предложение всем народам воюющих стран заключить всеобщий демократический мир; уничтожение всех сословных привилегий и полное равноправие всех граждан; осуществление права наций на самоопределение; немедленный созыв Учредительного собрания и др.²⁹

Представляя вечером 31 августа на заседании ЦИК проект декларации «О власти», Л. Б. Каменев отнюдь не сводил его суть к

²⁶Рабочая газета. 1917. 30 авг.

²⁷Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 37.

²⁸Рабочий. 1917. 1 сент.

²⁹Там же.

передаче власти Советам, отметив при этом, что «фракцию большевиков интересует не техническая сторона, а те силы, которые войдут в состав этой власти, одинаково ли они понимают задачи момента и смогут ли они идти в ногу с демократией»³⁰. Но эсеро-меньшевистский ЦИК не продемонстрировал желаний идти в ногу с большевиками, так и не поставив их декларацию на голосование в этот вечер. И тогда большевистская фракция Петроградского Совета внесла этот документ на рассмотрение общего собрания Петроградского Совета в ночь на 1 сентября. В результате ожесточенной многочасовой полемики вокруг характера будущей власти резолюция эсеров была отвергнута и принята большевистская декларация «О власти». Тот факт, что из-за отсутствия значительной части депутатов она прошла только относительным большинством (за — 270, против — 115, и 51 воздержался) не умалял значения одержанной большевиками победы в Петроградском Совете. «Исторический поворот» — так характеризовал эту победу центральный орган большевистской партии «Рабочий» в своем экстренном выпуске вечером 1 сентября 1917 г. 2 сентября в этой же газете была помещена статья Г. Я. Сокольников «На новом пути». Комментируя напечатанную накануне декларацию «О власти», автор статьи подчеркивал, что предложенная большевиками в Петроградском Совете резолюция не «объявляет» перехода власти к Советам. «Такое «объявление», — пояснял он, — было бы теперь пустой бумажной резолюцией, не имеющей никакого практического значения, либо провозглашением решительной борьбы за власть, восстанием с оружием в руках для низвержения того органа, в руках которого власть теперь находится». Назначение принятой резолюции Сокольников видел в том, что в ней большевистская партия «предложила сплочение рабочих, солдат и беднейших крестьян на определенной революционной программе» с целью «организовать сознание и волю масс, которые к нам примыкают, превратить их в силу, способную не только встать под наши знамена, но и довести ее до полной победы». Нельзя здесь не заметить, что большевистское руководство в Петрограде предпочитало не обольщаться достигнутой победой в Петроградском Совете и занимало в целом осторожную позицию в отношении к власти.

³⁰ Известия. 1917. 1 сент.

Гораздо оптимистичнее оценивал сложившуюся ситуацию в стране и в столице лидер большевиков Ленин, находившийся в то время в Финляндии. Скрываясь в августе 1917 г. от преследования Временного правительства в Гельсингфорсе и не имея возможности непосредственно участвовать в политической жизни России, Ленин направляет свою энергию на организацию международной конференции левых «для основания III Интернационала»³¹. Он торопит с этим заграничное бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме, настаивает на том, чтобы провести ее «именно теперь, пока есть еще в России легальная (почти легальная) интернационалистская партия более чем с 200 000 (240 000) членов...»³². На проведение конференции были нужны деньги, и они нашлись у швейцарского социал-демократа Карла Моора, который, как уже отмечалось, в годы Первой мировой войны поддерживал контакты не только с эмигрантами-большевиками, но и с представителями германского правительства. Именно по заданию германского посланника в Берне Ромберга в мае 1917 г. Моор выезжает в Стокгольм, где в несколько приемов передает членам заграничного бюро ЦК большевиков 73 тыс. шведских крон³³. Радек в письме Ленину от 3 июля 1917 г. пишет из Стокгольма: «Мы не получили еще от Вас ответа насчет распределения денег, полученных нами. Ввиду необходимости подготовки конференции, посылки людей для переговоров с левыми в Германию, напечатания французского листка о конференции мы принуждены, не дожидаясь Вашего ответа, расходовать деньги»³⁴. Ленин смог ответить заграничному бюро ЦК большевиков только в августе, и даже в письме, предназначенном для передачи из рук в руки (впервые оно было напечатано в 1930 г.), он архисторожен: «Не помню, кто-то передавал, кажись, что в Стокгольме, после Гримма и независимо от него, появился Моор... Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно доказано, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого ни косвенного сношения с немецкими социал-империалистами? Если правда, что Моор в Стокгольме и если Вы знакомы с ним, то я очень и очень просил бы, убедительно просил бы, настойчиво просил бы

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 448.

³² Там же.

³³ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году // Отечественная история. 1993. № 2. С. 138.

³⁴ Там же. С. 130.

принять все меры для строжайшей и документальной проверки этого. Тут нет, т. е. не должно быть, места для тени подозрений, нареканий, слухов и т. п.»³⁵. При том, что Ленин был достаточно хорошо знаком с Моором, в данном случае он действительно мог только догадываться об источнике происхождения предлагаемых Моором денег и потому, особенно после июльских обвинений в «шпионских сношениях» с Германией, стремился не дать повода для новых обвинений. Столь же осторожную позицию в этом вопросе занял и Центральный Комитет большевиков, который на своем заседании 24 сентября 1917 г. заслушал «сообщение о предложении денег» — финансовое предложение Моора, полученное через секретаря и казначея заграничного бюро ЦК Н. А. Семашко, находившегося в Стокгольме проездом. Присутствовавшие на этом заседании Свердлов, Сталин, Каменев, Сокольников, Троцкий, Урицкий, Рыков, Бубнов, Шаумян посчитали это предложение неприемлемым, приняв следующую резолюцию: «ЦК, заслушав сообщение т. Александра (Семашко) о сделанном швейцарским социалистом К. Моором предложении передать в распоряжение ЦК некоторую сумму денег, ввиду невозможности проверить действительный источник предлагаемых средств и установить, действительно ли эти средства идут из того самого фонда, на который указывалось в предложении как на источник средств Г. В. Плеханова, а равным образом проверить истинные цели предложения Моора, — ЦК постановил: предложение отклонить и всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми»³⁶. Интересно, что публикаторы протоколов ЦК сделали здесь следующее примечание: «По наведенным позднее Истпартом справкам, Карл Моор предлагал денежные средства из полученного неожиданно большого наследства».³⁷ Но, как видно из этой резолюции, сам Моор, предлагая финансовую помощь большевикам, вовсе не ссылаясь на «полученное неожиданно большое наследство», а глухо указывал «на источник средств Г. В. Плеханова». Скорее всего, такое объяснение навеяно опубликованными в 1926 г. воспоминаниями К. Радека, который был обязан Моору, помимо всего, еще и лично — облегчением своего «сидения» в берлинской тюрьме в 1919 г. за участие в коммунистическом вос-

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 447.

³⁶ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 70.

³⁷ Там же. С. 263.

станции. Отмечая заслуги швейцарского социалиста перед русскими революционерами, Радек писал, что Моор, получив значительное наследство, помогал большевикам³⁸. Здесь Радек определенно лукавил: даже если допустить, что в 1917 г. он не разделял подозрения Ленина в отношении Моора, то в 1918 г. он был ознакомлен вождем большевистской партии с письмом Г. Л. Шкловского, находившегося тогда в Берлине в составе советской дипломатической миссии. «Обращаю Ваше внимание на К. Моора, — писал Шкловский в этом письме Ленину 14 августа 1918 г. — Он немецкий агент, купленный за деньги агент. Доказательств более чем достаточно и никакому сомнению не подлежит...»³⁹. Но Радек не хотел (или не мог?) разрушать светлый образ швейцарского социалиста, так много сделавшего для большевиков, и потому он обвинил Шкловского в распространении «инсинуаций против товарища Моора»⁴⁰.

Опубликованные в 1993 г. документы из «особых папок» секретариата ЦК и Оргбюро подтверждают, что заграничное бюро ЦК большевиков в течение 1917 г. неоднократно получало субсидии от Моора — всего около 40 тыс. долл.⁴¹, сумма для того времени хотя и очень крупная, но все же сильно не дотягивающая до миллиона немецких марок. Любопытно, что в опубликованной среди этих документов «Справке об оказании К. Моором помощи русскому революционному движению» отмечалось, что полученные от Моора деньги Воровский и Ганецкий «определенно называли ... ссудой, обещав, что ссуда эта будет ему возвращена сейчас же после завоевания политической власти. Тов. Ленин знал об этом и очень благодарил тов. М[оора] за это. Это была помощь в самое тяжелое время 1917 г. и требовалась для удовлетворения необходимейших потребностей»⁴². Сам Моор также высоко оценивал свои заслуги перед Русской революцией и большевиками. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Моора Ленину от 22 ноября 1918 г., в котором он ходатайствовал об освобождении П. Н. Пальчинского,

³⁸ Радек К. Ноябрь (Страничка воспоминаний) // Красная новь. 1926. № 10. С. 163.

³⁹ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году. С. 130.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 137–142.

⁴² Там же. С. 137.

личности достаточно одиозной для большевиков (товарищ министра торговли и промышленности, помощник генерал-губернатора Петрограда по гражданской части, один из руководителей обороны Зимнего дворца во время Октябрьского вооруженного восстания и т. д.). В этом же письме Моор посчитал возможным и необходимым выступить против копирования большевиками террора Французской революции. «... У меня есть революционный темперамент и отвага, поскольку я думаю и чувствую по-пролетарски, то мне не симпатично простое копирование якобинства, — писал он. — Так же и для нашей революции необходимо со всей энергией заниматься экономикой и минимумом давления обеспечить максимальные результаты...». Моор подписал это письмо Ленину «с социал-демократическим партийным приветом. Со всею дружбою и верностью»⁴³. Разумеется, так мог обращаться к вождю большевиков только человек, находившийся с ним в доверительных отношениях, и реакция Ленина на просьбу Моора это подтверждает: по его личному вмешательству Пальчинский в скором времени был освобожден по специальному решению ЦК РКП (б)⁴⁴.

Однако мы забежали вперед и, возвращаясь к 1917 году, заметим, что полученные от Моора в Стокгольме деньги, как установил американский историк С. Ляндрес, в Россию тогда не пересылались, а были употреблены с ведома Ленина на организацию состоявшейся в сентябре 1917 г. Третьей Циммервальдской социалистической конференции. «Принимая во внимание цели конференции и состав ее участников, — пишет он, — можно с уверенностью сказать, что “немецкие деньги”, на которые она была устроена, были использованы в неменьшей степени против правительства кайзеровской Германии, чем против Временного правительства А. Ф. Керенского, предпринявшего неудачную попытку юридически доказать измену большевиков, организовавших на “немецкие деньги” антивоенную пропаганду в России»⁴⁵. И все же часть мооровской «ссуды» вернулась в Россию после Октябрьской революции. В письме секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову от 10 мая 1922 г. Я. С. Ганецкий сообщал: «До сих пор я не получил от Вас указаний, что делать с привезенными из Риги 85 513 датских крон. Если возражений нет,

⁴³ Исторический архив. 2000. № 1. С. 5–8.

⁴⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 164.

⁴⁵ Ляндрес С. Немецкое финансовое участие в Русской революции // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. С. 63.

я попросил бы кассира ЦК взять их у меня. Однако напоминаю, что несколько раз было принято устное постановление возвратить деньги Моору. Указанные деньги фактически являются остатком от полученных сумм Моора. Старик все торчит в Москве под видом ожидания ответа относительно денег. Не считали бы Вы целесообразным дать ему эти деньги, закончив этим все счета с ним и таким образом избавиться от него»⁴⁶. Но Моору пришлось проторчать в Москве целых пять лет, прежде чем он получил «свои» деньги обратно⁴⁷.

Что же касается Третьей Циммервальдской конференции, то члены заграничного бюро ЦК большевиков выступали на ней в самых различных ролях: В. В. Воровский и Н. А. Семашко представляли РСДРП(б), а Я. С. Ганецкий и К. Б. Радек — польских социал-демократов, но всем им вместе пришлось отбиваться от прозвучавших в адрес большевиков и на этой конференции обвинений в шпионаже. Однако требование заграничного бюро ЦК большевиков принять специальную резолюцию о положении дел в России было отклонено центристским большинством конференции по причине недостаточной осведомленности в русских делах. В принятый на конференции манифест против войны не попали большевистские лозунги о превращении империалистической войны в гражданскую и о поражении «своего» правительства в каждой воюющей стране. Неудивительно, что Ленин, внимание которого было поглощено организацией и проведением этой конференции, откликнулся на ее завершение одной незаконченной статьей «Задачи нашей партии в Интернационале (по поводу III Циммервальдской конференции)». Остановившись в ней только на характеристике представленных на конференции партий и групп, вождь большевистской партии делал суровый вывод о том, что «состав конференции был чрезвычайно пестрый, — даже нелепый, ибо собрались люди, не согласные в основном, поэтому неспособные действовать действительно дружно, действительно сообща, люди неминуемо расходящиеся между собой в коренном направлении своей политики...»⁴⁸. Но, похоже, Ленина это в данный момент уже не волновало, ибо в самой России в результате «мятежа» генерала Л. Г. Корнилова произошел

⁴⁶ *Ляндрес С.* Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году. С. 134.

⁴⁷ Там же. С. 142.

⁴⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 271.

«крайне неожиданный» и «прямо-таки невероятно крутой поворот событий»⁴⁹.

Однако в отличие от своих осторожных соратников в Петрограде, Ленин предлагал использовать этот «невероятно крутой поворот событий» для перехода в решительное наступление на власть, изменив только форму борьбы с нею и в первую очередь с Керенским. «Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, — писал он, — мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснить народу (борющемуся против Корнилова) слабости и шатания Керенского»⁵⁰. Одновременно вождь большевиков советовал еще активнее вовлекать рабочих, солдат и крестьян в борьбу против Корнилова, «поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывавшихся за Корнилова, настаивать, чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянки и Миллюкова, разгона Государственной думы, закрытия “Речи” и других буржуазных газет, следствия над ними».⁵¹ Здесь в Ленине говорил не только непримиримый противник буржуазной власти, но и человек, загнанный этой властью в подполье и продолжающий находиться в опасности быть ею схваченным и судимым как «немецкий шпион».

2. Радикализация рабочих и солдат

Корниловщина, таким образом, окончательно поляризовала политические и социальные силы, изменила их роли, открыла новые возможности в политическом развитии России. Анализируя эти возможности, один из лидеров кадетской партии В.Д. Набоков рассматривал три выхода из кризиса власти. Первый — создание однородного буржуазного правительства — не имел шансов, по его мнению, ввиду «непримиримости» народа к «кругам буржуазным, особенно к кадетам». Второй — создание однородного социалистического правительства — исключался самими меньшевиками и эсе-

⁴⁹ Там же. С. 119.

⁵⁰ Там же. С. 120.

⁵¹ Там же.

рами по причине его гибельности для них. Оставался единственно возможный путь спасения власти буржуазии — «возвращение к принципу коалиции». Но мог ли этот путь привести к спасению страны, которая к осени 1917 г. стояла уже на пороге гражданской войны? Были ли другие реальные возможности выхода из углублявшегося с каждым днем кризиса? Позиции политических партий здесь резко расходились, и отсутствие общих подходов к этим кардинальным проблемам вело к дальнейшему обострению политической борьбы.

Особая опасность состояла в том, что политические партии, претендовавшие на роль выразителей интересов рабочего класса и его поддержку, стали ориентироваться прежде всего на авангард и его революционные качества. В марте 1917 г. представленные в Советах политические партии еще сходились в том, что хотя самое широкое и совершенное социальное законодательство не может устранить необходимости непосредственной борьбы труда с капиталом, формы этой борьбы должны быть согласованы с обстановкой незавершенной еще революции и военной угрозой извне. Но заложенные в таком подходе возможности компромисса между рабочим классом и буржуазией оказались нереализованными в силу целого ряда причин и прежде всего из-за наступившего после «медового месяца» революции обострения политической обстановки в стране.

Поставленный Лениным по возвращении из эмиграции в апреле 1917 г. вопрос о переходе к социалистической революции положил начало новому этапу политической борьбы, прежде всего в Петрограде, где в первую очередь произошло резкое размежевание политических и социальных сил. Революционная активность рабочих столицы становится для Ленина барометром политических настроений рабочего класса в целом. Опасность политики, ориентированной только на пролетарский авангард, осознавали и некоторые руководители петроградских большевиков. «Мы не должны быть политиками своей округи, а должны смотреть вширь и вглубь. Нельзя повторять опыт Парижской Коммуны, — предупреждал А. Е. Аксельрод на заседании Петербургского комитета большевиков 20 июня 1917 г. — Петроград не вся Россия и увлекаться настроением Выборгской стороны нельзя»⁵². На опасность имевшей место в июльские дни определенной изоляции Петрограда от про-

⁵²Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 337–338.

винции указывал на VI съезде РСДРП(б) Е. А. Преображенский, призывавший ЦК в связи с этим «считаться с положением на местах и принимать решения в соответствии с соотношением сил во всероссийском масштабе»⁵³.

В то же время Ленин, оценивая перспективы развития событий после июльских событий, связывал их с «выдержкой и стойкостью рабочего авангарда», с «подготовкой сил к вооруженному восстанию»⁵⁴. Вождь большевиков, хорошо разбираясь в общественной психологии, лучше других понял, что отказ эсеро-меньшевистских лидеров Советов от власти настроил этот авангард на бескомпромиссную борьбу, зарядил его радикальную психологию новой энергией, которую можно и нужно использовать для взятия власти. Констатируя начало гражданской войны в России, Ленин, под впечатлением практически бескровной ликвидации корниловщины, считал в сентябре 1917 г., что при сложившемся соотношении сил она вообще могла бы быть исключена в результате перехода власти к Советам. Если же этого не произойдет, предупреждал он, «столичный пролетариат станет тогда еще ближе, чем теперь, к коммуне, к рабочему восстанию, к завоеванию власти в свои руки, к гражданской войне, в ее более высокой и более решительной форме...»⁵⁵.

Политические оппоненты большевиков усмотрели в этом предупреждении всего лишь претензии на власть со стороны партии, находившейся еще недавно, в июльские дни, в меньшинстве и изоляции, а теперь занявшей ведущее положение в Советах и рабочих организациях Петрограда. Однако осенью 1917 г. на реализацию этих претензий стали работать такие важные факторы, как возросшая популярность большевистской программы действий и связанные с ней рост рядов самой партии и большевизация Советов, широкий размах в стране рабочего, солдатского и крестьянского движения, разочарование широких народных масс политикой сотрудничества социалистических партий с буржуазией на почве глубочайшего социально-экономического кризиса. Правда, к началу сентября 1917 г. в стане «революционной демократии» уже не было прежнего единодушия по вопросу о том, надо ли сохранять союз с буржуазией. Если меньшевики-интернационалисты рассмат-

⁵³Шестой съезд РСДРП (большевиков): Протоколы. М., 1958. С. 21–22.

⁵⁴Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 5.

⁵⁵Там же. С. 225.

ривали коалицию с буржуазией как фактор, уменьшающий влияние рабочего класса на развитие революции, усиливающий в нем анархистские и максималистские тенденции⁵⁶, то стоявший на правом фланге социал-демократии Г. В. Плеханов предупредил, что разрыв соглашения с буржуазией приведет к гражданской войне пролетариата с буржуазией и «кончится великим несчастьем для первого из этих двух классов, то есть преждевременным переходом всей власти в его руки»⁵⁷.

Одобрив создание директории, эсеро-меньшевицкие вожди сделали выбор в пользу продолжения прежней политики, что вызвало жесткую реакцию со стороны большевиков. Написанная И. В. Сталиным передовая статья призывала к беспощадной борьбе с эсеро-меньшевицким влиянием в массах, к сплочению крестьян и солдат под знаменем партии пролетариата⁵⁸. Но это еще не означало, что большевицкое руководство окончательно определилось в своей политической линии, о чем свидетельствовала и публикация ленинской статьи «О компромиссах». Хотя эта статья появилась с опозданием на несколько дней (она была написана 1–3 сентября) и отражала поэтому «вчерашний день» фантастически быстро развивавшихся событий, она привлекла широкое внимание своей постановкой вопроса о компромиссе с меньшевиками и эсерами. Во имя мирного развития революции и при условии перехода власти к Советам в статье выражалась готовность большевиков отказаться «от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование»⁵⁹.

Отрицательная реакция лидеров меньшевиков и эсеров на предложение о компромиссе имела далеко идущие политические последствия. Как писал затем Л. Д. Троцкий, «партия большевиков окончательно почувствовала себя после этого единственной партией революции»⁶⁰.

Вместе с тем возникает и резонный вопрос: были ли готовы к этому компромиссу петроградские большевики, руководящий орган

⁵⁶ Социалисты о текущем моменте / Сост. В. Л. Львов-Рогачевский. Пг., 1917. С. 287–268.

⁵⁷ Плеханов Г. В. Год на родине. Т. 2. Париж, 1922. С. 95–96.

⁵⁸ Рабочий путь. 1917. 3 сент.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135; Рабочий путь. 1917. 6 сент.

⁶⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. Берлин, 1933. С. 356.

которых занимал, как правило, позицию левее своего ЦК? Сумели ли они соотнести установки VI съезда РСДРП (б) на «полную ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии» с открывшимися после победы над корниловщиной новыми перспективами политического развития? Заседание Петербургского комитета, состоявшееся на следующий день после появления статьи В. И. Ленина «О компромиссах» и обсуждавшее «текущий момент» в контексте этой статьи, выявило целый спектр мнений. Выступивший с докладом от Исполнительной комиссии ПК А. И. Слуцкий оценил отказ меньшевиков и эсеров от сотрудничества с кадетами как «большой шаг», но заметил при этом, что судя по выступлениям их лидеров, они не могут окончательно порвать с прежними надеждами на коалицию с буржуазией. Он особенно обратил внимание на то, что «массы проделали сдвиг влево», а также на возрождение Советов, на их противодействие правительственной власти, выразил уверенность, что «Советы могут еще стать у власти», но связал решающее столкновение между Керенским и Советами с «революционной волной в низах». Касаясь ленинского предложения компромисса с меньшевиками и эсерами, А. И. Слуцкий полагал, что «теперь на это они не пойдут, так как это означает переход власти в наши руки. Задача, которая стоит перед нами, — организованная борьба за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев города и деревни...»⁶¹.

Выступившие затем члены ПК критиковали доклад в основном за отсутствие в нем конкретной программы действий и четкой линии в отношении к Советам. Г. Е. Евдокимов, например, выразил недоумение, как лозунг «Вся власть Советам!» соотносится с лозунгом «Вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству!»⁶². «Особенно непримиримо был настроен Г. Ф. Коломин, представлявший в ПК Московский район. Упрекая ЦК в том, что тот растерялся и оставил рабочих без руководящих указаний, он категорически выступил против какого-либо сближения с меньшевиками и эсерами. «Современный момент, — говорил Г. Ф. Коломин, — самого резкого разграничения пролетариата и буржуазии. Как на заводах, так и в крестьянской бедноте мы наблюдаем отход влево. Теперь нам думать о компромиссах смешно. Никаких компромиссов! Когда у

⁶¹ Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году. С. 429–431.

⁶² Там же. С. 433.

нас не было сил, так это еще допустимо. Мы испугались, мы мечемся. Контрреволюция сделала свой первый шаг — корниловщина, но нельзя забывать, что она готовит второй шаг. Наша революция не та, что на Западе. Наша революция — пролетарская. Наша задача — укреплять позицию и безусловно готовиться к боевой схватке»⁶³. П. А. Залуцкий, соглашаясь с мнением о том, что революция вступила в новую полосу своего развития, видел тактику партии в том, чтобы «толкать Советы на путь гражданской войны». В поддержку компромисса и курса на мирное развитие революции выступил И. А. Рахья. В. Н. Павлов также заявил: «О восстании сейчас говорить не приходится, так как нет против кого восставать: ведь не мы восстали против Корнилова, а Корнилов восстал против нас»⁶⁴.

Выступивший на этом заседании член ЦК РСДРП (б) А. С. Бубнов не согласился с теми, кто считал, будто ЦК не имеет определенной линии. Выражая мнение его большинства, он отметил, что старые лозунги («Вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству», «Борьба с контрреволюцией, с Керенским»), равно как и отношение к Советам, остались в силе. Вместе с тем он подчеркнул, что теперь Советы могут получить власть только в результате борьбы⁶⁵. Однако Петербургский комитет и после этого заседания выражал недовольство тем, что ЦК РСДРП(б) «до сих пор не вынес резолюции по текущему моменту»⁶⁶.

В первой половине сентября с новой силой продолжилось «выяснение отношений» в Петроградском Совете.⁶⁷ Окончательно отношения между политическими партиями в Совете выяснились на его пленарном заседании 9 сентября 1917 г., когда в результате поименного голосования, в котором приняла участие тысяча депутатов, была принята снова большевистская резолюция. На этом заседании выступил встреченный бурными аплодисментами Л. Д. Троцкий, недавно выпущенный из «Крестов» после двухмесячного заключения. Принятый в партию большевиков в конце июля 1917 г., он теперь защищал ее интересы с трибуны: «В настоящий момент, когда Петроградский Совет, не вполне отражающий настроение Петро-

⁶³ Там же. С. 434.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 436–437.

⁶⁶ Там же. С. 442.

⁶⁷ См.: Смирнова А. А. От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае–ноябре 1917 года. СПб., 2006. С. 227–229.

града — рабочих и солдат, в большей степени их отражающий, чем президиум, и когда в составе Совета половина или почти половина принадлежит большевикам, нельзя исключить представителей фракции из представительства в президиуме, ибо это можно было понять как игнорирование интересов части Совета»⁶⁸. В конце сентября 1917 г. большевики добьются своего и возглавят руководящие органы Петроградского Совета, председателем которого станет Троцкий.

Одновременно с этим на фабриках и заводах началась широкая кампания по отзыву не оправдавших доверия рабочих депутатов и выборам новых представителей, по преимуществу стоявших на большевистской платформе. Большевики сумели завоевать мандаты в Петроградский Совет на многих крупнейших предприятиях столицы, представляемых ранее главным образом эсерами (Орудийный, Патронный, «Арсенал Петра Великого», Адмиралтейский, «Скорород» и др.). Особенно сокрушительное поражение эсеры потерпели на считавшемся их партийной вотчиной Обуховском заводе: среди 13 избранных в Петроградский Совет депутатов было 11 большевиков и 2 анархо-синдикалиста⁶⁹. Выступавший 19 сентября на митинге рабочих Трубочного завода в связи с переборами в Совет большевистский оратор отмечал в своем отчете: «Большинство в последнее время переходит к нам. Настроение за нас. Оборонцы молчат». В октябре 1917 г. рабочие Трубочного завода доверили представлять свои интересы в Петроградском Совете 16 большевистским депутатам. На Адмиралтейском заводе меньшевики даже не рискнули выставить своего кандидата в депутаты, и борьба на перевыборах в Совет шла только между большевиками и эсерами. Но и последним не удалось провести ни одного своего представителя⁷⁰. Сохранившиеся немногочисленные протоколы перевыборов в Петроградский Совет на фабриках и заводах столицы не дают оснований считать, что их результаты были predeterminedены одним поворотом в настроениях пролетариата, переоценкой позиций политических партий. Решение об отзыве прежних депутатов принималось на рабочих собраниях после того, как в ходе обсуждения деятельности депутата выяснялось, что он не отстаивал интересов рабочих в Петроградском Совете. В результате осенних

⁶⁸ Там же. С. 229.

⁶⁹ Рабочий путь. 1917. 22 сент.

⁷⁰ *Соболев Г. Л.* Пролетарский авангард в 1917 году. СПб., 1993. С. 212.

перевыборов партийный состав Петроградского Совета значительно изменился. Теперь даже блок меньшевиков с эсерами не давал им преобладания над большевиками ни в Совете в целом, ни тем более в рабочей секции. Из 396 депутатов рабочей секции, чью партийную принадлежность удалось установить, 230 были большевиками, 102 — эсерами, 54 — меньшевиками, 10 — меньшевиками-интернационалистами⁷¹. Разительный контраст с мартовской картиной!

Укреплению большевистского влияния в Петроградском Совете активно способствовали районные Советы, которые также обновились наиболее революционно настроенными представителями рабочих. Имеющиеся данные о партийной принадлежности 87 депутатов, избранных в районные Советы с июля по 25 октября 1917 г., подтверждают резкий сдвиг влево в настроениях и симпатиях питерского пролетариата: 54 из них были большевиками, 22 — эсерами, 10 — меньшевиками и 1 — народным социалистом⁷². Осенью 1917 г. 11 районных Советов из 17 придерживались большевистской ориентации⁷³. Руководящий орган районных Советов — Междурайонное совещание — еще 8 сентября решил заявить о своей солидарности с новой политической линией Петроградского Совета и настаивать на включении своих представителей в его Исполнительный комитет⁷⁴.

Катастрофическое падение эсеро-меньшевистского авторитета в рабочих массах и неуклонное усиление большевистского влияния были переменными величинами одного политического уравнения, от решения которого зависела судьба революции. Между тем вожди меньшевиков и эсеров не хотели ничего менять в собственной позиции, недооценивая как новые настроения рабочих, так и способность большевиков учитывать их в своей борьбе за массы. Г. В. Плеханов как более дальновидный политик еще в начале сентября предупреждал, что большевики уже не есть то меньшинство, с которым можно было не считаться, и даже высказывал предположение, что недалек тот день, когда Ленин займет место Керен-

⁷¹ Злоказов Г. И. Петроградский Совет на пути к Октябрю. М., 1978. С. 254.

⁷² Гальперина Б. Д. Районные Советы Петрограда в 1917 году: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968. С. 20–21.

⁷³ Районные Советы Петрограда в 1917 г. Протоколы: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 12–13.

⁷⁴ Там же. Т. 3. М.; Л., 1966. С. 305.

ского⁷⁵. Но и это предупреждение не было принято во внимание. Упуская шанс за шансом, лидеры меньшевиков и эсеров не нашли ничего лучшего, как взвалить ответственность за свои ошибки на большевиков. Видный деятель партии эсеров Н. Святицкий, констатируя реальный и вместе с тем печальный для своей партии факт («петроградский пролетариат теперь почти сплошь идет за большевиками»), видел главную причину усиления большевизма в привлечении им на свою сторону «с.-р. и меньшевистских трудовых масс»⁷⁶. Указывая на пагубные последствия приверженности руководства партии меньшевиков коалиции с буржуазией, представители ее левого крыла предупреждали, что «оппортунизм одной части социал-демократии неизбежно питает революционный авантюризм другой, соблазняя рабочие массы искать выходы из хозяйственного кризиса и ужасов войны в единоспасующем чуде захвата власти и немедленной социализации»⁷⁷.

В самом деле, в Петрограде раньше, чем где бы то ни было, появились признаки того, что невозможность разрешить насущные проблемы начинает восприниматься как крах капитализма. Все это создавало благоприятную почву для распространения представлений о том, что только на путях отрицания капиталистического общества может быть найден выход из безнадежного положения. Отсюда и возросшая популярность социалистических лозунгов среди рабочих. Причем им казалось, что социализм должен был заменить капитализм теперь же, немедленно. Вопрос о том, есть ли для «введения социализма» условия и каким будет этот новый строй, как правило, не возникал и объяснялось это не верой рабочих в «светлое будущее», а растущим убеждением, что хуже быть уже не может (потом выяснится, что может).

Экономическое положение рабочих становилось настолько нестерпимым, что рисовавшиеся политическими партиями перспективы начинали вызывать у них раздражение. «Политические организации только играют рабочим классом. Все партии, не исключая и большевиков, завлекают рабочих обещанием царства божия на земле через сотни лет, — говорил на третьей конференции фабзавкомов Петрограда в сентябре 1917 г. председатель механического завода «ОУФ» К. Афиногенов. — Нам нужны не законы, а опреде-

⁷⁵ Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 139.

⁷⁶ Дело народа. 1917. 12 сент.

⁷⁷ Социалисты о текущем моменте / Сост. В. Д. Рогачевский. С. 268.

ленные экономические положения, нам нужно улучшение не через сотни лет, а немедленно. Да здравствует восстание рабов и равенство доходов!»⁷⁸. К осени 1917 г. народные массы все более проникаются сознанием того, что «буржуазия ставит себе капиталистические цели, рабочие и крестьяне — трудовые цели»⁷⁹.

В октябре 1917 г. издававшийся в Петрограде профсоюзный журнал «Эхо деревообделочника» опубликовал результаты ответов на разосланные в сентябре по предприятиям столицы опросные листы. На главный вопрос «что принесла революция рабочему классу?» почти в половине опросных листов не давалось никакого ответа, в связи с чем в журнале замечалось: «Очевидно, никаких заметных перемен не произошло». Это подтверждали и содержащиеся в другой половине ответы: «ничего», «нет перемен», «особых перемен нет», «ничего такого не изменилось». Только в одном из 74 полученных опросных листов значилось: «Почувствовали себя свободными гражданами»⁸⁰.

Такое отношение рабочих к завоеванной ими же свободе крылось не в их «несознательности», а в жестокой экономической реальности. Только с 15 августа по 8 сентября 1917 г. норма хлебного пайка в столице изменялась три раза и достигла 1/2 фунта в день. Чтобы получить распределяемые по карточкам хлеб, мясо, масло, сахар, яйца, молоко, приходилось выстаивать длинные очереди, ставшие осенью настоящим бедствием для пролетарского населения Петрограда. Из-за расстройств железнодорожного транспорта планы подвоза продовольствия систематически срывались: на 25 октября 1917 г. столица располагала всего 89 вагонами муки⁸¹. Несмотря на катастрофическое положение, продовольственные органы Временного правительства упорно отказывали рабочим организациям в контроле за прибывающими в город грузами, в результате чего поступавшее к частным лицам продовольствие расходилось по спекулятивным ценам. Фиксированные цены на продовольствие по карточкам осенью возросли в несколько раз по сравнению с весной 1917 г.: если в марте фунт хлеба стоил 7 коп., то в сентябре уже 22 коп., фунт мяса — соответственно 68 и

⁷⁸ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. II. М., 1927. С. 23.

⁷⁹ Там же. С. 39.

⁸⁰ Эхо деревообработчика. 1917. № 2. С. 3–5.

⁸¹ Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 107–113, 126–139.

95 коп.⁸² В этих условиях реальная заработная плата рабочих стала стремительно падать. К осени 1917 г., как свидетельствовал В. М. Чернов, «никакая твердая фиксация денежной зарплаты ничего не давала. Неудержимо шла инфляция, стоимость жизни росла, любая ставка зарплаты через неделю-другую оказывалась катастрофически низкой. . . Со своей стороны предприниматели вопили о ненасытности рабочих. Грозилы локаутами и порой пробовали к ним переходить. Им в ответ росли протестующие вопли рабочих о накоплениях во всех отраслях индустрии, военных прибылях. Взаимная ненависть обеих сторон разгоралась и предвещала пожар гражданской войны, который никакими заклятиями никто остановить был бы не в силах»⁸³.

Но беда в том и состояла, что эти «заклятия» были основным средством решения труднейших экономических проблем. «Продовольственное дело висит на ниточке, я это говорю совершенно определено, — взывал к Предпарламенту министр продовольствия Временного правительства С. Н. Прокопович. — Эта ниточка в любой момент может порваться, и для того, чтобы она не порвалась, для того, чтобы крестьяне продолжали давать нам хлеб, надобно им сказать: да, они братья рабочих, братья горожан, и гражданская война между отдельными частями Русского государства не должна иметь места»⁸⁴.

В сложившейся обстановке рабочим и здесь приходилось рассчитывать только на собственные силы. Еще в июле 1917 г. исполнительный комитет завкома Балтийского завода обсудил вопрос «об организации помощи крестьянскому населению России в приготовлении необходимых предметов по обработке земли и ремонту средств передвижения крестьянского обихода». Эту работу предполагалось вести на добровольных началах и во внерабочее время. При этом рабочие были готовы «провести в жизнь эту идею во всероссийском масштабе». Завком Путиловского завода, призывая рабочих начать массовое производство сельскохозяйственных орудий, отмечал, что это необходимо сделать и потому, «чтобы избежать обострения отношений между деревенской и городской беднотой». В сентябре 1917 г. изготовление различных изделий для деревни было налажено на Балтийском, Обуховском, Путилов-

⁸² Там же. С. 117.

⁸³ Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 331.

⁸⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 17 окт.

ском, Трубочном заводах, на «Вулкане» и в «Новом Адмиралтействе»⁸⁵.

Острый продовольственный кризис пытался смягчить и Петроградский союз рабочих потребительских обществ, который осенью 1917 г. объединял 60 рабочих обществ, имел более 200 лавок и распределял продукты на 400 тыс. человек⁸⁶.

Но главной опорой и надеждой рабочих в их отчаянной борьбе за выживание стали фабрично-заводские комитеты, завоевавшие к осени 1917 г. огромный моральный и политический авторитет. Вот почему настоящую бурю негодования вызвали опубликованные в 20-х числах августа циркуляры министра труда социалиста М. И. Скобелева, лишившие фабзавкомы права контроля за наймом и увольнением рабочих и служащих и запрещающие их деятельность в рабочее время и оплату труда их членов. Рабочие Обуховского завода в единогласно принятой ими резолюции заявили: «Мы считаем существование фабрично-заводских комитетов вопросом жизни и смерти рабочего класса. Мы считаем проведение в жизнь циркуляра Скобелева гибелью всех революционных завоеваний рабочего класса. Мы будем бороться всеми средствами и всеми силами, вплоть до всей забастовки, бороться за существование наших фабрично-заводских комитетов»⁸⁷.

Принятые в результате давления предпринимательских организаций на Временное правительство скобелевские циркуляры в случае реализации могли значительно усилить возродившийся, как определял потом В. М. Чернов, «боевой буржуазный максимализм, стремящийся снова поднять на фабриках и заводах знамя безусловного суверенитета предпринимателя, питаемый воспоминаниями “доброе старое прошлое”, раздражаемый трудностями настоящего и соблазняемый легкостью тактики локаута — в случае надобности локаута постоянного, с дезертирством капитала за границу и его погружением в стихию международной спекуляции на нуждах и трудностях военного времени»⁸⁸. Еще более определенно выска-

⁸⁵ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году: Протоколы. Т. 1. С. 297, 479.

⁸⁶ Петроградский союз потребительских обществ: История и организация. Пг., 1918. С. 20, 29.

⁸⁷ Революционное движение в России в сентябре 1917 г.: Документы и материалы. М., 1961. С. 310–311.

⁸⁸ Чернов В. М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж, 1934. С. 304.

зывался по этому поводу в 1917 г. видный экономист, левый меньшевик В. Базаров, считавший, что предприниматели сознательно дезорганизуют производство, чтобы показать «зловредность пролетарской анархии, чтобы вызвать междоусобную войну среди демократии, которая поможет им добиться создания сильной власти, способной штыками смирить строптивость пролетариата и обеспечить предпринимателям возвращение доброго старого времени»⁸⁹.

Однако такая политика буржуазии свидетельствовала о ее недалекости, ибо, содействуя дезорганизации производства, она питала классовый антагонизм, усиливала требования рабочих о переходе власти к Советам и рабочем контроле. Организованное и решительное выступление рабочих Петрограда против скобелевских циркуляров вынудило Петроградское общество фабрикантов и заводчиков разослать в середине сентября 1917 г. своим членам собственный циркуляр, рекомендовавший платить членам фабзавкомов по среднему заработку «в связи с исключительными условиями переживаемого момента»⁹⁰.

Попытки же отменить завоеванное фабзавкомами право контроля за наймом и увольнением рабочих и служащих привели к противоположному результату: расширению и углублению практики рабочего контроля над производством. При этом фабрично-заводские комитеты и их руководящие органы, а также политические партии и группы стремились теоретически обосновать необходимость рабочего контроля, осмыслить его различные формы и выработать на этой основе нормативные документы. Завком Путиловского завода, решив создать свое положение о рабочем контроле, обратился за помощью к известным специалистам рабочего движения левому меньшевику В. Базарову и большевику Д. Рязанову. Но они, как отмечалось на объединенном заседании завкома и Петергофского районного Совета, посоветовать ничего не смогли, и тогда для выработки проекта была образована собственная комиссия⁹¹.

Осенью 1917 г. рабочий контроль рассматривался как спасительное средство выхода из хозяйственного кризиса и необходимое условие перехода к социализму. Особое внимание этим вопросам было уделено на петроградских конференциях фабзавкомов в сентябре и октябре 1917 г. «Пока регулирующие органы будут оста-

⁸⁹ Базаров В. Куда мы идем? // Летопись. 1917. № 5-6. С. 237-238.

⁹⁰ Степанов З. В. Рабочие Петрограда в 1917 г. М.; Л., 1964. С. 156.

⁹¹ Фабрично-заводские комитеты Петрограда. Т. 1. С. 496.

ваться в руках буржуазии, мы движемся к краху, — говорил в своем выступлении на 3-й конференции фабзавкомов Петрограда большевик Н. А. Скрыпник. — Нельзя давать оружие в руки врагов, только власть рабочих и беднейшего крестьянства может спасти положение. Рабочий класс, преобразовав политику, должен преобразовать и экономику, как подготовительную стадию социализма». Представитель Путиловского завода М. В. Левин предупреждал, что «пока рабочие не научатся управлять производством, не привыкнут руководить народным хозяйством, царство социализма невозможно. Контроль над производством, проводимый нашей организацией, будет для нас школой»⁹².

Принципиальная позиция рабочего класса и его организаций по вопросу о рабочем контроле была определена на проходившей в октябре 1917 г. в Петрограде Первой Всероссийской конференции фабзавкомов, на которой с докладом по этому вопросу выступил член ЦК РСДРП (б) В. П. Милютин. Рассматривая рабочий контроль как переходную меру к национализации крупной промышленности, докладчик считал необходимым предостеречь «товарищей анархистов», выступавших за переход предприятий к рабочим: «С этим никак нельзя согласиться. Захват отдельных заводов, переход их в руки отдельных групп рабочих не приближает нас к социализму».⁹³ В принятой конференцией большевистской резолюции о рабочем контроле отмечалось, что в его осуществлении заинтересована вся страна, весь народ, а не только пролетариат. Особо подчеркивалось, что в соответствии с лозунгом большевиков «Рабочий контроль — в общегосударственном масштабе», рабочий контроль должен быть организованным и планомерным, охватывающим все капиталистические предприятия. Предлагая переходить к рабочему контролю «в той степени, в какой это возможно по соотношению сил на местах», конференция вместе с тем объявляла «несоединимым с целями рабочего контроля захват рабочими отдельных предприятий в свою пользу»⁹⁴.

Решительное осуждение анархистов было связано в первую очередь с их попытками использовать в своих целях фабзавкомы, которые, по их мнению, должны были нанести «смертельный удар

⁹² Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. II. С. 24, 26.

⁹³ Там же. С. 184.

⁹⁴ Рабочий путь. 1917. 21 окт.

по царству капитализма»⁹⁵. Призывы анархистов к захвату предприятий звучали на каждой конференции фабзавкомов Петрограда, и каждый раз получали отпор со стороны представителей партии большевиков⁹⁶. Не получили поддержки их взгляды и на Первой Всероссийской конференции фабзавкомов, где один из лидеров анархо-синдикалистов В. Шатов, отрицая необходимость борьбы рабочих за политическую власть, говорил: «Важна не реформа правления, а то, в чьих руках будут заводы и земля. Мы должны организоваться как класс, а не разбиваться по политическим партиям, и нашей целью должен стать захват орудий производства»⁹⁷. На фоне все углубляющегося кризиса эти призывы начинали находить определенный отклик среди части рабочих, особенно в Нарвском и Московском районах⁹⁸.

При всей опасности анархистских тенденций в рабочем движении Петрограда осенью 1917 г. нет достаточных оснований сводить сущность рабочего контроля к вмешательству фабзавкомов в дела предприятий и их захвату, как это пытаются представить некоторые представители западной историографии и современные отечественные публицисты. Специально исследовавший эту проблему английский историк С. Смит, выступая против подобной точки зрения, считает, что политика рабочего контроля прежде всего и чаще всего имела целью противодействовать хозяйственному развалу⁹⁹. И действительно, практическая деятельность фабзавкомов осенью 1917 г., детально проанализированная советскими историками, свидетельствует о том, что она была направлена в первую очередь на сохранение и поддержание производства. В этот период возросло внимание фабзавкомов к таким важным сторонам контроля над промышленностью, как обеспечение заказами, коммерческие и финансовые вопросы, организация производства и участие в управлении, реализация произведенной продукции, борьба с безработицей.

Осуществлением рабочего контроля в петроградской промышленности руководил Центральный Совет фабзавкомов и созданные

⁹⁵Голос труда. 1917. 11 авг.

⁹⁶Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. II. С. 122, 163–165, 182–183, 184–185.

⁹⁷Там же. С. 166.

⁹⁸Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918. С. 96.

⁹⁹Revolution in the Factories. 1917–1918. Cambridge; London; New York, 1963. P. 141–146.

им специальные комиссии, благодаря чему удавалось, как правило, избегать или предотвращать стихийные и анархические действия на отдельных предприятиях. Участвовавшие же осенью 1917 г. случаи перехода управления предприятий в руки фабзавкомов были вызваны прежде всего саботажем их владельцев. Так было на заводах Бреннера, Рыкаткина и Слюсаренко, «Л. Нобель», «Респиратор», на Российской и Невской писчебумажных фабриках. В октябре 1917 г. завком «Старого Лесснера» принял постановление перевести предприятие на мирное производство. «Ввиду отсутствия заказов, — сообщала газета “Рабочий путь”, — решили взять завод в свои руки, для чего избраны нужные комиссии и приглашены инженеры-конструкторы»¹⁰⁰.

По подсчетам исследователей, осенью 1917 г. рабочий контроль в самых различных его формах осуществлялся почти на 100 предприятиях Петрограда с общим числом рабочих почти 300 тыс. человек¹⁰¹. Но считать на этом основании, что питерские рабочие вплотную подошли накануне Октября к управлению производством, было бы явным преувеличением. Заостряя эту проблему, председатель Петроградского союза металлистов и временного ЦК Всероссийского союза металлистов А. Г. Шляпников на расширенном заседании ЦК РСДРП (б) признал, что, хотя среди металлистов преобладает большевистское влияние, «сознания возможности самим организовать производство нет»¹⁰².

Вопреки утверждениям буржуазной прессы об исключительно негативном отношении рабочих к своей администрации осенью 1917 г. фабзавкомы многих предприятий искали пути сотрудничества и привлечения на свою сторону управленческого персонала. Василеостровский районный совет фабзавкомов, обсудив 8 октября 1917 г. на своем заседании вопрос о роли служащих в осуществлении рабочего контроля и найдя ее «чрезвычайно важной и ответственной», обратился к фабзавномам района с призывом «немедленно привлечь товарищей служащих к общему делу спасения революции от смертельной опасности голода и разрухи и проведения

¹⁰⁰Рабочий путь. 1917. 17 окт.

¹⁰¹Иткин М. Л. Центральный Совет фабзавкомов Петрограда в 1917 году // Октябрьское восстание в Петрограде: Сб. статей. М., 1980. С. 179.

¹⁰²Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 96.

в жизнь рабочего контроля»¹⁰³. 20 октября 1917 г. завком «Арсенала Петра Великого», «не полагаясь на искреннее желание военной администрации работать на пользу Арсенала как стороны, не заинтересованной в том, работает или не работает Арсенал», принял решение «поставить во главе заводского дела лиц со специальным техническим образованием и опытом»¹⁰⁴. Созданный в конце сентября 1917 г. в Петрограде союз инженеров и техников-социалистов обратился к Центральному Совету фабзавкомов с заявлением, в котором предлагал себя «в распоряжение рабочих масс», чтобы, «отстаивая интересы рабочих, действовать в полном единении с рабочими организациями»¹⁰⁵. Показательно мнение М. Горького, решительно осуждавшего разгул стихии и анархии: «Диктатура политически грамотных рабочих, в тесном союзе с научной и технической интеллигенцией, была, на мой взгляд, единственно возможным выходом из трудного положения, особенно осложненного войной, еще более анархизировавшей деревню»¹⁰⁶. Борьба питерского пролетариата за свое выживание, практика осуществления рабочего контроля в его самых различных формах выдвинули на каждом предприятии десятки и сотни рабочих-активистов, рабочих-организаторов. На Путиловском заводе в состав завкома и цеховых комитетов было избрано около 450 рабочих, а на Металлическом заводе в созданных завкомом 28 комиссиях участвовали свыше 200 рабочих¹⁰⁷. Сплачиваясь вокруг фабзавкомов и профсоюзов, именно эти передовые рабочие вселяли в своих товарищей веру, что можно выстоять и победить. Распространению представлений о том, что «буржуазное общество зиждется на песке», что страна «накануне перехода к новому социальному строю», способствовали проявившиеся к этому времени самые различные факторы (социально-экономические и политические, революционные и контрреволюционные)¹⁰⁸. И представления эти усиливались все расширяющимся опытом непосредственного вторжения рабочего класса в сферу производства. «Чем дальше, тем яснее становилось, что роль, сыгранная рабочими в

¹⁰³ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. М., 1957. С. 110.

¹⁰⁴ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году: Протоколы. Т. 2. М., 1982. С. 176.

¹⁰⁵ Известия. 1917. 27 сент.

¹⁰⁶ Горький М. Собр. соч.: В 18 т. Т. 17. М., 1952. С. 26.

¹⁰⁷ Итжин М. Л. Центральный Совет фабзавкомов Петрограда в 1917 г. С. 179.

¹⁰⁸ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. II. С. 45.

революции, закрепила за ними доверие широких народных масс не только в тылу, но и на фронте, в солдатской среде, — писал впоследствии И. Г. Церетели. — И вот теперь, чувствуя себя физически сильнее буржуазии, пролетариат должен был оценить ее удельный вес на основании данных, которые не бросались в глаза и как бы были отодвинуты событиями революции на задний план: роль буржуазии в производстве, ее связи с технически образованными элементами, ее влияние на мелкую городскую и сельскую буржуазию. Имея возможность попытаться захватить власть, рабочий класс должен был удержаться от этого, понять, что экономическое состояние страны не давало ему возможности осуществить свое полное социальное освобождение»¹⁰⁹. Но кажущееся неоспоримым это суждение (сделанное спустя несколько десятилетий) не учитывает накаленность обстановки осени 1917 г., непримиримость социальных антагонизмов, которая зависела не только от «несознательности» рабочего класса, но и благоразумия буржуазии.

Борьба с корниловщиной способствовала укреплению солидарности рабочих Петрограда с солдатскими массами столичного гарнизона. Солдаты 1-го стрелкового полка, направленного для охраны Путиловского завода, в своем обращении к рабочим-путиловцам в конце августа 1917 г. заявили, что они «все на стороне товарищей рабочих в борьбе за переход власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов»¹¹⁰.

Плачевными выглядели попытки заговорщиков привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать некоторые части Петроградского гарнизона. По свидетельству полковника Б. А. Энгельгардта, группа офицеров-корниловцев, проникнув в казармы Преображенского, Павловского и Измайловского полков, стремилась посеять среди солдат панику, деморализовать их угрозами расправы за неповиновение. Но, как признавал сам Б. А. Энгельгардт, эти попытки «привить солдатам Петроградского гарнизона микроб нерешительности и нежелания сражаться» потерпели провал¹¹¹. Не оправдался расчет мятежников и на поддержку казачьих и кавале-

¹⁰⁹ *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Париж, 1963. С. 37.

¹¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1343. Оп. 10, Д. 3915. Л. 6.

¹¹¹ *Энгельгардт Б. А.* Потонувший мир // Военно-исторический журнал. 1964. № 5. С. 78.

рийских частей. Донские казачьи полки под влиянием большевистской агитации с самого начала корниловской авантюры выступили против нее. Такая позиция казачьих частей не была случайным эпизодом, а отражала возросший уровень политического сознания казаков под воздействием острой классовой борьбы. Не случайно в августе 1917 г. объединенное заседание полковых, сотенных и командных комитетов 1-го, 4-го и 14-го Донских казачьих полков, обсудив вопрос о блоке Войскового Донского казачьего круга с кадетами, заявило, что трудовое казачество не может входить в блок с буржуазными партиями, что целью трудового казачества является защита революции¹¹². Не изъявили желания выступить на стороне мятежных сил и другие кавалерийские части столичного гарнизона. В 9-м кавалерийском полку резолюцию о поддержке Корнилова принял только офицерский состав¹¹³.

Встретившись с непреклонной и организованной волей революционных масс, штаб Петроградского военного округа оказался бессильным существенно влиять на ход событий, хотя окопавшиеся в нем прокорниловски настроенные элементы и пытались саботировать меры по организации отпора мятежникам. 28 августа штаб округа был вынужден направить войска навстречу корниловским частям. Сводные отряды солдат Петроградского гарнизона и вооруженных рабочих образовали надежные заградительные заслоны на юго-западных и южных подступах к Петрограду по линии Петергоф—Красное Село—Царское Село. Солдаты 6-го саперного батальона в короткий срок возвели оборонительные укрепления и заграждения. Практически все крупные пехотные части столичного гарнизона выделили для борьбы с Корниловым сводные отряды, роты и команды, общая численность которых на 29 августа определялась в 12 тыс. человек. 28–29 августа боевые позиции под Петроградом заняли солдаты Волынского, Егерского, Гренадерского, Московского, Измайловского, Преображенского, Кексгольмского, Павловского, Петроградского, Литовского и Финляндского полков, 1-го, 2-го и 3-го стрелковых полков, 2-го пулеметного полка, 171-го, 176-го и 180-го пехотных полков, электротехнического батальона, 3-го артиллерийского дивизиона, 1-й автомобильной роты и др. Из запасных кавалерийских частей был образован сводный

¹¹²Известия ЦИК. 1917. 28 авг.

¹¹³Солдат. 1917. 31 авг.

отряд численностью до 5 тыс. человек для овладения станциями Сольцы и Дно¹¹⁴.

4 сентября уроки корниловщины бурно обсуждались на собрании представителей полковых и батальонных комитетов Петроградского гарнизона. Принятая этим собранием резолюция красноречиво свидетельствовала об отрезвляющем воздействии открытого выступления контрреволюции на те выборные солдатские организации, которые раньше находились под влиянием меньшевиков и эсеров. Отметив, что в период борьбы с корниловщиной «все воинские части гарнизона, несмотря на неблагоприятные условия, в которые они попали, выдержали с честью испытания», собрание одновременно констатировало неудовлетворительный характер организации отпора заговорщикам со стороны Временного правительства, штаба Петроградского военного округа и руководящих органов Советов. Но особенно показательным был тот факт, что солдатские представители отказались от навязанной им ранее оценки июльских событий. В резолюции прямо указывалось, что реакция «воспользовалась событиями 3–5 июля для того, чтобы под видом наказания мнимых бунтовщиков фактическим расформированием воинских частей значительно обессилить революционный Петроградский гарнизон для подготовки успеха контрреволюционного заговора Ставки»¹¹⁵. Собрание требовало расследования деятельности корниловцев в штабе военного округа, предлагало военному отделу Петроградского Совета принять самые энергичные меры к укреплению боеспособности столичного гарнизона¹¹⁶.

4 сентября состоялось и собрание Военной организации большевиков, на котором присутствовали 230 представителей от 68 воинских частей гарнизона столицы. Опираясь на только что полученный опыт борьбы с корниловщиной, солдатские делегаты подчеркивали настоятельную необходимость тесного сплочения вокруг партии большевиков, братского союза беднейших крестьян с рабочими в борьбе против капитализма и социальной несправедливости. На собрании был утвержден «Проект организации рабочих дружин», содержащий программу обучения Красной гвардии и адре-

¹¹⁴Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году: Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. 260–262; *Мартынов Е. И.* Корнилов: Попытка военного переворота. М., 1927. С. 133–134.

¹¹⁵Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 543.

¹¹⁶Там же. С. 543–544.

сованный прежде всего солдатам-инструкторам. Другой документ, принятый на этом собрании, — «Заповедь красногвардейца» — был обращен прямо к рабочим¹¹⁷. Вопрос о вооружении и военном обучении рабочих с особой остротой встал в дни борьбы с корниловщиной. Констатировав на своем заседании 31 августа полное нежелание меньшевиков и эсеров заниматься этим важным делом, Военная организация большевиков взяла инициативу в свои руки, обратившись непосредственно к солдатам с призывом помочь военному обучению рабочих. Десятки солдат-добровольцев в тот же день направились инструкторами военного дела на предприятия Выборгского, Петроградского, Невского, 1-го Городского, Московско-Заставского и других районов города. Особый размах обучение красногвардейцев приобрело на Выборгской стороне, куда Военная организация большевиков назначила старшим инструктором солдата 180-го пехотного полка М. А. Батунова¹¹⁸. Солдаты-инструкторы регулярно вели военные занятия на заводах Нобеля, «Айваз», «Новый Леснер», «Старый Парвиайнен», «Старый Леснер», «Новый Парвиайнен», «Старый Барановский», «Русский Рено», «Новый Барановский» и др. Наибольшую активность в обучении Красной гвардии проявили солдаты Измайловского, Литовского, Московского и Егерского гвардейских полков, 180-го пехотного полка, 1-го пулеметного полка¹¹⁹.

Пытаясь предотвратить эту «незаконную» деятельность солдат и связанную с нею утечку оружия из казарм, военный министр А. И. Верховский издал 7 сентября приказ об усилении ответственности и наказания за передачу военнослужащими кому бы то ни было оружия и военного имущества. Однако выборные солдатские организации имели на этот счет собственное мнение и продолжали расширять свою помощь в военном обучении рабочих.

В условиях резко обозначившегося противоборства политических сил в стране комитеты воинских частей стали еще более ответственно подходить к своей роли в жизни солдатских масс. Эта роль возросла и потому, что командный состав, не сумев обуздать революционный гарнизон Петрограда, все более устранился от выполнения своих прямых обязанностей, пытаясь тем самым дезорганизовать и без того трудную казарменную жизнь солдат. Пред-

¹¹⁷ *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 172–173.

¹¹⁸ Там же. С. 165.

¹¹⁹ Там же. С. 165–166.

ставители политического отдела Петроградского военного округа, посетившие в начале октября 1917 г. Гренадерский, Московский и Павловский полки, а также 1-й пехотный полк, были вынуждены констатировать, что «офицерство стоит заметно в стороне, не принимая в большей своей части никакого участия в жизни полков»¹²⁰. Столь же неутешительным для командования округом было и заключение комиссии, которая, побывав в 6-м саперном батальоне, сообщала, что офицеры относятся к жизни батальона «безучастно и равнодушно, не помогают комитету, редко посещают занятия»¹²¹.

Как свидетельствовала практика комитетов воинских частей столичного гарнизона осенью 1917 г., они вовсе не стремились к тому, чтобы присвоить себе функции командного состава. Более того, они пытались всеми имевшимися в их распоряжении средствами заставить офицеров не манкировать своими обязанностями. Так, полковой комитет Петроградского полка на одном из своих заседаний в сентябре 1917 г. напоминал, что все, «кто состоят начальниками и пользуются доверием людей, должны служить примером во всех отношениях и не уклоняться от тех прямых и как бы святых обязанностей, возложенных на них». Комитет предупреждал, что «в противном случае виновные будут преданы полковому суду и разжалованы в солдаты»¹²². Полковой комитет 171-го пехотного полка потребовал от командира полка, чтобы все офицеры присутствовали на занятиях¹²³. Полковой комитет Литовского полка вменял в обязанность ротным комитетам «следить за аккуратным ведением занятий со стороны офицеров», а также образовал для приема в полк новых офицеров специальную комиссию, состоящую из трех солдат и трех офицеров¹²⁴. Усиление роли комитетов в жизни гарнизона было отмечено и его командованием. Начальник политического отдела Петроградского военного округа в телеграмме военному министру от 4 октября 1917 г. сообщал, что «замечается усиленная деятельность полковых комитетов»¹²⁵.

Столкнувшись с бурным процессом революционного возрождения столичного гарнизона, эсеро-меньшевистские лидеры попыта-

¹²⁰РГВИА. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

¹²¹Там же. Л. 38.

¹²²Там же. Д. 1. Л. 5.

¹²³Там же. Д. 2. Л. 60 об.

¹²⁴Там же. Оп. 10. Д. 3873. Л. 1.

¹²⁵Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

лись сделать все возможное для того, чтобы не допустить его окончательного перехода на большевистские позиции. Особые расчеты они связывали с солдатской секцией, неоднократно выручавшей соглашателей в критические моменты. Созвав 8 сентября в срочном порядке заседание солдатской секции, эсеро-меньшевистское руководство и на этот раз надеялось получить ее поддержку, тем более, что на это заседание были приглашены высшие чины военного командования. Солдатским депутатам был представлен новый главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Г. П. Полковников, сменивший на этом посту в начале сентября генерала О. П. Васильковского, скомпрометированного пособничеством заговорщикам из Ставки. Председатель солдатской секции В. С. Завадьё характеризовал нового командующего как демократически настроенного офицера, который, будучи командиром 1-го Амурского казачьего полка, направленного Корниловым на Петроград, отказался выполнить этот приказ и перешел на сторону Временного правительства¹²⁶. Сам Г. П. Полковников призвал Совет к сотрудничеству с командованием в наведении «сознательной и твердой дисциплины» и укреплении подорванного авторитета офицеров. За создание сильной армии высказался в своем выступлении и новый военный министр А. И. Верховский.

13 сентября по требованию большевистской фракции было созвано экстренное заседание солдатской секции, на котором состоялись перевыборы членов Исполкома Петроградского Совета от его солдатской части. Голосование проходило по партийным спискам. За список большевиков голосовали 138 депутатов, за эсеровский список — 155 и за меньшевистский — всего 39 депутатов.¹²⁷ Учитывая тот факт, что среди десяти избранных в Исполком от эсеровской партии были левые эсеры И. В. Балашов, Л. И. Диесперов, П. Е. Лазимир, в то время как целый ряд правых эсеров, в том числе и председатель солдатской секции В. С. Завадьё, были забаллотированы¹²⁸, можно с полным основанием говорить об изменении соотношения сил в солдатской секции в пользу большевиков. Действуя в тесном контакте с левыми эсерами, стоявшими на платформе передачи власти Советам, большевики заняли ведущее положение в руководящих органах солдатской секции.

¹²⁶Голос солдата. 1917. 9 сент.

¹²⁷Известия ЦИК. 1917. 14 сент.

¹²⁸Голос солдата. 1917. 14 сент.

В переизбранный 29 сентября президиум солдатской секции вошли три большевика, три эсера и меньшевик. Председателем солдатской секции стал левый эсер Л. И. Диесперов, его заместителями — большевики А. Д. Садовский и И. П. Павлуновский, левый эсер П. Е. Лазимир и меньшевик Г. Б. Скалов, секретарями — большевик К. А. Мехоношин и эсер И. Ватенин. На новый президиум было возложено и руководство военным отделом Исполкома¹²⁹. Весь последующий ход работы солдатской секции показывает, что с конца сентября ее реальными руководителями были большевики А. Д. Садовский и К. А. Мехоношин, левый эсер П. Е. Лазимир, в то время как роль председателя секции Л. И. Диесперова была минимальной. Изменение соотношения сил в солдатской секции привело к обновлению состава особого совещания при главнокомандующем Петроградским военным округом. В сентябре в его состав вошли большевики А. Д. Садовский, М. П. Ефремов, К. А. Мехоношин и П. Э. Рощан, левый эсер И. В. Балашов, трудовик А. В. Сомов¹³⁰.

В сентябре большевистские кадры в столичном гарнизонеполнились за счет освобожденных из-под ареста солдат и офицеров-большевиков, упрятанных за решетку за участие в июльских событиях. В результате широко развернувшейся после победы над корниловщиной кампании протеста Временное правительство было вынуждено выпустить из тюрем под залог многих активных работников Военной организации большевиков: П. В. Дашкевича, И. В. Куделько, М. К. Тер-Арутюнянца, И. Баландина и др. Только в одном 180-м пехотном полку с 13 по 20 сентября было освобождено из-под ареста восемь офицеров-большевиков¹³¹. 17 сентября полковой комитет Павловского полка постановил взять на поруки четырех арестованных павловцев-большевиков¹³².

Укрепляя свое влияние в Петроградском гарнизоне, партия большевиков сумела в короткий срок не только восстановить разгромленные в период июльской реакции большевистские коллективы, но и создать новые там, где ранее преобладали соглашатели. Большую работу в этом направлении вела Военная организация при ЦК РСДРП (б), а также ее районные организации. К ок-

¹²⁹ Там же. 30 сент.

¹³⁰ *Поликарпов В. Д.* Из истории Петроградского ВРК: новые источники // Вопросы истории. 1977. № 11. С. 28–29.

¹³¹ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 2. Л. 35 об.

¹³² Там же. Оп. 10. Д. 3874. Л. 18.

тября 1917 г. военные организации большевиков были оформлены в Выборгском, Василеостровском, Московско-Заставском, Петроградском, Песковском и 1-м Городском районах столицы. 7 сентября военная организация большевиков Московско-Заставского района приняла решение о восстановлении и организации большевистских ячеек во 2-м пулеметном, Егерском, Измайловском и Петроградском полках¹³³. Созданные в районах военные организации большевиков сумели в короткий срок привлечь в свои ряды сотни новых членов. В начале октября 1917 г. военная организация большевиков в Песковском районе насчитывала до 600 членов, в Московско-Заставском районе — более 400¹³⁴. Опираясь на свои районные коллективы, Военная организация большевиков сумела к осени 1917 г. перенести центр своей агитационно-пропагандистской работы непосредственно в воинские части. Большевистские ячейки начинают создаваться не только в запасных полках и батальонах, но и в ротах и командах, что позволяло большевикам войти в более тесный контакт с солдатскими массами, непосредственно воздействовать на формирование их политических представлений. Образованная 12 сентября в количестве восьми человек большевистская ячейка 9-й роты Литовского полка на своем первом заседании постановила: «Разделить между членами коллектива каждому свое дело, чтобы каждый знал свою обязанность и был ответственным перед Российской социал-демократической рабочей партией»¹³⁵.

Сохранившиеся далеко не полно делопроизводственные материалы Военной организации большевиков позволяют документально подтвердить наличие и активную деятельность к октябрю 1917 г. по меньшей мере 70 большевистских коллективов в частях Петроградского гарнизона¹³⁶. Наиболее полно в организационном отношении большевистским влиянием были охвачены пехотные части, составлявшие основную силу гарнизона столицы. Большевистские ячейки имелись во всех 16 резервных гвардейских полках. При этом

¹³³Солдат. 1917. 16 сент.

¹³⁴Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. М.; Л., 1927. С. 114.

¹³⁵Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году. С. 281.

¹³⁶Аникеев В. В. 1) Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1958. № 3. С. 96–118; 2) Военные организации РСДРП (б) в 1917 г. // Там же. 1964. № 10. С. 109–118; 3) Документы Великого Октября. М., 1977. С. 166–174.

важно отметить, что усиливается большевистское влияние в тех полках, где раньше было засилье соглашателей. Партийные коллективы большевиков образуются в ротах Волынского, Гренадерского, Измайловского, Кексгольмского и Литовского полков. Были восстановлены и значительно пополнены особенно пострадавшие в результате июльских событий большевистские ячейки в частях армейской пехоты (в 1-м и 180-м пехотных полках, в 1-м и 2-м пулеметных полках). Помощник главнокомандующего Петроградским военным округом А. И. Козьмин с тревогой констатировал в октябре 1917 г. «возросшую активность имеющихся в каждом полку большевистских групп»¹³⁷.

Таким образом, к октябрю 1917 г. большевики сумели охватить своим влиянием значительную часть столичного гарнизона и могли рассматривать его в качестве вооруженной опоры в борьбе за власть.

¹³⁷Красный архив. 1933. Т. 5 (60). С. 153.

Глава восьмая

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР!»

Неудача похода генерала Корнилова на Петроград способствовала окончательному разрыву между офицерским составом и солдатской массой, видевшей в своих командирах не только «контрреволюционеров», но и главную помеху на пути к немедленному прекращению войны. Это был вынужден признать и назначенный 30 августа 1917 г. новый военный министр А. И. Верховский, бывший командующий Московским военным округом, отказавшийся подчиняться приказам Корнилова и оставшийся верным Временному правительству, заявивший при этом: «Присягу не меняю, как перчатки». Выступая на состоявшемся во второй половине сентября 1917 г. в Петрограде на Демократическом совещании, Верховский считал необходимым напомнить, что «армия более чем какая-либо часть России несла на себе наследие старого режима. Ее воспитывали на чувстве слепого подчинения приказу. Армия жила только дисциплиной, между тем со времен суворовских армия может жить на основе широкой самостоятельности и творчества своих командных единиц»¹. С другой стороны, он считал, что командный состав с политической точки зрения не должен был «возбуждать ни в ком сомнения, по крайней мере в главной массе русской демократии»². Представители этой демократии были полностью солидарны в этом с новым военным министром. Выступивший на Демократическом совещании в числе первых видный деятель партии меньшевиков,

¹ Руднева С. Е. Демократическое Совещание. Сентябрь 1917 г. История форума. М., 2000. С. 91.

² Там же.

член ЦИК Советов Б. О. Богданов назвал положение русской армии самым большим вопросом: если она не сумеет защитить Россию, то революция неизбежно обречена на поражение. «В условиях революционных, — говорил он, — победить может только армия революционная, и нашей задачей было сделать армию революционной». Богданов обвинил первого военного министра Временного правительства А. И. Гучкова в том, что он саботировал реформы в армии, одновременно выразив удовлетворение тем, что новый военный министр пытается исправить положение³. При этом он считал, что демократия должна взять на себя ответственность за положение в армии, косвенно обвиняя в ее тяжелом состоянии Керенского, которому демократия поручила руководство военной организацией страны, несмотря на то, что он не был специалистом в военном деле. Демократия была вынуждена сделать такой выбор, объяснял Богданов, поскольку у нее «не было знатоков не только в этой области, но и во многих других, если мы многого не сделали, то потому, что мы ко многому были не подготовлены»⁴.

При всем нежелании руководства Демократического совещания поднимать вопрос о мире, его обсуждения не удалось избежать. И поставили его в первую очередь делегаты с фронта. Выступивший от имени всех армейских фронтовых комитетов Г. Д. Кучин, обвинив все органы печати в клевете на русскую армию, назвал вопрос о мире неотложно важным и потребовал от власти проведения определенной внешней политики, которая не расходилась бы с провозглашенными революционной демократией принципами⁵. В связи с этим бывший министр юстиции А. С. Зарудный признал, что за время пребывания в составе Временного правительства ему так и не удалось узнать, делалось ли что-либо в вопросе о достижении мира⁶. Выступивший докладчиком от фронтовой группы меньшевик В. С. Войтинский заявил: «Политика репрессии, политика военно-революционных судов, смертных казней по отношению к революционной армии обанкротилась, и люди, которые больше всего работали по восстановлению боеспособности армии, представители армейских комитетов привезли на Демократическое совещание свое суждение и осуждение такой полити-

³Там же. С. 95.

⁴Там же. С. 96.

⁵Там же. С. 118.

⁶Там же. С. 112.

ки»⁷. Докладчик в заключение подчеркнул, что только твердая и энергичная политика мира может пробудить в армии решимость и энергию для продолжения войны, выразив при этом убеждение, что «огромное большинство офицеров на фронте идет нога в ногу с солдатской массой и не заслуживает никакого упрека со стороны солдат»⁸. Хотя в этом утверждении выразилось прежде всего стремление выдать желаемое за действительное, оно вдохновило военного министра Верховского взять слово еще раз. Приветствуемый бурными аплодисментами он заявил, что «в эти дни было сказано новое великое слово на всю Россию: впервые со дня русской революции было выражено единение командного состава с подчиненным составом не на словах, а на деле»⁹. Комментируя это выступление военного министра, корреспондент газеты «Современное слово» писал: «И когда генерал Верховский при бурных аплодисментах провозгласил “новое слово”, от которого должен был затрепетать Вильгельм с его милитаристской сворой, то, конечно, и сам генерал Верховский, и все, кто ему аплодировали, не могли не знать, что это чудесное новое слово ровно ничего нового в себе не включает, а буря рукоплесканий вызвана опять-таки заявлением, что новый военный министр — свой, товарищ, от которого нельзя ждать ничего неприятного для действительных господ положения в армии»¹⁰. И с этим можно было бы согласиться с одной оговоркой, что армия не хотела больше никаких господ, а желала только мира.

Демократическому совещанию, носившему сугубо совещательный характер, не оставалось ничего другого, как откликнуться на это страстное желание армии мира каким-либо громким заявлением. От имени меньшевистской фракции Ф. И. Дан предложил принять единогласно обращение «К демократии всего мира». В обращении не предлагалось никаких конкретных мер по достижению мира, а содержались одни высокопарные призывы: «Пусть громко во всех странах раздастся, наконец, голос единой демократии, протестующей против дальнейшего затягивания войны и требующей от своих правительств согласия на условия мира, провозглашенные революционной Россией! Народы цивилизованного мира! До конца

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ Современное слово. 1917. 19 сент.

готовая исполнить свой долг перед человечеством, российская революция ждет от вас деятельной и действенной помощи!»¹¹. Однако единогласно принять это обращение не удалось: против выступили большевики, и выработка текста «Манифеста к демократии всего мира» была поручена президиуму Демократического совещания с участием представителей всех фракций¹².

Закрывая Демократическое совещание, председательствовавший на последнем заседании меньшевик О. С. Минор мог все же констатировать: «... мы все-таки нашли в этот последний момент, перед тем, как закрыть Совещание — общий язык для всей демократии без различия направлений, фракций и национальностей — “Да здравствует международный мир!”»¹³. Увы, это был всего лишь очередной призыв, который никого и ни к чему не обязывал.

1. Спонсоры мира и войны: явные, тайные и вымышленные

Обострение социальной и политической борьбы в России осенью 1917 г. сопровождалось прогрессирующим разложением русской армии. Чтобы там ни говорили вожди революционной демократии на Демократическом совещании, об этом красноречиво свидетельствовали новые поражения на фронте, сдача Риги и высадка немецкого десанта на остров Эзель и в район Моонзундских укреплений, несмотря на проявленный героизм матросов Балтийского флота. Если оставаться на почве реальных фактов и опираться на отражающие их документы, то это разложение нельзя списать только на подрывную работу Германии и ее агентов. Как отмечалось в сводке донесений военно-политического отдела Ставки о настроении армии с 14 октября по 30 октября 1917 г., «главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке... Армия представляет собой огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеоб-

¹¹ Руднева С. Е. Указ. соч. С. 226–227.

¹² Там же. С. 230.

¹³ Там же. С. 231.

щим разочарованием»¹⁴. Этой жаждой мира проникнуты тысячи и тысячи солдатских писем, направлявшихся с фронта в первую очередь в адрес Советов. Если поначалу после Февральской революции в них содержались по преимуществу просьбы «похлопотать насчет мира», то осенью 1917 г. в них звучали грозные предупреждения добиться желанного мира силою оружия. «Одну шайку во главе царя прогнали, сейчас другая, во главе Керенского, засела. Вот вам мысль солдата, — читаем в одном из таких писем. — Скажете, что пишет провокатор. Нет, я ваш друг. Предупреждаю, а там смотрите сами, тогда увидите, все солдатские комитеты уже бессильны. Вы у них отобрали власть за то, что они стояли за солдат, словом, — вы, буржуи, претворились в народников. Хотите страну сделать пустыней. У жен наших забираете хлеб, с плачем его выработанный. Враги вы народа. Вы — предатели России. Предали Россию Англии и Франции»¹⁵. Как видно из этого письма, солдаты имели свои представления о «врагах народа» и «предателях России».

Разумеется, военные и политические круги Германии, крайне заинтересованные в развитии событий в России по худшему сценарию, помогали, как могли, разложить русскую армию, чтобы таким образом заставить Россию пойти на заключение сепаратного мира. «К сожалению, разложение на фронте в России и успехи немцев (из них первейший — взятие Риги) позволили германскому правительству возложить все надежды на большевиков и поставить дерзкую, но, увы, осуществившуюся задачу вынудить Россию выйти из войны не путем соблазнов правительства, как это практиковалось до сих пор, а путем его свержения и замены таким, которое могло бы решиться на сепаратный мир, — писал впоследствии видный российский дипломат Г. Н. Михайловский. — Это была новая тактика германского правительства. Она давала ему возможность игнорировать, как и в бисмарковские времена, парламентскую оппозицию, которая, по нашим сведениям, была бы не прочь сговориться с Временным правительством на умеренных началах. Если бы Временное правительство захотело последовать примеру германского вмешательства в русские дела и поддержать парламентскую оппозицию так, как германское прави-

¹⁴ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 392.

¹⁵ Революционное движение в России в августе 1917 г. М., 1959. С. 260-261.

тельство поддерживало большевиков, то финал войны мог бы быть иным»¹⁶. Хотя Михайловский и не привел в своих обширных «Записках» ни одного конкретного и достоверного примера того, как германское правительство осуществляло свою «новую тактику» и поддерживало большевиков, его мнение для нас интересно прежде всего потому, что позволяет получить представление о том, что мог тогда знать об этих отношениях высокопоставленный чиновник МИД России, не имевший возможности познакомиться с материалами следственной комиссии о «преступных связях» большевиков и не знавший ничего о документах МИД Германии.

Впрочем, и теперь, когда эти документы опубликованы, мы не так уж много знаем о формах и размерах поддержки большевиков Германией. Если говорить о самом критическом периоде — кануне прихода большевиков к власти — то обращает на себя внимание телеграмма статс-секретаря иностранных дел Кюльмана представителю МИД при Ставке от 29 сентября 1917 г. Телеграмма была предназначена для информации Верховного главнокомандования, и Кюльман, опытный дипломат, чья карьера начиналась еще в 1900 г. в Петербурге, где он занимал должность атташе в германском посольстве, умел преподнести результаты деятельности своего ведомства. «Военным операциям на Восточном фронте, подготовленным в большом масштабе и выполненным с успехом, сильно помогает интенсивная подрывная деятельность внутри России, организованная Министерством иностранных дел, — искусно связывал он военные успехи армии с тайными операциями своего ведомства. — Мы заинтересованы, в первую очередь, в возможно большем развитии националистических и сепаратистских устремлений и поддержке революционных элементов. Мы занимаемся этим уже довольно долгое время в полном соответствии с указаниями политотдела Генштаба в Берлине (капитан фон Хюльзен). Наша совместная работа принесла ощутимые плоды. Без нашей постоянной поддержки большевистское движение никогда не смогло бы достигнуть такого размаха и влияния, какое оно сейчас имеет. Все говорит за то, что это движение будет расти и дальше, так же, как и финское и украинское сепаратистские движения»¹⁷.

¹⁶ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 1. Август 1914 — октябрь 1917. М., 1993. С. 470.

¹⁷ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 335.

При анализе этого документа нельзя не обратить внимания на его достаточно общий характер, на отсутствие в служебном документе всякой конкретики и фактуры. Казалось бы, после июльского поражения большевиков произошло столько важных позитивных, в том числе и для германской стороны, событий, что можно было бы записать их и на свой счет, и уж, конечно, высказаться более определенно о перспективах большевистского движения, но для этого надо было определенно владеть детальной информацией. Надо было, по крайней мере знать, что Ленин, скрываясь в Финляндии, уже направил в Петроград свои письма, в которых ставилась задача взятия власти путем восстания. Кюльман же, как это видно из второй части цитированного выше документа, больше озабочен тем, как помочь «финскому восстанию», полагая, что на фоне слабости России сейчас можно ожидать начала «финского восстания»¹⁸. Получается таким образом, что «немецкие покровители» Ленина даже не были осведомлены о том, что собирается предпринять их подопечный в ближайшее время. Как известно, в середине сентября 1917 г. Ленин направил из Гельсингфорса в Петроград свои письма — «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», адресованные ЦК, ПК и МК большевиков. Менее известно, что при обсуждении этих писем на заседании ЦК РСДРП(б) 15 сентября 1917 г. многие его члены сочли содержащиеся в них предложения неприемлемыми для настоящего момента и проголосовали за сохранение этих писем в одном экземпляре¹⁹.

Эту явную нестыковку в версии о «германо-большевистском заговоре», осуществленном в октябре 1917 г., ее сторонники «закрывают» так называемыми «документами российской контрразведки», сочиненными на самом деле Ф.Оссендовским. Один из наиболее часто цитируемых «документов» представляет собой «телеграмму», якобы отправленную 12 сентября 1917 г. из Стокгольма в Гельсингфорс некоему господину Фарзену. В ней сообщалось, что «по ордеру Вашего господина Ленина» выданы паспорта и указанная сумма 207 000 марок лицам, вызванным в помощь организаторам восстания в Кронштадт, где Ф.Оссендовский еще в июле 1917 г. создал «Пролетарское правительство» во главе с Лениным

¹⁸Там же. С. 336.

¹⁹Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 55.

и Троцким. Для убедительности в этой «телеграмме» указывалось, что выбор названных лиц был одобрен германским посланником в Стокгольме²⁰, что должно было подтвердить факт тесного сотрудничества большевиков с Германией в деле организации восстания. Еще более откровенный характер носила «телеграмма», посланная якобы Я. Фюрстенбергом (Ганецким) 21 сентября 1917 г. из Стокгольма «господину Рафаилу Шолану» в Хапаранду, что на границе Швеции и Финляндии. В ней прямо говорилось, что «контора банкирского дома М. Варбург открыла счет для предприятия товарища Троцкого. Адвокат приобрел оружие и организовал перевозку его и доставку денег до Люлео и Варде»²¹. Единственное, что здесь требует расшифровки, так это «предприятие товарища Троцкого», которым с легкого пера автора этой «телеграммы» Осендовского стали называть организацию Октябрьского вооруженного восстания. Но и здесь неувязка: большевики еще не вышли из Предпарламента и их ЦК еще не принял решение об организации вооруженного восстания, а Троцкий уже получил под него деньги и оружие.

Если же основываться на реальных фактах, то большевистскому руководству приходилось экономно распоряжаться каждой тысячей рублей. На заседании ЦК РСДРП (б) 5 октября 1917 г. рассматривалась просьба Петроградского окружного комитета о выдаче субсидии в размере 2,5–3 тыс. руб. Было принято решение выдать 1 тыс. руб. с возвратом. ЦК удовлетворил и просьбу Военной организации помочь финансировать издание газеты на Юго-Западном фронте, согласившись выделить для этого 2–3 тыс. руб.²² По имеющимся сведениям, расходы большевистского руководства в октябре 1917 г. составили 146 тыс. 816 руб. 79 коп., и в партийной кассе ЦК оставалось 8 тыс. 245 руб. 45 коп.²³ Но если верить А. А. Арутюнову, ссылающемуся на неправдоподобный рассказ давно умершей старой большевички М. В. Фофановой, большевистское руководство не должно было испытывать никаких финансовых за-

²⁰ Документы, находящиеся в Российской контрразведке // Российская национальная библиотека (РНБ). Русский фонд. № 37.58.2.348. Док. № 12.

²¹ Там же. Док № 14.

²² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 75.

²³ Приходно-расходная книга ЦК РСДРП(б) // Аникеев В. В. Документы Великого Октября. М., 1977. С. 206.

труднений. Укрывавшая Ленина на своей квартире Фофанова, уверяет Арутюнов, поведала ему перед смертью, что «в субботу, 14 октября, поздно вечером пришел Эйно Рахья. Он притащил с собой дорожный солдатский сундук, до самого верха набитый новенькими десятирублевыми купюрами. На дне сундука лежало множество пачек шведских крон. Эйно передал Владимиру Ильичу письмо и сел на диван. У него был очень усталый вид. На мое предложение поужинать он отказался. . . В течение двух или трех дней Эйно по частям унес принесенные им деньги. Оставил, кажется, лишь две пачки Владимиру Ильичу»²⁴. Мы еще вернемся к сенсационным «рассказам» М. В. Фофановой, а пока зададимся только вопросом: как могла она, не посвященная в большевистские планы, заглянуть в таинственный сундук и разглядеть на его дне под десятирублевыми купюрами «множество пачек шведских крон»: Мог ли Ленин по секрету сообщить ей, что Эйно Рахья оставил ему целых две пачки денег? Здесь надо признать, что Арутюнову очень далеко до искусства петроградского журналиста Ф. Оссендовского, сумевшего околпачить не только дипломатов, политиков и разведчиков, но и некоторых историков.

В связи с утвердившимся в литературе тезисом о немецком финансировании большевистской печати в 1917 г. сложилось расхожее мнение о ее полном преобладании на фронте. Между тем это далеко не факт. По подсчетам современных исследователей, в марте — октябре 1917 г. в России выходило до 170 военных газет, из которых только около 20 были большевистского направления, в то время как эсеро-меньшевистскую линию проводили не менее 100 печатных органов²⁵. При этом почему-то никто не задается вопросом — на какие деньги издавалось такое огромное количество газет? Почему они не смогли нейтрализовать большевистскую прессу? По-видимому, «энергичная пропаганда» большевиков объяснялась не только щедрым финансированием, но и чем-то еще, более существенным. В донесении А. Ф. Керенскому с Северного фронта от 30 сентября 1917 г. отмечалось, что «умеренные органы печати считаются буржуазными и контрреволюционными, равно как и читающие их. Большевистские же издания пользуются широкой по-

²⁴ Арутюнов А. Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. М., 2002. С. 197–198.

²⁵ Журавлев В. А. Без веры, царя и отечества. Российская периодическая печать и армия в марте — октябре 1917 года. СПб., 1999. С. 43.

пулярностью»²⁶. Главнокомандующий Северным фронтом генерал В. А. Черемисов, разрешив в начале октября 1917 г. финансирование из казенных средств газеты «Наш путь», стоявшей на большевистской платформе, комментировал это следующим образом: «Если она и делает ошибки, повторяя большевистские лозунги, то ведь мы знаем, что матросы — самые яркие большевики, а сколько они обнаружили героизма в последних боях. Мы видим, что большевики умеют драться. При этом — у нас свобода печати»²⁷. Некоторые современные комментаторы, указывая на очевидный для них факт «тайного субсидирования» генералом Черемисовым большевистской газеты «Наш путь», объясняют это тем, что он тоже был шпионом, которому в 1915 г. удалось выйти «сухим из воды» благодаря таинственным покровителям²⁸. Мы видели уже, как легко было в 1915 г. в условиях антигерманской истерии быть заподозренным в шпионаже. В суровой действительности осени 1917 г. командование Северного фронта предпочитало иметь лучше большевистские газеты, чем немецкие на русском языке. На том же Северном фронте распространялись выходившие на русском языке немецкие газеты «Товарищ», «Западная Двина», «Русский вестник», «На берегах Двины» и др.²⁹

Причины усилившегося влияния большевистской печати на фронте и в тылу, подчеркнем еще раз, крылись не в ее щедром финансировании из различных подозрительных источников, а в усталости народа от войны. «По контрасту с феноменальным успехом большевистской антивоенной пропаганды, что следует скорее приписать изнуренности народа войной, чем достоинствами самого большевистского учения, — пишет современный американский историк Роберт Уорт, — патриотическая контрпропаганда при всех ее усилиях практически не достигала цели. Буржуазную прессу, где печатались патриотические проповеди, по-прежнему не читали те, кому они были предназначены, тогда как широко распространяемая большевистская “Окопная правда” привлекала на фронте огромное количество читателей»³⁰.

²⁶ Там же. С. 205.

²⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. М., 1991. С. 337.

²⁸ Стариков Н. Февраль 1917: Революция или спецоперация? М., 2007. С. 287.

²⁹ Солдатская мысль. 1917. 2 авг.

³⁰ Уорт Роберт. Антанта и Русская революция. 1917–1918. М., 2006. С. 164.

Знакомясь с российской печатью в 1917 г., можно прийти к заключению, что не одни большевики повинны в моральном разложении русской армии, как это теперь принято считать. Кадетская «Речь» регулярно смаковала на своих страницах шокирующие факты о развале фронта, эсеровская «Воля народа» восторгалась высоким боевым духом немецкой армии и подвигами ее летчиков. Главная же роль в подрывной работе против России принадлежала, конечно, спецслужбам Германии, ее многочисленные агенты, шпионы, диверсанты и провокаторы действовали на фронте и в тылу, и это было широко известно. 17 октября 1917 г. «Вестник Временного правительства» опубликовал обращение Главного управления Генерального штаба к населению в связи с усилившейся деятельностью вражеской агентуры. В нем сообщалось, что только с мая по октябрь 1917 г. было арестовано 24 вражеских шпиона, усилия которых были направлены помимо сбора разведывательной информации на разрушение дисциплины в русской армии, на развал экономики и нравственного состояния нации. Обращение призывало население «следить за подозрительными лицами. Замечать странные явления, но не самовольничать»³¹.

Подрывной работой Германии против России было озабочено не только Временное правительство, но и его союзники. Если Франция активно использовала в целях противодействия ей свою разведку, то США стремились нейтрализовать немецкую пропаганду посылкой в Россию многочисленных миссий различного назначения и характера. Прибывший в июне 1917 г. в Петроград во главе специальной миссии бывший государственный секретарь Э. Рут писал действующему государственному секретарю Р. Лансингу: «Я прошу Вас понять, что Германия атакует Россию своей пропагандой и тратит сотни миллионов, по меньшей мере миллион долларов ежемесячно, чтобы овладеть сознанием русского народа». Предлагая усилить пропаганду на фронте и таким образом удержать русского солдата на фронте, Рут просил для начала выделить 100 тыс. долл. «Все мы согласны, — пояснял он, — что распространение информации должно быть поставлено на более широкой основе. По меньшей мере 5 млн долл. может быть таким образом израсходовано с огромной выгодой. Это будет меньше, чем стоимость содержания пяти американских полков, а возможность удержать 5 миллионов

³¹Вестник Временного правительства. 1917. 17 окт.

русских на фронте против Германии значит во много раз больше пяти полков»³².

Хотя государственный секретарь Лансинг отвечал на все эти предложения уклончиво и осторожно, к лету 1917 г. на территории России активно действовали прибывшие из США миссии неправительственных организаций, получавшие финансовую помощь от своего правительства, — Христианского союза молодых людей и американского Красного Креста. В июне 1917 г. Христианский Союз молодых людей предложил командованию русской армии организовать культурно-просветительную работу в масштабах всей армии и направил ее план военному министру. На работу Союза в России было отпущено 3 млн долл., а из США было направлено 300 инструкторов³³. Но реализовать свои предложения Христианскому Союзу молодых людей в России так и не удалось: слишком сложной оказалась тогда обстановка в России.

Не могла похвастать особыми успехами в России и миссия американского Красного Креста. Ее руководитель директор Федерального резервного банка Нью-Йорка У. Томпсон, проникнувшийся вскоре после прибытия в Петроград пониманием опасности большевизма, предлагал бороться с ним путем «просветительной работы в русском народе». Агитируя за план Томпсона в Вашингтоне, один из его помощников и тоже банкир, Г. Хатчинс излагал его суть следующим образом: «Если удастся с помощью воспитательных мер отвлечь русских от большевиков, Россия будет продолжать войну, Восточный фронт будет спасен, война будет выиграна. Если же предоставить дела их естественному течению, Россия впадет в состояние хаоса, к власти придут экстремисты, а немцы победят в войне»³⁴. Чтобы внести свой вклад в дело борьбы с экстремистами, Томпсон создал в Петрограде Комитет гражданского просвещения, на финансирование которого для начала он хотел получить у президента США В. Вильсона 1 млн долл., а начиная с октября 1917 г. по 3 млн долл. ежемесячно³⁵. Во главе «Гражданского комитета грамотности», как окончательно стала называться

³²Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. Washington, 1931. P. 121, 128.

³³Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 / Отв. ред. В. А. Шишкин. СПб., 1995. С. 60–61.

³⁴Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914–1917. Л., 1969. С. 358–359.

³⁵Там же. С. 360.

эта просветительская организация, была поставлена видная деятельница партии социалистов-революционеров, «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская. Томпсон, встретившись с Е. К. Брешко-Брешковской в присутствии личного секретаря Керенского Д. Соскиса, согласился выделить «Гражданскому комитету грамотности» 2 млн долл., чтобы он «мог иметь собственную прессу и нанять штат лекторов, а также использовать кинематографические средства обучения». По свидетельству Соскиса, Томпсон, передавая Брешко-Брешковской пакет с 50 тыс. руб., сказал: «Это Вам для того, чтобы тратить, как Вам будет угодно». Еще 2 млн 100 тыс. руб. были внесены на текущий банковский счет «Гражданского комитета грамотности»³⁶. Позднее, после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, об этой встрече и о пропагандистской кампании на американские деньги, станет известно из печати. Перепечатывая этот материал, «Правда» поместила его под заголовком «Эсеры и оборонцы на содержании американских банкиров». Будучи вынужденной оправдываться, Брешко-Брешковская рассказала в печати интересные детали. Признав, что в ее распоряжение был выдан 1 млн долл., она не скрывала, что на эти деньги «тотчас же умножила как издательства партии социалистов-революционеров, так и число провинциальных газет». «Кроме того, — продолжала Брешко-Брешковская, — эта помощь дала мне возможность разослать готовой литературы по разным губерниям более чем на 500 тыс. руб., да отправить на фронт более чем на 100 тыс. Большая часть суммы уже издержана, другая продолжает тратиться Комитетом гражданского просвещения. И если мои друзья-американцы предложат мне еще и еще крупные суммы на просвещение нашего темного народа, я с охотой и благодарностью приму их, отвечая лично за употребление»³⁷.

Действительно, «бабушка русской революции» распорядилась американским миллионом по-своему, употребив его не только на нужды возглавляемого ею «Гражданского комитета грамотности», но и своей фракции «Воля народа» в эсеровской партии. На американские деньги осенью 1917 г. по всей России было создано около 20 новых печатных изданий, которые, по мысли их организаторов,

³⁶ *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция / Пер. с англ. М., 1998. С. 90–91.

³⁷ Воля вольная. 1917. 26 нояб.

должны были нейтрализовать большевистскую пропаганду и тем самым помочь удержаться у власти А. Ф. Керенскому, в поддержку которого выступал пожертвовавший миллион долларов У. Томпсон. Увы, можно сказать, что деньги были выброшены на ветер, который уже не мог разогнать тучи, сгустившиеся над Временным правительством. Не помогла и такая низкопробная акция, как издание «Народной правды», провокаторской подделки под закрытую большевистскую «Правду». Экземпляр первого номера этой газеты, напечатанного 12 сентября 1917 г. в типографии «Копейка», в ту же ночь попал в руки большевиков, и в «Рабочем пути» немедленно появилось обращение: «Товарищи! Вышла хулиганская газета “Народная правда”, бойкотируйте ее»³⁸. Эффект неожиданности появления нового антибольшевистского органа в столице был сорван, и организаторам этой затеи пришлось отложить его выпуск до более подходящего момента. Появившийся 3 октября 1917 г. первый номер «Народной правды» подтвердил, что литературно-провокационный замысел инициаторов этого издания состоял именно в попытке использования названия большевистской газеты в борьбе с «предателями родины» и «изменниками». Главной мишенью «Народной правды» были большевики. Из номера в номер за подписью «Матвей Кожемякин» печатались фельетоны, направленные против Ленина. Набором своих обвинений в адрес большевиков «Народная правда» смело соперничала с застрельщиками антибольшевистской кампании — газетами «Живое слово», «Новая Русь», «Общее дело». Но запала и материала «Народной правде» хватило ненадолго: 20 октября 1917 г. вышел ее последний номер.

Между тем американское правительство не желало тратить деньги в России без видимых результатов, и президент Вильсон, встретившись в конце октября с эмиссаром Томпсона Г. Хатчинсом и директором комитета общественной информации Дж. Крилом, ограничился направлением в Россию одного из помощников Крила-Эдгара Сиссона, роль которого в силу целого ряда обстоятельств оказалась непредсказуемой и важной. Что же касалось отношения президента к предложенной Томпсоном кампании, то, по мнению американского историка Роберта Уорта, Вильсон твердо решил, что с Россией следует поддерживать пока хорошие отношения, сводящиеся к заверению в «дружелюбии и бескорыстии» и «желании быть

³⁸ Рабочий путь. 1917. 13 сент.

полезными», в ожидании, что «неприятные моменты вроде большевизма и сепаратного мира разрешатся сами собой»³⁹.

Вместо оказания Временному правительству реальной военной и финансовой помощи союзные державы продолжали и осенью 1917 г. использовать метод дипломатического давления на Россию. В конце сентября 1917 г., сразу же после образования третьего и, как скоро выяснится, последнего коалиционного правительства, послы Великобритании, Франции и Италии выступили с совместной вербальной нотой Временному правительству. «Сэр Джордж (Бьюкенен. — Г. С.), охваченный небывалым для себя волнением, — вспоминал А. Ф. Керенский, — зачитал мне ноту от имени трех держав, где союзники угрожали прекратить военную помощь русскому фронту, если Временное правительство немедленно не восстановит нормальный порядок в стране. Грозить официальным разрывом военного и союзнического сотрудничества правительству, которое, рискуя всем своим авторитетом, боролось с опасными для союзников тенденциями!»⁴⁰. Разделяя возмущение Керенского позицией союзных послов, нельзя здесь не отметить, что вставшая во весь рост перед Россией альтернатива — продолжать войну или заключать мир — не была вовремя принята во внимание союзниками. И это имело катастрофические последствия не только для Временного правительства, но и судьбы России.

Встретившись 12 октября 1917 г. с английским послом Дж. Бьюкененом, Керенский не мог скрыть своего разочарования в связи с фактическим отказом союзников в реальной помощи, заявив при этом, что «в определенных кругах даже возникло подозрение, что союзники планируют заключить мир за счет России». Категорически отвергая такую возможность, Бьюкенен вместе с тем заметил, что «хотя британское общество с пониманием относится к тем трудностям, которые переживает сейчас Россия, но после падения Риги нет ничего удивительного в том, что оно оставило всякую надежду на ее дальнейшее активное участие в войне»⁴¹. Со своей стороны, Керенский в беседе с агентом британской секретной службы С. Мозмом (тогда уже известным писателем) признал, что русскую армию нельзя удержать на фронте, в связи с чем при-

³⁹ Уорт Роберт. Указ. соч. С. 167–168.

⁴⁰ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 324.

⁴¹ Бьюкенен Джордж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918 / Пер. с англ. М., 2006. С. 345.

звал союзников немедленно предложить Германии заключить мир без аннексий и контрибуций⁴². По всей видимости, в связи с этим «раскольническим» предложением Керенского на него тогда пало подозрение в том, что он сам находится в «шпионских сношениях» с Германией. В 1974 г. американский профессор Э. Саттон в своей книге «Уолл-стрит и большевистская революция» опубликовал любопытный документ из архива Министерства иностранных дел Великобритании — меморандум от 23 октября 1917 г. Ввиду его краткости и одновременно важности воспроизводим его здесь полностью:

Лично и секретно. Из более чем одного источника к нам поступают беспокоящие слухи о том, что Керенский находится на жалованьи у Германии и что он и его правительство делают все, чтобы ослабить и дезорганизовать Россию, приведя ее к положению, когда никакой другой курс, кроме сепаратного мира, будет невозможен. Считаете ли вы, что есть основания для таких инсинуаций, и что правительство, воздерживаясь от эффективных действий, целенаправленно позволяет большевикам набирать силу? Если это будет вопросом подкупа, мы должны быть в состоянии успешно конкурировать, если бы стало известно, как и через каких агентов это может быть сделано, хотя это и неприятная мысль⁴³.

Остается только сожалеть, что этот документ был опубликован тогда, когда ни Керенский, ни другие члены Временного правительства уже не могли ни опровергнуть эти «инсинуации», ни дать какие-либо объяснения по этому поводу. Комментарий самого Саттона более чем лаконичен: «Относится к информации, что Керенский состоял на жалованьи у Германии»⁴⁴. Насколько мне известно, этот документ не получил публичного обсуждения, и остается только гадать, по какой причине. По причине невероятности и фантастичности высказанных в нем слухов? Или незаинтересованности поднимать эту проблему? — дабы не отвлекать внимание от «главного» германского шпиона — Ленина?

Чтобы стимулировать обсуждение и изучение этого сенсационного документа, приведем здесь еще один малоизвестный факт. 7 января 1918 г. орган левых эсеров «Знамя труда» опубликовал сообщение о том, что постановлением СНК РСФСР конфискованы

⁴² *Kettle M. Allies and The Russian Collapse March 1917 — March 1918. London, 1981. P. 98–99.*

⁴³ *Саттон Э. Указ. соч. С. 230.*

⁴⁴ Там же. С. 231.

денежные средства на текущих счетах А. Ф. Керенского в банках — всего 1 млн 174 тыс. 754 руб. 62 коп.⁴⁵ 9 января 1918 г. «Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства» напечатала специально принятое по этому вопросу постановление Совета Народных Комиссаров, принятое 4 января 1918 г. и подписанное председателем СНК Вл. Ульяновым (Лениным) и управляющим делами СНК В. Бонч-Бруевичем. Этим постановлением конфисковывались находившиеся на текущих счетах Керенского суммы в размере 1 474 734 руб. 40 коп., а именно в Государственном банке на счете № 43191 1 157 714 руб. 40 коп. и в Международном коммерческом банке на счете № 15 697 317 020 руб. Одновременно Совет Народных Комиссаров обратился «ко всем, кто мог дать указания относительно источника этих сумм, их назначения и т. п. с просьбой дать об этом исчерпывающие сведения»⁴⁶. Можно предположить, что никаких сведений не было получено, в противном случае они обязательно появились в печати: слишком «горячая» тема того времени обсуждалась во всех печатных изданиях.

Однако вернемся к состоявшейся в середине октября 1917 г. встрече еще главы Временного правительства Керенского с английским послом Дж. Бьюкеноном, который, реагируя на секретную информацию Керенского о возможном восстании большевиков в ближайшее время, выразил надежду, что на этот раз правительство не упустит шанс покончить с большевизмом, как это случилось в июльские дни⁴⁷. «Дипломатические круги, — пишет в связи с этим Роберт Уорт, — все еще жили в мире иллюзий, думая, что возможное вооруженное восстание даст повод уничтожить чудовище большевизма и в результате этого каким-то таинственным образом восстановить боеспособность армии. Возможность того, что большевики могут победить и образовать собственное правительство никем не рассматривалась»⁴⁸. И зря: к этому времени большевики на самых различных уровнях, открыто и тайно обсуждали свои шансы на приход к власти, и не только обсуждали, но и вели подготовку к вооруженному выступлению против Временного правительства.

⁴⁵ Знамя труда. 1918. 7 янв.

⁴⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 328.

⁴⁷ Бьюкенен Джордж. Указ. соч. С. 345.

⁴⁸ Уорт Роберт. Указ. соч. С. 174.

2. В. И. Ленин: взять власть, чтобы тотчас предложить демократический мир

Как известно, вопрос о необходимости взять государственную власть в свои руки В. И. Ленин в категорической форме поставил в письме «Большевики должны взять власть», написанном в середине сентября в Гельсингфорсе и адресованном ЦК, ПК и МК РСДРП (б). Хотя к этому небольшому письму исследователи, сторонники и противники вождя большевиков, обращались тысячи раз, лишь немногие акцентировали свое внимание на том, что одним из главных аргументов в пользу восстания Ленин называет немедленное заключение демократического мира между народами. «Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас, — убеждает он большевистское руководство. — Именно теперь предложить мир народам — значит победить»⁴⁹. Только восстание, по мнению Ленина, могло помешать заключению сепаратного мира между английскими и немецкими империалистами»⁵⁰. Здесь же Ленин утверждал, что активного большинства революционных элементов обеих столиц, оказывается, достаточно, чтобы «увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее», и потому считал возможным не ждать начала стихийного взрыва недовольства масс. Вот это-то и настораживало не столь решительных членов ЦК большевиков, связывавших определенные надежды с Демократическим совещанием и выборами в Учредительное собрание и не желавших попасть еще раз в положение вождей подвергнутой остракизму политической партии. Вот почему, обсудив ленинские письма «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» на своем заседании 15 сентября 1917 г. в Петрограде, ЦК не согласился с содержащимися в них предложениями о подготовке восстания для взятия власти, и членам ЦК, ведущим работу в Военной организации и в ПК, поручил «принять все меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах»⁵¹. Особенно решительно против ленинских писем выступил на этом заседании Л. Б. Каменев, который предложил принять резо-

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 241.

⁵⁰ Там же. С. 240.

⁵¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918. С. 55.

люцию: «ЦК, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улице. . . »⁵². Хотя эта резолюция и не получила одобрения большинства членов ЦК, она тем не менее отражает определенный настрой части большевистского руководства не торопить события. Об этом свидетельствовала и тактика большевистской фракции на Демократическом совещании. В декларации большевистской фракции на Демократическом совещании, которую 18 сентября огласил Л. Д. Троцкий, главный акцент был сделан на необходимости перехода власти к Советам, в ней подчеркивалось, что «только те решения и предложения настоящего совещания, направленные на устранение личного режима Керенского, могут найти себе путь к осуществлению, которые встретят признание со стороны Всероссийского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Безотлагательный созыв такого съезда есть сейчас важнейшая задача»⁵³.

Показательна реакция на большевистскую декларацию одного из самых авторитетных лидеров «революционной демократии» И. Г. Церетели, выступившего на Демократическом совещании сразу после Троцкого. «Они хотят, чтобы власть приняли мы, а программу дадут они, — говорил Церетели. — Партия говорит о мерах, ведущих к спасению. Она знает, что для этого надо делать, и не пытается захватить власть. Я на их месте постарался бы захватить ее»⁵⁴. Этот пассаж оратора вызвал не только аплодисменты, но и всеобщий смех в зале, а Церетели, продолжая свое выступление, посчитал нужным даже похвалить большевиков за понимание сложности переживаемого революцией этапа: «Я думаю, товарищи, сознание того, что этого сделать сейчас нельзя, только это сознание может объяснить, что партия, считающая возможным в настоящий момент сулить чудодейственные меры, исцеляющие страну, которая стоит на краю гибели, такая партия не делает отчаянной попытки захватить власть»⁵⁵.

Большевистское руководство в Петрограде и в самом деле не

⁵² Там же.

⁵³ Рабочий путь. 1917. 20 сент.

⁵⁴ Руднева С. Е. Указ. соч. С. 179.

⁵⁵ Там же.

шло на открытую конфронтацию с «революционной демократией». На заседании ЦК РСДРП (б) 21 сентября 1917 г. было принято решение с Демократического совещания не уходить, а только отозвать большевистских представителей из его Президиума. Что же касалось участия в Предпарламенте (Временном Совете Республики), то здесь голоса членов ЦК разделились почти поровну, и потому окончательное решение этого вопроса было передано партийному совещанию, составленному из членов большевистской фракции на Демократическом совещании. Партийное совещание, заслушав Л. Д. Троцкого и А. И. Рыкова, отразивших различные подходы к этой проблеме в ЦК, высказалось за участие в Предпарламенте (77 — за, 50 — против)⁵⁶.

Такое увлечение «конституционными иллюзиями» вызвало гнев вождя большевиков, все еще находившегося в Гельсингфорсе. Он снова и снова атакует ЦК письмами и записками с настойчивыми предложениями покинуть Демократическое совещание, бойкотировать Предпарламент, готовить восстание. Перебравшись в Выборг, он пишет статью «Кризис назрел», которую начинает со слов: «Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а по всей видимости, также и всемирной истории...»⁵⁷. В начале военных выступлений на флоте в Германии вождю большевиков уже видится канун всемирной пролетарской революции, а его соратники в Петрограде никак не хотят этого замечать и продолжают оставаться в Предпарламенте. И тогда он решает обратиться к собравшейся в те дни питерской городской конференции большевиков с письмом, в котором бросает на чашу весов в пользу восстания последний аргумент: заговор империалистов против русской революции. «Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планами правительства переселиться из Питера в Москву, — писал Ленин, — что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен заговор об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции таким путем»⁵⁸. Далее он заклинал, что «революция погибла, если правительство Керенского не будет

⁵⁶Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918. С. 65.

⁵⁷Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 272.

⁵⁸Там же. С. 347.

свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем»⁵⁹. Но на делегатов петроградской конференции большевиков этот аргумент не произвел должного впечатления. Заслушав адресованное им письмо Ленина, призывавшее «все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского» и содержавшее подготовленную с этой целью резолюцию, они не поддержали его предложение обратиться в ЦК, чтобы он принял «все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян для свержения противонародного и крепостнического правительства Керенского».⁶⁰ Впрочем, это не было большой неожиданностью для вождя большевиков: руководство столичной организации хотя и было настроено решительно, но выделялось своей самостоятельностью и даже не побоялось в свое время отвергнуть с первого раза его Апрельские тезисы.

И все же неукротимая воля Ленина победила: 5 октября 1917 г. большевистское руководство в Петрограде приняло решение о выходе из Предпарламента. На состоявшемся 7 октября первом заседании Предпарламента все тот же Троцкий зачитал декларацию большевистской фракции, в которой заявлялось о полном разрыве «с этим советом контрреволюционного попустительства»⁶¹. Чтобы окончательно решить судьбу восстания, Ленин тайно вернулся в Петроград и сразу же потребовал созвать ЦК. На конспиративном заседании ЦК 10 октября 1917 г., на котором присутствовали 12 членов из 21, выступивший с докладом о текущем моменте Ленин упрекал своих соратников в том, что «с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании». В пользу немедленной организации восстания он указал на благоприятное международное положение и внутривнутриполитическую обстановку в стране. Вождя большевиков не смущали абсентеизм и равнодушие масс, которые он объяснял тем, что «массы утомились от слов и резолюций»⁶². В предложенной Лениным резолюции говорилось: «ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Рабочий путь. 1917. 13 окт.

⁶¹ Там же. 8 окт.

⁶² Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918. С. 85.

Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), — так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского и К^о сдать Питер немцам), — так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.) — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание»⁶³.

За восстание вместе с Лениным проголосовали Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов (Опоков), и двое — Каменев и Зиновьев — против. Последние считали необходимым разъяснить свою позицию и обратились к ведущим большевистским организациям с заявлением. В нем они предупреждали, что «объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции», потому что «в России за нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом»⁶⁴. Но отстоять свою позицию и преодолеть ленинское влияние Каменеву и Зиновьеву было не под силу, и они, будучи заклеяменными как «штрейкбрехеры революции», были обречены на поражение.

Тем не менее исходившее от двух авторитетных членов ЦК и получившее распространение в большевистских кругах предостережение не переоценивать степень готовности рабочих и солдат идти на восстание вызывало необходимость обсудить этот вопрос более обстоятельно на всех уровнях большевистского руководства. Нельзя было не считаться и с тем, что против восстания выступали левые эсеры, сотрудничавшие с большевиками в Петроградском Совете и стремившиеся к образованию социалистического правительства на Втором Всероссийском съезде Советов. Орган левых эсеров «Знамя труда» предупреждал, что «выступление рабочих и солдат в данный момент было бы злейшим преступлением», что «те, кто призывает массы к выступлению... для захвата власти, лгут: их призыв есть призыв не к победе народной воли, но к ее

⁶³ Там же. С. 85–86.

⁶⁴ Там же. С. 86–88.

самоубийству»⁶⁵. В том же духе высказался в середине октября 1917 г. на Первой Всероссийской конференции фабзавкомов один из лидеров левых эсеров Б. Д. Камков: «Итак, мы приближаемся к созданию однородной власти. Возникает вопрос, как реализовать эту власть. Можно ли, допустимо ли организовать ее революционным натиском одного города? Как революционные социалисты, мы, разумеется, признаем и допускаем демонстративные давления на общественное мнение и на всякие учреждения, не исключая даже из них Учредительное собрание. Я говорю о давлении со стороны революционного авангарда. Но революционные социалисты должны быть ответственными политиками, должны учитывать последствия своих выступлений»⁶⁶.

Состоявшееся 15 октября 1917 г. закрытое заседание Петербургского комитета должно было окончательно определить отношение руководства петроградских большевиков к вооруженному восстанию. Выступивший на нем представитель Военной организации большевиков В. И. Невский выразил серьезные опасения в том, что восстание в Петрограде будет поддержано провинцией, и с этой позиции критиковал резолюцию ЦК от 10 октября. «Восстание, вооруженное выступление здесь в Питере, возможно, — говорил он. — Гарнизон поднять можно, рабочие пойдут, конечно, даже впереди солдат, но ведь ясно, что ограничить восстание Питером только нельзя. Как Москва, вообще как провинция отзовется на это? Может ли ЦК сказать, что нас поддержит вся Россия? Все мы прекрасно понимаем, назрел момент вооруженного выступления. Но готовы ли мы? Имеем ли мы большинство, которое обеспечит свободу?»⁶⁷. Высказанные Невским сомнения в окончательном успехе восстания произвели, по всей видимости, такое сильное впечатление на собравшихся членов ПК, что было решено сначала огласить резолюцию ЦК от 10 октября и особое мнение Каменева и Зиновьева и только потом заслушать доклады с мест. Поэтому выступавшие затем представители районов столицы были достаточно сдержанны и осторожны в оценке настроений в своих районах. Из 19 выступивших представителей районных организаций большевиков только 8 считали, что рабочие готовы выступить против

⁶⁵ Знамя труда. 1917. 13 окт.

⁶⁶ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. II. М., 1927. С. 162.

⁶⁷ Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 502.

Временного правительства, остальные же полагали, что массы находятся в неопределенном, выжидательном состоянии и не обнаруживают стремления к выступлению. Июльские события, показавшие рабочим тяжесть расплаты за выступление, которое заканчивается поражением, были еще свежи в их памяти. Один из рабочих руководителей Выборгской стороны говорил осенью 1917 г. Ф. И. Дану: «Мы июльских дней не забыли и новой глупости не сделаем»⁶⁸.

Главным фактором вооруженного восстания стал Петроградский гарнизон, в котором большевики заняли ведущее положение не без помощи властей. Хотя Военная организация большевиков в Петрограде и увеличила свои ряды в три раза по сравнению с июлем 1917 г., ее численность — 5800 членов на более чем 200-тысячный столичный гарнизон — не внушала опасений командованию. Характеризуя состояние столичного гарнизона в октябре 1917 г., помощник главнокомандующего Петроградским военным округом А. И. Козьмин отмечал, что «в нем небольшая часть, тесно связанная с большевистским Советом, весьма активна. Настроение же прочей части можно назвать пассивным, даже апатичным. Можно сказать, состояние, близкое к тому, что было в июльские дни, только наблюдается большая сдержанность и организованность и, несомненно, большая дисциплинированность»⁶⁹. Последовавший 6 октября 1917 г. приказ Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского о подготовке Петроградского гарнизона для выступления на Северный фронт вывел основную солдатскую массу из состояния апатии, вызвав их сильное возмущение. Категорически отказываясь выступить на фронт, воинские части одновременно потребовали своего полного вооружения и снаряжения, и заинтересованное в их немедленном выводе из столицы командование было вынуждено пойти на удовлетворение в значительной степени этих требований. Так, 180-му пехотному полку, почти полностью разоруженному в июле 1917 г., было выдано 700 винтовок. Но особенно важно было то, что гвардейские резервные полки получили наряду с винтовками и 150 пулеметов⁷⁰. Так что боль-

⁶⁸ *Невский В. И.* Историческое заседание Петербургского комитета РСДРП(б) накануне Октябрьского восстания // Красная летопись. 1922. № 2/3. С. 38.

⁶⁹ Из записок А. И. Козьмина // Красный архив. 1933. Т. 5 (60). С. 153.

⁷⁰ *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке

шевикам не нужно было приобретать оружие на немецкие деньги. Точно так же и Красная гвардия имела возможность вооружаться винтовками Сестрорецкого оружейного завода, с которого только в октябре 1917 г. было получено 6300 винтовок, а общая численность вооруженных красногвардейцев, по данным авторитетного специалиста В. И. Старцева, достигла в октябре 1917 г. 18 тыс.⁷¹ Интересно, что, выступая 10 октября 1917 г. на заседании ЦК РСДРП(б), М. С. Урицкий говорил о 40 тыс. винтовках, которые имеются у рабочих Петрограда⁷².

Вернувшись в Петроград из своего последнего подполья, В. И. Ленин в период подготовки вооруженного восстания неоднократно встречался с работниками Военной организации большевиков для обсуждения положения в гарнизоне столицы. «Дайте точный подсчет сил, назовите части, которые безусловно пойдут с нами. Какие колеблются? Кто против нас? Где склады оружия и боевых припасов? Чем располагает противная сторона в ближайших к Питеру районах? Где сосредоточено продовольствие и в достаточном ли количестве? Обеспечена ли охрана мостов через Неву? Подготовлен ли тыл в случае возможной неудачи?» — таковы вопросы, которые, по свидетельству К. А. Мехоношина, поставил В. И. Ленин на одной из встреч с руководителями Военной организации большевиков⁷³.

Изучение состава и численности Петроградского гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания показывает, что попытки Временного правительства и военного командования расплыть гарнизон столицы и тем самым лишить революционный лагерь вооруженной опоры в целом потерпели провал, хотя и привели к ослаблению воинских частей, принимавших активное участие в политических выступлениях в Петрограде. Несмотря на то что общая численность Петроградского гарнизона в октябре 1917 г. по сравнению с февралем 1917 г. сократилась на 80 тыс. человек, он по-прежнему представлял внушительную силу — около 250 тыс.

и проведении Октябрьского вооруженного восстания // Исторические записки. 1955. Т. 51. С. 12, 15.

⁷¹ Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965. С. 195.

⁷² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 85.

⁷³ Мехоношин К. А. Военная организация большевиков в октябрьские дни 1917 года // Ленин вождь Октября. 1958. С. 191.

солдат и офицеров⁷⁴. По данным Б. М. Кочакова, они распределялись по родам войск следующим образом: 63 тыс. — гвардейская пехота, 25 тыс. — армейские пехотные и пулеметные полки, 13 тыс. — дружины государственного ополчения, 55 тыс. — инженерные части, 8,5 тыс. — кавалерийские полки, 8 тыс. — артиллерийские части, 7 тыс. — юнкера военных училищ, 22 тыс. — женский ударный батальон и другие части, сформированные для борьбы с революцией, 38 тыс. — санитарные части (включая и раненых), 8,5 тыс. — солдатские команды, работающие на предприятиях Петрограда⁷⁵. В октябре 1917 г. военное командование предприняло новую попытку вывести столичный гарнизон на фронт, но в условиях высшей опасности над Петроградом и под влиянием большевистской агитации эта мера была воспринята как стремление сдать немцам столицу. 6 октября солдатская секция Петроградского Совета высказалась за всемерную защиту столицы от немецкой угрозы, против планов Временного правительства переехать в Москву. В принятой на этом заседании большевистской резолюции отмечалось, что «если Временное правительство не способно защитить Петроград, оно обязано либо заключить мир, либо уступить свое место другому правительству»⁷⁶. На состоявшемся 9 октября общем собрании Финляндского полка было принято решение предложить Петроградскому Совету «собрать представителей полковых комитетов Петроградского гарнизона для выработки практических мер для защиты Петрограда». 11-я рота Измайловского полка 10 октября постановила: «В связи с тем, что Петербургу и революции грозит опасность не только извне, но и изнутри, мы требуем немедленно формирования революционного штаба, который дал бы нам возможность вполне готовыми и с оружием в руках встретить опасность, грозящую задушить нашу революцию»⁷⁷.

Впервые предложение об организации революционного штаба обороны Петрограда было внесено большевиками 9 октября на засе-

⁷⁴ *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 226.

⁷⁵ *Кочаков Б. М.* К вопросу о составе, численности и расположении Петроградского гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания // Ленин и Октябрьское вооруженное восстание. М., 1964. С. 293.

⁷⁶ Известия ЦИК. 1917. 10 окт.

⁷⁷ Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году. Л., 1932. С. 293, 298.

дании Исполкома Петроградского Совета, где оно было отвергнуто меньшевиками и эсерами, сумевшими получить большинство в один голос (13 против 12). Но состоявшийся в тот же день пленум Петроградского Совета подавляющим большинством одобрил большевистскую резолюцию о создании революционного органа обороны столицы. «Петроградский Совет, — отмечалось в этой резолюции, — поручает Исполнительному комитету совместно с солдатской секцией и представителям связанных с Петроградом гарнизонов организовать революционный комитет обороны, который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему, принял бы меры к вооружению рабочих и таким образом обеспечил бы и революционную оборону Петрограда, и безопасность народа от открыто подготавливаемой атаки военных и штатских корниловцев»⁷⁸. Принятием большевистской резолюции было положено начало созданию Петроградского Военно-революционного комитета. Активным сторонником организации ВРК выступила солдатская секция Петроградского Совета. 13 октября солдатские депутаты, несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров, одобрили проект положения о ВРК, принятый накануне на закрытом заседании Исполкома Петроградского Совета⁷⁹. Неотъемлемой частью Военно-революционного комитета стало гарнизонное совещание, решение о создании которого было принято 11 октября коллегией военного отдела Исполкома Петроградского Совета. Гарнизонное совещание было образовано в первую очередь для «надлежащего взаимодействия и установления самого тесного контакта революционного штаба по обороне Петрограда со всеми войсковыми частями, находящимися в связи с военным отделом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»⁸⁰.

16 октября 1917 г. на расширенном заседании ЦК большевистской партии была окончательно решена судьба вооруженного восстания. Выступивший с докладом Ленин, отвечая на предостережение своих оппонентов, что рабочие и солдаты не рвутся в бой, как в июльские дни, утверждал, что «настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы

⁷⁸Известия ЦИК. 1917. 10 окт.

⁷⁹Там же. 14 окт.

⁸⁰Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. М., 1957. С. 204–205.

должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики в борьбе с войной и в борьбе с разрухой»⁸¹. Агитируя за вооруженное восстание, вождь большевиков уверял, что «выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу...»⁸². Противники восстания Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев не смогли убедить в своей правоте собравшихся, и резолюция Зиновьева — считать, что никакие выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов — недопустимы — собрала всего 6 голосов, в то время как ленинская резолюция получила 20⁸³. Попытка Каменева и Зиновьева показать через небольшевистскую прессу всю губительность предпринимаемой акции встретила решительное осуждение Ленина, потребовавшего их исключения из партии, и «раскольники» фактически сдались на милость победителя.

Вечером 16 октября 1917 г. Петроградский Совет официально утвердил представленный левым эсером П. Е. Лазимиром проект организации Военно-революционного комитета. В результате большевики в сотрудничестве с левыми эсерами теперь получили легальный орган восстания, и Временному правительству нужно было срочно принимать меры для собственной защиты. Общая численность войск, на которые оно могло рассчитывать в случае возникновения в столице грозной для него ситуации, была невелика — всего несколько тысяч, по преимуществу юнкера военных училищ и школ прапорщиков. Расположенные в Петрограде и его окрестностях казачьи части не давали командованию оснований причислить их безоговорочно к правительственным войскам. Войсковой атаман Войска Донского генерал А. М. Каледин неоднократно предлагал вывести из столицы 1-й и 4-й Донские полки, по его выражению, «атакованные со всех сторон большевизмом». Распоряжение военного министра А. И. Верховского, согласившегося с тем, что «казачьи части в Петрограде застоялись и подпадают под большевистскую пропаганду»⁸⁴, запоздало, и казаки в дни восста-

⁸¹Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. С. 93—94.

⁸²Там же. С. 94.

⁸³Там же. С. 104.

⁸⁴Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. С. 272—273.

ния действительно не показали себя надежной защитой Временного правительства. Властям приходилось рассчитывать на вызванные с фронта войска, но до их подхода надо было продержаться, и как вскоре выяснилось, власти переоценили свои возможности.

Вышедшие 17 октября утренние газеты были полны предупреждениями о большевистской опасности. «Большевики ушли от организованной демократии, — писала правозсеровская газета «Воля народа», — организованная демократия обязана проложить непроходимую грань между собою и большевизмом и мобилизовать свои силы, чтобы дать ему дружный и единодушный отпор. Нужно быть ленинцем или антиленинцем». Правоменьшевистская газета «День» призывала: «Демократия обязана сильной и властной рукой предупредить большевистское восстание. Необходимы действия власти твердой и неколеблющейся, которая импонировала бы как сила, с которой нужно считаться». Как бы откликаясь на эти призывы, главнокомандующий Петроградским военным округом Г. П. Полковников приказал направить броневые машины к таким стратегическим объектам, как Государственный банк, Экспедиция заготовления государственных бумаг, Главный почтамт, Центральная телефонная станция, Центральная телеграфная станция, Николаевский вокзал и др. Одновременно Полковников заверил Временное правительство, что «не существует никаких опасений относительно выполнения приказов петроградским гарнизоном на случай возникновения каких бы то ни было беспорядков»⁸⁵. Увы, это заверение носило всего лишь пропагандистский характер и было рассчитано на устрашение большевиков.

Разумеется, Временное правительство не могло быть безучастным к своей судьбе, и на его заседании 17 октября со стороны ряда министров прозвучали призывы дать отпор большевикам, закрыть призывающие к восстанию газеты, запретить митинги в цирке «Модерн», собирающие многочисленных сторонников большевиков⁸⁶. Министр труда К. А. Гвоздев уверял, что на заводах «настроение благоприятное» и нужно ждать только выступлений солдат, которые «хотят погромов». Он предлагал с особой ответственностью подойти к назначению лица, которое будет руководить по-

⁸⁵ Известия ЦИК. 1917. 17 окт.

⁸⁶ Протокол заседания Временного правительства 17 октября 1917 г. // Исторический архив. 1960. № 5. С. 83–85.

давлением выступления: «Нельзя допустить перехвата власти, чтобы не очутиться в руках победителя». Министр иностранных дел М. И. Терещенко предлагал «идти на верную победу», вызвав большевиков на выступление, а в качестве повода для репрессий называл «погромные митинги», призывы к свержению Временного правительства, антиправительственные выступления в печати и др. Но, удивительное дело, он ни словом не обмолвился о «шпионских сношениях» большевиков с Германией, которые можно было бы использовать в качестве повода для их преследования. Не подхватил этой темы и министр юстиции П. Н. Малянтович, который сказал: «Я боюсь перехитрить. Когда будет голод, будет поздно. Поэтому проверить свои силы, принять меры, вызвать выступление и его подавить!». Однако пыл воинственных на словах министров охладил их же коллега — военный министр А. И. Верховский. Тридцатилетний генерал, командовавший ранее, как уже отмечалось, Московским военным округом и назначенный Керенским 30 августа 1917 г. военным министром за проявленную твердость и верность Временному правительству в дни корниловского выступления, не пробыв и двух месяцев в новой должности, осознал всю безнадежность ситуации в стране и армии в связи с продолжающейся войной, и теперь считал необходимым сказать правду. Вернувшись из Ставки 30 сентября 1917 г., Верховский записал в своем дневнике: «Нужно придумать, как продолжать войну, при условии, что армия воевать не хочет и слышатся даже требования заключить мир во что бы то ни стало...»⁸⁷. Весьма откровенен он был и на заседании Временного правительства 17 октября, где заявил: «Скучно слушать. Активно выступить нельзя, план есть — надо ждать выступления другой стороны. Большевизм в Совете рабочих депутатов, а его разогнать нет силы. Я не могу предоставить реальной силы Временному правительству и потому прошу отставку». Выступивший в конце заседания председатель правительства А. Ф. Керенский не разделял опасений своих министров и потому не предлагал конкретных мер борьбы против возможного выступления большевиков, заявив при этом, что «наш разговор — это следствие гипноза Петроградом. Мы не думаем о России. О Петрограде должен думать особый человек с широкими

⁸⁷ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. Из походного дневника. 1914–1918. Пг., 1918. С. 125.

полномочиями. Я спасаюсь в Ставку, чтобы отдохнуть от Петрограда»⁸⁸.

Что же касается принимавшихся Временным правительством мер по собственному спасению, то нельзя не признать, что они носили запоздалый и половинчатый характер. Правительство не нашло ничего лучшего, как попытаться через министра труда К. А. Гвоздева отменить Второй Всероссийский съезд Советов, с началом которого связывало возможное выступление большевиков. Но все, что могли сделать для своего министра меньшевики и эсеры, заседавшие в бюро ЦИК Советов, — это отложить съезд с 20 октября до 25 октября под тем предлогом, что не все делегаты, особенно с фронта, успеют прибыть в столицу до 20 октября.

18 октября меньшевистское руководство обратилось к рабочим и солдатам Петрограда с призывом воздержаться от участия в уличных выступлениях, что было по сути дела символической реакцией на создание Военно-революционного комитета при Петроградском Совете. Оно предостерегало против повторения событий 3–5 июля, предупреждало, что выступление части рабочих и солдат с лозунгом «Вся власть Советам!», который не разделяется большинством демократии и центральных органов Советов, обречет их на поражение, усилит анархию в стране, вызовет новую волну погромов, бросит широкие массы в объятия контрреволюции, откроет дорогу новому Корнилову⁸⁹. Увы, эти предупреждения остались не услышанными.

Не могли противопоставить что-либо реальное большевистскому восстанию и социалисты-революционеры, еще совсем недавно самая влиятельная политическая сила в Советах. 21 октября ЦК партии социалистов-революционеров, заслушав на своем заседании вопрос о предстоящем выступлении большевиков, ограничился постановлением подготовить соответствующее воззвание и опубликовать его в местных партийных газетах⁹⁰.

Неудивительно, что в сложившейся обстановке большевистские руководители готовящегося восстания чувствовали себя в безопасности, хотя и прикрывали свои притязания на власть авторитетом Петроградского Совета. Выступая 18 октября 1917 г. на экстрен-

⁸⁸Протокол заседания Временного правительства 17 октября 1917 г. С. 84–85.

⁸⁹Рабочая газета. 1917. 18 окт.

⁹⁰Протоколы заседания ЦК партии социалистов-революционеров // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 25–26.

ном собрании Петроградского Совета, Л. Троцкий на вопрос о «выступлении» ответил: «Мы ничего не скрываем. Я заявляю от имени Совета: никаких вооруженных выступлений нами не назначено. Но если бы по ходу вещей Совет был принужден назначить выступление, рабочие и солдаты, как один человек, выступили бы по его зову».⁹¹ На этом же заседании были избраны делегаты на Всероссийский съезд Советов. В результате голосования на съезд были избраны 5 большевиков, 2 социалиста-революционера и 1 меньшевик⁹².

Уступив инициативу большевикам, Временное правительство теряло с каждым днем последние шансы на свое спасение. Ленин уже вторую неделю находился тайно в Петрограде, развил бурную деятельность по подготовке восстания, открыто призывал в печати помочь немецким революционерам-интернационалистам восстанием в России, а Временное правительство спохватилось только 20 октября, издав распоряжение об аресте Ленина «в качестве ответственного по делу о вооруженном выступлении 3–5 июля в Петрограде». Распоряжение было подписано А. Ф. Керенским и министром юстиции П. Н. Малянтовичем⁹³. Но это было сделано в целях устрашения большевиков, которые, как считали власти, собирались выступить именно 20 октября. Этого, к удовлетворению Временного правительства, не произошло, но зато случилось «восстание» в правительственном лагере: военный министр Верховский окончательно вышел из подчинения курсу на продолжение войны. Будучи к этому времени убежден в том, что подавить силой большевистское движение уже невозможно, Верховский считал жизненно необходимым для страны и армии побудить Временное правительство перехватить у большевиков инициативу в вопросе о мире и приступить к переговорам о заключении мира. В самом правительстве он встретил сильное противодействие со стороны министра иностранных дел М. И. Терещенко и представителей кадетской партии. Отставка стала для военного министра главным инструментом борьбы, и он, заявляя о ней в очередной раз на заседании Временного правительства 19 октября, предупреждал: «Народ не понимает, за что воюет, за что его заставляют нести голод, лишения, идти на смерть. В самом Петрограде ни одна рука не вступится на защиту

⁹¹Рабочий и солдат. 1917. 19 окт.

⁹²Там же.

⁹³Новая жизнь. 1917. 20 окт.

Временного правительства, а эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков»⁹⁴.

Разногласия в правительстве и слухи об отставке Верховского стали достоянием прессы, в том числе и большевистской. Комментируя возможный уход в отставку военного министра, «Рабочий путь» писал 20 октября: «Вопрос об этом поднимался давно, генерал Верховский не одобрял политики общего состава правительства по отношению к большевикам. Военный министр расхотелся во взглядах с Верховным главнокомандующим А. Ф. Керенским по вопросу о реорганизации армии. Генерал Верховский не соглашался и с мнением главнокомандующего армиями Северного фронта генералом Черемисовым о целесообразности замены петроградского гарнизона другими боевыми частями фронта». По-своему расставляя акценты, центральный орган большевиков не скрывал своего удовлетворения по поводу появления у него союзника в самом правительстве.

Кульминацией разгоревшейся во власти борьбы по вопросам войны и мира стала ожесточенная полемика, развернувшаяся 20 октября в Предпарламенте на объединенном заседании его комиссий по обороне и по иностранным делам⁹⁵. Главным действующим лицом снова стал военный министр Верховский, которому, по словам председательствующего М. И. Скобелева, предстояло сделать для членов этих комиссий «весьма секретное сообщение». Верховский начал свое выступление с того, что он «имеет в виду дать комиссиям откровенные и исчерпывающие сведения о состоянии армии». Приведенные им затем данные о количественном и качественном составе армии, ее финансовом и продовольственном положении, боевом снаряжении и обмундировании и особенно о моральном состоянии были не только откровенными, но и обескураживающими. «Основной двигатель войны — власть командного состава и подчинение масс — в корне распатаны, — констатировал военный министр. — Ни один офицер не может быть уверен, что его приказание будет исполнено, и роль его сводится главным образом к уговариванию. Но никакие убеждения не в состоянии подействовать на людей, не понимающих, ради чего они идут на смерть и лишения. О восстановлении дисциплины путем издания законов и

⁹⁴ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. С. 133.

⁹⁵ См.: *Былое*. 1918. № 12. С. 30–40.

правил или посредством смертной казни нечего и думать, так как никакие предписания не выполняются». Говоря о выходе из этого положения, Верховский подчеркнул, что «его, строго говоря, нет», но при этом предложил ряд мер, которые могли бы поднять боеспособность армии к весне 1918 г. Таковыми, по его мнению, могли бы стать сокращение армии за счет увольнения в запас старших возрастов и призыва новобранцев 1920 г., строгое подчинение тыла фронту, создание милиции из солдат и офицеров для борьбы с анархией и дезертирством (из 2 млн дезертиров удалось изловить только 200 тыс.) и др. Однако, размышляя далее по поводу им же предложенных мер, военный министр говорил: «Указанные объективные данные заставляют прямо и откровенно признать, что воевать мы не можем».

Разумеется, Верховский не был в октябре 1917 г. ни сторонником, ни союзником большевиков, хотя патриотически настроенная пресса обвинила его в том, что он «вскочил на подножку колесницы товарища Троцкого». На самом деле он отмечал «разлагающее влияние, которое вносится в армию большевиками». Верховский также говорил о том, что движение за мир активно поддерживается Германией и что ему «достоверно известно, что две выходящие здесь газеты получают средства от неприятеля». Он полагал, что «единственная возможность бороться с этими разлагающими и тлетворными влияниями, это вырвать у них почву из-под ног, другими словами, самым немедленно возбудить вопрос о заключении мира». Аргументируя столь радикальное предложение, Верховский указал на такие факты, с которыми нельзя было не считаться: русская армия при всей ее слабости связывала на фронте 130 неприятельских дивизий, а общая задолженность России союзникам уже достигла 20 млрд руб. «Такого рода аргументы, — резюмировал он, — совершенно достаточны для того, чтобы побудить союзников согласиться на прекращение этой истощающей войны, нужной только им, но для нас не представляющей никакого интереса». Пожалуй, никто из политических и государственных деятелей в годы Первой мировой войны не высказывался столь откровенно, искренне и убедительно в пользу заключения мира. Но даже в это критическое время предложения военного министра не встретили понимания при обсуждении, и, отвечая на вопрос одного из участников заседания, что будет, если союзники не пойдут на наше предложение, он сказал, что в этом случае придется «пройти через такие

испытания, как восстание большевиков, которые в случае успеха за отсутствием организационных сил не в состоянии будут создать твердой власти; анархия и все последствия, которые из нее вытекают»⁹⁶.

Неожиданное продолжение «дело Верховского» получило на следующий день, 21 октября, когда газета В. Л. Бурцева «Общее дело», поддерживаемая французскими субсидиями⁹⁷, опубликовала информацию о состоявшемся накануне секретном заседании в Предпарламенте. В ней утверждалось, что военный министр «предложил заключить мир тайно от союзников», что не соответствовало действительности, но вызвало скандал, ускоривший отставку А. И. Верховского. В разговоре по прямому проводу с начальником штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Духониним в ночь с 21 на 22 октября А. Ф. Керенский дал свою версию происшедших за последние дни событий: «Жалею, что непредвиденные обстоятельства задержали мой приезд, в общем хочу уведомить Вас, чтобы не было никаких недоразумений. Мой приезд в общем задержан отнюдь не опасением каких-либо волнений, восстаний и тому подобное. Я задержался необходимостью в спешном порядке реорганизовать высшее управление в Военном министерстве, так как генерал Верховский сегодня уезжает в отпуск и фактически на свой пост не вернется, вызван этот отъезд его болезненным утомлением, на почве которого было сделано в последнее время несколько трудно объяснимых и весьма, по его собственному признанию, нетактичных выступлений. В особенности положение сделалось невозможным после заявлений его, сделанных на секретном заседании международной комиссии Совета Республики по вопросу о боеспособности армии и возможности продолжения войны и по вопросу о реорганизации власти для борьбы с анархией, с указанием необходимости усиления личного начала. Выступления эти вызвали огромные недоразумения и даже переполох, так как были совершенно неожиданны даже для присутствовавших на заседании членов Временного правительства. Положение для Верховского создано безвыходное. Мне пришлось взять на себя скорейшую ликвидацию, возможно безболезненную, этого эпизода, так как все эти заявления могли быть подхвачены крайними элементами с обе-

⁹⁶ Там же. С. 38.

⁹⁷ Уорт Роберт. Указ. соч. С. 175.

их сторон, что Бурцев уже и попытался сделать, конечно, извратив факты и, что, с другой стороны, пытаются сделать большевики»⁹⁸.

Если с Бурцевым удалось справиться легко — 22 октября его газета «Общее дело» была закрыта по постановлению Временного правительства, то потушить скандал, вызванный выступлением Верховского в Предпарламенте не удалось, несмотря на опубликованное в печати официальное опровержение. Эстафету подхватила бульварная газета «Живое слово», которая в тот же день поместила набранную жирным шрифтом статью «Предательство». В ней, в частности, отмечалось: «...Измена и предательство опутали Россию и русский народ и ведут его к позору и гибели. Нам предлагают купить мир с немцами ценою предательства наших союзников. Но это не только позор, но и гибель, так как мир с немцами означает объявление войны со всем светом: Англией, Францией, Италией, Бельгией, Сербией, Америкой, Японией и Китаем. Тогда мы должны будем заключить союз с кайзером, чтобы вести войну против свободных стран. Русский народ, ты чувствуешь, куда тебя толкают? Русский народ, мир с немцами не даст мирной жизни, а даст союз с немцем для войны со всем светом. Мир с немцами — это значит еще более кровопролитная война, но в союзе с кайзером. Вот куда толкают Россию предатели и изменники. Они должны быть арестованы и судимы за измену. Генерал Верховский немедленно должен быть удален!». Если в июльские дни «Живое слово» задавало тон в обличении «изменников»-большевиков, то теперь очередь дошла до министров Временного правительства. Развязанная самим правительством кампания по «изобличению предателей и шпионов» теперь обернулась против него же. Впрочем, обвинения «Живого слова» можно было и не принимать всерьез, на то она и желтая пресса, чтобы поливать грязью все и вся. Другое дело — как совладать с большевиками, которых отставка Верховского вдохновила на быстрейшую организацию восстания.

Официальное сообщение об отставке военного министра появилось в газетах 24 октября, и Ленин, находившийся в своем последнем подполье, сразу же обращается к членам ЦК с письмом, в котором призывает к самым решительным действиям: «Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать

⁹⁸ Архив русской революции. Т. VII. Берлин, 1922. С. 281.

нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. Нельзя ждать!! Можно потерять все!! Цена взятия власти тотчас: защита народа (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор»⁹⁹. Оказавшийся в это время ввиду «болезненного утомления» уже на острове Валаам бывший военный министр не мог даже предполагать, каким стимулом станет для большевиков его отставка. Правда, это предвидел Керенский, пребывавший при этом в полной уверенности, что может пресечь выступление большевиков в любой момент.

Однако организаторы восстания достигли к этому времени неоспоримого превосходства и ждали только подходящего случая, чтобы перейти в решающее наступление. Еще вечером 21 октября произошло важное событие, которое положило начало открытому конфликту между ВРК и штабом округа. Выделенные «для совместной работы и контроля» представители ВРК явились в штаб округа и заявили его командующему, что отныне все приказы командования должны скрепляться подписью одного из комиссаров ВРК. В ответ Полковников заявил: «Мы знаем только ЦИК, ваших комиссаров мы не признаем, если они нарушат закон, мы их арестуем»¹⁰⁰. В ночь на 22 октября на экстренном заседании ВРК было сообщено «о разрыве штаба округа с представителями Совета рабочих и солдатских депутатов»¹⁰¹.

Утром 22 октября ВРК направил во все воинские части телефонограмму, в которой непризнание штабом округа ВРК расценивалось как полный разрыв командования «с революционным гарнизоном и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов». Но особенно важно было то, что ВРК официально взял на себя руководство охраной революционного порядка, заявив при этом, что «никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны».

Возникший между штабом округа и ВРК конфликт и его неблагоприятный исход для «законной власти» Временное правительство расценило как результат недостаточно решительных действий

⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435.

¹⁰⁰ Рабочий путь. 1917. 25 окт.

¹⁰¹ Там же. 24 окт.

командующего округом Полковникова. После обмена мнениями на своем заседании 22 октября министры решили «немедленно пресечь всякие попытки к установлению двоевластия», предъявив Петроградскому Совету ультимативное требование об отмене телефонограммы ВРК и угрожая в противном случае принять «самые решительные меры»¹⁰².

23 октября Военно-революционный комитет обратился со специальным воззванием «К населению Петрограда», в котором доводил до сведения всех рабочих и солдат о назначении своих комиссаров в воинские части и наиболее важные объекты столицы и ее окрестностей. Призывая оказывать им всемерную поддержку, ВРК одновременно предупреждал, что «комиссары как представители Совета неприкосновенны и неподчинение их распоряжениям будет расцениваться как неподчинение Петроградскому Совету»¹⁰³.

Между тем штаб округа, а вместе с ним и Временное правительство еще не теряли надежды урегулировать конфликт с ВРК и вернуть гарнизон столицы под свое начало. С этой целью днем 23 октября делегация ВРК была вновь приглашена в штаб округа, где ей были вручены условия главнокомандующего округом. Предлагая ВРК отменить его телефонограмму частям гарнизона от 22 октября, штаб округа соглашался на создание совещания из представителей Петроградского Совета в целях взаимного осведомления о всех приказах, отдаваемых по гарнизону как штабом, так и Советом¹⁰⁴. Эти условия обсуждались на заседании ВРК, на которое явились представители ЦИК А. Р. Гоц и Б. О. Богданов, потребовавшие от имени ЦИК отказаться от захвата власти. На этом же настаивали и левые эсеры, угрожая в противном случае выходом из ВРК. В результате, по свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, на этом заседании была принята резолюция, в которой констатировалось, что ВРК «не является органом захвата власти, а создан исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюции и погромных посягательств»¹⁰⁵.

¹⁰² Новая жизнь. 1917. 25 окт.

¹⁰³ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 1. М., 1966. С. 67.

¹⁰⁴ Октябрьское вооруженное восстание. Кн. 2. М.; Л., 1967. С. 285.

¹⁰⁵ Антонов-Овсеенко В. Октябрьская буря // Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1956. С. 102.

Между тем выступая вечером 23 октября на общем собрании Петроградского Совета, Троцкий под бурные аплодисменты рабочих и солдатских депутатов заявил: «У нас есть полувласть, которой не верит народ и которая сама не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной власти революционного народа»¹⁰⁶. Касаясь роли открывающегося съезда Советов, он пояснил: «Когда съезд скажет, что он организует власть — этим он завершит ту работу, которая проделана по всей стране. . . Если мнимая власть делает азартную попытку оживить собственный труп, народные массы, организованные и вооруженные, дадут ей решительный отпор, и отпор этот будет тем сильнее, чем сильнее будет наступление атаки»¹⁰⁷.

В поисках выхода из ухудшавшегося с каждым часом положения А. Ф. Керенский провел днем 23 октября в Зимнем дворце серию совещаний с участием генерала А. А. Маниковского, назначенного управляющим Военным министерством вместо ушедшего в отставку военного министра А. И. Верховского, и вызванного в Петроград главнокомандующего Северным фронтом В. А. Черемисова. Главным предметом обсуждения был вопрос «об устранении новой попытки Петроградского Совета нарушить дисциплину и внести расстройство в жизнь гарнизона». На состоявшемся затем совещании чинов штаба округа генерал Я. Г. Багратуни информировал о намеченных мерах борьбы с ВРК¹⁰⁸.

Собравшись в ночь на 24 октября на закрытое заседание, Временное правительство решило первым перейти в наступление, надеясь тем самым разрядить критическую для себя ситуацию. Оно отдало распоряжение о привлечении к суду членов ВРК, о закрытии большевистских газет и об аресте всех тех большевиков, которые были освобождены из тюрем под залог. Штаб округа по указанию Временного правительства отдал приказ о немедленной отправке в Петроград стрелкового полка увечных воинов из Царского Села, женского ударного батальона из Левашово, конной артиллерии из Павловска, школ прапорщиков из Гатчины, Петергофа и Ораниенбаума. В Павловское, Владимирское и Константиновское военные училища были направлены телефонограммы, предписывавшие

¹⁰⁶ Рабочий и солдат. 1917. 25 окт.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Новая жизнь. 1917. 24 окт.

«немедленно выступить в полной боевой готовности на Дворцовую площадь для поддержания законности и порядка». Одновременно главнокомандующий округом Г. П. Полковников отдал приказ, категорически запрещающий всем частям и командам покидать свои казармы. «Все выступающие вопреки приказу с оружием на улице, — предупреждал главнокомандующий, — будут преданы суду за вооруженный мятеж». Пытаясь подорвать влияние ВРК в столичном гарнизоне, штаб округа направил в воинские части приказ об отстранении «всех комиссаров Петроградского Совета впредь до утверждения их правительственным комиссаром Петроградского военного округа». В свою очередь, только что назначенный ЦИК комиссаром Петроградского военного округа Малевский обратился ко всем ротным, батальонным, полковым и бригадным комитетам с призывом исполнять только приказы штаба округа¹⁰⁹.

Однако осуществить намеченные для подавления большевистского выступления меры Временному правительству и штабу округа не удалось. Из вызванных в Петроград частей прибыли только небольшие отряды юнкеров из Петергофа, Ораниенбаума и Гатчины, а также женский ударный батальон из Левашово. Расположенная в Павловске конно-артиллерийская батарея отказалась подчиниться приказу штаба округа и заявила о признании ВРК. Командир стрелкового полка увечных воинов в своем рапорте в штаб округа доносил, что его полк не может прибыть в Петроград «в силу технических условий, а равно угрозы со стороны местной царскосельской военной секции». Попытки юнкеров Павловского, Владимирского и Константиновского военных училищ выступить на Дворцовую площадь были пресечены солдатскими командами этих училищ и расположенными по соседству с ними воинскими частями. Охранявшие Зимний дворец с июльских дней солдаты самокатного батальона днем 24 октября снялись с караула, заявив, что «далее нести охрану дворца не будут». Тогда штаб округа по указанию Керенского запросил командование Северного фронта о возможности присылки сводного отряда в составе пехотной бригады, кавалерийского полка и артиллерийской батареи. Командование ответило, что запрошенные войска могут прибыть в Петроград через сутки после соответствующего приказа, санкционированно ЦИК и армейскими комитетами. Одновременно Керенский при-

¹⁰⁹Рабочий путь. 1917. 25 окт.

казал двинуть из г. Острова 1-ю Донскую дивизию 3-го конного корпуса¹¹⁰.

Решив первым нанести удар по большевикам, Временное правительство тем самым предоставило им возможность начать свое восстание как ответную меру против правительственных репрессий. Этим обстоятельством могли быть особенно удовлетворены Каменев и Зиновьев и другие умеренные большевистские руководители: ведь инициатива активных действий исходила теперь не от большевиков, а из правительственного лагеря. ЦК большевистской партии, собравшись утром 24 октября в Смольном на свое заседание, в котором участвовали 11 членов из 21, обсуждал уже контрмеры в связи с вызовом в Петроград юнкеров и нападением на типографию газеты «Рабочий путь», но такие контрмеры неизбежно перерастали в восстание. Как видно из протокола этого заседания, главную роль в выработке необходимых мер играли в отсутствие Ленина (провозгласивший себя позднее руководителем восстания Сталин не присутствовал) Каменев и Троцкий. По предложению Троцкого, члены ЦК делегировались на наиболее важные участки восстания. Каменев, указывая на факт закрытия «Рабочего пути», считал теперь возможным пойти на разрыв с ЦИК и войти «в политический контакт» с левыми эсерами. Отнюдь не будучи уверенным в успехе восстания, Троцкий предлагал организовать «запасный штаб» в Петропавловской крепости, а осторожный Каменев полагал, что в случае разгрома Смольного, надо иметь «опорный пункт» на «Аворе»¹¹¹.

Даже из этого беглого обзора основных событий, связанных с подготовкой вооруженного восстания большевиков в октябре 1917 г., видно, что Временное правительство и в первую очередь его глава А. Ф. Керенский немало сделали для того, чтобы оно состоялось. Сознание своей вины, видимо, преследовало Керенского всю оставшуюся жизнь, и потому он неоднократно возвращался к октябрьским событиям 1917 г. и каждый раз по-разному. Наконец, в своей последней книге «Россия на историческом переломе» Керенский окончательно пришел к выводу о том, что Октябрьское вооруженное восстание было вызвано «германским фактором». Он

¹¹⁰ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. С. 277–278, 593–594.

¹¹¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 119–121.

писал: «Я твердо уверен, что восстание 24–25 октября не случайно совпало по времени с серьезным кризисом в австро-германских отношениях, как не случайно совпало контрнаступление Людендорфа с предпринятой Лениным попыткой восстания в июле. К 15 ноября предполагалось заключить сепаратный мир России с Турцией и Болгарией. Вдруг совершенно неожиданно около 20 октября мы получили секретное послание от министра иностранных дел Австро-Венгрии графа О. Чернина. В письме, которое пришло к нам через Швецию, говорилось, что Австро-Венгрия втайне от Германии готова подписать с нами мир». Чтобы помешать Австро-Венгрии подписать сепаратный мирный договор, заключал Керенский, Германии был нужен переворот в Петрограде¹¹². Бывший министр-председатель Временного правительства «запамятовал», что в своих показаниях следователю Н. А. Соколову в Париже в 1920 г. соединил во времени эти события еще более прочно. «Я констатирую Вам следующий факт, — говорил Керенский, — 24 октября 1917 года, мы, Временное правительство, получили предложение Австрии о сепаратном мире. 25 октября произошел большевистский переворот. Так немцы форсировали ход событий»¹¹³. Не правда ли, все так просто и ясно, но если серьезно, то А. Ф. Керенский ни тогда, ни потом не привел в обоснование своей точки зрения никаких доказательств, хотя в других случаях он обильно цитирует источники. Здесь же он ссылается только на уже упоминавшееся нами в иной связи письмо Ленина членам ЦК от 24 октября, которое содержало призыв: «Нельзя ждать!! Можно потерять все!!». Именно это заклинание и приводит Керенский в качестве доказательства своей точки зрения. Ничего не сообщает по этому вопросу в своих опубликованных мемуарах и министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин, который, как известно, был сторонником заключения сепаратного мира с Россией. Если согласиться с тем, что так оно и было, как пишет в своих мемуарах Керенский, то как тогда объяснить решительное противодействие Временного правительства в эти же дни октября 1917 г. предложению А. И. Верховского приступить к переговорам о мире? Вряд ли только из-за соображений сохранения дипломатической тайны столь рьяно выступал против предложения своего коллеги министр

¹¹² Керенский А. Ф. Россия на историческом переломе. М., 1993. С. 239.

¹¹³ См.: Волкогонов Д. А. Ленин. Кн. 1. М., 1999. С. 207.

иностранных дел М. И. Терещенко. И, наконец, спрашивается, зачем было провоцировать в этом случае правительственный кризис? Только для того, чтобы дать повод большевикам перейти в наступление? К тому же Керенский знал о готовящемся восстании большевиков еще до того, как получил гипотетическое предложение подписать сепаратный мир с Австро-Венгрией.

Если Керенский знал о существовании «сговора» Германии с Лениным, то почему он не использовал эти убийственные для большевиков факты в дни начавшегося вооруженного восстания? Вместо этого, выступая днем 24 октября 1917 г. в Предпарламенте, министр-председатель Временного правительства ударился в заочный спор с Лениным, обвиняя его в том, что «организаторы восстания не содействуют пролетариату Германии, а содействуют правящим классам Германии, открывают фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей... Для Временного правительства безразличны мотивы, безразлично, сознательно или бессознательно это, но во всяком случае в сознании своей ответственности я с этой кафедры квалифицирую такие действия русской политической партии как предательство и измену Российскому государству»¹¹⁴. Обнародуй Керенский эти факты «предательства и измены», и кто знает, как стали бы развиваться события в те критические часы не только для исхода восстания, но и для судьбы страны. Остается только предполагать, что такого «убойного» материала, как в июльские дни, у него не было.

Наконец, зачем понадобилось Керенскому смещать во времени события Октябрьского вооруженного восстания, утверждая в своих мемуарах, что захват важнейших стратегических объектов начался еще в ночь с 23 на 24 октября? Вероятно, для того, чтобы представить все действия Временного правительства как ответные и вынужденные и хотя бы таким образом реабилитировать себя за упущенные шансы не допустить восстания. Не случайно Керенский, выступая днем 24 октября в Предпарламенте, указал на попытку большевиков «поднять чернь против существующего порядка» и стремился представить свои действия по закрытию большевистских газет и судебному преследованию членов ВРК в качестве предупредительной меры. Но прозвучавшая в конце его выступления угроза «немедленной, решительной и окончательной ликвида-

¹¹⁴Рабочий путь. 1917. 25 окт.

ции» тем группам и партиям, которые «осмелились поднять руку на свободную волю русского народа», могла только усилить противоположную сторону, толкнуть ее на более решительные действия.

И действительно, Военно-революционный комитет в своем обращении к рабочим и солдатам, широко распространявшемся 24 октября по городу в виде листовки, имел реальные основания заявить, что против Петроградского Совета замышляется предательский удар, что «всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность». Предупреждая, что «весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар», ВРК призывал все революционные силы к выдержке, твердости и решительности. Трудно представить, но это факт, что нормальный ритм жизни города 24 октября не был нарушен, несмотря на охватившее население тревожное настроение и происходившее между обеими сторонами противоборство, хотя еще и без единого выстрела. Заводы, фабрики, учреждения, магазины и транспорт работали как обычно. На окраинах были попытки остановить трамваи, но после разъяснений, что Петроградский Совет обратился к населению с просьбой «не нарушать правильной жизни столицы», трамвайное движение было восстановлено. Правда, затем часть трамваев была снята с маршрутов из-за опасения разводки мостов. К вечеру центральные улицы стали многолюдными, и, несмотря на присутствие на них рабочих и солдат, никаких столкновений не произошло. Поступавшие в Петроградскую городскую милицию рапорты из районов столицы были, как обычно, лаконичны: «происшествий не произошло», «никаких происшествий не было».¹¹⁵ Комиссар милиции Александро-Невского подрайона сообщал: «Согласно телефонограмме Управления милиции и тревожному настроению в связи с выступлением большевиков были мобилизованы все наличные силы комиссариата и милиционеров заводско-фабричных и домовых комитетов. Всю ночь ходили патрули и производили обходы и обыски. Ночь прошла спокойно — никаких эксцессов не было»¹¹⁶.

И все же часть рабочих Петрограда 24 октября не работала, находясь на своих предприятиях в состоянии полной боевой готовно-

¹¹⁵Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 131. Оп. 1. Д. 41. Л. 27; Д. 53. Л. 25.

¹¹⁶Там же. Д. 23. Л. 24.

сти. Это были прежде всего вооруженные рабочие формирования — отряды Красной гвардии, принявшие в этот день участие в целом ряде боевых операций. Как видно из многочисленных документов и воспоминаний, в этот день на предприятиях города активно шла запись рабочих в Красную гвардию. Призывали вступать в ее ряды «более энергичных и не останавливающихся ни перед какой крайностью, более надежных, если даже и потребуется пустить в ход оружие». И то, что на этот призыв на многих заводах откликнулись сотни рабочих, свидетельствовало о повышенном боевом настроении питерского пролетариата. Особенно большое пополнение Красной гвардии произошло 24 октября на Выборгской стороне, где ее численность достигла 10 тыс. человек. По оценочным расчетам исследователей, численность петроградской Красной гвардии за 24–25 октября могла увеличиться примерно вдвое, и под ружьем в эти дни на фабриках и заводах находилось 40–45 тыс. человек¹¹⁷.

Вечером 24 октября Предпарламент большинством 123 против 102 при 26 воздержавшихся принял так называемую «формулу перехода», резолюцию, предложенную левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами и поддержанную меньшевиками и правыми эсерами. Своим первым пунктом резолюция осуждала готовящееся восстание большевиков. «Подготавливающееся за последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, — говорилось в ней, — грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного собрания, новые военные катастрофы и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны». Второй пункт этого документа определял меру ответственности Временного правительства и предлагал возможный выход из создавшейся обстановки. «Почва для успеха указанной агитации, — отмечалось в нем, — создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением в проведении неотложных мер, и потому необходимы прежде всего немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам про-

¹¹⁷Питерские рабочие и Великий Октябрь / Отв. ред. О. Н. Знаменский. Л., 1987. С. 455.

возгласить условия мира и начать мирные переговоры». Наконец, третий пункт содержал меры, направленные на ликвидацию начавшегося выступления большевиков и на создание с этой целью Комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления, органов революционной демократии, действующих в контакте с Временным правительством¹¹⁸.

Поздно вечером 24 октября представители Предпарламента (официально — Временного Совета Российской республики) в лице его председателя правого эсера Н. Д. Авксентьева, руководителя меньшевистской фракции Ф. И. Дана и эсеровской — А. Р. Гоца прибыли в Зимний дворец, чтобы информировать Временное правительство о принятом решении, содержавшем, быть может, самый последний шанс изменить развитие событий в Петрограде, а потом и в стране в целом. Вот что писал об этом впоследствии сам Керенский: «Твердо убежденный, что Совет поддержит мои требования, я возвратился в штаб Петроградского военного округа, чтобы заняться принятием мер по ликвидации восстания в самом зародыше. Я был уверен, что через несколько часов получу положительный ответ. Однако день кончился, а ответа все не было. Лишь к полуночи ко мне явилась делегация от социалистических групп Совета и вручила мне резолюцию, принятую после бесконечных и бурных дебатов левым большинством Совета в разного рода комитетах и подкомитетах. Резолюция эта, уже никому тогда не нужная, не представляла никакой ценности ни для правительства, ни для кого-либо еще. Она была бесконечно длинная, запутанная, обыкновенным смертным мало понятная. Внимательнее прочитав, я понял, что в ней содержится выражение условного доверия правительству, обставленное многочисленными оговорками и критическими замечаниями. Возмущенный, я в довольно резкой форме сказал Дану (который возглавлял делегацию), что резолюция совершенно неприемлема. Дан отнесся спокойно. Никогда не забуду, что он сказал. На его взгляд и, видимо, на взгляд других членов делегации, я преувеличиваю размах событий под влиянием сообщений моего “реакционного штаба”. Затем он сообщил, что оскорбляющая “самолюбие правительства” резолюция, принятая большинством Совета Республики, чрезвычайно полезна и существенна для “перелома настроения в массах”; что эффект ее “уже сказывается”

¹¹⁸ Известия ЦИК. 1917. 25 окт.

и что теперь влияние большевистской пропаганды будет “быстро падать”. Кроме того, по его словам, большевики в переговорах с лидерами советского большинства сами изъявили готовность “подчиниться воле большинства Советов”, что они готовы “завтра же” принять все меры, чтобы потушить восстание, “вспыхнувшее помимо их желаний, без их санкции”. Со скрытой угрозой он заявил, что все принятые правительством меры к подавлению восстания только “раздражают массы” и что вообще я своим вмешательством лишь “мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания”. Во всем этом чувствовалась рука Каменева: не говоря ни слова, я вышел в соседнюю комнату, где проходило заседание правительства, и зачитал текст резолюции. Затем я изложил суть нашего разговора с Даном. Нетрудно представить себе реакцию моих коллег. Я вернулся в комнату, где сидели члены делегации, и возвратил Дану документ, соответственно прокомментировав эту бессмысленную и преступную резолюцию»¹¹⁹.

Обескураженные таким приемом в Зимнем дворце, Дан и Гоц к 12 часам ночи появились в Смольном, где, к своему удивлению, заметили Ленина, покинувшего свою конспиративную квартиру на Выборгской стороне, чтобы руководить восстанием. Именно после его прихода в Смольный последовало решительное развитие событий, в том числе занятие Балтийского, Варшавского, Николаевского и Царскосельского вокзалов, Центрального телеграфа, Главного почтамта и Петроградского телеграфного агентства и т. д. В это время ЦИК Советов предпринял отчаянную попытку удержать столичный гарнизон от активного участия в вооруженном восстании: от его имени во все воинские части по телефону было передано содержание принятой Предпарламентом резолюции, предлагавшей Временному правительству издать декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и обратиться к союзникам с предложением начать мирные переговоры. Однако в телефонограмме ничего не говорилось о том, что эти требования были уже отвергнуты Керенским. На состоявшемся в ночь на 25 октября в Зимнем дворце совещании у Керенского с участием главнокомандующего округом Полковникова и начальника штаба Баградуни комиссар ЦИК Малевский признал, что все попытки отговорить солдат от выступ-

¹¹⁹ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 243.

ления, в том числе и посещение воинских частей представителями ЦИК, не дали никаких результатов¹²⁰.

Оставалась еще слабая надежда на казаков, и в казармы Донских полков направляется срочная телефонограмма, подписанная начальником штаба округа Багратуни и комиссаром ЦИК Малевским: «Главковерх приказал 1-му, 4-му, 14-му Донским казачьим полкам, во имя свободы, чести и славы родной земли, выступить на помощь ЦИК Советов, революционной демократии, Временного правительства, для спасения гибнущей России». Однако казаки ответили, что они исполнят приказ, если выступит и пехота. Керенский обещал дать и пехоту, но она, по свидетельству самого «главковерха», «упорно не появлялась». В свою очередь, казаки «упорно отсиживались в своих казармах» и на все телефонные звонки отвечали, что они скоро «все выяснят» и «начнут седлать лошадей». В конце концов казаки заявили, что не хотят быть живыми мишенями. Утром 25 октября генерал Багратуни в разговоре по прямому проводу с главнокомандующим Северным фронтом Черемисовым был вынужден признать, что казаки отказались выполнить приказ Керенского о выступлении для поддержки Временного правительства¹²¹.

Утратив полностью контроль над столичным гарнизоном, главнокомандующий Петроградским военным округом Г. П. Полковников направил в 10 часов 15 минут 25 октября в Ставку следующую телеграмму: «Доншу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознавая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного правительства»¹²².

Временное правительство доживало свои последние часы, и Керенский со своим обостренным чувством опасности понял это раньше и лучше других. Когда вызванный к 10 часам утра в Главный

¹²⁰Новая жизнь. 1917. 26 окт.

¹²¹Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. С. 403.

¹²²Там же. С. 402.

штаб министр юстиции П. Н. Малянтович туда приехал, он застал председателя правительства уже на выходе. «Керенский был в широком сером драповом пальто английского покроя и в серой шапке, которую он всегда носил — что-то среднее между фуражкой и спортивной шалочкой, — писал Малянтович. — Лицо человека, не спавшего много ночей, бледное, страшно измученное и постаревшее. Смотрел прямо перед собой, ни на кого не глядя, с прищуренными веками, помутневшими глазами, затаившими страдание и сдержанную тревогу... Кто-то доложил, что автомобили поданы. Оказывается, один из двух автомобилей был предоставлен Керенскому, по его просьбе, одним из союзнических посольств, по-видимому, автомобильная база уже не была в распоряжении правительства. Керенский наскоро пожал всем руки. Итак, Александр Иванович, остаюсь заместителем министра-председателя, сказал он обращаясь к Коновалову, и быстрыми шагами вышел из комнаты... С этого момента мы больше не видели Керенского...»¹²³.

Днем 25 октября революционные силы приступили к разработанной полевым штабом восстания операции по окружению и захвату Зимнего дворца. В соответствии с этим планом Павловский полк вместе с красногвардейцами и при поддержке двух броневиков и двух автомобилей с зенитными орудиями занял участок от Миллионной улицы по Мошкову переулку и по Большой Конюшенной до Невского проспекта, где затем выставили свои заставы. Район от Сенатской площади до Адмиралтейства контролировал Кексгольмский полк, солдаты которого овладели к этому времени Военным министерством, находившимся на Мойке. К 6 часам вечера окружение Зимнего дворца было завершено. На всех направлениях к Дворцовой площади были выставлены усиленные заставы и патрули.

Ряды защитников Временного правительства стали сразу же убывать. Первыми ушли из Зимнего дворца с двумя орудиями юнкера Михайловского артиллерийского училища, которые затем были разоружены солдатами Павловского полка на углу Невского и Морской. В 6 часов 30 минут генерал Я. Г. Багратуни сообщил по прямому проводу главнокомандующему Северным фронтом В. А. Черемисову, что «войсками, верными правительству, за-

¹²³ *Малянтович П. Н.* В Зимнем дворце 25-го октября 1917 года // Былое. 1918. № 12. С. 115–116.

нимается площадь Зимнего дворца, которая окружена постами частей гарнизона, которые повинуются Петроградскому Совету»¹²⁴. Около 8 часов вечера солдаты-павловцы и красногвардейцы беспрепятственно заняли находившийся на Дворцовой площади, рядом с Зимним дворцом, штаб Петроградского военного округа, а еще через несколько часов революционные силы начали решающее наступление на Зимний дворец, который к этому времени покинули юнкера 1-й Ораниенбаумской школы прапорщиков и школы прапорщиков Северного фронта, казаки 14-го Донского полка и ударницы женского батальона. Последние минуты жизни Временного правительства, ожидавшего решения своей участи в Малахитовом зале, зафиксировал в своем дневнике министр юстиции П. Н. Малянтович: «Я оглядел всех, все лица помню. Все лица были утомлены и странно спокойны... Шум у нашей двери. Она распахнулась — и в комнату влетел как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату. Человечек был в распахнутом пальто, в широкой фетровой шляпе, сдвинутой на затылок, на рыжеватых длинных волосах. В очках. С короткими подстриженными рыжими усиками и небольшой бородкой. Короткая верхняя губа подымалась к носу, когда он говорил. Бесцветные глаза, утомленное лицо... Почему-то его манишка и воротник особенно привлекли мое внимание и запомнились. Крахмальный, двойной, очень высокий воротник подпирал ему подбородок. Мягкая грудь рубашки вместе с длинным галстуком лезла кверху из жилета к воротнику. И воротник, и рубашка, и манжеты, и руки были у человека очень грязны. Человечек влетел и закричал резким назойливым голосом. Мы сидели за столом. Стража уже окружила нас кольцом.

— Временное правительство здесь, — сказал Коновалов, продолжая сидеть. — Что вам угодно?

— Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы. Я представитель Военно-революционного комитета Антонов.

— Члены Временного правительства подчиняются насилью и сдаются, чтобы избежать кровопролития, — сказал Коновалов.

¹²⁴Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. С. 407–408.

— Чтобы избежать кровопролития! А сами сколько крови пролили! — раздался голос из толпы за кольцом стражи. И следом сочувствующие возгласы с разных сторон.

— А сколько нашего народа побито из ружей да пулеметов!..

Это была явная выдумка.

— Это неправда! — энергично крикнул Кишкин. — Неправда! Мы никого не расстреливали. Наша охрана только отстреливалась, когда на нее производили нападения и стреляли...»¹²⁵.

Наконец все министры переписаны и препровождены в Петропавловскую крепость и разведены по камерам Трубецкого бастиона. В Смольный направляется телефонограмма: «2 часа 4 мин. был взят Зимний дворец. 6 человек убито, павловцев»¹²⁶.

И это вся правда о «большевистском перевороте»? — может спросить читатель, знакомый с современной исторической публицистикой и «новаторской» литературой последнего времени. Почему нет даже упоминания о тех миллионах, которые были получены большевиками от Германии накануне восстания? Куда делся транспорт с немецкими пушками и винтовками, которыми были вооружены матросы Балтийского флота в дни захвата власти в Петрограде? Где немецкие офицеры, руководившие восстанием? Куда исчезло организованное 25 октября 1917 г. прямо в Смольном «Разведывательное отделение Генерального штаба Германии»? И т. д. Все эти вопросы восходят к исторической мифологии, основанной на так называемых «Документах Сиссона», которые, несмотря на убедительные доказательства их подложности, по-прежнему служат источником вдохновения для тех, кто убежден в том, что большевики были продажными марионетками в руках Германии. Впрочем, лавры талантливой мистификатора Ф. Осендовского, подлинного автора «Документов Сиссона», вдохновляют «историков-новаторов» на создание новых источников в пользу существования германо-большевистского заговора в октябре 1917 г. Так, А. Арутюнов обогатил документальную базу так называемыми «рассказами» М. В. Фофановой, о чем уже говорилось в первой главе. Здесь же только отметим, что «рассказ» Фофановой о встрече Ленина с двумя немецкими офицера-

¹²⁵ *Малянтович П. Н.* Указ. соч. С. 126.

¹²⁶ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. С. 398.

ми на его квартире 15 октября 1917 г. не выдерживает критики. Во-первых, русские фамилии немецких разведчиков — Рубаков и Егоров, — которые якобы сообщил Ленин Фофановой, на самом деле были придуманы автором «Документов Сиссона»: он «ввез» их вместе с Лениным в «запломбированном вагоне» для того, чтобы помочь большевикам организовать заговор против Временного правительства, и Арутюнову осталось только «заставить» Фофанову вспомнить эти фамилии и пояснить от себя, что эти «два товарища» в действительности «являлись майорами разведовatelyного отдела германского Генштаба»¹²⁷. Во-вторых, Ленин, будучи в высшей степени осторожным и осмотрительным конспиратором, не мог посвящать в секреты человека, исполнявшего всего лишь его технические поручения (купить газеты, передать газеты и т. п.). Наконец, сама Фофанова в своих воспоминаниях, опубликованных в 1971 г., когда (по совпадению?) с ней познакомился Арутюнов, жаловалась на «провалы в памяти» и одновременно свидетельствовала: «В течение пребывания Владимира Ильича в конспиративной квартире никто не бывал здесь, кроме Надежды Константиновны, Марии Ильиничны и Э. Рахья. Никаких совещаний или встреч Ленина с руководящими деятелями партии здесь не происходило. Для этого он уходил в другие, заранее подготовленные места»¹²⁸.

Итак, опубликованные Арутюновым новые сведения о «германских сообщниках» Ленина по захвату власти в октябре 1917 г. носят сомнительный характер, зато органически дополняют «Документы Сиссона», в подлинность которых свято верит Арутюнов. К сожалению, и другие вслед за Арутюновым могут поверить в подлинность «документа», якобы переданного 25 октября из германского Генерального штаба «Правительству Народных Комиссаров». Последнее уведомлялось, что в Петроград направляются офицеры для организации «Разведочного отделения» германского Генштаба. «Разведочное отделение, — говорилось далее в этом документе, — согласно договору с гг. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контрреволюционным движением. А также будет выполнять разведовatelyную работу на внутренних фронтах, для

¹²⁷ Арутюнов А. Указ. соч. С. 200.

¹²⁸ В огне революционных боев. Ч. II. М., 1971. С. 24.

чего в различные города будут командированы агенты»¹²⁹. Вот из какого источника появились германские офицеры в Смольном, став там полными хозяевами положения! Оставляя в стороне вопрос о том, почему германский Генеральный штаб пользуется в своем делопроизводстве старым стилем, нельзя не обратить внимания на другой, более существенный «прокол»: 25 октября 1917 г. «Правительства Народных Комиссаров» еще не существовало, а Ленин с Троцким, находясь в Смольном в ожидании взятия Зимнего дворца и ареста Временного правительства вечером 25 октября, еще обсуждали, как назвать новую власть. А в Берлине, оказывается, уже знали, а может быть и даже подсказали, как отличить от Временного правительства будущее Временное рабоче-крестьянское правительство, созданное в ночь на 26 октября на Втором Всероссийском съезде Советов.

Таким образом, подлинных фактов о существовании «германо-большевистского заговора» в октябре 1917 г. пока не обнаружено. Показательно, что даже Д. А. Волкогонову, имевшему в отличие от других историков свободный доступ во все секретные и особые архивы, выявить реальный «германский след» в организации «большевистского заговора» не удалось. «Большевики, точно оценив реалии момента, были готовы взять власть любым способом: мирным, заговорщическим или массовым выступлением. Вся ситуация работала на них. Заговор оказался не нужным, — писал он. — Может быть, именно более высокая, чем у какой-либо партии в России, степень организованности и единства сыграла решающую роль в октябрьском перевороте. Небольшая кучка подпольщиков в феврале 1917 года смогла трансформироваться в мощную политическую силу во главе с одержимым идеей социалистической революции вождем»¹³⁰. Не подтверждается пока документально также и давняя версия о том, что на организацию вооруженного восстания большевики получили сотни миллионов немецких марок, на которые, в частности, было закуплено оружие в Германии. В действительности принимавшие участие в штурме Зимнего дворца солдаты, матросы, красногвардейцы были вооружены все-таки не немецкими, а мосинскими с Сестрорецкого оружейного завода винтовками. В связи с этим хотелось бы порекомендовать заинтересованному чи-

¹²⁹Германо-большевистская конспирация // Тайна Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 251.

¹³⁰Волкогонов Д. А. Ленин. Кн. 1. М., 1999. С. 294.

тателю познакомиться с замечательной книгой «Штурм Зимнего», опубликованной 20 лет назад знатоком этих событий профессором В. И. Старцевым. Можно только пожалеть, что сегодня историческая правда о Русской революции не только не восстанавливается, но и искажается сенсациями и разоблачениями, о которых шла речь выше.

Глава девятая

«СЕПАРАТНЫЙ АННЕКСИОНИСТСКИЙ МИР»

«Сегодня новости из Петрограда самые мрачные, — писала 8 ноября 1917 г. «Washington Evening Star». — Большевики во главе с Лениным захватили власть в столице, свергли Керенского, арестовали некоторых министров и с помощью гарнизона осуществили государственный переворот, который полностью устранил Временное правительство. Это новая революция. Самый серьезный аспект положения состоит в том, что новая власть в России провозглашает немедленный мир, что указывает на торжество германских интриг в Петрограде». В это же время лондонская «Morning Post» опубликовала статью «Революция сделана в Германии», в которой спешила сообщить своим читателям, что узурпировавшие власть большевистские вожди — «русские евреи немецкого происхождения и на содержании у Германии». Самой шокирующей новостью из Петрограда стал принятый на Втором съезде Советов «Декрет о мире», который предлагал всем воюющим народам и их правительствам начать безотлагательные переговоры о заключении справедливого демократического мира. Вместе с тем «Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24–25 октября и опирающееся на Советы», заявляло, что оно «соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира»¹. 8 ноября 1917 г. нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий направил француз-

¹Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 15.

скому послу в Петрограде послание, в котором говорилось: «Обращая ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов текст предложения и перемирия и демократического мира, без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, — честь имею просить Вас смотреть на указанный документ, как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров, — предложение, с которым полномочное правительство Российской Республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам»². Аналогичные обращения были направлены и другим дипломатическим представителям союзных держав в Петрограде³. Констатируя полный разрыв с прежним курсом внешней политики России, Троцкий, выступая 8 ноября 1917 г. на заседании ЦИК Советов, обещал опубликовать в ближайшее время «тайные договоры», заключенные Временным правительством с союзными державами. «Они еще более циничны в своем содержании, чем мы предполагали, — говорил он, — но мы не сомневаемся, что в тот момент, когда германская социал-демократия получит доступ к железным шкафам, за которыми хранятся тайные договоры, она покажет нам, что и германский империализм в своем цинизме и хищничестве ни в чем не уступает хищничеству союзных стран»⁴.

Ленинский Декрет о мире стал мощным орудием пропаганды большевиков, его печатали огромными тиражами в типографиях Петрограда на многих иностранных языках и в особенности на немецком⁵. Особенно сильное воздействие этого долгожданного акта испытали солдатские массы. Командир пехотного корпуса Северного фронта генерал А. Будберг записал в своем дневнике 28 октября (10 ноября) 1917 г.: «Новое правительство товарища Ленина разразилось декретом о немедленном мире, в другой обстановке над этим можно было бы только смеяться, но сейчас это гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону; я видел это по настроению в нескольких полках, которые сегодня объехал; телеграмма Ленина о немедленном перемирии на 3 месяца, а затем

²Октябрьский переворот. Факты и документы / Сост. А. Попов. Пг., 1918. С. 232.

³Там же. С. 233.

⁴Там же. С. 237.

⁵Там же.

мире, произвела всюду колоссальное впечатление и вызвала бурную радость. Теперь у нас выбиты последние шансы на спасение фронта. Если бы Керенский лучше знал русский народ, то он обязан был пойти на что угодно, но только во время вырвать из рук большевиков этот решительный козырь в смертельной борьбе за Россию...»⁶.

Если Декрет о мире придал процессу разрушения старой армии необратимый характер, то форсировала его радиограмма Совета народных комиссаров, подписанная 9 ноября 1917 г. его председателем В. Ульяновым (Лениным) и народным комиссаром по военным делам и верховным главнокомандующим Н. Крыленко. Многократно повторенный и перепечатанный в газетах этот документ предоставил измученным войной солдатам возможность «воткнуть штык в землю» теперь уже на законном основании:

ВСЕМ

Всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам. Всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота.

7-го ноября ночью Совет Народных Комиссаров послал радиотелеграмму Главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. Эта радиотелеграмма была получена Ставкой 8 ноября в 5 час. 5 мин. утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать Совету Народных Комиссаров ход переговоров и подписать акт перемирия только после утверждения его Советом Народных Комиссаров. Одновременно такое предложение заключить перемирие было формально передано всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде. Не получив от Духонина ответа до вечера 8 ноября, Совет Народных Комиссаров уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах промедления. Переговоры велись от 2 до 4.30 часов утра 9 ноября. Духонин делал многочисленные попытки уклониться от объяснения своего поведения и акта дачи точного ответа на предписания правительства. Но когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем правительства Российской Республики и по поручению Совета Народных Комиссаров Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные

⁶ Дневник барона Алексея Будберга. 1917 год // Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923. С. 235.

бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Вместе с тем Духонину было предписано продолжать вести дело, пока не придет новый Главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие дел от Духонина. Новым Главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. Солдаты, дело мира в ваших руках, вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок. Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами; подписать окончательный договор о перемирии может только Совет Народных Комиссаров. Солдаты, дело мира в ваших руках; бдительность, выдержка, энергия, дело мира победит⁷.

С этого времени братание на фронте приобрело массовый характер: к 16(29) ноября 20 русских дивизий заключили в письменной форме перемирие с немецкими войсками, а из 125 русских дивизий, находившихся на фронте, большая часть, по данным германского командования, придерживались соглашения о прекращении огня⁸. Против ленинской линии на достижение мира во что бы то ни стало выступили так называемые левые коммунисты, призывавшие к революционной войне и желавшие, в свою очередь, любой ценой помочь свергнуть кайзера в Германии и развязать там революцию. Один из руководителей штурма Зимнего дворца и его первый комендант Г. И. Чудновский открыто обвинял вождя большевистской партии в подрыве боеспособности русской армии. «То, что сделано сейчас тов. Лениным, — говорил он, — уничтожает возможность для наших солдат идти в бой, в том случае, если германское правительство не пойдет на мирные переговоры и нам придется продолжать войну, неся германскому пролетариату освобождение на концах своих штыков»⁹.

Однако суровая правда состояла в том, что к этому времени русской армии как таковой уже не существовало, а ее солдаты, не одолев врага внешнего, скорее были готовы обратить свои шты-

⁷ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 63–65.

⁸ *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. Лондон, 1991. С. 41–42.

⁹ Известия ЦИК. 1917. 23 нояб.

ки против врага внутреннего, т. е. против помещиков, кулаков и прочих эксплуататоров. Потеря России как союзника в борьбе против Германии стала очевидна и для некоторых дипломатических представителей стран Антанты в Петрограде. «Я всегда стремился удержать Россию в войне, но нельзя заставить истощенную нацию сражаться вопреки ее собственной воле, — телеграфировал 27 ноября 1917 г. английский посол Дж. Бьюкенен в Лондон. — Если еще что-нибудь может побудить Россию предпринять еще одно усилие, так это сознание, что она совершенно свободна поступать так, как считает нужным, без всякого давления со стороны союзников. Есть свидетельства того, что Германия старается вбить клин между нами и Россией, чтобы проложить дорогу германскому протекторату, который она надеется в окончательном итоге установить над территорией последней. Если мы будем настаивать на своем и требовать, чтобы Россия исполнила свои обязательства, вытекающие из соглашения 1914 г., это сыграет на руку Германии...»¹⁰.

1. Рихард фон Кюльман:

**«... было бы неблагоприятно с нашей стороны
делать предложения о мире»**

С получением первых же известий о победе большевиков в Петрограде правительственные и дипломатические круги Германии незамедлительно высказали готовность оказать финансовую помощь новой власти в России. И эта реакция была естественной и предсказуемой: ведь чтобы заключить сепаратный мир с большевистским правительством, ему необходимо было помочь удержаться у власти. 8 ноября 1917 г. возглавлявший русскую секцию в германском посольстве в Стокгольме Курт Рицлер направил в Берлин телеграмму: «Вышлите, пожалуйста, 2 млн из военного займа на условленные расходы».¹¹ Телеграмма была адресована советнику политического отдела МИД Германии Диего фон Бергену, ведавшему организацией подрывной деятельности в России. 9 ноября 1917 г. статс-секретарь иностранных дел Рихард фон Кюльман за-

¹⁰ Бьюкенен Джордж. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918 / Пер. с англ. М., 2006. С. 366.

¹¹ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 336.

просил у Министерства финансов 15 млн марок «на политическую пропаганду в России». Буквально на следующий день было получено согласие министра финансов полностью удовлетворить этот запрос, и заместитель статс-секретаря Бусше тотчас же телеграфировал германскому посланнику в Стокгольме Люциусу: «Половина требуемой суммы будет взята в воскресенье фельдъегерем. Остаток — во вторник. Если нужно, имеются дополнительные суммы. Если необходимо выслать еще военные займы, сообщите, пожалуйста, в мелких или крупных купюрах»¹².

Опубликованные документы МИД Германии, в том числе и самые секретные, свидетельствуя о финансовой поддержке большевистского правительства, вместе с тем не содержат никаких сведений относительно вовлеченности немецкой стороны в события 24–25 октября 1917 г. в Петрограде. 9 ноября 1917 г. представитель МИД Германии при Ставке Верховного Главнокомандования Курт Лерснер информировал свое ведомство о телеграмме генерала Людендорфа, направленной из Ставки командованию Восточного фронта. В ней сообщалось: «Согласно перехваченным радиogramмам, в Петрограде разразилась революция, в ходе которой, как полагают, победил Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет, по-видимому, старается не допустить уход войск с фронта в Петроград. Тем не менее победа Совета рабочих и солдатских депутатов желательна с нашей точки зрения. Поэтому прошу использовать перехваченные радиосообщения в целях пропаганды этой победы»¹³. Как видно из этой телеграммы, фактический главнокомандующий всеми вооруженными силами Германии узнал о «победе Совета» в Петрограде из перехваченных радиogramм, а не от своих агентов, и не пытается к этой победе «примазаться». Показательно, что сторонники версии «германо-большевистского заговора» в октябре 1917 г. старательно обходят молчанием этот важный документ.

Судя по опубликованным документам, в первые дни после победы большевиков не было прямых контактов с ними и у берлинских дипломатов, которые руководствовались советами и сообщениями из Стокгольма. Статс-секретарь иностранных дел Рихард фон Кюльман в телеграмме представителю МИД при ставке 9 но-

¹² Там же. С. 338.

¹³ Там же.

ября 1917 г., ссылаясь на сообщения из Стокгольма, информировал о заявлении большевиков, согласно которому «новое правительство сможет остаться у власти, если оно добьется прекращения огня в ближайшем будущем», и высказывал мнение, что «было бы неблагоприятно с нашей стороны делать предложения о мире»¹⁴.

Более конструктивную позицию по вопросу о заключении сепаратного мира с большевиками с самого начала заняла Австро-Венгрия, министр иностранных дел которой О. Чернин писал канцлеру Германии Г. Гертлингу 10 ноября 1917 г.: «Сумеет ли Ленин и его коллеги удержаться у власти более или менее продолжительное время — это, вероятно, вопрос, на который никто не может ответить. Именно поэтому необходимо ловить момент и предложить любую необходимую помощь, чтобы вопрос о мире стал свершившимся фактом. Если бы ленинистам удалось осуществить только обещанное перемирие, даже тогда, как мне кажется, мы одержали бы почти полную победу на русском участке, так как если наступит перемирие, русская армия, в ее теперешнем состоянии, хлынет вглубь страны, чтобы быть на месте при разделе земли. При существующих условиях перемирие вызвало бы исчезновение армии, которая не могла бы вернуться на фронт в ближайшем будущем»¹⁵. В связи с этим Чернин призывал германского канцлера «сделать как можно скорее соответствующие заявления и тем самым позволить большевикам без боязни вступить с нами в переговоры»¹⁶. Однако немецкая сторона предпочитала не форсировать события и не имея проверенной и точной информации, полагала, что борьба за власть между Лениным и Керенским еще не закончена, что большевистский режим ни в коем случае нельзя считать стабильным и что, приняв немедленно большевистское заявление с предложением начать переговоры о перемирии, есть риск «показаться слабым». Германское посольство в Стокгольме, ссылаясь на расчеты держав Антанты, сообщало в Берлин, что «большевистское правительство продержится не больше двух-трех недель»¹⁷. В этой связи статс-секретарь Кюльман предлагал подождать дальнейшего развития событий в Петрограде и мотивировал свое предложение:

¹⁴ Там же. С. 337.

¹⁵ Там же. С. 339.

¹⁶ Там же. С. 340.

¹⁷ Там же. С. 345.

«Если большевикам удастся удержаться у власти, мы в любой момент успеем принять предложение русских о мире или о перемирии и использовать возможности, перечисленные графом Черниным, лучше, чем в настоящее время. Поспешность и нервозность только испортят дело, и кроме того, нас осудит немецкая общественность»¹⁸.

Конечно же, не надо было быть большим стратегом, чтобы понимать, что инициатива в данном случае должна принадлежать противоположной стороне. 12 (25) ноября 1917 г. «Верховный главнокомандующий армиями Российской Республики» Н. Крыленко прибыл в Двинск, в распоряжение 5-й армии Северного фронта, армейский комитет которого взял на себя организацию перемирия на своем фронте. Командующий 5-й армией генерал Н. Г. Болдырев был отстранен от должности и арестован после отказа подчиниться начать переговоры на своем участке о перемирии. По примеру 5-й армии решили начать переговоры и армейские комитеты 2-й и 3-й армий Северного фронта. Утром 13(26) ноября Н. Крыленко «по уполномочию Совета Народных Комиссаров» направил членов армейского комитета 5-й армии в качестве парламентаров, которые имели своей задачей «обратиться к высшему начальнику германскими армиями на участке, где будут приняты эти парламентары, с просьбой запросить высшее командование германской армии, согласно ли оно прислать своих уполномоченных для немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран, в целях начатия затем мирных переговоров»¹⁹. После того, как вечером того же дня парламентары без всяких препятствий перешли немецкие окопы на участке Московского пехотного полка и им был обещан ответ в течение 24 часов, Крыленко направил в Совет Народных Комиссаров следующую телеграмму: «Мои парламентары перешли немецкие окопы с предложением начать переговоры о перемирии на всех фронтах. Долгожданный мир близится, но сразу ничего сделать нельзя. До заключения мира фронт должен быть непоколебим: нужно помнить о нашей армии, четвертый год несущей величайшие жертвы, необходимо последнее напряжение всех сил страны. Фронт голодает, фронт разут, нет фуража, лошади падают, не на чем подвозить. Советы раб. солд. и кр. депу-

¹⁸ Там же. С. 346.

¹⁹ Октябрьский переворот. Факты и документы. С. 246–247.

татов должны принять на себя заботы о фронте. Накормите голодных, оденьте раздетых, обуейте разутых в окопах: им хуже, чем нам. Еще немного, и мы добьемся всеобщего мира. Пока все внимание, вся забота — об армии в окопах. Нельзя ждать помощи от других — нужно самим взяться за дело»²⁰. Нужно отдать должное прапорщику Крыленко, сумевшему теперь в роли Народного комиссара по военным и морским делам и Верховного главнокомандующего так лаконично и точно выразить все бедственное положение русской армии.

Днем 14 (27) ноября 1917 г. парламентарии возвратились в Двинск, привезя с собой официальный ответ Верховного командования вооруженных сил Германии о согласии немедленно начать переговоры о перемирии. В этом ответе говорилось:

1. Главнокомандующий немецким восточным фронтом готов вступить в переговоры с русским верховным главнокомандующим.

2. Главнокомандующий немецким восточным фронтом уполномочен немецким верховным главнокомандующим вести переговоры о заключении перемирия.

3. В случае готовности русского верховного главнокомандующего вести переговоры с главнокомандующим немецким восточным фронтом его просят отправить уполномоченных, снабженных письменными полномочиями, в главную квартиру главнокомандующего немецким восточным фронтом.

4. Главнокомандующий немецким восточным фронтом со своей стороны точно также создаст комиссию, снабженную специальными полномочиями.

5. День и час встречи обеих комиссий может быть назначен русским верховным главнокомандующим. Требуется своевременное предупреждение главнокомандующего немецким восточным фронтом для того, чтобы мог быть приготовлен экстренный поезд. Необходимы указания, в каком месте русская комиссия намерена перейти фронт.

6. Главнокомандующий немецким восточным фронтом предоставит необходимый аппарат в целях установления прямого провода между комиссией и русским верховным командованием. Разрешается комиссии взять с собой аппарат Юза²¹.

В тот же день, 14 (27) ноября 1917 г. верховный главнокомандующий Крыленко издал приказ по армии и флоту, в котором доводил до сведения солдат согласие немецкой стороны вести перегово-

²⁰ Там же. С. 248.

²¹ Там же. С. 251.

ры о перемирии. Приказ предписывал немедленно приостановить перестрелку и братание на всем фронте и разрешал предпринимать боевые действия лишь в ответ на боевые действия противника. Верховный главнокомандующий также предупреждал, что всякий, кто будет скрывать или противодействовать распространению этого приказа, будет предан революционному суду местных полковых комитетов «вне обычных формальностей»²².

Согласие начать переговоры о заключении перемирия последовало и со стороны Австро-Венгрии, министр иностранных дел которой граф О. Чернин в ответ на радиограмму Совета Народных Комиссаров от 15 (28) ноября 1917 г. считал необходимым сообщить, что «опубликованные Русским правительством основы будущего перемирия и мирного договора образуют, по мнению Австро-Венгерского правительства, подходящую основу для введения в эти переговоры»²³.

Вступив в переговоры о перемирии с германским верховным командованием «без предварительного сношения» с представителями союзных держав, Совет Народных Комиссаров выступил 14 (27) ноября с обращением к правительствам и народам союзных с Россией стран. Извещая союзные страны о своей договоренности с германским главнокомандующим начать переговоры о перемирии, Совет Народных Комиссаров предлагал союзным правительствам определить свое отношение к этим переговорам. «Решающий шаг сделан. Победоносная рабочая и крестьянская революция в России поставила вопрос о мире ребром, — говорилось далее в этом обращении. — Период колебаний, оттяжек, канцелярских соглашений закончен. Сейчас все партии всех воюющих стран призваны ответить категорически на вопрос: согласны ли они вместе с нами приступить 19 ноября (1 декабря) к переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире. Да или нет!». Совет Народных Комиссаров считал необходимым также предупредить: «Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни. Мы хотим всеобщего мира. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падает целиком на нее»²⁴.

Своеобразным ответом на это обращение Совета Народных Ко-

²² Там же. С. 252.

²³ Там же.

²⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 87-88.

миссаров послужили ноты военных миссий, обращенные к бывшему Верховному главнокомандующему генералу Н. Н. Духонину. Глава французской миссии генерал Лавернь от имени представителя Совета министров и военного министра заверял Духонина, что «Франция не признает власти народных комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердые намерения отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу»²⁵. Американский представитель при штабе Верховного главнокомандующего русской армии подполковник М. Керт уведомлял генерала Духонина, что правительство США «определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией»²⁶. На эти обращения в адрес бывшего Верховного главнокомандующего нарком иностранных дел реагировал самым резким образом в печати. «Такое положение не может быть терпимо, — заявил он официально. — Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные и дипломатические и военные агенты во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны. Дальнейшие шаги на этом пути неминуемо вызовут самые тяжкие осложнения, ответственность за которые Совет Народных Комиссаров заранее снимает с себя»²⁷. Не осталось без ответа и опубликованное 16 ноября 1917 г. разъяснение посла Великобритании в Петрограде в связи с обращением начать переговоры о всеобщем перемирии. Ссылаясь на то, что союзники были поставлены перед свершившимся фактом — договоренностью большевиков с немецкой стороной об открытии переговоров, — Джордж Бьюкенен одновременно заявлял, что «посол Великобритании не имеет возможности отвечать на ноты, адресованные ему правительством, не признанным его правительством»²⁸. Троцкий ответил в таком же духе: «Несомненно, однако, Совет Народных Комиссаров не ставил свое обращение к немецким военным властям в зависимость от согласия или несогласия союзных правительств. В этом

²⁵ Там же. С. 256.

²⁶ Октябрьский переворот. Факты и документы. С. 255–256.

²⁷ Там же. С. 256–257.

²⁸ Там же. С. 257.

смысле политика Советской власти совершенно ясна. Не считая себя связанной формальными обязательствами старых правительств, Советская власть в своей борьбе за мир руководствуется только принципами демократии и интересами мирового рабочего класса»²⁹.

Таким образом, проявляя после победы большевиков 25 октября 1917 г., по выражению немецких дипломатов, «величайшую сдержанность» по вопросу о предложении мира на фронте, правящие круги Германии тем не менее отчетливо понимали, что в этом вопросе их интересы совпадают с целями правительства Ленина. Находясь в отчаянном положении, большевистское правительство сумело уже продержаться дольше отведенного ему противником срока. И осторожным германским дипломатам пришлось корректировать свои прогнозы. «Теперь большевики пришли к власти, сколько времени они сумеют продержаться — сказать невозможно, — писал статс-секретарь иностранных дел Кюльман представителю МИД при Ставке Лерснеру. — Им нужен мир, чтобы укрепить свою собственную позицию, с другой стороны, в наших интересах использовать этот период, пока они находятся у власти (а период этот может оказаться коротким), чтобы добиться сначала перемирия, а затем, по возможности, мира. Заключение сепаратного мира означало бы достижение намеченной цели, а именно — разрыва между Россией и ее союзниками... Как только бывшие союзники бросят ее, Россия будет вынуждена искать нашей поддержки. Мы сможем оказать России помощь разными путями: во-первых, восстановив железные дороги (я имею в виду немецко-русскую комиссию под нашим контролем, которая займется рациональной и координированной эксплуатацией железных дорог, чтобы быстро восстановить движение грузов), затем — выдав ей значительную ссуду, необходимую для сохранения своего государственного механизма. Это может иметь форму аванса под обеспечение зерном, сырьем и т. д. и т. п., которые Россия будет поставлять нам под контролем вышеупомянутой комиссии. Помощь на такой основе — масштабы ее могут быть увеличены по мере необходимости — будет, на мой взгляд, способствовать сближению между обеими странами»³⁰.

²⁹ Там же. С. 258.

³⁰ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 353-354.

Особые надежды на заключение сепаратного мира с Россией возлагало Верховное главнокомандование вооруженными силами Германии, которое получило бы в этом случае возможность перебросить с Восточного фронта на Западный десятки своих дивизий и тем самым решить здесь исход борьбы в свою пользу. Когда поступило первое предложение Совета Народных Комиссаров РСФСР о перемирии, фактический командующий вооруженными силами Германии генерал Людендорф позвонил командующему Восточным фронтом генералу Гофману и спросил: «Но можно ли вести переговоры с этими людьми?». На что Гофман ответил: «Да, переговоры вести можно. Вашему превосходительству нужны войска, и эти войска вы получите в первую очередь»³¹. 27 ноября 1917 г. Верховное главнокомандование Германии дало согласие на ведение официальных переговоров о мире с представителями Советской власти. Начало переговоров было назначено на 2 декабря 1917 г. Как отмечалось выше, большевистское правительство в своем заявлении от 15(28) ноября 1917 г. предупредило, что в случае отказа Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая присоединиться к переговорам, Россия и страны Четверного блока начнут сепаратные переговоры. Интересно, что из трехстраничного обращения Ленина и Троцкого, поступившего в Ставку Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии, представитель МИД Лерснер передал в свое ведомство в Берлин только самую ключевую строчку: «Если же союзные народы не пришлют своих представителей, то мы будем одни вести переговоры с немцами»³². Союзники, как известно, на это заявление ответили не признанному ими правительству демонстративным отказом.

Судя по всему, большевистская власть в это время находилась в отчаянном финансовом положении и была вынуждена делать рискованные шаги навстречу германским планам заключения сепаратного мира. 28 ноября 1917 г. заместитель статс-секретаря иностранных дел Бусше телеграфировал из Берлина германскому посланнику в Берне фон Ромбергу: «По полученным здесь сведениям, правительство в Петрограде терпит огромные финансовые затруднения. Поэтому чрезвычайно желательно, чтобы им выслали деньги»³³.

³¹ *Hoffmann Max. The War of lost Opportunities. New York, 1925. P. 189.*

³² *Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 43, 63.*

³³ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 352.

Еще раньше немецкий агент Карл Моор, выступавший под псевдонимом Байер, сообщил военному атташе Германии в Берне Нассе о том, что им получена телеграмма от Воровского следующего содержания: «Выполните, пожалуйста, немедленно ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляют большие требования»³⁴. При всей осторожности опытного конспиратора нетрудно догадаться, что он просит о финансовой помощи.

Учитывая все эти обстоятельства, немецкая сторона, теперь на правительственном уровне, решила отреагировать на заявление большевистских вождей от 15(28) ноября 1917 г., и уже на следующий день германский канцлер Г. Гертлинг, выступая в рейхстаге, подтвердил, что «готов вступить в переговоры, как только русское правительство направит специальных представителей»³⁵.

Что же касается германской военной верхушки, то она сразу же дала понять, что будет разговаривать на переговорах с большевиками с позиции силы и на языке ультиматума. 1 декабря 1917 г., буквально накануне начала переговоров о заключении перемирия между Германией и Советской Россией, в воскресном выпуске «Фрайе Пресса» было опубликовано интервью с генералами Гинденбургом и Людендорфом, этими «полубогами», как их называл Кюльман. Интервью отличалось откровенным неуважением к партнерам по переговорам. Людендорф, в частности, сказал, что он не рассматривает заявление большевиков как предложение мира. «Мы можем заключить перемирие с Россией только в том случае, если мы будем уверены, что оно будет соблюдаться, — продолжал он. — Если бы кто-нибудь сказал бы мне, что русская революция для нас — случайная удача, я бы возражал: революция в России — не случайность, а естественный и неизбежный результат нашего ведения войны...». Столь вызывающее заявление немецкого генерала шокировало большевистскую власть и вызвало резкие комментарии в печати ее представителей. В результате германским дипломатам пришлось поручать своему агенту Карлу Моору «сгладить враждебные выступления, вызванные этим интервью».³⁶

³⁴ Там же. С. 346.

³⁵ *Magnes J.* Russia and Germany at Brest-Litovsk. New York, 1919. P. 16.

³⁶ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 356.

2. Брест-литовские переговоры: дипломатия с позиции силы или тайный сговор?

19 ноября (2 декабря) 1917 г. в Брест-Литовск, где находилась ставка главнокомандующего германским Восточным фронтом, прибыла советская делегация, возглавляемая А. А. Иоффе. В состав делегации входили Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, Л. М. Карахан, левые эсеры А. А. Биценко и С. Д. Масловский (Мстиславский), по одному представителю от рабочих, крестьян и армии — всего 28 человек. Место переговоров было выбрано германской стороной, и это указывало на неравноправное, подчиненное положение советской делегации. С германской стороны переговоры было поручено вести группе военных во главе с генералом М. Гофманом, который накануне получил от генерала Людендорфа жесткие директивы относительно требований к Советам. «Никогда не забуду первого обеда с русскими, — вспоминал впоследствии Гофман. — Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, нынешним комиссаром финансов. Против меня сидел рабочий, которого явно смущало большое количество столового серебра. Он пробовал то одну, то другую столовую принадлежность, но вилок пользовался исключительно для чистки зубов. Прямо напротив, рядом с принцем Гогенлоэ, сидела мадам Биценко, а рядом с нею — крестьянин, чисто русский феномен с длинными седыми кудрями и огромной дремучей бородою. Один раз востовой не смог сдержать улыбку, когда спрошенный, какого вина ему угодно, красного или белого, осведомился, которое крепче, и попросил крепчайшего»³⁷.

На первом заседании 3 декабря Иоффе и Каменев выступили с пространными речами, в которых они изложили большевистские принципы мира. И немецкая сторона сразу же пожалела, что согласилась на предложение советской делегации о полной гласности в освещении переговоров. 4 декабря контр-адмирал В. М. Альфатер от имени советской делегации зачитал «проект перемирия на всех фронтах». Он предлагал заключить всеобщее перемирие на 6 месяцев, запретить переброску войск с Восточного фронта на Западный, эвакуировать немецкие войска с Моонзундского архипелага и др. Практически все эти предложения были отвергнуты германской стороной, и советской делегации пришлось согласиться на заключе-

³⁷ Hoffmann Max. Op. cit. P. 193.

ние перемирия с 10 декабря 1917 г. до 7 января (по нов. ст.) 1918 г. Не было принято предложение о перенесении переговоров в Псков. Единственное, чего удалось добиться, — это прервать переговоры на неделю. Нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий сразу же сообщил британскому, французскому, американскому, китайскому, итальянскому, японскому, румынскому, бельгийскому и сербскому посольствам в Петрограде, что «переговоры прерваны по инициативе нашей делегации на одну неделю, чтобы дать возможность в течение этого времени информировать народы и правительства союзных стран о самом факте переговоров, об их направлении». Он призывал правительства союзных держав «определить свое отношение к мирным переговорам, т. е. свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о мире и — в случае отказа — открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны»³⁸. Ответа опять не последовало.

Германская дипломатия активно использовала перерыв в переговорах для оказания давления на большевистское правительство и в первую очередь через представителей заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. Посланник Германии в Стокгольме Г. Люциус имел несколько неофициальных бесед с В. Воровским, который с первой же встречи произвел на него «впечатление честного и разумного человека»³⁹. Здесь следует заметить, что сразу же после прихода к власти большевиков германские дипломаты не слишком серьезно относились к их представителям в Стокгольме. «Говорят, что здешние большевики восприняли известия о победе своих друзей с большим волнением, а некоторые даже лишились сна, — сообщал 12 ноября 1917 г. советник германской миссии в Стокгольме К. Рицлер канцлеру Г. Гертлингу. — Вероятно, они полагают, что скоро станут послами новой России, и делают вид, что знают все, до мельчайших деталей. Однако на самом деле они еще не получили из Петрограда никаких инструкций. В настоящий момент я не думаю, что правительство в Петрограде, если допустить, что оно достаточно укрепит свою власть и продержится хотя бы несколько недель, использует Радека, Фюрстенберга (Ганецкого) и Воровского в качестве посредников. У нас нет четкого представле-

³⁸ Октябрьский переворот. Факты и документы. С. 255.

³⁹ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 357.

ния об отношениях между представителями большевиков здесь и руководителями революции в Петрограде»⁴⁰.

Эти отношения прояснились в том же ноябре 1917 г., когда ЦК РСДРП(б) вновь решил вернуться к «делу Ганецкого» и создал с этой целью комиссию из представителей исполкома групп социал-демократии Польши и Литвы в составе Б. Веселовского, С. Пестковского и К. Циховского. На основании собранных материалов комиссия постановила: «1) Обвинение т. Ганецкого в том, что он состоял агентом германского правительства, считать абсолютно недопустимым. 2) Обвинение в том, что Ганецкий являлся политическим сотрудником Парвуса, абсолютно лишено всякого основания. 3) Обвинение в том, что Ганецкий занимался контрабандой, вполне опровергается. Административное взыскание, наложенное на него датскими властями за вывоз в одном случае не разрешенных к экспорту медикаментов, — факт чисто случайный. 4) Обвинение Ганецкого в том, что его торговая деятельность носила спекулятивный характер, является лишенным основания». В результате комиссия пришла к выводу о том, что Ганецкий и впредь заслуживает «личного и политического доверия» и не увидела «никаких препятствий к дальнейшей его партийной деятельности».⁴¹ Это постановление было единогласно одобрено 29 декабря 1917 г. на заседании ЦК РСДРП(б), на котором присутствовали Н. И. Бухарин, Г. И. Оппоков (Ломов), В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий, М. К. Муранов, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, Е. Д. Стасова, Ф. Э. Дзержинский. Но затем кто-то из членов ЦК (кто именно, в протоколе не отмечено, но не исключено, что это был Сталин, скептически относившийся ко всем заграничным представителям партии) внес предложение «не назначать т. Ганецкого ни на какие должности, а предоставить ему идти работать в низы, и пусть тогда его выдвигают низы на ответственный пост». При голосовании этого предложения оно было отвергнуто пятью голосами против трех при одном воздержавшемся.⁴² Таким образом, партийная реабилитация Ганецкого при активном содействии Ленина состоялась, но, по всей вероятности, она показалась будущему генсеку необудительной: Ганецкий будет

⁴⁰ Там же. С. 343.

⁴¹ *Амиантов Ю. Н., Ермолаева Р. А.* Дело Ганецкого и Козловского // Кентавр. 1992. № 5–6. С. 92–93.

⁴² Там же. С. 102.

арестован как немецкий и польский шпион и приговорен к смертной казни. Произойдет это через 20 лет со времени памятного для Ганецкого заседания — тоже в ноябре, но уже 1937 г.

В ноябре же 1917 г. члены заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме пользовались полным доверием Ленина, выполняя самые деликатные его поручения, связанные как с переговорами в Брест-Литовске, так и с разъяснением позиции большевистского правительства в целом. По мнению немецкого специалиста по России К. Рицлера, «самый энергичный и талантливый из них — это поляк Собельсон, выступающий обычно под псевдонимом Карл Радек, хорошо известный немецким социал-демократам по его прошлой деятельности в Германии... Он характеризуется как человек абсолютно аморальный, но очень умный и необычайно способный журналист. Говорят, что, несмотря на все свои идеологические принципы, он способен выслушать противоположную точку зрения. В настоящий момент его работоспособность и знание германской политики — он знает даже ее потайные стороны — наверняка привлекут в Петрограде уважение к его идеям и предложениям»⁴³. Показательно, что именно Радек выступал 25 ноября (6 декабря) 1917 г. с докладом о международном положении на заседании Петербургского комитета большевиков, на которое были приглашены районные агитаторы. Касаясь вопроса о переговорах с Германией, Радек высказал мнение, что теперь немецкое правительство не сможет двинуть свои войска на русскую революцию, но, с другой стороны, условия мира, которые предложит Германия, будут для Советской России неприемлемы. «Нам не надо создавать атмосферу ликований, — призывал он. — Нужно говорить на всю Россию, что мира нет еще, что надо еще продержаться»⁴⁴. Однако, как выяснилось на этом заседании, даже некоторые члены ПК большевиков считали, что германские империалисты не могут в создававшихся условиях выдвинуть неприемлемые условия мира. «Ведь не только мы вынуждены разговаривать с Вильгельмом, — говорил М. М. Харитонов, — но и Вильгельм вынужден разговаривать с нами. Могут создаться условия, когда сепаратный мир станет неизбежностью»⁴⁵.

⁴³Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 343.

⁴⁴Петербургский комитет большевиков в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 581.

⁴⁵Там же. С. 563.

Как уже неоднократно отмечалось, Германия была жизненно заинтересована в заключении сепаратного мира с Россией, и еще до начала переговоров представитель МИД при Ставке Лерснер телеграфировал статс-секретарю иностранных дел фон Кюльману 29 ноября 1917 г.: «Если в обозримом будущем состоятся мирные переговоры с Россией, Его величество просит, чтобы Ваше превосходительство, несмотря ни на что, попыталось добиться какого-нибудь союза или дружеских отношений с русскими»⁴⁶. На пути к этой цели германской дипломатии приходилось преодолевать самые различные влияния: своих социал-демократов, стремившихся склонить большевиков к ведению переговоров с рейхстагом; германского генералитета, который признавал единственным инструментом переговоров военную силу; и даже Парвуса, который, стремясь сыграть свою собственную роль в торжестве «перманентной революции», затеял организовать международную социалистическую конференцию и в связи с этим активно интриговал в Стокгольме, Копенгагене, Берлине, Берне и Петрограде. Именно Парвус пытался убедить своих «деловых партнеров» — Ганецкого, Радека и Воровского, выступавших теперь в качестве неофициальных пока представителей большевистского правительства, — в необходимости переноса мирных переговоров в Стокгольм. «Очень важно немедленно выдворить Парвуса из Стокгольма в связи с предварительными переговорами, которые начнутся через несколько дней, — телеграфировал 19 декабря из Берлина заместитель статс-секретаря иностранных дел Буше германскому посланнику в Стокгольме Люциусу. — Пожалуйста, еще раз попробуйте обеспечить его проезд сюда через Копенгаген»⁴⁷.

Отнюдь не собираясь отказываться от услуг своего ценного агента, немецкая сторона не доверяла ему полностью, несмотря на то, что он уверял, что в случае переноса переговоров в Стокгольм или Копенгаген, он смог бы использовать все свое влияние, чтобы контролировать их с обеих сторон. Но, как отмечал в секретном меморандуме советник германской миссии в Стокгольме Рицлер, «Насколько сильно его влияние на русских социалистов — неясно. Он сам поначалу страстно ждал сообщений на этот предмет, а теперь

⁴⁶Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 352.

⁴⁷Там же. С. 365.

он полагает, что Троцкий активно и открыто выступает против него, Ленин занимает нейтральную позицию, а деятели более мелкого масштаба — на его стороне. Его предположение относительно Троцкого абсолютно верно, но не исключено, что и Ленин тоже против него и что он переоценивает свое влияние на других, точно так же как он переоценил доверие Воровского и Радека к нему. Он говорит, что эти двое ничего не предпринимают, не сообщив ему. Но я абсолютно точно выяснил, что он ошибается. Воровский относится к нему с величайшим подозрением и говорит, что верить Парвусу нельзя»⁴⁸.

Эта реалистическая точка зрения немецкого дипломата, на мой взгляд, должна быть принята во внимание теми, кто считает Парвуса всемогущим вершителем судеб стран и народов, который, исполняя, в свою очередь, волю «мировой закулисы», манипулировал действиями политиков. Конечно, его финансовые, политические, деловые и другие связи и возможности не следует недооценивать, но соперничать с Германией, которая принимала услуги своего ценного агента лишь до известных пределов и была категорически против какой-либо его «самодеятельности», было не под силу даже ему. Тем более, что после 25 октября 1917 г. Германия могла, хотя и тайно, контактировать с большевистским правительством через его представителей в Стокгольме, чем она, судя по опубликованным документам, регулярно пользовалась во время мирных переговоров в Брест-Литовске. В отчете об очередной встрече с Воровским германский посланник в Стокгольме Люциус сообщал в Берлин 15 декабря 1917 г.: «В разговоре, который длился несколько часов, я настойчиво доказывал Воровскому, что Стокгольм — самое неподходящее место для переговоров и объяснял, почему. Кроме того, я предупредил его, чтобы он не вздумал экспериментировать с внутренними немецкими делами, сказав ему, что никакая немецкая сторона не поддержит такого эксперимента перед лицом официального мнения. Я сказал, что оппоненты большевиков настаивают, чтобы немецкое правительство не заключало мира с ними, так как придется заново заключать мир с теми, кто придет им на смену. Противники большевиков предлагают немецкому правительству объявить, что большевики не полномочны вести переговоры. Немецкое правительство отвергло эти предложения, но

⁴⁸ Там же. С. 366–367.

оно не может подвергать себя риску вести переговоры практически в безнадежных обстоятельствах...»⁴⁹.

Разумеется, большевистские лидеры прекрасно сознавали, что отказ немцев от заключения мира с ними будет автоматически означать и отказ от финансовой помощи, которую они стали систематически получать от Германии после своего прихода к власти, а это неизбежно приведет к их падению. Но они хорошо понимали, что и правящие круги Германии кровно заинтересованы в заключении мира с Советской Россией, и потому надеялись, что им удастся в конце концов достигнуть мира на приемлемых для них условиях, полагаясь на давление народных масс и вдохновляясь идеями мировой революции. Надо признать, что в этой политической и дипломатической игре у большевиков не было шансов на конечный успех, хотя поначалу создавалось впечатление, что их принципы могут восторжествовать. Это впечатление основывалось и на мнении двух едва ли не самых авторитетных после Ленина деятелей большевистской партии — Каменева и Троцкого, первоначально сомневавшихся в том, что в реализации своих аннексионистских планов Германия решится на применение военной силы⁵⁰. Что же касается самого Ленина, то, по-видимому, он не разделял подобных настроений в такой степени, поскольку глубже понимал создавшуюся ситуацию⁵¹.

Открывая 12(25) декабря 1917 г. Брест-Литовскую мирную конференцию, министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин от имени стран Четверного союза заявил, что они согласны немедленно заключить общий мир без насильственных территориальных присоединений и контрибуций и присоединяются к советской делегации, осуждающей продолжение войны ради завоевательных целей. Аналогичное заявление сделал и статс-секретарь иностранных дел Р. Кюльман: «Делегации союзников полагают, что основные положения русской делегации могут быть положены в основу переговоров о мире»⁵². Однако выдвинутая ими далее оговорка — к предложению советской делегации должны присоединиться все воюющие страны — показывала, что это не более чем дипломатиче-

⁴⁹ Там же. С. 362–363.

⁵⁰ Рабинович Александр. Большевики у власти. Первый год Советской эпохи в Петрограде / Пер. с англ. М., 2007. С. 211.

⁵¹ Там же. С. 211–212.

⁵² Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. М., 1920. С. 9–10.

ский маневр. Как отмечал позднее Троцкий, «Кюльман надеялся на молчаливое соглашение с нами: он возвращает нам наши хорошие формулы, мы дадим ему возможность без протеста заполучить в распоряжение Германии провинции и народы». В ответ советская делегация предложила сделать десятидневный перерыв для того, «чтобы народы, правительства которых еще не присоединились к теперешним переговорам о всеобщем мире, получили возможность ознакомиться» с мирной программой большевиков⁵³. Такое «миротворческое» начало переговоров вызвало сильное недовольство военной верхушки Германии, от имени которой генерал Людендорф передал командованию Восточного фронта еще накануне начала переговоров довольно жесткие условия переговоров, в том числе и территориального характера⁵⁴. 13(26) декабря Людендорф телеграфировал рейхсканцлеру Гертлингу: «Я должен выразить свой решительный протест против того, что мы отказались от насильственного присоединения территорий и репараций... До сих пор исправления границ входили в постоянную практику. Я дам своему представителю указание отстаивать эту точку зрения после встречи комиссии по истечении десятидневного перерыва... Я еще раз подчеркиваю, что наше военное положение не требует поспешного заключения мира с Россией. Не мы, а Россия нуждается в мире. Из переговоров создается впечатление, что не мы, а Россия является диктующей стороной. Это никак не соответствует военному положению»⁵⁵.

Действительно, военное преимущество было на стороне Германии, и ее представители не стеснялись об этом открыто говорить. Когда корреспондент газеты «День» спросил в интервью у главы прибывшей в Петроград германской миссии графа Р. Кейзерлинга, собираются ли немцы оккупировать Петроград, тот ответил, что «таких намерений в настоящее время нет, но что подобный акт может стать необходимостью в случае антибольшевистских выступлений»⁵⁶. Описывая состоявшиеся в Петрограде не слишком радостные манифестации по случаю заключения перемирия, генерал А. Будберг заметил в своем дневнике 17(30) декабря 1917 г.: «На сии

⁵³ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 154–155.

⁵⁴ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 363–364.

⁵⁵ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 155–156.

⁵⁶ Там же. С. 44.

процессии взирали — не знаю с каким чувством — почетные гости на этом позорище не только России, но и всей цивилизации, мирные послы Вильгельма Кейзерлинг, Мирбах и К°, ошачливившие Петроград своим посещением. Немцам, строящим свое благополучие на славянских костях, или, по их выражению, на славянском навозе, должно быть было радостно видеть, до какого разложения дошел их восточный сосед»⁵⁷. Показательно, что даже немецкие военнопленные находились на привилегированном положении. В одном из отчетов, адресованных в декабре 1917 г. статс-секретарю Кюльману, с удовлетворением отмечалось, что в Советской России образовалась «Республика немецких пленных»: «В различных местах, где имеются большие лагеря для военнопленных, немецкие пленные, увидев царящий вокруг хаос, взяли на себя снабжение и руководство и теперь кормят не только себя, но и население окрестных деревень. Местное население чрезвычайно довольно этим и вместе с немецкими пленными образовало нечто вроде республиканского управления, где всем заправляют пленные. Это, разумеется, совершенно необычное явление в мировой истории. Россия еще в большей степени, чем Америка, страна неограниченных возможностей»⁵⁸.

Учитывая отчаянное положение большевистского правительства внутри самой страны и его зависимость от Германии, немецкая военщина в своем стремлении использовать эти «неограниченные возможности» действовала напролом. Она заставила своих представителей на мирных переговорах в Брест-Литовске фактически дезавуировать заявление об отказе от аннексий и невозможности вывести немецкие войска с оккупированных территорий России в определенный срок. «Русские в отчаянии, собираются уезжать, — записал 27 декабря в своем дневнике О. Чернин. — Они думали, что немцы просто откажутся от оккупированных областей и предоставят их русским... Положение все ухудшается. Грозные телеграммы Гинденбурга об отказе от всего, Людендорф телефонирует через час; новые припадки гнева. Гофман очень раздражен. Кюльман, как всегда, невозмутим»⁵⁹. Представитель советской делегации в этот день заявил, что «нельзя говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают чуть ли не 18 губерний». 15(28) декабря советская делегация заявила, что она покидает Брест-Литовск, поскольку

⁵⁷ Дневник барона Алексея Будберга. 1917 год. С. 262.

⁵⁸ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 357.

⁵⁹ Чернин О. В дни войны. М.; Пг., 1923. С. 246.

ку до этого она предполагала, что «германцы просто откажутся от всей занятой ими территории или выдадут ее большевикам»⁶⁰. И в самом деле было отчего прийти в отчаяние — ведь главная статья предложенных условий мира гласила, что Российское правительство «принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии, Лифляндии, об их стремлениях к полной государственной самостоятельности и выделению из Российской федерации».

Лишенные окончательно иллюзий относительно возможности заключить мир без аннексий и контрибуций, Ленин и его сторонники имели в своем запасе только пропагандистские акции. Петроградское телеграфное агентство распространило в эти дни воззвание к немецким солдатам, в котором их призывали «не подчиняться приказам и сложить оружие». Немецкая сторона расценила это как «грубое и нетерпимое вмешательство» большевиков во внутренние дела Германии и предупредила их представителя в Стокгольме Воровского о последствиях такой политики⁶¹. 17(30) декабря на совещание представителей общепартийного съезда по демобилизации армии приехали Ленин, Троцкий и Крыленко и заявили, что положение с заключением мира «почти безнадежно, так как немцы наотрез отказались признать принцип самоопределения народов; поэтому Совет народных комиссаров считает необходимым во что бы то ни стало восстановить боеспособность армии и получить возможность продолжать войну»⁶². С целью выяснения этой возможности делегатам совещания была роздана подготовленная Лениным анкета со следующими вопросами: «Возможно ли предполагать, что немцы, в случае разрыва нами немедленно мирных переговоров, при немедленном переходе в наступление их войск, способны нанести решающее поражение нам? Способны ли они взять Петроград? Можно ли опасаться, что известие о срыве мирных переговоров вызовет в армии массовое анархическое настроение и побег с фронта, или можно быть уверенным, что армия будет стойко держать фронт и после такого известия? Способна ли наша армия в боевом отношении противостоять немецкому наступлению, если оно начнется 1-го января? Если нет, то через какой срок могла бы наша армия оказать сопротивление немецкому наступлению? Могла бы

⁶⁰ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 157, 158.

⁶¹ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 369.

⁶² Дневник барона Алексея Будберга. 1917 год. С. 262.

наша армия в случае быстрого немецкого наступления отступать в порядке и сохраняя артиллерию и, если да, надолго ли можно было бы при таком условии задержать продвижение немцев вглубь России? Общий вывод: следует ли с точки зрения состояния армии постараться затянуть мирные переговоры или революционно резкий и немедленный срыв мирных переговоров из-за аннексионизма немцев предпочтителен как решительный твердый переход, подготавливающий почву для возможности революционной войны»⁶³.

Хотя самих материалов опроса не сохранилось, об общей направленности ответов на поставленные в анкете вопросы можно судить по резолюции Совета народных комиссаров, принятой им 18(31) декабря 1917 г. по докладу Крыленко о положении на фронте и состоянии армии в связи с итогами анкетирования делегатов общешармейского съезда по демобилизации армии. В резолюции предлагались следующие меры: усиленная агитация против захватнической политики немцев, ассигнование добавочных средств на агитацию, перенесение мирных переговоров в Стокгольм, продолжать мирные переговоры и противодействовать их форсированию немцами, принять усиленные меры по укреплению боеспособности армии при сокращении ее состава, а также экстренные меры по обороне Петрограда, пропаганда и агитация за необходимость революционной войны⁶⁴. Что касается оценки итогов анкетирования Лениным, то, по всей видимости, они убедили его окончательно в том, что армия не в состоянии продолжать войну с Германией. Впрочем, для этого можно было и не проводить никакого анкетирования: на все эти вопросы давно ответили солдаты в окопах. Прибывший в Петроград с Северного фронта в конце декабря 1917 г. начальник штаба пехотного корпуса полковник Беловский свидетельствовал, что «никакой армии нет; товарищи спят, едят, играют в карты, ничьих приказов и распоряжений не исполняют; средства связи брошены, телеграфные и телефонные линии свалились, и даже полки не соединены со штабом дивизии; орудия брошены на позициях, заплыли грязью, занесены снегом, тут же валяются снаряды со снятыми колпачками (перелиты в ложки, подстаканники и т. п.). Немцам все это отлично известно, так как они под видом покупок забираются в наш тыл верст на 35–40 от фронта...»⁶⁵.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 179–180.

⁶⁴ Там же. С. 181.

⁶⁵ Дневник барона Алексея Будберга. 1917 год. С. 266.

В этих условиях, не имея реальной возможности выбирать, Совнарком телеграфировал 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) генералу Гофману, что считает необходимым вести переговоры о мире на нейтральной территории и предлагает их перенести в Стокгольм. Против этого предложения решительно выступил германский император и поручил Кюльману ответить советскому правительству в самой резкой форме, и в то время как немецкие представители уже не исключали, что переговоры будут разорваны, большевистское правительство приняло 4 января решение направить в Брест-Литовск для переговоров делегацию во главе с наркомом иностранных дел Троцким, высказав при этом мнение, что о переносе переговоров на нейтральную территорию стороны сумеют договориться в Брест-Литовске. Эту вынужденную уступку Вильгельм II расценил как желание большевиков спасти лицо⁶⁶. Что же касается назначения главой советской делегации Троцкого, то, как полагает Ю. Фельштинский, «переговоры должны были вести те, кто ничем не был обязан германскому правительству. Более правильной — с точки зрения интересов революции — кандидатуры, чем бывший меньшевик Троцкий, трудно было сыскать: наркоминдел отправился на переговоры, зная, что лично его немцам шантажировать нечем»⁶⁷. Сам Троцкий по этому поводу писал: «Ленин предложил мне, после первого перерыва в переговорах, отправиться в Брест-Литовск. Сама по себе перспектива переговоров с бароном Кюльманом и генералом Гофманом была мало привлекательна, но “чтобы затягивать переговоры, нужен затягиватель”, как выразился Ленин»⁶⁸.

Впрочем, и «затягиватель» не был безупречен с точки зрения его политических противников: тогда в печати утверждалось, что перед отъездом из Нью-Йорка в Петроград Троцкий получил из германских источников 10 тыс. долл. Однако Ф. Оссендовский, автор «Документов Сиссона», решил «не обижать» наркома иностранных дел и во время переговоров «перевел» ему из «Рейхсбанка» сразу 50 млн руб. золотом⁶⁹. Видимо, для того, чтобы он стал сговорчивее. Но эти миллионы не могли попасть к Троцкому,

⁶⁶ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 159, 182.

⁶⁷ Там же. С. 146.

⁶⁸ Троцкий Л. О Ленине. М., 1924. С. 78.

⁶⁹ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская конспирация Октябрьского переворота. СПб., 2001. С. 254–255.

поскольку они существовали только в воображении талантливом мистификатора.

Возникшие в ходе переговоров острые разногласия, по мнению американского историка Роберта Уорта, стали «неопровержимым доказательством отсутствия согласия и сотрудничества между Германией и большевиками»⁷⁰, в то время бывшие союзники России продолжали настаивать на существовании германо-большевистского заговора. В секретном меморандуме Госдепартамента США от 1 декабря 1917 г. отмечалось, что, «несмотря на трудности в получении какой-либо связной информации о карьере Ленина», имеются «достаточные доказательства» того, что потраченные им значительные средства со времени приезда в Петроград имеют германское происхождение, в связи с чем «мало сомнений в том, что он является германским агентом»⁷¹. На эту версию активно работала союзная пресса. Нью-Йоркская «Таймс» приводила анонимное сообщение из Парижа, в котором утверждалось, что французское правительство имеет «абсолютные доказательства» того, что Ленин был послан в Россию германской шпионской службой для ведения агитации в пользу заключения сепаратного мира в Германии. Парижская «Фигаро», ссылаясь на крупного финансиста, только что вернувшегося с «ошеломляющими подробностями», писала о потоке немецкого золота, которое по-прежнему поступает в Россию⁷².

Когда 7 января 1918 г. в Брест-Литовск приехала советская делегация во главе с Троцким, то сразу же выяснилось, что нарком иностранных дел приехал заниматься в первую очередь пропагандой большевистской программы мира. Даже по дороге в Брест-Литовск члены советской делегации распространяли листовки против войны и капиталистов среди немецких солдат, охранявших железнодорожные пути. «К мирным переговорам, — писал позднее Троцкий, — мы подходили с надеждой раскатать рабочие массы как Германии и Австро-Венгрии, так и стран Антанты»⁷³. Все поведение советской делегации и характер начавшихся переговоров не дает серьезных оснований полагать, что сце-

⁷⁰ Уорт Роберт. Антанта и Русская революция. 1917–1918 / Пер. с англ. М., 2006. С. 227.

⁷¹ Там же. С. 228.

⁷² Там же. С. 227–228.

⁷³ Троцкий Л. Д. О Ленине. С. 63.

нарий этих переговоров был уже написан и его осталось только сыграть.

По приезде в Брест-Литовск Троцкий сразу же отменил совместные обеды, вряд ли уместные, как он считал, если значительная часть города была обнесена колючей проволокой с предупреждением: «Всякий русский, застигнутый здесь, будет убит на месте»⁷⁴. Но «отменить» место переговоров главе советской делегации было не по силам. «Перенесение конференции в Стокгольм было бы для нас концом всего, потому что оно лишило бы нас возможности держать большевиков всего мира вдалеке от нее, — писал в своем дневнике министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин в день открытия переговоров 9 января 1918 г. — В таком случае стало бы неизбежно именно то, чему мы с самого начала и изо всех сил старались воспрепятствовать: поводья оказались бы вырванными из наших рук и верховодство делами перешло бы к этим элементам»⁷⁵. Выступая 10 января на заседании мирной конференции, Троцкий произнес длинную, хорошо продуманную, рассчитанную на всю Европу речь, смысл которой, однако, состоял в том, что он уступил. Глава советской делегации заявил, что принимает германо-австро-венгерский ультиматум и остается в Брест-Литовске, потому что не хочет дать повода сказать, что вина за продолжение войны падает на Россию⁷⁶.

Это заявление одновременно означало и согласие советской делегации на переговоры о сепаратном мире с Германией, поскольку еще накануне глава немецкой делегации фон Кюльман, констатируя, что установленный десятидневный срок для присоединения держав Антанты к мирным переговорам уже прошел, предложил советской делегации подписать сепаратный мир. Троцкий согласился и на участие в переговорах делегации Украины, заявив, что «при полном соблюдении принципиального признания права каждой нации на самоопределение, вплоть до полного отделения», советская делегация «не видит никаких препятствий для участия украинской делегации в мирных переговорах»⁷⁷. Троцкий также заявил о признании права на самоопределение Финляндии, Польши, Украины, Армении и прибалтийских народов, а также согласился на обра-

⁷⁴ Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 363.

⁷⁵ Чернин О. Указ. соч. С. 252.

⁷⁶ Там же. С. 253.

⁷⁷ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 163–164.

зование комиссии для рассмотрения территориальных и политических вопросов, иными словами — на обсуждение аннексий под видом самоопределения народов⁷⁸. Но когда 11 января началось конкретное обсуждение этих вопросов, после пяти часов бесплодной дискуссии Кюльман понял, что Троцкий не собирается заключать мир, а стремится вынести из дискуссий материал для агитации, чтобы «прервать переговоры и обеспечить себе эффективный отход»⁷⁹. В связи с этим О. Чернин записал 11 января в своем дневнике: «Сегодня утром Троцкий сделал тактическую ошибку. Он произнес целую речь в весьма повышенном тоне и временами доходил даже до резкостей, заявив, что мы играем в фальшивую игру, что стремимся к аннексиям, прикрывая их мантией права народов на самоопределение. Он говорил, что никогда не согласится на такие претензии и готов скорее уехать, чем продолжать в таком духе»⁸⁰.

После того как на следующий день, 12 января Троцкий и Каменев вновь стали настаивать на выводе германских войск из оккупированных районов и отказались дать обязательство не вести революционной пропаганды против Германии, Кюльман телеграфировал конфиденциально канцлеру Гертлингу о том, что не верит более в «желание Троцкого вообще прийти к приемлемому миру». Кюльман не скрывал, что положение Германии «из-за этого становится все менее благоприятным, так как со стороны военных категорически отрицается принятие на себя обязательств по выводу войск даже после заключения всеобщего мира. Это, конечно же, дает Троцкому весьма сильное оружие»⁸¹.

Однако генералу Гофману надоело наблюдать за словесной битвой между Троцким и Кюльманом, и он решил положить ей конец. Как писал потом сам Гофман, «тон Троцкого с каждым днем становился все агрессивнее. Пришел день, когда я указал статс-секретарю иностранных дел Кюльману и графу Чернину, что так мы никогда не сможем достигнуть своей цели, что необходимо вернуть переговоры на практическую почву»⁸².

⁷⁸ Там же. С. 165.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Чернин О. Указ. соч. С. 254.

⁸¹ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 165–166.

⁸² Hoffmann Max. Op. cit. P. 208.

По предложению Гофмана немецкая сторона предложила советской делегации обсудить будущую границу новой России. По плану Гофмана от бывшей Российской империи отходили Польша, Литва, часть Латвии и острова Балтийского моря, принадлежавшие Эстонии, — всего до 170 тыс. кв. км. При этом на указанных территориях предусматривалось нахождение германских оккупационных войск. Троцкий назвал эти предложения скрытой формой аннексии и сразу же связался по прямому проводу с Лениным. Из состоявшегося 3(16) января 1918 г. разговора явствует, что глава советской делегации, предвидя такое развитие событий на переговорах, заранее направил в Петроград свой план действий, который в этом разговоре Ленин назвал «дискутабельным» и предлагал «отложить несколько его окончательное проведение, приняв последнее решение после специального заседания ЦИК...»⁸³. Позднее к разговору с Троцким подключился приехавший Сталин, с которым Ленину непременно хотелось посоветоваться, и после совместно обсужденной сложившейся на переговорах ситуации они обратились к Троцкому: «Просьба назначить перерыв и выехать в Питер»⁸⁴.

К этому времени Ленин, как обоснованно считает американский историк А. Рабинович, пришел «к выводу, что иного выхода, кроме принятия мира на любых предложенных Германией условиях, у большевиков нет»⁸⁵. И теперь вождю большевиков предстояло убедить в этом многих своих соратников, выступавших за революционную войну в поддержку мировой революции. 8(21) января 1918 г. Ленин выступил на совещании партийных работников с «тезисами по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»⁸⁶. 21 тезис, подготовленный вождем большевистской партии специально к этому совещанию, не смог убедить его участников в необходимости немедленно заключить сепаратный мир с Германией. «Мирные переговоры в Брест-Литовске, — подчеркивалось в одном из главных тезисов, — вполне выяснили в настоящий момент, к 7.1.1918, что у германского правительства... безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Рабинович Александр. Указ. соч. С. 218.

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243–252.

ждать, необходимо ждать и его формального предъявления)». Позиции большинства партийных работников не поколебали ни суть германского ультиматума — либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир — ни размеры контрибуции в 3 млрд руб., и при голосовании за ленинское предложение заключить «сепаратный аннексионистский мир» высказались только 15 человек из 63 участников этого совещания, в то время как за революционную войну голосовали 32 человека. Точка зрения — войну объявить прекращенной, армию демобилизовать, но мира не подписывать — собрали 16 голосов⁸⁷. Из этого видно, что даже вместе Ленин и Троцкий не получили и половины голосов видных партийных работников.

«Сепаратный аннексионистский мир» не устраивал, разумеется, по другим причинам, и командный состав русской армии, немало сделавшей для того, чтобы Россия заключила мир на достойных условиях. Ознакомившись с территориальными притязаниями Германии, генерал А. Будберг записал в дневнике 8 января 1918 г.: «Предлагаемая немцами граница отбрасывает нас на сотни лет назад и ставит Россию в невероятно невыгодное стратегическое положение, так как все главные железнодорожные узлы остаются вне этой границы, и все что сделано по постройке стратегической сети наших пограничных районов, в корне уничтожается... Прямо одурь берет от того, какой ценой расплачиваются большевики за предоставление им возможности захватить власть над Россией; ведь даже проиграй мы прямо войну, условия не были бы хуже и позорнее»⁸⁸.

Похоже, это не особенно смущало Ленина, который, оставаясь в меньшинстве даже в Центральном Комитете своей партии, продолжал настойчиво отстаивать идею «сепаратного аннексионистского мира» с Германией, ибо лучше чем кто-либо другой понимал, что с ним связана судьба не только мировой и русской революции, но и самих большевиков. Наиболее полно Ленин аргументировал свою позицию на заседании ЦК большевиков 11(24) января 1918 г., на котором обсуждался вопрос о заключении мира. В своем выступлении он обосновывал невозможность продолжения войны из-за полного расстройтва армии. «Продолжая в таких условиях войну, —

⁸⁷ Там же. С. 245.

⁸⁸ Дневник барона А. Будберга. 1917 год. С. 269.

говорил он, — мы необыкновенно усилим германский империализм, мир придется все равно заключать, но тогда мир будет худший, так как его будем заключать не мы. Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, — мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено и мир будет заключен другим правительством»⁸⁹. Ленин затронул и такой деликатный вопрос, как отношение германских социал-демократов к позиции большевиков на переговорах в Брест-Литовске. «В наших руках есть циркулярное письмо германских социал-демократов, — заявил он, — имеются сведения об отношении к нам двух течений центра, из которых одно считает, что мы подкуплены и что сейчас в Бресте происходит комедия с заранее распределенными ролями. Эта часть нападает на нас за перемирие. Другая часть каутскианцев заявляет, что личная честность вождей большевиков вне всякого сомнения, но что поведение большевиков является психологической загадкой. Мнения левых социал-демократов мы не знаем»⁹⁰. Такая нейтральная формулировка позиции германских левых была не случайной: еще в декабре 1917 г. они распространили заявление, в котором отмечали, что переговоры о мире окажут разрушительное воздействие на вероятную германскую революцию, и высказались за их отмену. Хотя К. Либкнехт и не считал возможным публично критиковать вождей русской революции, в своих заметках о Брестском мире, не предназначенных для печати, он писал, что «правительство Ленина — Троцкого 1917 года стоит перед тяжелой опасностью и искушением открыть немецким штыкам путь не только в Россию, не только против русской революции, но и против западной и южноевропейской демократии»⁹¹. Так или иначе, но выбор Ленина находился в рамках «дьявольской альтернативы», а примиряющая многих точка зрения Троцкого — прекратить войну, демобилизовать армию, а мир не подписывать — была для него не более чем «интернациональной политической демонстрацией»⁹². Эту позицию поддерживали и задиристые молодые оппоненты Ленина во главе с Бухариным, который на этом заседании ЦК говорил:

⁸⁹Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 168.

⁹⁰Там же. С. 168—169.

⁹¹Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 12—13, 24—25.

⁹²Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 169.

«...Пусть немцы нас побьют, пусть продвинутся еще на сто верст, мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении...»⁹³. Но все они не могли соперничать в политической игре с Лениным, который, уловив общее настроение членов ЦК, в последний момент выступил с предложением всячески затягивать подписание мира, и оно было принято всеми против одного, в то время как призыв к революционной войне собрал всего два голоса. За известное предложение Троцкого высказались 9 членов ЦК и 7 против⁹⁴.

Состоявшееся на следующий день, 12(25) января 1918 г. объединенное заседание ЦК большевиков и левых эсеров большинством голосов постановило предложить на рассмотрение открывшегося Третьего Всероссийского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов формулу «Войны не вести, мира не подписывать». На самом съезде с докладом «О войне и мире» выступал Троцкий, являвшийся автором этой формулы. После дискуссии съезд одобрил политику Совнаркома, предоставив ему самые широкие полномочия в вопросе о мире⁹⁵.

С этими полномочиями Троцкий сразу же выехал в Брест-Литовск, по пути в который он снова увидел безлюдные окопы и заброшенные позиции русской армии. В течение длительного времени в советской историографии была общепринятой точка зрения, согласно которой возвратившийся в конце января 1918 г. на переговоры Троцкий имел директиву Ленина и советского правительства подписать мир с Германией в случае предъявления ультиматума. Однако в последнее время высказана точка зрения, согласно которой Ленин и Троцкий действительно договорились о том, что мир будет подписан, но не после предъявления ультиматума, а после начала наступления немецких войск. Сравнительный анализ позиции Ленина и Троцкого на протяжении всего периода переговоров о заключении Брест-Литовского мирного договора, как мне представляется, не дает оснований для подобного утверждения. Троцкий на самом деле был склонен считать, что даже в случае предъявления ультиматума немецкое командование не решится немедленно начать наступление. Расхождение взглядов по этому вопросу констатировал не только Ленин, но и сам Троцкий, отмечавший позд-

⁹³ Там же. С. 170.

⁹⁴ Там же. С. 173.

⁹⁵ Известия ЦИК. 1918. 14 янв.

нее: «Ильич отстранился и не защищал моей позиции, когда она прошла»⁹⁶.

Еще за неделю до возобновления переговоров в Брест-Литовске, на совещании в Берлине 23 января (нов. ст.) 1918 г. Гинденбург заявил, что «если русские будут и в дальнейшем оттягивать, нам надо возобновить военные действия. Это приведет к падению большевистского правительства, а те, которые придут к власти после него, вынуждены будут заключить мир»⁹⁷. Убедившись на возобновившихся 30 января переговорах, что советская делегация по-прежнему намерена затягивать время в ожидании революции в Германии и Австро-Венгрии, теперь уже немецкая сторона прервала переговоры, а ее руководители выехали в Берлин, где 5 февраля (нов. ст.) на совещании под председательством канцлера Гертлинга и при участии Людендорфа было принято решение «достичь мира с Украиной, а затем свести к концу переговоры с Троцким независимо от того, положительным или отрицательным будет результат». Форма разрыва переговоров оставлялась на усмотрение самой делегации в Брест-Литовске. При этом Людендорф сообщил, что «на случай разрыва с Троцким у него есть план быстрой военной акции»⁹⁸.

9 февраля (нов. ст.) представители Четверного союза объявили о подписании сепаратного договора с Украинской республикой, по которому Центральная Рада признавалась единственным законным правительством Украины, а Германия обязывалась оказать ей военную и политическую помощь. По секретному договору Украина должна была поставить остро нуждавшимся в продовольствии Германии и Австро-Венгрии до 1 млн тонн зерна, 500 тыс. тонн мяса и другие продукты питания⁹⁹. Представители Четверного союза и прежде всего Германия с Австро-Венгрией пошли на заключение сепаратного договора с Центральной Радой, несмотря на то, что дни ее были сочтены, а Троцкий еще накануне заявил, что «у Центральной Рады больше нет никакой власти, и единственное место, которым ее представители все еще имеют право распоряжаться, это их комнаты в Брест-Литовске»¹⁰⁰. Но попытки добиться от

⁹⁶ *Фельштинский Ю.* Указ. соч. С. 233–235.

⁹⁷ *Ludendorff E.* *Ludendorff's Own Story.* New York, 1919. P. 179.

⁹⁸ *Фельштинский Ю.* Указ. соч. С. 237.

⁹⁹ Там же. С. 239.

¹⁰⁰ *Hoffmann Max.* Op. cit. P. 213.

Германии признания в качестве полноправной участницы переговоров советской украинской делегации (с этой целью Троцкий привез с собой даже председателя советского украинского правительства И. Г. Медведева) закончились провалом. И тогда красный Петроград объявил Германии пропагандистскую войну в самых крайних ее выражениях: 9 февраля в Берлине было перехвачено воззвание, призывавшее немецких солдат «убить императора и генералов и побрататься с советскими войсками»¹⁰¹. Возмущенный Вильгельм II направил Кюльману телеграмму-директиву, требовавшую завершить в 24 часа переговоры с большевиками. Он писал: «Сегодня большевистское правительство напрямую обратилось к моим войскам с открытым радиообращением, призывающим к восстанию и неповиновению своим высшим командирам. Ни я, ни фельдмаршал фон Гинденбург не можем терпеть такое положение вещей... Троцкий должен к завтрашнему вечеру подписать мир с отдачей Прибалтики до линии Нарва — Плескау — Динабург включительно, без самоопределения и с признанием компенсации всем затронутым сторонам. В случае отказа или при попытках затягивания переговоров и увертках переговоры будут разорваны в 8 часов вечера завтрашнего дня, а перемирие расторгнуто...»¹⁰².

Опытный дипломат Кюльман, положивший столько сил, чтобы заключить желанный мир, и почувствовавший, что может вот-вот «дожать» Троцкого, осмелился послушаться своего императора, посчитав за большевиков заранее неприемлемыми выдвинутые им требования. «К сожалению, я по политическим причинам не в состоянии выполнить августейшего указания, — писал он 9 февраля. — Я не могу отделаться от впечатления, что со стороны Верховного главнокомандования в последние дни делается все, чтобы склонить Его величество решить в пользу войны против большевиков, которая, по-моему, перед лицом теперешнего политического положения, невозможна»¹⁰³. По свидетельству генерала Гофмана, Кюльман, в случае если бы Берлин стал настаивать на ультиматуме, предлагал императору свою отставку, но ответа на это предложение не последовало, и Кюльман оставил ультиматум у себя в кармане»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Ibid. P. 186.

¹⁰² Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 241.

¹⁰³ Там же. С. 242.

¹⁰⁴ Hoffmann Max. Op. cit. P. 213–214.

Однако на этот раз чутье статс-секретарю иностранных дел изменило, и когда вечером 10 февраля (нов. ст.) немецкая делегация снова потребовала «обсуждать только пункты, дающие возможность прийти к определенным результатам», Троцкий сделал от имени советской делегации заявление, которого ни Кюльман, ни другие участники переговоров не ожидали. «...Мы выходим из войны, — сказал Троцкий. — Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру. В то же время мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов... Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подписи Русской Революции под условиями, которые несут гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ. Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора»¹⁰⁵. Яркая эмоциональная речь главы советской делегации вызвала, по выражению генерала Гофмана, «всеобщее смущение»¹⁰⁶, а Кюльман, быстро придя в себя, мог лишь констатировать, что страны Четверного союза «находятся в настоящий момент в состоянии войны с Россией»¹⁰⁷. На следующий день советская делегация покинула Брест-Литовск.

14 февраля Троцкий отчитывался в Петрограде перед ЦИК Советов. «Я думаю, что мы правильно поступили, товарищи! — сказал он. — Я не хочу сказать, что наступление Германии исключено. Но я думаю, что позиция, которую мы заняли в этом вопросе, в очень большой степени затруднила германскому империализму наступление. Но мы можем сказать только одно: если в нашей стране, истощенной, доведенной до отчаянного состояния, если в нашей стране можно поднять дух наиболее революционных жизнеспособных элементов, если возможна у нас борьба за защиту нашей ре-

¹⁰⁵ Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. С. 207–208.

¹⁰⁶ Hoffmann Max. Op. cit. P. 214.

¹⁰⁷ Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. С. 209.

волюции, то только в результате того положения, которое создано сейчас, в результате нашего выхода из войны и отказа подписать мирный договор»¹⁰⁸. Действия советской делегации в Брест-Литовске после обмена мнениями ЦИК по предложению его председателя Я. М. Свердлова единогласно одобрил¹⁰⁹. Увы, Троцкий, успевший даже объявить о демобилизации армии, оказался плохим пророком, потому, что еще накануне, 15 февраля, «германскому империализму» ничто не помешало принять решение продолжать военные действия, а заявление советской делегации считать фактическим разрывом перемирия с 17 февраля¹¹⁰. 18 февраля, сразу же после отъезда из Петрограда военно-морской миссии во главе с вице-адмиралом Кейзерлингом и экономической миссии во главе с графом Мирбахом Верховное главнокомандование германской армии возобновило боевые действия на Восточном фронте. Тем не менее собравшийся утром 18 февраля ЦК большевистской партии отверг 7 голосами против 6 предложение Ленина немедленно возобновить переговоры о заключении мира с Германией. И только вечером 18 февраля, когда стало известно о взятии немцами Двинска, большевистский ЦК после горячих споров принимает 7 голосами против 6 предложение о немедленном заключении мира на прежних условиях германской стороны. За это предложение вместе с Лениным теперь голосовал и Троцкий¹¹¹. В составленной ими «радиограмме правительству Германской империи» сообщалось, что «Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство»¹¹².

Радиограмма о согласии заключить мир за подписями Ленина и Троцкого была получена германской стороной утром 19 февраля, но немецкое командование, воодушевленное триумфальным продвижением своих войск по территории России, потребовало официальный документ, а пока захватывало город за городом практически без сопротивления. Угроза захвата нависла над Петроградом,

¹⁰⁸ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 98.

¹⁰⁹ Известия ВЦИК. 1918. 15 февр.

¹¹⁰ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 245.

¹¹¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 204–205.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 339.

который 20 февраля был объявлен на военном положении. 21 февраля Совнарком принял декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», который поддержала и партия левых эсеров. В то же время левые эсеры голосовали против помощи Антанты в борьбе с Германией. Поступившее предложение финансовой и военной помощи от Франции и Англии обсуждалось 22 февраля на заседании ЦК партии большевиков. Бухарин, Ломов и Урицкий высказались за принципиальную недопустимость «пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма», но победила точка зрения Троцкого, высказавшегося за приобретение оружия везде, где только можно, следовательно, и у капиталистических правительств. Отсутствовавший на этом заседании Ленин прислал записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма»¹¹³. Вождь большевиков в очередной раз показывал своим соратникам, что во имя интересов революции можно и поступиться своими принципами.

3. Грабительский мир или революционная война?

23 февраля Германия предъявила правительству Советской России ультиматум, который содержал все требования, какие только можно было выдвинуть. Ультиматум огласил на состоявшемся в тот же день заседании ЦК большевиков Я. М. Свердлов, а выступивший после него В. И. Ленин предложил немедленно принять оглушившие всех присутствовавших условия, заявив, что в противном случае он выходит и из правительства и из ЦК. «Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия», — резюмировал он. Л. Д. Троцкий полемизировал с Лениным скорее для сохранения лица, утверждая, что не «подписав ультиматума, мы бы держали весь мир в напряжении», но в конце своего выступления заявил, что он не возьмет на себя ответственность голосовать за войну. Хотя Ленину и удалось в результате ожесточенной полемики с левыми коммунистами добиться принятия германского ультиматума 7 голосами против 4 и 4 воздержавшихся, большевистское руководство оказалось в глубоком расколе,

¹¹³Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 208.

а часть членов ЦК — Бухарин, Ломов, Бубнов, Урицкий и другие — пригрозили покинуть свои посты¹¹⁴.

В ночь на 24 февраля состоялось заседание ЦИК, на котором с докладом о германских условиях выступил Ленин. Повторив прежние доводы за немедленное подписание ультиматума, он впервые столь откровенно признал, что принятая советской стороной на переговорах в Брест-Литовске линия поведения не оправдала себя. «Мы сделали все, что возможно для того, чтобы затянуть переговоры, — говорил он, — мы сделали даже больше, чем возможно, мы сделали то, что после брестских переговоров объявили состояние войны прекращенным, уверенные, как были уверены многие из нас, что состояние Германии не позволит ей зверского и дикого наступления на Россию. На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение, и поражению надо уметь смотреть прямо в лицо»¹¹⁵. Но с этим не хотели соглашаться левые коммунисты и левые эсеры, продолжавшие отстаивать лозунг революционной войны. Обстановка на этом заседании ЦИК была столь накаленной, что во время выступления Ленина левый эсер Б. Д. Камков предложил лидерам левых коммунистов Н. И. Бухарину и Г. Л. Пятакову образовать в случае отставки Ленина новое правительство во главе с Пятаковым. Хотя, по более позднему свидетельству самого Бухарина, левые коммунисты «отвергнули предложение левых эсеров с негодованием», этот факт был использован И. В. Сталиным в борьбе против оппозиции. «Известно, например, что левые коммунисты, составлявшие тогда отдельную фракцию, — писал генсек в «Правде» 15 декабря 1923 г., — дошли до такого ожесточения, что серьезно поговаривали о смене существовавшего тогда Совнаркома новым Совнаркомом из новых людей, входивших в состав фракции левых коммунистов. Часть нынешних оппозиционеров тт. Преображенский, Пятаков, Стуков и др. входили в состав фракции левых коммунистов». Против такой интерпретации эпизода на памятном всем заседании ЦИК Советов выступили «оппозиционеры», направившие в «Правду» письмо, подписанное Пятаковым, Преображенским, Радеком, Стуковым и др.¹¹⁶ В этом письме, опубликованном «Правдой» 3 января 1924 г., они признавали, что такой разговор

¹¹⁴ Там же. С. 211–218.

¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 378.

¹¹⁶ Текст этого письма см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 71. Д. 76. Л. 2.

между Камковым, с одной стороны, и Бухариным и Пятаковым — с другой, действительно имел место во время выступления Ленина на заседании ЦИК, но этот разговор, настаивали авторы письма, не только не носил характера каких-либо официальных переговоров, но и даже предварительного «нащупывающего» подхода. «Камков, между прочим, — писали они, — полуслушя сказал: “Ну, что же вы будете делать, если получите в партии большинство. Ведь Ленин уйдет, и тогда нам с вами придется составлять новый Совнарком. Я думаю, что председателем Совнаркома мы выберем тов. Пятакова”».

На самом деле обстановка на заседании ЦИК в ночь на 24 февраля 1918 г. была столь накаленной, что было не до шуток — ведь решался вопрос: кто кого? Победы левые коммунисты, и им неизбежно пришлось бы в союзе с левыми эсерами и составлять новый Совнарком с новым председателем. Но в результате поименного голосования Ленину и его сторонникам с большим трудом удалось провести резолюцию, одобряющую подписание мира: 116 голосов за и 85 против при 26 воздержавшихся; против голосовали меньшевики, правые и левые эсеры, анархисты-коммунисты, а большинство левых коммунистов не приняло участия в голосовании. Утром 24 февраля Совнарком известил германское правительство о принятии условий и об отправке в Брест-Литовск полномочной делегации. Подписывать «похабный мир» никто не хотел, и с большим трудом удалось составить делегацию во главе с Г. Я. Сокольниковым, которая в ночь на 25 февраля выехала в Брест-Литовск.

Одержав трудную победу в верхах большевистской партии, Ленин в эти критические дни стремится убедить в правильности своей линии и партийные низы, а также подготовить общественное мнение к тяжелым условиям мира. 25 февраля 1918 г. он публикует в «Правде» статью «Тяжелый, но необходимый урок», в которой были подвергнуты ожесточенной критике левые коммунисты. Ленин обвинил их открыто в том, что они «приняли начало массовых стачек в Австрии и Германии за революцию», пребывая в шапкозакидательских настроениях: «Где уж им, германским империалистам, — мы вместе с Либкнехтом спихнем их сразу!». Он осуждал разгул революционной фразы, в то время как Совнарком получал «мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говоря уже о

бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности и разгильдяйстве». Призывая сознательных рабочих сделать выводы из горьких и тяжелых уроков, данных германским империализмом, он делал особый упор на отношении к защите отечества, к обороноспособности страны, к революционной, социалистической войне. «Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., — подчеркивал Ленин, — мы — за защиту отечества с этого дня»¹¹⁷. Призыв к защите отечества и укреплению обороноспособности страны был более чем своевременен: в связи с продолжавшимся наступлением немецких войск на заседании Совнаркома 26 февраля 1918 г. обсуждался вопрос об эвакуации правительства и правительственных учреждений из Петрограда в Москву. В подготовленном Лениным и принятым Совнаркомом постановлении говорилось: «1. Выбрать местом нахождения Москву. 2. Эвакуировать каждому ведомству только минимальное количество руководителей центрального административного аппарата, не более 2–3 десятков человек (плюс семьи). 3. Во что бы то ни стало и немедленно вывезти Государственный банк, золото и Экспедицию заготовления государственных бумаг. 4. Начать разгрузку ценностей Москвы»¹¹⁸.

28 февраля 1918 г. советская делегация, преодолев на своем пути немало препятствий, прибыла в Брест-Литовск и сразу же потребовала от немцев прекращения их наступления, но получила решительный отказ. 1 марта мирные переговоры возобновились, и полномочный представитель Германии фон Розенберг, которому было поручено подписать мирный договор, предложил советской делегации обсудить его проект. Г. Я. Сокольников попросил зачитать весь проект, а после его оглашения заявил, что отказывается «от всякого его обсуждения как совершенно бесполезного при создавшихся условиях», тем более, что уже грядет мировая пролетарская революция¹¹⁹. 2 марта секретарь советской делегации Л. М. Карахан направил в Петроград следующую телеграмму: «Как и предполагали, обсуждение условий мира совершенно бесполезно, ибо они ухудшены сравнительно с ультиматумом 21 февраля и носят ультимативный характер. Ввиду этого, а также вследствие отказа немцев прекратить до подписания договора военные действия мы решили подписать договор, не входя в его обсуждение и по подписании

¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 394–395.

¹¹⁸ Там же. С. 398.

¹¹⁹ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 269.

выехать»¹²⁰. 3 марта 1918 г. состоялось официальное подписание мирного договора между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. В оглашенной с советской стороны декларации отмечалось: «Этот мир продиктован с оружием в руках. Это — мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия. Это — мир, который, под предлогом освобождения российских окраин, на деле превращает их в немецкие провинции...». Глава советской делегации Сокольников после подписания не удержался от пророчества: «Мы ни на минуту не сомневаемся, что это торжество империализма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется временным и преходящим». После этих слов генерал Гофман в возмущении воскликнул: «Опять те же бредни!»¹²¹. Драматическая история переговоров в Брест-Литовске, на мой взгляд, не дает оснований считать, что большевистское правительство было послушным исполнителем воли Германии. Советская делегация и прежде всего Троцкий переоценили свои возможности затягивания переговоров в надежде на помощь международного пролетариата. В решающий момент переговоров они ничего не смогли противопоставить дипломатии с позиции силы, за которой стояла еще относительно боеспособная немецкая армия.

Итак, Брест-Литовский мир был подписан, но он мог вступить в силу только после его ратификации партийными съездами, съездом Советов и германским рейхстагом. По условиям договора это должно было произойти в течение двух недель. Если иметь в виду, что условия мира были не только унижительными, но и действительно грабительскими и кабальными, то это была непростая задача. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что собравшиеся 6 марта 1918 г. в Таврическом дворце для утверждения Брестского мира делегаты Седьмого экстренного съезда РКП(б) не были даже ознакомлены с текстом договора. Ленину было что скрывать: ведь на отторгнутых территориях общей площадью 780 тыс. кв. км с населением в 56 млн человек находилось более четверти всех железных дорог, третья часть текстильной промышленности, выплавлялось почти три четверти металла, добывалось почти 90% каменного угля. Россия теряла более четверти своих сельскохозяй-

¹²⁰ Шихкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969. С. 47.

¹²¹ Сокольников Г. Брестский мир. М., 1920. С. 31.

ственных угодий. Чтобы добиться одобрения такого мира, Ленину в своем докладе пришлось фактически согласиться с левыми коммунистами по основным положениям, прежде всего по вопросу о необходимости революционной войны во имя победы мировой революции, и даже признать, что война с Германией неизбежна. «Некоторые, определенно, как дети, думают: подписал договор, значит продался сатане, пошел в ад», — убеждал он. Гениальный тактик Ленин говорил в докладе не о мире, а о мирной передышке, и в очередной раз победил своих оппонентов — левых коммунистов. Один из противников Брестского мира К. Радек был вынужден сказать на съезде: «Ни тени предательства, ни позора нет, потому что ясно, что вы отступили перед военной подавляющей силой». Предложенная Лениным резолюция, получившая большинство делегатов съезда, даже не упоминала о мире, констатировала передышку для подготовки к революционной войне. Чтобы не вызвать негодование немцев, Ленин настоял, чтобы съезд принял поправку о том, что резолюция не будет опубликована, а будет только сообщение о ратификации договора. А для того, чтобы предотвратить утечку информации со съезда, он даже потребовал «взять на этот счет личную подписку с каждого находящегося в зале» по причине «государственной важности вопроса»¹²². Но требование Ленина к делегатам съезда вернуть текст резолюции о мире в целях «сохранения военной тайны» (!) было отвергнуто. Съезд также принял вопреки Ленину предложенную Н. Н. Крестинским резолюцию о том, что «тактика неподписания мира в Бресте была совершенно правильной тактикой, так как она наглядно показала самому отсталому отряду международного пролетариата полную независимость рабоче-крестьянского правительства России от германского империализма и разбойнический характер последнего»¹²³.

Разумеется, сохранить в тайне документ такого масштаба, как Брест-Литовский мирный договор, было невозможно, и очень скоро политические противники большевиков знали даже о том, что для «надежности» немцы заставили представителя советской делегации подписать целых пять экземпляров договора, в которых об-

¹²²Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года: Стеногр. отчет. М., 1962. С. 113, 125–126.

¹²³Там же. С. 131.

наружились разночтения¹²⁴. При Совете съездов представителей промышленности и торговли в Петрограде была образована специальная комиссия по Брест-Литовскому миру во главе с известным специалистом в области международного права, профессором Петербургского университета Б. Э. Нольде. В работе этой комиссии принимали участие видные старые дипломаты и бюрократы, в том числе бывший министр иностранных дел Н. Н. Покровский. Анализируя содержание Брест-Литовского мира, Нольде не мог не отметить «варварского отношения к делу большевистских дипломатов, которые не сумели оговорить интересы России даже в тех узких рамках, в которых немцы это допускали»¹²⁵. Вместе с тем он не мог скрыть и определенного оптимизма: «Нет контрибуции, как в русско-японскую войну!». Но здесь ему возражали другие члены комиссии, указывая на «скрытую контрибуцию» — возмещение убытков, которые потерпели германские подданные при ограничительном законодательстве 1914–1917 гг., свободный вывоз сырья в Германию, гарантия наибольшего благоприятствования и др. Некоторые даже считали, что, если принять во внимание, что большевики обязались восстановить экономическое положение германских подданных и аннулировать ограничительное законодательство против немцев, а также явное стремление Германии сделать из России экономическую базу, то Брест-Литовский мир «положил бы начало немецкому игу, более тяжелому, чем татарское»¹²⁶. (Спустя несколько месяцев это «игу» явится в виде дополнительных соглашений к Брест-Литовскому договору от 27 августа 1918 г.) Выступивший после всех Н. Н. Покровский призывал не переоценивать силу Германии. «Разве сильная Германия могла бы потерпеть в России большевизм, при котором ни политические, ни экономические русско-немецкие отношения не смогут наладиться? Сам союз монархической Германии с большевизмом указывает на безвыходность военного положения Германии, — говорил он. — Я уверен в победе союзников над Германией, но я не уверен в их отношении к нам»¹²⁷.

Германская сторона была в курсе тех трудностей, которые ис-

¹²⁴ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. Октябрь 1917 — ноябрь 1920. М., 1993. С. 87.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 88–89.

¹²⁷ Там же. С. 89–90.

пытывал Ленин при ратификации Брестского мира, и потому не торопилась трубить о своей победе. Когда 7 марта 1918 г. министр финансов Редерн сообщил находившемуся в Бухаресте статс-секретарю иностранных дел Кюльману о том, что он «желает дополнить свои последние требования по кредитам, которые он представит в рейхстаг на следующей неделе, несколькими замечаниями о внешней политике, чтобы немного разрядить атмосферу»¹²⁸, последний был очень осторожен. «Общая ситуация настолько неопределенна, что я советовал бы воздержаться от каких бы то ни было комментариев по поводу внешней политики без крайней на то нужды, — телеграфировал Кюльман в Берлин 11 марта 1918 г. — В связи с последними сообщениями из России и ввиду существующего здесь сопротивления ратификации наших договоров я бы особенно рекомендовал крайнюю сдержанность в оценке позитивных результатов, достигнутых в Бресте. Можно, вероятно, сказать, что с восточной стороны небосклона появляются просветы, но лучше пока не утверждать, что перевод войны с двух фронтов на один гарантирован»¹²⁹. Что же касается германского генералитета, то он и в это время продолжал уповать на дипломатию силы. Сомневаясь в том, что Брестский мир будет ратифицирован Советской Россией, генерал Гофман писал в своем дневнике 14 марта 1918 г.: «...В таком случае мы, конечно, должны будем взять Петербург...»¹³⁰. Но дело до этого не дошло: именно 14 марта 1918 г. в Москве, куда к этому времени переехало советское правительство, открылся Четвертый Чрезвычайный съезд Советов, созванный для ратификации Брестского мира.

15 марта 1918 г. Ленин одержал на Чрезвычайном съезде Советов окончательную победу над противниками заключения Брестского мира, который был ратифицирован большинством в 784 голоса против 261 при 115 воздержавшихся¹³¹. В результате представители партии левых эсеров вышли из Совнаркома. Ушел с поста наркома иностранных дел и Троцкий, позиция которого — «ни мира, ни войны» — не устояла под натиском ленинской мирной передышки, толкуемой каждый раз сообразно политическому момен-

¹²⁸ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 374.

¹²⁹ Там же. С. 375.

¹³⁰ Гофман М. Записки и дневники 1914–1918 / Пер. с нем. Л., 1929. С. 210.

¹³¹ Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного съезда Советов. М., 1918. С. 64.

ту. Наконец, 22 марта 1918 г. Брестский мир был ратифицирован и германским рейхстагом. Однако и при своем вступлении в силу этот мир не принес ни окончания военных действий, ни удовлетворения обеим сторонам. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Брест-Литовский мир все же укрепил положение большевистского правительства внутри страны. Как справедливо писал бывший посол Германии в Советской России К. Гельферих, «уже самый факт заключения мира и возобновления дипломатических отношений с большевиками был воспринят в кругах небольшевистской России как моральная поддержка большевистского режима со стороны Германии»¹³².

В апреле 1918 г. между РСФСР и Германией были установлены дипломатические отношения. Советским полномочным представителем в Берлин был направлен А. А. Иоффе, левый коммунист и противник Брестского мира, но его назначение было условием, на котором большинство ЦК соглашалось 7 апреля 1918 г. на установление дипломатических отношений с империалистической Германией, куда Иоффе ехал для координации усилий по подготовке революции. Германским послом в Москву был назначен граф Мирбах, «аристократ старой школы», который еще до войны был советником германского посольства в Петербурге. 26 апреля он вручил верительные грамоты председателю ЦИК Я. М. Свердлову, отметившему историческое значение этого акта: Мирбах стал первым иностранным послом в Советской России. В своем первом донесении из Москвы рейхсканцлеру Гертлингу от 29 апреля 1918 г. Мирбах писал: «Первое немецкое дипломатическое представительство при Российской Республике встречено широкими массами в общем приветливо и с любопытством, правительственной прессой — выжидательно, а буржуазной прессой и всеми заинтересованными кругами — с самыми большими ожиданиями. Бесчисленные письма и личные посещения немецких соотечественников, а также представителей от всех оккупированных областей и, не в последнюю очередь, русских представителей старого режима говорят о том, что здешней публике нельзя отказать в правильном глазомере относительно тех задач, которые здесь предстоит решать. В этих кругах большей частью господствует представление, будто произведенные за последние годы во всех областях огромные разрушения как бы

¹³² Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 64.

одним взмахом волшебной палочки могут быть вдруг восстановлены вместе с реставрацией старого режима. Особенно сильное смещение царит в умах буржуазных русских кругов, которые совершенно неправильно понимают характер нашей миссии, большинство из них рассматривает нас как своих союзников в борьбе против большевиков и намеренно злоупотребляет этим. По поводу приема, который был оказан мне в Народном Комиссариате Иностранных дел, у меня ни в каком отношении жалоб нет. Чичерин приветствовал меня в весьма сердечном тоне и совершенно явно стремился с первого же дня установить отношения, основанные на взаимном доверии. Подвергать сомнению его искренность у меня нет абсолютно никаких оснований... Как я уже сообщал в телеграмме, наше наступление на Украине — Финляндия стоит на втором плане — уже через два дня после моего прибытия стало первой причиной осложнений. Чичерин выразил это только намеками и скорее в элегической форме, однако достаточно ясно и понятно... Более сильные личности меньше стеснялись и не пытались скрывать свое неудовольствие: это прежде всего председатель Исполнительного Комитета Свердлов, которому я как раз в этот день вручил свои верительные грамоты. Свердлов — особенно настойчивый и суровый тип пролетария... Вручение моих верительных грамот происходило не только в самой простой, но и в самой холодной обстановке... В своей ответной речи председатель выразил ожидание, что я «умею устранить препятствия, которые все еще мешают установлению подлинного мира». В этих словах ясно чувствовалось негодование. По окончании официальной церемонии он не предложил мне присесть и не удостоил меня личной беседы»¹³³.

При назначении на пост посла в Москву Мирбах получил от своего Министерства иностранных дел инструкцию поддерживать сотрудничество с большевистским правительством. Главной же обязанностью Мирбаха, по мнению немецкого историка В. Баумгарта, было собирание информации о большевизме, создание правдивой картины того, что он действительно собой представляет¹³⁴. В своих донесениях германский посол довольно объективно оценивал внутрисполитическое положение Советской России, высказывал рекомендации своему правительству по нейтрализации влияния стран

¹³³ Документы германского посла в Москве Мирбаха / Предисловие и комментарии С. М. Драбкиной // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 123–124.

¹³⁴ Там же. С. 121.

Антанты на большевистское руководство. Обобщая свои наблюдения об обстановке в Москве, в одном из своих донесений Мирбах с удовлетворением сообщал, что «желание внести какой-то порядок распространяется вплоть до низших слоев, а ощущение собственного бессилия заставляет их надеяться, что спасение придет от Германии»¹³⁵. Во всяком случае так думал не только германский посол, но и некоторые представители московской интеллигенции. Историк С. Б. Веселовский записал в своем дневнике 1 марта 1918 г.: «С кем ни говоришь, всеми овладело какое-то тупое отчаяние. Всякий понимает, конечно, что приход немцев есть позор и принесет много горя, унижений и экономическое порабощение, но одновременно жизнь под кошмарным разгулом большевистской черни стала настолько невыносимой, настолько неизбывной, что каждый или открыто или про себя предпочитает рабство у культурного, хотя и жестокого врага, чем бессмысленную, бесплодную, бесславную смерть от голода или убийц и грабителей!»¹³⁶.

Мирбах принадлежал к числу тех политических деятелей Германии, которые считали необходимым поддерживать большевистское правительство даже в его отчаянном состоянии, понимая, что любое другое правительство, которое может прийти ему на смену, постарается с помощью Антанты освободиться от навязанных условий Брестского мира. Поэтому он и его сотрудники внимательно следили за «происками» своих противников и всячески старались нейтрализовать их «козни». Как видно из донесений Мирбаха в Берлин, источником получаемой им информации были неофициальные встречи с видными партийными и советскими работниками, дипломатами, в том числе К. Б. Радеком, Л. М. Караханом¹³⁷, в то время членом коллегии Наркомата иностранных дел, а затем и заместителем министра. 10 мая 1918 г. представители стран Антанты предложили советскому правительству, в случае его отказа от Брестского мира, военную и продовольственную помощь и дипломатическое признание, и в тот же день об этом стало известно германскому послу, который немедленно сообщил об этом своему руководству в Берлин, предупредив при этом, что «ввиду колоссальных трудностей большевистского правительства и его

¹³⁵ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 378.

¹³⁶ *Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 93.*

¹³⁷ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 378.

растерянности из-за развития дел на юге, вполне вероятны всякие неожиданности»¹³⁸. Тем не менее и в это критическое для Советской власти время Мирбах полагал, что интересы Германии «все еще требуют продления власти большевистского правительства», тогда как генерал Людендорф уже считал полезным подготовиться к возможному приходу в России враждебного Германии правительства, помогая приемлемым для нее силам войти в состав нового правительства¹³⁹. «Насколько отсюда можно судить, в наших интересах выгоднее всего снабжать большевиков необходимым минимумом товаров и поддерживать их у власти, — писал 13 мая 1918 г. германский посол в Москве в Берлин. — Несмотря на все их декреты, в настоящее время с большевиками можно чего-то достигнуть, ибо они вдруг стали сговорчивее в экономических делах, и можно, по крайней мере, вести подготовку к дальнейшей экономической инфильтрации»¹⁴⁰. Как известно, в это время правящие круги Германии пытались стимулировать процесс «бегства русского капитала под германскую защиту», выдвигая различные проекты, которые позволили бы установить контроль над значительной частью еще не национализированного российского капитала¹⁴¹. Германское посольство в Москве, используя свое влияние, пыталось этому всячески содействовать, как официально, так и закулисно. Возражая против национализации акционерного «Электрического общества 1886 года», Мирбах в направленной в мае 1918 г. ноте в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР писал: «Принимая во внимание, что свыше 40% акционерного капитала общества является немецкой собственностью, я заявляю протест против всех, уже имевших место или предстоящих действий государственных и городских органов, посредством которых будет произведено нанесение вреда германской собственности и германским интересам»¹⁴².

16 мая 1918 г. Мирбах имел продолжительную встречу с Лениным в Кремле, отчет о которой был немедленно направлен канцлеру Гертлингу. Как он сообщал в этом отчете, вождь большевиков, несмотря на свой «безграничный оптимизм», признал, что, хотя Со-

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 378, 379.

¹⁴⁰ Там же. С. 379.

¹⁴¹ *Rosenfeld G. Sowjetrussland and Deutschland. 1917–1922. Berlin, 1960. S. 92, 95.*

¹⁴² Известия ЦИК. 1918. 24 мая.

ветская власть устояла и держится, число ее противников растет и ситуация «требуется большей бдительности, чем месяц тому назад». Ленин также не скрывал, что у него появились противники и в собственном лагере, и причиной тому Брестский мир, который он по-прежнему готов отстаивать, а они считают ошибкой. Рисуя сложность обстановки, отмечал в заключение Мирбах, «Ленин не жаловался и не бранился, и не намекал на то, что если нынешнее положение дел не изменится, он может быть вынужден обратиться к другим державам. Однако он явно старался как можно выразительнее изобразить все трудности своего положения»¹⁴³. По ознакомлении с этим отчетом Вильгельм II, склонный к сентенциям, заметил на полях напротив заключительной фразы: «С ним все кончено»¹⁴⁴, имея в виду Ленина. Но здесь германский император был не совсем прав — его собственный конец наступил еще раньше, несколько месяцев спустя, когда в результате Ноябрьской революции в Германии он был вынужден отречься от престола.

Однако такое предсказание участи главы Советского правительства основывалось и на том пессимизме, которым все более заражался в Москве Мирбах. Буквально на следующий день после встречи с Лениным он телеграфирует в Берлин о новом обострении ситуации в России и особенно в Петрограде, сообщая при этом, что «Антанта предположительно тратит огромные суммы, чтобы привести к власти правое крыло партии эсеров и возобновить войну». Полагая, что в этих условиях большевистское правительство может пасть, посол запросил у своего руководства «инструкции относительно того, оправдывает ли сложившаяся ситуация использование крупных сумм в наших интересах, если это окажется необходимо, и какую тенденцию мне поддерживать, если большевики не устоят. В случае падения большевиков последователи Антанты имеют в настоящий момент наилучшие перспективы»¹⁴⁵. Инструкции из Берлина последовали незамедлительно. «Используйте, пожалуйста, крупные суммы, так как мы заинтересованы в том, чтобы большевики выжили, — телеграфировал 18 мая 1918 г. Мирбаху статс-секретарь иностранных дел Кюльман. — В вашем распоряжении фонды Рицлера. Если потребуется больше, телеграфируйте,

¹⁴³ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 381–382.

¹⁴⁴ Там же. С. 411.

¹⁴⁵ Там же. С. 382.

пожалуйста, сколько...»¹⁴⁶. По всей видимости, Мирбаху потребовалось больше, и 3 июня 1918 г. он запрашивает Берлин: «В связи с сильной конкуренцией Антанты необходимо 3 млн марок в месяц. В случае необходимости перемены нашей политической линии может возникнуть нужда в более крупной сумме»¹⁴⁷. В составленном 5 июня 1918 г. меморандуме Кюльману для обсуждения с министром финансов Редерном констатировалось, что германский посол в Москве в целях нейтрализации попыток Антанты склонить Советы к сотрудничеству был вынужден потратить значительные суммы, и потому имевшиеся фонды на расходы в России были исчерпаны. «Поэтому очень важно, чтобы министр финансов выдал нам новые фонды, — заключал советник МИД Германии Траутман. — В связи с описанным выше положением этот фонд должен составить как минимум 40 миллионов марок»¹⁴⁸. Надо отдать должное министру финансов: он, как правило, соглашался удовлетворить запросы своего коллеги из МИД, не проявляя при этом излишнего любопытства. И на этот раз, отвечая на очередной финансовый запрос, Редерн сообщил 11 июня 1918 г. Кюльману, что он «согласен поддержать заявление, поданное без указания каких-либо причин, на 40 млн марок...»¹⁴⁹.

Продолжая выступать за оказание финансовой помощи большевистскому правительству, германская дипломатия под влиянием неутешительных вестей из Москвы, все более склонялась к изменению своей восточной политики, активно искала политические силы в России, которые могли бы составить новое правительство германской ориентации. Информацию к размышлению инициировал из Москвы Мирбах, который в своем строго секретном донесении рейхсканцлеру Гертлингу от 2 июня 1918 г. писал: «...Принимая во внимание бурный темп развития событий здесь в стране, в особенности за последнее время, и все возрастающую неустойчивость положения большевиков, мы, по моему мнению, поступили бы, безусловно, правильно, если бы своевременно, хотя для начала очень осторожно, подготовились бы к перегруппировке сил, которая, возможно, станет необходимой. Связь с политическими партиями, которые намереваются перетянуть Россию в лагерь наших противни-

¹⁴⁶ Там же. С. 383.

¹⁴⁷ Там же. С. 384.

¹⁴⁸ Там же. С. 387.

¹⁴⁹ Там же. С. 391.

ков, разумеется, уже а priori исключается: это в первую очередь с головой продавшиеся Антанте эсеры, а также кадеты более старого и строго правого направления. В то же время другая группа кадетов, преимущественно правой ориентации, известная сейчас под названием «монархистов», могла бы быть присоединена к тем элементам, которые, возможно, составят ядро будущего нового порядка. Надо все же иметь в виду, что не очень-то можно доверять их организационному таланту, а тем более их боеспособности. Все же, если мы уже сейчас постепенно, с должными мерами предосторожности и соответственно замаскировано, начали бы с предоставления этим кругам желательных им денежных средств, — вопрос о поставках оружия, которого они ждут, по ряду причин отпадает, — то тем самым был бы уже установлен какой-то контакт с ними на случай, если они в один прекрасный день заменят нынешний режим. Тем самым мы имели бы в своих руках — если даже опять не на очень долгий срок — для установления новых германо-русских отношений элементы, на которые можно было бы более или менее опереться и которые охотно соглашались на сотрудничество с нами...»¹⁵⁰.

Статс-секретарь иностранных дел Кюльман согласился с необходимостью подготовки к перегруппировке сил, заметив при этом: «но очень осторожно»¹⁵¹. 4 июня 1918 г. свои соображения на этот счет направил в Берлин советник германского посольства в Москве К. Рицлер, признанный специалист по России, в распоряжении которого находились фонды по оказанию финансовой помощи большевистскому правительству. Однако на этот раз Рицлер не просил о пополнении таявших в связи со значительными расходами фондов, а предлагал «принять в расчет одну серьезную возможность — а именно возможность восстановления буржуазной России с помощью Антанты». Допуская, что радость освобождения от большевистского террора может помочь стране справиться с ее неотложными экономическими проблемами, а открытие банков и возобновление свободной торговли может существенно поправить дела, опытный дипломат предупреждал, что в этом случае Германия может оказаться в крайне сложном положении. «Нам придется либо противостоять мощному движению, имея всего несколько

¹⁵⁰ Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 125.

¹⁵¹ Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны. С. 385.

дивизий, либо оказаться вынужденными принять это движение, — писал он. — Говоря конкретно, это означает, что мы должны протянуть нить к Оренбургу и Сибири над головой генерала Краснова, держать втайне наготове кавалерию, ориентируя ее на Москву, подготовить будущее правительство, с которым мы могли бы войти в согласие, исследовав для этой цели как можно глубже ряды кадетов (чтобы, при необходимости, также скомпрометировать их), и, наконец, пересмотреть пункты Брестского договора, направленные против экономической гегемонии в России, а именно воссоединить Украину с Россией и что-нибудь придумать с Эстонией и Латвией, которые мы могли бы потом снова продать назад России. Помогать возрождению России, которая снова станет империалистической, перспектива не из приятных, но такое развитие событий может оказаться неизбежным...»¹⁵². Обращает на себя внимание не только не востребованный дальнейшим развитием событий радикальный план действий Германии, но и предложение использовать в случае необходимости уже проверенный на большевиках метод компрометации других политических сил.

Влиятельный генерал Людендорф также считал необходимым изложить из Ставки Верховного главнокомандования свои соображения относительно восточной политики, в связи с чем 9 июня 1918 г. направил статс-секретарю иностранных дел Кюльману специальный меморандум. В нем он обрушивался на большевистское правительство, обвиняя его в бесчестной игре и обмане Германии. «Оно всячески затягивает все важные для нас решения и, насколько это возможно, действует против нас, — возмущался генерал. — Нам нечего ожидать от этого правительства, хотя оно и существует по нашей милости. Для нас это постоянная опасность, которая уменьшится только, если оно безоговорочно признает нас высшей державой и покорится нам из страха перед Германией и из опасений за свое собственное существование. Следовательно, мне кажется показным строгое и безжалостное обращение с этим правительством»¹⁵³. Одновременно Людендорф предлагал поддерживать отношения с другими политическими силами в России, чтобы не оказаться вдруг в полном одиночестве. Он рекомендовал установить контакты с монархистскими группами, чтобы со временем с их по-

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же. С. 390.

мощью овладеть монархистским движением в целом и управлять им в интересах Германии¹⁵⁴.

К необходимости политической переориентации все более склонялся и граф Мирбах. «События, ускоренные выступлением чехословаков, с почти неудержимой силой ведут к победе контрреволюции, — писал он из Москвы в Берлин 20 июня 1918 г. — Мы используем все возможности, чтобы по мере сил захватить в свои руки руководство этим развитием и определить тем самым направление на более далекое будущее»¹⁵⁵. Свое новое понимание политической ситуации в Советской России германский посол в Москве окончательно (для себя) определил в частном письме своему шефу Кюльману 25 июня 1918 г. «...Сегодня, после более чем 2-месячного внимательного наблюдения, я не могу более поставить благоприятного диагноза большевизму: мы, бесспорно, находимся у постели тяжелобольного; и хотя возможны моменты кажущегося улучшения, но в конечном счете он обречен, — писал Мирбах. — Независимо от того, что большевизм вскоре должен сам погибнуть в результате процесса внутреннего разложения, который его разъедает, слишком многочисленные элементы также неумолимо действуют с целью по возможности ускорить этот конец и урегулировать в своих интересах вопрос о преемниках. При таких обстоятельствах в один прекрасный день может возникнуть нежелательная для нас конъюнктура: эсеры, подкупленные деньгами Антанты и снабженные чехословацким оружием, вернут новую Россию в ряды наших противников. (С военной точки зрения это, разумеется, не очень-то страшно, но в политическом и экономическом отношениях крайне нежелательно.) Если согласиться с фактом, что силы большевизма и без того иссякли, то я полагаю, что нам следует позаботиться о том, чтобы сразу же заполнить вакуум, который образуется здесь после ухода большевиков, режимом, соответствующим нашим пожеланиям и интересам. Может быть, даже не обязательно будет сразу же восстанавливать монархию... Наше основное ядро должно состоять из умеренных правых октябристов и кадетов (по возможности с привлечением даже самых левых элементов). Благодаря этому мы прежде всего сумеем использовать большой процент влиятельных представителей промышленных и финансово-банковских

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 128.

кругов для наших безбрежных экономических интересов. Этот уже довольно солидный блок можно было бы усилить и подкрепить, если бы удалось завербовать на свою сторону сибиряков. Но это, безусловно, наиболее трудная проблема. Если бы она была разрешена, то перед нами открылись бы еще более широкие перспективы на базе использования природных богатств Сибири. При этом я хочу здесь лишь в самых общих чертах напомнить о новых, почти неограниченных возможностях нашего проникновения в Сибирь и на Дальний Восток.

В случае, если эти новые возможности осуществляются, у нас не будет даже необходимости применять слишком большое насилие, кроме того, мы сможем до последнего момента внешне сохранять видимость лояльных отношений с большевиками. Длительный развал экономики и постоянное тяжелейшее ущемление всех наших интересов могут в любое время и в удобный для нас момент быть использованы как предлог для военного выступления. Любое крупное наше выступление — при этом вовсе нет необходимости занимать с самого начала обе столицы — сразу же автоматически приведет к падению большевизма; и так же автоматически заранее подготовленные нами и всецело преданные нам новые органы управления займут освободившиеся места...»¹⁵⁶.

Однако МИД Германии продолжал занимать более осторожную позицию, направив 29 июня 1918 г. Мирбаху директиву продолжать прежнюю линию по отношению к большевистскому правительству впредь до новых распоряжений¹⁵⁷. В своей последней телеграмме от 5 июля 1918 г. германский посол в Москве предостерегал свое правительство от разрыва с русскими буржуазными партиями, поскольку это могло бы самым негативным образом отразиться на отношениях с ними в будущем¹⁵⁸.

В то время как Мирбах уже подвел черту под большевистским периодом правления в России и ожидал, что вот-вот произойдет переворот, в ход событий вмешались другие силы, которым был ненавистен Брестский мир и которые жаждали разрыва с Германией. С этой целью левыми эсерами было задумано убийство германского посла в Москве как символа германского государства в

¹⁵⁶ Там же. С. 128–129.

¹⁵⁷ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Wien; München, 1966. S. 84, 220.

¹⁵⁸ Ibid.

России¹⁵⁹. Все произошло в дни работы Пятого Всероссийского съезда Советов, открывшегося 4 июля 1918 г. в Большом театре. В числе приглашенных гостей был и Мирбах, присутствие которого на съезде ораторы от левых эсеров использовали для нападков на милитаристскую Германию, требуя при этом изгнания германского посла из Москвы. Во время выступления Ленина 5 июля в зале со стороны левых эсеров неоднократно раздавались выкрики: «Мирбах!». Главе большевистского правительства как бы напоминали, на ком он держится. А выступивший после Ленина один из лидеров левых эсеров Камков без всякой дипломатии заявил, что «диктатура пролетариата превратилась в диктатуру Мирбаха», обвинил большевиков в том, что они стали «лакеями германских империалистов, которые осмеливаются показываться в этом театре». После чего левые эсеры поднялись со своих мест и, повернувшись к ложе германского посла, стали выкрикивать: «Долой Мирбаха! Долой немецких мясников! Долой брестскую петлю!»¹⁶⁰.

6 июля 1918 г. сотрудник ВЧК Яков Блюмкин и его сообщник Николай Андреев прямо в германском посольстве совершили убийство Мирбаха. Споры о том, кто стоял за этим убийством и в какой степени к этому причастен ЦК партии левых эсеров, не окончены и поныне¹⁶¹. Как бы то ни было, убийство Мирбаха знаменовало собой окончание целого периода неравноправных отношений между Германией и Советской Россией, унижительного подчинения последней. Признаки меняющегося отношения к германскому диктату можно было заметить в целом ряде майских выступлений Ленина, который не мог не знать о том, что его «союзник поневоле» собирается отказать ему в поддержке и активно ищет новые политические силы. Именно по этой причине большевистское правительство ответило решительным отказом на требование Германии о вводе в Москву немецкого батальона, вооруженного пулеметами и минометами, для охраны своего посольства. Германский ультиматум о вводе в Москву немецких войск был отклонен дважды, и германскому руководству в связи с возобновившимся на Западном фронте сражением на Марне, пришлось с этим смирить-

¹⁵⁹См.: Рабинович Александр. Указ. соч. С. 428–430.

¹⁶⁰Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, 4–10 июля 1918 года: Стеногр. отчет. М., 1919. С. 17–27, 35–38.

¹⁶¹См.: Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 432–458.

ся, хотя в самой Германии был распространен слух о том, что по соглашению с Совнаркомом батальон для охраны посольства был сформирован из немецких военнопленных¹⁶². Единственное, на что согласился тогда Ленин, так это усилить охрану германского посольства красногвардейцами и выдать временные удостоверения за его подписью, разрешающие «всем членам Германской миссии, заявленным Комиссариату по иностранным делам, носить при себе и пользоваться огнестрельным оружием для самообороны»¹⁶³. Правда, в условиях смертельной опасности, нависшей над Советским правительством в результате гражданской войны и начавшейся интервенции Антанты, Германии удалось еще навязать ему дополнительные соглашения к Брест-Литовскому мирному договору. 27 августа 1918 г. в Берлине в обстановке строжайшей секретности было заключено русско-германское финансовое соглашение, которое от имени правительства РСФСР подписал полпред А. А. Иоффе. По этому соглашению, текст которого у нас был полностью опубликован в 1957 г.¹⁶⁴, Советская Россия обязывалась выплатить Германии огромную контрибуцию — 6 млрд марок! — в виде «чистого золота» и кредитных обязательств. В сентябре 1918 г. в Германию было отправлено два «золотых эшелона», в которых находилось 93,5 тонны «чистого золота» на сумму свыше 120 млн золотых руб.¹⁶⁵ До следующей отправки дело не дошло: в ноябре 1918 г. в Германии произошла революция, в результате которой Вильгельм II был вынужден отказаться от престола, а Советская Россия получила возможность аннулировать грабительский мир с Германией. 13 ноября 1918 г. ЦИК Советов торжественно заявил, что Брест-Литовский договор аннулируется «в целом и во всех пунктах», что все включенные в него обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными¹⁶⁶. Германии же предстояло еще пережить свой «Брест» — подписать Версальский мирный договор.

¹⁶² Там же. С. 515, 532.

¹⁶³ Ленин В. И. Неизвестные документы 1891–1922. С. 242.

¹⁶⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 445–453.

¹⁶⁵ Сироткин В. Г. Зарубежное золото России. М., 1999. С. 96–109.

¹⁶⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 565.

Вместо заключения

В декабре 2007 г. в солидном немецком еженедельнике «Шпигель» была напечатана большая коллективная статья «Революционер Его Величества», явно рассчитанная на сенсацию. Авторы этой статьи, среди которых оказался и представитель России — некто Владимир Пыляев, с самого начала сообщали, что «неизвестные до сих пор документы подтверждают теперь масштабы тайного сотрудничества в годы Первой мировой войны» между Лениным и Вильгельмом II, «сотрудничество идеологически смертельных врагов, полное вероломства и интриганской заурядности». Не предъявив еще читателю эти «неизвестные до сих пор документы», они здесь же заявляли, что «без помощи Вильгельма II не было бы Октябрьской революции», и «вероятно, не возник бы Советский Союз. Не было бы тогда такого распространения коммунизма и не нужно было бы оплакивать миллионы жертв Гулага»¹.

Какие же доказательства в пользу своего глобального заключения приводят авторы статьи? Отметив мимоходом, что только Министерство иностранных дел Германии до конца 1918 г. выплатило большевикам 26 млн марок, и даже переводя их в евро (75 млн по сегодняшним ценам!), они считают эту цифру явно заниженной и полагают, что «многое можно подтвердить только путем косвенных доказательств», поскольку квитанции по выплатам большевикам, по их мнению, были уничтожены². Здесь авторы недооценивают немецкую педантичность в сохранении отчетных финансовых документов: как известно, сохранилась даже сверхсекретная расписка Парвуса в получении 1 млн руб. «для поддержки революционного движения в России». Конечно, многие документы могли быть утра-

¹ Revolutionär Seiner Majestät // Der Spiegel. 2007. N 50. S. 34.

² Ibid. S. 35.

чены, и в этом случае даже косвенные доказательства приобретают существенное значение. Как сообщают далее авторы статьи, поисками этих косвенных доказательств занялся журнал «Шпигель», который при обследовании более дюжины архивов по всей Европе «наткнулся на до сих пор неизвестные или неочененные материалы»: аналитические работы и документы разведовательных служб Швеции, Швейцарии и Великобритании, документы прусской полиции, различные материалы в архиве Министерства иностранных дел Германии и в российских архивах, выписки из счетов швейцарских банков. Если иметь в виду, что подобные разыскания проводились различными службами и частными лицами начиная с 1917 г., то просто не терпится узнать, что же смогли обнаружить существенно нового сегодня те, кто обследовал эти архивы по заказу журнала «Шпигель». Хотя авторы статьи и полагают, что «найденные при этом детали позволяют пролить свет на тот мир теней, в который отправились германские дипломаты, когда они поставили на революционизацию России»³, эти «детали», судя по тому, что авторы далее сообщают, вряд ли могут служить новым источником света, в лучах которого высветится глубоко запрятанное «немецкое золото» большевиков. Да, это правда, с началом Первой мировой войны германские разведчики и дипломаты были готовы щедро платить политическим авантюристам за организацию в России диверсий, беспорядков и восстаний. И об этом я тоже пишу в своей книге. Не могу здесь не согласиться с авторами статьи в том, что «это был прибыльный гешефт и для возможных вралей». Оказывается, еще в сентябре 1914 г. МИД Германии заплатил двум авантюристам, будто бы обладавшим «большим влиянием», 50 тыс. марок золотом за организацию «всеобщей революции в России». Еще 2 млн марок, по сведениям авторов, должны были быть выплачены в случае начала восстания, но «до сегодняшнего дня никто не знает, кто получил эти деньги»⁴.

Что же касается главного героя статьи «Революционер его Величества» — Ленина, то приводимые авторами «детали» если и добавляют что-то новое, то скорее к характеристике тех политических авантюристов, которые стремились заработать на сотрудничестве с лидером большевиков в эмиграции в Швейцарии. Это от-

³Ibid.

⁴Ibid. S. 36.

носится в первую очередь к находившемуся на содержании немецких спецслужб эстонскому националисту Кескюле. Сообщая, что за свои услуги Кескюла получил в общей сложности 250 тыс. марок, авторы считают необходимым отметить, что «только их малая часть оказалась по достоверным источникам у большевиков»⁵. Кстати, сам Кескюла впоследствии признавался, что выданные ему под расписку «немецкие деньги» он рассматривал как заем, и в 1923 г., когда в Веймарской республике бушевала инфляция, он предложил выплатить всю сумму своего «займа». Но ответа из Берлина не последовало: в те дни отправить письмо из Германии в Швецию, где жил Кескюла, стоило несколько миллионов рейхсмарок!⁶

Касаясь финансирования немецкой стороной Парвуса-Гельфанда, авторы статьи действительно приводят новые детали: из неизвестного ранее документа МИД Германии явствует, что он получал деньги от своих хозяев неоднократно, и это согласуется с фактом выделения имперским Министерством финансов миллионов сумм на революцию в России. При этом авторы статьи полагают, что «часть денег из Министерства иностранных дел Гельфанд, по всей вероятности, вложил в ценные бумаги, вместо того, чтобы использовать их на организацию революции». Такой вывод, по их мнению, позволяют сделать обнаруженные в швейцарском Федеральном архиве в Берне документы о счетах Парвуса, конфискованные швейцарской полицией в 1919 г.⁷ Выделяя роль Парвуса в подрывной работе против России, авторы статьи одновременно подчеркивают, что «самый большой вклад в свержение Николая II внесли, однако, не агенты, а военные. Осенью 1916 года германские части были глубоко на территории царской империи. Сотни тысяч русских солдат погибли. И под тяжестью войны русская экономика развалилась»⁸. Непредубежденный читатель без труда заметит здесь существенное отличие от нашей современной публицистики в объяснении причин падения царской монархии в России.

Ну а что же нового сообщает статья «Революционер его Величества» о самом Ленине? По большому счету — ничего, и авторы,

⁵Ibid. S. 38.

⁶Бьёркегрен Ханс. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917 гг. М., 2007. С. 484.

⁷Revolutionär Seiner Majestät. S. 39–40.

⁸Ibid. S. 42.

входя даже в явное противоречие с интригующим названием своей статьи, признают, что Вильгельм II узнал о поездке Ленина через Германию в Россию из прессы (!). Расценивая возвращение Ленина в Петроград в апреле 1917 г. как самую большую помощь Германии большевикам в их приходе к власти, они вместе с тем высказывают определенные сомнения в правдивости утверждения статс-секретаря МИД Германии Р. Кюльмана о том, что без немецкой помощи большевистское движение не получило бы такого размаха в 1917 г.⁹

Говоря о победе Ленина в октябре 1917 г., авторы статьи высказывают мнение, что он «взял верх, может быть, даже по договоренности с немцами», и ссылаются в качестве доказательства на дневник одного из берлинских экспертов, который прервал свою командировку «из-за предстоящей большевистской революции». Других аргументов в данном случае, видимо, не нашлось.

Хотя по ознакомлении со статьей «Революционер его Величества» вряд ли можно согласиться с заявленным в ней тезисом о том, что неизвестные до сих пор документы подтверждают масштабы тайного сотрудничества между Лениным и Вильгельмом II, нельзя не отметить, что ее авторы в отличие от наших «новаторов-публицистов» не опускаются, как правило, до использования сомнительных источников — «Немецко-большевистской конспирации», «Документов русской контрразведки» и др.

Как я пытался показать в своей книге, правящие круги Германии были готовы в целях выведения России из войны на стороне Антанты финансировать и действительно финансировали любых противников как царского, так и Временного правительства. Но степень вовлеченности политических партий и их лидеров в этот подрывной процесс была различной и может быть определена только на основе строго установленных фактов, а не на утверждениях «так могло быть». Опубликованные в конце 50-х годов немецкие документы дают возможность утверждать, что Германия сделала ставку в своей подрывной работе против России на русских радикальных социалистов, в первую очередь на большевиков во главе с Лениным. Однако интересы и цели той и другой стороны не только совпадали, но и существенно расходились, а в их контактах, глубоко законспирированных и строго засекреченных, ведущей стороной

⁹ Ibid. S. 45–46.

была Германия. Отсюда появление множества догадок и предположений, версий и слухов.

Только в 1921 г. известный социал-демократ Э. Бернштейн, бывший одно время в составе германского правительства в качестве заместителя министра финансов, попытался приоткрыть плотную завесу таинственности и секретности. В опубликованной 14 января 1921 г. в газете «Форвертс» статье «Темная история» он писал: «Антанта утверждала и утверждает до сих пор, что кайзеровская Германия предоставила Ленину и товарищам большие суммы денег, предназначенных на агитацию в России. Действительно, Ленин и его товарищи получили от кайзеровской Германии огромные суммы. Через одного друга я осведомился об этом у некоего лица, которое в силу своих связей с различными учреждениями, должно было быть в курсе дела, и получил утвердительный ответ. Правда, тогда я не знал размера этих сумм и кто был посредником при их передаче. Теперь я получил сведения от заслуживающего доверия источника, что речь идет о суммах почти неправдоподобных, наверняка превышающих 50 миллионов немецких золотых марок, так что ни у Ленина, ни у его товарищей не могло возникнуть никаких сомнений относительно источников этих денег». Статья Бернштейна вызвала протесты немецких коммунистов, обвинивших его в клевете и потребовавших официального ответа у германского МИД по вопросу о финансировании Ленина, но МИД по существу ушел от ответа. Однако Бернштейн продолжал настаивать на своем обвинении и опубликовал вторую статью — «Немецкие миллионы Ленина». В ней он, в частности, обращал внимание на то, что МИД в ответ на запрос коммуниста В. Дювеля относительно полученных Лениным 50 млн марок заявил, что в его документах нет никаких свидетельств о согласии МИД на поддержку Ленина и его сторонников немецкими военными властями. «Этот ответ, — писал Бернштейн, — отрицает то, чего я не утверждал, зато тщательно обходит всякое высказывание о том, соответствует ли в действительности или нет сказанное мною... В ответе даже не сказано, что министерству ничего не известно об этом деле. В ответе лишь говорится, что в документах МИД на эту тему ничего нет. Но на войне происходит множество событий, которые никоим образом не отражаются в документах правительственных учреждений». Бернштейн обещал, в свою очередь, обратиться с запросом к рейхстагу для того, чтобы это дело было рассмотрено в уско-

ренном порядке в комитете по расследованию возникновения войны¹⁰.

Однако это обещание осталось тогда не выполненным, поскольку в обсуждении такой деликатной проблемы было не заинтересовано слишком много людей, прежде всего в правительственных кругах. «Не приходится удивляться, — комментирует Ю. Фельштинский, — что так всех заинтриговавший вопрос остался безответным, а Бернштейн, равно как и немецкие коммунисты, предпочли не настаивать на создании комиссии расследования вопроса о германских золотых марках»¹¹. В 1923 г. Бернштейн встретился с Керенским и после обмена информацией относительно «немецкого золота» открыл ему причину, по которой не удалось довести дело до конца. После публикации его сенсационной статьи о 50 млн марок Ленина, рассказывал Бернштейн, его вызвал президент Германии Ф. Эберт и в присутствии министра иностранных дел и других высших государственных чиновников, а также представителей вооруженных сил предупредил, что «если он опубликует еще хоть одну статью по этому вопросу, то будет обвинен в измене»¹². Как видно, в Германии умели хранить государственные тайны, если этого требовали политические интересы страны.

Хранила молчание и советская сторона, которая к этому времени сполна расплатилась за «немецкое золото» российским. В этом признался В. И. Ленин, выступая 12 марта 1919 г. в Таврическом дворце с докладом о внешней и внутренней политике Совнаркома. Отвечая на записки и вопросы, он сделал сенсационное заявление: «Мы заплатили немецким империалистам золото, по условиям Брестского мира мы обязаны были это сделать. Теперь страны Антанты отнимают у них это золото — разбойник победитель отнимает у разбойника побежденного»¹³. Как уже отмечалось выше, в сентябре 1918 г. в Германию было отправлено два «золотых эшелона», в которых находилось 93,5 тонны «чистого золота» на сумму свыше 120 млн золотых руб. Но золото, которое Германия успела получить от Советской России, не пошло ей впрок: по протоколу от

¹⁰ Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. Лондон, 1992. С. 47.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 376.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 13–14.

1 декабря 1918 г. капитулировавшая Германия передавала Франции 93 тонны 542 кг «ленинского» золота»¹⁴. Опубликованная 7 декабря 1918 г. в «Известиях ЦИК» радиограмма из Берлина гласила, что правительство Германии отправило в Париж полученное «русское золото» стоимостью около 120 млн золотых руб. Попав в банк Франции, это золото оказалось навсегда утраченным для России.

Еще многие миллионы были потрачены большевистским руководством на то, чтобы раздуть пожар мировой революции. И здесь опять особые надежды связывались с Германией. Выступая 22 октября 1918 г. с докладом о внешней политике на заседании ЦИК, Ленин, указав на образование в Германии военно-революционных комитетов, делал вывод о непосредственной близости международной революции¹⁵. В связи с этим историк Ю. В. Готье записал в своем дневнике 23 октября 1918 г.: «Странную речь произнес Ленин в ЦИКе: с одной стороны, говорил он, мы трещим, с другой — мы победим с помощью германских и болгарских товарищей; что это, сознательный обман или бессознательное самообольщение? Однако одним дышит эта речь: беспросветной немецкой ориентацией; для Ленина Германия остается пупом земли, если не империалистическим, то революционным, и вся сволочь, слепо идущая за ним, уже непоколебимо верует, что вся та же Германия — на этот раз большевистская — решит судьбу мира»¹⁶.

Еще не порвав с Брестским миром, большевики помогали германской революции тайно, финансируя более десяти левых социал-демократических газет, распространяя в Германии антивоенную и антиправительственную литературу, отпечатанную в Советской России. Большевистским правительством был основан фонд в 10 млн руб., находившийся на попечении депутата рейхстага Оскара Кохна, а в самой Германии было закуплено на 100 тыс. марок оружия для организации восстания¹⁷. Но провозглашенная в феврале 1919 г. Баварская Советская республика просуществовала всего несколько месяцев, и коммунистическая революция в Германии, на которую возлагалось столько надежд, была подавлена. Однако это не охладило пыл ревностных сторонников германской революции в Советской России. И здесь достойным продолжателем дела

¹⁴ *Сироткин В. Г.* Зарубежное золото России. М., 1999. С. 106.

¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 111–125.

¹⁶ *Готье Ю. В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 149.

¹⁷ *Фельштинский Ю.* Указ. соч. С. 527–528.

Ленина стал его преемник И. В. Сталин. Выступая 21 августа 1923 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) он говорил: «Либо революция в Германии провалится и побьют нас, либо там революция удастся, все пойдет хорошо, и наше положение будет обеспечено. Другого выбора нет»¹⁸. В дни наивысшего подъема революционного движения в Германии Политбюро на своем заседании 4 октября 1923 г. приняло решение об организации вооруженного восстания, назначив его на 9 ноября 1923 г. и увеличив в этих целях особый фонд на 500 тыс. золотых руб.¹⁹ На закупку и ввоз оружия, на командировки руководителей и инструкторов восстания было затрачено более 60 млн золотых руб., но «Октябрьская» революция в Германии так и не состоялась. Это еще раз подтвердило, что для революции недостаточно одного золота, необходимы еще и внутренние социальные, политические и психологические условия.

В равной степени это относится и к роли «немецкого золота» в Русской революции. В течение длительного времени западная историография отстаивала тезис о германском происхождении Октябрьской революции, располагая в качестве главного доказательства «Документами Сиссона». Только после публикации в конце 50-х — начале 60-х годов документов МИД Германии 1915–1918 гг. началось серьезное изучение проблемы финансирования Германией в годы Первой мировой войны большевиков и других политических партий России. Однако полагать, что эта проблема закрыта, как мне представляется, пока преждевременно, так как опубликованные документы носят фрагментарный характер и оставляют много вопросов. К сожалению, архивы Военного министерства и Разведывательного отделения Генерального штаба Германии, документы которых могли бы пролить свет на многое, полностью погибли. Поэтому необходима кропотливая исследовательская работа по ликвидации «белых пятен» этой проблемы, и, конечно, требуется время, чтобы объективно оценить значение имеющейся в документах информации, а не искать в них только то, что очень хочется найти в соответствии со своими политическими пристрастиями. Пока же наши «правдоискатели» не ушли дальше обвинений большевиков в получении сотен миллионов и даже миллиардов марок, на которые якобы и был совершен Октябрьский переворот. Как выяснил еще

¹⁸Источник. 1995. № 5. С. 124.

¹⁹Там же. С. 138.

в 1961 г. немецкий историк, профессор Фриц Фишер, из 382 млн марок, израсходованных Германией к началу 1918 г. на пропаганду и «специальные цели», на долю России приходится немногим более 40 млн марок, т. е. менее 10%. По его же оценке, общая сумма, полученная большевиками от Германии до и после прихода к власти, составляет 80 млн марок золотом²⁰. К сожалению, мы не знаем, на основе каких данных Фишер определил эту сумму, но, по крайней мере, можно с полным основанием считать, что большая часть этой суммы была получена после 25 октября 1917 г., когда Германия была крайне заинтересована в поддержке большевистского правительства и оказывала ему финансовую помощь, позволяя удержаться у власти.

Весьма вероятно, что на большевиков «записаны» и те финансовые средства, которые получали от Германии другие политические группы и лица как до Октябрьской революции, так и после. Об этом, в частности, свидетельствует и опубликованная переписка германского посла в Москве Мирбаха и его сотрудников с Берлином, выступавших за финансирование других политических сил в случае свержения большевистского правительства. Что же касается выделенных Министерством финансов Германии в июне 1918 г. на расходы в России 40 млн марок, занесенных некоторыми авторами без всяких оговорок на баланс большевиков, то, по мнению авторитетных исследователей, они вообще могли не дойти до Москвы в связи с убийством Мирбаха и последующим развитием событий²¹. Таким образом, названная еще в 1919 г. членами рейхстага социал-демократами Э. Бернштейном и М. Эрцбергером сумма в 50–60 млн марок, полученных большевиками от Германии, остается до сих пор ни опровергнутой, ни подтвержденной документально. Следовательно, поиски «немецкого золота» большевиков должны быть продолжены. Но при этом они не должны увести нас от существования проблемы «Русская революция и “немецкое золото”».

Признавая сегодня факт финансовой поддержки большевиков Германией и опираясь только на документы, наиболее объективные историки как в России, так и на Западе не склонны придавать этому факту решающее для судьбы Русской революции значение. Если оставаться на позициях историзма, то эта революция име-

²⁰ Fisher F. Griff nach der Weltmacht // Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland. 1914–1918. Düsseldorf, 1961. S. 127, 176.

²¹ Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 430.

ла глубокие внутренние причины, многократно усиленные Первой мировой войной. Большевики пришли к власти на волне народного протеста против социальной политики Временного правительства, разрастающейся в стране анархии и начавшегося распада государства. Но они не только выдвинули лозунги, отражавшие чаяния рабочих, солдат и крестьян, но и, придя к власти, приняли основополагающие для народа Декреты о мире и о земле, «Декларацию прав народов России». Именно поэтому Октябрьский переворот имел глубокий социальный смысл и стал неотъемлемым этапом Великой Российской революции. Не только объективные исследователи, но и многие представители оппозиционных большевикам сил, осмысливая впоследствии события того времени, были склонны видеть главную причину победы большевиков в октябре 1917 г. в их умении использовать развязанные революцией стихийные силы. «Только фантазеры могли думать, что находящаяся в таком состоянии страна способна воевать, что совершившая переворот армия покорно откажется от активного участия в последовавшей за ним жизни страны и послушно пойдет за вечно колеблющейся и нерешительной властью, — писал в своих воспоминаниях член Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове фон Раупах. — Логика жизни терпит, однако, колебания недолго и в конце концов властно требует поворота на определенную дорогу, производя этот поворот тем круче, чем длительнее были колебания и нерешительность. Поворот этот совершил В. Ленин. Из всех политических деятелей он один здравым умом своим сразу учел революцию как результат стихийного движения масс, явившегося следствием поражения. Дух народа он уловил много вернее Милюкова и Керенского, и поняв, что с волей его, какова бы она ни была, необходимо считаться как с фактором неизбежным — стал гением русской революции»²². Если принять во внимание, что это признание сделано активным участником белого движения, не примирившимся с большевизмом и в эмиграции, то над ним стоит задуматься даже и тем, кто главным виновником Русской революции считает Германию.

²² Раупах Р. Р. фон. *Facies Hippocratica*. (Лик умирающего). СПб., 2007. С. 290.

Научное издание

Геннадий Леонтьевич Соболев

**ТАЙНЫЙ СОЮЗНИК
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГЕРМАНИЯ
1914–1918**

Редактор *И. П. Комиссарова*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Корректор *Е. А. Стерлина*
Верстка *И. М. Беловой*

Подписано в печать 24.02.2009. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,67. Заказ № 77

Издательство СПбГУ.

199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел.; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: izdat-spbgu@meil.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41